

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

На правах рукописи

АПРЕСЯН Валентина Юрьевна

МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛОЖНЫХ
ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва

2014

ВВЕДЕНИЕ.....	8
РАЗДЕЛ I. Образование и взаимодействие значений: семантический класс уступительности.....	32
II.0. Введение.....	32
Раздел I, Глава 1. Уступительность как сложный системообразующий смысл.....	40
I. 1.1. Уступительность как фигура речи и как смысл.....	40
I.1.2. Поиски семантического инварианта уступительности.....	45
I.1.2.1. Уступительность и причина.....	45
I.1.2.2. Уступительность и условие.....	46
I.1.2.3. Предлагаемый семантический инвариант уступительности.....	48
I.1.2.3.1. Указание на общие законы мироустройства в значении уступительности.....	48
I.1.2.3.2. Контрпримеры к каузальному анализу уступительности.....	50
I.1.2.3.3. Предлагаемое толкование союза <i>хотя I</i>	54
I.1.3. Уступительность и противительность (<i>хотя I</i> и <i>но</i>).....	58
I.1.3.1. Толкования <i>хотя I</i> и <i>но</i> «ненормального следствия».....	59
I.1.3.2. «Общие принципы» как фактор в употреблении <i>но</i> , <i>хотя I</i> и <i>несмотря на</i>	61
Раздел I, Глава 2. Семантический инвариант уступительности как основа семантической структуры уступительных слов и выражений.....	68
I.2.1. Синтаксические модификации уступительного значения.....	68
I.2.1.1. Конверсия.....	68
I.2.1.2. Добавление валентностей.....	70
I.2.2. Семантические наращивания уступительного значения.....	71
I.2.2.1. Нарращение гипотетичности.....	72
I.2.2.2. Нарращение желательности.....	75
I.2.2.3. Нарращение степени.....	77
Раздел I, Глава 3. Семантическая структура и взаимодействие смыслов в основных уступительных единицах.....	79
I.3.1. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация P, вторая валентность — это ситуация Q.....	80
I.3.1.1. Семантика синонимов <i>хотя I</i> , <i>хоть I</i> , <i>несмотря на</i> , <i>невзирая на</i>	80
I.3.1.2. Семантика синонимов <i>несмотря ни на что</i> и <i>даром что</i>	84
I.3.1.3. Семантика синонимичных синтаксических конструкций вида <i>к-местоимение + ни</i> и <i>при всём X-е</i>	87
I.3.1.4. Семантика синонимов <i>как бы то ни было</i> , <i>как ни крути</i> , <i>как ни верти</i> , <i>что (там) ни говори</i>	90
I.3.1.5. Семантика синонимов <i>хоть 5</i> , <i>пусть 3</i> , <i>пускай 3</i> , <i>пусть даже</i> , <i>даже если 2</i> , <i>если и 2</i> , <i>хотя бы 3</i> , <i>хоть бы 3</i>	93
I.3.1.6. Семантика синонимов <i>пусть 2</i> , <i>пускай 2</i> , <i>(ну) ладно 5</i> , <i>так и быть</i>	96
I.3.1.7. Семантика синонимов <i>в то время как 3</i> , <i>между тем как 3</i> , <i>тогда как 2</i>	99

I.3.2. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация Q, вторая валентность — это ситуация P	102
I.3.2.1. Семантика синонимов <i>всё-таки 1, всё же 1, всё равно 3, тем не менее</i>	102
I.3.2.2. Семантика синонимов <i>в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всём том</i>	109
I.3.3. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация R, вторая валентность — это ситуация Q, третья валентность — это ситуация P.....	112
I.3.3.1. Семантика синонимов <i>как-никак 1, все-таки 2, все же 2</i>	112
I.3.3.2. Семантика синонимов <i>добро бы, пускай бы, ладно бы</i> . Семантика синонимов <i>(еще) куда ни шло, еще туда-сюда</i>	115
Раздел I, Глава 4. Взаимодействие смыслов в нестандартных уступительных конструкциях ..	120
I.4.0. Введение	120
I.4.1. Композициональность и некомпозициональность в нестандартных конструкциях (на примере конструкции <i>при всём X-е P</i>).....	128
I.4.2. Конструкция <i>при всём X-е P</i>	129
I.4.2.1. Семантика конструкции <i>при всём X-е P</i>	129
I.4.2.1.1. Частичная некомпозициональность конструкции <i>при всём X-е P</i>	130
I.4.2.1.2. Отрицательная поляризованность конструкции <i>при всём X-е P</i>	134
I.4.2.1.3. Градуируемость X в конструкции <i>при всём X-е P</i>	135
I.4.2.2. Синтаксис конструкции <i>при всём X-е P</i>	139
I.4.2.2.1. Вводность конструкции <i>при всём X-е P</i>	139
I.4.2.2.2. Анафоричность конструкции <i>при всём X-е P</i>	140
I.4.2.3. Прагматика конструкции <i>при всём X-е P</i>	143
I.4.2.3.1. Идея нарушения ожиданий в конструкции <i>при всём X-е P</i>	143
I.4.2.3.2. Типы ожиданий в конструкции <i>при всём X-е P</i>	144
I.4.2.3.3. Фразеологические реализации конструкции <i>при всём X-е P</i>	156
I.4.2.3.4. Антропоцентричность и оценочность конструкции <i>при всём X-е P</i>	160
I.4.2.4. Общие свойства нестандартных конструкций	161
I.4.3. Семантические взаимодействия при заполнении валентностей нестандартных конструкций (на примере уступительной конструкции <i>к-местоимение + ни X, P</i>)	164
I.4.4. Конструкция <i>к-местоимение Y ни X, P</i>	166
I.4.4.1. Реализации с разными <i>к-местоимениями</i> : интерпретация ‘любого варианта’ и ‘уступительности’	170
I.4.4.2. Заполнение валентности X.....	174
I.4.4.3. Реализации <i>как ни + Adj (Adv)</i>	175
I.4.4.4. Реализации <i>как ни + V</i>	189
I.4.4.5. Другие реализации конструкции <i>к-местоимение + ни X, P</i>	195
I.4.4.5.1. <i>Что ни X, P</i>	197
I.4.4.5.2. <i>Кто ни X, P</i>	201

I.4.4.5.3. Куда ни X, P	203
I.4.4.5.4. Реализация откуда ни X, P	207
I.4.4.5.5. Реализация где ни X, P	208
I.4.4.5.6. Реализация когда ни X, P	210
I.4.4.5.7. Реализация сколько ни X, P	211
I.4.4.5.8. Реализация какой ни X, P	214
I.4.5. Сочетаемость других нестандартных конструкций	217
Раздел I, Глава 5. Уступительность в кругу родственных языковых концептов	221
I.5.1. Полисемия уступительных единиц	221
I.5.2. Парадигматические связи уступительных лексем и взаимодействие семантических компонентов в их значениях	225
I.5.2.1. Семантика синонимов <i>только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2</i>	229
I.5.2.2. Семантика синонимов <i>по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3</i>	231
I.5.3. Уступительность в контексте ‘компенсации’ и ‘оговорки’	236
I.5.3.1. Семантика синонимов <i>хотя 2 (и), хоть 2 (и), правда 7</i>	237
I.5.3.2. Семантика синонимов <i>зато</i> и <i>(вот) только 4</i>	242
Раздел I, Глава 6. Семантические связи уступительности: диахрония и полисемия	254
I.6.1. Развитие уступительного значения у слов со значением соответствия действительности	254
I.6.2. Слова со значением ‘малого количества и степени’	269
I.6.3. Слова со значением ‘уступительности’ в контексте смыслов ‘количество/степень’ и ‘соответствие/ несоответствие действительности’	280
Раздел I, Глава 7. Уступительность в Активном словаре	283
I.7.1. Словарная статья ХОТЯ	284
I.7.2. Словарная статья ХОТЬ	286
I.7.3. Словарная статья ХОТЯ БЫ	293
I.7.4. Словарная статья ХОТЬ БЫ	296
I.7.5. Словарная статья ТОЛЬКО БЫ	299
I.7.6. Словарная статья ЛИШЬ БЫ	300
I.7.7. Словарная статья ПУСТЬ	303
I.7.8. Словарная статья ПУСКАЙ	307
I.7.9. Словарная статья ВСЁ ЖЕ	311
I.7.10. Словарная статья ВСЁ-ТАКИ	313
I.7.11. Словарная статья ВСЁ РАВНО	315
I.7.12. Словарная статья ПРАВДА	316
РАЗДЕЛ II. Образование и взаимодействие значений: семантический класс эмоций	327
II.0. Введение	327
Раздел II, Глава I. Кластерный подход к семантической типологии эмоций	329

II.1.1. Проблемы универсальности и лингвоспецифичности	329
II.1.2. Сознание и язык	332
II.1.3. Эмоциональная метафора	337
II.1.4. Метод кластерного сравнения	346
Раздел II, Глава 2. Семантическая типология эмоций в русском и английском языках	356
II.2.1. Общие семантические тенденции в устройстве эмоциональных кластеров в русском и английском языках	356
II.2.2. Кластер 'СТРАХ' в русском и английском языках	361
II.2.3. Кластер 'ГНЕВ' в русском и английском языках	367
II.2.4. Кластер 'ОБИДА' в русском и английском языках	379
II.2.5. Кластер 'ГРУСТЬ' в русском и английском языках	387
II.2.6. Кластер 'РАДОСТЬ' в русском и английском языках	396
II.2.7. Кластер 'ОТВРАЩЕНИЕ' в русском и английском языках	402
II.2.8. Кластер 'ЖАЛОСТЬ' в русском и английском языках	405
II.2.9. Кластер 'СТЫД' в русском и английском языках	411
Раздел II, Глава 3. Эмоциональный этикет в русском и английском языках	417
II.3.1. Методы межъязыкового исследования эмоционального этикета	417
II.3.1.1. Трудности межъязыкового сравнения эмоций	417
II.3.1.2. Кластерное сравнение	419
II.3.1.3. Тестовые конструкции	426
II.3.1.4. Параметры корпусного исследования	433
II.3.2. Результаты исследования эмоционального этикета в русском и английском языках	436
II.3.2.1. Общие тенденции в эмоциональном этикете	438
II.3.2.2. Контрасты в эмоциональном этикете	443
II.3.3. Исследование в контексте других теорий	448
II.3.4. Возможные направления будущих исследований	451
Раздел II, Глава 4. Валентности русских глаголов со значением эмоций	473
II.4.1. Введение	473
II.4.2. Отсутствие стандартного способа оформления Стимула у эмотивных глаголов	480
II.4.2.1. <i>Что</i> -предложение с путативными эмоциональными глаголами	481
II.4.2.2. <i>Что</i> -предложение с фактивными эмоциональными глаголами	484
II.4.3. Валентности у разных типов глаголов со значением эмоции	488
II.4.3.1. Эмоции как реакции на события	488
II.4.3.1.1. Хорошие события	488
II.4.3.1.2. Плохие события	492
II.4.3.2. Эмоции-отношения, вызванные поступками	495
II.4.3.2.1. Эмоции-отношения, вызванные хорошими поступками	495

II.4.3.1.2. Эмоции-отношения, вызванные плохими поступками	496
II.4.3.3. Эмоции хорошего отношения, вызванные плохими событиями	502
II.4.3.4. Эмоции отношения к себе.....	503
II.4.3.4.1. Эмоции хорошего отношения к себе	503
II.4.3.4.2. Эмоции плохого отношения к себе	505
II.4.3.5. Эмоции ожидания	506
II.4.4. Заключение.....	508
РАЗДЕЛ III. Взаимодействие значений в пределах одной языковой единицы.....	510
Раздел III, Глава 1. Синкретичные смыслы: время и пространство в значении дейктического маркера тут	512
III.1.0. Введение.....	512
III.1.1. Полисемия <i>тут</i> и <i>здесь</i>	515
III.1.1.2. Сочетаемость <i>здесь</i> в разных значениях	516
III.1.1.3. Сочетаемость <i>тут</i> в разных значениях.....	517
III.1.1.4. Ситуативные значения <i>тут</i> и <i>здесь</i>	521
III.1.1.4. Временные значения <i>тут</i>	522
III.1.1.4.1. Таксисное значение <i>тут</i>	523
III.1.1.4.1.1. Следование	524
III.1.1.4.1.2. Немедленность следования.....	525
III.1.1.4.1.3. Единство времени и места (синкретизм).....	526
III.1.1.4.1.4. Неожиданность	527
III.1.1.4.2. Отличие <i>тут</i> в таксисном значении от <i>тут</i> в значении близости к моменту речи. 531	
III.1.1.5. Тут и сейчас	533
III.1.1.6. Временные значения <i>здесь</i>	540
III.1.1.6.1. Таксисное значение <i>здесь</i>	540
III.1.1.6.2. <i>Здесь</i> как показатель близости к моменту речи.....	544
III.1.2. Заключение	544
Раздел III, Глава 2. Взаимодействие семантики и прагматики в синтаксической фраземе X в X.....	546
III.2.0. Введение.....	546
III.2.1. Семантика синтаксической фраземы X в X.....	550
III.2.1.1. Три интерпретации фраземы X в X	551
III.2.1.2. Реализации фраземы X в X по Основному корпусу НКРЯ	553
III.2.1.3. Факторы, определяющие выбор интерпретации	556
III.2.2. Прагматика синтаксической фраземы X в X	558
III.2.2.1. Непунктуальность или «перст судьбы»	560
III.2.2.2. Английская фразема to the X: иные прагматические ожидания	561

Раздел III, Глава 3. Влияние смысла ‘контроль’ на структуру значения каузативов и интерпретативов	566
III.3.0. Введение.....	566
III.3.1. Агентивные физические каузативы.....	568
III.3.1.1. Семантические классы агентивных физических каузативов	571
III.3.1.2. Семантическая структура разных типов агентивных физических каузативов.....	572
III.3.2. Агентивные эмоциональные каузативы	573
III.3.2.1. Вид каузативного глагола.....	576
III.3.2.2. Тип конструкции с каузативным глаголом	577
III.3.2.2. Степень контроля, конативность и сфера действия отрицания у эмоциональных каузативов	578
III.3.2.2.1. Тесты на конативность каузатива	580
III.3.2.2.2. Конативные каузативы в разных типах эмоций	581
III.3.2.2.3. Семантическая структура разных типов эмоциональных каузативов.....	589
III.3.3. Интерпретативы.....	593
III.3.4. Соотношение аспектуальных классов по М.Я.Гловинской и деления предикатов на семантические типы по степени контроля.....	598
III.3.5. Заключение	601
Список используемой литературы.....	610

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию образования и взаимодействия разных типов сложных значений в языке – значений семантических классов, значений многозначных вокабул, значений отдельных конструкций и лексем и, наконец, семантических компонентов внутри значения одной лексемы. В исследовании также рассматриваются вопросы языковой прагматики, связанные с функционированием лексических и грамматических единиц в реальном узусе.

Поиск адекватных и универсальных методов описания значения – одна из основных задач семантики, и на протяжении всего существования семантики как отдельной области языкознания подходы к описанию значения менялись. **Степень разработанности** темы данного исследования можно охарактеризовать следующим образом.

В настоящее время существует немалое количество семантических теорий, большинство из которых имеет свою область применения и свои ограничения.

Так, логические и математические подходы (семантика условий истинности Тарского и Дэвидсона [Tarski 1944, Davidson 1967], грамматика Монтегю [Montague 1970] и основанные на них современные методы формальной семантики [см. обзор в Partee 2004:1-25], апробированные на материале определенного класса лингвистических задач (например, описания кванторов и анафоры), практически неприменимы при описании значений конкретных предикатов или имен, а также при анализе предложений со сложной иллокутивной функцией, не в последнюю очередь из-за ограничений, налагаемых формальным языком записи значения.

Весьма узкой областью применимости характеризуется и популярный в 60-е и 70-е годы XX века метод компонентного анализа [Katz, Fodor 1963], основанный на описании семантических полей при помощи интегральных (объединяющих) и дифференциальных (различающих) признаков, о котором принято говорить в первую очередь в связи с анализом терминов родства [Goodenough 1956, Hjelmslev 1961]. Метод компонентного анализа в своем исходном виде в настоящее время не используется; его разбор и критику можно найти во многих работах; ср. [Апресян 1995а:6-35, Schneider 2009,

Goddard, Wierzbicka 2013]. Хотя компонентный анализ, безусловно, чрезмерно упрощает языковую действительность и не обладает достаточной объяснительной силой, принцип структуризации семантических полей на основе общих и различающих признаков до некоторой степени полезен для решения всякого рода вспомогательных семантических задач (например, построения семантической разметки для корпусов, лексикографического описания синонимии, первоначального сбора данных в полевом исследовании).

Методы теории прототипов, предложенной Элизабет Рош [Rosch 1973], а также близкой ей теории когнитивной семантики (основные положения которой сформулированы в работах [Fillmore 1968, 1976, Lakoff 1987, Langacker 1987, Talmy 2000] и некоторых других), существенно расширяют круг рассматриваемых в семантике явлений. Опираясь на понятия «прототипа», «категорий базового уровня», «концепта», «фрейма», «фона», «фигуры» и ряда других, эти подходы создают возможность описания и визуализации структуры семантических полей (особенно конкретных имен – фруктов, птиц и т.п., глаголов со значением физических действий, прилагательных со значением физических признаков), значений грамем, аргументной структуры предикатов, структуры полисемии отдельных слов (особенно метафоры и метонимии), а также объясняют ряд сочетаемостных явлений, связанных с взаимодействием значений. Однако перечисленные семантические теории не ориентированы на последовательное описание масштабных и разнородных лексических и грамматических классов на семантически прозрачном метаязыке. Это затрудняет решение некоторых исследовательских и практических задач, например, задачи установления зависимости между семантикой языковой единицы и ее прочими языковыми свойствами, или же создания ее лексикографического описания.

Установка на естественный (в противоположность логическому и формальному) и семантически прозрачный метаязык описания значения существует в идеологически близких теориях семантических примитивов Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1972, 1980, 1996]¹ и в концепции «Смысл-Текст» Мельчука и Жолковского [Мельчук 1974, Мельчук, Жолковский 1984, Апресян 1974, 1995], в которых развивается метод семантического описания с опорой на аналитические толкования. Обе теории ориентированы на семантическое описание массового и разнородного языкового

---

¹ Естественный Семантический Метаязык – ЕСМ.

материала, в частности, как лексической, так и грамматической семантики (в связи с последней см., например, работы М.Я. Гловинской по семантике русского вида [Гловинская 1982, 2001]); обе теории проверялись на разноязычном материале.

Поскольку методы данного исследования в большой мере базируются на этих двух теориях, мы обсудим их более подробно.

В работах Анны Вежбицкой и ее последователей семантика любых языковых единиц описывается посредством разложения сложных смыслов на ограниченное число элементарных (т.е. не-толкуемых) смыслов (семантических примитивов), которые предполагаются лингвистически универсальными. Наличие или отсутствие того или иного примитива в толковании проверяется посредством лингвистических тестов – возможности или невозможности употребления слова в том или ином контексте.

Для теории ЕСМ выработка универсального семантического метаязыка, применимого к анализу любых языков, является первоочередной задачей, и работы Вежбицкой и ее последователей направлены в первую очередь на межъязыковое сравнение. Именно непонятность, неестественность, а также не-универсальность и «англоцентричность» метаязыка, применяемого в прочих семантических теориях, является основным объектом возражений сторонников ЕСМ. В их работах методы теории прототипов, а также формальной и когнитивной семантики подвергаются последовательному и критическому разбору [Goddard, Wierzbicka 2013].

Методы теории ЕСМ показали свою применимость к самым разным семантическим классам. В работах самой Анны Вежбицкой сформулированы точные семантические описания многих грамматических и лексических классов единиц. В их число входят такие грамматические категории, как падежи, род, виды глагола, некоторые синтаксические конструкции, и такие лексико-семантические классы, как глаголы речи, слова со значением эмоций, цветообозначения, природные объекты и пр. При этом некоторые единицы подвергаются контрастивному семантическому анализу сразу в нескольких языках, включая английский, русский, польский, японский, французский, немецкий, и другие [Wierzbicka 1980, 1987, 1988, 1991, 1997, 1999]. В трудах ее последователей эта работа по сравнительному семантическому анализу в терминах примитивов, особенно применительно к семантическому классу эмоций распространяется на многие другие, типологически и генетически различные, языки [Harkins, Wierzbicka 2001].

Однако семантический анализ в рамках ЕСМ, при всех своих достоинствах, к числу которых следует в первую очередь отнести относительно простую переводимость семантического метаязыка с английского на другие языки, а также высокое качество семантических описаний, имеет и некоторые ограничения.

С одной стороны, эти ограничения носят теоретический характер.

Во-первых, несмотря на весьма представительное описание различных семантических классов, достаточное для иллюстрации действенности толкований на ЕСМ и для получения общего представления о составе классов, нет ни одного семантического класса, в котором были бы описаны или хотя бы упомянуты все выражающие его языковые средства.

Во-вторых, анализ значений слов в терминах семантических примитивов и установка на полную уникальность и неперевоаемость каждой лексической единицы не всегда способствует получению правильной информации о структуре семантического класса, поскольку подталкивает к преувеличению различий между семантически близкими словами.

В частности, установка на семантическую декомпозицию до уровня семантических примитивов за один шаг анализа практически уничтожает понятия синонимии, антонимии, конверсии и гиперонимии, а эти понятия структурируют семантическое пространство и обладают большой объяснительной силой. Дело в том, что семантическая общность часто пролегает на более высоком уровне семантического представления, чем уровень примитивов, а в подавляющей массе работ этого направления толкования через «промежуточные» понятия (более сложные, чем примитивы, но менее сложные, чем само толкуемое значение) не используются. Вообще, представляется, что декомпозиция значения слова сразу до уровня примитивов не всегда отражает языковую реальность. Значения слов могут «складываться» в сознании говорящих и из более крупных семантических блоков, не являющихся примитивами, однако выступающих, по формулировке Ю.Д.Апресяна, в качестве «системообразующих смыслов» [Апресян 2001, 2005:12-13]. Так называются семантические компоненты любой степени сложности, которые входят в значения большого круга языковых единиц. В качестве примера такого более крупного семантического блока можно привести смысл 'требовать', входящий в значения следующих слов [Апресян 2004в:13]: *бастовать, вызывать (в суд), вымогать,*

забастовка, настаивать, повестка, призвать (кого-л. к порядку), (строго) спрашивать 4 с кого-л., спрашивать 3 (как во фразе Спроси у него документы), ультиматум, шантаж, шантажировать.

Одношаговая декомпозиция значения до уровня семантических примитивов в подобных случаях как минимум затрудняет задачу выделения общего семантического компонента у интуитивно содержащих его слов. Таким образом, описание, выполненное исключительно в терминах семантических примитивов, не всегда способно отразить представление об организации семантической системы языка в целом, о семантических, в первую очередь гипонимических и гиперонимических связях между словами, о семантической иерархии, а также о семантических классах слов.

Кроме системообразующих смыслов, более крупных, чем семантические примитивы, в системе языка есть семантические единицы, более мелкие, чем семантические примитивы. Это такие смыслы, которые не могут быть вербализованы ни одним словом данного естественного языка, хотя в его семантической системе они выполняют не менее важную системообразующую функцию, чем семантические примитивы и «промежуточные» смыслы типа ‘требовать’. Примером являются такие смыслы, как ‘акциональность’ и ‘стативность’. Это семантические признаки, которые не могут быть включены непосредственно в толкование данной лексической или грамматической единицы, но должны фигурировать в ее более полном семантическом описании, так как отвечают за многие свойства этой единицы, например, сочетаемостные. Например, существительные, содержащие в значении системообразующий смысл ‘акциональность’, сочетаются с иными лексико-функциональными глаголами, нежели те, которые содержат системообразующий смысл ‘стативность’ [Апресян 2005:12-13]: ср. *оказывать* давление vs. *иметь* авторитет, при невозможности **оказывать* авторитет и **иметь* давление. Существительные, относящиеся к семантическому классу ‘инструменты’, противопоставлены существительным класса ‘приспособления’ своей способностью употребляться в субъектной конструкции со значением свойства с глаголом в форме НЕСОВ и оценочным наречием: ср. *Нож хорошо режет, Топор хорошо рубит* vs. **Крючок хорошо вяжет, *Циркуль хорошо чертит* [Fellbaum, Rapoport 2013].

Системообразующими свойствами обладают также конфигурации семантических компонентов, задающих таксономические классы (особенно это характерно для

конкретных имен) – типа ‘одежда’, ‘инструмент’, ‘часть тела’, ‘водоем’, ‘еда’, ‘профессия’ и т.п. Как и более общие, так и более конкретные системообразующие смыслы – это не случайные конфигурации семантических компонентов, а устойчивые и повторяющиеся в значениях многих слов семантические структуры. Наличие в составе языковой единицы того или иного системообразующего смысла или ее принадлежность к определенному таксономическому классу обуславливает не только ее семантические свойства, но и другие языковые особенности, такие как модель управления, сочетаемость, аспектуальные особенности и т.п.

Таким образом, системное описание семантики языка делает необходимым обращение не только к примитивам, но и к некоторым их устойчивым комбинациям, а также некоторым смыслам, более сложным, чем семантические примитивы.

Кроме того, семантические примитивы не всегда могут обеспечить надлежащий уровень тонкости и полноты описания. Приведем некоторые примеры, когда в результате полной семантической декомпозиции утрачиваются некоторые важные представления о значении слова. Рассмотрим предлагаемые А. Вежбицкой толкования слов *frustration* ‘фрустрация’ и *excited* ‘приятно возбужденный’ (Вежбицка 1996: 337, 360):

Frustration

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я хочу сделать что-то

я не могу сделать этого

поэтому этот человек чувствует что-то плохое

X чувствует что-то похожее

Excited

X чувствует что-то

иногда человек думает примерно так:

я знаю: со мной произойдет что-то очень хорошее

я не знал об этом до настоящего момента

я хочу этого

поэтому я хочу что-нибудь сделать

я не могу думать ни о чем другом

поэтому этот человек чувствует что-то хорошее

X чувствует что-то похожее

Для сравнения приведем толкования этих слов из словаря Macmillan English Dictionary [<http://www.macmillandictionary.com>], который в целом, по сравнению с другими английскими словарями, ориентирован на описания на достаточно глубоком уровне семантической декомпозиции:

Frustration ‘an annoyed or impatient feeling that you get when you are prevented from doing what you want’;

Excited ‘very happy and enthusiastic because something good is going to happen, especially when this makes you unable to relax’.

Очевидно, что по уровню соответствия принципу «нельзя толковать сложное через такое же сложное» словарные толкования сильно уступают толкованиям Анны Вежбицкой – смыслы ‘annoyed’, ‘impatient’, ‘prevented’, ‘happy’, ‘enthusiastic’, ‘relax’ достаточно сложны и в некоторых случаях явно не входят целиком в значения толкуемых слов (*excited* нельзя толковать через *happy*, *frustration* нельзя толковать через *annoyed*). Однако макмиллановские толкования ухватывают некоторые особенности чувств *frustration* и *excited*, которые не отражены в толкованиях на языке семантических примитивов.

Что касается чувства *frustration*, толкование Вежбицкой не передает его «сердитого» и «нетерпеливого» характера: компоненты ‘я хочу сделать что-то’, ‘я не могу сделать этого’, ‘поэтому этот человек чувствует что-то плохое’ есть и в ее толковании концепта *despair* ‘отчаяние’ [Вежбицка 1996: 354], которое описывает совершенно иное по природе чувство. Можно себе представить, что Ромео и Джульетта могут испытывать чувство *despair* оттого, что не могут соединиться, однако вряд ли их чувства можно описать словом *frustration*. Таким образом, толкование *frustration* должно каким-то образом включать в себя указание на то, что человек сердится: интуитивно *frustration* – это именно ощущение, что человек сердится или не готов больше терпеть оттого, что у него не получается что-то сделать, а не просто плохое ощущение. Эта интуиция подтверждается сочетаемостью слова *frustration* по данным 11-миллиардного веб-базируемого корпуса enTenTen на ресурсе Sketch Engine [<https://the.sketchengine.co.uk>], из которой видно, что *frustration* – чувство, похожее на *anger* (‘гнев, сердитое чувство’) по своей природе и проявлениям. Так, наиболее

частотные глаголы, при которых *frustration* может быть прямым дополнением – это *express* ‘выражать’ и *vent* ‘извергать, изливать, выпускать (о паре)’ подразумевающие (как и в случае с *anger*), активные или деструктивные проявления чувства; ср. также весьма частотное модифицирующее прилагательное – *pent-up* ‘с трудом сдерживаемый’ (как и для *anger*), указывающее на сходную метафоризацию этих чувств как горячих жидкостей в тесном контейнере (впервые описанную на примере ‘гнева’ в работе [Lakoff, Johnson 1980]). Можно упомянуть и другие факты сочетаемости, указывающие на близость этого чувства агрессивной эмоции *anger*: *frustration boils, bubbles, churns, simmers, seeps, spills* (т.е. ‘кипит’, ‘булькает’, ‘бурлит’, ‘кипит на медленном огне’, ‘вытекает’, ‘выплескивается’); люди, испытывающие *frustration*, могут *growl, grunt, scream, snarl* (т.е. ‘рычать’, ‘ворчать’, ‘вопить’, ‘ощериваться’) и т.п. Таким образом, толкование из словаря Macmillan, хотя и не обладает строгостью толкований на ЕСМ, передает некоторые факты, которые ускользают при описании значения в терминах семантических примитивов; последние подчас не обладают достаточной тонкостью и различительной силой.

Нечто подобное верно и относительно толкования прилагательного *excited*. В его толковании присутствуют те же компоненты, что и в уже упоминавшемся толковании существительного *despair* ‘отчаяние’: ‘я хочу что-нибудь сделать’, ‘я не могу думать ни о чем другом’, второй из которых, как кажется, передает идею поглощенности чувством. Однако характер компонента ‘я хочу что-нибудь сделать’ в *despair* и *excited*, как представляется, совершенно разный. *Despair* - это осознание своего бессилия, и желание что-то сделать здесь носит нереалистический характер – я бы хотел, но не могу. Компонент ‘я хочу что-нибудь сделать’ придает толкованию пассивного чувства *despair* несвойственную ему активность и волитивность. В *excited* желание что-нибудь сделать имеет совершенно другой характер: во-первых, это чувство не предполагает какого-либо конкретного действия; скорее, это общее состояние активности и с трудом сдерживаемого возбуждения, вызванное радостным предвкушением желательного события. И в этом смысле толкование из словаря Macmillan является более точным: оно передает состояние возбуждения, неспособности расслабиться, не указывая при этом на чрезмерно конкретное желание что-то сделать, которое этим чувством не предполагается.

Опять-таки, толкование в терминах примитивов оказывается чересчур общим, недостаточно тонким, что приводит к формальному сближению таких интуитивно разных чувств, как *despair* и *excited*. При этом необходимо отметить очень высокий различительный потенциал толкований эмоциональных концептов у Вежбицкой, поскольку их, по-видимому, достаточно для того, чтобы зная язык, определить, о каком чувстве идет речь. Однако для того, чтобы ощутить все тонкости этого чувства, самого толкования в терминах примитивов иногда оказывается недостаточно, и в этом смысле очень важную содержательную роль в описаниях А. Вежбицкой играют комментарии к толкованиям (об использовании Анной Вежбицкой комментария как инструмента, дополняющего толкование в терминах семантических примитивов см. [Шмелев 2005:501-510]).

Наконец, складывается впечатление, что временами, когда речь идет о генетически и культурно близких языках, имеет место некоторое преувеличение феномена лексической и фразеологической непереводаемости. Приведем пример из книги А.Гладковой, работающей в русле ЕСМ, где критикуется определение эмоционального концепта *жалость* [Гладкова 2010:45], предложенное И.Б. Левонтиной [Левонтина 2004:327-331], за использование семантически непримитивного, метафорического и непереводаемого выражения 'душевная боль' как компонента толкования. В качестве вариантов перевода предлагаются непонятные англоговорящему человеку и не встречающиеся в реальных текстах английские выражения *pain of the soul* или *soul pain*. Однако представляется, что у выражения *душевная боль* есть вполне приемлемые, достаточно близкие и при этом вполне частотные английские аналоги: *heartache* и *emotional <mental> pain*; в немецком языке есть аналог *Seelenschmerz*. Таким образом, толкование вполне переводимо, если не принимать установку на обязательность буквального перевода идиоматичных выражений. Что же касается самого наличия метафоры в толковании, то оно, как представляется, позволяет передать важный смысл, который ускользает при опоре только на семантические примитивы — а именно, **болезненный** характер неприятного чувства. Более того, хотя *душевная боль* и не является семантической универсалией, это, во всяком случае, достаточно распространенная в европейских языках языковая метафора, которая понятна при переводе на самые разные языки при условии подбора реального, а не буквального, переводного аналога. Идея о том, что в некоторых случаях

введение метафоры в толкование оправдано, высказывается в работах [Апресян, Апресян В. 1993, Баранов, Добровольский 1998] и практически воплощается в Новом объяснительном словаре синонимов под руководством Ю.Д.Апресяна [НОСС 2004], а также в Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики [Баранов, Добровольский et al. 2007].

Наконец, описания в терминах семантических примитивов бывают достаточно громоздкими. Это не касается толкований предикатов, однако весьма ощутимо в толкованиях предметных имен; ср. известные описания слов типа *cup*, *mug*, *mouse* и других в работе [Wierzbicka 1985]. Таким образом, толкования, использующие не только примитивы, но и более сложные смыслы, легче воспринимаются и не требуют длинных комментариев, что делает их практически более приемлемыми, в частности, для целей лексикографии.

В работах последователей теории «Смысл-Текст» семантика любых языковых единиц описывается посредством разложения сложных смыслов в конфигурации более простых, но не обязательно элементарных смыслов, причем допускается, что эти более простые смыслы, включая семантические примитивы, могут быть национально специфичными, т.е. не универсальными [Апресян 1995б, Апресян 2006:54-55].

Кроме того, в теории «Смысл-Текст» разработан специальный аппарат для описания семантики коллокаций. Ключевым понятием этого аппарата является понятие синтагматической лексической функции, структурирующее семантическое пространство языка посредством установления семантических отношений между словами и их коллокатами [Мельчук 1974, Мельчук, Жолковский 1984, Aprésjan, Boguslavsky, Iomdin, Tsingman 2007 и многие другие работы]; ср. функцию Magn ('очень'), выражаемую разными прилагательными в сочетаниях *закадычный друг* и *заклятый враг*; функцию Oper1, выражаемую разными глаголами в сочетаниях *испытывать ненависть* и *питать доверие* и т.д.

Первым значительным опытом описания языкового материала в теории «Смысл-Текст» является Толково-комбинаторный словарь русского языка [Мельчук, Жолковский, 1984]; другие лексикографические проекты в рамках теории «Смысл-Текст» включают Толково-комбинаторный словарь современного французского языка [Mel'čuk et al. 1984] и Словарь коллокаций испанского языка [<http://www.dicesp.com>]; более подробный обзор можно найти в работе [V. Aprésjan, B. Iomdin 2013].

Кроме того, значительная часть аппарата теории «Смысл-Текст» (полные формальные модели морфологии и синтаксиса английского и русского языков и комбинаторные словари тех же языков объемом более 100 000 входов каждый) получила компьютерное воплощение в рамках проекта по машинному переводу «ЭТАП», разработанного в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН. В рамках этого проекта были созданы наиболее полные и реально работающие на компьютере в системах анализа и синтеза текстов формальные модели русского и английского языков, реализующие идеи теории «Смысл-Текст» [Апресян et al. 2003, 2007, Boguslavsky et al. 2011, Iomdin et al. 2012]. Однако эти описания ориентированы в большей мере на компьютерное, нежели «человеческое», использование, и достаточно сложны для восприятия даже продвинутым читателем.

Семантический аппарат модели «Смысл-Текст» был развит и модифицирован в работах Московской семантической школы (далее МСШ) интегрального описания языка и системной лексикографии (Ю.Д. Апресян, В.З. Санников, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Е.В. Урысон и другие авторы) и близких ей отечественных направлений семантического анализа, представленных работами Е.В. Падучевой, Е.В. Рахилиной, А.Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, Г.И. Кустовой и других.

С точки зрения развития теоретической семантики особенно следует отметить идею интегрального описания языка Ю.Д. Апресяна, предполагающую согласование грамматики и словаря [Апресян 1995б, Апресян 2006], и подробно разработанные им идеи системной лексикографии, воплощенные в двух больших коллективных трудах: экспериментальном Новом объяснительном словаре синонимов [НОСС 2004] и Активном словаре русского языка (к настоящему моменту выпущен проспект словаря [Апресян и др. 2010] и сдан в печать его первый выпуск [Апресян и др. 2014]).

В Активном словаре реализуется принцип интегрального описания языка, с приматом семантики, аналитическими толкованиями как инструментом ее описания и семантической мотивацией прочих лингвистических свойств слова, в первую очередь – управления и сочетаемости, а также семантических связей слова. В нем теоретические установки модели «Смысл – Текст» впервые применяются для представления массового лексикографического материала, с использованием современных корпусных технологий. Важный элемент описания в Активном словаре – ориентация на реконструкцию так называемой языковой картины мира [Апресян 2007:34-39]. Активный словарь во многом

базируется на предшествующих ему лексикографических проектах – ТКС-е и НОССе, но представляет собой новый этап развития отечественной теоретической семантики и лексикографии.

В ТКС-е были реализованы общие понятия и принципы теоретической лексикографии (лексема, вокабула, аналитическое толкование, лексическая функция) и разработана общая структура словарной статьи. Однако при всем разнообразии семантических классов, отраженных в словнике (ментальные глаголы, перформативы, глаголы чувства, имена со значением учреждений, величин, абстрактных состояний и т.п.) [Мельчук, Жолковский 1984:75], этот словарь имеет чисто экспериментальный характер. Ни один из семантических классов не представлен более чем несколькими единицами, и, следовательно, не описан полностью и системно.

НОСС покрывает большее число слов и в большей степени ориентирован на описание целых семантических классов. Это достигается, в первую очередь, путем анализа более чем одного синонимического ряда, относящегося к данному классу, а также путем обзора нескольких близких к рассматриваемому синонимических рядов в особой зоне словаря. НОСС представляет собой новый большой шаг в направлении системного описания лексики русского языка, однако по составу словника он остается экспериментальным словарем, потому что ни один семантический класс не рассмотрен в нем полностью.

Активный словарь русского языка – еще один шаг в направлении полного и системного семантического описания русской лексики и, соответственно, ее семантических классов. Однако в некоторых отношениях он не отходит от традиций толковой лексикографии. В частности, весь материал в нем организован в соответствии с алфавитным, а не тезаурусным принципом. Поэтому полное описание даже одного семантического класса может быть получено только после завершения работы над всем словарем (к настоящему моменту закончен выпуск А-Г). Кроме того, форма представления лексического материала рассчитана на среднестатистического читателя, а не профессионального лингвиста. Она не позволяет инкорпорировать в Активный словарь ни теоретические понятия и обобщения (в этом плане НОСС, будучи экспериментальным словарем, представляет большие возможности для лингвиста-теоретика), ни результаты корпусных исследований.

Наконец, Активный словарь, будучи словарем, а не грамматикой, описывает лексические, а не грамматические единицы, в то время как системообразующие смыслы и семантика пронизывают все уровни языка, в том числе и синтаксис. Особенно актуально это для больших лексико-грамматических классов, типа цели, причины, условия, в которых смысл передается не только лексическими, но и грамматическими средствами (конструкциями).

В этом смысле он дополняет проект Корпусной грамматики русского языка (rusgram.ru), осуществляемый большой группой российских лингвистов с использованием статистических корпусных методов. Однако Русграм в большей степени ориентирован на синтаксис, а не на семантику, тем более не на лексическую семантику.

Таким образом, **актуальность** настоящего диссертационного исследования обусловлена рядом факторов:

1) Недостаточным количеством работ, в которых с помощью верифицируемых толкований, написанных на прозрачном семантическом метаязыке, системно описываются целые семантические и лексико-грамматические классы языковых единиц. При этом очевидно, что внимание к целым семантическим классам, а не к отдельным лексическим или грамматическим единицам, как это свойственно большинству семантических исследований даже самого высокого уровня, дает наилучшую возможность понять, как устроена семантическая система языка в целом. На этом пути можно получить знание о том, как структурированы семантические классы, как соотносятся разноуровневые единицы в семантических классах, как лексические значения взаимодействуют друг с другом и с грамматическими значениями и какие модификации они при этом претерпевают, как развивается полисемия и т.п. Такое системное описание целых семантических классов существенно расширяет возможности межъязыкового сравнения, позволяя строить типологии семантических полей.

2) Недостаточным количеством работ, которые совмещают методологию аналитических толкований с корпусным подходом, где корпус используется не только как источник примеров, но и как инструмент количественного исследования ([ср. работу [Иомдин Б. и др. 2014]).

Исследование корпусных данных создает такие возможности описания семантики и прагматики, которых не дает традиционно использующийся в семантических

исследованиях лингвистический эксперимент на приемлемость / неприемлемость фраз, содержащих изучаемые языковые единицы. Очень часто работы по семантике оперируют возможными, но в действительности не встречающимися, «искусственными» фразами, на основе которых делаются неправильные выводы, между тем как анализ реального узуса дает дополнительные возможности заглянуть в семантику и особенно прагматику языковых выражений. Это особенно актуально для конструкций, чья сочетаемость вообще мало исследована, а также для целей межъязыкового сравнения.

3) Необходимостью комплексного подхода к изучению семантических классов языка, отражающего интуицию о том, что большие семантические классы устроены системно (подобно синонимическим рядам, они обладают доминантой и периферией; ср. [Апресян 2004а]). Значения центральных языковых единиц в семантических классах можно представлять как прототип², значения периферийных – как осложнение прототипа некоторыми семантическими наращениями.

4) Перспективностью описания семантических классов через прототип и его расширение или усложнение по направлениям, диктуемым некоторыми основными системообразующими смыслами, не только для системного описания семантики отдельно взятого языка, но и для типологических семантических сопоставлений.

5) Наличием параллелизма в устройстве самых разных семантических классов, который проявляется в том числе в путях их семантического расширения и усложнения на периферии. Это можно наблюдать на примере даже столь разных полей, как уступительность и эмоции. В обоих полях значения языковых единиц в определенных контекстуальных условиях усложняются такими системообразующими смыслами, как количество, желательность, гипотетичность, контроль и т.п.

6) Важностью ориентации на реальный языковой узус при описании языковой картины мира. Большинство исследований по языковой картине мира и в теории ЕСМ, и в МСШ, и в других близких семантических направлениях не базируются на анализе подлинно массового языкового материала. Между тем только такой материал может дать адекватное представление о функционировании изучаемой единицы в языке. Семантический анализ дает возможность описать условия ее употребления, запреты и ограничения возможной сочетаемости, но не реальное функционирование единицы в

---

² Не в смысле теории прототипов Э. Рош [Rosch 1973], а в смысле некоторого семантического инварианта, пересечения значений входящих в класс языковых единиц.

языке – это объясняется языковой прагматикой. Не рассматривая реальных фактов встречаемости языковой единицы в тех или иных условиях, не анализируя частотности ее сочетаемости с теми или иными языковыми единицами, исследователь не может составить представление о том, что является центральным, а что маргинальным в языковой картине мира. Многие утверждения в исследованиях по языковой картине мира основаны на анализе отдельных примеров в авторских текстах, – т.е. представляют собой примеры скорее культурологического, а не лингвистического анализа. Корпус дает возможность адекватного исследования языковой картины мира, изучения языковой прагматики, сравнения языков. В данной работе корпусный подход применяется при исследовании прагматики конструкций, в том числе при сравнении параллельных конструкций в разных языках, и для сравнения языкового этикета эмоций в разных языках.

Методологической основой исследования является концепция МСШ [Апресян 2005] в сочетании с корпусным подходом.

Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что он соединяет сильные стороны МСШ и теории «Смысл-Текст» с преимуществами других направлений отечественной семантики.

Сильными сторонами МСШ являются: установка на интегральное описание языка, теория семантических и синтаксических валентностей и сфер действия [Богуславский 1996], принцип семантической мотивированности лингвистически существенных свойств языковых единиц, понятие «системообразующего смысла», лексикографирование массового и разноуровневого языкового материала, аналитические толкования на естественном семантическом метаязыке как основной инструмент семантического анализа, интерес к языковой картине мира, интерес к малому синтаксису [Иомдин 2010] и взаимодействию значений [Апресян 1995б:68-87, Богуславский 1996].

К преимуществам других направлений отечественной семантики мы относим корпусный подход к описанию семантики лексических и грамматических единиц³, установку на создание широкой теоретической базы лингвистического описания – с интеграцией и адаптацией элементов различных семантических теорий, в частности,

---

³ См. [НКРЯ 2009].

грамматики конструкций, ориентацию на семантическую типологию, интерес к семантическим переходам и семантической мотивации полисемии.

Таким образом, методологическая **новизна** настоящего диссертационного исследования обусловлена соединением теоретических преимуществ системного лексикографического подхода с достоинствами прикладного корпусного анализа в применении к семантическому и прагматическому описанию лексем и конструкций.

Кроме того, в исследовании разрабатываются новые методы семантической и прагматической типологии – метод кластерного анализа и сравнения лексем со значением эмоций, а также метод сравнения межъязыковой прагматики путем анализа частотностей употребления лексем в определенных конструкциях и частотностей заполнения конструкций определенными лексемами.

Автором выдвигается **гипотеза** о том, что в основе структуры абстрактных предикатных семантических классов лежит *прототип*, представленный в значении центральной для класса языковой единицы, и его *модификации* по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами, такими как количество, степень, желательность, путативность, акциональность, контроль, оценка, время, пространство и др.⁴ В этом отношении структура семантического класса параллельна структуре синонимического ряда, с доминантой и периферией. Указанное свойство характерно для семантических классов самой разной природы, что свидетельствует об общеязыковом характере системообразующих смыслов.

Вторая гипотеза данного исследования состоит в том, что реальные частотные характеристики сочетаемости и интерпретации языковых единиц в высказывании обусловлены не только их семантическими свойствами, но и общеязыковой прагматикой, которая может варьироваться в разных языках даже при условии совпадения семантических свойств. Понимание семантической обусловленности синтаксических, сочетаемостных и прочих лингвистически релевантных свойств языковых единиц – важное достижение теории «Смысл-Текст» и МСШ. Однако семантика позволяет сформулировать область возможного и невозможного, но не предсказать реальную частотность реализации лексемы в той или иной конструкции или конструкции с теми или иными лексемами. Реальная частотность различных коллокаций

---

⁴ Семантические классы конкретных имен и предикатов имеют другую семантическую структуру: в основе их значений часто лежит гипероним, а усложнение происходит по другим, более «энциклопедическим» смыслам – размер, цвет, предназначение и пр.

в узусе определяется не только семантическими факторами, но и прагматическими установками говорящих, а также рядом экстралингвистических факторов, таких, как событийный фон, история, культурные установки говорящего и пр. Тем самым, межъязыковое сравнение частотных параметров сочетаемости – эффективное средство анализа языковой прагматики, дополняющее собой семантическое сравнение, традиционно используемое в школе ЕСМ Анны Вежбицкой и в отечественных работах по языковой картине мира [Апресян 1995в, Булыгина, Шмелев 1997, Зализняк Анна А. 2000, Шмелев 2002б, Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев 2005, Гладкова 2010, Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев 2012 и многие другие]⁵. Анализ коллокаций применим и для целей внутриязыкового сравнения семантически близких единиц, которые могут различаться своими прагматическими свойствами.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Толкование языковых единиц определенного семантического класса через семантический прототип и его модификации по определенным семантическим параметрам, задаваемым системообразующими смыслами, позволяет создать их системное семантическое описание и заложить основы для типологического сравнения семантических классов в разных языках.

2. Семантический прототип лексико-грамматического класса уступительных выражений реализуется в значении союза *хотя* и основан на системообразующих смыслах ‘условие’, ‘норма’, ‘ожидание’, ‘отрицание’, ‘ситуация’. Он имеет вид ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

3. Изменения прототипа в значениях других лексических и синтаксических уступительных единиц происходят по линии семантической конверсии, добавления валентностей, а также модификации прототипа по нескольким основным семантическим направлениям, задаваемым следующими системообразующими смыслами: ‘степень’; ‘оценка’; ‘(не)желательность’; ‘вероятность’.

4. Каждый тип эмоции представляет собой семантический подкласс внутри общего семантического класса эмоций.

5. Семантический прототип класса выражений со значением эмоций основан на системообразующих смыслах ‘чувствовать’ и ‘причина’. Он имеет общий вид ‘X

---

⁵ Ср., впрочем исследование [Добровольский, Левонтина 2009] с использованием корпусных данных.

чувствует Y по причине Z'. Это инвариант, присутствующий в значениях всех слов со значением эмоций. Он модифицируется в разных типах эмоций по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами 'оценка', '(не)желательность', 'вероятность', 'степень', 'контроль', 'возможность', 'действие', 'отношение'.

6. Каждый тип эмоции формирует языковой кластер, в основе которого лежит семантический прототип (прототипический сценарий эмоции) и который содержит частеречно разнородные языковые средства. Они обозначают различные подтипы эмоции и отличаются от прототипического сценария по системообразующим смыслам 'оценка', 'вероятность', '(не)желательность', 'степень', 'контроль', 'возможность', 'действие', 'отношение'.

7. Сочетаемость лексем и конструкций отражает различия в семантике и языковой прагматике. Частотности употребления различных лексем в нестандартных уступительных конструкциях, частотности различных интерпретаций временных синтаксических фразем и частотности употребления лексем со значением эмоций в определенных конструкциях различаются в русском и английском языках и отражают различия в языковой прагматике – языковых представлениях об устройстве мира и языковом этикете.

8. Состав семантических компонентов в значении языковой единицы влияет на другие свойства этой языковой единицы, в том числе на ее ассертивно-пресуппозитивную структуру.

Цели работы заключаются в разработке и апробации методов системного семантического и прагматического анализа больших семантических классов, состоящих из частеречно разнородных лексических и синтаксических языковых единиц, применимого для сравнительного анализа разных языков.

Для их достижения поставлен ряд конкретных **задач**:

1. Выделить основной состав семантического класса уступительных языковых единиц в русском языке.

2. Выделить основной состав семантического класса языковых единиц со значением эмоций.

3. Сформулировать семантический прототип семантического класса уступительных языковых единиц в русском языке.

4. Сформулировать основные направления семантических модификаций в классе уступительных языковых единиц в русском языке по направлениям, задаваемым основными системообразующими смыслами.

5. Сформулировать толкования всех лексических и синтаксических уступительных языковых единиц в русском языке.

6. Создать полные лексикографические описания основных уступительных языковых единиц в русском языке и проследить пути развития полисемии, приводящие к возникновению уступительных значений.

7. Провести частотный корпусный анализ сочетаемости основных нестандартных уступительных конструкций.

8. Сформулировать законы мироустройства, отраженные в русской языковой картине мира, по данным наиболее частотных реализаций нестандартных уступительных конструкций.

9. Сформулировать семантический прототип для каждого эмоционального кластера в русском и английском языках.

10. Сформулировать толкование для каждого из основных подтипов эмоций внутри каждого эмоционального кластера на основе модификации прототипа по направлениям, задаваемым основными системообразующими смыслами.

11. Сформулировать тестовые конструкции для определения прагматической приемлемости различных типов эмоций в русском и английском языках.

12. Произвести сравнительный частотный корпусный анализ употребления всех языковых единиц со значением эмоций из анализируемых в работе кластеров в тестовых конструкциях в русском и английском языках.

13. Сформулировать основные положения прагматического языкового эмоционального этикета в русском и английском языках.

14. Сформулировать прототипы значений физических каузативов, эмоциональных каузативов и интерпретативов.

15. Установить зависимость между наличием системообразующего смысла 'контроль' в значениях каузативов и интерпретативов и их ассертивно-пресуппозитивной семантической структурой.

16. Исследовать феномен синкретичного соединения системообразующих смыслов в значении дейктического маркера *тут*.

17. Сформулировать значение и основные интерпретации темпоральной синтаксической фраземы *X в X* (*минута в минуту*) в русском и английском языках.

18. Провести сравнительный корпусный анализ частотности различных интерпретаций фразем в русском и английском языках.

19. Сформулировать прагматические различия между русским и английским языками, приводящие к различиям в частотностях различных интерпретаций при семантической близости конструкций.

Исследование **написано на материале** двух больших семантических классов – класса уступительности в русском языке (рассматривается около 70 лексических и синтаксических языковых единиц русского языка) и класса эмоций в русском и английском языках (рассматривается более двухсот лексических единиц в четырех тестовых конструкциях). Кроме того, рассматриваются семантические классы физических и эмоциональных каузативов и интерпретативов (на примере нескольких десятков языковых единиц); подробно рассматривается полисемия дейктических маркеров *тут*, *здесь* и *сейчас*; подробно рассматриваются две нестандартные уступительные конструкции в разных сочетаемостных реализациях (несколько десятков реализаций), а также синтаксическая временная фразема *X в X* в русском и английском языках.

При работе с языковым материалом использовались следующие **методы** исследования: метод аналитических толкований; метод лексикографического портретирования; метод описания по лексикографическим типам [Апресян 1995б, Апресян 2006, Апресян 2009]; кроме того, были разработаны и апробированы метод покластерного сравнения языковых единиц со значением эмоций и метод корпусного анализа языковой прагматики [Апресян В. 2011а, 2011б; V.Apresyan 2013].

Теоретическая значимость работы заключается прежде всего в систематическом и полном анализе семантики языковых единиц разной природы в двух обширных и сложно устроенных семантических классах русского языка: единиц со значением уступительности и единиц со значением эмоций. Семантический анализ осуществляется посредством толкований языковых единиц определенного класса через семантический инвариант этого класса и его модификации по определенным семантическим параметрам. В толкованиях используются системообразующие смыслы, что позволяет представить эти сферы в виде системы семантических переходов и преобразований,

связать их с другими крупными семантическими классами языка, а также заложить основу для типологического сравнения разных языков (частично осуществленного в диссертации на материале русского и английского языков).

Во-вторых, теоретическая значимость полученных в диссертации результатов состоит в том, что в ней предложен новый подход к исследованию языковой прагматики и языковой картины мира, основанный на корпусном анализе данных реального узуса; этот подход может быть применен и к типологическому сравнению. Кроме того, делается ряд новых наблюдений над языковым этикетом и языковой картиной мира русского и английского языков в сфере эмоций и уступительности.

Наконец, общетеоретический интерес представляют наблюдения и выводы о взаимодействии значений на разных уровнях языка, в том числе о взаимодействии семантических компонентов внутри значения одной языковой единицы, о взаимодействии значений конструкций и заполняющих их лексем, о взаимодействии значений языковых единиц внутри одного семантического класса и, наконец, о взаимодействии онтологических свойств явлений с семантическими характеристиками отражающих их языковых единиц.

Результаты, полученные на сравнительном материале русского и английского языков, представляют ценность для общей семантики, прагматики (в том числе теории вежливости), грамматики конструкций и системной лексикографии.

Разработанные автором методы семантического и прагматического исследования могут быть применены к анализу других лексико-грамматических и семантических классов и положены в основу аналогичных исследований в других языках.

Практическая значимость работы состоит в том, что были созданы полные лексикографические описания основных уступительных единиц для Активного словаря русского языка. Более конкретно, были созданы толкования всех уступительных единиц; были созданы семантические и прагматические описания всех основных эмоциональных кластеров и подтипов эмоций русского и английского языков, а также толкования ряда других лексических и синтаксических единиц. Результаты исследования могут быть использованы как основа для будущих типологических исследований по семантике и прагматике уступительных единиц; единиц со значением эмоций и эмоциональных каузативов; пространственных дейктических маркеров; темпоральных синтаксических фразем.

Полученные системные описания полезны и для исследования других аспектов уступительных и эмотивных языковых единиц. В частности, в самом диссертационном исследовании кластерное описание эмоций используется не только для системного описания языкового этикета, но и для анализа семантической структуры эмоциональных каузативов. На этой же основе было создано семантически мотивированное описание моделей управления основных русских глаголов со значением эмоций, которое планируется расширить и распространить на материал других языков в будущих работах. Наконец, результаты исследования могут быть использованы в теоретической и практической лексикографии как основа для описания различных лексикографических типов.

Основные положения работы прошли **апробацию** на **международных научных мероприятиях**: на IV Международной конференции «Культура русской речи» (Гротовские чтения), проходившей 6-8 ноября 2014 в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН; на Второй конференции Американской прагматической ассоциации 17-19 октября 2014, проходившей в Лос-Анджелесе, США; на конференции "Корпусные технологии. Digital Humanities и современное знание", организованной НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде, 11-12 апреля, 2014 и 18-19 октября, 2013; на 11 Международной конференции по греческой лингвистике «Мастерская по эмоциям», проходившей на острове Родос 26-29 сентября 2013; на IV, V и VI Международной конференциях по теории «Смысл-Текст», проходивших в мае 2007 г. в Клагенфурте, в июне 2009 г. в Монреале, в сентябре 2011 г. в Барселоне и в августе 2013 г. в Праге; на Международных конференциях «Диалог», проходивших в 2004, 2006-2013 гг.; на Международной конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов», организованной ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН в 2012 г.; на Международной конференции «Space and Time across Languages, Disciplines and Cultures», прошедшей в апреле 2010 г. в Кембридже, Великобритания; на Международной конференции IX Шмелевские чтения, организованной в 2010 г. ИРЯ РАН им. В.В.Виноградова; на Международной конференции в честь Ю.Д. Апресяна, прошедшей в ИППИ РАН в феврале 2010 г.; на Международных конвенциях Американской ассоциации славистов в 2002, 2008 и 2009 гг., прошедших в Питтсбурге, Филадельфии и Бостоне, США; на Международных конвенциях Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков, прошедших в

2003 и 2005 гг. в Сан-Диего и в Вашингтоне, США; на Международной конференции «Формальное описание славянских языков», прошедшей в 2009 г. в Москве; на Международной конференции по когнитивной лингвистике, прошедшей в 2008 г. в Дубровнике, Хорватия; на Международной конференции преподавателей русского языка, прошедшей в 2007 г. в Гранаде, Испания; на Третьей международной конференции по прагматике, прошедшей в сентябре 2005 г. в Шанхае, Китай, и на других конференциях и симпозиумах.

Логика решения исследовательских задач отражена в **структуре диссертации**. Диссертация состоит из трех разделов. В первом разделе, состоящем из семи глав, проводится семантический и прагматический анализ класса уступительных языковых единиц. В первой главе этого раздела выводится и обосновывается семантический инвариант уступительности, который лежит в основе семантики всех уступительных единиц. Во второй главе выделяются другие семантические компоненты, которые присутствуют в значениях различных уступительных единиц, – так называемые семантические наращения. В третьей главе строятся толкования основных уступительных слов, выражений и конструкций на основе семантического инварианта уступительности с учетом семантических наращений. В четвертой главе исследуется взаимодействие смысла нестандартных уступительных конструкций и заполняющих их валентности лексем на основе корпусного анализа сочетаемости; в частности, формулируются семантические модификации этих конструкций в различных сочетаемостных условиях. Кроме того, в четвертой главе рассматриваются лингвоспецифичные механизмы идиоматизации нестандартных конструкций на материале русского и английского языков. Наконец, здесь же осуществляется корпусный анализ прагматики нестандартных уступительных конструкций. Пятая глава определяет место уступительности в кругу родственных языковых системообразующих смыслов. В шестой главе на материале данных диахронии и современной полисемии прослеживается развитие смысла уступительности из других системообразующих смыслов. Седьмая глава иллюстрирует теоретические принципы анализа уступительных языковых единиц выполненными автором практическими лексикографическими описаниями для составляемого в Секторе теоретической семантики ИРЯ РАН Активного словаря русского языка.

Во втором разделе, состоящем из четырех глав, проводится сравнительный семантический и прагматический анализ класса языковых единиц со значением эмоций в русском и английском языках. В первой главе излагается и мотивируется кластерный подход к созданию семантической типологии эмоций, основанный на сопоставлении целых типов эмоций, представленных многими языковыми единицами, в противовес сравнению по отдельным словам. Во второй главе проводится семантическое сравнение основных эмоциональных кластеров ('СТРАХ', 'ГНЕВ', 'СТЫД', 'РАДОСТЬ', 'ГРУСТЬ', 'ЖАЛОСТЬ' и некоторых других) в русском и английском языках. Третья глава посвящена сравнительному корпусному исследованию прагматики эмоций в этих двух языках на основе сравнения частотностей употребления лексем со значением эмоций в определенных диагностических конструкциях. В четвертой главе кластерный подход применяется в корпусном исследовании связей между семантикой эмотивных глаголов и характерных для них моделей управления.

Третий раздел, состоящий из трех глав, посвящен анализу взаимодействия системообразующих смыслов в значении отдельной языковой единицы. В первой главе исследуется феномен синкретичного совмещения разных системообразующих смыслов в значении одной языковой единицы на примере пространственно-временного дейктического маркера *тут*. Вторая глава посвящена сравнительному семантическому и прагматическому анализу нестандартной конструкции *X в X* (*день в день, час в час*) в русском и английском языках. В третьей главе исследуется влияние системообразующего смысла 'контроль' в значениях каузативных и интерпретативных глаголов на их семантическую структуру и обусловленное ею взаимодействие с отрицанием.

РАЗДЕЛ I. Образование и взаимодействие значений: семантический класс уступительности

II.0. Введение

В данном разделе метод анализа семантического класса через прототип и модификации по системообразующим смыслам применяется к семантическому классу уступительности. Кроме того, на материале уступительности рассматриваются центральные для данного диссертационного исследования проблемы семантической мотивации лингвистических свойств языковых единиц – в первую очередь, мотивация полисемии и мотивация сочетаемости лексем и конструкций. Наконец, анализируется влияние языковой прагматики на сочетаемость семантически близких языковых единиц внутри одного языка и в разных языках.

Итак, данный раздел посвящен понятию уступительности в русском языке и выражающим уступительное значение языковым единицам⁶. В его основу легли более чем двадцатилетние занятия автора теоретической лексикографией и семантикой. За это время в лингвистике произошли следующие изменения, повлиявшие на характер исследования. Во-первых, сильно развилась Московская семантическая школа с ее идеей семантической мотивированности некоторых несемантических свойств языковых единиц и вниманием к взаимодействию смыслов в пределах одной языковой единицы или всего высказывания. Во-вторых, появилось немалое количество работ по типологии уступительности⁷. В-третьих, возник пристальный интерес к нестандартным конструкциям как особому типу языковой единицы, как в российской, так и в зарубежной лингвистике. Наконец, в-четвертых, стал намного шире использоваться корпусный подход при анализе как лексических, так и синтаксических единиц. Данная работа, написанная в русле Московской семантической школы с применением методов интегрального описания языка и корпусного исследования, отдает дань всем вышеперечисленным направлениям лингвистики. В частности, автор широко использует

---

⁶ В работе частично используются идеи и материалы ряда предшествующих исследований автора; см. [Апресян В. 1998, Апресян В. 1999, Апресян В. 2000, Апресян В. 2003, Апресян В. 2004а, Апресян В. 2004б, Апресян В. 2004в, Апресян В. 2004г, Апресян В. 2006, Апресян В. 2010а, Апресян 2014а]. Однако теоретические положения этих работ здесь уточнены, а материалы существенно дополнены.

⁷ Упомянем в этой связи в первую очередь монографию, посвященную типологии уступительных конструкций в разноструктурных языках [Храковский, Ницолова, Козинцева и др. 2004], а также более раннюю работу [Haspelmath, König 1998], на которую во многом опирается классификация [Храковский 2004а: 11-33].

возможности и данные Национального корпуса русского языка, корпуса COCA (Corpus of Contemporary American) и веб-базированных корпусов ruTenTen и enTenTen на ресурсе Sketch Engine.

В данном разделе анализируются следующие группы уступительных единиц⁸:

1) основные уступительные лексемы русского языка — союзы *хотя 1* и *хоть 1*, синонимичные им предлоги *несмотря на* и *невзирая на*, а также синонимичные им фразеосхемы вида *Любовь любовью, а работа работой, Прийти пришел, а помочь не помог, Говори не говори — толку нету* и некоторые другие;

2) синонимичные фраземы *даром что* и *несмотря ни на что* (*Он очень болен, даром что молодой*);

3) синонимичные синтаксические конструкции с уступительным значением вида *к-местоимение⁹ + ни* (*Как он ни старался, ничего у него не вышло*) и *при всём X-е* (*При всей его пронырливости, он так и не смог хорошо устроиться*);

4) синонимичные фраземы *как бы то ни было, что (там) ни говори, как ни крути, как ни верти* (*Как ни крути, а придется уехать*);

5) союзы и союзные сочетания *хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3 (и)¹⁰, хоть бы 3 (и)* и близкая им по значению конструкция *(да) будь...* (*Не отстану, хоть тресни; Да пускай там зарплата в десять раз больше, я на такую работу не пойду; Да будь он трижды начальник, я перед ним отчитываться не обязан*);

6) синонимичные частицы *(ну) ладно 5, пусть 2, пускай 2, так и быть* (*Ну ладно, пускай приходит; Так и быть, помогу тебе*);

7) синонимичные устойчивые обороты *в то время как 3, между тем как 3, тогда как 2* (*Количество нуждающихся в медицинской помощи растет, в то время как финансирование здравоохранения постоянно сокращается*);

---

⁸ Классификация уступительной лексики осуществляется: а) по степени композициональности (лексемы, фраземы); б) по синтаксической природе (конструкции VS. лексические единицы); в) по семантике (синонимы, конверсивы). Порядок перечисления лексических, фразеологических и синтаксических уступительных единиц соответствует семантической логике (нарастание семантической сложности, отношения синонимии и конверсии), а также порядку, в котором они рассматриваются в работе, но не учитывает их частеречной принадлежности, строения и природы.

⁹ Под *к-местоимениями* понимаются относительные местоимения типа *кто, что, сколько* и пр., называемые в английских грамматиках *wh-words*.

¹⁰ Вопрос о статусе таких составных единиц, а именно о том, являются ли они комбинацией лексем или единой лексемой, ставится в работе [Николаева 1999]; не пытаясь в рамках данного исследования дать на него теоретически обоснованный ответ, для наших практических целей мы рассматриваем такие устойчивые сочетания как единые лексемы.

8) синонимичные частицы *всё-таки 1, всё же 1, всё равно 3, тем не менее* (*Он получил травму, но всё-таки смог довести матч до конца*);

9) синонимичные устойчивые обороты *в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всём том* (*В истекшем году инфляция несколько снизилась, но вместе с тем многие экономические задачи остаются нерешенными*);

10) синонимичные частицы *как-никак 1, всё-таки 2, всё же 2* (*Надеюсь, он даст мне грамотную консультацию — как-никак, он профессиональный юрист*);

11) фраземы *добро бы, пускай бы, ладно бы; (еще) куда ни шло, еще туда-сюда* (*Вылет задерживается уже на три часа — ладно бы еще я была одна, а то ведь с тремя детьми; Две недели на этот перевод — еще туда-сюда, но делать его за три дня я не согласна*);

12) синонимичные союзы *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* (*Всё отдам, только бы его вылечили*);

13) частица *хоть 3*, синонимичные фраземы *по крайней мере 2, хотя бы 2* и синонимичная им конструкция *если уж не..., то...* (*Не хочешь помочь, по крайней мере не мешай*);

14) синонимичные фраземы *по крайней мере 3, во всяком случае 2, в любом случае 2* и близкая им по значению конструкция *не то чтобы... но* (*По-моему, всё в порядке, по крайней мере, никаких жалоб не поступало; Мне это не то чтобы надоело, но хочется чего-то нового*);

15) синонимичные союзы *хотя (и) 2, хоть (и) 2* и близкий им по значению союз *правда 7* (*Он парень способный, хотя и ленивый; Мебель привезли, правда, с опозданием на два дня*);

16) конверсные им союзы *зато, (вот) только 3* и близкая им по значению частица *разве что* (*Суп был очень вкусный, вот только чуточку недосоленный; Не знаю, чем хороши российские машины — разве что чинить их недорого*).

Как видно из приведенного нами списка, в число уступительных единиц попали и такие, которые традиционно считаются противительными (*тем не менее, всё-таки* и пр.); вообще, наш список уступительных выражений весьма широк. В академической грамматике русского языка [Грамматика 1954: 337–340, 397] приводится существенно более короткий список уступительных слов и конструкций: союзы *хотя, хоть, несмотря на то что, невзирая на то что, пускай, пусть, даром что, между тем как,*

только бы, лишь бы, разве только, а то; вводное слово *правда*; конструкции с местоимениями *как, сколько* и пр. в сочетании с отрицательной частицей *ни* (*как ни, сколько ни*); бессоюзие (*Чин следовал ему — он службу вдруг оставил* (Грибоедов)). Лексемы *всё-таки, всё же, тем не менее* в академической грамматике трактуются как противительные и рассматриваются в одном ряду с противительными союзами *а, но, однако*.

При этом мы не рассматриваем приводимый нами список как закрытый и окончательный: напротив, в дальнейших работах мы планируем проанализировать ряд не вошедших в данную книгу языковых единиц, семантика которых в той или иной мере связана с уступительностью. А именно: предлог *вопреки*; глаголы *уступить, признать, приходиться* (*Пришлось согласиться*); существительные *уступка, компромисс* и некоторые другие.

В нашем решении охватить достаточно широкий круг лексики, в том числе такой, которая во многих авторитетных источниках не рассматривается как уступительная, мы руководствовались следующими соображениями.

а) Ориентация на семантику. Если значение языковой единицы близко к значению тех языковых единиц, которые безусловно признаются уступительными, то такая единица рассматривается как уступительная; таковы, например, частицы *всё-таки, всё же, тем не менее*. Как будет показано ниже, их значение очень близко к значению основных уступительных единиц *хотя* и *несмотря на*, а их отличия от последних относятся в первую очередь к области синтаксиса.

б) Учет синонимии. Если некая языковая единица является уступительной, то естественно считать уступительными и синонимичные ей языковые средства. Такова, например, конструкция вида *при всём X-е* (*При всём его уме, практической сметки у него никакой*), синонимичная уступительной конструкции вида *к-местоимение + ни* (*Как она его ни упрашивала, он остался неумолим*); союз *хоть бы*, синонимичный уступительным союзам *только бы* и *лишь бы*; обороты *в то время как, тогда как*, синонимичные уступительному обороту *между тем как*, и некоторые другие единицы.

в) Опора на исследовательскую практику. В исследовательской практике, как отечественной, так и международной, уступительность в целом трактуется существенно шире, чем в академических грамматиках русского языка (в особенности это касается сближения уступительности и противительности). Если в [Грамматика

1954] уступительными признаются только те союзы и конструкции, которые вводят придаточную часть сложноподчиненного уступительного предложения (*Хотя весна, еще очень холодно*), то во многих исследованиях уступительное значение усматривается и у противительных маркеров в сложносочиненных предложениях (*Уже март, тем не менее очень холодно*), а также у некоторых других языковых единиц. Ср. в данной связи следующие источники:

— [Николаева, Фужерон 2004], где подробно рассматривается история изучения понятия уступительности и отмечается, со ссылкой на многочисленные работы, близость уступительности и противительности, а также трудность их разграничения, в связи с чем в работе [Перфильева 1984] даже предлагается выделить особый класс синтаксических конструкций — уступительно-противительные¹¹;

— [Теремова 1986: 13–17], где со ссылкой на давнюю, восходящую еще к М. В. Ломоносову лингвистическую традицию аргументируется семантическая близость уступительных и противительных предложений;

— [Ляпон 1986: 152–153], где противительные союзы признаются «потенциальными носителями уступительного значения»;

— [Rudolph 1996], где на обширном типологическом материале обосновывается семантическая близость уступительных и противительных предложений, причем многочисленные «противительные» слова типа англ. *nevertheless* ('тем не менее'), франц. *néanmoins* ('тем не менее'), нем. *trotzdem* ('всё же') рассматриваются как «concessives» (уступительные);

— [Quirk et al. 1982: 222, 256], где в число concessives включаются слова *however* ('однако'), *still* ('во всяком случае'), *anyhow, anyway* ('в любом случае'), *nevertheless* ('тем не менее'), *yet* ('тем не менее, всё-таки'), *in any case, at any rate* ('во всяком случае'), *after all* ('как-никак, в конце концов'), *on the other hand* ('с другой стороны'), *all the same*;

— [Grammaire 1936: 117], где значение *concession* (уступительность) приписывается слову *cependant* ('тем не менее')¹²;

---

¹¹ С чем, однако, мы не можем согласиться, т. к. присутствие в контексте уступительных союзов далеко не всегда влечет за собой употребление противительных.

¹² Это характерно и для практических грамматик; ср., например, известную французскую грамматику Г. Може, где в число средств выражения *concession*, помимо традиционных уступительных союзов, попадают семантически эквивалентные им единицы *cependant, pourtant, toutefois, néanmoins* ('всё-таки, тем не менее') [Може 1996: 336].

— [Kortmann 1991: 124], где сближаются значения contrast и concession;

— [Храковский 2004б: 567], где утверждается, что и в уступительной, и в противительной конструкции «могут выражаться одни и те же значения».

Таким образом, в нашем несколько расширенном понимании уступительности мы опираемся как на семантические аргументы, так и на солидную лингвистическую традицию.

Теперь обратимся к вопросу о том, где и как мы проводим черту между теми языковыми единицами, которые мы считаем уступительными, и теми, которые, с нашей точки зрения, выражают в первую очередь какие-то другие смыслы.

При отборе языкового материала, выражающего смысл уступительности, мы принимали в расчет следующее хорошо известное свойство языка: семантическое пространство языка непрерывно, и у любого системообразующего смысла¹³, у любой грамматической категории есть «прототипические», центральные средства выражения и есть более маргинальные, периферийные, находящиеся на границе с другими смыслами и категориями. Соответственно, и у уступительности есть некий прототип (союз *хотя*), а есть более далекие от него средства выражения. Поскольку смысл уступительности очень хорошо представлен в языке, такие периферийные средства выражения уступительности можно найти на границе с самыми разными другими системообразующими смыслами. Так, можно говорить об уступительном противопоставлении (*тем не менее, всё-таки*), уступительной причине (*как-никак*), уступительной ограничительности (*вот только, разве что*), уступительном условии (*добро бы, пускай бы, ладно бы, даже если*). Как будет показано ниже, в единицы типа *тем не менее, как-никак, вот только* входит семантическое указание как на уступительность, так и на какой-то другой смысл (противопоставление, причина и пр.). Поэтому они могут рассматриваться как в рамках анализа уступительности (как это делается в данной работе), так и в рамках анализа соответствующих других системообразующих смыслов.

Ср. также специальное пособие по уступительной семантике в русском языке для иностранцев [Яценко 2001] с очень широким списком средств выражения уступительности.

¹³ Здесь и далее термин «системообразующий смысл» понимается как в работе [Апресян 2001: 5], т. е. как важный для языка смысл, формирующий в числе прочих «базовый каркас значений, на котором строится семантическая система языка в целом», часто грамматикализованный, входящий в состав «многих языковых единиц разной природы» и активный «в правилах взаимодействия языковых единиц разных уровней». Примеры системообразующих смыслов — ‘знать’, ‘считать’, ‘причина’, ‘условие’.

Таким образом, единицы, находящиеся на периферии одновременно уступительности и какого-то другого смысла, включаются нами в рассмотрение в данной работе. Однако единицы, которые являются центральными, прототипическими для какого-то другого системообразующего смысла, мы не трактуем как уступительные, даже если выражаемый ими смысл чем-то близок уступительности. Поэтому мы не рассматриваем в рамках исследования уступительности такие языковые единицы, как союзы *но* и *а*, представляющие прототип противительности, союз *если*, представляющий прототип условия, союз *потому что*, представляющий прототип причины и т. п. Это разграничение носит для нас принципиальный характер: мы считаем, что даже такие близкие смыслы, как, например, противопоставление и уступительность, имеют очень существенные семантические и прагматические различия, понимание которых обязательно для понимания самих этих смыслов.

Итак, в работе ставятся следующие теоретические задачи:

1) Установить класс единиц, выражающих уступительное значение в русском языке. Для этого необходимо выделить те компоненты смысла, которые являются общими для всех уступительных единиц. Компоненты смысла, присутствующие в значениях всех уступительных слов, выражений и конструкций, называются семантическим инвариантом уступительности. Те уступительные единицы, в значения которых не входят никакие другие компоненты, кроме инварианта, называются прототипом уступительности (таков союз *хотя* 1). Этой части данного раздела посвящена Глава 1.

2) Изучить развитие семантического прототипа по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами. Выделить другие семантические компоненты, помимо инварианта, которые присутствуют в значениях различных уступительных единиц; такие семантические компоненты называются семантическими наращиваниями. Этой части данного раздела посвящена Глава 2.

3) Построить толкования основных уступительных слов, выражений и конструкций на основе семантического инварианта уступительности с учетом семантических наращиваний. Этой части данного раздела посвящена Глава 3.

4) Провести исследование взаимодействия смысла нестандартных уступительных конструкций и заполняющих их валентности лексем, а также влияние языковой прагматики на узус на основе корпусного анализа сочетаемости. Этой части данного раздела

посвящена Глава 4.

5) Определить место уступительности в кругу родственных языковых системообразующих смыслов. Этой части данного раздела посвящена Глава 5.

6) Проследить развитие смысла уступительности из других системообразующих смыслов на материале данных диахронии и современной полисемии. Этой части данного раздела посвящена Глава 6.

7) Иллюстрировать теоретические принципы анализа уступительных языковых единиц практическими лексикографическими описаниями в жанре Активного словаря русского языка. Этой части данного раздела посвящена Глава 7.

Раздел I, Глава 1. Уступительность как сложный системообразующий смысл

I. 1.1. Уступительность как фигура речи и как смысл

Значение уступительности выражается в русском языке при помощи большого количества единиц разной семантической и синтаксической природы, самыми разными (в том числе грамматикализованными) способами, т. е. оно является, по терминологии Ю. Д. Апресяна, системообразующим смыслом — смыслом, формирующим семантическую систему языка в целом [Апресян 2001].

Однако в отличие от других системообразующих смыслов, таких как ‘цель’, ‘причина’, ‘время’, ‘степень’, ‘условие’, понятие уступительности семантически непрозрачно¹⁴. Отчасти даже сам термин «уступительность» вносит некоторую неясность в понимание того, что общего в семантике у разных единиц данного класса.

В то время как ‘причина’, ‘условие’, ‘цель’ являются одновременно и терминологическими метасловами, выделяющими некоторые семантико-синтаксические классы, и семантическими компонентами, входящими в значения слов соответствующих классов, уступительность является только метасловом, но не смысловым компонентом¹⁵.

Естественно, например, толковать целевые слова типа *добиваться*, *стремиться*, *целеустремленный* и пр. при помощи смысла ‘цель’, а временные слова типа *миг*, *момент*, *век* — при помощи смысла ‘время’. Однако если попытаться при помощи смыслов слов *уступительность*, *уступка* или *уступать* истолковать основные, наиболее прототипические уступительные лексемы *хотя I* и *несмотря на*, их смысл не станет понятнее, хотя бы уже в силу того, что первые семантически гораздо сложнее и богаче, нежели вторые.

Это несоответствие между термином и языковой реальностью отчасти объясняется историей развития понятия уступительности; ср. обзор соответствующей литературы

---

¹⁴ Это свойство уступительности отмечается в работе [Апресян В. 1999]. Ср. также [Храковский 2004а: 10] в этой связи.

¹⁵ Семантическая сложность и непримитивность смысла уступительности отмечается в различных исследованиях; ср. в первую очередь [Haspelmath et al. 2001: 852] где отмечается, что «concession is the most complex of the semantic space of adverbial relations». В силу своей семантической сложности уступительные отношения усваиваются детьми позднее, чем, например, целевые или причинные; ср. [Лепская 2004: 240].

в работе [Morel 1996]. Термин «уступительность» (*concessio*), введенный еще в латинских грамматиках, отражает существовавшую вплоть до XIX века риторическую традицию, в рамках которой уступительность трактовалась не как некий смысл или совокупность смыслов, а как риторическая фигура. Так, энциклопедия Дидро, обобщая традицию, восходящую к латинским грамматикам, дает следующее определение уступительности: «Уступительность: фигура речи, при помощи которой оратор, уверенный в своей правоте, внешне отчасти соглашается со своим оппонентом для того, чтобы извлечь из этого преимущество для себя, или для того, чтобы предотвратить возникновение ненужных возражений, которыми его можно было бы остановить» («Encyclopédie de Diderot» (1753), цит. по [Morel 1996]; здесь и далее перевод наш). Сходное, хотя и менее детализированное определение уступительности содержится в «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия», а также в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: «Уступление или признание есть, когда что соперникам или противникам уступаем и из того наводим нечто большее, чем уступленное опровергается или уничтожается» [Ломоносов 1952: 275].

При этом уступительность как риторическая фигура далеко не всегда ассоциируется с употреблением специальных лексикализованных или грамматикализованных средств, таких как уступительные союзы (*хотя*), предлоги (*несмотря на*) и пр. В четырех примерах «уступления», приводимых М. В. Ломоносовым, собственно уступительные лексемы встречаются только в двух (*пускай, хотя бы*), а в двух других «уступление или признание» создается всем контекстом.

К XX веку риторическое понимание уступительности в целом сменяется лингвистическим, можно даже сказать — семантическим, и академическая грамматика русского языка 1954 года это отражает: «В сложных предложениях главное предложение может содержать в себе сообщение о факте, противоположном тому, чего можно было бы ожидать на основании того, о чем говорится в придаточном предложении. Такой характер отношений между главным и придаточным предложениями обозначается союзами *хотя (хоть), несмотря на то что, невзирая на то что, пускай, пусть, даром что*. Придаточные предложения, которые связываются с главным при помощи указанных союзов, называются *уступительными*»

[Грамматика 1954: 337]. «Grammaire Française» (1967) также отражает эту новую концепцию уступительных отношений, определяя их семантику как оппозицию, конфликт, который «состоит в сближении двух фактов, в норме исключаящих друг друга» (цит. по [Morel 1996]).

Эта концепция предполагает закрепленность уступительного значения за определенными языковыми единицами — лексемами и конструкциями. В современной лингвистике отражены обе традиции — и чисто семантическая, и риторическая. В работах [König 1986, König 1991, Япон 1986, Теремова 1987, Храковский 1998, Апресян В. 1999, Урысон 2002] анализируется в первую очередь семантика отдельных уступительных единиц, в работах [Wierzbicka 1987, Арутюнова 1988, Паршин 1988, Булыгина, Шмелев 1997] прежде всего рассматривается их прагматическая роль в построении диалога и в полемике¹⁶. В статье [Богуславский А. 2010: 10–12] уступительные языковые средства представляются как составляющие особый, метатекстовый уровень языка: комментарии говорящего к собственному высказыванию.

В данном диссертационном исследовании основной упор делается на истолкование отдельных уступительных единиц, однако описывается также их дискурсивная функция; таким образом, в известной мере используются оба подхода.

Для описания семантики уступительных лексем применяется метод семантического анализа, состоящий в построении аналитических толкований. Объяснять семантику основных уступительных единиц при помощи риторического термина «уступка» было бы непродуктивно, т. к. сами по себе они никакого намека на «уступление или признание» не содержат. Во фразах вида *Хотя шел дождь <несмотря на дождь>, они пошли гулять*¹⁷; *Шел дождь, и тем не менее они пошли гулять* отмечается лишь странность сосуществования двух обычно несовместимых (с точки зрения говорящего) ситуаций действительности и отсутствует указание на риторическое намерение говорящего, состоящее в том, чтобы, внешне признавая

---

¹⁶ Ср. термин «возражение под видом согласия», используемый в работе [Булыгина, Шмелев 1997] для описания диалогической функции уступительных конструкций.

¹⁷ В этой фразе, а также во всех прочих примерах данного раздела представлено первое, основное значение русского союза *хотя*; у него есть другие значения, которые будут рассмотрены ниже. Однако прототип уступительности представлен именно в значении *хотя 1*, союза, имеющего очень близкие аналоги в других европейских языках; ср. английский союз *although*, французский *bien que*, немецкий *obwohl* — все они формируют ядро уступительности в соответствующих языках.

справедливость аргументов оппонента, настоять на своей правоте.

Однако для описания более далеких от прототипа уступительных единиц (таких как *как-никак*, *добро бы* и пр.), которые немислимы вне диалога с реальным или воображаемым оппонентом, а также для объяснения функционирования уступительных единиц в реальном дискурсе, где на первый план выходит именно их риторическая функция, уместно применение риторической традиции.

Интересно, что по мере удаления от семантического прототипа, нарастания семантической и прагматической сложности, и, соответственно, усиления риторической функции, у части уступительных слов и выражений начинает ощущаться бóльшая семантическая связь со смыслом 'уступать'.

Так, лексемы ряда *только бы 1* (*Мне ничего не нужно, только бы ему было хорошо*) или ряда *по крайней мере 2* (*Не можешь помочь, так по крайней мере не мешай*) можно приблизительно перефразировать при помощи слова *уступать*. Ср. *только бы X* $\approx$ 'говорящий готов уступить во всём остальном при условии, что будет X'; *по крайней мере X* $\approx$ 'говорящий уступает под давлением оппонента или обстоятельств, соглашаясь получить нечто меньшее, чем то, чего бы он действительно хотел'.

Однако такого рода перифразы очень неточны, применимы к весьма ограниченному кругу лексем и непригодны в качестве инструмента для системного описания уступительных единиц¹⁸. При этом интуитивно ощущается, что уступительные слова обладают некоторой общей частью значения, формируют единый семантический класс и, соответственно, требуют единообразного описания. В какой-то мере это ощущение отражено в академических грамматиках русского языка, особенно в [Грамматика-80], где делается попытка классифицировать типы уступительных единиц по типу значения: уступительные единицы недифференцированного значения (*хотя, пусть, пускай*), условно-предположительного значения (*может быть*), гипотетической разновидности

---

¹⁸ В какой-то мере неудобство терминов «уступительность», «уступка» вызвано узостью соответствующих смыслов в русском языке по сравнению с их аналогами в европейских языках. Латинский глагол *concedo* (и его производные), унаследованный европейскими языками, имеет гораздо более широкий смысл и круг употреблений, нежели русский глагол *уступать* (и его производные); в частности, он может интерпретироваться как 'соглашаться, допускать, признавать'. Ср. английское *I concede that I might have been wrong* 'Признаю, что я мог ошибиться', при невозможности аналогичной русской фразы **Я уступаю, что я мог ошибиться*. Смысл 'признавать', отсутствующий у русского глагола *уступать*, в гораздо большей степени подходит на роль центрального семантического компонента в значениях уступительных слов, нежели более конкретный смысл 'уступать'. Семантика русского глагола *уступать* предполагает, в первую очередь, отказ от чего-то в пользу другого лица (ср. разные значения этого глагола, представленные в словосочетаниях *уступить землю, уступить дорогу, уступить по дешевке, Не спорь — уступи*).

(если и, если даже) и некоторые другие. Однако это описание имеет серьезные недостатки: во-первых, в основе классификации лежат разные критерии — в частности, такие неоднородные, как положение уступительной единицы во фразе и семантика выражаемых ею уступительных отношений; во-вторых — что очень существенно, такие ярлыки, как «собственно-уступительное значение», «несобственное уступительное значение», «недифференцированное значение», семантически непрозрачны¹⁹, отчего непонятны и некоторые классификационные решения, например, попадание таких разных с семантической точки зрения единиц, как *хотя* и *пускай*, в один класс. Более того, классификация Грамматики-80 не учитывает наличия полисемии у многих уступительных единиц.

Представляется, что наиболее адекватным инструментом для решения задачи единообразного семантического описания лексико-грамматического класса, где все элементы имеют общий компонент значения, является описание при помощи аналитических толкований²⁰, принятое в таких теоретических направлениях, как NSM (natural semantic metalanguage) [Wierzbicka 1996], теории Смысл-Текст [Мельчук 1974], Московской семантической школы [Апресян 2004в]. Все указанные направления разделяют постулат о системном устройстве лексики языка и о примате семантики, мотивирующей прочие языковые свойства слов. В данной работе эта задача решается в рамках подхода Московской семантической школы; процитируем ее принципы, изложенные в работе Ю. Д. Апресяна: «Главным инструментом описания значений любых языковых единиц являются их аналитические толкования на специальном семантическом метаязыке. Этим МСШ отличается от других школ современной семантики, за исключением школы Вежбицкой. Метаязык МСШ отличается от языка А. Вежбицкой тем, что он а) этноспецифичен (представляет собою упрощенный и стандартизованный подязык описываемого языка) и б) содержит в своем словаре, помимо примитивов, некоторые промежуточные смыслы, необходимые для толкований многих лексем» [Апресян 2004в]. Получаемое в итоге описание характеризуется, как

---

¹⁹ В подобном ключе (при помощи семантических ярлыков) выполнено и описание уступительных единиц в публицистике в работе [Юань Мяосюй 2012].

²⁰ Типологические классификации, подобные [Haspelmath, König 1998], [Храковский 2004а] также пользуются семантическими ярлыками, а не толкованиями; для целей широкого типологического сравнения, особенно в сфере синтаксиса, которые они призваны решать, этот инструмент абсолютно адекватен. Однако в данной работе ставится цель полного семантического описания семантического класса, и для нее необходим инструмент толкований.

нам представляется, и теоретической строгостью, и практической применимостью.

I.1.2. Поиски семантического инварианта уступительности

Таким образом, первая задача, которая ставится в данной работе — понять, какие же именно смысловые компоненты объединяют разные уступительные единицы, иными словами — каков семантический инвариант уступительности.

Описания уступительности, существующие в синтаксической, семантической и типологической литературе (см. вышеперечисленные работы), неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, особенно тех, кто работает в области синтаксиса, теоретической семантики и типологии. Данные описания можно условно разделить на две группы: те, в которых строится толкование основных уступительных единиц на основе причинно-следственной семантики (что соответствует семантическим компонентам ‘потому что’, ‘поэтому’ или ‘влияет’), и те, которые опираются на семантику условия (что соответствует семантическому компоненту ‘если...то’). Ниже дается их краткое описание, а также обсуждается предлагаемый в данной работе семантический инвариант уступительности.

I.1.2.1. Уступительность и причина

В работах [König 1986, König 1991, Ляпон 1986, Теремова 1986, Теремова 1987, Урысон 2002, Урысон 2003, Падучева 2004] смысл основных уступительных единиц анализируется как некое производное причины (каузальности) и отрицания (negative causality, в терминах Кёнига)²¹.

В [Падучева 2004] утверждается, что «отрицание уступительной связи дает причинную», ср. предлагаемые в этой работе толкования основных уступительных лексем *хотя* и *несмотря на*; ср.:

«*P*, *несмотря на Q* = ‘*Q*; поэтому ожидалось, что не *P*; однако *P*’

Q, *хотя P* = ‘*P*; поэтому ожидалось, что не *Q*; *Q*’» [Падучева 2004: 344].

М. В. Ляпон определяет уступительные отношения как «модификацию каузального значения, соединенного с противительным компонентом» [Ляпон 1986: 137]. Т. е. во фразах типа *Q*, *хотя P* (*Никто не спал, хотя час был поздний*) ситуация *P*, о которой

---

²¹ Представленное в [Урысон 2002] толкование союза *хотя* сочетает каузальный смысл ‘влияет’ и условный смысл ‘если’; оно будет рассмотрено ниже.

сообщается в уступительной части, предстает как некая «потенциальная причина», оказавшаяся недостаточной для того, чтобы отменить ситуацию Q, о которой сообщается в другой части.

Р. М. Теремова анализирует примеры типа *Хотя высланными вперед людьми были выложены гати, всё равно дорога оказалась очень трудной. Истощенные и раненые задерживали движение. Их несли на руках* похожим образом: «событие, заключенное в уступительной части, должно было породить ожидаемое событие-следствие. ... Но в силу другой, превосходящей причины совершилось событие, противоположное ожидаемому. Структура уступительной ситуации, имея в своей основе причинно-следственную зависимость, представляет собой явление сложное и многогранное» [Теремова 1986: 6].

В работе [König 1991] дается определение английского союза *although* ‘хотя’ через причинный союз *because* ‘потому что’ и отрицание. Точнее, устанавливается смысловое соответствие между *because* под отрицанием, имеющим широкую сферу действия, и *although* под отрицанием, имеющим узкую сферу действия:

not (q because p) = (not-q) although p

не (q потому что p) = (не-q) хотя p.

В качестве лингвистического примера такого соответствия König приводит следующие близкие по смыслу перифразы с *because* и *although*: *This house is no less comfortable because it dispenses with air-conditioning* с приблизительным переводом ‘Этот дом не становится некомфортабельным из-за того, что в нем нет кондиционера’ = *This house is no less comfortable although it dispenses with air-conditioning* ‘Этот дом не является некомфортабельным, хотя в нем нет кондиционера’.

В [Урысон 2003] предлагается следующее основанное на семантике каузальности, толкование союзов *хотя* и *несмотря на то что*:

Хотя <несмотря на то что Q>, P =

‘[а, пресуппозиция] обычно ситуация типа Q влияет на имеющееся положение дел; в результате, если имеет место ситуация типа Q, то не имеет место ситуация типа P;

[б] в данном случае имеет место Q, имеет место P’.

1.1.2.2. Уступительность и условие

В работах [Grevisse 1969, König 1986, Morel 1996, Храковский 1998, Haspelmath,

König 1998], а также в ряде других исследований, в первую очередь типологических, уступительные отношения сближаются с условными, причем на основе не только синхронных данных какого-то одного языка²², но и типологического сравнения разных языков, а также изучения диахронии²³. Ср., например, следующее утверждение: «Связь условного и (более сложного) уступительного значения представляется несомненной. Об этом, в частности, можно судить по тому, что в ряде языков прототипический условный союз служит базой для образования формально более сложного прототипического уступительного союза» [Храковский 1998: 71]. В [Iten 1998] эксплицитно оспаривается анализ Кёнигом уступительных отношений как симметричных («dual») каузальным.

В работах [König 1986, Morel 1996] предлагаются толкования основных уступительных единиц, построенные на основе смысла условия в сочетании с отрицанием. Ср. определение союзов *although* и *even though* в [König 1986]:

although, even though p, not q

хотя p, не-q

‘а. p и не-q

б. если p, обычно q (пресуппозиция)’.

Ср. также похожее определение французского союза *bien que* ‘хотя’ в работе [Morel 1996]:

Bien que A, B / B, bien que A

Хотя A, B / B, хотя A

Bien qu’il pleuve, il sort

Хотя идет дождь, он уходит

‘A обычно ассоциируется с B1 и B=не-B1’.

²² Так, во французском языке после уступительных союзов требуется употребление сослагательного наклонения глагола, даже если речь идет о реальных фактах; ср. *Il était généreux, quoi’il fût économe* (‘Он был щедрым, хотя и экономным’), что является грамматическим свидетельством близости уступительных и условных отношений. В финском языке стандартный уступительный союз *vaikka* ‘хотя’ является обычным союзом также в условно-уступительной конструкции (где сближается по смыслу с русским *даже если*) [Томмола 2004: 484]. У русского союза *если* отмечается уступительное употребление [Санников 2001: 86–87] (в данной работе этот тип употребления *если* в комбинации с союзом *и* анализируется как отдельная уступительная лексема *если и 2*, см. раздел 3.1.5).

²³ Ср., например, об уступительном и условном употреблении союза *хотя* в древнерусском языке в работе [Николаева 1999: 317–318]; заметим, что его употребление в причинном значении не отмечается. Ср. также об условном и уступительном употреблении церковно-славянского союза *аще* в работе [Лавров 1941: 52–64].

1.1.2.3. Предлагаемый семантический инвариант уступительности

Рассмотрим теперь некоторые дополнительные лингвистические данные, чтобы определить, какой анализ уступительности является предпочтительным, и построить толкование основной уступительной единицы русского языка — союза *хотя* I²⁴.

1.1.2.3.1. Указание на общие законы мироустройства в значении уступительности

Как было сказано выше, в работе [König 1991] предлагается считать значение уступительности некоторой комбинацией отрицания и причины. Построим пару примеров, аналогичных приведенным выше примерам из [König 1991]. Ср.:

(1) а) *Иван не расстроился [Q] из-за того, что проиграл много денег в рулетку [P]*

VS.

б) *Иван не расстроился [Q], хотя <несмотря на то, что> проиграл много денег в рулетку [P].*

На первый взгляд, эти фразы синонимичны. Обе они сообщают о том, что имеет место ситуация P [проигрыш] и о том, что она не привела к ситуации не-Q [Иван расстроился], т. е. имеет место ситуация Q [Иван не расстроился].

Однако если фраза с причинным предлогом *из-за* сообщает только об этом конкретном эпизоде действительности и ни о чем больше, то фраза с уступительным союзом *хотя* вводит, помимо этого, указание на некоторую закономерность²⁵.

А именно, во фразе с *хотя* говорящий считает, что ситуации типа P обычно или при естественном ходе событий приводят к ситуациям типа не-Q и, таким образом, оценивает имеющую место в данном случае ситуацию Q как нарушение обычного или естественного хода событий.

Таким образом, значение уступительности отличается от значения причины

---

²⁴ Поскольку в нашем анализе мы опираемся на данные русского языка и толкование строится на русском языке, наши выводы относительно семантического инварианта уступительности касаются в первую очередь именно русского концепта уступительности. Представляется, однако, что, хотя на периферии концепта уступительности имеет место широкая межъязыковая вариативность, его центральная часть — семантический прототип уступительности — является в большой степени универсальным.

²⁵ В работе Т. М. Николаевой отмечается обратная зависимость: контекст генерализации, обобщения (т. е. указания на некую общую закономерность) способствует появлению у высказывания уступительной интерпретации; ср. «кроме противопоставленности, скрытая генерализация привносит смысл уступительности» [Николаева 1985: 96].

не только компонентом отрицания, но и апелляцией к стандартным законам устройства мира²⁶.

В [König 1991] подобное указание на нарушение естественного хода событий усматривается также во фразах с причинными словами. Однако в действительности причинные слова сами по себе не вводят указания на нарушение каких-то существующих в мире закономерностей. Ср. контрастные пары примеров с причинным предлогом *из-за* и уступительным предлогом *несмотря на*:

(2) а) *Он не расстроился из-за проигрыша*

VS.

б) *Он не расстроился, несмотря на проигрыш,*

а также

в) *Странно расстраиваться из-за проигрыша*

VS.

г) *??Странно расстраиваться, несмотря на проигрыш.*

Фразы (2а) и (2б) обе правильны, хотя несколько отличаются по смыслу и по сфере действия отрицания. Во фразе (2а) отрицание имеет широкую сферу действия: *Он не расстроился из-за проигрыша* = ‘Неверно, что он расстроился из-за проигрыша’ [отрицается как факт расстройства, так и наличие причинно-следственной связи между расстройством и проигрышем]²⁷. Во фразе (2б) отрицание имеет узкую сферу действия, кроме того, имеется указание на наличие общей закономерности, согласно которой люди, когда проигрывают, расстраиваются: *Он не расстроился, несмотря на проигрыш* = ‘Имел место проигрыш; естественно было расстроиться; неверно, что он расстроился’.

Вторая пара фраз различается существенно сильнее: фраза (2в) является правильной и выражает мнение говорящего о том, что расстраиваться из-за проигрыша неестественно.

Фраза (2г) аномальна из-за наличия дополнительного семантического компонента — апелляции к общей закономерности, согласно которой из-за проигрыша расстраиваться естественно. Таким образом, во фразе (2г) переживание оценивается

---

²⁶ Такое же различие существует между уступительным значением и значением условия — прототипическое условие не предполагает никаких обобщений и апелляции к общим законам устройства мира.

²⁷ Ср. *Он не пришел из-за проигрыша* = ‘Неверно, что он пришел; причиной этого является проигрыш’, где отрицание имеет узкую сферу действия и наличие причинно-следственной связи не отрицается.

одновременно и как странная, и как естественная реакция на проигрыш. Укажем источник аномалии более точно. Согласно сформулированным в работе [Апресян 1995] правилам взаимодействия смыслов в высказывании, противоречие ассерции и пресуппозиции приводит к аномалии [Апресян 1995: 619]. Во фразе (2г) имеет место именно такое противоречие:

ассерция = ‘говорящий считает странным, что, проиграв, человек расстроился’ [вводится предикатом *странно*];

пресуппозиция = ‘говорящий считает, что человеку естественно расстраиваться, если он проиграл’ [вводится предлогом *несмотря на*].

Вообще, наличие в уступительном значении указания на нарушение некоторого естественного хода вещей так или иначе отмечается во всех работах по уступительности.

Однако нам представляется существенным, что имеющее место положение вещей является необычным, неестественным именно с точки зрения говорящего. Если бы уступительные лексемы вводили представление о некоторой объективной норме, фразы типа ??*Странно расстраиваться, несмотря на проигрыш* не были бы аномальными, т. к. вполне возможна ситуация, при которой говорящий считает существующую норму неверной и выражает несогласие с ней. Фразы такого типа аномальны именно потому, что в них сталкиваются два противоположных мнения говорящего.

1.1.2.3.2. Контрпримеры к каузальному анализу уступительности

Для стандартных уступительных фраз типа *Хотя шел дождь, мы пошли гулять* каузальный анализ не представляет проблемы: указывается некоторое положение вещей в реальном мире (плохая погода), которое должно было бы привести к некоторой ситуации (мы остались дома), однако в силу каких-то причин не привело к нему²⁸.

Однако существуют употребления союза *хотя*, которые невозможно адекватно интерпретировать в рамках каузального анализа уступительности, на которые мы обращали внимание в устных выступлениях. Позднее эта группа примеров была

---

²⁸ В терминологии [Crevels 2000] такое употребление уступительных союзов типа *although* ‘хотя’ называется «content concessives», т. е. употребление, в котором уступительные средства указывают на препятствие для ситуации Q, существующее в реальном мире.

рассмотрена в работах [Урысон 2003, Урысон 2011, Апресян В. 2006].

Приведем наши контрпримеры и попытаемся применить к ним каузальный анализ:

(3) а) *Хотя его фамилия Иванов, он китаец.*

б) *Хотя сегодня синоптики обещали солнечную погоду, после обеда начался страшный ливень.*

Подобная попытка порождает неверные интерпретации. Если ввести в значение *хотя* семантический компонент ‘ситуация типа Q влияет на имеющееся положение дел, в результате, если имеет место Q, то не имеет место P’ (из толкования, предложенного в работе [Урысон 2003], см. раздел 1.2.1), то фразе (3а) пришлось бы приписать пресуппозицию, что фамилия человека обычно влияет на его национальность. Вторая фраза в рамках каузального анализа значила бы, что прогнозы синоптиков обычно влияют на погоду.

Однако, если в толковании *хотя* заменить причину на условие, мы получаем более простую и естественную интерпретацию этих фраз: обычно, если фамилия человека Иванов, то он русский (3а); обычно, если синоптики делают предсказание, их предсказание сбывается.

Предлагаемый в работе [Урысон 2003] выход из положения, состоящий в том, что постулируется наличие некоторой третьей, более общей ситуации, влияющей и на Q, и на P, как нам кажется, не спасает положения. Усматривать во фразах типа (3а) существование пресуппозиции вида ‘существует нечто, что передается человеку от его родителей, а им — от их родителей и т. д. и что является причиной существования ситуации типа Q и существования ситуации типа не-P’, как это предлагается в [Урысон 2003], представляется чрезмерным усложнением. Когда произносится фраза типа *Хотя его фамилия Иванов, он китаец*, явно ни говорящий, ни адресат не задумываются о том, что национальность и фамилия человека являются чем-то, передающимся по наследству, и о том, что национальность и фамилия родителей влияют на национальность и фамилию детей.

Приведем некоторые дополнительные соображения в связи с рассматриваемым материалом.

Можно было бы думать, что каузальный анализ лексемы *хотя* 1 в данных фразах невозможен, потому что в них представлена другая лексема слова *хотя*, а именно — противительный союз *хотя* 2, близкий по значению союзу *но*, который можно

проиллюстрировать фразами типа:

- (4) а) *Буря еще продолжался, хотя с меньшей силой* (Пушкин, БАС).
б) *Но они [стрелки часов] двигались, хотя и очень медленно, как будто прилипают* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).
в) *Он человек добрый, хотя и глупый.*

Однако на самом деле это не так.

Во-первых, как видно из приведенных фраз, для союза *хотя 2* гораздо более характерна постпозиция к фразе, заполняющей первую валентность (как и для союза *но*). Если же *хотя 2* находится в препозиции, то перед фразой, заполняющей вторую валентность, требуется употребление союза *но* или уступительной частицы типа *всё-таки* или *всё же*, а иногда и того, и другого. Ср. *Он человек хотя и необразованный, но очень способный* <*всё же очень способный*> при невозможности **Он человек хотя <хоть> и необразованный, очень способный.*

Для союза *хотя 1* употребление *но* в такой ситуации было бы, наоборот, избыточным; ср. нестандартность ?*Хотя было холодно, но дети пошли гулять.* Невозможно ввести союз *но* и в приводившиеся выше фразы; ср. неестественность или невозможность ??*Хотя его фамилия Иванов, но он китаец, ??Хотя синоптики обещали солнечную погоду, но после обеда начался страшный ливень.*

Кроме того, во фразах с противительным *хотя 2* этот союз не может быть заменен на предлог *несмотря на* (и на производный от него союз с тем же значением *несмотря на то что*), синоним уступительного союза *хотя 1*; ср. неправильность **Стрелки часов двигались, несмотря на медленность; *Стрелки часов двигались, несмотря на то, что очень медленно.*

Между тем в рассматриваемых фразах такая замена возможна. Ср.:

- (5) а) *Он китаец, несмотря на то, что его фамилия Иванов.*
б) *Несмотря на то, что синоптики обещали солнечную погоду, после обеда начался страшный ливень.*

Это еще раз подтверждает, что в них употреблена именно уступительная лексема *хотя 1*.

Наконец, и сам предлог *несмотря на*, синонимичный уступительному союзу *хотя 1*, также встречается во фразах, подобных вышеуказанным, где невозможно интерпретировать уступительность как некое производное каузальности. Ср. *Понятно*

было, что в квартире кто-то есть [Q], несмотря на то, что все лица, которым так или иначе надлежало ведать вопросами о прибывающих в Москву иностранных артистах, решительно и категорически утверждали, что никакого черного мага Воланда в Москве нет и быть не может [P] (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Невозможно понять эту фразу следующим образом: обычно ситуации типа P (кто-то утверждает, что некоторого человека нет в каком-то месте) приводят к ситуациям типа не-Q (этого человека действительно нет в этом месте). Правильная интерпретация этой фразы включает, опять-таки, указание на условие: обычно, если кто-то утверждает, что некоторого человека нет в каком-то месте, то этого человека действительно нет в этом месте (максима искренности, согласно которой утверждения обычно соответствуют действительности).

Пользуясь терминами, предложенными в работе [Crevels 2001: 30–32], примеры (3) и (5) — это *epistemic concessives* (эпистемические концессивы), т. е. употребления, где уступительные средства указывают не на препятствие, существующее для ситуации Q в реальном мире, а на препятствие в виде *belief* (чьего-то убеждения или чьей-то точки зрения), которое мешает сделать вывод о существовании Q. Для эпистемических употреблений каузальный анализ дает аномальные интерпретации; ср. также в качестве контрпримера каузальному анализу *хотя* эпистемическое употребление вида *Я думаю, он хороший человек, хотя ты так не считаешь*.

Рассмотрим еще один пример *epistemic concessive*, в котором толкование, опирающееся на смыслы ‘влиять’, ‘причина’, не дает естественной интерпретации. Фраза

(6) *Хотя с утра больному стало лучше [P], вечером он умер [Q]*²⁹

не содержит пресуппозиции ‘обычно хорошее состояние больного в некоторый момент времени положительно влияет на его состояние в более поздний момент времени’. Более естественно предположить наличие следующей пресуппозиции: ‘Если больному стало лучше, естественно ожидать дальнейшего улучшения’. В работе [Урысон 2011: 110] для примеров типа (6) и близких к ним примеров типа *Хотя я не религиозен, я считаю, что самоубийство — это грех* постулируется семантический сдвиг, в рамках которого усматривается влияние ментального мира говорящего на его оценки.

---

²⁹ Мы используем адаптированный для наших целей известный пример из работы [Санников 1989: 162].

Непонятно, впрочем, чем предлагаемое решение лучше, чем анализ *хотя* в терминах семантического примитива *если*, который покрывает и подобные случаи употребления: ‘обычно, если наметилась тенденция к улучшению состояния, естественно ожидать ее продолжения’; ‘обычно, если человек религиозен, можно ожидать, что он считает самоубийство грехом’.

Наконец, каузальный анализ также не покрывает иллокутивных употреблений союза *хотя* типа *Хотя я туда не собираюсь — когда будет собрание?* Иллокутивным называется такое употребление союза, когда он характеризует отношение между пропозициональным смыслом одного предложения и фактом произнесения другого предложения [Иорданская 1988, Иорданская, Мельчук 2007: 430]; в данном случае говорящий задает вопрос о том, когда будет собрание (иллокутивная модальность главного предложения — вопрос), хотя эта иллокутивная модальность нарушает ожидания, следующие из содержания пропозиции, вводимой союзом *хотя* — говорящий не собирается посещать собрание. Подобные иллокутивные употребления возможны для условного союза *если*, но не для причинных союзов *потому что*, *поскольку* и *так как*³⁰; ср. правильность фразы вида *Если я соберусь к нему на день рожденья — какой у него адрес?* при невозможности **Потому что <поскольку, так как> я собираюсь к нему на день рожденья, какой у него адрес?*

Таким образом, представляется, что толкование основной уступительной лексемы *хотя I* должно опираться не на смысл ‘влияет’ или ‘потому что’, т. к. этот смысл является чересчур специфичным и не покрывает всех случаев ее употребления, а на более общий смысл ‘если’, который покрывает все, в том числе эпистемические и иллокутивные, типы употреблений *хотя*, в частности потому, что союзу *если* также свойственны подобного рода сдвинутые употребления.

1.1.2.3.3. Предлагаемое толкование союза *хотя I*

Мы предлагаем следующее толкование *хотя I*:

(7) *Хотя P, Q* (*Хотя он был болен [P], он пошел на работу [Q]*) = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если³¹ имеет место ситуация типа P,

---

³⁰ Как показано в работе [Иорданская, Мельчук 2007: 497–498], иллокутивные употребления причинных союзов вообще намного более сочетаемостно ограничены и редки, чем условного союза *хотя*.

³¹ Союз *если* в толковании использован в своем первом, основном значении, представленном во фразах типа

то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Прокомментируем это толкование.

Дизъюнктивный компонент 'обычно или естественно' введен в толкование по следующим причинам.

Иногда фразы с *хотя I* апеллируют к некоторой статистической норме, а именно, говорящий считает, что в большинстве случаев, если имеет место ситуация типа P, то имеет место ситуация типа не-Q. Так, уже приводившийся пример *Хотя его фамилия Иванов, он китаец* интерпретируется именно таким образом (см. выше): 'Обычно, если фамилия человека Иванов, то он русский'. Т. е. общая тенденция, на которую опирается это высказывание, может быть сформулирована примерно следующим образом: «Большинство Ивановых русские (а не китайцы)».

Однако некоторые фразы с *хотя I* вводят указание не на статистическую норму, а на некий естественный, лежащий в природе вещей ход событий, который в реальном мире может встречаться далеко не в подавляющем большинстве, а иногда даже в меньшинстве случаев. Ср. фразы:

(8) а) *Хотя он ее очень любил [P], он на ней не женился [Q].*

б) *Хотя в начальной школе он учился хорошо [P], в средней школе он скатился на двойки [Q].*

Тенденции, к которым апеллируют данные высказывания, могут быть сформулированы следующим образом: 'Если кого-то очень любишь, естественно соединить свою судьбу с этим человеком'; 'Если сначала что-то делаешь хорошо, то естественно и в дальнейшем делать это хорошо'.

При этом естественный ход событий не всегда оказывается обычным, частотным, ср. нормальность фраз типа:

(9) а) *Хотя он ее очень любил, он, как это часто бывает, на ней не женился* [Если кого-то любишь, то естественно жениться на объекте своей любви; однако в жизни подобный естественный ход событий встречается редко].

б) *Хотя в начальной школе он учился хорошо, в средней школе он, как это часто бывает, скатился на двойки* [Если кто-то начинает учиться хорошо, естественно и продолжать в том же духе; однако в жизни такое бывает нечасто].

Если болезнь несерьезная, лучше обойтись без антибиотиков (о полисемии *если* см. работы [Гладкий 1982; Санников 2001; Урысон 2001]).

Во фразах типа *Хотя его фамилия Иванов, он китаец* такого рода модификации невозможны; ср. прагматическую странность:

(10) *Хотя его фамилия была Иванов, он, как это часто бывает, оказался китайцем.*

Таким образом, дизъюнктивный компонент ‘говорящий считает, что если ..., то обычно или естественно’ вводится нами в толкование для того, чтобы охватить оба описанных типа употреблений союза *хотя I*.

Необходимость введения в толкование фигуры говорящего обосновывалась в разделе 1.2.3.1.

Аргументы в пользу наличия в значении *хотя I* смысла ‘если’ (а не смысла ‘влиять’) приводились в предыдущем разделе.

Остается объяснить наличие в толковании компонентов ‘ситуация типа P’ и ‘ситуация типа не-Q’.

У союза *хотя I* есть два семантических актанта — ситуация P и ситуация Q. В каждом случае употребления *хотя I* вводится указание на две конкретные ситуации P и Q — например, *Хотя он был болен, он пошел на работу*, где *Он был болен* = P и *Он пошел на работу* = Q. Однако присутствующая в толковании *хотя I* ссылка на естественный ход событий носит более общий характер. Указание на связь ситуаций формулируется не относительно конкретных ситуаций P и не-Q, а относительно двух классов ситуаций, к которым P и не-Q принадлежат³².

Поясним это утверждение. Рассмотрим приводившийся выше пример *Хотя с утра больному стало лучше [P], вечером он умер [Q]*. Если предположить, что своим высказыванием говорящий устанавливает связь между двумя конкретными ситуациями P и Q, то эту фразу следовало бы интерпретировать следующим образом: ‘утром больному стало лучше; вечером больной умер; говорящий считает, что обычно, если утром больному становится лучше, вечером он не умирает’. Однако очевидно, что на самом деле говорящий апеллирует к некоторой более общей тенденции (или, следуя терминологии В. З. Санникова, некоторому общему принципу).

В очень обобщенном виде этот принцип был сформулирован Санниковым (на примерах *Он заболел, но скоро выздоровел* и *С утра больному стало лучше*,

---

³² Необходимость оперировать абстрактными, общими типами ситуаций, а не конкретными ситуациями убедительно обосновывается в работе [Санников 1989: 153–156] на материале союза *но*.

но вечером он умер) следующим образом: «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении» [Санников 1989: 162].

Ссылкой на нарушение этого же общего принципа можно объяснить естественность таких фраз, как *Хотя с утра больному стало лучше, к вечеру опять наступило ухудшение; Хотя сначала он пошел на поправку, позднее начались осложнения; Хотя во второй четверти Петя занимался хуже, чем обычно, к концу года он взялся за ум* и многих других.

Представляется, однако, что на самом деле в высказывании *Хотя с утра больному стало лучше, вечером он умер* уровень абстрагирования от конкретных ситуаций на самом деле не столь высок. Говорящий напрямую апеллирует не к самой общей тенденции «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении», а скорее, к ее более частному проявлению «Если состояние больного улучшилось, то естественно ожидать, что в дальнейшем оно не ухудшится или улучшится». Мы эксплицитно вводим компонент «не ухудшится», чтобы объяснить неправильность фраз типа ??*Хотя с утра у нее была нормальная температура, к вечеру она осталась такой же*.

Таким образом, конкретные ситуации Р [*С утра больному стало лучше*] и не-Q [*Больной не умер*] входят в более общие классы ситуаций «состояние больного улучшилось» и «состояние больного не ухудшилось или улучшилось». В толковании этому соответствуют компоненты ‘ситуация типа Р’ и ‘ситуация типа не-Q’.

Необходимость апелляции к классам ситуаций, а не к конкретным ситуациям может быть проиллюстрирована также следующим примером: *Счет никак не сходится, и с четвертого раза их оказывается сто семьдесят две [Q], хотя в первый раз получилось сто девяносто три [P]* (М. Веллер, Легенды Невского проспекта).

Если попытаться реконструировать общую тенденцию, нарушение которой отмечает говорящий, опираясь на конкретные ситуации Р и Q, то надо будет предположить наличие следующей пресуппозиции в этой фразе: ‘говорящий считает, что обычно, если в первый раз при счете насчитывается сто девяносто три объекта, то в четвертый раз при счете не насчитывается сто семьдесят два объекта’. На самом деле, конечно, речь идет о гораздо более общей тенденции, существующей относительно многих различных ситуаций, которую в общем виде можно сформулировать как «разные попытки при счете должны давать один и то же

результат».

Апелляция к классам ситуаций, а не к конкретным ситуациям P и Q отмечается в работе [Morel 1996] (ср. ее толкование французского союза *bien que* в разделе 1.2.2), а также, более эксплицитно, в работе [Урысон 2002] (ср. ее толкование *хотя I* в разделе 1.2.3.2). Однако в обеих работах классы ситуаций вводятся в толкование через дополнительные переменные (B1 у Morel, P' и Q' у Урысон). Это вызывает две трудности: во-первых, в толкованиях не оговаривается тот факт, что конкретные ситуации P и Q принадлежат к соответствующим более общим классам ситуаций; во-вторых, не вполне ясен статус дополнительных переменных в толкованиях.

Очевидно, что их статус отличается от статуса переменных P и Q, обозначающих валентности союза *хотя I*, т. к. P' и Q' никаким валентностям не соответствуют (*хотя I* — двухвалентный союз). Наличие в толковании переменных, не соответствующих реальным валентностям, нежелательно с теоретической точки зрения и неудобно практически.

Указание на типы ситуаций, предлагаемое в работах [Апресян В. 1999, Апресян В. 2006], а также в данном исследовании, позволяет избежать этих трудностей.

1.1.3. Уступительность и противительность (*хотя 1* и *но*)

Перед тем, как мы перейдем к анализу прочих уступительных лексем и рассмотрим их смысловую структуру, в основе которой лежит полученный нами семантический инвариант уступительности, а именно — толкование основного уступительного союза *хотя I*, мы хотели бы сравнить этот союз с противительным союзом *но*.

Уступительность и противительность являются достаточно близкими смыслами, что отмечается, в частности, в грамматике [Grevisse 1969: 1094], где уступительные союзы (*concessives*) также называются противительными (*d'opposition*), а также в книге [Rudolph 1996], где проводится детальное сравнение семантики и синтаксиса уступительных и противительных отношений на материале ряда европейских языков³³. Тот факт, что у слов *хотя* и *хоть* есть и уступительное (*хотя I* и *хоть I*), и противительное значения (*хотя 2* и *хоть 2*), также это подтверждает.

---

³³ Ср. также работу [Крейдлин, Падучева 1974: 35, 36], где проводится сближение между противительным союзом *а* в одном из его значений (A₂) с уступительными лексемами и выражениями *между тем, в то же время, хотя, всё-таки, тем не менее*. Предлагаемое в этой работе толкование союза A₂ очень близко принятым толкованиям основных уступительных лексем; ср. «S A₂ Q = 'S и Q; между тем, из того, что S, вообще говоря, следует, что не должно иметь место Q'» [Крейдлин, Падучева 1974: 35].

Здесь нас интересует в первую очередь, семантический анализ *хотя I* и *но*, который дал бы возможность объяснить сходство и различия в языковом употреблении этих двух единиц. Попытка такого сопоставительного анализа была предпринята в работах [Апресян В. 2000, Апресян В. 2006], и здесь мы бы хотели привести уточненные и скорректированные соображения по этому поводу.

1.1.3.1. Толкования хотя I и но «ненормального следствия»

Легко заметить, что полученное нами толкование *хотя I* очень сильно пересекается с толкованием союза *но* в одном из его употреблений («*но* ненормального следствия»), предложенным В. З. Санниковым [Санников 1989: 156]:

X, но Y (Он пошел за хлебом, но не купил его) =

‘X;

при нормальном ходе событий³⁴ X привел бы к чему-то противоположному Y-у; имеет место ненормальное Y;

решающим для описываемой ситуации является Y’.

Если эти лексемы имеют столь сильно пересекающиеся толкования, то они должны быть взаимозаменяемы в подавляющем большинстве контекстов. И действительно, *хотя I* практически всегда может быть заменен на «*но* ненормального следствия» (с применением конверсии). Ср.:

(11) а) *Она даже лишний раз Томе замечаний не делала, хотя была очень приметлива и прекрасно понимала все эти маленькие обманы...* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000) $\approx$ *Она была очень приметлива, но лишний раз Томе замечаний не делала.*

б) *Королевич никогда не мог с этим смириться, хотя прошло уже порядочно времени* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)) $\approx$ *Прошло уже порядочно времени, но Королевич никогда не мог с этим смириться.*

Однако обратная замена возможна не всегда. Ср. правильность замены во фразе

(12) а) *Их научились заменять, но чистить их не умеют* (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002) $\approx$ *Хотя их научились заменять, их не умеют чистить.*

---

³⁴ Смысл, выражаемый в данном толковании при помощи компонента ‘нормальный ход событий’, мы выражаем при помощи смыслов ‘обычно’ и ‘естественно’.

и ее необоснованность во фразах

б) *Он хотел заехать сегодня, но не успел* ≈ ??*Хотя он хотел заехать сегодня, он не успел.*

в) *Виталик [...] хотел было сообщить брату, что он и сам готов жениться, но удержал язык* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000) ≈ ??*Хотя Виталик [...] хотел было сообщить брату, что он и сам готов жениться, он удержал язык.*

Тот факт, что замена *хотя I* на *но* возможна практически всегда, а обратная замена возможна только в некоторых случаях, заставляет предположить, что значение *но* шире, чем значение уступительных лексем. Возникает вопрос, какое из толкований требуется модифицировать — толкование *но* или толкование *хотя I*?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, в чем именно состоит неестественность этих фраз. Представляется, что фраза ??*Хотя он хотел заехать сегодня, он не успел* является чересчур категоричной: она предполагает, что в норме, если человек чего-то хочет, то обстоятельства складываются так, что ему удастся это осуществить, в то время как согласно нашим знаниям о мире такой исход является лишь одним из возможных вариантов.

Таким образом, семантическое различие между «*но* ненормального следствия», с одной стороны, и *хотя I*, с другой, может быть сформулировано следующим образом.

«*Но* ненормального следствия», указывает на то, что при наличии некоторой ситуации *P* ситуация не-*Q* является одним из нескольких возможных вариантов развития событий — самым естественным, с точки зрения говорящего.

Хотя I предполагает, что при наличии *P* не-*Q* является единственным естественным вариантом развития событий. Связь между *P* и не-*Q*, которая задается лексемой *хотя I*, сильнее, чем та, которую предполагает *но*.

Уступительный союз *хотя I* предполагает, что ситуация *P* мешает ситуации *Q* осуществиться, но что это препятствие оказывается преодоленным; противительный союз *но* предполагает, что ситуации *P* и *Q* имеют противоположную оценку, причем *Q* в данных обстоятельствах оценивается как более важная.

Поэтому союз *но* возможен в большем числе контекстов — он не налагает столь сильных ограничений на *P* и *Q*, как *хотя I*.

Компонент 'говорящий считает, что если имеет место ситуация типа *P*, то обычно

или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q' в толковании *хотя* отражает эту более жесткую связь.

С другой стороны, толкование *но*, как представляется, можно уточнить, заменив компонент 'при нормальном ходе событий X привел бы к чему-то противоположному Y-у' на более мягкое ограничение 'при более обычном или более естественном ходе событий X привел бы к чему-то противоположному Y-у'.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий данное различие между *но* и *хотя 1*. Ср.:

(13) а) *Он немного поискал квартиру [P], но ничего не нашел [Q]*
при аномальности

б) *??Хотя он немного поискал квартиру [P], он ничего не нашел [Q]*.

Употребление в подобных контекстах, где P оценивается как незначительное препятствие на пути к существованию Q, нехарактерно для *хотя 1*, но возможно для *но*.

1.1.3.2. «Общие принципы» как фактор в употреблении *но*, *хотя 1* и *несмотря на*

Лексемы *хотя 1* и *но* сближаются, помимо своей семантики, еще и следующим: употребление обеих этих лексем регулируется некоторыми «общими принципами, отражающими мироощущение человека» [Санников 1989: 156]³⁵.

Эти, а также многие другие, особенно уступительные, лексемы употребляются тогда, когда, с точки зрения говорящего, некоторые общие принципы устройства мира были нарушены³⁶. В предложенных нами толкованиях данных лексем эта апелляция к общим законам устройства мира отражена смысловыми компонентами 'обычно' и 'естественно'.

Как было показано выше, лексема *хотя 1* предполагает нарушение некоторых более жестких норм, нежели союз *но*; точнее, для *но* возможны как более, так и менее жесткие нормы. В связи с этим возникает предположение, что существующие в сознании говорящих нормы, или «общие принципы, отражающие мироощущение человека», или «аксиомы действительности» [Мартемьянов, Дорофеев 1983], неоднородны. А именно, некоторые из них являются более сильными, чем другие,

---

³⁵ В работе [Санников 1989] необходимость апелляции к «общим принципам» мотивируется для союза *но*; для союза *хотя 1* она отмечается в [Урысон 2002: 40–43].

³⁶ Ср. «ненормальность» как часть значения уступительности в [Храковский 2004б:561].

и употребление *хотя I* регулируется именно этими более сильными, более жесткими принципами, в то время как круг принципов, связанных с употреблением *но*, гораздо шире.

Кроме того, между разными уступительными лексемами, например, *хотя I* и его ближайшим синонимом *несмотря на*, также существует различие, коррелирующее со степенью жесткости применимых к их употреблению «общих принципов». А именно, *несмотря на* используется тогда, когда речь идет о нарушении более обязательных норм, нежели те, на которые указывает *хотя I*. Ср. следующие фразы:

(14) а) *Хотя очень хочется повидаться, никак не удастся выкроить на это время.*

б) *Хотя многим нравится новая модель «Жигулей», Петя решил купить поддержанную иномарку.*

При замене *хотя I* на *несмотря на* эти фразы станут прагматически несколько странными; ср.:

(15) а) *Несмотря на то, что очень хочется повидаться, никак не удастся выкроить на это время.*

б) *Несмотря на то, что многим нравится новая модель «Жигулей», Петя решил купить поддержанную иномарку.*

Эти фразы несколько неадекватны прагматически, т. к. предполагают чересчур жесткую зависимость между ситуациями. Так, первая фраза постулирует, что желание что-то сделать непременно сопровождается соответствующей возможностью, а вторая предполагает, что если нечто нравится многим людям, это непременно будет нравиться и всем остальным.

Таким образом, толкование *несмотря на* можно получить из толкования *хотя I* путем следующего семантического наращения (измененные элементы выделены разрядкой):

(16) *Несмотря на P (на то, что P), Q = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q’³⁷.*

---

³⁷ По сравнению с толкованием *хотя I*, в толковании *несмотря на то что* в сторону большей жесткости и обязательности изменены два компонента — компонент, отражающий представление о частотности (‘обычно’) и компонент, отражающий представление о порядке мироустройства (‘естественно’, предполагающий существенно более мягкую оценку, чем ‘нормально’).

Таким образом, шкала жесткости норм выстраивается от *но* (наименьшие ограничения на характер нарушаемых норм) через *хотя I* к *несмотря на* (предполагает нарушение самых жестких норм).

Рассмотрим теперь некоторые из «общих принципов», выделяемых В. З. Санниковым как релевантных для употребления союза *но* [Санников 1989: 162–164] с точки зрения их применимости к ситуациям, описываемым *хотя I* и *несмотря на*.

1) Принцип статичности: «Ненормально исчезновение чего-то или появление чего-то нового»:

Рассмотрим некоторые примеры с *но*, иллюстрирующие этот принцип. Нормально употребление *но* в следующих фразах: *В этой деревне было пятьдесят жилых домов, но осталось только пять; Здесь всегда был пустырь, но в прошлом году построили гаражи.*

Попробуем теперь подставить в эти примеры *хотя I* и *несмотря на*. Без дополнительных контекстуальных дополнений выглядят странными или невозможными фразы вида *?Хотя здесь всегда был пустырь, в прошлом году построили гаражи; ??Несмотря на то, что в этой деревне было пятьдесят жилых домов, осталось только пять* и пр.

Как видно из примеров, принцип статичности не является достаточно жестким и, соответственно, релевантным для *хотя I* и *несмотря на*. Поэтому употребление этих лексем в подобных контекстах не вполне уместно.

2) Принцип последовательности³⁸ : «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении»³⁹.

Ср. естественные примеры: *Он заболел, но потом выздоровел; С утра больному стало лучше, но вечером он умер.* При подстановке в эти примеры лексем *хотя I* и в особенности *несмотря на* получаются разнородные результаты: в первом контексте их употребление затруднено, во втором — абсолютно естественно; ср. *?Хотя он заболел, он потом выздоровел; ??Несмотря на то, что он заболел, он потом выздоровел VS. Хотя с утра больному стало лучше, вечером он умер; Несмотря на то, что с утра*

---

³⁸ В [Санников 1989] этому принципу не дается специального наименования. Мы предлагаем называть его принципом последовательности.

³⁹ Для иллюстрации этого и следующего принципов мы используем примеры из [Санников 1989].

больному стало лучше, вечером он умер.

Эта непоследовательность подтверждает высказанную нами в разделе 1.2.3.3 гипотезу о том, что в высказываниях с *хотя 1* (и, как мы видим, с *несмотря на*) содержится апелляция к несколько менее общим принципам, нежели в высказываниях с *но*. Таким образом, для уступительных лексем *хотя 1* и *несмотря на* принцип «Если наметилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении» дробится на множество более частных тенденций.

Среди этих тенденций есть онтологически достаточно жесткие и, соответственно, релевантные для данных лексем, например: «Если состояние больного улучшилось, то естественно ожидать, что в дальнейшем оно не ухудшится или улучшится». С другой стороны, есть недостаточно жесткие и, соответственно, нерелевантные для данных лексем тенденции, например «Если человек заболел, то естественно ожидать, что он не выздоровеет».

3) Принцип гармоничности: нормально, когда признаки того или иного предмета или явления относятся к одному полюсу (например, оценочному или степенному).

Ср. правильность *Она некрасивая, но умная* при крайней неестественности или невозможности *??Хотя она некрасивая, она умная*, **Несмотря на то, что она некрасивая, она умная*.

Принцип гармоничности, по-видимому, является достаточно слабым принципом, и поэтому ситуации его нарушения не описываются лексемами *хотя 1*⁴⁰ и *несмотря на*.

4) Принцип соответствия⁴¹: нормально, когда утверждения оказываются правдой, а намерения, обещания, угрозы, побуждения, ожидания осуществляются в действительности.

Для *хотя 1* и *несмотря на* этот принцип также дробится на несколько более частных в зависимости от природы объекта, о соответствии которого действительному положению дел идет речь.

Утверждения: *Он уверяет меня, что был там, но я знаю, что это неправда;*

---

⁴⁰ Не следует путать лексемы *хотя 1* и *хотя 2* в данном контексте; для *хотя 2* характерна апелляция к тем же общим принципам, что и для конверсивного ей союза *но*, поэтому лексема *хотя 2* возможна в данной фразе; ср. правильность *Она некрасивая, хотя и умная*. О том, что *хотя 1* и *хотя 2* — это разные лексемы, а не разные употребления одного союза, см. раздел 1.2.3.2).

⁴¹ Также наше название.

Я знаю, что он там не был, хотя он уверяет меня в обратном; при меньшей естественности ?Я знаю, что он там не был, несмотря на то, что он уверяет меня в обратном.

Таким образом, *хотя I* и *несмотря на* различаются в отношении принципа «утверждения оказываются правдой»: для употребления *несмотря на* этот принцип может оказаться недостаточно жестким.

Мнения и ожидания: *Он думал, что она приедет, но она не приехала; ?Хотя он думал, что она приедет, она не приехала; ??Несмотря на то, что он думал, что она приедет, она не приехала.*

Принцип «мнения и ожидания оказываются правдой» чересчур слаб для употребления и *хотя I*, и *несмотря на*.

Однако, как показывают приводимые ниже примеры, принцип «намерения, обещания, угрозы, побуждения осуществляются в действительности» оказывается достаточно сильным для употребления всех трех лексем.

Намерения: *Он собирался <обещал, грозился> прийти, но не пришел.*

Обещания, угрозы: *Хотя он собирался <обещал, грозился> прийти, он не пришел; Несмотря на то, что он собирался <обещал, грозился> прийти, он не пришел.*

Побуждения: *Она просила его помочь, но он ничего не сделал; Хотя она просила его помочь, он ничего не сделал; Несмотря на то, что она просила его помочь, он ничего не сделал.*

5) Принцип активности⁴²: «Имея желание или цель, человек стремится их осуществить или узнать средства для этого».

Данный принцип также оказывается достаточно сильным, и его нарушение может маркироваться употреблением любой из трех лексем — *но, хотя I, несмотря на*. Ср. *Он очень хотел купить машину, но так и не собрался это сделать; Хотя он очень хотел купить машину, он так и не собрался это сделать; Несмотря на то, что он очень хотел купить машину, он так и не собрался это сделать.*

Из рассмотренного материала можно сделать вывод о том, что употребление уступительных лексем *хотя I* и *несмотря на*, как и использование противительного

---

⁴² См. работу [Мартемьянов, Дорофеев 1983].

союза *но*, регулируется некоторыми «общими принципами», круг которых, однако, для *хотя 1* и *несмотря на* более узок, т. к. для их употребления требуется, чтобы нарушаемый принцип был достаточно жестким, а общие принципы с точки зрения жесткости неоднородны. При этом более жесткие принципы, как правило, носят характер энциклопедических закономерностей (например, принцип активности), т. е. отражают действительность, а более мягкие принципы являются аксиомами языка (например, принцип гармоничности), т. е. отражают языковые представления о действительности. Таким образом, прототипические уступительные единицы (*хотя 1* и *несмотря на*) фиксируют некоторый «сбой» в реальном мире, а классические противопоставительные единицы (*но*), имеющие более широкое значение, могут опираться на неверные с точки зрения реальности «идеальные» языковые представления. Согласно языковым представлениям, существуют следующие (в действительности неверные) принципы совмещения положительных характеристик (*Она красивая, но глупая*), совмещения отрицательных характеристик (*Она уродина, но умная*), совмещения характеристик высокой степени (*Эта машина большая, но медленная*), совмещения характеристик низкой степени (*Эта машина маленькая, но быстрая*) и пр.

Ниже, при рассмотрении других уступительных лексем будет показано, что употребление некоторых из них, напротив, регулируется более мягкими, менее обязательными общими принципами. В частности, принцип гармоничности, чересчур слабый для *хотя 1* и *несмотря на*, оказывается релевантен для уступительных лексем *в то же время 2*, *вместе в тем*, *при этом 2*, в то время как более сильный принцип активности оказывается к ним неприменим.

Однако при всей важности общих принципов как фактора в употреблении уступительных лексем, очевидно, что во многих случаях их использование мотивировано не ими, а некоторыми гораздо более частными закономерностями. Главный фактор в употреблении уступительных лексем — мнение говорящего. Если сочетание неких ситуаций является, с точки зрения говорящего, необычным или неестественным, то употребление уступительных лексем оправдано, даже если принцип, к нарушению которого говорящий апеллирует своим высказыванием, никому, кроме него, неизвестен или вообще противоречит обычным представлениям о мироустройстве.

Ср. фразы *Хотя Катя очень красивая, Пете она не нравится* [апелляция

к нарушению общего принципа «Обычно красивые женщины нравятся мужчинам»] VS. *Хотя Катя очень красивая, она нравится Пете* [апелляция к нарушению частной закономерности, что Пете красивые девушки не нравятся]. Ср. также *Хотя сияло солнце, Федя остался дома* [апелляция к нарушению общего принципа «Люди обычно гуляют в хорошую погоду»] VS. *Хотя сияло солнце, Федя всё-таки пошел гулять* [апелляция к нарушению частной закономерности, что Федя в солнечную погоду не гуляет — может быть, ему вредно находиться на солнце или он больше любит дождь].

Для понимания фраз с уступительными лексемами часто требуется знание каких-то очень конкретных обстоятельств и закономерностей, которые кажется невозможным свести к более общим и абстрактным принципам. Ср., например, пассаж из книги А. Солженицына, где автор иронически моделирует сознание и риторику верховного обвинителя Крыленко: *А наше однодневное разбирательство еще тем осложнилось, что отвратительно вела себя негодница Успенская. Даже со скамьи подсудимых она «забросала грязью» еще других видных чекистов, не затронутых процессом, и даже самого товарища Петерса! [...] Вот какая змея выросла из нее за 8 месяцев, несмотря на то, что эти восемь месяцев она находилась среди чекистов!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). Употребляя *несмотря на* в данном контексте, автор имплицитно ссылается на существующую, по мнению обвинителя Крыленко, закономерность «Общение с чекистами делает человека лучше». Таким образом, каждая фраза с уступительной лексемой может постулировать свой мир со своими законами мироустройства, которые (как в приведенном случае) совсем не обязательно разделяются другими носителями языка.

Однако во многих случаях подобные частные принципы во фразах с уступительными единицами могут быть сведены к более общим принципам. Даже нарочито абсурдное утверждение о пользе общения с чекистами в реальности апеллирует к гораздо более общей закономерности «Общение с хорошими людьми делает человека лучше», существование которой вызывает намного меньше сомнений. Таким образом, область несогласия автора (и читателей) с описываемым персонажем относится не к общим принципам, а к более индивидуальным ценностным установкам.

Раздел I, Глава 2.

Семантический инвариант уступительности как основа семантической структуры уступительных слов и выражений

Во второй главе первого раздела рассматриваются основные пути усложнения прототипического уступительного значения и показывается, как из этого прототипа получают толкования различных уступительных единиц. В ряде случаев такое усложнение связано с тем, что данная уступительная единица отличается от прототипа своими синтаксическими свойствами (набором валентностей, управлением, порядком актантов и т. п.). В других случаях семантические наращения (особенно указание на бóльшие по сравнению с прототипом количество, степень или интенсивность) не связаны непосредственно с синтаксическими свойствами данной единицы, а коренятся скорее в особенностях ее лексического значения.

Подробнее эта тема развивается в третьей главе первого раздела, где предлагаются построенные на основе прототипа и различных его модификаций толкования всех уступительных лексем и конструкций.

I.2.1. Синтаксические модификации уступительного значения

Синтаксические модификации уступительного значения по сравнению с прототипом предполагают не только изменения в синтаксических свойствах лексемы, в частности, в наборе валентностей, в управлении, в линейном порядке заполнения валентностей и пр., но, что вполне естественно, и определенные изменения в толковании.

На рассмотренном материале выделяются две основные синтаксические модификации уступительного значения: смена диатезы (конверсия) и добавление валентностей.

I.2.1.1. Конверсия

Существует группа лексем, которые грамматиками и словарями традиционно рассматриваются как противительные союзы: *тем не менее*, *всё-таки I*, *всё же I*. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что по своим частеречным свойствам они разнородны — *тем не менее* синтаксически ближе к союзам, *всё-таки I*

и *всё же I* — к наречиям, а по семантике все три лексемы очень близки основному уступительному союзу *хотя I*. Отличаются же они от *хотя I* меной диатезы — иными словами, *тем не менее, всё-таки I, всё же I* являются конверсивами к *хотя I*.

Лексемы *тем не менее, всё-таки I* и *всё же I* имеют практически то же толкование, что и лексема *хотя I*⁴³. Различие между ними состоит в статусе валентностей P и Q. У *хотя I* первая валентность — это P, у *тем не менее, всё-таки I, всё же I* первая валентность — это Q⁴⁴. Ср. *Шел дождь [P], тем не менее мы пошли гулять [Q]*.

Таким образом, для лексем *тем не менее, всё-таки I, всё же I* прототипическое толкование принимает следующий вид:

(1) *P, тем не менее <всё-таки, всё же> Q* = ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Это различие в диатезе дает ряд рефлексов, в первую очередь на уровне синтаксиса.

Во-первых, как уже было сказано, *хотя I* синтаксически вводит валентность P, а *тем не менее, всё-таки I, всё же I* — валентность Q.

Во-вторых, лексемы *тем не менее, всё-таки I, всё же I* вообще не требуют упоминания ситуации P в пределах того же высказывания, достаточно ее упоминания в предтексте. Ср. *Казалось бы, что интересного можно обнаружить в дождевой капле? Тем не менее ее поведение во время падения во многом остается загадочным* (Уппсальский корпус); *Если к вам приходят без телефонного звонка, вы можете, вежливо улыбаясь, сказать: «Доктор велел мне принимать не более одного посетителя в день. Но вы всё-таки зайдите на минутку»* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.); *Главным для него было не опаздывать в школу. Он выбежал во двор, торопил деда. [...] Однажды они всё же опоздали* (Ч. Айтматов, Белый пароход).

Кроме того, при *хотя I* линейный порядок реализации валентностей может быть

---

⁴³ Мы опускаем здесь некоторые семантические и стилистические различия между *тем не менее, всё-таки I* и *всё же I*, которые были подробно описаны в [Апресян В. 2004в], а также рассматриваются ниже, в разделе 3.2.1.

⁴⁴ Тот факт, что они, подобно противительным союзам, синтаксически вводят primary concept, или доминирующую ситуацию, а не secondary concept, или менее важную ситуацию (в терминологии [Crevels 2000: 18–20]), не кажется нам решающим: в семантической структуре уступительных союзов типа *хотя I* и частиц типа *всё-таки* есть два одинаковых аргумента — ситуация-препятствие и ситуация, которая имеет место, несмотря на препятствие, а в семантике противительных союзов нет идеи препятствия, а есть идея двух противоположных по оценке ситуаций, одна из которых представляется для говорящего более важной.

любым; ср. *Хотя была плохая погода [P], они пошли гулять [Q] VS. Они пошли гулять [Q], хотя была плохая погода [P].*

Поскольку для *всё-таки 1* и *всё же 1* сообщение о ситуации P является менее важным и формирует фон сообщения, а в фокусе внимания находится более важная валентность Q, то для этих лексем более характерен порядок, когда сначала заполняется валентность P, а затем валентность Q; ср. *Я тороплюсь [P], но вы всё-таки <всё же> зайдите [Q].* Обратный порядок заполнения валентностей также возможен, но требует введения в контекст дополнительных уступительных лексем — *хотя 1, вообще, однако* и пр., иногда одновременно нескольких; ср. *Вы всё-таки <всё же> зайдите [Q], хотя вообще-то я тороплюсь [P].*

У лексемы *тем не менее* эта особенность выражена еще сильнее, поэтому для нее единственным возможным является порядок, когда сначала реализуется валентность P, а затем валентность Q. Ср. *Хотя шел дождь, тем не менее они пошли гулять при невозможности *Тем не менее они пошли гулять, хотя шел дождь.*

Эти уступительные лексемы, связанные отношениями конверсии, часто употребляются в составе одного предложения, в разных его частях. Ср. *И всё-таки лес еще жил [...] хотя и такой могучей природе, как сибирская, самоисцеление дается всё труднее и труднее* (В. Астафьев, Падение листа); *Раньше люди, хотя и знали, что Земля — шар, что она — подумать только! — вращается вокруг Солнца, всё же ощущали себя жителями необозримых пространств суши и воды, лесов и степей* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Отношения конверсности охватывают всё поле уступительных слов, и большинство уступительных лексем делится на те, которые синтаксически вводят пропозицию, заполняющую валентность P, и те, которые синтаксически вводят пропозицию, заполняющую валентность Q, причем первых существенно больше. К первым относятся *хотя 1, хоть 1, несмотря на, невзирая на; даром что; как (бы) ни..., где (бы) ни..., что (бы) ни...* и пр.; *если и 1, даже если 1; хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хоть бы и; добро бы, пускай бы, ладно бы.* Ко вторым относятся *всё-таки 1, всё же 1, всё равно 3, тем не менее.*

1.2.1.2. Добавление валентностей

Самым естественным наращением является добавление валентности причины

существования ситуации Q в неблагоприятных для этого условиях P. Такая модификация представлена в ряду уступительных лексем *как-никак 1*, *всё-таки 2*, *всё же 2*⁴⁵; ср. — *Зачем ты пригласил на день рожденья [Q] этого зануду Анатолия [P]? — Родственник, как-никак <всё-таки, всё же> [R]*. Тот факт, что Анатолий зануда [ситуация P], должен был бы помешать приглашению на день рожденья [ситуация Q], однако этого не происходит по причине R [Анатолий является родственником].

Для лексем *как-никак 1*, *всё-таки 2*, *всё же 2* предлагается следующее толкование (которое будет уточнено в Главе 3, в разделе, посвященном данным лексемам):

(2) P Q; *как-никак 1* <*всё-таки 2*, *всё же 2*>, R = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация Q, потому что имеет место ситуация R'.

Лексемы *как-никак 1*, *всё-таки 2*, *всё же 2* синтаксически вводят именно валентность причины R. При этом валентность Q также всегда выражается эксплицитно, а валентность P не бывает эксплицитно выражена практически никогда, и содержание ситуации P реконструируется из контекста; ср. *Ну будь другом — прими еще хотя бы одного человека [Q]: ведь как-никак — академик [R], — сказал комендант (Ю. Лаптев, Портрет пилота) [ситуация P, восстанавливаемая из контекста, — прием уже закончился]; Может, он еще и жив? [Q] — робко спросил он. — Видишь ли, всё-таки он врач... [R] Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен (М. Булгаков, Белая гвардия) [ситуация P, восстанавливаемая из контекста, — идет война и, если человек пропал, естественно ожидать, что его убили]*.

Валентность причины есть также у уступительных лексем *добро бы*, *пускай бы* и *ладно бы*, однако их значение осложнено, помимо этого, еще и семантическим наращением гипотетичности. Подробно эти лексемы рассматриваются ниже.

1.2.2. Семантические наращения уступительного значения

Уступительное значение связано в первую очередь со следующими смыслами: реальность/гипотетичность, степень (количество, интенсивность), а также желательность. По этим направлениям и происходят наращения смысла. Кроме

---

⁴⁵ Эти лексемы подробно описаны в [Апресян В. 2004д].

того, важным направлением наращений является добавление положительной или отрицательной оценки к разным смысловым компонентам. Введение в прототип семантических компонентов, связанных с этими смыслами, дает значения практически всех уступительных лексем. Значения некоторых лексем являются результатом какого-то одного наращения, однако большинство лексем предполагает наращение на прототип более чем в одном направлении. Так, лексемы рядов *по крайней мере 2*, *хотя бы 2*, *хоть 3* и *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* предполагают, как это будет показано в Главе 3, семантические наращения на прототип сразу по всем трем направлениям.

1.2.2.1. Наращение гипотетичности

В прототипическом значении уступительности речь идет о двух имеющих место ситуациях — P и Q; ср. толкование *хотя 1*: *Хотя P, Q* = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’. Таким образом, союз *хотя 1* указывает на реальное положение дел.

При наращении гипотетичности модифицируются компоненты: ‘имеет место P’ и ‘имеет место Q’⁴⁶.

Рассмотрим уступительные частицу *пусть 3* и *пускай 3* во фразах типа *Пусть ветер, пусть буря, я ничего не испугаюсь*; *Пускай просит, пускай умоляет, я его всё равно не прошу*.

Если для *хотя 1* и *несмотря на P и Q* — это, как правило, существующие ситуации, то частицы *пусть 3* и *пускай 3* перспективны и предположительны. Утверждение говорящего относится не к тем P и Q, которые уже есть, а к тем P и Q, которые могут быть. Для *пусть 3* и *пускай 3* прототипическое толкование модифицируется следующим образом (разрядкой выделены отличия от прототипа):

(3) *Пусть <пускай> P, Q* (*Пусть угрожает [P], я не пойду на это [Q]*) = ‘может иметь место P; говорящий уверен, что будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Данное семантическое наращение также присутствует в толкованиях лексем

---

⁴⁶ Называть его наращением гипотетичности оправдано, т. к. прототип указывает на реальность, а более удаленные от него уступительные лексемы — на гипотетичность ситуаций P и/или Q.

и выражений *хоть 5, пусть даже, даже если 2*, необходим. *если и 2, уходящ. хотя бы 3 (и)*, уходящ. *хоть бы 3 (и)*, где оно сочетается с добавлением смысла высокой степени; ср. *Ничего не скажу, хоть режь меня; Пусть даже меня с работы выгонят, я не поступлюсь своими принципами; Даже если мне миллион предложат, я с ними сотрудничать не буду; Если и лучшего мастера пришлют, он может не справиться с починкой, а уж об этом что и говорить; Я расплачусь с долгами, хотя бы мне пришлось продать для этого квартиру* (см. также раздел 3.1.5).

Также оно присутствует в толкованиях единиц *по крайней мере 2, хотя бы 2, хоть 3* (см. раздел 4.1.2) и *если уж не..., то; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*, где оно сочетается с наращением высокой/низкой степени и желательности (см. раздел 4.1.1); ср. *Ты мог бы по крайней мере немного подрабатывать, если уж не хочешь идти на постоянную работу; Приходи хотя бы <хоть> раз в неделю, если уж чаще не получается; Ничего не пожалею, только бы <лишь бы> он выздоровел; Хоть бы успеть!*

Наращение гипотетичности может затрагивать не только валентности P и Q, но и валентность R (причина ситуации Q или условие, при котором она могла бы иметь место). Рассмотрим лексемы *добро бы* и *пускай бы* во фразах:

(4) *А мы на всю ночь развели высокоинтеллектуальный скулеж про нашу расейскую бестолковщину, про наши безобразия [Q]. И добро бы хоть польза была от него какая, добро бы хоть чувства свои гражданские, что ли, лишний раз отточили, пополнили свои запасы мужества и отваги на предстоящий год [R]* (Ф. Абрамов, Новогодняя елка).

(5) *Какие упрямы! Пускай бы за дело дрались [R], так и не жаль пороху [Q], а то за женскую прихоть и за свои причуды [P]* (А. А. Бестужев-Марлинский, Испытание).

Первую фразу можно интерпретировать так: *высокоинтеллектуального скулежа про расейскую бестолковщину и наши безобразия [ситуация Q]* не должно было бы быть, т. к. это нечто бессмысленное или отрицательно оцениваемое [эксплицитно не выраженная ситуация P]; *если бы выполнялось условие R [от него была бы польза, лишний раз отточили бы свои гражданские чувства, пополнили бы свои запасы мужества и отваги на предстоящий год]*, то говорящий готов бы был признать право Q на существование.

Вторая фраза интерпретируется следующим образом: говорящий считает, что можно было бы признать право ситуации Q [не жаль пороху] на существование, если бы имела место не отрицательно оцениваемая ситуация P [дерутся за женскую прихоть и свои причуды], а ситуация R [дерутся за дело].

Таким образом, у лексем *добро бы* и *пускай бы*, как и у рассматривавшихся выше *как-никак*, *всё-таки 2* и *всё же 2*, есть третья валентность — ситуации R, делающая возможной существование ситуации Q. Однако этот дополнительный компонент R присутствует в толковании лексем *добро бы* и *пускай бы* в модифицированном виде, поскольку в реальности ситуация R не имеет места, и говорящий допускает ее существование лишь гипотетически. Соответственно, для этих лексем R — это не причина ситуации Q, а условие, при соблюдении которого говорящий готов был бы признать право Q на существование.

Поэтому для лексем *как-никак*, *всё-таки 2* и *всё же 2* валентность R — это валентность причины, сделавшей возможным существование ситуации Q, а для *добро бы* и *пускай бы* — это валентность гипотетического условия, при выполнении которого говорящий был бы готов признать легитимность существования Q.

Кроме разницы в статусе R, *добро бы* и *пускай бы* отличаются от *как-никак*, *всё-таки 2* и *всё же 2* указанием на оценку. А именно, *добро бы* и *пускай бы* предполагают, что в отсутствие R имеющая место ситуация Q оценивается не как необычная, а как отрицательная.

Таким образом, чтобы получить толкование лексем *добро бы* и *пускай бы*, нужно добавить к толкованию лексем *как-никак*, *всё-таки 2* и *всё же 2* семантическое наращение гипотетичности, а также указание на оценку:

(6) *P, Q. Добро бы <пускай бы> R* = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то плохо, чтобы имела место ситуация типа Q; говорящий считает, что если бы вместо P имела место ситуация R, то не было бы так плохо, чтобы имела место ситуация типа Q’.

Предложенное толкование имеет существенные семантические пересечения с толкованием, предложенным для союза *добро бы...а то* в работе [Санников 1989: 224]:

Добро бы X, а то Y = ‘воздействие нежелательной ситуации Z было бы ослаблено,

если бы имело место X;

X не имеет места;

имеет место Y;

Y существенно хуже X-а'.

Представляется, что данное толкование покрывает основной круг употреблений союза *добро бы*, однако в некоторых аспектах его можно уточнить.

Во-первых, речь не всегда идет о нежелательной ситуации Z (в нашем толковании ситуации Q). Ситуация сама по себе может оцениваться нейтрально, речь идет только о том, что при имеющихся место обстоятельствах она неуместна; ср. *Вот посмотрите, какие предметы: вот комнату рисует [Q]. Добро бы уж взял комнату прибранную, опрятную [R], а он вон как нарисовал ее, со всем сором и дрязгом, какой ни валялся [P]* (Н. В. Гоголь, Портрет).

Ситуация Q (*комнату рисует*) сама по себе нейтральна; она оценивается отрицательно только при наличии обстоятельства P (*нарисовал ее со всем сором и дрязгом, какой ни валялся*).

Во-вторых, не всегда ситуация Q оказывает какое-то воздействие; ср. следующий пример *Прошу покорно! — перервал Ленской, — вздумал меня учить [Q]! И добро бы знал сам службу [R]* (М. Н. Загоскин, Рославлев, или Русские в 1812 году).

Наконец, ситуация X не всегда 'существенно хуже, чем Y' (соответственно, в нашей нотации, P не всегда хуже R). Речь идет только о том, что имеющая место ситуация Q была бы более уместна при наличии R, чем при наличии P, однако вне этого контекста P и R не обязательно представляют собой нечто плохое и нечто хорошее соответственно; ср. следующий пример, где соотношение обратное: P — это нечто хорошее, R — нечто плохое. Ср. *Одно в ней раздражало Моню: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались, обреченностью [R] — нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела [P]* (В. Шукшин, Упорный).

1.2.2.2. Нарращение желательности

Еще одно семантическое наращение, которому может подвергаться прототипическое уступительное значение — это добавление компонента желательности (или нежелательности). Ситуация Q может осмысливаться как

желательная, и тот факт, что она имеет или будет иметь место — как некая победа над неблагоприятным обстоятельством Р. Может иметь место и обратная картина: ситуация Q нежелательна, и ее существование — уступка обстоятельствам.

Наиболее ярко смысл ‘желательность’ представлен в значении синонимов *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*; ср. фразы *Только бы он приехал [Q]*, *Лишь бы успеть [Q]*, *Хоть бы отпустили без вопросов [Q]*, указывающие на очень сильное желание говорящего, чтобы была Q (см. подробный разбор и толкования этих лексем ниже, в разделе 4.2.1).

Смысл ‘нежелательность’ представлен, среди прочих, и в значении лексемы *так и быть*, выражающей неохотное согласие говорящего на нечто, чего он не хочет или не одобряет; ср. — *Давай сходим на этот концерт!* — *Ну, так и быть, давай;* — *Можно я еще полчаса фильм посмотрю?* — *Ну пятнадцать минут, так и быть, посмотри* (см. подробный разбор и толкования этих лексем ниже, в разделе 3.1.6).

В конверсивной союзу *хотя 1* лексеме *всё равно 3* представлен несколько более сложный эффект наращивания желательности. А именно, лексема *всё равно 3* указывает на небезразличное отношение к ситуации Q одного из участников⁴⁷, однако не фиксирует, какого именно. Таким образом, в ситуации может быть заинтересован как сам говорящий (*Последние месяцы у меня было мало времени на научную работу, но всё равно я успела сдать книгу в срок*), так и не совпадающий с ним субъект ситуации Q (*Как ни старайся ему помешать, он всё равно своего добьется*).

В случаях, когда говорящий и субъект ситуации Q не совпадают, их отношение к ней может различаться. Ср. следующую пару примеров *Уже поздно, и транспорт не ходит, но я уверена — Иван всё равно обязательно ко мне придет [Q]* [в наступлении ситуации Q заинтересован как ее субъект (Иван), так и сам говорящий] VS. *Уже поздно, и транспорт не ходит, но Иван, конечно, всё равно припрется [Q]* [в наступлении ситуации Q заинтересован ее субъект (Иван), но для говорящего она является нежелательной].

Употребление *всё равно 3* предполагает два возможных сценария: (а) «оптимистический», когда в обстоятельствах Р, препятствующих наступлению

---

⁴⁷ Мы имеем в виду именно уступительную лексему *всё равно 3*, т. к. в своем основном, неуступительном значении *всё равно 1*, напротив, предполагает равнодушие говорящего перед некоторой альтернативой.

желательной для говорящего или субъекта ситуации Q, ситуация всё-таки наступает (*Как он мне ни вставлял палки в колеса, я всё равно своего добилась*); (б) «пессимистический», когда в обстоятельствах P, способствующих наступлению желательной для говорящего или субъекта ситуации Q, ситуация Q всё-таки не наступает (*Как он ни старался, всё равно у него ничего не вышло*).

Второй сценарий допускает следующую модификацию: несмотря на усилия P, предпринятые заинтересованным лицом для того, чтобы предотвратить наступление нежелательной ситуации Q, она всё-таки наступает; ср. *Хотя были заблаговременно приняты меры безопасности [P], ураган всё равно разрушил большую часть зданий в этой местности [Q]*.

Учитывая все варианты употребления, для лексемы *всё равно 3* предлагается следующее толкование:

(7) *P, всё равно 3 Q* = ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий хочет, чтобы Q имела место или хочет, чтобы Q не имела места’.

Нарращение желательности присутствует также в толкованиях лексем *по крайней мере 2, хотя бы 2, хоть 3* и *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*, где оно сочетается с наращением гипотетичности и степени.

Смысл желательности сближается с более общим смыслом оценки, который также может присутствовать в толкованиях уступительных лексем в качестве семантического наращения. Однако, как таковая, положительная или отрицательная оценка ситуаций уступительным лексемам мало свойственна; обычно она преобразуется в более утилитарную оценку по желательности/нежелательности. В чистом виде она присутствует, как это было показано в предыдущем разделе, лишь в толкованиях лексем *добро бы* и *пускай бы*, а также в союзе со значением компенсации *зато*, который будет рассмотрен ниже.

1.2.2.3. Нарращение степени

Еще одно наращение, характерное для уступительных единиц — это наращение степени. Прототип не предполагает никакой степенной или количественной оценки Q, но некоторым уступительным словам она свойственна. В частности, степенную или

количественную оценку Q предполагают фраземы *несмотря ни на что*, *при всём том* и конструкции *при всём...* и к-местоимение + *ни*. Они указывают на то, что ситуация Q оценивается как существенное препятствие на пути к P; ср.:

- (8) а) *Она добьется своего, несмотря ни на что.*
б) *Он плохой специалист, у него ужасный характер, и при всём том его назначили начальником отдела.*
в) *При всём несовершенстве техники, картины у нее довольно приятные.*
г) *Как он ни старался, а ничего у него не вышло.*

Для данных фразем и конструкций предлагается следующее толкование (которое будет уточнено в Главе 3, в разделах, посвященных соответствующим уступительным единицам):

(9) *Несмотря ни на что* <при всём том> Q; *при всём P* <как ни P>, Q = 'имеет место много P или очень значительное P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Нарращение степени присутствует также в значениях лексем *хоть 5*, *пусть 3*, *пускай 3*, *пусть даже*, *даже если 2*, *если и 2*, где оно сочетается со смыслами гипотетичности, а также по крайней мере *2*, *хотя бы 2*, *хоть 3* и *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*, где оно сочетается со смыслами гипотетичности и желательности (см. примеры в подразделе I.2.2.1).

Раздел I, Глава 3.

Семантическая структура и взаимодействие смыслов в основных уступительных единицах

В данной главе предлагаются подробные семантические описания всех основных уступительных единиц, построенные на основе предложенного выше прототипического толкования уступительности⁴⁸. Как было показано в предыдущей главе, семантическое осложнение прототипа идет по одному или сразу по нескольким из следующих путей: изменение экзистенциальных статусов Р и Q (их существование может быть фактом или предположением); изменение отношения к ним говорящего или третьего лица (их существование может быть желательным или нежелательным, оцениваться положительно или отрицательно); изменение оценки их масштаба и способности повлиять на общую ситуацию (они могут оцениваться говорящим как существенные или несущественные, важные или неважные друг для друга или для общего положения вещей); увеличение числа факторов, влияющих на общее положение вещей (появление указания на причину существования ситуации Q). Кроме того, уступительные единицы могут отличаться от прототипа некоторыми более частными семантическими деталями.

Изложение в данной главе строится следующим образом: в первом разделе рассматриваются уступительные единицы, у которых валентность Р является первой, а валентность Q — второй (*хотя 1, несмотря на, даром что*, конструкция вида *к-местоимение + (бы) + ни*, конструкция вида *при всём X-е* и пр.); во втором — семантически близкие им конверсивы, у которых валентность Q является первой, а валентность Р — второй (*всё-таки 1, всё же 1, всё-таки 2, всё же 2, в то же время* и пр.); в третьем — уступительные единицы, у которых первой является валентность R, дополнительная валентность причины (*как-никак 1, всё-таки 2, всё же 2, добро бы, пускай бы* и пр.). Внутри каждой из подглав изложение строится по принципу нарастания семантической сложности и увеличения числа семантических компонентов.

Таким образом, уступительные единицы классифицируются здесь в первую очередь по своей семантике, а не по частеречной принадлежности и синтаксической

---

⁴⁸ Многие из описываемых в данной главе уступительных единиц были в том или ином виде описаны в работе [Апресян В. 1999], словарных статьях автора в [Апресян и др. 2004], а также в Проспекте активного словаря русского языка [Апресян В. 2010а].

природе, поэтому отдельные лексемы, сложные фраземы и синтаксические конструкции могут рассматриваться вместе.

I.3.1. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация P, вторая валентность — это ситуация Q

В данном разделе рассматриваются уступительные единицы типа *хотя I*, у которых валентность P является первой, а валентность Q — второй.

I.3.1.1. Семантика синонимов *хотя I*, *хоть I*, *несмотря на*, *невзирая на*

Как было сказано выше, *хотя I* — самый общий по смыслу уступительный союз, чье значение формирует прототип уступительности. Его синонимы *хоть I*, *несмотря на* и *невзирая на*, при всей своей близости к прототипу, имеют некоторую семантическую специфику.

Напомним предлагаемое нами толкование *хотя I* как прототипа уступительного значения. Ср. *Хотя P, Q* (*Хотя он был болен [P], он пошел на работу [Q]*) = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Ближе всего к союзу *хотя I* его синоним *хоть I*. *Хотя I* — самая нейтральная уступительная единица, *хоть I* представляет собой некоторое усложнение прототипа уступительности и, соответственно, предполагает более узкий круг контекстов употребления. Однако различия между этими союзами настолько тонки, что отразить их в толковании не представляется возможным. При выборе между союзами *хотя I* и *хоть I* речь может идти лишь о некоторых предпочтениях, однако сконструировать пример, где взаимозамена была бы невозможна, не удастся.

Хоть I отличается от *хотя I* стилистически — своей разговорной окраской, а также сочетаемостью — *хоть I* чаще употребляется в комбинации с союзом *и*, чем без него; ср. *Еще полежал Мона с полчаса и тоже поднялся: хоть и рано, но всё равно уже теперь не заснуть* (В. Шукшин, *Упорный*); *Честно говоря, я ничего подобного не ожидала, хоть и привыкла уже к бурной реакции западной публики* (Г. Вишневецкая, Галина. *История жизни*).

Семантически *хоть I* обычно предполагает небезразличное, субъективное отношение говорящего или субъекта к каким-то аспектам ситуации. Поэтому *хоть I*

чаще употребляется, когда речь идет о каких-то чувствах, желаниях и т. п., нежели в нейтральных высказываниях. Ср. типичное употребление синонима *хоть 1* в следующих эмоционально окрашенных контекстах: *Я, к сожалению, ни разу не заглянула в зал на репетиции <Травиаты>, хоть и очень хотелось мне увидеть, как работают столь знаменитые постановщики* (Г. Вишневецкая, Галина. История жизни); *Он [...] хоть и был сердит на внуку, но, увидев протянутые руки ее, подхватил ее и ссадил с мула* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема). Некоторая «эмпатичность» этого союза может быть связана с его разговорностью.

Кроме того, *хоть 1*, в отличие от *хотя 1*, часто указывает на оценку Р говорящим в качестве не слишком существенного препятствия для Q; ср. нормальность *Хотя он был очень тяжело ранен [Р], он сумел добраться до лагеря [Q]*, при несколько меньшей естественности *Хоть он был очень тяжело ранен [Р], он сумел добраться до лагеря [Q]*. Эта особенность *хоть 1* может быть связана с тем, что в значении этого союза «просвечивают» семантические особенности другой лексемы, относящейся к той же вокабуле — а именно частицы *хоть 3* со значением ‘как минимум, по крайней мере’ (см. ниже)⁴⁹.

Семантические различия между *хотя 1* и его синонимами — предлогами *несмотря на* и *невзирая на* — более маркированы. Как уже говорилось выше в разделе 1.2.2, *несмотря на* предполагает наличие более жесткой, более обязательной связи между ситуациями типа Р и ситуациями типа не-Q, чем *хотя 1*. Предлог *невзирая на* в этом отношении подобен *несмотря на*. Иными словами, нарушение обычного хода событий и, соответственно, естественных ожиданий в случае *несмотря на* и *невзирая на* более серьезно, чем в случае *хотя 1*. Это означает, что некоторые из тех ситуаций, которые возможно описать при помощи союза *хотя 1*, будет прагматически неадекватно описывать при помощи предлогов *несмотря на* и *невзирая на*⁵⁰. Ср. следующие примеры

---

⁴⁹ В работе [Николаева 1999: 312–315] предлагается иное объяснение различий между *хотя* и *хоть* в этом значении: *хотя* указывает на «одновременность состояния двух акциональных феноменов», а *хоть* — на «состояние статальное». В [Перфильева 1977: 69] отмечается, что лексема *хоть* более характерна для «нереально-уступительных», а *хотя* — для «реально-уступительных» конструкций (цит. по [Николаева 2000: 364]). На наш взгляд, такое разнообразие сравнительных описаний *хотя* и *хоть* указывает на то, что в действительности никаких строгих обязательных противопоставлений между ними нет, а есть лишь некоторые достаточно трудноуловимые семантические и фонетические предпочтения, точное определение которых требует дальнейшего изучения.

⁵⁰ Замена союза на предлог предполагает, естественно, помимо выполнения неких прагматических условий, ещё и тривиальную синтаксическую трансформацию — а именно, либо замену подчиненного союзу придаточного предложения на именную группу, подчиненную предлогу (*Было жарко, хотя было раннее утро* ≈ *Было жарко,*

с *хотя I*, в которых замена на *несмотря на* и *невзирая на* привела бы к прагматической неестественности (разной степени в разных фразах): *Маша ничего не ела, хотя еда была очень вкусная; Ни иконы, ни распятия Корнелиус не обнаружил, хотя нарочно осмотрел все углы* (Б. Акунин, Алтын-Толобас); *Зачем она притворяется слабой, хотя сама здорова, как борец сумо?* (Б. Акунин, Левиафан).

В самом деле, фраза *Маша ничего не ела, несмотря на то, что <невзирая на то, что> еда была очень вкусная* предполагает наличие следующей пресуппозиции 'Если подается вкусная еда, то человек непременно ее ест'. Такая жесткая пресуппозиция противоречит нашим знаниям о мире, т. к., помимо вкуса еды, существует множество других факторов, существенных в данных обстоятельствах — например, Маша могла не есть из-за отсутствия аппетита или потому, что она была на диете.

Аналогично, фраза *Ни иконы, ни распятия Корнелиус не обнаружил, несмотря на то, что <невзирая на то, что> нарочно осмотрел все углы* была бы естественной, если бы выполнялось одно из следующих условий: либо относительно данной ситуации заранее известно, что распятие и икона в помещении имелись, либо существует общий принцип, согласно которому поиск непременно приводит к успеху. Т. к. эти условия в данном случае не выполняются, фраза звучит неестественно.

Относительно неестественности или даже неправильности фразы *Зачем она притворяется слабой, несмотря на то, что <невзирая на то, что> сама здорова, как борец сумо?* можно привести аналогичные соображения.

Однако такого рода прагматическая неадекватность не является языковой аномалией или абсолютным запретом, поскольку сила и характер связи между ситуациями *P* и не-*Q* во многом определяются экстралингвистическими обстоятельствами, учесть которые полностью практически невозможно.

Цель предлагаемых ниже описаний *несмотря на* и *невзирая на*, равно как и прочих уступительных единиц, — реконструировать некий прототип их употребления и значения при полном осознании того факта, что для существенной части приводимых в качестве отрицательного языкового материала примеров можно при желании найти контексты или ситуации, когда их употребление становится вполне допустимым.

В своем прототипическом употреблении *несмотря на* и *невзирая на* предполагают,

---

несмотря на раннее утро), либо употребление предлога с зависимым местоимением *то*, вводящим *что*-предложение (*несмотря на то что ...*).

что при наличии ситуации типа P не- Q — единственный нормальный путь развития событий, в то время как *хотя* I указывает лишь на то, что не- Q — более естественный или обычный вариант среди многих возможных.

В соответствии с этим в разделе 1.2.2 предлагается уточненное по сравнению с прототипом толкование *несмотря на*, которое мы здесь воспроизводим: *Несмотря на P (на то, что P), Q* = ‘имеет место P ; имеет место Q ; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P , то всегда имеет место ситуация типа не- Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не- Q ’.

Предлог *невзирая на* в этом отношении устроен так же, как и *несмотря на*, однако у него есть и некоторые дополнительные семантические особенности, поэтому его толкование требует дальнейших уточнений.

Во-первых, предлог *невзирая на*, в соответствии со своей внутренней формой, антропоцентричен: он обычно употребляется, когда субъект ситуации P — человек. Ср. естественность *Невзирая на мучительные приступы эпидемического катара [...], Государь провел последние дни, посещая госпитали, переполненные тифозными больными и ранеными* (Б. Акунин, Турецкий гамбит) при сильной странности ??*Было холодно, невзирая на солнце.*

Кроме того, *невзирая на* обычно предполагает, что человек — субъект P — сознательно действует вопреки неблагоприятному обстоятельству Q , намеренно игнорируя его; ср. типичное употребление *Невзирая на старость и болезнь, он всё ещё занимался государственными делами* (Н. М. Карамзин, История государства Российского) при неестественности ??*Она мне не нравится, невзирая на красоту.* Соответственно, для предлога *невзирая на* толкование модифицируется следующим образом:

(1) *Невзирая на P (на то, что P), Q* = ‘имеет место ситуация P ; субъект осуществляет действие Q ; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P , то нормально, что субъект не может осуществить действие типа Q ’.

К рассмотренным лексемам семантически близки также синтаксические конструкции вида *Работа работой, но и отдыхать иногда нужно* — так называемые уступительно-противительные фразеосхемы, подробно рассмотренные в работах [Булыгина, Шмелев 1997, Шмелев 2002а]. Как отмечается в [Шмелев 2002а: 426], они выражают смыслы ‘хотя и’ или ‘хотя и не’. Ср. *Попытаться попыталась, а добиться*

ничего не смогла ≈ ‘Хотя и попыталась, ничего не смогла добиться’; *Бандиты не бандиты, но законопослушными гражданами их не назовешь* ≈ ‘Хотя они и не бандиты, их нельзя назвать законопослушными гражданами’. От лексем *хотя* I, *несмотря на* и пр. уступительно-противительные фразеосхемы отличаются наличием явно выраженной риторической функции. Они по преимуществу диалогичны и предполагают скрытую полемику с собеседником — «возражение под видом согласия» [Булыгина, Шмелев 1997: 313].

1.3.1.2. Семантика синонимов *несмотря ни на что* и *даром что*

К рассмотренному ряду синонимов примыкают фраземы *несмотря ни на что* и *даром что*.

Несмотря ни на что ближе всего, естественно, к предлогу *несмотря на*. Фразема *несмотря ни на что* отличается от предлога *несмотря на* тем, что валентность Р уже заполнена, «забита» выражением *ни на что*, указывающим на то, что препятствующая наступлению Q ситуация Р имеет место в очень высокой степени, либо что имеет место много таких ситуаций Р. Таким образом, *несмотря ни на что* отстоит от прототипа уступительности еще дальше, указывая на многочисленные и труднопреодолимые препятствия на пути к осуществлению Q.

Формально при фраземе *несмотря ни на что* валентность Р не выражается, однако, как правило, в контексте содержатся какие-то ссылки на мешающие Q обстоятельства, к которым относится обобщение *ни на что*.

Ср. фразы, где в контексте содержатся указания на многочисленные Р и на Р в высокой степени: *Целое долгое лето он мучительно наблюдал, как она гасла, переставала быть* [Р]. *Целыми долгими днями она сидела в шезлонге под вишнями, с каждым днем желтея, ссыхаясь, суживаясь* [Р]. *Как четко проступают кости черепа на лице обреченного!* [Р] *Нет, он не верил в ее обреченность, несмотря ни на что* (И. Грекова, Кафедра); *И надо было и дальше разрываться пополам* [Р], *лавировать* [Р], *врать* [Р], *изворачиваться* [Р], *примирять непримиримое* [Р], *поступаться одним* [Р], *терпеть другое* [Р], *не спать ночей* [Р], *убеждать* [Р], *уговаривать* [Р], *упрашивать* [Р], *просить прощенья и самому прощать* [Р] — *и всё-таки гнуть, гнуть свою линию, несмотря ни на что* (Н. Шмелев, Презумпция невиновности); *Может быть, сказалось [...] действие старой еврейской шестидесятиградусной «Пейсаховки», помогающей*

евреям, несмотря ни на что, сохранять неистребимый оптимизм, оставаться ироничными и талантливыми, умеющими на пустом месте [P] нафантазировать себе рай и выжить в кошмарном, реальном аду [P] (В. Кунин, Русские на Мариенплац).

Несмотря ни на что имеет еще одну особенность по сравнению с *несмотря на*. *Несмотря ни на что*, как правило, предполагает, что ситуация Q является желательной для говорящего. Ср. странность употребления *несмотря ни на что* в следующих контекстах, где Q нежелательна для говорящего: ?*Меня выгонят с работы, несмотря ни на что*; ?*Я проиграю эту партию, несмотря ни на что*. В этом *несмотря ни на что* уподобляется рассмотренной выше лексеме *всё равно 3* (см. раздел 2.2.2), также предполагающей неравнодушное отношение говорящего к происходящему.

Однако *несмотря ни на что* отличается от *всё равно 3* своей неперменной «оптимистичностью»: если *всё равно 3* допускает употребление в контекстах, описывающих невозможность наступления желательной ситуации, то для *несмотря ни на что* характерны контексты «триумфа» над неблагоприятными обстоятельствами. Ср. *Как я ни старался, всё равно мне не удалось осуществить свои планы при странности ?Несмотря ни на что, мне не удалось осуществить свои планы*.

Кроме того, *несмотря ни на что* обязательно указывает на желательность ситуации Q для говорящего, в то время как лексема *всё равно 3* допустима в контекстах, где ситуация Q желательна для ее субъекта, но нежелательна для говорящего; ср. *Он всё равно припрется VS. странность ?Он припрется несмотря ни на что*.

Соответственно предлагается модифицировать толкование *несмотря на*, чтобы учесть особенности *несмотря ни на что*:

(2) *Несмотря ни на что*, Q = 'имеет место много P или P в высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то всегда имеет место ситуация типа не-Q или нормально, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий хочет, чтобы Q имела место; Q имеет место'.

Разговорная фразема *даром что* по значению ближе всего к союзам *хотя I* и *хоть I*, однако она имеет и семантическую, и синтаксическую специфику.

Синтаксически она отличается от них, а также от всех остальных рассмотренных в данной главе уступительных единиц тем, что требует определенного порядка реализации валентностей: первой должна быть реализована валентность Q (ситуация, имеющая место вопреки ожиданиям), второй — валентность P (препятствующая Q

ситуация). Обратный порядок реализации валентностей для *даром что* нетипичен или невозможен; ср. естественный пример (3а), неправильный (3б) и нестандартный (3в):

(3) а) *А и хитрый же вы, даром что тише воды, ниже травы* (М. Шагинян, Перемена).

б) *??Даром что вы тише воды, ниже травы, вы хитрый.*

в) *У нас, говорит, даром что особый отдел, а в короткое время пассажиры весь прибор разворовали* (М. Зощенко, Уважаемые граждане).

Семантически *даром что* отличается от *хотя I* и *хоть I* двумя свойствами.

Во-первых, *даром что* подразумевает, что ситуация Р является достаточно существенным препятствием для ситуации Q. Ср. нормальную фразу с *хотя I*, где контекст предполагает, что ситуация Р представляет собой не слишком существенное препятствие на пути к осуществлению Q:

(4) *Мы всё же решили пойти гулять [Q], хотя дождик немного накрапывал [P].*

Подставив в эту фразу *даром что*, мы получаем гораздо менее естественный пример:

(5) *?Мы всё же решили пойти гулять [Q], даром что дождик немного накрапывал [P].*

Если модифицировать фразу, увеличив значительность Р, она становится приемлемой:

(6) *Мы гуляли два часа [Q], даром что лил ливень [P].*

Во-вторых, *даром что* предполагает, что действие ситуации Р полностью игнорируется или нейтрализуется, так что ситуация Q имеет место в полной мере, как если бы Р не было вовсе. Ср. нормальный пример (7а) и существенно менее естественный пример (7б):

(7) а) *Я чувствую себя совершенно разбитой [Q], даром что весь день ничего не делала.*

б) *?Я чувствую себя слегка усталой [Q], даром что весь день ничего не делала.*

Ср. также литературные примеры, доказывающие полноту и состоятельность ситуации Q: *Селихов [...] держался всех любезнее [Q], [...] был остроумен, находчив [Q] и заносчиво, играя тросточкой, поглядывал на Иорданского [Q], даром что мал был*

ростом (И. Бунин, Чаша жизни); *Гэндальф [...] отчаянно испугался [Q], даром что был волшебник* (Дж. Р. Р. Толкин, Хоббит, или Туда и обратно, пер. Н. Рахмановой).

Прототипическое толкование требует соответствующих изменений, чтобы учесть особенности *даром что*. Для данной фраземы предлагается следующее толкование:

(8) *Q, даром что P* = ‘имеет место P в высокой степени; имеет место Q в высокой степени; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Таким образом, у обеих фразем, рассмотренных в данном разделе, усложнение семантического прототипа выражается в появлении смыслового компонента ‘степень’, более точно — ‘высокая степень’.

1.3.1.3. Семантика синонимичных синтаксических конструкций вида *к-местоимение + ни и при всём X-е*⁵¹

Синтаксическая конструкция вида *к-местоимение + ни* в смысловом отношении представляет собой одновременно аналог и антипод рассмотренным в предыдущем разделе фраземам *несмотря ни на что* и *даром что*. Все они содержат указание на высокую степень (см. примеры на *несмотря ни на что* и *даром что* в предыдущем разделе); ср.:

(9) *Как ни трудятся в большинстве своем крестьяне, как ни одаривает их земля урожаем, а реальной выгоды они не получают* (Сергей Пучков, Бег по кругу, «Весть») [‘Крестьяне много трудятся, земля щедро одаривает’].

Однако высокая степень у *даром что* и *несмотря ни на что*, с одной стороны, и конструкции вида *к-местоимение + ни*, с другой, имеет различное содержание. Первые, особенно фразема *несмотря ни на что*, обычно употребляются в контекстах, предполагающих, что несмотря на многочисленные обстоятельства, препятствующие наступлению ситуации Q, она всё-таки осуществилась; ср.:

(10) *Он сумел добиться своего [Q], несмотря ни на что [P препятствует Q]*.

Вторая чаще употребляется в контекстах, предполагающих, что несмотря на многочисленные обстоятельства, способствующие наступлению ситуации Q и, часто, сознательные усилия субъекта, направленные на ее осуществление, она всё-

---

⁵¹ Подробный корпусный анализ разных реализаций конструкций *к-местоимение + ни* и *при всём X-е* представлен в Главе 4.

таки не осуществилась; ср.:

(11) а) *Как он ни старался* [Р способствует Q, субъект прилагает усилия к осуществлению Q], *он ничего не сумел добиться* [не-Q].

б) *Он не мог, как ни хотелось ему, почувствовать себя истинно царственной натурой* (Ю. Алешковский, Рука (Повесть о палаче)).

Для *несмотря ни на что* нехарактерно или даже невозможно употребление в контекстах второго типа; ср. странность

(12) *?Он не сумел добиться своего* [не-Q], *несмотря ни на что* [Р способствует Q].

К конструкции вида *к-местоимение + ни* семантически очень близка конструкция вида *при всём X-е...*, однако она не имеет аналогичных контекстных ограничений, а именно, не указывает на способствующие Q обстоятельства или на усилия субъекта, направленные на осуществление Q, что, как было показано, весьма характерно для конструкции *к-местоимение + ни*. При этом, как и конструкция *к-местоимение + ни*, она указывает на высокую степень, в какой ситуация Р имеет место⁵²; ср.:

(13) а) *Марья Алексеевна не могла не видеть, что Михаил Иванович, при всём своем ограниченном уме, рассудил очень основательно* (Н. Г. Чернышевский, Что делать?).

б) *Дядя Сандро, при всём своем прославленном лукавстве, не мог нарушить законы дружбы даже ради своей пламенной страсти* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

Для этих двух конструкций предлагается следующее толкование:

К-местоимение + ни Р, Q <при всём Р, Q> = 'имеет место Р в очень высокой степени; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Таким образом, у обеих синтаксических конструкций, рассмотренных в данном разделе, усложнение семантического прототипа также выражается в появлении смыслового компонента 'высокая степень'.

Усилительная конструкция вида *к-местоимение + ни* чаще всего употребляется с местоимением *как*. При этом она может, хотя это намного менее характерно,

---

⁵² К обеим этим конструкциям близка по смыслу конструкция *уж на что...а*; ср. *Уж на что третий мужик, а и его обманули*.

употребляться и с другими *к*-местоимениями; ср. *К кому он ни обращался, дело он всё равно проиграл.*

Однако в контексте прочих *к*-местоимений часто реализуется более общее, не чисто уступительное, значение этой конструкции, а именно: ‘при всяком *Р* имеет место *Q*’ (можно назвать его значением ‘любого варианта’); ср. *Кто его ни попросит — он всё помогает.* Эти значения очень близки, и не всегда бывает просто провести между ними границу, тем более, что и для значения ‘любого варианта’ характерна некоторая уступительная окрашенность. Однако существует сочетаемостный критерий их разграничения. Когда данная конструкция употребляется в уступительном значении, в главном предложении допускается использование конверсивных союзу *хотя* *1* уступительных единиц типа *всё-таки 1*, *всё же 1*, *всё равно 3* и пр.; ср. пример выше, а также

(14) а) *Как мне ни хотелось остаться, а всё-таки пришлось уехать.*

В своем основном значении данная конструкция не допускает произвольного введения уступительных единиц в контекст; ср. неправильность

б) **Кто его ни попросит — он всё равно всем помогает.*

в) **Куда ни глянь, всё-таки всюду новые дома.*

Конструкция вида *к*-местоимение + *ни* может употребляться в комбинации с частицей *бы*; ср. *Как бы мне ни было тяжело, я исполню свой долг.* С частицей *бы* в этой конструкции более свободно употребляются и другие *к*-местоимения; ср. *Что бы мне про него ни говорили, я не сомневаюсь в его невиновности.* Частица *бы* вносит дополнительный оттенок в значение данной конструкции, а именно, оттенок предположительности; ср.

(15) а) *Как бы мне ни было тяжело, я исполню свой долг* ≈ ‘Мне может быть очень тяжело; несмотря на это, я исполню свой долг’.

б) *Что бы мне про него ни говорили, я не сомневаюсь в его невиновности* ≈ ‘Мне могли говорить про него самые плохие вещи; несмотря на это, я не сомневаюсь в его невиновности’.

Соответственно, для конструкций вида *к*-местоимение + *бы* + *ни* требуется уточненное толкование:

(16) *К*-местоимение + *бы* + *ни* *Р*, *Q* = ‘имеет или может иметь место *Р* в очень высокой степени; имеет или будет иметь место *Q*; говорящий считает, что если имеет

место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Таким образом, прототип уступительности модифицируется в данной конструкции по двум направлениям — степень и гипотетичность, более точно — высокая степень и гипотетичность.

1.3.1.4. Семантика синонимов как бы то ни было, как ни крути, как ни верти, что (там) ни говори⁵³

Близки к конструкции вида *к-местоимение + ни* разговорные фраземы *как бы то ни было, что (там) ни говори, как ни крути, как ни верти*.

У фраземы *как бы то ни было*, как и у рассмотренной в предыдущем разделе конструкции вида *к-местоимение + ни*, имеется два значения: более общее основное и более узкое уступительное. В своем основном значении фразема *как бы то ни было* имеет смысл 'возможно Р1, возможно Р2, возможно Рn; при любом из возможных Р имеет место Q'; ср.:

(17) *Но Маргарита не могла сказать, был ли это грохот падения [Р1] или грохот сатанинского смеха [Р2]. Как бы то ни было, Воланд смеялся, поглядывая на Маргариту, и говорил [Q]: — Не надо кричать в горах, он всё равно привык к обвалам (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).*

(18) *Но она или не поняла в первую минуту того смысла, который выходил из его слов [Р1], или поняла, но не до того ей было, чтобы обращать внимание на этот смысл, и радость о возобновлении любви заглушила в ней скорбь о близком конце [Р2], — как бы то ни было, но она только радовалась и говорила: «Какой ты добрый, ты всё по-прежнему любишь меня» [Q] (Н. Г. Чернышевский, Что делать?).*

В этом значении фразема *как бы то ни было* семантически близка фраземе *в любом случае* и не содержит указания на то, что существование ситуации Р каким-то образом должно было помешать существованию ситуации Q.

В своем уступительном значении *как бы то ни было* имеет явно выраженную

---

⁵³ В Главе 4 фраземы *как ни крути, как ни верти, что ни говори* рассматриваются как идиоматизированные реализации конструкции *к-местоимение + ни*, наряду со многими другими уступительными фраземами. Здесь они рассматриваются, поскольку они в большой степени «оторвались» от исходной конструкции и превратились в самостоятельные показатели уступительности, которые полезно проанализировать в контексте других уступительных средств.

риторическую функцию. Контексты, где употребляется эта фразема, можно описать как полемику с реальным или воображаемым оппонентом, в которой говорящий признает, что имеют место обстоятельства Р, которые, с точки зрения оппонента, несовместимы с ситуацией Q, однако при этом утверждает, что Q всё-таки имеет место и поэтому наличие Р не слишком важно. Ср.:

(19) — *У него ведь два высших образования и отличные рекомендации [P]! — Как бы то ни было, а на работу я его не возьму [Q].*

Ср. также литературные примеры: *И вот если за что хочется упрек-нуть г. Липскерова, это за то, что не он подчиняет себе окружающий мир волею художника, а мир этот подчиняет его [P] [...] Но как бы то ни было, стихи К. Липскерова — очень хорошие стихи [Q]* (В. Ходасевич, О новых стихах); *Он знал, что из стоящих и развешанных кругом вещей нет ни одной, принадлежащей Ларе [P1], и что обстановка прежних неведомых и скрывающихся хозяев ни в какой мере не может свидетельствовать о Лариных вкусах [P2]. Но всё равно, как бы то ни было, ему вдруг стало не по себе среди глядевших со стен мужчин и женщин на увеличенных фотографиях [Q]* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Для *как бы то ни было* предлагается внести следующие изменения в прототип толкования:

(20) *P; как бы то ни было, Q = 'имеет место P; имеет место Q; кто-то⁵⁴ считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий сообщает, что имеет место Q'.*

К фраземе *как бы то ни было* близка фразема *что (там) ни говори*. Она также является диалогической и риторической языковой единицей. *Что (там) ни говори* употребляется в контекстах реальной или воображаемой полемики, когда говорящий признает, что его реальный или потенциальный оппонент может привести самые различные и, возможно, веские аргументы против возможности существования Q, однако при этом утверждает, что Q всё-таки имеет место. Ср. *Тот, кто оказывался третьим, получал девять [папирос], да еще остаток пачки — кусочек картона, который, что там ни говори, бумага [...] может, пригодится написать записку на волю* (А. Рыбаков, Дети Арбата); *Павлов подмигнул своей тени, которая хоть*

---

⁵⁴ Потенциальный или реальный оппонент говорящего.

и выглядела жалковато, но, что ни говори, принадлежала удачнику и ловкачу (Ю. Нагибин, Зеленая птица с красной головой).

Фразема *что (там) ни говори* в еще большей мере, чем *как бы то ни было*, предполагает наличие оппонента (или даже многих оппонентов), который не только имеет какое-то мнение, но и высказывает его в реальности или в воображаемом диалоге с говорящим. При этом у фраземы *что (там) ни говори*, в отличие от *как бы то ни было*, валентность Р «забита» и эксплицитно в контексте не выражается; Р — это те многочисленные и веские аргументы против Q, которые мог бы привести реальный или воображаемый оппонент (оппоненты). Для *что (там) ни говори* прототипическое толкование трансформируется следующим образом:

(21) *Что (там) ни говори*, Q = 'кто-то считает или утверждает, что Q не может быть; говорящий считает, что если кто-то считает или утверждает, что какой-то ситуации не может быть, то обычно или естественно, чтобы этой ситуации не было; говорящий утверждает, что имеет место Q'.

Основная разница между *как бы то ни было* и *что (там) ни говори*, помимо валентного состава, касается соотношения позиций реального или потенциального оппонента и говорящего.

У *как бы то ни было* область несогласия относится к тому, могут ли обстоятельства Р помешать Q существовать: потенциальный оппонент считает, что Р может повлиять на Q; говорящий не оспаривает самого наличия Р, однако считает, что Р не может повлиять на Q, поэтому, каковы бы ни были эти обстоятельства Р, они несущественны для данной ситуации и поэтому могут даже не обсуждаться.

У *что (там) ни говори* область несогласия относится к тому, существует ли Q: потенциальный оппонент оспаривает саму возможность существования Q, а говорящий, не отрицая того, что можно привести аргументы против Q, всё-таки считает, что Q имеет место.

Синонимичные фраземы *как ни крути* и *как ни верти* имеют следующую семантическую специфику: они указывают на то, что ситуация Q нежелательна и что как бы ни стараться ей воспрепятствовать, с какой бы точки зрения ни рассматривать существующие обстоятельства, она всё равно имеет или будет иметь место. Употребление в контекстах, где Q — это желательная или нейтральная в отношении желательности ситуация, для этих фразем нехарактерно; ср. естественность (22а) при странности (б)

и (в):

- (22) а) *Как ни крути <верти>, а ничего из этой идеи не выйдет.*
б) *?Как ни крути <верти>, а всё складывается наилучшим образом.*
в) *?Как ни крути <верти>, а он написал свою поэму пятистопным ямбом.*

Ср. также литературные примеры: *Тем временем Рита слегка опомнилась и сообразила: разве ее жизнь станет легче, если в доме появится больной или полубольной человек? Ну, хорошо, нетяжелая домашняя работа, понемногу готовка, магазины, но ведь, как ни крути, она психически неполноценна, могут быть обострения, в любой день снова больница* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); *Меня, понимаете, бесит, что они, как ни верти, женятся рано или поздно; с этим ничего не поделаешь* (А. Грин, Бегущая по волнам).

У этих фразем также «забита» валентность Р, и в контексте она не выражается. Для них предлагается следующее толкование:

(23) *Как ни крути <как ни верти>, Q = 'говорящий не хочет, чтобы было Q; кто-то считает, что если что-то сделать, то Q может не быть; говорящий считает, что Q имеет или будет иметь место'.*

У данной группы лексем изменение прототипа еще более значительно: оно затрагивает параметры гипотетичности, желательности, а также требует введения фигуры потенциального оппонента; ср. компонент 'кто-то считает'.

1.3.1.5. Семантика синонимов *хоть 5, пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3*

Лексемы и выражения данного синонимического ряда имеют следующую объединяющую их семантическую особенность: они используются при описании разного рода крайностей, чего-то предельного⁵⁵. Говорящий выражает убежденность в том, что даже если ситуация Р, препятствующая Q, представляет или будет представлять собой некоторый предел, Q всё равно будет иметь место. Ср.:

(24) *Ручку двери снаружи в это время крутили и дергали, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала: — Нельзя! Не пуцу! [Q] Хоть зарежьте! [P]* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

⁵⁵ Ср. [Подлеская 2004:550] о максимуме и минимуме в как возможных полюсах шкалы в значении *хоть*.

(25) *Где же им, старой да малой, идти на дальнее болото [Q — им нельзя идти на дальнее болото], пусть ягоды там и совком гребут [P]* (В. Астафьев, Без приюта).

(26) *Пусть даже половина людей погибнет [P], сойдет с ума, только бы другая вылечилась от пошлой бессмысленности жизни [Q]* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина).

(27) *Переведи меня отседа в одиночку [Q], пускай лед на стенах и днем прилечь не дают [P]! Переведи! Печенку на бетоне отморожу, чахотку схвачу, косточки свои ревматизмом кормить буду, сапоги твои вылижу, пускай глаза мои оглохнут, уши ослепнут [P] [...] только переведи [Q]!* (Ю. Алешковский, Кенгуру).

(28) *И сколько бы лет ни прошло с тех пор, как погиб или умер близкий человек, абхазец, узнав место его захоронения, даже если оно за тысячу километров [P], даже если ему для этого придется продать всё свое имущество [P], должен перевезти останки своего родственника [Q]* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

(29) *Если и не достигнете примирения с собою и прощения себе [P], то и тогда Он простит за намерение и страдание ваше великое [Q]* (Ф. М. Достоевский, Бесы).

(30) *Да хоть бы он принц крови был [P], моя дочь ни в ком не нуждается! [Q]* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

(31) *Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том [Q], хотя бы со грехом твоим и во грехе твоём любит [P]* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).

Все единицы данного ряда эмоционально окрашены, что легко объясняется их семантикой: эмоциональность коррелирует с указаниями на предел и на убежденность говорящего в том, что будет Q.

Указание на очень высокую степень, некий предел обязательно почти для всех синонимов данного ряда; ср. примеры выше (*ягоды совком гребут, за тысячу километров, всё свое имущество*). Лексема *хоть 5* даже образует ряд фразем со значением крайней степени, предела чего-либо; ср. *хоть на край света, хоть убей, хоть тресни, хоть падай, хоть режь* и т. п. Оно необязательно только для лексем *пусть 3* и *пускай 3*; ср. *Пусть жалуется, вряд ли у него что-то получится*. Однако большинство контекстов с этими лексемами содержит имплицитное или эксплицитное указание на высокую степень.

В тех случаях, когда в контексте отсутствует эксплицитное указание на предел, оно

наводится самими этими выражениями; ср. *Не знаю, куда вы, — отвечал Соломин, — а я к себе домой. — На фабрику? — На фабрику. — Теперь, ночью, пешком? [Q] — Что ж такое? Здесь ни волков, ни разбойников нет, а ходить я здоров. Ночью-то еще свежее. — Да тут четыре версты! — А хоть бы и все пять [P]. До свиданья, господа!* (И. С. Тургенев, *Новь*).

В данном примере оценка *пяти верст* как очень большого расстояния, некоего предела возможностей вводится именно лексемой *хоть бы* 3.

Другая особенность синонимов данного ряда касается экзистенциального статуса P: хотя P может быть фактом (ср. *Пусть он самый младший, всё равно должен стараться*), чаще это предположение, допущение (*Если и позовут, не приду*). Для синонима *хоть бы* P может быть только предположением: ср. *Хоть бы и принц крови был, всё равно за него дочку не отдам*.

Последняя важная семантическая особенность единиц данного ряда — это их проспективность: говорящий выражает убежденность в том, что Q будет. Если Q — это состоявшийся факт, их употребление затруднено или невозможно; ср. невозможность

(32) а) **Я пошла пешком, хоть бы <даже если> там было десять километров*

при естественности

б) *Я пойду пешком, хоть бы там было <даже если там будет> десять километров.*

Прспективность может заменяться другими семантическими компонентами, подразумевающими гипотетичность ситуации Q, чаще всего модальностью долженствования, желательностью, интенциональностью; ср.:

(33) *Надо чтить, повторяю, потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть там дрянь одна — всё равно* (Вен. Ерофеев, *Москва — Петушки*).

(34) *И всё же я счастлив. [...] И пускай сам по себе я пошловат, подловат, пускай никто не знает, не ценит того замечательного, что есть во мне, — моей фантазии, моей эрудиции, моего литературного дара...* (В. Набоков, *Соглядатай*).

(35) *Даже если это окажется очень трудно, я всё равно хочу ему помочь.*

(36) *Если он и предаст тебя, не надо его ненавидеть.*

(37) *Я добьюсь своего, хотя бы весь мир был против меня.*

(38) *Да хоть бы и попросил прощения, я всё равно с ним мириться не собираюсь.*

Для слов данного синонимического ряда предлагается следующее общее толкование (индивидуальные различия между ними здесь не рассматриваются):

(39) *Хоть 5 < пусть 3, пускай 3, пусть даже, даже если 2, если и 2, хотя бы 3, хоть бы 3 >* P, Q = 'может иметь место P в очень высокой степени; говорящий уверен, что имеет или будет иметь место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q⁵⁶.

К данному синонимическому ряду близка по смыслу конструкция вида *да будь...* в своем уступительном значении (в основном значении она выражает смысл оптативности). Она указывает на высокую степень и гипотетичность ситуации P, а также на абсолютную убежденность говорящего в том, что будет Q; ср. следующие примеры: *Да будь он и чемпион мира по борьбе или боксу или даже джиу-джитсу, что он может сделать с шакалами, волнами набрасывающимися на него?* (Эдуард Лимонов, Подросток Савенко); *Да будь вы мне хоть родной дочерью — и то я ничего не смог бы сделать!* (Андрей Житков, Кафедра).

Таким образом, изменение прототипа для данной группы уступительных выражений идет по двум направлениям: высокая степень и гипотетичный статус P и Q⁵⁷.

1.3.1.6. Семантика синонимов пусть 2, пускай 2, (ну) ладно 5, так и быть

Рассмотренный в предыдущем разделе ряд уступительных единиц сближается с рядом, рассматриваемым здесь в том отношении, что в этих рядах, наряду с другими единицами, представлены разные лексемы одних и тех же вокабул — *пусть* и *пускай*.

⁵⁶ Приведем в этой связи предложенное В. З. Санниковым объяснение семантики и прагматики союзов *пусть* и *пускай* [Санников 2004: 244–245], ярко и точно описывающее их употребление, причем, как нам кажется, именно в рассматриваемом нами в данном разделе значении:

«*Пускай/пусть X, (но/а) Y =*

'Существует мнение, что для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие X и определение степени его реальности;

Я не отвергаю это мнение и надеюсь, что будет проявлено внимание и к моему мнению:

Считаю излишним обсуждать событие X и степень его реальности, поскольку:

1) всё — в руках судьбы;

2) для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие Y, не зависящее от наличия или отсутствия события X'».

⁵⁷ В работе [Haspelmath, König 1998] эта группа уступительных средств относится к scalar concessive conditionals и отмечаются некоторые их типологически общие черты в разных языках.

У этих двух слов одинаковая структура многозначности. Их второе и третье значения являются уступительными, в то время как лексемы *пусть 1* и *пускай 1* имеют значение оптатива, т. е. пожелания, которое может сочетаться с побуждением к действию (см. ниже раздел 4.1). Лексемы *пусть 1* и *пускай 1* одновалентны; ср. *Пусть убирается отсюда! Пускай сам всё делает!*

Лексемы *пусть 3* и *пускай 3* двухвалентны (см. предыдущий раздел).

Лексемы *пусть 2* и *пускай 2* представляют собой промежуточный случай. Эти лексемы употребляются для выражения неохотного согласия; ср.:

(40) — *Пожалуйста, ну разреши ему прийти. — Ну ладно, пусть <пускай> приходит [P]*

Как видно из приведенного примера, у них есть только одна синтаксически выраженная валентность — ситуации P, на существование которой говорящий выражает свое согласие. Однако семантически они указывают на существование еще одной ситуации — нежелания говорящего, чтобы ситуация P существовала. Если P в разных контекстах варьируется, то вторая ситуация для всех случаев употребления фиксирована — это нежелание говорящего. Таким образом, вторая валентность для *пусть 2* и *пускай 2* является «забитой», заранее заполненной.

Именно указанием на нежелание говорящего, чтобы была P, *пусть 2* и *пускай 2* отличаются от лексем *пусть 1* и *пускай 1*, которые, наоборот, свидетельствуют о желании говорящего, чтобы P была. Это семантическое различие имеет ряд рефлексов на других уровнях языка.

Во-первых, эти две пары лексем различаются синтаксически. Для *пусть 2* и *пускай 2* характерно эллиптическое употребление, при котором ситуация P эксплицитно не упоминается, в то время как для *пусть 1* и *пускай 1* это невозможно. Ср. употребления типа *Пусть <пускай>*, которые однозначно интерпретируются как согласие на что-то, а не как побуждение что-то сделать. Ср. также *Старик терпел: пусть, ноги не отвалятся, лишь бы быстрее переправить бревно* (Ч. Айтматов, Белый пароход). Это синтаксическое различие абсолютно естественно: когда человек побуждает кого-то что-то сделать, он должен явно обозначить, чего именно он добивается, в то время как согласие является ответом на уже высказанное кем-то пожелание, которое нет необходимости повторять.

Во-вторых, эти пары лексем различаются просодически. *Пусть 1* и *пускай 1*

безударны, во фразах с ними ударение падает на группу, заполняющую валентность Р, в то время как *пусть 2* и *пускай 2* несут на себе главное фразовое ударение. Ср. (41а) VS. (41б):

(41) а) *Пусть посидит* ↓*еще* [‘Я хочу, чтобы он посидел еще’].

б) ↓*Пусть посидит еще* [‘Я согласен, чтобы он посидел еще’].

Ср. также *Скажи, говорит, Султанмурату и ребятам: пусть не расстраиваются, всё решено* (Ч. Айтматов. Ранние журавли); *Так пускай же никогда и нигде не повторится эта горькая правда* (В. Каверин. Два капитана) [*пусть 1, пускай 1*] VS. *Не трогай его, не трогай, пусть побалуется* (Ч. Айтматов. Ранние журавли); ↓*Пускай себе дымят: значит, ветер веет откуда-то с третьей стороны, понимаете?* (К. Чапек. Дым. Пер. Д. Горбова) [*пусть 2, пускай 2*].

Наконец, между ними есть и сочетаемостные различия: так, в сочетании с личными местоимениями и возвратным местоимением *себя* употребляются лексемы со значением согласия, а не побуждения; ср. разговорные фразы *Пускай себе балуется, Пусть его немного отдохнет*; но не **Пусть его себе сходит в магазин за хлебом*.

Указание на нежелание говорящего, чтобы ситуация Р существовала, свойственно всем единицам рассматриваемого ряда. Ср. их с нейтральной утвердительной лексемой *да 1*:

(42) а) — *Можно они у нас поживут?* — *Да*.

б) — *Можно они у нас поживут?* — *Ну ладно <так и быть; ну пусть; ну пускай>*.

Фраза (42а) выражает согласие и больше ничего; во фразе (42б) говорящий неохотно уступает явно выраженному желанию собеседника. Ср. также литературные примеры, подтверждающие уступительный характер лексем и фразем данного ряда: *Но уж я уступаю, так и быть, мнению наших дам* (Ф. М. Достоевский, Бесы); *Я решился, уж так и быть, помириться на трех тысячах* (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы); *Ну ладно, -- махнул рукой Александр Петрович, — ступай домой, раз ты такой упрямый* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Ну ладно, — согласился я, притворно смиряясь* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Лидия ругала Мальку два дня, а на третий сказала: — Ладно, пускай живут* (В. Белов, Рассказы о всякой живности).

Между *пусть 2* и *пускай 2*, с одной стороны, и *(ну) ладно* и *так и быть*, с другой, имеются семантические различия. Они касаются того, кто является субъектом ситуации

Р. Для *(ну) ладно* и *так и быть* это может быть кто угодно, для *пусть 2* и *пускай 2* — это какое-то третье лицо, но обычно не адресат и ни в коем случае не сам говорящий. Ср. правильность (43а) при невозможности (43б):

(43) а) *Ну ладно <так и быть>, приду.*

б) **Ну пусть <пускай> приду.*

Как видим, *(ну) ладно* и *так и быть* выражают более общий смысл ‘неохотное согласие’, а *пусть 2* и *пускай 2* — более узкий смысл ‘неохотное разрешение’.

Таким образом, у единиц данного ряда семантические изменения прототипа идут по следующим направлениям: появляется указание на нежелательность ситуации Р для говорящего и ее желательность для кого-то еще, обычно адресата; изменяется фактивный статус Р, т. к. Р — это еще не состоявшаяся ситуация; для двух из лексем ряда появляется ограничение на субъекта Р. Соответственно, для фразем *(ну) ладно, так и быть* и *пусть 2, пускай 2* предлагаются следующие толкования:

(44) *(ну) ладно <так и быть> Р* = ‘говорящий не хочет, чтобы имела место Р; кто-то хочет, чтобы имела место Р; обычно или естественно, если кто-то не хочет, чтобы какая-то ситуация имела место, то он не соглашается на то, чтобы она имела место; говорящий соглашается, чтобы Р имела место’.

(45) *пусть 2 <пускай 2> Р* = ‘говорящий не хочет, чтобы имела место Р; кто-то хочет, чтобы имела место Р; обычно или естественно, если кто-то не хочет, чтобы какая-то ситуация имела место, он не разрешает, чтобы она имела место; говорящий разрешает, чтобы Р имела место’.

1.3.1.7. Семантика синонимов в *то время как 3, между тем как 3, тогда как 2*

В предыдущих разделах рассматривались в основном уступительные единицы с семантическим наращением высокой степени, т. е. указывающие на то, что ситуация Р рассматривается как очень серьезное препятствие для существования Q, в силу чего Q воспринимается как сильное отклонение от обычного хода событий или от нормы. Уступительные единицы, описываемые в данном разделе, также могут употребляться в подобных контекстах, однако гораздо чаще предполагают лишь некоторую необычность сосуществования этих двух ситуаций.

Ср. следующие фразы, где условия употребления *в то время как 3, между тем как 3* и *тогда как 2* не отличаются от контекстов, типичных для *хотя 1* и *несмотря на* и где,

соответственно, возможна замена на эти лексемы:

(46) а) *Ему казалось, что он сидит в этой комнате уже целую вечность [Q], в то время как прошло не больше часа [P].*

б) *Его приняли на работу инструктором по плаванию [Q], между тем как у него нет никакого опыта преподавания [P].*

в) *Он требует от своих подчиненных, чтобы они приходили на работу вовремя [Q], тогда как сам всегда опаздывает [P].*

Однако в силу того, что несовместимость ситуаций Р и Q для лексем *хотя 1* и особенно *несмотря на* существенно выше, чем для *в то время как 3*, между тем как *3* и *тогда как 2*, подобная замена не всегда бывает одинаково естественна. Ср. следующие примеры, где замена на лексему *несмотря на* не вполне уместна: *Роскошные рога оленей многие считают данными навсегда, тогда как они непостоянны в отличие от вышеупомянутых парнокопытных* [Ногти и рога — что общего?, «Знание — сила», №10, 2003]; *Меня уволили за дачу по делам необоснованных указаний, в то время как по одному из дел указания давал не я, а вышестоящий руководитель* [Тень независимости, «Профиль», 2003.08.11]; *Регулирующий орган может создавать особые, тепличные условия для «своих» организаций, между тем как он должен быть беспристрастным* [Константин Фрумкин, Интеллектуалы против бюрократов, «Финансовая Россия», 2002.09.19].

Уступительные единицы данной синонимической группы отличаются от прототипа по нескольким параметрам. Во-первых, они предполагают менее жесткую условную зависимость между Р и не-Q и, соответственно, меньшее отклонение от нормы, нежели прототип.

Во-вторых, они могут предполагать обратную условную зависимость между Q и не-Р. Ср. пару фраз *Зарплаты здесь очень низкие [Q], в то время как <между тем как, тогда как> цены высокие [P] VS. Цены здесь высокие [P], в то время как <между тем как, тогда как> зарплаты очень низкие [Q]*, где Р и Q можно поменять местами практически без изменения смысла. Для прототипа такое невозможно; ср.:

(47) а) *Хотя врачи ему запретили есть сладкое [P], он съедает каждый день по шоколадке [Q]*

при неправильности

б) **Хотя он съедает каждый день по шоколадке [Q], врачи ему запретили есть*

сладкое [P].

Невозможность перестановки для союза *хотя 1* связана с его подчинительностью; союзы группы *в то время как, между тем как, тогда как* сочинительные, поэтому для них и возможна перестановка.

На основании рассмотренных языковых фактов для данных уступительных оборотов предлагается следующее толкование:

(48) *P, в то время как 3 <между тем как 3, тогда как 2> Q* = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; если имеет место ситуация типа Q, то более естественно, чтобы имела место ситуация типа не-P’.

На примере союзов *в то время как 3, между тем как 3* и *тогда как 2* видна связь уступительного значения с условным. Эти союзы имеют сходную с основным условным союзом *если* структуру многозначности. Союз *если* имеет, помимо своего основного, условного значения, также риторическое значение сопоставления и противопоставления; ср. *Если в прошлом году прибыль составила только пять процентов, в этом году она повысилась до пятнадцати*.

У уступительных союзов *в то время как 3, между тем как 3* и *тогда как 2* есть близкие лексемы *в то время как 2, между тем как 2* и *тогда как 1*, которые, подобно *если*, употребляются как сопоставительные и противопоставительные союзы, близкие по употреблению к союзу *а*; ср.:

(49) а) *Державинская лирика мужественна и всё время стремится стать эпосом [Q], в то время как эпос Чехова лиричен и женствен [P]*.

б) *В этом году на юге России очень холодно [Q], в то время как <между тем как, тогда как> на севере необычно тепло [P]*.

В уступительном значении *в то время как, между тем как* и *тогда как* часто могут быть заменены на основной уступительный союз *хотя 1*, а в сопоставительно-противопоставительном — на союз *если* в его иллокутивном употреблении. Ср. естественность замены на *если* в следующих литературных примерах, где замена на *хотя 1*, напротив, была бы невозможной без изменения смысла: *Ведь для южного школьника и минус пятнадцать может оказаться критической температурой, тогда как дитя севера легко выдюжит минус сорок* (Когда градус мешает учебе, «Вечерняя Казань», 2003.01.11) $\approx$ *Если для южного школьника и минус пятнадцать может*

оказаться критической температурой, дитя севера легко выдюжит минус сорок; В главе шестой третьего отдела 350 страниц, между тем как в других главах всего по несколько десятков страниц (М. М. Бахтин, Л. Е. Пинский, Драматургия Шекспира. Основные начала) ≈ Если в главе шестой третьего отдела 350 страниц, в других главах всего по несколько десятков страниц; Вся процедура [в будущем] займет не более 5 дней, в то время как сейчас на это уходит 3 месяца (Назад, в будущее // «Время МН», 2004.01.31) ≈ Если в будущем процедура займет не более 5 дней, сейчас на это уходит 3 месяца.

Подобно сопоставительно-противительным предложениям с *если*, такие предложения с *в то время как 2*, *между тем как 2* и *тогда как 1* допускают перестановку частей предложения без критического изменения смысла; ср. *В будущем вся процедура будет занимать не более 5 дней, в то время как сейчас на это уходит 3 месяца ≈ Сейчас на это уходит 3 месяца, тогда как <в то время как, между тем как> в будущем вся процедура будет занимать не более 5 дней.* Однако, как было показано выше, это возможно и для некоторых употреблений этих союзов в их уступительном значении.

1.3.2. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация Q, вторая валентность — это ситуация P

В данном разделе рассматриваются уступительные единицы типа *всё-таки 1*, у которых валентность Q является первой, а валентность P — второй.

1.3.2.1. Семантика синонимов *всё-таки 1*, *всё же 1*, *всё равно 3*, *тем не менее*

О семантике данной группы синонимов речь уже шла выше, в разделах 2.1 и 2.2. Уступительные частицы *всё-таки 1*, *всё же 1*⁵⁸, *всё равно 3* и *тем не менее* являются конверсивами по отношению к прототипу уступительности — союзу *хотя 1*. Синтаксически эти частицы вводят именно актанта Q, в то время как их конверсивы

---

⁵⁸ Лексемы *всё-таки 1* и *всё же 1*, представленные в примерах типа *Хотя он мне мешал, я всё-таки <всё же> успел доделать работу* не следует путать с уступительными лексемами *всё-таки 2* и *всё же 2*, представленными во фразах типа — *Что ты так нарядилась? — Всё-таки <всё же> в кино иду* (о них см. ниже). Помимо семантики, первые отличаются от вторых, а также от всех прочих лексем слов *всё-таки* и *всё же* тем, что могут нести на себе контрастное ударение и могут формировать самостоятельное высказывание, в то время как для всех остальных это невозможно. Ср. *И[↓] всё-таки <всё же> я это сделаю; Конечно, надежды мало. И всё-таки <всё же>*.

вводят Р. В разделе 2.1.1 уже приводилось предлагаемое для них общее толкование, которое мы ниже воспроизводим. Оно отличается от прототипа порядком семантических ролей — для *хотя 1* первой является роль Р, т. е. препятствующего Q обстоятельства, а для *всё-таки 1*, *всё же 1*, *всё равно 3* и *тем не менее* первой является роль Q. То, что для *всё-таки 1*, *всё же 1*, *всё равно 3* и *тем не менее* главной является именно валентность Q, подтверждается, помимо других синтаксических фактов, еще и тем, что эти частицы допускают отсутствие эксплицитного упоминания ситуации Р в пределах высказывания; ср. *И всё-таки я ее люблю*; *И всё же Вы неправы*; *Всё равно Вы меня не переубедите*; *И тем не менее я против*. Ситуация Р может упоминаться задолго до появления высказывания с *всё-таки 1*, *всё же 1*, *всё равно 3* и *тем не менее*, а может вообще не выражаться эксплицитно. Ср. *Она непременно ко мне вернется, я знаю своих девочек. Из этих слов Эрсту Петровичу стало ясно, что Ипполит всё-таки не убил Амалию* [из предыдущего контекста мы знаем, что ожидалось обратное], *а, видимо, куда-то увез* (Б. Акунин, Азазель).

Предлагаемое для этих единиц общее толкование выглядит следующим образом:

(50) Р, *всё-таки 1* <*всё же 1*, *всё равно 3*, *тем не менее*> Q = ‘имеет место Q; имеет место Р; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа Р, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Однако предложенное толкование требует еще некоторых уточнений, так как каждый из перечисленных синонимов обладает некоторой семантической спецификой.

Всё-таки 1, *всё же 1* и *всё равно 3* противопоставлены *тем не менее* по признаку личного отношения субъекта ситуации Q или говорящего к ее существованию.

Разговорные частицы *всё-таки 1*, *всё же 1* и *всё равно 3* все в какой-то степени предполагают небезразличное отношение субъекта ситуации Q или говорящего к ее существованию (см. раздел 2.2.2 о *всё равно 3*).

Из перечисленных синонимов *всё равно 3* указывает на наибольшую степень заинтересованности субъекта (или говорящего) в ситуации Q; ср. *Всё равно я стану актрисой* [Q], *не такая уж я бездарь* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора) [в существовании Q заинтересован говорящий] VS. *Причем преград Паоло не признает — до трибун все равно доберется* (Забил? Получи «горчичник», «Семья», 2001.11.14) [в существовании Q заинтересован ее субъект].

Заинтересованность субъекта (или говорящего) может проявляться

и в нежелании, чтобы была Q; ср. следующий пример, где Q нежелательна: *Правда, атеросклероз всё равно развивается [Q], но зато кровь не образует тромбы [Не расстанусь с аспирином?, «Знание — сила», №9, 2003].*

При этом *всё равно* 3 не предполагает, что говорящий или субъект непременно добивается желаемого; ср. *Эти обещания все равно окажутся не выполненными; Но для страхования опять-таки нужны свободные средства, а их, несмотря на рекордный урожай, всё равно нет [Екатерина Григорьева, Проявить и закрепить, Известия, 2002.07.02].*

Всё равно 3 предполагает, что препятствующие наступлению ситуации Q обстоятельства сильны, и необходимо затратить большое количество усилий на их преодоление; поэтому *всё равно* 3 часто употребляется в контексте уступительных единиц-интенсификаторов типа *даже если*; ср. *Кроме того, даже если отец и заявит (в письменной форме) о своем несогласии на выезд ребенка за границу, вы всё равно сможете оспорить его заявление и решить вопрос о возможности выезда в судебном порядке [Владимир Китсинг, Малолетки за границей. Как оформить выезд ребенка за рубеж, «Известия», 2002.08.26].*

Другая семантическая особенность *всё равно* 3 — это возможное указание на активное участие воли субъекта Q (в частном случае, говорящего) в формировании этой ситуации (в том случае, если он заинтересован в ее существовании; в обратном случае он может пытаться ей воспрепятствовать). *Всё равно* 3 часто предполагает, что субъект Q или говорящий совершает или намеревается совершить некоторые действия, ведущие к наступлению этой ситуации (или мешающие ее наступлению, если он в этом не заинтересован); ср. *Если меня пошлют на прииск, то на первом перевале, как затормозит машина, я прыгаю вниз, пусть конвой меня застрелит — всё равно на золото я больше не поеду (В. Шаламов, Колымские рассказы).*

Волевое начало, заложенное в значении *всё равно* 3, не обязательно проявляется в конкретных действиях. Оно может выражаться во внутренней установке на то, чтобы имела место Q; ср. *Но я всё равно верю, что это честная борьба и всё равно это наш главный праздник [Мила Кузина, «Спасибо Путину, Добродееву и Эрнсту». Прошла восьмая церемония вручения ТЭФИ, «Известия», 2003.02.03].*

Может оно выражаться и в тоне высказывания. Высказывания с *всё равно* 3 часто произносятся решительным тоном, иногда даже с некоторым нажимом, и носят

характер восклицаний; ср. *И всё-таки это вот немощное, мятущееся, бесконечно человеческое, болящее вычеркнуть не посмели! И Бог — немощный и слабый — всё равно остался Богом!* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Эта просодическая особенность отличает лексему *всё равно 3* от лексемы *всё равно 2*, имеющей значение ‘в любом случае’ и синонимичной разговорной лексеме *так и так*; ср. $\downarrow$ *Всё равно я к нему поеду* [‘несмотря ни на какие препятствия’] VS. *Всё равно я к нему* $\downarrow$ *поеду* $\approx$ *Так и так я к нему поеду* [‘в любом случае’]. Первую фразу естественно поместить в полемический контекст; ср.: *Запрещай сколько угодно, $\downarrow$ всё равно я к нему поеду*. Вторую фразу уместно продолжить совсем иным образом: *Хочешь я отвезу ему и твои документы, всё равно ведь я к нему $\downarrow$ поеду*.

Всё равно 3 — самый полемичный из синонимов ряда. Это очень диалоговое слово и появляется оно чаще всего в высказываниях, являющихся декларацией намерения или мнения; ср. — *Очень глупо туда ездить. — А я всё равно поеду; Пусть все будут против, всё равно я стану музыкантом; Бездарное произведение, если даже оно антисоветское, всё равно бездарное* (С. Довлатов, Соло на ундервуде); *Пусть даже мы не доживем до такого счастья. Всё равно, я всё равно уже и теперь счастлива. Эти чудовища сторожат нас. А мы ушли от них за тридевять земель* (Е. Шварц, Дракон); *Всё равно это был лучший вечер в моей жизни* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Выражая волю субъекта ситуации или говорящего, *всё равно 3* приобретает свойство проспективности, характеризующее эту единицу в большей мере, чем другие синонимы ряда. Ср. *Боже мой, когда же это кончится! скажи же, наконец, ему, что ты любишь меня, что всё равно ничто в мире на разлучит нас!* (И. А. Бунин, Ворон); *Как бы вы ни держались, они всё равно вас на чем-нибудь да проведут* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Всё-таки 1 тоже предполагает наличие заинтересованности, хотя и в несколько меньшей мере; ср. приписываемое Галилею высказывание *И всё-таки она вертится!*, а также *Сергей тронулся с места сначала тяжело, но потом всё-таки развил скорость* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора). В значении *всё же 1* указание на эмоциональное, личное отношение к ситуации еще слабее, но и *всё же 1* не совсем нейтрально в этом смысле; ср. *На этот раз, если и не полная, то всё же какая-то удача была налицо* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Когда публику всё же удалось вернуть, [...]*

руководители несколько раз пытались объявить собранию о расставленной впереди ловушке (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Указание на эмпатию говорящего сближает синонимы *всё-таки 1* и *всё же 1* с лексемой *всё равно 3*, но в некоторых отношениях они ей прагматически противоположны.

А именно, *всё равно 3* — прагматически «сильная», полемичная лексема, передающая несколько даже агрессивную убежденность говорящего в том, что нечто имеет или будет иметь место, что подчеркивается и ее просодическими свойствами (см. выше).

Всё-таки 1 и *всё же 1* в большинстве употреблений — прагматически «слабые», «извиняющиеся» лексемы, передающие скорее неуверенность и надежду говорящего на то, что нечто имеет или будет иметь место, нежели сильную убежденность в этом.

Поэтому во многих контекстах они не являются взаимозаменяемыми; так, в следующих примерах напор и убежденность говорящего делают неестественной или невозможной замену *всё равно 3* на *всё-таки 1* и *всё же 1*: *Если бы я прожила сто лет, я всё равно не смогла бы этого забыть; Если даже вотум недоверия пройдет, то премьера всё равно не снимут.* Аналогично, в следующих неуверенных по характеру высказываниях было бы неуместно использовать *всё равно 3*: *Можно я всё-таки приду?; Мне всё же хотелось бы, если возможно, получить небольшой аванс.*

При эмфатическом, просодически выделенном употреблении *всё-таки 1* и *всё же 1* максимально сближаются с *всё равно 3*; ср. *И всё-таки <всё же, всё равно> я счастлива!*

Лексема *тем не менее* не предполагает никакого личного отношения субъекта или говорящего к ситуации Q; эта стилистически нейтральная частица используется для объективной констатации некоторого положения вещей. Она существенно чаще, чем *всё-таки 1*, *всё же 1* и *всё равно 3*, употребляется в нарративе. Ср. ее появление в научном тексте, где *всё-таки 1*, *всё же 1* и *всё равно 3* были бы менее уместны: *Существенно изменились условия жизни общества и условия бытования уже мёртвого латинского языка, который продолжал, тем не менее, активно использоваться в церкви, канцелярии, науке, образовании, международных отношениях* (И. Сусов, История языкознания).

Частица *тем не менее* противопоставлена всем остальным частицам данного

ряда также синтаксически: она не допускает препозиции именной группы, заполняющей основную валентность — Q — по отношению к именной группе, заполняющей валентность P; ср. невозможность (51а):

(51) а) **Тем не менее он приехал, хотя было уже поздно*

при правильности (б) и (в):

б) *Всё-таки <всё же> он приехал, хотя было уже поздно,*

в) *Всё равно он приедет, даже если будет уже поздно.*

В соответствии с указанными особенностями данных частиц, предлагается уточнить их толкования.

Тем не менее не требует внесения каких-либо дополнительных изменений в предлагавшееся выше толкование, модифицированное с учетом конверсивности прототипа.

Для *всё-таки* и *всё же* предлагается следующее толкование, учитывающее их неуверенную окраску и слабое указание на эмпатию говорящего:

(52) *P, всё-таки I <всё же I> Q* = ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то чаще имеет место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий не безразличен к Q’.

Для *всё равно* *3* предлагается следующее уточненное толкование (см. выше раздел 2.2.2); ср.:

(53) *P, всё равно 3 Q* = ‘имеет место Q; имеет место P; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; субъект Q или говорящий хочет, чтобы Q имела место или хочет, чтобы Q не имела места’.

Различия между *всё-таки I* и *всё же I* минимальны. В силу своей большей просодической самостоятельности, *всё-таки I* чаще, чем *всё же I*, употребляется сентенциально, чаще маркируется фразовым ударением. Просодически частица *всё же I* несколько более клитична, из-за чего в некоторых контекстах, где абсолютно естественна частица *всё-таки I*, *всё же I* несколько менее естественна. Однако семантические различия между этими частицами сформулировать сложно, т. к. не удалось обнаружить контекстов, где взаимозамена была бы невозможна.

В работе [Paillard 1992: 504] семантическое различие между *всё-таки* и *всё же* формулируется следующим образом: *всё-таки* вводит указание на преодоление

некоторого препятствия *p* и через это на создание некоторого нового положения вещей *q*, в то время как *всё же* не указывает ни на несовместимость *p* и *q*, ни на появление чего-то нового. Это различие выводится композиционально — из различия в семантике частиц *-таки* и *же*. Однако с этим нельзя согласиться ни методологически, ни по существу.

Композициональный подход представляется неподходящим средством анализа семантики данных лексем, поскольку они представляют собой уже абсолютно самостоятельные, полностью идиоматизированные единицы, имеющие на синхронном уровне очень мало общего с частицами *-таки* и *же*, которые обладают своим собственным сложным значением.

Относительно семантических различий *всё-таки 1* и *всё же 1* необходимо сделать два замечания.

Во-первых, Д. Пайар не выделяет у этих частиц разных значений, хотя оперирует примерами, явно относящимися к разным их лексемам. По-видимому, его утверждения о различиях следует относить ко всем их значениям. Однако, поскольку эти частицы очевидным образом полисемичны, любые утверждения об их семантике должны касаться конкретных значений. *Всё-таки* и *всё же* имеют по два уступительных значения (см. также ниже о *всё-таки 2* и *всё же 2*) и некоторое количество разговорных метатекстовых значений⁵⁹.

Во-вторых, что касается языковых примеров, иллюстрирующих утверждения автора о различиях *всё-таки* и *всё же*, то нужно заметить, что среди приводимых примеров на *всё-таки* нет ни одного, где нельзя было бы употребить *всё же*. Единственный пример, где *всё же* звучит несколько менее естественно, это следующий (в нем, кстати, и лексема *всё-таки* звучит не вполне безупречно): *Обратитесь к Марии Ивановне, она вам поможет. Всё-таки она занимается этим вопросом* [Paillard 1992: 505]⁶⁰. Однако стоит поменять порядок слов, чтобы частица *всё же* не стояла в сентенциальной позиции, или выделить интонацией какое-либо из слов пропозиции (*она, занимается*) так, чтобы сфера действия *всё же* была ограничена этим словом, и фраза становится возможной; ср. *Всё же ↓она занимается этим вопросом*.

---

⁵⁹ Так, например, *всё-таки* и *всё же* часто используются для ввода какого-то нового соображения по поводу чего-то уже обсуждавшегося или как-то иначе известного собеседнику; ср. *Здорово мы всё-таки погуляли; Интересная всё же была передача*.

⁶⁰ В данной фразе представлено второе уступительное значение данной частицы — *всё-таки 2*, о чем см. ниже.

1.3.2.2. Семантика синонимов в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всём том

Как и синонимы, рассматривавшиеся в предыдущем разделе, уступительные единицы данной группы синтаксически устроены так, что первой валентностью (т. е. валентностью, синтаксически вводимой самим уступительным словом) у них является Q — ситуация, которая имеет место, несмотря на неблагоприятную для нее ситуацию P; ср. *Эта история абсолютно правдива [P] и в то же время совершенно невероятна [Q]; Он испытывал разочарование [P] и вместе с тем огромное облегчение [Q]; Он очень необщителен [P], но при этом совершенно не может жить один [Q]; Он, конечно, умный, порядочный, надежный человек [P], но при всём том у него очень тяжелый характер [Q].*

При этом, подобно частице *тем не менее*, они не допускают препозиции Q по отношению к P; ср. невозможность фразы *Эта история в то же время совершенно невероятна [Q] и абсолютно правдива [P]* и других подобных.

Однако, при указанном синтаксическом сходстве, семантически эти две группы различаются. По сравнению с синонимами группы *всё-таки 1*, группа *в то же время 2* выражает существенно более мягкую позицию говорящего по поводу несовместимости P и Q. Ср. естественные фразы типа (54а):

(54) а) *Воланд положил свою тяжелую, как будто каменную [P], и в то же время горячую [Q], как огонь, руку на плечо Маргариты (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).*

В такого рода фразы не подставляются синонимы группы *всё-таки 1*; ср. странность

б) *?Он положил свою тяжелую, как будто каменную [P], и всё-таки <тем не менее> горячую [Q], как огонь, руку ей на плечо.*

Дело в том, что группа *в то же время 2* предполагает, что сосуществование P и Q необычно или нетипично, в то время как синонимы группы *всё-таки 1* указывают на гораздо более жесткую зависимость между P и не-Q, на то, что P, как правило, влечет за собой не-Q.

Поэтому P часто предшествует во времени Q. Ср. фразу *Его не приглашали [P], но он всё-таки <всё же, всё равно, тем не менее> пришел [Q].*

Из-за этого указания на наличие достаточно жесткой условной и временной связи P

и Q невозможно поменять местами. Ср. неправильность **Он пришел [P], но его всё-таки <всё же, всё равно, тем не менее> не приглашали [Q].*

Группа *в то же время 2* не указывает на столь жесткую зависимость между P и не-Q и, кроме того, предполагает, что P и Q имеют место одновременно. Поэтому P и Q во многих случаях можно свободно переставлять; ср.:

(55) а) *Она образцовая хозяйка и вместе с тем <в то же время> хороший ученый.*

б) *Она хороший ученый и вместе с тем <в то же время> образцовая хозяйка.*

Ср. также невозможность

в) **Меня не звали [P], но я в то же время <вместе с тем> приду [Q],*

где P предшествует Q во времени.

Наконец, группа *в то же время 2* предполагает, что P и Q — это разные аспекты или разные свойства одной и той же ситуации или объекта; ср. естественность (56а), где это условие выполняется:

(56) а) *Он человек умный [P] и в то же время <вместе с тем> непрактичный [Q]*

при странности (56б), где P и Q — это разные ситуации:

б) *?Он человек хороший, и в то же время <вместе с тем> она его не любит.*

Напротив, синонимы группы *всё-таки 1* указывают на то, что P и Q — это две отдельные ситуации. Поэтому они вполне естественны во фразах типа *Он человек хороший, и всё-таки <всё же, всё равно, тем не менее> она его не любит.* С другой стороны, они невозможны во фразах типа *Эволюция содержания [P] есть в то же время <вместе с тем> эволюция формы [Q],* где P и Q — разные стороны одного и того же объекта. Ср. странность в нейтральном контексте *?Эволюция содержания есть всё-таки <всё же, всё равно, тем не менее> эволюция формы.*

По указанной причине для синонимов группы *в то же время 2* характерны конструкции с однородными членами, в частности, конструкции перечисления, указывающие на то, что P и Q — это разные аспекты или разные свойства одного и того же факта или объекта. Ср. *Жесткость, немилосердность ради дела и вместе с тем природная мягкость, человечность — вот что сочеталось в нем* (А. Бек, Новое назначение); *Беспокойство и вместе с тем ярмарочное любопытство к драке и крови, и вместе с тем постоянное ощущение униженности от этой*

чрезмерной дозы грубости во всём, что здесь происходит, и вместе с тем необходимость скрывать эту отягченность (Ф. Искандер, Письмо).

Кроме того, для единиц группы *в то же время* 2 Р и Q — это, как правило, свойства или состояния, но не действия; ср. неправильность **Я не хочу читать эту книгу, но в то же время <вместе с тем> читаю*. Для синонимов группы *всё-таки* 1, напротив, очень типичны контексты, где Р и Q — действия; ср. естественность *Я не хочу читать эту книгу, но всё-таки <всё же, всё равно, тем не менее> читаю*.

В соответствии с перечисленными семантическими особенностями, для оборотов *в то же время* 2, *вместе с тем*, *при этом* 2, *при всём том*⁶¹ предлагается следующее толкование:

(57) *Р, в то же время* 2 *<вместе с тем, при этом* 2, *при всём том>* Q = ‘у объекта или ситуации есть признак Q; у объекта или ситуации есть признак Р; говорящий считает, что если у объекта или ситуации есть признак типа Р, то чаще у них нет признака типа Q’.

У каждой из единиц данной группы уступительных выражений есть некоторые семантические особенности, по которым наиболее ярко выделяется оборот *при всём том*.

Из-за наличия в его составе квантора *всё, при всём том*, в отличие от всех остальных синонимов, обычно предполагает, что у объекта или ситуации имеется сразу несколько или даже много признаков Р, которые несовместимы с наличием признака Q. Ср. *Мы говорим «жена»* [Р], *«самый близкий человек»* [Р], *«мать моих детей»* [Р] [...] *Ну, а при всём том, разве у нас муж может поделиться чем-нибудь с этим самым близким человеком?* [Q] (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Соответственно, предлагается несколько модифицировать общее толкование с учетом семантических особенностей оборота *при всём том*:

(58) *Р, при всём том* Q = ‘у объекта или ситуации есть признак Q; у объекта или ситуации есть много признаков Р; говорящий считает, что если у объекта или ситуации есть признак типа Р, то чаще у них нет признака типа Q’.

Таким образом, в данной группе уступительных единиц, помимо модификации конверсии, имеет место семантическое наращение степени; кроме того, ограничивается

---

⁶¹ В Главе 4 фраза *при всём том* рассматривается как идиоматизированная реализация конструкции *при всём X-е*.

выбор Р и Q.

I.3.3. Уступительные единицы, у которых первая валентность — это ситуация R, вторая валентность — это ситуация Q, третья валентность — это ситуация P

В данном разделе рассматриваются уступительные единицы типа *как-никак 1*, у которых валентность R является первой, валентность Q — второй, валентность P — третьей.

I.3.3.1. Семантика синонимов *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2*

Синонимы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* можно проиллюстрировать примерами типа — *Что это ты вино покупаешь, тебе же нельзя?* — *Серебряная свадьба завтра, как-никак;* — *Ты ошибаешься, я не ради денег работаю, я ведь все-таки ученый;* — *Не хочу, чтобы ты общался с этими людьми.* — *Надо им помочь — родственники все же.*

Эти лексемы были уже рассмотрены выше в разделе 2.1.2, где для них было предложено следующее толкование: *P Q*; *как-никак* <*все-таки 2*, *все же 2*>, *R* = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация P, потому что имеет место ситуация R’.

Лексемы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* синтаксически вводят валентность причины R, которая является у них первой. Валентность Q, вторая валентность, также всегда выражается эксплицитно, а третья валентность — P — в пределах того же высказывания не бывает эксплицитно выражена практически никогда, ее содержание реконструируется из контекста (см. примеры в разделе 2.1.2).

В данном разделе будет предложено уточненное толкование синонимов *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* и рассмотрены незначительные семантические различия между ними.

Указывая на причину ситуации Q, синонимы *как-никак 1*, *все-таки 2*, *все же 2* семантически сближаются с лексемами, выражающими причинное значение — *потому что*, *так как*, *из-за того что* и пр. Однако лексемы ряда *потому что* выражают причинное значение в чистом виде, а рассматриваемые синонимы предполагают, помимо желания объяснить, еще и попытку говорящего как-то оправдать,

извинить существующее положение вещей, воспринимаемое адресатом как странное или плохое, без особой уверенности в том, что ему это удастся. Ср. — *Почему ты сегодня так поздно? — Потому что <так как, из-за того, что> у меня было совещание* [нейтральное объяснение] VS. — *Почему ты сегодня так поздно? — Совещание у меня было, как-никак <всё-таки, всё же>* [извинение, попытка оправдания]⁶².

Соответственно можно уточнить толкование этих лексем с учетом их «уступительного», извиняющегося характера:

(59) *P Q; как-никак 1 <всё-таки 2, всё же 2>, R = 'имеет место P; имеет место Q; кто-то считает ситуацию Q странной или плохой; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация Q, потому что имеет место ситуация R; говорящий считает, что кто-то может считать, что R недостаточно, чтобы было Q'.*

Таким образом, у лексем данного ряда изменение прототипа идет по линии добавления валентностей — а именно, валентности причины; кроме того, в толкование вводится фигура потенциального оппонента.

Между лексемами *всё-таки 2* и *всё же 2* практически нет никаких различий. *Как-никак 1* имеет, по сравнению с ними, некоторые слабо выраженные семантические особенности.

Как-никак 1 часто предполагает, что R — причина ситуации Q — это нечто хорошее и притом оцениваемое говорящим как значительное. Ср. *Как-никак народ России впервые в истории будет выбирать главу своего государства [R] — такие события положено отмечать [Q]* (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Русская политическая метафора: Материалы к словарю); *В гимназии довольно весело и важно [Q]. В караулах как-никак восемь пулеметов и юнкера — это вам не студенты!.. [R]* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Если мотивы для замены нашего разыгрывающего были очевидны [...], то замена Яковлева удивила [Q]. Как-никак — харизматический игрок,*

---

⁶² «Извиняющийся», неуверенный характер лексем данного ряда лингвоспецифичен; так, например, их английский аналог *after all* в этом отношении абсолютно нейтрален. Нам представляется, что экспликация семантической функции *как-никак*, данная в работе [Любенская 2004: 277], отражает ту же интуицию: 'used to introduce an explanation or justification for what is stated in the immediate context; occasionally adds the additional implication that the person, thing etc in question is not of very good quality' ('используется, чтобы ввести объяснение или оправдание того, что утверждается в непосредственном контексте; иногда добавляет дополнительную импликацию, что обсуждаемый человек, объект и т.п. не очень хорошего качества'; разрядка наша).

звезда [R] (Владимир Серов, Рождение команды. У нашего волейбола есть европейская бронза и светлое будущее, «Известия», 2001.09.17).

Синоним *как-никак 1* возможен и в контекстах, где R не является чем-то хорошим; R может оцениваться и нейтрально, и даже отрицательно. Однако оценка R как чего-то значительного сохраняется и в таких контекстах; ср. *Надо отдать должное Аэрофлоту: весь инцидент разрешен с оптимальной быстротой и тактичностью. Не мог же, и впрямь, лететь тот же экипаж [Q]. Как-никак убийство... [R]* (А. Битов, Лес).

Хотя говорящий и считает, что R — это немало, однако из какой-то скромности, деликатности, нежелания навязывать свою точку зрения, он облакает ее в подчеркнута некатегоричную форму объяснения или просьбы; ср. *Синцов [...] думал, что если назначат в штаб полка, возражать не будет [Q]: как-никак, а за плечами четыре ранения [R]* (К. Симонов, Солдатами не рождаются). См. также примеры выше.

Всё-таки 2 и *всё же 2* противопоставляются *как-никак 1* в оценке Q и особенно R: и Q, и R часто оцениваются говорящим как нечто плохое. Ср. *Тут его стали беспокоить два соображения: первое, это то, что исчезло удостоверение «МАССОЛИТа», с которым он никогда не расставался, и, второе, удастся ли ему в таком виде беспрепятственно пройти по Москве? [Q] Всё-таки в кальсонах [R]* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Снаружи [дом] немного подгорел, повыветрел [Q] — шестьдесят лет всё-таки постройке [R]* (Ф. Абрамов, Братья и сестры). В случае, если Q и R — это нечто, оцениваемое отрицательно, цель высказывания с *всё-таки 2* и *всё же 2* — это попытка извинения за Q.

В более редких случаях *всё-таки 2* и *всё же 2* позволяют оценивать Q и R как нечто хорошее. Однако и тогда их противопоставленность синониму *как-никак 1* не исчезает. Употребляя *всё-таки 2* и *всё же 2*, говорящий старается приуменьшить R, представить R как нечто незначительное, в то время как синоним *как-никак 1* предполагает оценку R как чего-то значительного. Ср. *Может, ты к нему съездишь? Всё же он нам родственник; — Может, он еще и жив? — робко спросил он. — Видишь ли, всё-таки он врач... Если даже и схватили, может быть, не убьют, а заберут в плен* (М. Булгаков, Белая гвардия); *Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же всё-таки ученый* (М. Булгаков, Собачье сердце). Говорящий излагает свою точку зрения в неуверенной, некатегоричной форме, так как ему самому R кажется

недостаточно существенным обоснованием Q.

Различие по признаку «значительность/незначительность причины R» наиболее заметно в контрастных парах типа *Почему он отвечал на вопросы так неудачно? Всё-таки <всё же> профессор VS. Он блестяще отвечал на вопросы. — Естественно — как-никак профессор; Почему у них все дети спят в одной комнате? Всё-таки <всё же> трехкомнатная квартира VS. У каждого ребенка своя комната. — Разумеется. Как-никак, трехкомнатная квартира.* Здесь одно и то же обстоятельство R оценивается как незначительное (*всё-таки 2* и *всё же 2*) или же как значительное (*как-никак 1*).

1.3.3.2. Семантика синонимов *добро бы, пускай бы, ладно бы.* Семантика синонимов (*еще*) куда ни шло, еще туда-сюда

Фраземы уходящ. *добро бы* и устар. редк. *пускай бы* были подробно проанализированы в разделе 2.2.1, где предлагались и толкования для них.

Как было показано выше, это трехвалентные лексемы; ср. *Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами [Q]? И добро бы еще с родственниками [R], а то с чужими, с незнакомыми [P] (А. С. Пушкин, Арап Петра Великого); Собака кинулась промеж ног ее и прямо к детской люльке. Шепчиха видит, что это уже не собака, а панночка [Q]. Да притом пускай бы уже панночка в таком виде, как она ее знала [R], — это бы еще ничего; но вот вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горели, как уголь [P] (Н. В. Гоголь, Вий).*

Говорящий утверждает, что при имеющей место ситуации P существование ситуации Q не может быть оправдано; оно еще могло бы быть как-то оправдано при наличии ситуации R, но R не имеет места.

Для *добро бы* и *пускай бы* предлагалось следующее толкование: *P, Q. Добро бы <пускай бы> R = 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то плохо, чтобы имела место ситуация типа Q; говорящий считает, что если бы имела место ситуация R, то не было бы так плохо, чтобы имела место ситуация типа Q'.*

Таким образом, *добро бы* и *пускай бы* отличаются от прототипа следующим: во-первых, они предполагают добавление валентности, во-вторых, они

предполагают качественную оценку ситуации Q говорящим.

В значении этих фразем есть еще один нюанс, который важно прокомментировать. Говорящим формулируется условие (R), при котором он был бы готов принять ситуацию Q; однако даже если бы это условие было соблюдено, говорящий не был бы готов полностью принять и одобрить ситуацию: ср. *Да он на всех зверей похож, батюшка, если уж всё хотите доподлинно знать. И ведь добро бы остроумие было, хоть бы остроумием, шельмец, обладал, — ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрепя сердце, для остроумия-то, а то ведь и остроумия нет никакого!* (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели); *Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных [R], а то даже самих тайных советников [P], подвержены совершенной простуде по причине ночного сдерживания шинелей [Q]* (Н. В. Гоголь, Шинель).

Пускай бы — устаревшая фразема во всех своих употреблениях; *добро бы* — уходящая, но есть употребления, в которых и она является устаревшей. В современном языке *добро бы* употребляется в контекстах, где ситуация R, которая могла бы оправдать ситуацию Q, — это нечто нейтральное или положительно оцениваемое говорящим, но не отрицательно оцениваемое. Контексты, где R — безусловно отрицательно оцениваемая ситуация, воспринимаются как устаревшие, ср.:

(60) а) *И добро бы худо ему было, есть-пить бы не давали* (М. Сал-тыков-Щедрин, Господа Головлевы).

б) *И добро бы ты с голоду умирал, а ты ведь жалованье, говорят, хорошее получаешь!* (Ф. М. Достоевский, Идиот).

в) *И к тому же, добро бы пострадал Степанов; но ведь он же был оправдан обществом офицеров* (Ф. М. Достоевский, Подросток).

У уходящей фраземы *добро бы* и устаревшей *пускай бы* есть разговорный синоним с очень близким значением — фразема *ладно бы*. Ср. *Следователь по особо важным делам должен искать жениха внучатой племяннице Генерального прокурора! Слуг себе развели!* [ситуация Q] *Ладно бы — себе, у них хоть посты* [ситуация R, при которой Q могла бы быть приемлемой], *а то ведь уже внучатым племянницам прислуживай!* [ситуация R, которая имеет место, и при которой Q неприемлема] (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева).

Семантическая специфика *ладно бы* по сравнению с *добро бы* и *пускай бы* состоит

в соотношении ситуаций R и P.

У фразем *добро бы* и *пускай бы* R и P, как правило, представляют собой качественно противоположные ситуации, причем R чаще — нечто оцениваемое положительно, а P — отрицательно, хотя распределение может быть и обратным; ср. *Добро бы лошадь путевая была* [R], *а то — тьфу! глядеть совестно* [P] (А. П. Чехов, Нахлебники); *Добро бы что-нибудь стоящее* [R], *ради чего шум и посуду бить* [Q], *а то какая невидаль, мадам Продам, недотрога бульварная, от хороших делов мышьяку хватила, отставная невинность* [P] (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Да не гуляет [муж]. Добро бы гулял* [R]. *То-то и беда, что наоборот, пуще мочи ко мне, к детям прирос, душой по нас сохнет* [P] (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Для *ладно бы* такое соотношение R и P также возможно; *Ладно бы не знали* [R], *ладно бы из-под палки* [R] *ахинею несли* [Q] — *прекрасно же осведомлены обо всём* [P].

Однако более характерным является другое соотношение R и P. А именно, ситуация P часто представляет собой более высокую степень R. При этом и R, и P, как правило, оцениваются отрицательно, однако поскольку R — это нечто меньшее по своим масштабам, чем P, то ситуация R более приемлема. Ср. примеры из интернет-источников (в силу своей разговорности *ладно бы* мало встречается в литературных текстах): *В праздниках только одно плохо — то, что после них ещё и работать надо* [Q]. *Ну ладно бы один раз* [R], *а так ведь каждый день* [P]; *Я могу попасть на форум, а вот в чат нет* [Q]... *И ладно бы я одна* [R], *очень, даже очень многие не могут попасть туда* [P].

Поскольку *ладно бы* предполагает в первую очередь количественное различие между R и P, для этой фраземы характерно употребление в контексте различных кванторных слов типа *только*, *просто* (в значении ‘только’), *еще* и пр.; ср. *Ладно бы просто изменила (ну с кем не бывает, сам не ангел), так она еще и роман закрутила; И ладно бы еще только эти проблемы с лицензией! Всё намного хуже!*

Фразема *ладно бы* отличается от *добро бы* и *пускай бы* и в синтаксическом отношении: она может употребляться в качестве самостоятельной пропозиции (так же, как и лексема *ладно*). Ср. следующий контекст, где *ладно бы* формирует главную часть сложноподчиненного предложения: *И ладно бы, если бы черная неблагодарность милиционеров ограничилась только этим. Так ведь нет* (А. Маринина, Мужские игры).

У фразем ряда *добро бы*, *пускай бы*, *ладно бы* есть современные разговорные

аналоги — фраземы (*еще*) куда ни шло, *еще туда-сюда*; ср. *Кошка — еще куда ни шло, но собаку заводить я не согласна; Вдвоем еще туда-сюда, а одному мне тут не управиться.*

Подобно фраземам ряда *добро бы*, фраземы (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* указывают на то, что какое-то положение вещей говорящий считает приемлемым и готов на него согласиться, а какое-то — заведомо неприемлемым. Однако между данными двумя рядами фразем есть и различия.

Во-первых, в отличие от трехвалентных *добро бы*, *пускай бы* и *ладно бы*, фраземы (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* двухвалентны. Первый ряд фразем предполагает, что говорящий считает некую ситуацию допустимой в гипотетических обстоятельствах R, но неприемлемой в тех обстоятельствах, которые имеют место.

Второй ряд фразем указывает на то, что говорящий считает некую ситуацию допустимой и готов на нее согласиться, а некую другую ситуацию — неприемлемой. Таким образом, для (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* не обязательно указание на дополнительные обстоятельства R, наличие которых могло бы изменить оценку имеющей место ситуации.

Подобно фраземе *ладно бы*, (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* указывают на количественное соотношение имеющих место ситуаций: та из них, которая оценивается как допустимая [назовем ее P], представляет собой более низкую степень той, которая является неприемлемой [назовем ее Q]. Ср. отрывок из известного стихотворения Д. Хармса «Врун», целиком построенного на использовании фраземы *еще туда-сюда*:

Ну! Ну! Ну! Ну!

Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Еще двадцать, еще тридцать,

Ну, еще туда-сюда,

А уж сорок,

Ровно сорок —

Это просто ерунда!

Фраземы (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* отличаются от фразем ряда *добро бы* экзистенциальным статусом ситуаций. Фраземы ряда *добро бы* предполагают, что приемлемая ситуация R непременно гипотетична, а неприемлемые ситуации P и Q

непременно р е а л ь н ы.

У фразем (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* статус приемлемой ситуации Р и неприемлемой Q не определен — они могут быть как реальными, так и воображаемыми; ср. *Да, я не мог ответить себе на поставленные вопросы, но поймите: это вовсе не означало потерю памяти, это бы еще куда ни шло* [приемлемая гипотетическая ситуация Р]. *Дорогой Леонардо, всё было гораздо серьезнее, а именно; я находился в одной из стадий исчезновения* [неприемлемая реальная ситуация Q] (Саша Соколов, Школа для дураков); *Карлсон носился по кухне, высоко поднимая колени. Время от времени он подпрыгивал и взмахивал своими тюлевыми накидками. «Что за дурацкий танец», — подумал Малыш. — «Но это* [приемлемая реальная ситуация Р] *еще куда ни шло, только бы он не вздумал летать»* [неприемлемая гипотетическая ситуация Q] (А. Линдгрен, Малыш и Карлсон, пер. Л. Лунгиной); *Пока закуривали* [приемлемая реальная ситуация Р] — *еще туда-сюда: хоть какое-то дело, — но, когда прикурили, опять стало ужасно неловко* [неприемлемая реальная ситуация Q] (В. Шукшин, Любавины).

Поэтому для фразем (*еще*) куда ни шло и *еще туда-сюда* предлагается следующая модификация толкования:

(61) *P* (*еще*) куда ни шло <*еще туда-сюда*>, *Q* = ‘имеет или может иметь место Р; имеет место или может иметь Q; говорящий считает, что плохо, если имеет место ситуация типа Q; говорящий считает, что не так плохо, если имеет место ситуация типа Р’.

Раздел I, Глава 4.

Взаимодействие смыслов в нестандартных уступительных конструкциях

I.4.0. Введение

Уступительность выражается широким кругом лексических, синтаксических⁶³ и фразеологических языковых средств, и при этом является не семантическим примитивом, а достаточно сложным производным смыслом. Эти два факта делают уступительное значение интересным полигоном для рассмотрения некоторых более широких процессов, связанных с эволюцией смыслов и языковых единиц в языке. В данной главе на примере двух уступительных конструкций рассматривается несколько взаимосвязанных процессов:

- 1) семантический переход от одного смысла к другому⁶⁴;
- 2) взаимодействие значений конструкций и лексем, заполняющих их валентности;
- 3) эволюция конструкций в языке.

Первый процесс освещается в подразделах I.4.2.1 и I.4.4.1, где описывается связь условных и кванторных значений с уступительным. В подразделе I.4.2.1 рассматривается русская и английская конструкция с предлогом *при* и квантором всеобщности вида *при всём X-е Y P* и *with all X, Y P* и показывается, что в этих двух языках она находится на разных этапах семантического развития: в русском языке она уже «закрепилась» в уступительном значении, в то время как в английском она имеет две интерпретации — условную и уступительную, как это свойственно и свободной русской конструкции с предлогом *при*. В подразделе I.4.4.1 анализируются две возможные интерпретации конструкции вида *κ-местоимение*⁶⁵ *Y ни X, P* и показывается, какие семантические и прагматические факторы могли способствовать

---

⁶³ Ср. [Булыгина, Шмелев 1997] об уступительных фразеосхемах, [Июмдин 2010] об уступительных конструкциях с повтором.

⁶⁴ Обнаруживается, что семантические механизмы, действующие на синтаксических единицах, сходны с теми, что действуют на лексических единицах (о полисемии уступительных лексических единиц см. Главы 6 и 7 данного раздела). Конструкции, рассматриваемые в данной главе — *при всём X-е Y P* и *κ-местоимение Y ни X P* — объединяют описанные в Главе 3 данного раздела семантические наращения на прототип уступительности — высокая степень и значение всеобщности, (не)желательность, гипотетичность, которые в разной мере проявляются в разных реализациях конструкции.

⁶⁵ Под *κ-словами*, или *κ-местоимениями*, понимаются, как и в работе [Июмдин 2010], местоимения *кто, что, какой, как* и т. д.

тому, что из исходного значения ‘при любом варианте X Y будет P’ развилось уступительное значение ‘при очень высокой степени неблагоприятного для P X-а Y будет P’, которое и является основным значением этой конструкции в современном русском языке.

Второму процессу посвящены подразделы I.4.2.3.3 и все подразделы, начиная с I.4.3, где описываются семантические модификации, которым подвергается исходный смысл конструкции при заполнении ее валентностей разными семантическими классами лексем. В этом отношении конструкции не отличаются от отдельных лексических единиц, у которых в разных контекстных условиях происходят семантические сдвиги, или модификации, описываемые правилами взаимодействия значений [Апресян 2006: 137–145]. В подразделе I.2.3.2 показывается, каким образом положительная или отрицательная оценка лексем, заполняющих валентности X и P в конструкции *при всём X-е Y P*, влияет на общую «пессимистическую» или «оптимистическую» интерпретацию конструкции. В подразделах, посвященных анализу конструкции *как Y ни X, P* (начиная с подраздела I.4.3), формулируются сочетаемостные ограничения на разные типы интерпретаций этой конструкции и устанавливаются соответствия между семантикой заполняющих ее валентности лексем и ее семантическими модификациями. Например, показывается, что чисто уступительная интерпретация конструкции возможна при условии заполнения валентности X градуируемым предикатом или признаком (*Как он ни старался, ничего не вышло*), а интерпретация любого варианта — при заполнении валентности X предикатом, имеющим валентность способа (*Как мы ни договоримся, нужно, чтобы все имели возможность принять участие в обсуждении*). Также среди прочего демонстрируется, что при заполнении валентности X градуируемым признаком со значением отрицательной оценки уступительное значение конструкции модифицируется в «извиняющееся» (*Как это ни глупо, но это так*), а при ее заполнении градуируемым признаком со значением положительной оценки — в «уравновешивающее» (*Как она ни хороша собой, а есть и более красивые девушки*). Таким образом, закладываются принципы описания конструкций, во многом аналогичные принципам описания лексических единиц: исходное значение конструкции описывается при помощи толкования, модифицированные значения — при помощи модифицированных толкований и описания сочетаемостных условий семантических сдвигов.

Третий процесс рассматривается в подразделах I.4.1 и I.4.2, а также I.4.4.4–5. Показывается эволюция конструкций от более стандартных (т. е. композиционных и сочетаемостно наиболее свободных) к нестандартным (т. е. по крайней мере, частично некомпозиционным и сочетаемостно ограниченным), сопровождающаяся ограничением значения. Дальнейшая эволюция конструкций может предполагать фразеологизацию и грамматикализацию наиболее частотных вариантов их заполнений, с переходом этих реализаций в разряд устойчивых коллокаций⁶⁶, лексических фразем и даже поговорок (устойчивый оборот *как ни странно*, фраземы *как ни крути*, *куда ни плюнь*, поговорка *Куда ни кинь — всюду клин*). В качестве примера грамматикализации конструкции можно привести также конструкцию *мало ли что Р, Q*. Она имеет две интерпретации: «на всякий случай» (*Купи побольше мыла и стичек, мало ли что может случиться*) и уступительную (*Мало ли что он попросит, не надо ему ничего давать*). В своем уступительном значении конструкция грамматикализовалась в качестве самостоятельного союза: для нее возможны употребления не только с транзитивными глаголами, где *что* заполняет валентность глагола, но и с нетранзитивными, где *мало ли что* функционирует как уступительный союз: — *Мать уже в школу ходила!* — *Мало ли что ходила!* (М. Мишин).

Таким образом, все эти три процесса (эволюция смысла конструкции, эволюция статуса конструкции и сочетаемость конструкции с разными лексическими единицами) оказываются связанными: переход от более свободных к более фразеологизованным типам языковых единиц сопровождается сдвигом значения в сторону более сложного и специализированного и идиоматизацией некоторых наиболее частотных вариантов лексического заполнения конструкции.

В связи с обсуждаемыми в данной главе проблемами встает вопрос об используемой терминологии, в первую очередь о том, что подразумевается под стандартными и нестандартными конструкциями, а также под синтаксическими

---

⁶⁶ Мы понимаем под коллокацией устойчивое, но композиционное частотное сочетание (очень часты коллокации с лексико-функциональными глаголами); ср. *оказывать влияние*, *осуществлять контроль*, *принимать решение*, *проводить операцию*, где замена связанного компонента коллокации (в данном случае, ЛФ-глагола) приводит к неправильности. Коллокациям посвящена значительная лингвистическая литература, обсуждать которую здесь мы не имеем возможности; для теоретической дискуссии о коллокациях и их статусе в языке мы отсылаем читателя к работам [Halliday 1966, Mel'čuk 1981, Sinclair 1991] и более поздним работам И. М. Мельчука; для практических вопросов, связанных с корпусной экстракцией коллокаций — к работам [Smadja, McKeown 1990] и [Moon 1998]; для вопросов, связанных с культурно-прагматической функцией коллокаций — к работе [Fillmore, Kay & O'Connell 1988]; для конкретных корпусных исследований коллокаций в английском языке — к работе [Bartch 2004]; для обзора различных подходов к коллокациям — к работе [Gledhill 2000].

и лексическими фразами⁶⁷. В работе не ставится цели создать исчерпывающую типологию языковых средств по степени их фразеологизации, тем более что провести четкие границы между тем или иным типом языковых единиц зачастую невозможно. Ниже дается небольшой обзор существующей по этому поводу литературы, после чего формулируются краткие рабочие определения с примерами для тех понятий, которые используются в данном диссертационном исследовании.

В существующей лингвистической литературе для определения фразеологического статуса языковой единицы обычно используются следующие параметры: степень композициональности [Fillmore et al. 1988, Nunberg et al. 1994, McGinnis 2002, Espinal, Mateu 2007]; наличие переменных [Fillmore et al. 1988, Jackendoff 1997]; частотность и степень лексикализации [Июмдин 2010].

Наличие переменных позволяет отличить синтаксические фразеологические единицы от лексических фразем: синтаксические фразеологические единицы имеют переменные, т. е. варьирующиеся компоненты и, соответственно, неединственную реализацию. В разных лингвистических теориях приняты разные термины и типологии для описания фразеологизованных синтаксических единиц: фразеосхемы [Шмелев 1976]; синтаксические фраземы [Mel'čuk 1995a, синтаксические фразеологизмы [Баранов, Добровольский 2008]; грамматические фраземы [Fillmore et al. 1988]; конструкции [Fillmore et al. 1988, Goldberg 1995, Goldberg 2006].

При этом необходимо отметить, что четкую границу между лексическими и синтаксическими фразами по этому признаку провести не так просто: если фразеологическая единица не представляет собой законченное высказывание (т. е. пословицу или поговорку), то она имеет валентности, а следовательно, допускает варьирование. Ср. единицу типа *Нет худа без добра*, которая является законченным высказыванием и может воспроизводиться в речи только в таком виде, и единицу типа *подложить свинью*, которая является по своим семантическим и синтаксическим свойствам двухвалентным предикатом (с ролями агенса и малефактива) и, соответственно, допускает варьирование реализаций — *Он подложил ей свинью*, *Она подложила ему свинью* и т. п. При этом валентные единицы типа *подложить кому-л. свинью* обычно не принято рассматривать как синтаксические фраземы, по-видимому,

---

⁶⁷ Мы не проводим различия между понятиями идиомы, идиоматизации и фраземы, фразеологизации, используя их взаимозаменяемо.

в силу семантической некомпозициональности их фиксированных компонентов, с одной стороны, и синтаксической композициональности, с другой; в отношении своих переменных единица *подложить свинью* ведет себя как обычный предикат со значением малефактивности (типа *нагадить кому-л.*, *навредить кому-л.*). Ср. также другие примеры валентных лексических фразем: *дать волю кому-л.*, *наобещать кому-л.* *с три короба*, *ходить на задних лапках перед кем-л.* (полужирным курсивом выделена фиксированная часть, бледным курсивом — переменные).

По-видимому, синтаксической фразеологической единицей следует считать такую, которая демонстрирует некомпозициональные синтаксические свойства, как это предлагается в работе [Иомдин 2010: 156], т. е. определение статуса единицы как синтаксической или лексической фраземы требует индивидуального анализа ее синтаксических особенностей.

В нашей классификации фразеологических синтаксических конструкций мы в целом ориентируемся на статью [Иомдин 2010], обобщающую ряд более ранних работ этого автора и выделяющую три основных типа конструкций — стандартные, или конструкции «большого синтаксиса», и конструкции малого синтаксиса, которые делятся на нестандартные конструкции и синтаксические фраземы⁶⁸. При этом наше понимание различий между этими тремя типами конструкций во многом, но не полностью совпадает с пониманием, представленным в работе Л. Л. Иомдина. Ниже даются основания для разделения этих трех типов синтаксических объектов в том виде, как оно проводится в данной работе.

В центре рассмотрения в данной главе находятся синтаксические единицы, называемые **нестандартными конструкциями**, и в качестве примеров таковых рассматриваются конструкции *при всём X-е Y P* (*При всех его талантах он ничего не добился*) и *к-местоимение Y ни X, P* (*Как ни трудно мне было с ним говорить, я себя преодолела; Куда мы ни приезжали, везде мы видели усталых и разочарованных людей*).

Они противопоставляются **стандартным конструкциям**, по следующим параметрам: (1) более низкая частотность; (2) сложный состав и смешанные

---

⁶⁸ Эта типология пересекается, но не совпадает с типологией синтаксических конструкций, предлагаемой в теории «Смысл-Текст»; ср. [Иорданская, Мельчук 2007: 300–301], где не проводится специального различия между нестандартными конструкциями и синтаксическими фраземами. Под понятие «синтаксической» фраземы, как она выделяется в работе Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, подпадает семантически некомпозициональная часть «нестандартных конструкций» и «синтаксических фразем» в смысле Л. Л. Иомдина.

синтаксические свойства; (3) наличие некомпозиционных семантических свойств; (4) лексическое ограничение сочетаемости по валентности (валентностям), которые являются для конструкции не только семантическими, но и синтаксическими (заполнение синтаксически не управляемых конструкцией семантических валентностей, как правило, не ограничивается даже у лексических фразем).

Стандартные конструкции частотны: так, уступительная конструкция с союзом *хотя* I представлена в НКРЯ как минимум ста тысячами вхождений; нестандартные конструкции существенно менее частотны: нестандартная конструкция *при всём X-е Y P* встречается в НКРЯ около четырех тысяч раз.

Стандартные конструкции, образованные какими-то частями речи (предлогами, союзами, существительными), имеют свойства, типичные для соответствующих частей речи. Нестандартные конструкции, как правило, имеют смешанные свойства; так, они обычно сохраняют некоторые свойства входящих в них единиц (например, предлога *при* в конструкции *при всём X-е*, *к*-местоимений в конструкции *к*-местоимение *Y ни X, P*), но при этом, как целостные единицы, приобретают новые синтаксические свойства (в случае рассматриваемых двух конструкций — свойства подчинительных союзов).

Стандартные конструкции, как правило, в достаточно высокой степени композициональны, и интерпретация образуемого ими словосочетания складывается из суммы значений образующего конструкцию элемента (предлога, союза) и заполняющих его валентности лексем или пропозиций. Нестандартные конструкции непременно обладают какой-то степенью некомпозициональности. Так, по сравнению со стандартной уступительной конструкцией *хотя X, Y* (*Хотя шел дождь, мы пошли гулять*), где *X* и *Y* — это ситуации (как это и свойственно большинству стандартных конструкций с подчинительными союзами), которые могут выражаться пропозициями, состоящими из любых лексических средств, конструкции *при всём X-е Y P* и *к*-местоимение *Y ни X, P* накладывают ограничения и на содержание валентности *X*, и на ее заполнение: во-первых, *X* не может быть ситуацией (невозможно **При всём дожде мы пошли гулять*, **Как ни шел дождь, мы пошли гулять*); во-вторых, *X* должен градуироваться (невозможно **При всех университетах, она не знает, куда поступать*; **Как он ни ходил гулять, он ее не встретил*).

Для большинства стандартных конструкций с подчинительными союзами, в частности, с уступительным союзом *хотя* I, никаких лексических ограничений

на заполнение валентностей сформулировать в принципе невозможно, поскольку они соединяют не отдельные лексемы, а целые пропозиции, которые могут состоять из любых лексических единиц.

Заметим, однако, что для некоторых стандартных конструкций лексические ограничения на заполнение валентностей возможны; ср., например, требования к заполнению позиций сочинительной конструкции (*X и Y*), где сочиняемые члены *X* и *Y* не могут быть «связаны родо-видовыми отношениями» [Санников 1989: 55]; ср. иллюстрирующий эту мысль аномальный пример из работы В. З. Санникова **На поляне мы нашли малину и ягоды*⁶⁹. Для сочинительной конструкции характерна и некоторая степень лексикализации; так, существуют устойчивые пары *X-ов* и *Y-ов*; ср. *снег и град, студенты и школьники, овощи и фрукты, молодая и красивая, чуткий и внимательный* и т. п., где появление в контексте *X-а* с некоторой степенью вероятности предсказывает появление *Y-а*⁷⁰. Наличие такого рода ограничений у конструкций, обычно относимых к стандартным, является еще одним свидетельством невозможности точного разграничения между разными типами синтаксических объектов, так что можно скорее говорить о тенденциях, нежели о четких градациях.

Итак, в целом нестандартным конструкциям свойственна существенно большая степень частотности, некомпозициональности и лексикализации, чем стандартным.

Более низкая частотность, наличие некомпозициональных свойств и ограничение лексической сочетаемости объединяет нестандартные конструкции с **синтаксическими фраземами**. Ср. синтаксическую фразему *из X-а в X Y* (*изо дня в день Y, из года в год Y*), значение которой ('долго, на протяжении многих отрезков времени *X*, не меняясь, существует отрицательно оцениваемое положение вещей *Y* или повторяется отрицательно оцениваемая ситуация *Y*') не выводится из суммы значений входящих в нее элементов.

Однако от синтаксических фразем нестандартные конструкции — как они понимаются в данной работе — отличаются характером семантических ограничений.

---

⁶⁹ Вообще семантические ограничения на сочетания конъюнктов в сочинительной конструкции — это отдельная огромная тема; не пытаясь осветить ее в пределах данной работы, отсылаем читателя к разделам 3.3.1 и «Библиография» в статье О. Е. Пекелис «Сочинение» в онлайн-проекте rusgram.ru [Пекелис 2013]. Здесь упомянем в этой связи лишь работы [Лауфер 1987] и [Санников 1989], где обсуждаются ограничения на заполнение элементов сочинительной конструкции для русского языка.

⁷⁰ Об устойчивых сочинительных сочетаниях такого рода см. раздел 4.1 в статье [Пекелис 2013], где в этой связи упоминаются, в том числе, работы [Лауфер 1987, Санников 1989, Урысон 2011].

В случае нестандартных конструкций ограничения носят самый широкий характер (например, требование градуируемости) и позволяют в принципе бесконечное число реальных лексических заполнений. В случае синтаксических фразем ограничения носят достаточно жесткий характер (например, заполнение позиции X во фраземе *из X-а в X Y* названием достаточно длинного временного периода), что означает потенциально очень небольшое число реализаций и сближает синтаксические фраземы с лексическими. Отсутствие четкой границы между некоторыми синтаксическими и лексическими фраземами отражается и в их лексикографической трактовке: как правило, разные реализации синтаксических фразем даются словарями в качестве отдельных фразеологических единиц. Таковы, например, разные реализации темпоральных синтаксических фразем *с X-а на X* (*со дня на день, с минуты на минуту, с часа на час*), *X в X* (*минута в минуту, секунда в секунду, час в час, день в день*), *из X-а в X* (*изо дня в день, из года в год*), которые фиксируются в словаре С. Любенской [Любенская 2004] в качестве отдельных фразеологических единиц.

Таким образом, отличие нашего понимания синтаксических фразем от того, которое представлено в работе [Июдин 2010] состоит именно в критерии лексикализации: мы считаем синтаксическими фраземами те конструкции, в которых высоко лексикализовано заполнение переменных, независимо от того, сколько фиксированных лексических элементов есть в самой конструкции; в названной работе под синтаксическими фраземами понимаются такие единицы, у которых лексически зафиксировано не менее двух элементов, при этом есть также вариативный элемент (или элементы).

Приведем пример: в нашем понимании синтаксической фраземой является конструкция *быть X-у Y-овым Z-ом* (*Она была ей хорошей матерью*), хотя в ней лексически фиксирован только один элемент (связочный глагол *быть*). Однако представляется логичным считать ее синтаксической фраземой, поскольку заполнение переменных X, Y и Z очень ограничено. Так, прилагательное *Y-овый* может выражать только хорошую или плохую оценку (*прекрасный, отличный, настоящий, верный, плохой, никудышный* и прочие (Anti)Magn-ы, (Anti)Ver-ы и (Anti)Bon-ы. Существительные X и Y — это реляционные имена, а именно симметричные термины близкого родства или постоянных личных отношений (*муж-жена, брат-сестра, ребенок-родитель, спутник-спутница, друзья, подруги*); ср. *Он был ей хорошим мужем*

<сыном, братом>, Она была ему хорошей женой <дочерью, спутницей>, Она была мне верной подругой, Он был мне прекрасным другом. Однако невозможны сочетания типа *Она была им замечательной учительницей; *Она была ему верной сотрудницей; *Он был нам прекрасным заведующим; *Он был ей хорошим любовником, при возможности сочетаний замечательная учительница, верная сотрудница, прекрасный заведующий, хороший любовник.

Таким образом, на основании семантических и сочетаемостных критериев нестандартные конструкции выделяются в промежуточный класс: с одной стороны, их значение и, соответственно, сочетаемость существенно уже, чем у стандартных конструкций, с другой стороны, они имеют намного более широкие значения и значительно более гибкую сочетаемость, чем синтаксические фраземы, т. е. лексическое заполнение их переменных потенциально бесконечно и ограничено достаточно широкими семантическими классами.

1.4.1. Композициональность и некомпозициональность в нестандартных конструкциях (на примере конструкции *при всём X-е P*)

Как было сказано выше, один из ключевых пунктов в теории фразеологических единиц — это вопрос об их композициональности. Большинство исследователей разных школ склоняется к точке зрения некомпозициональности идиоматических выражений, в том числе представители грамматики конструкций [Fillmore et. al 1988], генеративисты [Chomsky 1995, Jackendoff 1997], представители теории «Смысл-Текст» [Mel'čuk 1995, Иомдин 2010].

Однако существуют и сторонники противоположного взгляда на идиоматические единицы, которые выдвигают в качестве доказательства их композициональности способность некоторых фразем подвергаться синтаксическим преобразованиям (в том числе топиализации и пассивизации), их анафоричность, предсказуемость их видо-временных характеристик и некоторые другие языковые свойства, которые объединяют их с неидиоматическими единицами [Nunberg et al. 1994, McGinnis 2002]. Близкая точка зрения представлена в работе [Mateu, Espinal 2007: 56], где постулируется существование двух типов значений у фразем — «синтаксически прозрачных композициональных» и «синтаксически непрозрачных концептуальных», а также наличие общих синтаксических оснований для присутствия или отсутствия тех или иных идиоматичных и неидиоматичных

конструкций в типологически разных языках.

При этом сторонники как того, так и другого подхода предпринимают попытки классификации фразем по степени их композициональности, что до некоторой степени стирает теоретические различия между этими подходами (ср. *decoding VS. encoding idioms* в работе [Fillmore et al. 1988], *idiomatically combining expressions VS. idiomatic phrases* в [Nunberg et al. 1994]⁷¹).

1.4.2. Конструкция *при всём X-е P*

В данном подразделе на примере корпусного сравнения нестандартной уступительной конструкции *при всём X-е P* и ее английского псевдо-аналога *with all X P* исследуются проблемы (не)композициональности нестандартных конструкций и семантических переходов, проблемы взаимодействия значения конструкции и значения заполняющих ее лексем, а также проблемы переводимости фразеологизованных языковых единиц. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в подобных языковых единицах действуют и композициональные, и некомпозициональные механизмы. Действие первых особенно явно проявляется в связи семантики и синтаксиса, а также семантики и сочетаемости, где наблюдаются те же тенденции и закономерности, что характерны также и для неидиоматичных языковых выражений. Действие вторых заметно при сравнении русской конструкции *при всём X-е P* с ее существенно менее идиоматичным английским псевдоаналогом *with all X P*, а также с другими фразеологизованными конструкциями, с которыми русская нестандартная конструкция разделяет ряд общих некомпозициональных свойств.

1.4.2.1. Семантика конструкции *при всём X-е P*

В нашей трактовке единица *при всём X-е P* является нестандартной синтаксической конструкцией. Во-первых, она, как будет показано ниже, обладает многими некомпозициональными семантическими свойствами, которые отличают ее от стандартных конструкций и сближают с другими фразеологизованными синтаксическими единицами. Во-вторых, ее семантика и сочетаемость (в силу большей, чем у стандартных конструкций, лексикализации), достаточно определена. Однако

---

⁷¹ Ср. также известные в отечественной лингвистике понятия — фразеологические сращения, единства и сочетания, отражающие разную степень фразеологизации языковых выражений [Виноградов 1977].

в отличие от синтаксических фразем (как они понимаются в данной работе), семантические ограничения на заполнение валентностей у этой конструкции всё-таки достаточно широки, так что в принципе она может заполняться неограниченным количеством лексем, принадлежащих к определенному (весьма широкому) семантическому классу.

1.4.2.1.1. Частичная некомпозициональность конструкции *при всём X-е P*

Для сравнения с нестандартной конструкцией *при всём X-е P* рассмотрим свободную (стандартную) конструкцию с предлогом *при* в том значении, в котором она наиболее близка единице *при всём X-е P*, а именно в значении ‘в условиях X имеет место ситуация P’ в сочетании *при таком X-е P*, часто указывающим на крайнюю степень охарактеризованности X-а по какому-либо признаку. В этом значении конструкция *при таком X-е P* имеет либо условную (1), либо уступительную (2) интерпретацию:

(1) *При таком большом ассортименте одежды [X] выбрать платье было нетрудно [P] ≈ ‘В условиях большого количества одежды, выбрать платье оказалось нетрудно’.*

(2) *При таком большом ассортименте одежды [X] ей не удалось выбрать платье [P] ≈ ‘Несмотря на то, что одежды было так много, она не выбрала платье’.*

Условно-уступительная амбивалентность — достаточно характерное свойство вводных конструкций; кроме того, основой уступительного значения является именно смысл условия, как показывается в Главе 1, т. е. такая эволюция сама по себе не удивительна. Удивительно, как будет показано ниже, что в конструкции *при всём X-е P* уступительная интерпретация становится единственно возможной.

Свойства амбивалентности имеет также атрибутивная конструкция, позволяющая причинную и уступительную интерпретации [Санников 2010а: 116–117]. В примере В. З. Санникова каждое из антонимичных предложений (3) и (4) может иметь и причинную, и уступительную интерпретации, в зависимости от прагматических факторов:

(3) *Потомственный дворянин, он не покинул Россию*

(4) *Потомственный дворянин, он покинул Россию*

Как отмечает В. З. Санников, говоря о дореволюционной России, естественнее

интерпретировать (3) как причинную конструкцию, а (4) — как уступительную, в то время как контекст послереволюционной России меняет интерпретации на обратные. Условная (в контекстах прошедшего времени — причинно-следственная) VS. уступительная интерпретация фраз вида *при таком X-е Р* также зависит от контекста; ср. примеры из НКРЯ:

(5) *Даже самый ленивый при таком обилии контейнеров бутылку или стаканчик от мороженого бросал в бачок* (О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003) [причинно-следственная интерпретация — ‘**поскольку** мусорных контейнеров было очень много, даже самые ленивые ими пользовались’].

(6) *И при таком обилии осадков в Сочи не редкость летние засухи* (Ю. Н. Карпун. Природа района Сочи (1997)) [уступительная интерпретация — ‘**несмотря на** обильные осадки в Сочи бывают засухи’].

(7) *Разумеется, при такой жизни, полной опасности и тревог, рельефно проявились его главные качества — хитрость и изворотливость* (Олег Гриневский. Восток — дело тонкое (1998)) [причинно-следственная интерпретация — ‘**поскольку** жизнь полна опасностей, он проявил изворотливость’].

(8) *Денег у него не было на праздник ни копейки, и он только мотался тоскливо из угла в угол, смотря, как другие едят селянку и пьют вино. Как при такой жизни он сохранил в сердце ангельскую доброту и румянец на щеках, — я решительно не понимаю* (Г. И. Успенский. Из путевых заметок по Оке (1876)) [уступительная интерпретация — ‘**несмотря на** тяжелую жизнь, он сохранил доброту’].

(9) *При таком отношении к поэтической речи понятна похвальба стихотворца богатством своего словаря: Шекспир и Байрон владели совместно 80 тысячами слов — Гениальнейший Поэт Будущего Василиск Гнедов ежеминутно Владеет 80 000 000 001 квадратных слов* (К. И. Чуковский. Заумный язык (1922)) [причинно-следственная интерпретация — ‘**поскольку** поэт владеет очень большим количеством слов, он хвалится богатством своего словаря’].

(10) *И вообще неестественно было, что мы не женаты — столько лет и при таких отношениях* (Анатолий Найман. Любовный интерес (1998–1999)) [уступительная интерпретация — ‘**несмотря на** близкие отношения, они не женаты’].

Необходимо при этом заметить, что, хотя для конструкции *при таком X-е* контекстуально возможны обе интерпретации, выборочный частотный анализ

показывает, что статистически предпочтительной является условная: из 14 встретившихся в Основном корпусе НКРЯ сочетаний *при таком обилии* условную интерпретацию имели 13; из 26 сочетаний *при такой жизни* условную интерпретацию имели 23; из 13 сочетаний *при таком образе жизни* условную интерпретацию имели 12; из 60 сочетаний *при таком отношении (при таких отношениях)* условную интерпретацию имели 59.

Такое подавляющее статистическое превосходство условной интерпретации над уступительной в данной нестандартной конструкции не вполне отражает общезыковую картину: хотя выражение условного значения более частотно, чем выражение уступительного⁷², а само условное значение является, в отличие от уступительного, более базовым смыслом и семантическим примитивом, в стандартных условных и уступительных конструкциях такого соотношения не наблюдается. А именно, в конструкции *при таком X-е* условные интерпретации в **десятки** раз частотнее уступительных, в то время как в стандартных конструкциях условность выражается примерно в два с половиной раза чаще, чем уступительность. Это значит, что основное значение конструкции *при таком X-е* — условное, т. е. она используется для объяснения естественности и ожидаемости Р (поэтому для нее характерен контекст слов типа *конечно, естественно, понятно* и пр.), — а не для констатации неестественности и неожиданности Р.

Можно было бы ожидать, что и конструкция *при всём Р* будет иметь преимущественно условные (причинно-следственные) интерпретации. Однако это не так: в противоречии с композиционными ожиданиями, она имеет исключительно уступительные интерпретации. Рассмотрим следующие предложения, где (11) с уступительной интерпретацией возможно, а (12) с причинно-следственной — нет:

(11) *При всех своих талантах, он не смог сделать карьеру.*

(12) **При всех своих талантах, он сделал блестящую карьеру.*

Все реализации конструкции в корпусе имеют уступительную интерпретацию; ср. некоторые примеры из НКРЯ:

---

⁷² Частотность основного условного союза *если* в Основном корпусе в два с половиной раза превышает частотность основного уступительного союза *хотя* (412779 к 139298). Более подробно информацию о сравнительных частотностях различных условных и уступительных союзов можно посмотреть в разделе «Статистика» в статье В. Ю. Апресян и О. Е. Пекелис «Союз» в онлайн-проекте rusgram.ru [Апресян В., Пекелис 2011].

(13) *При всей детальности анализа его герои не теряют целостности, остаются живыми* (Анна Кузнецова. *Функции ума* // «Октябрь», 2002).

(14) *При всех разногласиях [...] в одном Павел Алексеевич и Илья Иосифович безусловно совпадали* (Людмила Улицкая. *Казус Кукоцкого* // «Новый Мир», 2000).

(15) *При всей кризисности японской экономики деньги у правительства есть* (Борис Дмитриев. *Ни пяди назад* // «Коммерсантъ-Власть», 1998).

Таким образом, нестандартная уступительная конструкция *при всём X-е P* по крайней мере отчасти некомпозициональна, поскольку ее ближайший неидиоматический коррелят *при таком X-е* имеет преимущественно условную или причинно-следственную интерпретацию. Ср. также фразу из воспоминаний Екатерины Рейтлингер-Кист о Марине Цветаевой с конструкцией *при X-е P* в причинно-следственной интерпретации:

(16) *Приехав в Чехию и поселившись за городом, Марина, при ее жизненной непригодности, с трудом ориентировалась в чужом городе, с чужим языком.*

Добавление квантора *весь* делает эту фразу аграмматичной:

(17) **Приехав в Чехию и поселившись за городом, Марина, при всей ее жизненной непригодности, с трудом ориентировалась в чужом городе, с чужим языком.*

Чтобы сделать эту фразу правильной, необходимо изменить главное предложение на противоположное по смыслу:

(18) *Приехав в Чехию и поселившись за городом, Марина, при всей ее жизненной непригодности, с легкостью ориентировалась в чужом городе, с чужим языком.*

В этом отношении русская конструкция *при всём X-е P* отличается от своего английского псевдоаналога, который допускает и условные, и уступительные интерпретации. Ср. примеры из корпуса современной американской речи СОСА:

Условная интерпретация:

(19) *With all these options, it won't be hard to find the perfect pair of jeans*

‘При всём выборе, найти подходящие джинсы будет нетрудно’.

(20) *With all this talk about actors and writers going on strike, Hollywood prepares for the worst*

‘При всех этих разговорах о предполагаемой забастовке актеров и писателей, Голливуд готовится к худшему’.

Уступительная интерпретация:

(21) *Uncle Cy with all his flaws was the closest thing he had to a father*
'Дядя Сай при всех своих недостатках был ему почти отцом'.

(22) *With all this money, they never seem to clean the place*
'При всех деньгах, они никогда не убирают квартиру'.

1.4.2.1.2. Отрицательная поляризованность конструкции *при всём X-е P*

Еще одна отличительная черта нестандартной уступительной конструкции *при всём X-е P* и показатель ее частичной некомпозициональности — это ее отрицательная поляризация. Хотя конструкция *при всём X-е P* не является классической отрицательно поляризованной единицей типа *(ни) на йоту* или *пальцем (не) пошевелинуть*, по большей части она используется в эксплицитно или имплицитно негативных контекстах. С одной стороны, семантика уступительности включает в себя отрицание (см. Главу 1); ср. прототип уступительного значения:

(23) 'имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q'.

Однако при этом не все предложения с прототипическими показателями уступительности *хотя* и *несмотря на* содержат эксплицитное или имплицитное отрицание (хотя процент таких предложений весьма велик) — они лишь предполагают, что ситуация, которая имеет место, противоположна ожидаемой; ср.:

(24) *Друзья моих свёкров таким образом переехали из двушки в трёшку, хотя живут вдвоём (дочь живёт в Испании)* (Наши дети: Подростки (2004)).

(25) *Он видел в мышах рассадник всех заразных болезней, вплоть до холеры и чумы, заявляя отчего-то, что мыши существуют и питаются только в помойках, хотя жили и питались они рядом с ним* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

Нестандартная конструкция *при всём X-е P* обычно употребляется с выражением эксплицитного или имплицитного отрицания в валентности X или P.

Эксплицитное отрицание в P:

(26) *Ну что за технология, ну почему, товарищи, мы, при всём нашем величии, ничего такого не производим?* (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

(27) *Молодые вряд ли потянутся туда, где невозможно, при всей славе,*

элементарно обеспечить собственную старость (Наталья Голованова. Тигра можно остановить только водой (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10).

Имплицитное отрицание в Р:

(28) *Николай Трофимович при всём добром отношении ко мне и к картине отказался* выставлять на премию «Иронию судьбы» (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)).

Имплицитное отрицание в Х:

(29) *И как же это так получилось, что он умудрился упасть — при всех ограждениях и прочих атрибутах, которыми снабжены шахты?* (Мальчик у шахты тихо играл (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.24).

Частотно также употребление данной конструкции с каритивами, содержащими отрицание в вершине толкования:

(30) *Впрочем, и взгляд при всей серьезности оказался какой-то затравленный, беспокойный* (Виктор Мясников. Водка (2000)).

(31) *При всём умении казаться бесстрастным, не мог скрыть своего волнения* (Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)).

Частотны также реализации конструкции с существительными, содержащими отрицание в ассерции или в модальной рамке: *при всех недостатках, при всей слабости, при всех ужасах, при всём лицемерии, при всём коварстве.*

Представляется, что отрицательная поляризованность нестандартной конструкции *при всём X-е P* является результатом идиоматического сдвига при соединении семантики уступительности и семантики интенсификации, заключенной в кванторе всеобщности. Она свойственна многим фразеологизованным конструкциям; ср. конструкцию *к-местоимение + ни X, P*, которая рассматривается ниже, а также фразему *let alone* [Fillmore et al. 1988] и ее русский коррелят *не говоря о*. А английский псевдоаналог этой конструкции не характеризуется отрицательной поляризацией, поскольку в равной мере допускает уступительные и условные интерпретации.

1.4.2.1.3. Градуируемость X в конструкции *при всём X-е P*

Еще одно некомпозициональное свойство нестандартной конструкции *при всём X-е P*, которое отличает ее от ее более композициональных аналогов *при таком X-е P* и *with all X P* — это семантические ограничения на X. Рассмотрим следующие фразы

с типичным (32) и невозможным (33) заполнением валентности X:

Типичное заполнение:

(32) а) *при всей убедительности <логичности, элегантности, жестокости, непредсказуемости, сдержанности>*

б) *при всех недостатках <достоинствах, сложностях, разногласиях, амбициях>*

в) *при всей любви; при всём желании <уважении>.*

Невозможное заполнение:

(33) а) **при всех продуктах <румянах, деньгах>, *при всей информации <грязи>*

б) **при всех дождях <постройках, членах совета, источниках воды>.*

Как показывают примеры (32) и (33), валентность X преимущественно заполняется именами со значением свойств (в том числе чувств-отношений) и не может заполняться именами со значением физических или не физических объектов. Эта семантическая особенность, возможно, объясняет грамматическую сочетаемость конструкции — тяготение к единственному числу существительного, заполняющего X (более двух третей реализаций конструкции приходится на единственное число). Семантическое ограничение на заполнение валентности X не может быть объяснено композиционно, поскольку свободные сочетания имен объектов с квантором всеобщности абсолютно возможны, как и употребление имен объектов в свободной конструкции *при таком X-е P*, а также в уступительных конструкциях с предлогом *несмотря на*:

(34) *все продукты <все румяна>, вся информация <вся грязь>, все дожди <все постройки>*

(35) *при таких продуктах <дождях>, при такой грязи <информации>*

(36) а) *Несмотря на всю съеденную им еду, он остался голодным*

б) **При всей съеденной им еде он остался голодным*

(37) а) *Несмотря на все дожди, почва была сухая*

б) **При всех дождях почва была сухая*

(38) а) *Несмотря на все акции протеста, закон был принят*

б) **При всех акциях протеста закон был принят.*

Таким образом, семантические и сочетаемостные ограничения конструкции *при всём X-е P* объясняются не семантическими и сочетаемостными свойствами ее частей, а свойствами конструкции в целом, то есть некомпозиционально. Конструкция

накладывает ограничения на тип X-а — X может быть градуируемым свойством (*предсказуемость, красота, элегантность, уважение*) или комплексом свойств (*недостатки, достоинства, амбиции*). Свойством X характеризуется некоторый объект Y, который, в свою очередь, имеет другое свойство P, совершает действие P или подвергается воздействию P.

Объект Y имеет свойство X и свойство P:

(39) *При всей своей одаренности [X], Максим [Y] абсолютный бездельник [P]*

(40) *При всей своей дешевизне [X], эти машины [Y] очень надежны [P].*

Объект Y имеет свойство X и совершает действие P:

(41) *При всей своей одаренности [X], Максим [Y] с трудом закончил школу [P].*

Объект Y имеет свойство X и подвергается воздействию P:

(42) *При всей его одаренности [X], Максима [Y] выгнали из школы [P].*

Объект Y не является для конструкции *при всём X-е P* синтаксической валентностью: синтаксически имя, вводящее указание на Y, подчиняется предикату пропозиции, заполняющей валентность P. Однако семантически Y является валентностью данной конструкции, поскольку конструкция описывает именно объект, характеризующиеся противоположными свойствами, т. е. предполагает трех участников ситуации. В этом отношении она не отличается от единиц типа *и в то же время*, которые также вводят представление об объекте с противоположными свойствами, т. е. семантически трехвалентны, но при этом обладают, подобно обычным союзам, двумя синтаксическими слотами⁷³, которые заполняются двумя клаузами. Значение нестандартной конструкции *при всём X-е P* может, таким образом, быть уточнено по сравнению с предложенным в подразделе I.3.1.3 (для краткости и синтаксической простоты компонент ‘обычно или естественно’ здесь и ниже в Главе 4 сжат до ‘обычно’):

(43) *При всём X-е Y — P = ‘Объект Y обладает свойством X в высокой степени или обладает многими свойствами X; говорящий считает, что обычно, если объект обладает свойством типа X, он не обладает свойством типа P, или не совершает действие типа P, или не подвергается воздействию типа P; объект X обладает свойством P, или совершает действие P, или подвергается воздействию P; говорящий*

---

⁷³ Мы пользуемся здесь принятым в грамматике конструкций термином *argument slot* — вариативная часть конструкции.

считает, что Р важнее, чем Х’.

В отличие от прототипа уступительности, представленного в значении союза *хотя*, уступительная конструкция *при всём X-е, Y — P* имеет в действительности трехвалентную семантическую структуру: она описывает противоречащие друг другу характеристики или проявления объекта, в то время как *хотя* описывает противоречие двух ситуаций:

(44) *Хотя P, Q* = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

Попытка использовать конструкцию *при всём X-е* для описания ситуаций приводит к аномальности высказывания; ср. неправильность (46) при возможности (45):

(45) *Хотя шел дождь, они пошли гулять.*

(46) **При всём дожде, они пошли гулять.*

Таким образом, значение нестандартной уступительной конструкции *при всём X-е* уже, чем общеуступительное значение. Во-первых, она вводит идею интенсификации, которая объяснима композиционально (поскольку конструкция содержит квантор всеобщности); во-вторых, она вводит идею объекта, обладающего противоположными свойствами, что не объяснимо композиционально. Именно эта вторая семантическая особенность конструкции *при всём X-е* объясняет ее особенные синтаксические свойства, а именно требование кореференции между носителем свойства X и носителем свойства P (см. подраздел I.4.2.2). Даже в тех редких примерах, где носитель X-а не совпадает с Y-ом, как в примере (47), неупомянутый кореферент X-а легко восстанавливается из контекста; ср.:

(47) *При всей нерасторопности полиции, преступник всё же был пойман [полицией].*

Нерасторопность — это свойство *полиции*, которая не упоминается эксплицитно в главной клаузе, но подразумевается имплицитно, т. к. преступник был пойман ею.

Английский неидиоматичный псевдоаналог *with all X* отличается от конструкции *при всём X-е* тем, что он не требует, чтобы X был свойством; ср. адаптированный пример из корпуса СОСА:

(48) *With all the universities out there, he doesn't know where to apply*

‘Со всеми университетами, он не знает куда поступать’.

Для русской конструкции *при всём X-е* такая реализация невозможна, поскольку

слово *университет* не обозначает свойство:

(49) **При всех тамошних университетах, он не знает, куда поступать.*

При введении в контекст обозначения свойства предложение становится правильным:

(50) *При всём разнообразии университетов, он не знает, куда поступать.*

Для русской свободной конструкции *при таком X-е* употребление с конкретными именами типа (51) также возможно; ср.:

(51) *Счастье, что при таких врачах он остался жив.*

Суммируя семантические различия между английской конструкцией *with all X*, русской конструкцией *при таком X-е*, с одной стороны, и русской нестандартной конструкцией *при всём X-е*, с другой, можно отметить, что первые имеют существенно более широкое значение: они могут иметь условную (а не только уступительную) интерпретацию; они не являются отрицательно поляризованными единицами; они не накладывают семантических ограничений на заполнение валентностей X и Y.

1.4.2.2. Синтаксис конструкции *при всём X-е P*

Синтаксически конструкция *при всём X-е* на первый взгляд напоминает обстоятельство. Для русского языка характерно выражение обстоятельств при помощи предложно-именных групп с предлогами *при, с, в*; ср.:

(52) *При таких налогах мелкий бизнес не выдержит.*

(53) *С такой фигурой она может стать моделью.*

(54) *В таких обстоятельствах трудно рассчитывать на успех.*

1.4.2.2.1. Вводность конструкции *при всём X-е P*

Нестандартная уступительная конструкция *при всём X-е* обнаруживает синтаксические свойства, которые отличают ее от обычных обстоятельств с предлогом *при*. Во-первых, она образует вводный оборот; ср. обычное обстоятельство со свободной предложной группой с *при* в примере (55) и вводный оборот с нестандартной конструкцией *при всём X-е* в примере (56). В терминах синтаксиса зависимостей, предложные группы в (55) и (56) связаны с глаголом разными типами связей — обстоятельственной в (55), вводной в (56). В терминах генеративного синтаксиса, в предложении (56) между главным предложением и вводным оборотом нет отношений

командования составляющих (с-command) [de Vries 2007].

(55) *Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований*

(56) *При всей поддержке государства, экономике приходится нелегко*

Обособление вообще свойственно конструкциям с предлогом *при*, а также уступительным конструкциям, однако для фраземы *при всём X-е P* оно является обязательным.

Сентенциальная позиция нестандартной конструкции *при всём X-е* также отличается от сентенциальной позиции свободного обстоятельства *при X-е*. Обстоятельства обычно занимают позицию в начале или в конце предложения, причем последнее превалирует, в соответствии с общей тенденцией русского языка к порядку SVO⁷⁴ в нейтральных предложениях; ср.:

(57) *При высоких температурах вирус погибает*

(58) *Вирус погибает при высоких температурах*

Только топикализованная свободная конструкция *при X-е* может появляться в середине предложения (с особой контрастной просодией):

(59) *Вирус↑ при высоких температурах↑ погибает*

Нестандартная конструкция *при всём X-е*, напротив, предпочитает позиции середины и начала предложения и избегает позиции конца предложения⁷⁵:

(60) *При всём его больном воображении, врач он прекрасный.*

(61) *?Врач он прекрасный, при всём его больном воображении.*

1.4.2.2.2. Анафоричность конструкции *при всём X-е P*

Следующая синтаксическая особенность нестандартной конструкции *при всём X-е* — ее анафоричность. В отличие от обычных обстоятельств, эта конструкция устанавливает анафорические отношения между субъектным или объектным аргументом существительного X и синтаксическим подлежащим или дополнением главной клаузы.

Корreferенция субъект-подлежащее:

---

⁷⁴ В НКРЯ частотность конечного положения *при*-обстоятельств во фразе превышает частотность инициальной позиции примерно в семь раз.

⁷⁵ По данным НКРЯ, позиция конца предложения представлена только в двух процентах от всех реализаций нестандартной конструкции *при всём X-е*.

(62) *При всех своих недостатках_i, она_i человек надежный.*

Фраза (62) устанавливает отношения кореференции между субъектным аргументом существительного *недостаток* во вводном обороте и подлежащим главной клаузы.

Фраза (63) устанавливает кореференцию между имплицитным бенефициаром существительного *помощь* во вводном обороте и подлежащим главной клаузы:

Кореференция косвенный объект — подлежащее:

(63) *При всей помощи_i, Маша_i не потянет лечение в частной клинике.*

Менее частотна, но также возможна ситуация кореференции между субъектным аргументом *X* и дополнением в главной клаузе⁷⁶:

(64) *Он нашел человека гармонии_i [...] — при всех, конечно, личных несовершенствах_i (А. Слаповский).*

Человек гармонии — это дополнение главной клаузы, кореферентное субъектному аргументу вводного оборота *при всех личных несовершенствах*. В данном случае кореференция устанавливается на семантических и прагматических основаниях; синтаксическая тенденция состоит в кореференции субъекта или объекта вводного оборота с подлежащим главной клаузы. Иногда правильная кореференция устанавливается при помощи порядка слов. Так, синтаксическая тенденция к кореференции с подлежащим может быть «пересилена» семантическими соображениями. Ср. фразу (65), где порядок слов (немедленное следование вводного оборота за дополнением главной клаузы) помогает установить правильную кореференцию субъекта вводного оборота с дополнением (а не подлежащим) главной клаузы:

(65) *Логику антикризисных мер_i правительства, при всей их_i запутанности, россияне в целом понимают.*

Если порядок слов не поддерживает синтаксически необычную кореференцию с дополнением, она не устанавливается даже в тех случаях, когда она семантически необходима, и в результате предложение становится аграмматичным; ср. фразу (66), где вводный оборот отделен от кореферентного ему дополнения подлежащим и глаголом.

---

⁷⁶ Это различие частотностей отражено в преимущественной сочетаемости вводного оборота с притяжательным анафорическим местоимением *свой*, которое обычно используется для кореференции с агентивным субъектом главного предложения: в основном корпусе НКРЯ число реализаций нестандартной конструкции *при всём X-е* с местоимением *свой* (*при всём своем X-е*) в два раза превышает число реализаций с притяжательными местоимениями *его, ее, их* (*при всём его X-е*), которые используются для кореференции с неагентивными субъектами или объектами.

Во фразе (66) синтаксические и семантические требования вступают в противоречие, что и создает аграмматичность: в соответствии с синтаксическими требованиями *запутанность* кореферентна подлежащему *россияне*, а семантически — генитиву *мер* при дополнении *логику*.

(66) **При всей их_i запутанности, россияне_j в целом понимают логику антикризисных мер правительства.*

Требование кореферентности характеризует русскую нестандартную конструкцию *при всём X-е*, но не ее английский псевдоаналог *with all X*; ср. правильную английскую фразу (67) из корпуса СОСА, где отсутствует кореференция между вводным оборотом и подлежащим главного предложения:

(67) *With all this fine raw seafood, I was surprised to find that my favorite appetizer of all was the tender, emphatic skewers of beef heart*

‘При всех прекрасных свежих морепродуктах, я с удивлением обнаружил, что моя любимая закуска — нежный выразительный шашлык из бычьего сердца’.

Русский перевод этой фразы аграмматичен в силу нарушения как семантических, так и синтаксических требований (поскольку *X* не свойство, требуемая кореференция с подлежащим в принципе невозможна). Вообще, кореференция возможна только для аргументных существительных (свойства такими являются), но не для предметных имен типа *еда*, *морепродукты* и пр. При замене существительного типа *еда* на существительное, обладающее необходимым объектным актантом, типа *питание*, фразы с конструкцией *при всём X-е* становятся возможными; ср.:

(68) **У нее постоперационная анемия, которую при всём лечении и еде не могут устранить.*

(69) *У нее постоперационная анемия, которую при всём лечении и питании не могут устранить.*

В силу синтаксических различий при переводе с английского иногда необходима замена всей синтаксической структуры, чтобы было удовлетворено требование кореференции, необходимое для русской конструкции, но не для английской. Ср. следующий пример из англо-русского параллельного корпуса НКРЯ, где в английской фразе кореференция между субъектом *X* и подлежащим главной клаузы отсутствует, но в русском переводе появляется:

(70) *With all due respect to Ms. Vetra, this droplet she talks about is very small. It*

could not possibly be as explosive as she claims (D. Brown)

‘При всём уважени_i к мисс Ветра, эта капля, о которой она говорит, очень маленькая. Она не может быть *такой взрывоопасной, как она утверждает*’.

(71) *При всём моем_i уважении к мисс Ветра, я_i сомневаюсь, что крошечная капля вещества может оказаться такой взрывоопасной, как она утверждает*’.

Итак, синтаксическое требование кореференции в русской нестандартной уступительной конструкции *при всём X-е* является композиционально объяснимым следствием ее семантики, а именно того, что она вводит указание на свойство субъекта, которое вступает в противоречие с другими его свойствами.

1.4.2.3. Прагматика конструкции *при всём X-е P*

Все уступительные единицы вводят указание на мнение говорящего и его точку зрения на некие общие принципы мироустройства. Фразы типа *Хотя шел дождь, мы пошли гулять* отражают некий общий опыт, в соответствии с которым люди обычно не гуляют в дождливую погоду. Фразы типа *Хотя было солнечно, мы пошли гулять* не аграмматичны, но прагматически неуместны в среднеевропейских климатических условиях, хотя, возможно, по мере приближения к экватору прагматическая адекватность этой фразы возрастает. Прагматически функция уступительности состоит в том, чтобы вынести суждение о ненормальности или необычности некоторого положения вещей, имплицитно опираясь на представление об определенных принципах или законах мироустройства, которые нарушаются этим положением вещей.

1.4.2.3.1. Идея нарушения ожиданий в конструкции *при всём X-е P*

Нестандартная конструкция *при всём X-е P* также вводит представление о нарушении некоторых законов мироустройства, однако эти законы несколько отличаются от тех, указание на которые вводится прототипическими средствами выражения уступительности типа *хотя* и *несмотря на*.

Рассмотрим следующие предложения с нестандартной конструкцией *при всём X-е*, которые замена на прототипически уступительный предлог *несмотря на* делает прагматически неадекватными:

(72) *Я при всей своей мягкости не льстив* (А. Щеглов, Ф. Раневская).

(73) *?Несмотря на всю свою мягкость, я не льстив.*

(74) *Квартира при всём своем метраже и удобстве планировки была замызгана донельзя* (Т. Соломатина).

(75) *?Квартира, несмотря на весь свой метраж и удобство планировки, была замызгана донельзя.*

Предложения (73) и (75) прагматически неадекватны, потому что они предполагают существование объективной причинно-следственной зависимости между мягкостью (X) и льстивостью (не-Р), между метражом и удобством планировки (X) и чистотой (не-Р). Эта зависимость вводится предлогом *несмотря на*. Однако для русской языковой картины мира эта зависимость слишком сильна: мягкость не обязательно коррелирует с льстивостью, а метраж и удобство планировки — с чистотой. Тот факт, что нестандартная уступительная конструкция *при всём X-е* свободно используется в подобных контекстах, указывает на более слабую связь между X-ом и не-Р, чем та, которая предполагается предлогом *несмотря на* и, следовательно, на меньшую ненормальность или необычность ситуации. Это свойство конструкции *при всём X-е* не композиционально: наличие квантора *весь* и, соответственно, высокая степень X-а скорее должны были бы дать противоположный эффект — при высокой степени X ситуация не-Р более обязательна — однако этого не происходит. Однако оно объяснимо семантикой этой конструкции: поскольку она часто вводит представление об одном объекте (Y), который обладает противоположными свойствами (X и Р), степень противоречия между этими свойствами не может доходить до степени несовместимости, поскольку эти свойства должны, при всей необычности своего сосуществования, уживаться в одном объекте.

Связанное с этим прагматическое свойство нестандартной конструкции *при всём X-е* состоит в том, что она вводит шкалу (точнее, две шкалы) свойств, на которой объект Y позиционируется следующим образом: свойства X и Р, которые его характеризуют, либо находятся на разных полюсах близких шкал (*При всём своем уме он плохо образован*), либо на одном полюсе разных шкал (*При всём своем уме он очень скромн*).

Таким образом, эта конструкция фиксирует определенную степень ненормальности или необычности ситуации, поскольку нарушает некоторые естественные ожидания, или законы мироустройства.

1.4.2.3.2. Типы ожиданий в конструкции *при всём X-е Р*

Говоря несколько упрощенно, эти ожидания бывают двух типов:

1) Если у объекта Y имеется в высокой степени свойство X некоторой полярности (положительной или отрицательной) на некоторой шкале, естественно ожидать, что у него **есть** свойство P той же полярности на близкой (но не той же самой) шкале; ср. *При всей своей храбрости* [положительная полярность], *он не обладает подлинным мужеством* [отрицательная полярность]; *При всех своих недостатках* [отрицательная полярность], *он человек добрый* [положительная полярность]. Этот тип ожиданий можно условно назвать «ассимиляцией», или «ожиданием сходного»⁷⁷.

2) Если у объекта Y имеется в высокой степени свойство X некоторой полярности (положительной или отрицательной) на некоторой шкале, естественно ожидать, что у него **нет** свойства P той же полярности на другой шкале; ср. *При всём своем уме* [положительная полярность], *он очень скромный человек* [положительная полярность]; *При всей своей научной точности* [положительная полярность], *эти книги написаны популярным и понятным языком* [положительная полярность]. Этот тип ожиданий можно условно назвать «диссимиляцией», или «ожиданием разного».

Как было сказано, при «ассимилятивном» типе ожиданий X и P находятся на разных шкалах, т. е. принадлежат разным, хотя и близким, доменам. Ситуация, когда X и P принадлежат к разным концам одной и той же шкалы, невозможна; ср. неправильность фраз типа:

(76) **При всём своем уме, он глуп.*

(77) **При всей своей доброте, она злая.*

(78) **При всей своей веселости, он грустен.*

В НКРЯ такие примеры практически отсутствуют; единичные встретившиеся примеры производят впечатление авторских; ср. *Я заметил, что при всей радости он был что-то грустен* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть вторая. Тюрма и ссылка (1854–1858)). Этот запрет является не онтологическим, а именно языковым, поскольку в реальной жизни один и тот же человек может совмещать эти свойства, ведя себя в разное время или по разным поводам как *умный* или *глупый*, *злой* или *добрый*, *веселый* или *грустный*. Эта онтологическая возможность фиксируется другими языковыми

---

⁷⁷ В работе [Санников 1989] такой тип ожиданий называется «принципом гармоничности».

средствами, например, повторяющимся союзом *и...и* и наречием *одновременно*⁷⁸:

(79) *Он и добрый, и злой.*

(80) *Он чувствовал себя и веселым и грустным одновременно.*

Однако конструкция *при всём X-е* такого употребления не допускает — она указывает на противоположную окраску и направленность свойств, но не на их полную несовместимость.

Будучи уступительной конструкцией, *при всём X-е* не допускает и принадлежности X и P к одной и той же полярности (что допустимо для сочинительного союза *и*); ср. невозможность (81) и естественность (82):

(81) **При всей своей насмешливости, он ироничный.*

(82) *Он насмешливый и ироничный.*

Не может конструкция *при всём X-е* употребляться также в тех контекстах, когда X и P находятся на разных концах шкал совершенно не связанных доменов; ср. невозможность сочетания в ее рамках отрицательного свойства *недогадливый* и положительного свойства *красота*:

(83) **При всей своей красоте, она была недогадлива.*

Это также невозможно в силу уступительности конструкции: она фиксирует нарушения некоторых естественных ожиданий, а наличие красоты не создает никаких ожиданий относительно степени догадливости. Необходимо отметить, что связанность X и не-P, в силу которой сочетание X и P воспринимается как необычное, субъективна и определяется картиной мира говорящего. Так, в картине мира русского языка такими парами являются *красота* и *ум*, но не *уродливость* и *глупость*; ср. естественный пример (84) и неестественный (85):

(84) *При всей своей красоте она глупа.*

(85) *?При всём своем уродстве он умен.*

Интересно, что *красота* может вызывать как ожидания относительно ума, так и ожидания относительно глупости; ср. естественный пример (86):

(86) *При всей своей красоте она умна.*

При этом «в обратном направлении» эта пара свойств не работает: *ум* не вызывает ожиданий относительно внешности; ср. невозможность

---

⁷⁸ Ср. также единицы *в то же время* и *вместе с тем* в подразделе I.3.2.2 данной диссертации.

(87) ??*При всём своем уме она красива.*

Таким образом, отдельного исследования заслуживает «направление» ожиданий в парах свойств — какие свойства влекут за собой какие другие, поскольку симметрии между антонимами в этом отношении нет. По-видимому, такие пары свойств вообще индивидуальны, хотя имеются и некоторые общие стратегии в их выборе: положительные свойства чаще дают основания для ожидания других положительных свойств, чем отрицательные — для других отрицательных; внешность чаще дает основания для ожиданий относительно внутренних свойств, чем внутренние свойства — относительно внешних; ожидания не могут быть слишком специфическими (возможны ожидания относительно ума, но не относительно его узкой разновидности — догадливости). Таким образом, говорящий руководствуется некоторыми психологическими эвристиками, т. е. стратегиями принятия решений, основанными не на реальных статистических данных о связи между разными явлениями, а на стереотипировании (о разных типах эвристик см. [Kahneman et al. 1982, Rozin, Nemeroff 2007]).

Но вообще на выбор пар свойств влияет большое количество психологических и прагматических факторов, которые являются темой отдельного большого исследования. Более того, для разных языковых средств возможны разные ограничения на сочетаемость X и P, как было показано выше:

— бессоюзие и союз *и* предъявляют к X и P требование минимальной соотнесенности; ср. *Она была уродливая, умная, наглая*, но не **Она была уродливая, догадливая, обеспеченная*; *Она была уродливая и умная, Она была уродливая и наглая*, но не **Она была уродливая и догадливая*;

— конструкция *при всём X-е* требует нарушения ожиданий (невозможно **При всей своей уродливости она была наглой*, т. к. нет нарушения ожиданий), но не до степени несовместимости X и P; ср. *При всём своем уме она бывала несправедлива*, но не **При всём своем уме она была глупа* (хотя возможно *При всём своем уме, в чем-то она проявляла глупость*), **При всей своей любви к нему, она его ненавидела* (хотя возможно *При всей своей любви к нему, временами она его ненавидела*);

— наречие *одновременно* допускает нарушение ожиданий вплоть до несовместимости X и P; ср. *Она умная и глупая одновременно*.

Интерпретации могут быть «оптимистическими», когда в главной клаузе или

в позиции второго сочиненного члена, т. е. в доминирующей роли, находится слово с положительной оценкой (*При всей своей обидчивости она очень отходчива*), и «пессимистическими», когда положительно окрашенное слово является частью уступительной клаузы или первым сочиненным членом, и положительная окраска «перекрывается» отрицательной оценкой идущего вторым слова-свойства (*При всей своей доброте она очень взбалмошна*). Разные уступительные и противительные языковые единицы устроены с этой точки зрения по-разному. Как отмечается в Главах 3 и 6, у союза *зато* и фраземы *несмотря ни на что* (ср. поговорку *Любят не за что-то, а несмотря ни на что*) доминируют оптимистические интерпретации, у лексемы *как-никак* — слабо-пессимистические.

Конструкция *при всём X-е* позволяет разные типы интерпретаций, при этом для ассимилятивных ожиданий возможны и оптимистическая, и пессимистическая интерпретации, а для диссимилятивных ожиданий более частотной является оптимистическая интерпретация. Итак, при оптимистической интерпретации X — плохое свойство, а P — хорошее, т. е. нарушаются плохие ожидания и доминирует положительное. При пессимистической интерпретации X — хорошее свойство, Y — плохое свойство, т. е. нарушаются хорошие ожидания и доминирует отрицательное. Ср. следующие типы примеров:

ассимилятивные ожидания, оптимистическая интерпретация

(88) *При всей своей грубости, в душе он человек добрый*

ассимилятивные ожидания, пессимистическая интерпретация

(89) *При всей своей доброте, он часто бывает грубоват*

диссимилятивные ожидания, оптимистическая интерпретация

(90) *При всем своем уме, она еще и красавица*

диссимилятивные ожидания, пессимистическая интерпретация

(91) *При всей своей глупости, она еще и уродина*

Таким образом, на основании анализа конструкции *при всём X-е*, Y P можно сделать следующие выводы о законах мироустройства, отраженных в русской языковой картине мира:

(1) естественно ожидать, что если человек (или объект) хорош в чем-то одном, то он хорош и в другом, а если человек (или объект) плох в чем-то одном, то он плох и в другом (ассимилятивные ожидания);

(2) естественно ожидать, что если человек (или объект) хорош в чем-то одном, то он плох в чем-то другом (диссимилиативные ожидания).

Отметим, что второй закон не симметричен первому: ожидания, что если человек или объект плох в чем-то одном, то он хорош в чем-то другом, нет (или, по крайней мере, конструкция *при всём X-е Y P* его не отражает)⁷⁹.

Несимметричность этих двух законов легко объяснима: по-видимому, в целом, жизненный опыт, отраженный в языке, предполагает, что совершенство (т. е. нечто, хорошее во всех отношениях) встречается очень редко, а его противоположность (т. е. нечто, плохое во всех отношениях) встречается существенно чаще.

Вышеизложенные интуиции относительно распределения типов ожиданий и интерпретаций подтверждаются данными НКРЯ: вхождения типа *при всём X*, где X имеет положительную оценку (378) численно превышают вхождения типа *при всём X*, где X имеет отрицательную оценку (219). При этом распределение соотношений типов ожиданий и интерпретаций имеет вид, представленный в таблице 1 ниже⁸⁰.

Примеры анализировались индивидуально, т. е. в таблице представлены обработанные результаты, в которые не включались фразы, найденные по запросу, но не удовлетворяющие нужным интерпретациям. Ср. пример из Достоевского, который на первый взгляд соответствует четвертому типу, однако при внимательном взгляде оказывается иллюстрацией условного, а не уступительного значения конструкции *при всём X-е*, которая имеет в нем более широкий смысл 'в условиях', а не более специфичный смысл 'в противоположность ожиданиям':

(92) *Множество остановок, пересаживаний, а на одной станции приходится ждать этого пересаживания три часа. И всё это при всех неприятностях русской железной дороги, при небрежнейшем и почти высокомерном отношении к вам и к нуждам вашим кондукторов и «начальства»* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)).

---

⁷⁹ Подобное ожидание отражено в пословице *Нет худа без добра*, но в ней речь идет скорее о событиях, а не об объектах: ее употребляют в ситуациях, когда у плохого события пытаются найти какие-то положительные стороны, но не когда речь идет о поиске достоинств у объекта, обладающего большими недостатками.

⁸⁰ Частотное исследование проведено в основном корпусе НКРЯ на выборке, задаваемой запросом *при+всём+оценочное слово* на расстоянии 1 + *оценочное слово* на расстоянии 4.

Таблица 1

1. Ассимилятивные ожидания, пессимистическая интерпретация X — хорошее свойство, P — плохое свойство запрос в НКРЯ при на расстоянии 1 от весь на расстоянии 1 от ev:posit на расстоянии от 1 до 4 от ev:neg	2. Ассимилятивные ожидания, оптимистическая интерпретация X — плохое свойство, P — хорошее свойство запрос в НКРЯ при на расстоянии 1 от весь на расстоянии 1 от ev:neg на расстоянии от 1 до 4 от ev:posit	3. Диссимилятивные ожидания, оптимистическая интерпретация X — хорошее свойство, P — хорошее свойство запрос в НКРЯ при на расстоянии 1 от весь на расстоянии 1 от ev:posit на расстоянии от 1 до 4 от ev:posit	4. Диссимилятивные ожидания, пессимистическая интерпретация X — плохое свойство, P — плохое свойство запрос в НКРЯ при на расстоянии 1 от весь на расстоянии 1 от ev:neg на расстоянии от 1 до 4 от ev:neg
52 вхождения	31 вхождение	7 вхождений	0
Примеры из НКРЯ: <i>Мы [...] понимаем, что они, при всей красоте и величии, лишь бледная тень того, что создано Творцом</i> (Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001)	Примеры из НКРЯ: <i>Страшные и тревожные тридцатые до сих пор не дают покоя исследователям культуры: при всех ужасах сколько необычного и интересного подарили они миру</i> (Владимир Потресов. Возвращения Некрасова (2004))	Примеры из НКРЯ: <i>При всей роскоши форм, неги позомжения вы видите еще в древних статуях и мощь духа</i> (П. В. Анненков. Путевые записки (1842–1843)); <i>Но Мортон, при всём человеколюбию своем, был настоящий ученый по настроению ума</i> (К. Н. Леонтьев. Владимир Соловьёв против Данилевского (1888))	

Указанное в таблице 1 распределение, согласно которому в целом доминирует «пессимистическая» интерпретация, является характерным именно для конструкции *при всём X-е Y P*, а не для русского языка в целом: существуют «оптимистические» уступительные средства типа *несмотря ни на что* (обычно указывает на достижение цели несмотря на многочисленные препятствия), «пессимистические» уступительные средства типа *как ни X, P* (часто указывает на недостижение цели, несмотря на усилия; подробнее см. подраздел I.4.4). Кроме того, существуют многочисленные союзные средства, нейтральные в этом отношении, например, союз *но*.

Данные НКРЯ поддерживаются данными 14-миллиардного веб-базируемого корпуса ruTenTen на лексикографическом ресурсе Sketch Engine.

Во-первых, диссимилятивные интерпретации в ruTenTen также достаточно редки: они не встречаются в числе первых пятидесяти по частотности. Это означает, что прагматический принцип «единства» в данном случае оказывается важнее, чем прагматический принцип «разнообразия»: если у объекта имеется какое-то свойство X, мы ожидаем, что другие его свойства будут похожими, а не отличными от X. Во-

вторых, среди ассимилятивных ожиданий в ruTenTen, как и по данным НКРЯ, доминирует «пессимистическая» интерпретация, что показывает анализ таблицы 2, составленной частотным анализом сочетаний по запросу *при + весь + N*.

Таблица 2. Частотные сочетания *при всем X-е*

word	Freq
при всех видах	2,505
при всех обстоятельствах	2,288
при всём желании	2,203
при всех условиях	1,495
при всех формах	1,416
при всём уважении	1,319
при всех недостатках	936
при всех достоинствах	850
при всех заболеваниях	843
при всей важности	820
при всех различиях	749
при всех режимах	726
при всей любви	708
при всей сложности	683
при всех плюсах	569
при всей простоте	552
при всем народе	525
при всех вариантах	489
при всех сложностях	441
при всех изменениях	401
при всех трудностях	400
при всех случаях	387
при всех типах	377
при всей очевидности	373
при всей условности	341
при всех издержках	339
при всех проблемах	334
при всех значениях	326
при всех преимуществах	324
при всей привлекательности	322
при всех минусах	318
при всех усилиях	308
при всех болезнях	306
при всех способах	290
при всем классе	266
при всей значимости	263
при всех оговорках	260
при всей её	246
при всей разнице	241
при всей сужести	225
при всех стараниях	220
при всей неоднозначности	216
при всех регалиях	206
при всей разности	204
при всех попытках	192
при всем многообразии	186
при всей строгости	184
при всех температурах	183
при всех операциях	179
при всем параде	178

Как видно из таблицы 2, не все приведенные сочетания являются реализациями конструкции *при всем X-е*: сочетания *при всех видах*, *при всех обстоятельствах*, *при всех температурах*, *при всем параде* и некоторые другие являются свободными сочетаниями с предлогом *при*. Если вычленим все подлинные реализации конструкции *при всем X-е* при запросе *при+весь+N* и добавим сочетания с местоимением *свой* (*при+весь+свой+N*), получается следующая картина частотностей, представленная в таблице 3:

Таблица 3. Наиболее частотные реализации конструкции *при всем X-е*

при всём желании	2,203
при всём уважении	1,319

при всех своих достоинствах	1,043
при всех недостатках	936
при всех достоинствах	850
при всей важности	820
при всех своих недостатках	769
при всех различиях	749
при всей любви	708
при всей сложности	683
при всех плюсах	569
при всей простоте	552
при всех его недостатках	536
при всей моей любви	533
при всех сложностях	441
при всех трудностях	400
при всех его достоинствах	396
при всей очевидности	373
при всём моём уважении	353
при всей условности	341
при всех преимуществах	324
при всей привлекательности	322
при всех минусах	318
при всех усилиях	308
при всей своей любви	304
при всех ее недостатках	300
при всей кажущейся простоте	279
при всей значимости	263
при всех оговорках	260
при всех своих плюсах	243

Анализ таблицы показывает, что пессимистическая интерпретация преобладает, т.е., что чаще конструкция используется в ситуациях, когда при положительном X-е доминирует отрицательное Р (*При всех своих достоинствах, он неподходящий кандидат на эту роль*). Пессимистическая интерпретация составляет примерно 71 процент (12022 вхождений), оптимистическая насчитывает примерно 29 процентов от всех вхождений конструкции при данном запросе (4937 вхождений).

Следующие сочетания задают негативную, пессимистическую интерпретацию всему высказыванию в целом: фраземы *при всем желании, при всем уважении* (подробнее см. подраздел I.4.2.3.3.), коллокации *при всех достоинствах, при всей важности, при всей значимости, при всей любви, при всех плюсах, при всей простоте, при всей очевидности, при всех преимуществах, при всей привлекательности, при всех усилиях, при всех оговорках*. В роли типичного положительного X-а, наличие которого дает основания ожидать (несостоявшегося) положительного Р, выступают либо (а) усилия, желание и положительное отношение субъекта, способствующие Р (*при всем желании, при всем уважении, при всей любви, при всех усилиях, при всех оговорках*), либо (б) положительные стороны самого X-а в чьих-либо глазах (*при всех достоинствах, при всей важности, при всей значимости, при всех плюсах, при всей простоте, при всей очевидности, при всех преимуществах, при всей привлекательности*).

Следующие сочетания задают позитивную, оптимистическую интерпретацию всему высказыванию в целом: коллокации *при всех недостатках, при всех минусах, при всей трудности, при всей сложности, при всех различиях*. В роли типичного отрицательного X-а, наличие которого дает основания ожидать (преодоленного) отрицательного Р, выступают либо (а) факторы, препятствующие осуществлению или гармоничному существованию Р (*при всей трудности, при всей сложности, при всех различиях*), либо (б) отрицательные стороны самого X-а в чьих-либо глазах (*при всех недостатках, при всех минусах*).

В некоторых случаях при сравнении коррелирующих языковых единиц в разных языках бывает затруднительно сформулировать семантические различия между ними, однако анализ сочетаемостных предпочтений дает представление о разных прагматических тенденциях, задействованных в их реализации в узусе.

Так, семантически близкая рассматриваемой русской конструкции *при всем X-е*

(хотя и менее частотная) английская уступительная конструкция *for all X* демонстрирует, по крайней мере в сочетании с притяжательным прилагательным *his* 'его', обратное прагматическое поведение. Примерно 80 процентов ее реализаций при запросе *for + all + his + X* интерпретируются «оптимистически», а 20 – пессимистически; ср. оптимистические интерпретации *for all X's faults* 'при всех недостатках X-а' (142), *for all X's flaws* 'при всех недостатках X-а' (44) и пессимистические интерпретации *for all X's talent* 'при всем таланте X-а' (29), *for all X's accomplishments* 'при всех достижениях X-а' (23)⁸¹.

Таким образом, в то время как анализ сочетаемостных ограничений позволяет сформулировать толкование конструкции и предсказать все возможности ее заполнения, корпусный анализ реальных сочетаемостных предпочтений в узусе дает возможность реконструировать прагматические тенденции, актуальные для рассматриваемой языковой единицы. При этом «пессимизм», свойственный конструкции *при всем X-е*, совершенно не является общей тенденцией, обязательной для всех уступительных конструкций русского языка. Так, уступительная конструкция с предлогом *несмотря на* носит «оптимистический» характер и примерно в два раза чаще употребляется для описания желательных ситуаций, которые имеют место несмотря на воздействие неблагоприятных факторов, чем наоборот (см. таблицу 4 ниже): 50765 «оптимистических» вхождений (*несмотря на отсутствие, несмотря на кризис, несмотря на трудности, несмотря на возраст, несмотря на протесты, несмотря на запрет, несмотря на разницу, несмотря на усталость*) vs. 27173 «пессимистических вхождений» (*несмотря на обилие, несмотря на рост, несмотря на усилия*) в первой двадцатке наиболее частотных реализаций в *ruTenTen*. Некоторые вхождения из первой двадцатки могут порождать обе интерпретации примерно в равной пропорции, в зависимости от того, о каких процессах или объектах идет речь (*несмотря на снижение, несмотря на увеличение, несмотря на множество, несмотря на присутствие, несмотря на ряд*).

Если имеющаяся прагматическая тенденция достаточно сильна, она может оказывать влияние на семантику конструкции. Так, при помещении в конструкцию с

---

⁸¹ Большая часть сочетаний *for all X* в английском представляет собой свободное сочетание предлога *for* 'для' с квантором и существительным. Для целей дизамбигуации в запрос вводилось местоимение *his*, облегчающее поиск нужных реализаций, однако поэтому имеющиеся цифры не являются исчерпывающими, а являются лишь иллюстрацией.

предлогом *несмотря на*, для которой более характерна «оптимистическая» интерпретация (т.е. «торжество» желательной ситуации при неблагоприятном X), нейтрально или положительного оцениваемого X-а, происходит семантический сдвиг: X начинает интерпретироваться как нечто отрицательное и общая оптимистическая интерпретация сохраняется. Так, у нейтрально или положительно оцениваемого качества *молодость* в конструкции с предлогом *несмотря на* реализуются негативные коннотации отсутствия опыта, статуса и других положительных качеств, приобретаемых с возрастом; ср. примеры из НКРЯ: *Дугаев, несмотря на молодость, понимал всю фальшивость поговорки о дружбе, проверяемой несчастьем и бедою* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)); *Весьма интересно то, что несмотря на молодость всех сотрудников мастерской, количество полностью реализованных проектов впечатляет* (Светоносная архитектура (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.06.15); *Несмотря на молодость, она действительно очень ответственно относилась к профессии* (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)). Употребления конструкции с *несмотря на*, где *молодость* оценивалась бы положительно (типа *Несмотря на свою молодость, она ему не нравилась*) не характерны.

Таблица 4. Частотные сочетания с предлогом *несмотря на*

word	Freq
Р N несмотря на отсутствие	11,645
Р N несмотря на кризис	11,508
Р N несмотря на наличие	11,478
Р N несмотря на трудности	4,796
Р N несмотря на обилие	4,451
Р N несмотря на рост	4,239
Р N несмотря на возраст	3,644
Р N несмотря на снижение	3,377
Р N несмотря на протесты	3,369
Р N несмотря на запрет	2,851
Р N несмотря на усилия	2,534
Р N несмотря на ряд	2,461
Р N несмотря на увеличение	2,447
Р N несмотря на множество	2,408
Р N несмотря на всё	2,164
Р N несмотря на разницу	2,024
Р N несмотря на попытки	1,940
Р N несмотря на молодость	1,851
Р N несмотря на усталость	1,824
Р N несмотря на присутствие	1,775
Р N несмотря на проблемы	1,761
Р N несмотря на жару	1,625
Р N несмотря на сопротивление	1,584
Р N несмотря на сложности	1,554
Р N несмотря на появление	1,536
Р N несмотря на сокращение	1,468
Р N несмотря на заявления	1,433
Р N несмотря на заверения	1,406
Р N несмотря на падение	1,390
Р N несмотря на поражение	1,380
Р N несмотря на различия	1,351
Р N несмотря на название	1,331
Р N несмотря на возражения	1,315
Р N несмотря на существование	1,302
Р N несмотря на сложность	1,263
Р N несмотря на запреты	1,230
Р N несмотря на решение	1,224
Р N несмотря на различие	1,174
Р N несмотря на повышение	1,168
Р N несмотря на дождь	1,107
Р N несмотря на простоту	1,086
Р N несмотря на противодействие	1,067
Р N несмотря на поддержку	1,047
Р N несмотря на близость	1,031
Р N несмотря на её	1,029
Р N несмотря на использование	1,019
Р N несмотря на боль	985
Р N несмотря на мороз	974
Р N несмотря на развитие	967
Р N несмотря на давление	949

1.4.2.3.3. Фразеологические реализации конструкции *при всём X-е P*

Подробнее тема частотности разных вариантов заполнения переменных нестандартных конструкций рассматривается ниже, на примере конструкции *к-слово + ни X, P*. Однако и здесь мы считаем уместным привести некоторые данные по частотностям разных реализаций конструкции *при всём X-е*, поскольку они дают представление о том, нарушение какого типа ожиданий она фиксирует наиболее часто, т. е. о прагматических особенностях функционирования конструкции.

Большую долю от всех реализаций этой конструкции в НКРЯ (6985 вхождений на запрос *при + всём + loc*) составляют фраземы *при всём том P* (757 вхождений), *при всём этом P* (343), *при всём желании не P* (314 вхождений), *при всём уважении не P* (159 вхождений).

Фраземы *при всём том* и *при всём этом* — это анафорические выражения, в которых «забита» валентность *X* и в которых основное значение конструкции *при всём X-е Y P* модифицируется следующим образом:

(93) *При всём том* <*при всём этом*> *Y P* = ‘Объект *Y* обладает упомянутым ранее свойством в высокой степени или обладает многими упомянутыми ранее свойствами; говорящий считает, что обычно, если объект обладает свойством типа упомянутого или упомянутых, он не обладает свойством типа *P*, или не совершает действие типа *P*, или не подвергается воздействию типа *P*; объект *Y* обладает свойством *P*, или совершает действие *P*, или подвергается воздействию *P*’.

Фраземы *при всём том Y P* и *при всём этом Y P*, таким образом, устанавливают отношения кореферентности между предшествующим фрагментом дискурса и анафорической частью фраземы — *том*, *этом*, т. е. представляют собой пример дискурсивной анафоры. Ср. примеры: [*Завывает она, конечно, как при луне волчица*]_i; *но при всём [том]* _i *какой голос, какое чувство стиха* (В. Маканин); [*К блатным Довлатов относился пристрастно, говорил с восхищением об их языке, воображении, походке. Не без гордости Сергей принимал и свою популярность у бывших зеков*]_i. *При всём [том]*_i *Довлатов не заблуждался насчет зеков и «братьев меньших» в них не видел* (А. Генис. Довлатов и окрестности (1998)); [*На этапе в Швеции в так называемом дуатлоне Сергей Новиков показал совсем не блестящий результат*]_i; *однако при всём [этом]*_i — *второй среди всех российских участников* (Внутренний голос. Почему мужская сборная России по лыжам отказалась участвовать в эстафетной гонке (2002) // «Известия», 2002.03.11); [*Интеллект безмерный, талантов целые плеяды, труд невообразимый*]_i — *и при всём [этом]*_i *полное смирение с тем, что о твоей гениальности никто никогда не узнает!* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000).

Фраземы *при всём том* и *при всём этом* полисемичны, поэтому их фактическая встречаемость в качестве реализаций уступительной конструкции *при всём X-е* несколько ниже, чем было указано. Обе они имеют также существенно менее частотное значение ‘вдобавок, в дополнение к’; ср. *Сюжет чуть сложнее и, может стать, чуть литературнее. То ли «Аленький цветочек», то ли «Собор парижской Богоматери»: чудище и красавица. Фон: Чечня, танк, ожоги, водка, поиск пропавшего Сереги, соседка с ребенком, которого герою приходится пугать своим лицом — и поиск*

этого самого лица, стертого войной. При всём том полное отсутствие истерики, надрыва, сладострастной чернухи (Александр Архангельский. На сервере диком стоять одиноко. Андрей Геласимов как фактор литературного роста (2003) // «Известия», 2003.01.2); *Трудный путь: почти сутки на морозе в шестьдесят градусов, в мокрой, тяжелой одежде, с грузом за плечами, нечеловеческое напряжение при спуске по ущелью, и при всём этом — невозможность дышать глубоко, так как легкие не принимали ледяного воздуха...* (И. А. Ефремов. Голец подлунный (1942–1943)). Более точно это значение можно сформулировать следующим образом:

(94) *При всём том <при всём этом> P* = ‘Имеет место в высокой степени упомянутая ранее ситуация или имеет место несколько упомянутых ранее ситуаций; имеет место ситуация P, которая увеличивает воздействие ранее упомянутой ситуации или ситуаций на общее положение вещей’.

Кроме того, небольшую долю от общего числа вхождений выражений *при всём том* и *при всём этом* составляют омонимичные идиоматическим свободные сочетания; ср. *И при всём этом присутствовал начальник управления; Мне довелось присутствовать при всём том хаосе, который воцарился после объявления о перевороте.* Таким образом, их реальная доля в общем числе реализаций конструкции *при всём X, Y P* немного ниже, чем 11 и 5% соответственно, однако только незначительно.

Во фраземе *при всём желании Y не P*, которая также является реализацией конструкции *при всём X-е Y P*, ее общее значение также модифицируется, хотя не настолько сильно, как у фразем *при всём том* и *при всём этом*. Конструкция *при всём X-е Y P* фактивна, т. е. указывает на то, что объект Y действительно обладает свойством X и противоречащим ему свойством P. Фразема *при всём желании Y не P* потенциальна⁸²; в подавляющем большинстве контекстов она указывает на то, что нечто невозможно (не состоится, не удастся), даже если бы кто-то хотел и пытался это осуществить, а не на реально имевшееся желание и попытку осуществления чего-либо. Таким образом, фразы типа (95) и (96), где Y, по-видимому, даже не испытывает желания, чтобы было P, весьма типичны, а фразы типа (97), где Y имел реальное желание и прилагал усилия к осуществлению P, но не смог добиться P, практически

---

⁸² В терминологии [Haspelmath, König 1998], это уступительно-условная единица.

не встречаются.

(95) *Открывшуюся месяц назад Новую сцену Большого театра со всеми ее вензельчками и кренделечками при всём желании не полюбишь* (Екатерина Бирюкова. В кольце Нибелунга. Музыка-1 (2002) // «Известия», 2002.12.27) [говорящий не испытывает желания полюбить Новую сцену].

(96) *В конце концов если мужчина при всём желании не может родить, а женщина неспособна зарезать теленка, то, стало быть, наши роли в этом мире распределены Главным Режиссером четко и навсегда* (Вячеслав Пьецух. Письма из деревни // «Октябрь», 2001) [мужчина не испытывает желания родить].

(97) ??*При всём желании он не приехал.*

Валентность Р в основном заполняется модальными глаголами и предикативами (*мочь, смочь, удался, возможно*) в формах настоящего и будущего времени, а также сослагательного наклонения.

Значение фраземы *при всём желании Y не P* можно сформулировать следующим образом:

(98) *При всём желании не P* = ‘Даже если бы Y очень хотел, чтобы была ситуация P и прилагал к этому усилия, ситуации P не было бы’.

Частотность реализации *при всём желании* (4,5% от всех реализаций конструкции) и ее фразеологизация указывают на ее особый статус: по-видимому, *желание* в русской языковой картине мира представляется (что вполне естественно) одним из основных каузаторов ситуаций, и тот факт, что при наличии желания ситуация не осуществляется, отмечается как нарушение естественных ожиданий. Интересно, что *старание* (т. е. активные усилия, направленные на достижение ситуации) занимает существенно меньшее, хотя также заметное, место в реализациях этой конструкции (44 вхождения в основном корпусе НКРЯ, т. е. 0,6% от всех реализаций).

Во фраземе *при всём уважении (к Y), Y не P* основное значение конструкции также модифицируется. Это прагматическая фразема (прагматема, в терминологии [Иорданская, Мельчук 2007]), которая служит для выражения критических замечаний в адрес Y-а с «сохранением лица» Y-а; ср. примеры:

(99) *При всём уважении к первому заместителю главы Минфина, он финансист, но не банкир* (Новый курс. В Центральном банке поменялась власть (2002) // «Известия», 2002.03.15).

(100) *Табаков, при всём уважении к нему, нравится мне в этой роли меньше* (коллективный. Обсуждение фильма «Война и Мир» (2007–2011)).

Ее значение можно сформулировать следующим образом:

(101) *При всём уважении к Y, Y не P* = ‘Говорящий в целом высоко оценивает Y-а; говорящий утверждает, что Y не обладает нужным в данной ситуации хорошим свойством P’.

Относительно высокая частотность (2,3%) и фразеологизованный статус этой реализации отражают, по-видимому, важность представления о том, что уважение является одним из важных сдерживающих механизмов высказывания негативного мнения о человеке, и если при наличии уважения такое мнение всё-таки высказывается, это воспринимается как нарушение естественных ожиданий.

Существует еще несколько частотных, хотя и не фразеологизованных реализаций данной конструкции. Так, можно назвать устойчивыми коллокациями следующие реализации: *при всём разнообразии* (42 вхождения в НКРЯ) и *при всех различиях* (67 вхождений в НКРЯ), которые используются в ситуациях, когда необходимо, подчеркнув различия между объектами, заострить внимание на их общих особенностях или поведении, важных в данной ситуации. Устойчивой коллокацией является также реализация *при всех недостатках* (31 вхождение в НКРЯ), которая используется для привлечения внимания к достоинству какого-либо объекта, обладающего многими известными недостатками, а также реализация *при всей любви* (33 в НКРЯ вхождения). Все эти коллокации, а также некоторые другие (*при всех достоинствах, при всей простоте* и пр.) также выделяются по корпусу ruTenTen (см. таблицу 2 выше).

1.4.2.3.4. Антропоцентричность и оценочность конструкции *при всем X-е P*

Еще одна важная прагматическая особенность конструкции *при всем X-е* — это ее антропоцентричность и связанная с ней оценочность. Хотя вообще X и P могут быть оценочно нейтральными (толкование конструкции не включает в себя оценку X-а и P), обычно даже те свойства, которые в принципе нейтральны, приобретают ту или иную оценку, будучи употреблены в составе конструкции *при всем X-е*; ср. фразу, где контекст придает нейтрально оцениваемым X и P (*влюбленность, прозаические соображения*) оценку (*влюбленность* оценивается отрицательно, *прозаические*

соображения — положительно): *Я знал, что она готова на всё, но я сдерживал себя изо всех сил. [...] При всей влюблённости у меня срабатывали и совершенно прозаические соображения. Я думал: овладеть такой хорошенькой девушкой и предоставить её самой себе на два года — опасно* (Фазиль Искандер. Случай в горах (1980–1990)).

Это связано с тем, что конструкция предполагает антропоцентричную перспективу: сущности Y, которые ею описываются, являются либо людьми, либо объектами, которые так или иначе связаны с человеком и поэтому могут оцениваться им как хорошие или плохие, полезные или вредные и т. п. Примеры, где оценка полностью исключена, делают конструкцию *при всём X-е* прагматически неадекватной; ср.:

(102) ??*При всей своей плотности черные дыры относительно компактны.*

(103) ??*При всей своей глубине это озеро маленькое.*

По этой причине конструкция редко используется с названиями природных объектов в качестве Y, а X и P редко бывают обозначениями оценочно нейтральных физических параметров. Однако стоит ввести оценку в параметрическое свойство или изменить физический параметр на ментальный, употребление конструкции *при всём X-е* становится возможным; ср.:

(104) *При всей своей толщине он оказался очень гибким и увертливым.*

(105) *Подлинное искусство, при всей своей глубине, всегда немного наивно.*

1.4.2.4. Общие свойства нестандартных конструкций

Нестандартные конструкции обладают как композиционными, так и некомпозиционными свойствами. При этом степень семантической композиционности, или прозрачности, не влияет на переводимость. Нестандартные конструкции не более переводимы, чем лексические фраземы. Иногда бывает существенно проще установить межлингвистические соответствия между высокоидиоматичными выражениями в разных языках, потому что они опираются на общие метафоры или коннотации; ср. русскую фразему *жить как кошка с собакой* и английскую *to fight like cats and dogs*, *на краю света* и *at the other end of the world*. Однако нестандартные конструкции эксплуатируют синтаксический, а не лексический потенциал языка, и поэтому часто менее переводимы, чем лексические фраземы. Можно выделить следующие типы ситуаций с точки зрения переводимости

идиоматизированных синтаксических единиц.

1. В языке L1 существует идиоматизированная конструкция, которой соответствует структурный и семантический коррелят в языке L2, идиоматизированный и обладающий такими же композиционными и некомпозиционными свойствами. В качестве примера можно привести русскую нестандартную конструкцию *иметь X против Y-a* и ее английский коррелят *to have X against Y*. Они обладают общим значением ('иметь возражения X против Y'), прагматическими свойствами (употребляются в ситуации согласия), композиционными свойствами (глагол, местоимение и предложно-именная группа в составе конструкции проявляют свои обычные частеречные свойства) и некомпозиционными свойствами (отрицательная поляризация — обе конструкции используются только в контекстах снятой утвердительности⁸³ типа *не иметь ничего против, Что он может иметь против?*).

2. Противоположная ситуация наблюдается, когда конструкция в языке L1 не имеет коррелята в языке L2. В качестве примера можно привести русскую уступительную конструкцию с повтором вопросительного местоимения и контрастной топикализацией вида *X-X, а Y P*:

(106) *Кто-кто [X], а Ваня [Y] поможет [P].*

(107) *Куда-куда [X], а в Москву [Y] я зимой не поеду [P].*

Эта синтаксическая фразема имеет следующее значение 'Говорящий не знает, верно ли утверждение P относительно других элементов множества X, но он абсолютно уверен, что утверждение верно относительно элемента Y множества X'. Она не имеет структурных и семантических коррелятов в английском; варианты, предлагаемые словарями, например [Lubensky 2004], либо неточны, как *X of all people P (He of all people, can help me)*, либо неидиоматичны, как *Other people may not P, but X P*.

3. Существуют промежуточные ситуации, когда конструкция в языке L1 и ее коррелят в языке L2 имеют область совпадений и область различий. Примером такой ситуации является русская синтаксическая фразема *с X-a на X P (с минуты на минуту, со дня на день)* и ее английский коррелят *any X P*, где X — это временной период. В обоих языках фразема имеет значение 'Ожидается, что событие X произойдет очень

---

⁸³ О понятии снятой утвердительности см. [Падучева 1985, Богуславский 2001].

скоро, в течение одного или нескольких коротких временных периодов X' и сочетается с названиями нескольких коротких временных периодов (*секунда, минута, день*). Однако фраземы обладают слегка различными сочетаемостными свойствами: в английском языке возможно сочетание с названиями неточных периодов, например, *any moment* ‘с момента на момент, в любой момент’, а в русском языке сочетание **с момента на момент* невозможно.

4. Наконец, возможна ситуация, когда две на первый взгляд параллельные структуры в языках L1 и L2 имеют разную степень идиоматизированности и, соответственно, различающиеся структурные и семантические свойства. Именно такая ситуация представлена нестандартной конструкцией *при всём X-е P* и ее английским псевдокоррелятом *with all X*, рассмотренными в данной главе.

Таким образом, нестандартные конструкции — это лингвоспецифические единицы, что должно отражаться в их лексикографическом описании, так как наличие структурно похожей единицы не означает наличия синтаксической единицы с таким же идиоматическим статусом. В этом смысле многие нестандартные конструкции и синтаксические фраземы представляют собой в терминологии [Makkaï 1972: 117] «*idioms of deco-ding*», т. е. единицы, которые требуют специального усвоения для надежной интерпретации.

Разные нестандартные конструкции обладают некоторыми общими свойствами; одно из них состоит в тенденции к отрицательной поляризации. Другое важное общее свойство касается прагматики: многие нестандартные конструкции вводят шкалу, оценку, отношение говорящего к действительности, т. е. задают некоторую картину мироустройства.

Так, конструкция *при всём X-е* вводит степенную шкалу свойств и задает определенный тип связи между разными свойствами одного объекта; конструкция *let alone* [Fillmore et al. 1988] вводит шкалу объектов, которые обладают некоторыми свойствами в разной степени; русская конструкция $X-X, a Y P$ [Иомдин 2010] вводит представление о шкале разных элементов одного множества; русская уступительная конструкция *к-слово ни X P*, рассматриваемая в следующем подразделе, вводит указание на степенную шкалу или шкалу интенсивности и задает определенный тип связи между разными свойствами или разными ситуациями.

Указание на отношение говорящего также типично для нестандартных

конструкций, что, по-видимому, является следствием их идиоматичной природы. «Регулярные», «стандартные» синтаксические средства редко вводят фигуру говорящего, они тяготеют к объективизации, в то время как идиоматизированные нестандартные конструкции и синтаксические фраземы, как и другие фразеологические средства отражают определенные взгляды и оценки, сложившиеся в языке, как это свойственно лексическим фраземам и пословицам, хотя и в гораздо более абстрактной форме.

1.4.3. Семантические взаимодействия при заполнении валентностей нестандартных конструкций (на примере уступительной конструкции *к-местоимение + ни X, P*)⁸⁴

Данный подраздел посвящен трем проблемам: 1) семантические переходы в значении конструкций; 2) взаимодействия, возникающие между значением конструкции и значением заполняющих ее лексем; 3) эволюция частотных реализаций конструкций.

Центральным вопросом здесь является процесс взаимодействия между значением конструкции и значением заполняющих ее лексем. Этот семантический процесс можно метафорически описать следующим образом: если представить, что конструкция — это сосуд, а лексем, заполняющие ее валентности, — это наливаемые в сосуд жидкости, то можно сказать, что разные жидкости в разной степени взаимодействуют с сосудом. Некоторые жидкости сохраняют свой химический состав и никак не влияют на состав сосуда, а некоторые вступают с ним во взаимодействие, так что меняется и состав жидкостей, и форма самого сосуда. Первый вариант реализации конструкции — это ситуация композициональности, когда сочетание конструкции и заполняющих ее единиц остается свободным, и смысл сочетания выводится из смысла конструкции и смыслов заполняющих ее лексем. Второй вариант реализации конструкции — это ситуация семантического сдвига, когда семантическое взаимодействие конструкции и лексем-заполнителей модифицирует изначальный смысл конструкции и сочетание требует собственного истолкования, т. к. композициональная интерпретация

---

⁸⁴ Различные реализации данной конструкции, в том числе с разным грамматическим оформлением и разным референтным статусом подробно рассматривается в работе [Храковский 1999], а также упоминаются в [Храковский 2004а:21]. Однако предлагаемый в данном исследовании подход и анализ отличается от цитированных работ тем, что для конструкции с *к-местоимением* формулируется единое значение (точнее, два значения), а значения конструкций вида *как ни, кто ни, где ни* рассматриваются как семантические модификации исходных значений. Кроме того, данное исследование опирается на толкования как на способ экспликации значения и объяснения связей между разными значениями.

невозможна. Семантически модифицированные реализации постепенно идиоматизируются и «откалываются» от «материнской» конструкции, начиная восприниматься как самостоятельные, не связанные с ней языковые единицы, вплоть до полной их фразеологизации и грамматикализации.

Для того, чтобы изучить семантические процессы, возникающие при заполнении конструкции, необходимо знать ее возможные реализации, т. е. лексемы, которые могут заполнять ее валентности. При этом если самые общие семантические классы лексем можно определить методом семантического анализа и лингвистического эксперимента, то для того, чтобы установить прагматические свойства конструкции, а именно то, какие лексемы не просто возможны, а наиболее частотны в конструкции, необходимо провести ее корпусное исследование. Хотя нестандартные конструкции, как было показано в подразделе I.4.1, имеют очень широкие семантические ограничения и в принципе неограниченные возможности заполнения валентностей, корпусный анализ реальных употреблений показывает, что некоторые варианты заполнения являются предпочтительными, и именно они задают направления идиоматизации и семантических сдвигов и модификаций.

Таким образом, в данном подразделе на примере корпусного анализа уступительной конструкции вида *к-местоимение + ни + X, P* (*Как он ни старался, ничего у него не вышло*) рассматриваются общие явления и процессы, связанные с заполнением валентностей нестандартных конструкций, а также с их идиоматизацией и грамматикализацией. Представляется, что такой подход дает возможность в области взаимодействия синтаксиса, семантики и прагматики, а также в области идиоматики обнаружить явления, которые не заметны при рассмотрении конструкции на материале нескольких отдельных реализаций.

Итак, корпусное исследование частотностей и семантики различных реализаций (вариантов заполнения валентностей) нестандартной конструкции *к-местоимение + ни X, P*, состоящей из вопросительного местоимения и отрицания⁸⁵, обнаруживает интересные закономерности, которые позволяют сформулировать гипотезы о некоторых общих лингвистических тенденциях: 1) о семантических переходах; 2) о правилах

---

⁸⁵ Типологически эта конструкция представлена достаточно широко; ср. [Haspelmath, König 1998: 616], где рассматриваются две стратегии выражения характерного для нее смысла универсальной уступительности: через отрицание (характерно для русского, польского, украинского, иврита, идиш, латышского, удмуртского, грузинского) или *wh*-clause (характерно для английского, цыганского, ирландского и финского).

семантического согласования между синтаксическими и лексическими единицами; 3) о механизмах фразеологизации и грамматикализации; 4) о лингвоспецифичных прагматических представлениях о мироустройстве, отраженных в языке.

Кроме того, данное исследование позволяет, как и в случае с конструкцией *при всём X-е Y P*, наметить пути лексикографической трактовки такого явления, как множественность интерпретаций конструкции в зависимости от лексического заполнения. Семантические сдвиги в значении конструкции при разном лексическом заполнении имеют ту же природу, что и семантические модификации лексем в разных контекстных условиях, и описываются в рамках взаимодействия значений [Апресян 2006: 137–145].

I.4.4. Конструкция к-местоимение Y ни X, P

Синтаксически конструкция к-местоимение *Y ни X, P* формирует сложноподчиненное предложение, где часть «к-местоимение *ни X*» образует подчиненную клаузу, а *P* — главную. Элемент *Y* может эксплицитно упоминаться или в обеих клаузах, или только в одной из них: *Как Вася [Y] ни старался, ничего у него [Y] не вышло*; *Как Вася [Y] ни старался, ничего (у него) не вышло*; *Как ни тяжело это было (ему), Вася [Y] всё сделал*.

Семантически конструкция к-местоимение *Y ни X, P*, как и конструкция *при всём X-е Y P*, трехвалентна. Она описывает объект *Y*, который, в самом общем смысле, характеризуется двумя противоречащими друг другу признаками *X* и *P*; ср. *Куда Вася ни обращался, ему везде отказывали*, где имеются три семантических актанта: *Вася, он* (*Y* — объект, совершающий усилия), *обращался* (*X* — действия объекта), *везде отказывали* (*P* — нежелательная ситуация, в которой объект оказывается, несмотря на усилия). При этом *Y*, как и в конструкции *при всём X-е Y P*, является семантической, но не синтаксической валентностью конструкции: выражающие *Y* лексемы синтаксически подчиняются предикату *X* и предикату пропозиции *P*.

Поскольку объект *Y* эксплицитно или имплицитно упоминается в обеих клаузах, конструкция к-местоимение *Y ни X, P*, как и конструкция *при всём X-е Y P*, устанавливает отношения кореферентности между субъектами или объектами уступительной и главной клауз; часто отношения кореферентности устанавливаются при помощи кванторных слов со значением всеобщности, где квантор в главной клаузе

отсылает к именному Y из уступительной клаузы: *Сколько еды_i ни приготовишь, всю_i съедят*; *Какой ни включишь канал_i, везде_i криминал*. Кроме того, часто анафора бывает местоименной: *Как Маша_i ни старалась поссорить Петю с Васей, ничего у нее_i не вышло*. В реализациях с местоимениями *кто, что, где, когда, куда, откуда* анафорические отношения устанавливаются между вопросительным местоимением в уступительной клаузе и квантором в главной: *Куда_i ни придешь, везде_i грязно*; *К кому_i ни обратишься, никто_i помочь не может*.

Интересно понять источники семантической трехвалентности нестандартных уступительных конструкций, при том, что стандартная уступительная конструкция с союзом *хотя I* предполагает двух участников. Представляется, что в этом проявляется общее свойство нестандартных, фразеологизованных синтаксических единиц: они эмфатичны, антропоцентричны, окрашены модальными рамками, и описывают, в отличие от обычных союзов, не только отношения между фактами или предположениями, но и некоторые желания, оценки, усилия. Что это означает в применении к идее уступительности и почему есть связь между семантикой желания или усилия, с одной стороны, и трехвалентностью, с другой? Дело в том, что желание и усилие — двухвалентные предикаты: они предполагают субъекта желания или усилий и цель. В сочетании с семантикой уступительности (т. е. указанием на то, что имеет место ситуация, противоположная ожидаемой), мы получаем трехвалентную семантическую структуру: субъект желаний Y прилагал усилия X для достижения цели, но в результате осуществилась противоположная намеченной цели ситуация P .

Контексты, где соотносятся две ситуации и отсутствует заинтересованный участник, антропоцентричность или оценка, для конструкции *к-местоимение ни* нехарактерны (так же, как и для конструкции *при всем X-e*); ср. странность ??*Как ни лил дождь всю ночь, к утру всё высохло*, при нормальности стандартной уступительной конструкции *Хотя всю ночь лил дождь, к утру всё высохло*.

Возвращаясь к возможным реализациям конструкции *как Y ни X, P*, необходимо отметить, что она реализуется со всеми *к-местоимениями* (*как, что, сколько, куда, кто, какой, где, когда, откуда*), кроме *зачем*. Три встретившихся в корпусе примера с *зачем* содержат частицу *бы* и, соответственно, представляют собой реализации другой, хотя и близкой, конструкции *к-слово + бы + ни X, P* и здесь не рассматриваются: *Зачем бы он ни явился сюда, он здесь, перед нею* (Н. Шпанов).

Рассматриваемая конструкция неоднородна с точки зрения своей синтаксической природы.

Относительно заполнения *к*-слова эта конструкция является скорее синтаксической фраземой в силу ограниченности лексико-грамматического класса *к*-слов и идиоматизации каждого из вариантов заполнения разными *к*-словами.

С точки зрения вариативности заполнения валентности *P* эта конструкция является скорее стандартной, поскольку никаких сочетаемостных ограничений на заполнение второй (главной) клаузы сформулировать невозможно: единственное семантическое ограничение состоит в том, что *P* — это некоторая ситуация, которая является неожиданной при наличии условий, сформулированных в первой (подчиненной) клаузе.

Нестандартной конструкцией эту синтаксическую структуру делает заполнение валентности *X*: с одной стороны, правила сочетаемости для нее носят достаточно общий характер (они различаются для реализаций с разными *к*-словами и будут рассмотрены ниже), с другой стороны, в реальном узусе частотными для каждой реализации является лишь один или несколько вариантов-«фаворитов»⁸⁶. Они и представляют собой главный интерес в нашем исследовании; однако предварительно мы сделаем несколько замечаний относительно разных реализаций конструкции относительно заполнения *к*-слова.

Семантически и сочетаемостно реализации этой конструкции представлены четырьмя типами единиц, между которыми не всегда существуют строгие границы:

- а) Фраземы (*Куда ни кинь, везде клин*);
- б) Устойчивые коллокации (*Как он ни старался, ничего не вышло*);
- в) Свободные сочетания (*Как жена ни расспрашивала, он ничего ей не сказал*);
- г) Соercion⁸⁷, или «давление синтаксиса на семантику»⁸⁸ (*Как она*

---

⁸⁶ Идея о том, что некоторые лексемы «притягиваются» к конструкции, а некоторые – «отталкиваются» от нее, высказывается авторами статистической теории коллокационного анализа в работе [Stefanowitsch, Gries 2003]. Однако в том виде, в котором она сформулирована в теории коллокационного анализа, она не добавляет нового теоретического содержания к правилам семантического согласования, описываемым в работах МСШ [Апресян 1995б]. В данном исследовании высказывается мысль о том, что при заполнении конструкций лексемами действуют, помимо семантических возможностей и запретов, еще и прагматические факторы.

⁸⁷ Мы используем этот термин так, как он употребляется в работах по грамматике конструкций, например [Goldberg 1995]: когда семантика конструкции «вынуждает» предикат интерпретироваться определенным образом, хотя изначально этот предикат не подходит для этой конструкции по своим семантическим свойствам. Глагол *копать* не градуируем; нельзя **очень копать*, **немного копать* (хотя возможно *глубоко копать*). Однако семантика конструкции «навязывает» ему интерпретацию высокой степени: *как ни копала* значит ‘долго, тщательно, прилагая большие усилия’. Ср. также обсуждавшееся в подразделе I.4.2.3.3. влияние прагматики конструкции на интерпретацию помещаемых в нее языковых единиц, в частности, воздействие общей отрицательной оценки, свойственной конструкции *при всем X-е*, на положительно коннотированное существительное *молодость*,

ни копала налоговую отчетность, всё было в полном порядке).

Синтаксически эта конструкция устроена достаточно сложно и неоднородно для реализаций с разными местоимениями. Возможны следующие варианты:

1. *К*-местоимение может заполнять собой синтаксическую валентность предиката *X*. Это характерно для части реализаций с местоимением *как*, а также для большинства реализаций с местоимениями *что, кто, где, когда, куда* и *откуда*. *Как* обычно заполняет валентность способа и, реже, содержания, *кто* и *что* — субъекта, объекта, адресата, инструмента, темы, содержания и многих других, *где* — валентность места, *куда* — валентность конечной точки, *откуда* — валентность начальной точки: *Как ни думай* [как заполняет валентность содержания = ‘что ни думай’]; *Как ни называй, смысл один* (Анатолий Приставкин. Убить мерзость личного «я» // «Огонек». № 13, 1991) [как заполняет валентность способа]; *О чём ни заговоришь — всё опять на одно съезжает* (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [что заполняет валентность темы]; *Да разве найдёшь виноватого, кого ни спроси* (Василий Гроссман. Всё течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989) [кто заполняет валентность объекта]; *Где ни присядешь на минуту — [...] немедленно раздаётся галдеж цикад* (Дина Рубина. Окна (2011)) [где заполняет валентность места]; *Вот дела, везде эти объявления висят, куда ни приедешь* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)) [куда заполняет валентность конечной точки]; *Да, бывало, откуда ни идешь, а ее уж видишь* (Василий Шукшин. Крепкий мужик (1969–1970)) [откуда заполняет валентность начальной точки].

2. *К*-местоимение может быть сирконстантом своего синтаксического хозяина предиката *X*. Это характерно для реализаций с местоимениями *как* и *сколько* в значении степени, а также для реализации с *когда*: *Я, как ни сопротивлялся, загремел в ту же клинику, куда увезли нашего Толика* (Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002); *Институтов, сколько ни вылезал из кожи вон, стараясь нравиться и девушкам, и женщинам, прозябал бесплодным холостяком* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001); *Когда*

приобретающее негативную окраску в контексте данной конструкции.

⁸⁸ Вообще представление о том, что предикат может «форсированно» менять значение, будучи помещен в определенные синтаксические условия, было введено существенно раньше в работе [Апресян 1967: 29–31] на примере глаголов физического воздействия типа *валять, драть, дуть, жарить, катать, резать, садить, сыпать, хватить, чесать*, которые могут приобретать значения 1) типа «бить», «ударять»; 2) типа «идти», «бежать»; 3) типа «говорить», «писать»; 4) типа «играть», «плясать».

ни позвонишь, ответ один и тот же: «Сведениями не располагаем»... (Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)).

3. *К*-местоимение может быть синтаксическим хозяином существительного, которое является синтаксическим актантом предиката *X*. Это характерно для реализаций с местоимением *сколько* в значении количества: ***Сколько очков ни набери, а всё равно проигрываешь!*** (Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)).

4. *К*-местоимение может быть синтаксическим зависимым существительного, которое является синтаксическим актантом предиката *X*. Это характерно для реализаций с местоимением *какой*: ***По-моему, какой канал ни включишь, везде криминал*** (Юлия Кантор. Сергей Безруков: «На телевидении я делаю то, что хочу» (2001) // «Известия», 2001.09.24).

При этом возможны как «неразрывные» (где *как ни* не разрывается лексемой, заполняющей валентность *Y*), так и «разрывные» (где *как ни* разрывается лексемой, заполняющей валентность *Y*) реализации конструкции: *Какой ни включишь канал, везде криминал* («неразрывная»); *Какой канал ни включишь, везде криминал* («разрывная»). «Разрывность» VS. «неразрывность» реализации имеет значение для формирования запроса при корпусном поиске.

1.4.4.1. Реализации с разными к-местоимениями: интерпретация 'любого варианта' и 'уступительности'

С точки зрения заполнения слота *к*-местоимения, конструкция характеризуется следующим образом: хотя в данной конструкции возможны практически все вопросительные местоимения, частотности реализаций с разными местоимениями резко отличаются — как будет показано, в силу семантических особенностей конструкции. Ниже приводятся частотности «неразрывных» реализаций фраземы с разными вопросительными местоимениями в основном корпусе НКРЯ при запросе вопросительное местоимение, *ни* на расстоянии 1, глагол на расстоянии 1 (для *как ни* после отрицательной частицы запрос содержит либо глагол, либо прилагательное). «Разрывные» реализации конструкции, требующие более сложных запросов, рассматриваются отдельно в соответствующих подразделах.

Таблица 5. Реализации конструкции *к*-местоимение *ни* с разными *к*-местоимениями

<i>как ни</i>	9510
<i>что ни</i>	2878
<i>сколько ни</i>	1291
<i>куда ни</i>	1112
<i>кто ни</i>	574
<i>откуда ни</i>	442
<i>какой ни</i>	357
<i>где ни</i>	227
<i>когда ни</i>	85

Конструкция имеет две основных интерпретации в зависимости от *к*-местоимения и типа предиката, заполняющего валентность *X*:

(1) **Интерпретация ‘любого варианта’**

‘при любом варианте *Y*, который имеет свойство *X*, находится в состоянии *X*, выполняет действие *X* или подвергается воздействию *X*, с *Y*-ом имеет место ситуация *P*’.

Кто [Y] ни приходил [X], она всем помогала [P].

Как ни расставляли [X] мебель [Y], получалось некрасиво [P].

(2) **Уступительная интерпретация**

‘объект *Y* имеет место свойство *X* в высокой степени, находится в состоянии *X*

в высокой степени, выполняет действие X с высокой интенсивностью или подвергается высоко интенсивному воздействию X; говорящий считает, что обычно, если Y имеет свойство X в высокой степени или выполняет действие X с высокой интенсивностью или подвергается высоко интенсивному воздействию X, то с Y-ом имеет место ситуация типа не-Р; с Y-ом имеет место ситуация Р’.

Каким он ни был подлецом [X], она его любила [Р].

Сколько я ему ни объяснял [X], он всё равно ничего не понял [Р].

Интерпретация ‘любого варианта’ по своей семантической природе — квантифицирующая, а уступительная интерпретация — градуирующая. Семантически уступительная интерпретация представляет собой сужение интерпретации ‘любого варианта’ в применении к градуируемым предикатам, где кванторное значение ‘всякий, любой’ переходит в шкалярное значение ‘в высокой степени’.

С градуируемыми предикатами сочетаются только местоимения, вводящие указание на шкалу: *как* (в значении ‘в высокой степени’ или ‘интенсивно’), *какой* (в значении ‘в высокой степени’), *сколько* в значении ‘долго’ или ‘интенсивно’; таким образом, чисто уступительная интерпретация возможна только для реализаций *как ни*, *какой ни*, *сколько ни*. Для *как ни* и *сколько ни* она является подавляюще частотной. Из таблицы 5 видно, что реализации *как ни* и *сколько ни* более чем в три раза превосходят по частотности все остальные, и это значит, что уступительная интерпретация является предпочтительной для данной конструкции. Для того, чтобы ответить на вопрос, почему это так, необходимо объяснить, каким образом происходит переход от семантики ‘любого варианта’ к семантике уступительности.

Главная семантическая идея интерпретации ‘любого варианта’ — отсутствие разницы между всеми возможными вариантами соотношений Y-X с точки зрения наступления ситуации Р, в то время как главная идея уступительного значения — что имеющий место неблагоприятный для Р вариант соотношения Y-X не оказывает ожидаемого воздействия и Р имеет место.

Семантически эти идеи не идентичны: ср. ‘произвольно выбранный из всех возможных’ VS. ‘такой, который препятствует Р’. Однако прагматически сочетания с квантором *любой* типа *в любом случае Р*⁸⁹, *при любых обстоятельствах Р*, *в любое*

---

⁸⁹ Это характерно и для аналогов русской фраземы *в любом случае* в других языках — английского *anyway*, немецкого *in jedem Fall*, французского *tout de même*, так что, по-видимому, здесь имеет место некоторая общая семантическая тенденция.

время Р используются, когда необходимо подчеркнуть, что *Р* будет иметь место даже при самых экстремальных вариантах — в самых неблагоприятных обстоятельствах, в самое неудобное время и т. д. Ср. также фразему *любой ценой*, которая имеет единственную интерпретацию ‘самой дорогой ценой, самыми трудными способами’, но не ‘самой дешевой ценой, самыми легкими способами’. Трансформацию ‘любой’ => ‘крайний, неблагоприятный, экстремальный’ легко объяснить максимальной информативности: отмечать, что *Р* имеет место при благоприятствующем варианте *Y-X*, неинформативно. Следовательно, мы имеем дело с влиянием прагматики на семантику: под воздействием фактора частотности семантика языковой единицы начинает сдвигаться в сторону, диктуемую наиболее частотными вариантами заполнения.

Таким образом, семантическое развитие этой конструкции в сторону уступительности естественно, что и объясняет сильное преобладание реализаций с *как*: уступительная интерпретация задает идею высокой степени и, соответственно, требует градуируемых предикатов, которые вводятся шкалярным местоимением *как*. Более того, даже реализации с нешкалярными местоимениями *что, кто, где, когда, куда, откуда* окрашиваются уступительной количественной семантикой (ср. *Что ни делай, всё без толку* = ‘Даже если делать много разного, толку не будет’). В реальном употреблении половина нешкалярных реализаций окрашена уступительной и степенной семантикой; в целом уступительные интерпретации составляют примерно 85% от всех возможных реализаций этой конструкции.

Остается вопрос — почему при переходе от идеи ‘любого варианта’ к идее уступительности из двух возможных полюсов выбирается именно полюс высокой степени, т. е. почему конструкция *к-слово Y + ни X, Р* имеет интерпретацию ‘*Y* характеризуется **очень высокой степенью X-а**’, но не ‘*Y* характеризуется **очень низкой степенью X-а**’; ср. возможность (108а), но не (108б):

(108) а. *Как он ни просил (= много), она ему отказала.*

б. **Как он ни просил (=мало), она согласилась.*

В принципе местоимение *как* способно развивать и значение положительно оцениваемой высокой степени *Magn + Von* (*Как↑ они убрали в квартире — всё сияет* = ‘очень много и хорошо’), и значение отрицательно оцениваемой малой степени

AntiMagn + AntiBon (Да как[↓] они убрали — всё валяется = ‘плохо, мало’)⁹⁰. Уступительное значение также совместимо с обоими полюсами, как показывает возможное заполнение валентностей союза *хотя*:

(109) а. *Хотя он очень ее просил, она ему отказала.*

б. *Хотя он ее не просил, она согласилась.*

Однако нестандартная конструкция *к-слово* + *ни* «выбирает» из двух возможных только полюс высокой степени. Представляется, что это является языковым отражением некоторых представлений о законах мироустройства, согласно которым:

(110) Осуществлению события **мешают большие** препятствия, но **не помогают маленькие** препятствия, так как события прототипически каузируются **активными усилиями**, а не **слабым противодействием**.

Уступительные средства фиксируют нарушения естественных ожиданий: соответственно, существование ситуации несмотря на большие препятствия фиксируется уступительными средствами, а не-существование ситуации несмотря на маленькие препятствия — нет. Почему же для союза *хотя* возможны оба типа употреблений? По-видимому, более идиоматичные нестандартные конструкции отражают специфические закономерности мироустройства в более обязательном порядке, чем более композиционные стандартные конструкции типа уступительной конструкции с союзом *хотя*. При этом и для конструкции с *хотя* более частотными, а следовательно, прагматически более естественными, будут реализации типа (109а); однако реализации типа (109б) не являются запрещенными.

1.4.4.2. Заполнение валентности X⁹¹

Заполнение валентности X варьирует в зависимости от *к-слова* и индивидуально для каждого из крупных блоков реализаций конструкции — *как ни X P*, *что ни X P*, *куда ни X P*, *сколько ни X P* и т. д. Наиболее частотной является реализация *как ни X P*,

---

⁹⁰ Разным интерпретациям *к-слова* соответствуют разные интонационные контуры: ИК-5 для положительной интерпретации, ИК-7 для отрицательной интерпретации [Брызгунова 1980].

⁹¹ Мы не рассматриваем вариантов заполнения аргументов Y и P, поскольку именно аргумент X является ключевым для данной конструкции — разные варианты его заполнения определяют разные направления семантической модификации конструкции. Практически никаких частотных тенденций заполнения Y (часто имплицитованного аргумента) и P (пропозиции, которая оценивается как необычная в данных обстоятельствах), не прослеживается — они определяются ситуациями в реальном мире.

на примере которой подробно рассматриваются семантические процессы, происходящие при заполнении валентностей нестандартной конструкции. Больше половины всех реализаций *как ни* составляет реализация с прилагательными (5229 в основном корпусе), что не удивительно, т. к. в основном сочетании с *как ни* интерпретируются уступительно, уступительная интерпретация возможна с градуируемыми предикатами, а признаки — это классические градуируемые сущности; ср. *Как ни соблазнительно было предложение, мы его отвергли; Как ни красива она была, она его совершенно не привлекала.*

1.4.4.3. Реализации *как ни* + Adj (Adv)⁹²

Анализ частотностей разных прилагательных и наречий, заполняющих валентность X, дает следующую картину: примерно половину всех реализаций (2227 в основном корпусе) составляет прилагательное *странный* в составе оборота *как ни странно*; другие достаточно частотные реализации — это синонимы *странно* типа *удивительный* и *парадоксальный* в составе оборотов *как ни удивительно*, *как ни парадоксально* (314), *тяжелый* (113) и *трудный* (57), а также прилагательные *мал* (110), *велик* (84), *хороший* (55), *плохой* (47), *прискорбный* (45), *грустный* (43). На прочие реализации приходится 2158 вхождений, причем ни одна из них по частотности не превышает одного процента⁹³:

Таблица 6. Наиболее частотные прилагательные, заполняющие валентность X в реализации *как ни*

---

⁹² Здесь возникает вопрос о соотношении прилагательных и наречий в реализации, т. к. формально при поиске разграничить их удастся не всегда. Однако несомненно в большей части реализаций представлены краткие прилагательные — в составе оборотов *как ни странно*, *как ни удивительно* и т. п., представляющих собой эллиптированные фразы вида *Как это ни было странно*, *Как это ни было удивительно*. Запрос на *как ни* + Adv + V, с исключением глагола *быть* и прилагательных *странный* и *парадоксальный* (для исключения явных прилагательных), выдает только 361 вхождение вида *Как ни рано он встает*, *Как ни добротнo он одет*, *Как ни тяжело далось ему это признание*, где представлены явные наречия. Поскольку прилагательные очевидным образом составляют львиную долю всех интерпретаций, мы будем говорить о реализации *как ни* с прилагательными, не выделяя в качестве отдельного типа реализации конструкции с наречиями, если только это не имеет в конкретном рассматриваемом случае принципиального значения.

⁹³ Те прилагательные, которые практически всегда употребляются в составе вводных оборотов, представлены в таблице в виде оборотов.

ВСЕГО	5229
<i>как ни странно</i>	2227
<i>как ни удивительно, как ни парадоксально</i>	314
<i>как ни тяжело</i>	113
<i>как ни мал</i>	110
<i>как ни велик</i>	84
<i>как ни трудно</i>	57
<i>как ни хорошо</i>	55
<i>как ни плохо</i>	47
<i>как ни прискорбно</i>	45
<i>как ни грустно</i>	43
<i>как ни горько</i>	42
прочее	2116

Обращает на себя внимание сразу несколько фактов. Во-первых, у конструкции существует лексема-«фаворит», которая составляет практически половину всех ее реализаций. Этот лингвистический феномен напоминает принцип Парето (эмпирическое правило, изначально сформулированное для экономических и социологических явлений), согласно которому «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий — лишь 20% результата» (реальные числа могут быть иными, смысл правила в том, что большая часть какой-либо деятельности обычно реализуется меньшей частью активных участников). В применении к заполнению нестандартных конструкций — большой процент реализаций образуется малым числом лексем-«фаворитов». Во-вторых, «топовые» реализации относятся к семантическим классам, которые являются классическими модификаторами уступительного значения — вероятность (*странно, удивительно, парадоксально*), степень (*мал, велик*), (не)желательность (*хороший, плохой, прискорбный, грустный*)⁹⁴, т. е. имеет место семантическое согласование между значением конструкции и значением лексем-заполнителей. В-третьих, большинство «топовых» реализаций — это не свободные реализации, а устойчивые вводные обороты, идиоматизированные и грамматикализованные.

Проиллюстрируем сказанное на примере вводного оборота *как ни странно*; ср. *Как ни странно, наиболее правдоподобным выглядит объяснение президентской пресс-службы* («Еженедельный журнал», 2003.03.17). Оборот *как ни странно* представляет собой идиоматизированную и грамматикализованную единицу. Во-первых, *как ни странно* не представляет собой полноценной зависимой клаузы, а является типичным вводным оборотом, который может вставляться практически в любое место в предложении — в начало, середину или конец главной клаузы, — что затруднено для неидиоматизированных реализаций типа *Как ни соблазнительно было предложение, мы его отвергли*. Во-вторых, в этом обороте не упоминается объект, чья странность градуируется, т. е. отсутствует полноценное выражение валентности Y. По сути, оборот представляет собой катафорическую или анафорическую единицу с эллиптированным дейктическим местоимением *это*, кореферентным ситуации P, описываемой в главной клаузе: *как (это) ни странно, P*. Таким образом, семантика конструкции к-местоимение Y ни X, P редуцируется в данной реализации

---

⁹⁴ О семантических модификациях уступительного значения см. [Апресян В. 2006] и Главу 3 данного раздела.

до модальной рамки:

(111) *Как ни странно* (P), P = ‘имеет место P ; говорящий считает, что это очень странно’.

Выражение *как ни странно*, P отражает следующий закон мироустройства:

(112) Странность ситуации является препятствием к ее существованию.

Другие «топовые» идиоматизированные реализации отражают другие законы мироустройства. Ср. оборот *как ни тяжело* X , P : **Как ни тяжело** было оставлять жену на три года, Петр Васильевич, разумеется, не отказался от назначения старшим офицером на «Отважный» (К. М. Станюкович. Дуэль в океане (1901)); **Как ни тяжело** было принимать в войска отбросы флота, но на это пришлось согласиться (А. Ф. Редигер, История моей жизни (1918)); **Ошибки** нужно исправлять, **как ни тяжело** это сознавать («Воздушно-космическая оборона», 2003.04.15); «Существование» — это только модус человеческого мышления, **как ни тяжело** с этим смириться (И. Савельева, А. Полетаев); *Но у меня — как ни тяжело* было тогда в том признаваться — статья эта породила, наоборот, протест и глубокую тревогу (А. Борин). Этот оборот идиоматизирован не до такой степени, как оборот *как ни странно* и синонимичные ему, однако также в высокой степени лексикализован. Оборот *как ни тяжело*, в отличие от оборота *как ни странно*, не блокирует выражение глагола, однако круг предикатов, которые могут сочетаться с *тяжело* в составе этого оборота, достаточно ограничен: с одной стороны, это экзистенциальный глагол *быть* (*как ни тяжело* было P , P), с другой стороны, это ментальные предикаты со значением мысленного примирения с существованием неприятного факта (*признавать*, *сознавать*, *смиряться*). В реализации *как ни тяжело* было P , P значение оборота сводится к модальной рамке:

(113) *Как ни тяжело* Y -у P , P = ‘имеет место P ; говорящий считает, что P тяжело для Y -а, который является субъектом P ’.

Принцип мироустройства, отраженный в этой реализации, формулируется следующим образом:

(114) Препятствием к существованию ситуации является тяжесть ее осуществления для ее субъекта.

В реализации с ментальным предикатом значение конструкции модифицируется

следующим образом:

(115) *Как ни тяжело Y-у сознавать <признавать, смириться с> P, P = 'имеет место P; говорящий считает, что Y-у неприятно P, и что поэтому Y-у тяжело сознавать, что P <признавать P, смириться с P>'.*

В такой реализации оборот отражает крайнюю степень солипсизма в качестве закона мироустройства:

(116) Препятствием к существованию ситуации является тяжесть ее осознания субъектом.

В этом смысле наречие *тяжело*, синтетически сочетающее смыслы 'нежелательность' и 'большие усилия', отличается как от прилагательного *тяжелый*, так и от своего синонима — наречия *трудно*. В различных значениях прилагательного *тяжелый* смыслы 'нежелательность' и 'большие усилия' не выражаются синкретично, а «разнесены» по разным значениям; ср. *тяжелая работа* (требующая больших усилий), *тяжелая болезнь* (причиняющая большие страдания)⁹⁵, но не **тяжелое осознание*, **тяжелое признание* (такое, которое одновременно нежелательно для субъекта и трудно ему дается).

Наречие *трудно* содержит указание только на большие усилия, но не на нежелательность ситуации P, наоборот, часто ситуация желательна, и усилия субъекта направлены на ее осуществление по его собственной воле, а не под давлением обстоятельств; ср.: *Помните, что как это ни трудно, эмоции должны быть всё время под контролем* (Генна Сосонко. Клиника (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.04.15).

Реализации *как ни трудно Y, P* в два раза менее частотны, чем реализации *как ни тяжело Y, P*; связано это, возможно, с тем, что в семантике наречия *трудно* присутствует только один релевантный для уступительности компонент — 'большие усилия', а в семантике наречия *тяжело* сразу два — 'большие усилия' и 'нежелательность'.

Вводные обороты *как ни грустно, как ни прискорбно, как ни горько*, близкие

---

⁹⁵ Ср. описания многозначности слов *тяжелый* и *трудный* в [Бабаева 2010: 265–269].

по частотности к обороту *как ни трудно*, также включают в себя только один релевантный для уступительности семантический компонент — ‘нежелательность’: *Как ни грустно, в шестидесятих годах и промышленные вещи были качественней, чем сегодня шьют на заказ!* (Евгения Федоровская. Вторсырье (2001) // «Эксперт: Вещь», 2001.07.23); *Любая «двойка», которую преподаватель ставит своему студенту, как ни прискорбно, — оценка собственной работы* (Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010); *Системное изучение услуг и их прогнозирование у нас, как ни горько, отсутствуют* (Лариса Кузнецова, Рэм Ламков. Такие вот пироги! Некоторые спорные доводы в защиту домашней кухни (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05.). Они идиоматизированы, валентность Y в них редуцирована, и их функция — чисто оценочная (эмоциональный компонент редуцируется) — состоит в том, чтобы, сообщая о ситуации, указывать на ее негативную оценку говорящим:

(117) *Как ни грустно <ни прискорбно> (P)*, P = ‘имеет место P ; говорящий считает, что это плохо’

Закон мироустройства, отраженный в данных реализациях, может быть сформулирован так:

(118) Препятствием к существованию ситуации является ее нежелательность.

В реализации с прилагательным *мал* препятствием к существованию ситуации P выступает очень малая степень этого существования (*Как ни мала вероятность этого события, она существует; Как ни мала эта величина, нулю она не равняется*). Опять-таки, как и в случае *как ни странно*, *как ни грустно*, *как ни тяжело*, в качестве препятствия к существованию P выступает не какая-то неблагоприятная для P характеристика ее субъекта, а определенная оценка P , т. е. фразема в этой реализации также представляет из себя модальную рамку. Закон мироустройства, отраженный в данной реализации фраземы, может быть сформулирован так:

(119) Препятствием к существованию ситуации является ее малая степень.

Реализации с антонимом *великий* (*Как ни велик X, P*) устроены совершенно асимметрично реализациям с *малый*: они представляют собой классические примеры уступительного значения, где *велик* модифицирует общеуступительное значение по степени:

(120) *Как Y ни X, P* = ‘Объект Y имеет место свойство X в высокой степени;

говорящий считает, что обычно, если Y имеет свойство X в высокой степени, то с Y-ом имеет место ситуация типа не-Р; с Y-ом имеет место ситуация Р'

Как ни велик [X] был [Y] соблазн вставить кассету в диктофон — он лежал на рабочем столе Маревой, но Страхов его [Y] преодолел [Р] (Газета (2000)).

Существенная часть реализаций *как Y ни плохо, Р* и антонимичных им реализаций *как Y ни хорошо, Р* выражает оценку — а именно, хотя ситуация или объект Y квалифицируются как очень плохие (очень хорошие), говорящий утверждает, что у Y есть какие-то достоинства (недостатки) Р или что есть другие ситуации или объекты Р, которые еще хуже (лучше). Таким образом, эти реализации (близкие по частотности) отражают два симметричных постулата мироустройства — один оптимистичный (121), другой пессимистичный (122):

(121) 'Всегда можно найти что-то худшее; даже у самого плохого могут быть хорошие стороны'

Как ни плохо дома, всё же вы у себя, среди своих (В. Теляковский, А. Южин).

Как ни плоха шинель для спанья, голые нары — хуже (В. Войнович).

(122) 'Всегда можно найти что-то лучшее; даже у самого хорошего могут быть плохие стороны'

Как ни хороша наша новогорская база, осточертели эти четыре стены (Е. Рубин).

Как ни хороша была Строчици, но Трутовская в этой группе была самой сильной балериной (Л. Лопато).

Заканчивая рассмотрение наиболее частотных реализаций *как ни + Adj*, ответим, почему именно *странный* составляет львиную долю реализаций конструкции *как ни X, Р*.

Представляется, что это происходит в силу **взаимной аттракции** уступительной семантики конструкции, предназначенной для того, чтобы фиксировать странные, необычные положения вещей, и семантики прилагательного: смысл прилагательного дублирует смысл конструкции. Что касается того, почему из синонимического ряда *странный, необычный, удивительный, поразительный, парадоксальный* и пр. доминирует именно *странный*, то ответ, по-видимому, таков: из тех прилагательных,

что способны к предикативному употреблению в качестве вводных оборотов (*странно, удивительно, поразительно, парадоксально*) *странный* является доминантой и по семантическим свойствам, и по частотности (20579 вхождений *странно* в основном корпусе VS. 10387 вхождений *удивительно* VS. 1882 вхождения *поразительно* VS. 673 вхождения *парадоксально*). Интересно, что при попадании в конструкцию *как ни* численное превосходство прилагательного *странный* над его синонимами вырастает экспоненциально.

Таким образом, важным механизмом заполнения нестандартных конструкций является принцип взаимной аттракции: при возможности неограниченного заполнения валентности X (в роли X возможно любое градуируемое, т. е. качественное, прилагательное), в реальности конструкция «выбирает» в качестве наиболее частотных те варианты, которые максимально коррелируют с ее семантикой.

Вторая важная особенность заполнения нестандартных конструкций состоит в том, что частотные варианты заполнения часто идиоматизируются, превращаясь в устойчивые обороты и приобретая собственные, композиционально не обусловленные, семантические и синтаксические свойства.

Рассмотрим теперь поведение конструкции при менее частотных вариантах заполнения (частотность реализации не более одного процента от всех реализаций с прилагательными). Ниже приводится таблица частотностей некоторых других реализаций с прилагательными и наречиями (в таблице 7 представлены прилагательные, однако статистика относится также к наречным реализациям, хотя они и составляют меньшинство).

Таблица 7. Менее частотные прилагательные, заполняющие валентность X в реализации *как ни*

<i>сильный</i>	40
<i>слабый</i>	33
<i>смешной</i>	31
<i>страшный</i>	29

<i>приятный</i>	26
<i>интересный</i>	25
<i>обидный</i>	24
<i>ужасный</i>	24
<i>глупый</i>	24
<i>прекрасный</i>	22
<i>тяжелый</i>	22
<i>противный</i>	19
<i>дикий</i>	15
<i>банальный</i>	15
<i>заманчивой</i>	15
<i>скучный</i>	15
<i>жестокый</i>	12
<i>забавный</i>	9

<i>стыдный</i>	9
<i>грубый</i>	9
<i>замечательный</i>	9
<i>умный</i>	8
<i>циничный</i>	8
<i>сложный</i>	8
<i>наивный</i>	7
<i>осторожный</i>	6
<i>невероятный</i>	6
<i>кощунственный</i>	6
<i>безумный</i>	6
<i>опасный</i>	5
<i>очевидный</i>	4
<i>естественный</i>	3

<i>храбрый</i>	3
<i>абсурдный</i>	3
<i>пафосный</i>	3
<i>безопасный</i>	1
<i>правильный</i>	1
<i>примечательный</i>	1
<i>вероятный</i>	1
<i>нормальный</i>	0
<i>обычный</i>	0

Оставшиеся реализации можно разделить на следующие категории:

1) «извиняющиеся» оценочные употребления в составе вводных оборотов, подобных *как ни странно, P* и *как ни тяжело в этом признаться, P*;

2) «уравновешивающие» оценочные употребления в составе сочетаний, подобных *как ни плохо P, как ни хорошо P*;

3) уступительные употребления в составе сочетаний, подобных *как ни трудно P*.

«**Извиняющийся**» тип употреблений охватывает большую часть перечисленных прилагательных, т. е. большинство нечастотных названий признаков также фигурирует в составе катафорических или анафорических идиоматизированных оценочных вводных

оборотов с семантикой, редуцированной до модальной рамки, вида *как ни смешно P, P*; *как ни забавно P, P*; *как ни глупо P, P*; *как ни страшно P, P*; *как ни ужасно P, P*; *как ни обидно P, P*; *как ни дико <ни жестоко, ни банально> P, P*; *как ни стыдно в P признаться, P*. Часто P — это высказывание, а не само положение вещей; ср. *Как ни страшно <дико, жестоко, банально, глупо> это звучит, P*.

Прагматическая функция подобных оборотов — смягчать утверждение, которое по той или иной причине может быть встречено адресатом «в штыки» — по причине своей нежелательности или неприятности для адресата, непривычности или очевидности⁹⁶. Утверждая, что имеет место P, говорящий одновременно предупреждает возможную отрицательную реакцию адресата, сообщая, что он и сам знает, что P нежелательно, плохо, неприятно, глупо или очевидно, как бы извиняясь за то, что всё-таки, в интересах истины, он вынужден сделать утверждение P; ср. *Может, как ни глупо это звучит, дело в том, что он в ней был прописан?* (Юрий Дружников. Виза в позавчера (1968–1997)); *Как ни страшно это звучит, но именно тогда он нашел свое и себя* (Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)); *Как ни обидно, но несколько уступает Matiz и Tico* (Валерий Чусов. Узбекская семья (2002) // «Автопилот», 2002.06.15); — *Просто вы не понимаете, что старики — как ни дико звучит — гораздо ближе к чувству новизны, чем молодые* (Игорь Адамацкий. Утешитель // «Звезда», 2001); *Мы, как ни стыдно признаваться в этом, вообще почти не имеем места в этом научном шествии: нет у нас крупных теоретиков, ни каких-либо достижений в этой области* (А. Л. Пастернак. Урбанизм // «Современная архитектура», 1926); *Как ни жестоко это звучит, в этой катастрофе нет ничего сверхъестественного* (Ирина Подлесова. Человеческий фактор. Главная версия катастрофы Ту-154 — ошибка пилотов (2001) // «Известия», 2001.07.06); *Они, как ни банально это звучит, зачастую говорят больше, чем любая концепция* (Новые книги (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14).

Семантический класс прилагательных (и наречий), которые встречаются в этом употреблении, таков: это, как правило, слова с отрицательной оценкой, которые могут характеризовать информацию или эмоции, которые возникают при ее восприятии

---

⁹⁶ Эта стратегия (предупреждать о неприятности сообщения) реализуется в употреблениях не только с уступительными единицами, но и с отрицательной частицей *нет*: русские фразы типа *Нет, я не согласен*, *Нет, не нужно*, *Нет, постой* без предварения отрицательного сообщения при помощи *нет* звучали бы невежливо: *Я не согласен*, *Не нужно*, *Постой* (см. об этом [Добровольский, Левонтина 2009]).

и осознании. При этом все эти прилагательные могут употребляться и в «уравновешивающих», и в уступительных контекстах; ср. *Как ни жестока была она, он был вообще кровопийцей* [«уравновешивающее» употребление]; *Как ни жестока она была, он ее любил* [уступительное употребление]. Однако «извиняющиеся» употребления составляют большинство для этого класса прилагательных, как и вообще большинство среди всех реализаций с прилагательными. Общее значение «извиняющихся» употреблений можно сформулировать следующим образом:

(123) *Как ни X P, P* (*Как это ни глупо, но это так; Как это ни жестоко звучит, но это так*) = ‘Ситуация P или утверждение о ее существовании обладает отрицательным свойством X в высокой степени; говорящий считает, что кто-то может испытать неприятное чувство, когда узнает о P или услышит, что P; говорящий утверждает, что P’.

«Уравновешивающие» оценочные употребления характерны для прилагательных положительной оценки типа *приятный, прекрасный, замечательный*. Они употребляются следующим образом: в уступительной части конструкции вводится положительная оценка объекта Y при помощи этих прилагательных, а в главной — уравновешивающей — вводится отрицательная оценка P объекта Y или указание на другой объект P, который превосходит объект Y по положительной оценке: ***Как ни прекрасна жизнь и красоты вокруг, все они очень мало стоят, если есть тяжесть внутри*** (Людмила Гурченко. *Аплодисменты* (1994–2003)); ***Как ни замечательны многие идеи и наблюдения Ломоносова в области геологии и минералогии, но они даже в России не подвинули этих наук*** (Д. Н. Анучин. *География XVIII века и Ломоносов* (1912)); ***Как ни замечательны эти труды, но, однако ж, должно признать еще более важное значение за мемуаром г. Сомова*** (К. С. Веселовский. *Отчет по физико-математическому и историко-филологическому отделениям Императорской Академии наук за 1862 год, читанный в публичном заседании 29 декабря того же года* непременным секретарем академиком К. С. Веселовским (1862)); ***Как бы ни устал, как бы ни намок в лесу под дождем, как ни приятно после грибного похода напиться чаю и отдохнуть, всё же еще приятнее сначала разобрать корзину*** (Владимир Солоухин. *Третья охота* (1967)).

Хотя для прилагательных (и наречий) этой группы возможно употребление в уступительных контекстах (*Как ни прекрасна была его жизнь за границей, он*

предпочел вернуться на родину), основной массив их употреблений представлен именно «уравновешивающими» контекстами. В силу их положительной семантики, «извиняющиеся» употребления для них невозможны.

Общее значение «уравновешивающих употреблений» можно сформулировать следующим образом:

(124) *Как Y ни X, P X (Как ни хороша собой Мария, ее сестра еще красивее) / Как Y ни X, Y P (Как Мария ни красива, умной ее не назовешь)* = ‘Объект Y обладает свойством P в высокой степени; говорящий утверждает, что существует объект P, который обладает свойством X в еще большей степени или что у объекта Y есть противоположно направленное свойство P’.

«Уравновешивающие» употребления коммуникативно маркированы: либо Y и P, либо X и P являются в предложении контрастными ремами: *Как ни хороша собой ↑Мария [Y], ее ↑сестра еще красивее; Как Мария ни ↑красива, ↑умной ее не назовешь.*

Уступительные употребления возможны для всех прилагательных и наречий, однако они наиболее характерны для тех из них, которые эксплицитно вводят указание на какое-то свойство объекта X, которое делает осуществление ситуации P трудным для ее субъекта Y: *Как ни силен был в ней соблазн удержать его, броситься на шею, она преодолела его...* (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)); *Маша мигом вскочила и, как ни сильно обожгла ее крапива, тоже рассмеялась* (А. И. Мусатов. Стожары (1948)); *Как ни скучно заниматься такой многоэтажной арифметикой, применять эту формулу необходимо* (С. Блохина. Уравнение с 1000 неизвестных // «Химия и жизнь», 1966); *Как ни противно, но придется этим заняться — мыть, и менять, и пересчитывать, и всё вручную, потому что деньги почему-то не любят заклинаний* (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно всё (2001)). Из встретившихся прилагательных такое употребление является наиболее стандартным для прилагательных *сильный, тяжкий, сложный*, указывающих на объективную трудность выполнения задачи, а также для *скучный, противный*, указывающих на ее субъективную неприятность для субъекта. Для этих употреблений характерно наличие модальных слов типа *нужно, надо, необходимо, пришлось, удалось, смочь, преодолеть* и т. д. в главной клаузе.

Последнее замечание, которое необходимо сделать относительно реализации *как ни + Adj (Adv)*, — это ожидаемое отсутствие или почти полное отсутствие среди

реализаций прилагательных, указывающих на нормальный или ожидаемый ход событий типа *нормальный, обычный, вероятный*. Это естественно, поскольку семантика этих прилагательных противоречит уступительной семантике конструкции, фиксирующей необычные положения вещей. Хотя употребление подобных прилагательных в конструкции *к-слово+ни* теоретически возможно как проявление феномена coercion⁹⁷, реально оно практически не встречается в узусе.

Общее значение всех реализаций данного типа следующее:

(125) ‘Объект Y имеет место свойство X в высокой степени; говорящий считает, что обычно, если Y имеет свойство X в высокой степени, то с Y-ом имеет место ситуация типа не-P; с Y-ом имеет место ситуация P’.

1.4.4.4. Реализации как ни + V

Реализации *как ни* с глаголом представляют собой другую семантическую модификацию рассматриваемой конструкции. Большая часть реализаций имеет уступительную интерпретацию, с *как* в значении показателя высокой интенсивности или степени. Имеется и некоторое количество интерпретаций ‘любого варианта’, где *как* имеет значение способа: *Буквально каждое слово, как ни подай его, будет подхвачено партнером* (А. Дмитриев); *Что ни скажет, — всё хорошо; как ни ступит, — всё ловко* (П. Ю. Львов). Интерпретации ‘любого варианта’ характерны для глаголов, у которых есть валентность способа (типа *относиться, оценивать, описывать, рассматривать, распределять, проводить время*), которую *как* заполняет, или неградуируемых по интенсивности предикатов, для которых интерпретация *как* в качестве сирконстанта со значением способа делает употребление в этой конструкции возможным (типа *поворачивать, смотреть, строить, рассуждать*), а также для неградуируемых глаголов речи, у которых *как* заполняет валентность содержания (*как ни говори* = ‘что ни говори’).

При этом даже интерпретации ‘любого варианта’ имеют уступительную окраску; ср. *Я хочу только доказать тебе, что как ни рассуждай, а черного не сделать белым* (В. П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)); *Но как ни относиться к идеям,*

---

⁹⁷ Например, фраза *Как ни вероятно кажется такое предположение, оно не подтверждено экспериментальными данными*.

которыми восторгался Маяковский, «становясь на горло собственной песне», нельзя не признать, что сбросить его с парохода современности не удастся... (А. В. Кореньков. Бросим Маяковского с парохода современности? (2003)).

Для них предлагается следующая модификация значения:

(126) 'При любом варианте Y, который имеет свойство X, находится в состоянии X, выполняет действие X или подвергается воздействию X, с Y-ом имеет место ситуация P; говорящий считает, что обычно с некоторыми вариантами Y-а, характеризуемого X-ом, имеет место ситуация типа не-P'.

Интерпретация конструкции *как Y ни X, P* в значении 'любого варианта' VS. в уступительном значении коррелирует также с грамматической формой (видом, временем и наклонением) глагола, заполняющего валентность X. В целом интерпретация 'любого варианта' тяготеет к формам COB, а уступительная — к формам HECOB. Это имеет семантическое объяснение: уступительность градуирует, задавая высокую степень интенсивности действия, в то время как интерпретация 'любого варианта' задает перебор возможных вариантов осуществления действия. Интенсивные (и вообще градуируемые по интенсивности) действия прототипически выражаются формами HECOB (*Он очень старается, Он ее сильно уговаривал*), в то время как с формами COB интерпретация интенсивности затруднена из-за того, что COB свойственно представлять действие не как континуум, а пунктивно. Кроме того, уступительные интерпретации чаще фактивны, а интерпретации 'любого варианта' чаще потенциальны, что влияет и на выбор времени и наклонения. В соответствии с семантикой грамматических форм и семантикой конструкции формы и интерпретации «выбирают» друг друга — формы HECOB (обычно в прошедшем времени и изъявительном наклонении) дают в основном уступительную интерпретацию, формы COB (обычно в будущем времени или императиве) — интерпретацию 'любого варианта'; ср. *Но розового куста, выращенного Хансом, как ни смотрели в промзоне, мы не увидели* (А. Приставкин) [уступительная интерпретация] VS. *На фотографии была другая девушка. Как ни посмотри* (Э. Лимонов) [интерпретация 'любого варианта']. Поскольку в реализации *как ни* доминирует уступительная интерпретация, имеется четкая тенденция к доминированию форм HECOB: *как ни* + HECOB — 3743 вхождений в основном корпусе, *как ни* + COB — 644.

Частотные данные заполнения валентностей (таблица 8) также отражают

доминирование уступительной интерпретации. Как видно из таблицы, наиболее частотным вариантом заполнения валентности X (15% от всех реализаций) является градуируемый предикат *стараться*, обозначающий усилие и дающий уступительную интерпретацию конструкции; ср. *Как он ни старался, ничего не вышло*. Назовем эту интерпретацию **интерпретацией «усилия»**; для нее предлагается следующая модификация толкования:

(127) *Как Y ни X, P* ‘Агенс Y очень интенсивно или очень долго прилагает усилия X, чтобы осуществилась ситуация не-P; имеет место ситуация P; говорящий считает, что обычно, если прилагать усилия типа X, то имеет место ситуация типа не-P’.

Таблица 8. Наиболее частотные глаголы НЕСОВ, заполняющие валентность X в реализации *как ни*

ВСЕГО	3743
<i>стараться</i>	562
<i>как ни крути</i>	310
<i>биться</i> в значении ‘стараться’	94
<i>как ни говори</i>	80
<i>пытаться</i>	70
<i>угovarивать</i>	54
<i>как ни верти</i>	50

<i>хотеться</i>	43
<i>силиться</i>	35
<i>напрягать</i>	28
<i>как волка ни корми</i>	25
<i>думать</i>	20
<i>называть</i>	14
<i>смотреть</i>	14
<i>убеждать</i>	13
<i>относиться</i>	13
<i>вглядываться</i>	13
<i>бороться</i>	12
<i>хотеть</i>	11
<i>судить</i>	10
<i>напрягаться</i>	10

<i>умолять</i>	5
прочее	2247

Уступительная интерпретация характерна не только для глаголов со значением усилия, но и для всех градуируемых предикатов. Однако в силу категориальной семантики глагола как прототипического действия, основной массив уступительных реализаций *как ни + V* моделирует именно ситуацию **усилий** агенса; ср. *Как он ни напрягал зрение, он ничего не увидел*. Как видно из дальнейшего анализа таблицы 8, среди частотных уступительных интерпретаций доминирует именно интерпретация «усилия»: все градуируемые (т. е. дающие уступительную интерпретацию) глаголы в таблице указывают на усилие: конативы *биться* в значении ‘стараться’ (94), *пытаться* (70), *силиться* (35), *напрягать* (28), *вглядываться* (13), *бороться* (12), *напрягаться* (10), а также иллокутивы *уговаривать* (54), *убеждать* (13), *умолять* (5). Исключениями являются глаголы *хотеться* (43) и *хотеть* (11), однако они, если и не содержат семантического указания на усилие, прагматически часто его предполагают: если человек чего-то хочет, он предпринимает активные действия для осуществления своего желания.

Таким образом, интерпретация «усилия» с наиболее частотными конативами и иллокутивами составляет более четверти от всех употреблений. Однако интерпретация «усилия» не исчерпывается самыми частотными глаголами: есть огромное количество менее частотных глаголов, также указывающих на усилие или попытку (ср. *разыскивать, прятать, хранить, торопить, трудиться, тужиться* и т. п.). Как отмечается в предыдущем подразделе, интерпретация «усилия» есть и у реализации конструкции с прилагательным, однако там она, ожидаемым образом, составляет лишь малую долю употреблений.

Все остальные глаголы в таблице наиболее частотных реализаций не градуируемы (*говорить, крутить, вертеть, думать, смотреть, называть, относиться*), некоторые из них имеют валентность способа (*смотреть, называть, относиться*), т. е. они дают

интерпретацию ‘любого варианта’, которая, впрочем, как и всегда в этой конструкции, окрашена уступительностью. В результате возникает то, что можно назвать интерпретацией «возможных точек зрения». Прототипически она выражается фраземой *как ни крути* (310 вхождений) и синонимичной фраземой *как ни верти* (50 вхождений): *Как ни крути <как ни верти>, а способности у всех разные*. В этой интерпретации, близкой по прагматике «извиняющейся» интерпретации у прилагательных (как в оборотах *как ни тяжело это признать, как ни прискорбно* и т. п.), окрашенное уступительностью значение ‘любого варианта’ трансформируется в модальную рамку: говорящий, признавая нежелательность ситуации Р, тем не менее утверждает, что невозможно отрицать ее существование, под каким углом ни рассматривать ситуацию. Ср. предлагаемую модификацию толкования:

(128) ‘Говорящий считает, что ситуация Р нежелательна и что поэтому кто-то может рассматривать ситуацию как не-Р; говорящий считает, что при любом способе рассмотрения можно утверждать, что ситуация Р имеет место’.

Итак, все наиболее частотные неградуируемые реализации, представленные в таблице 8 дают именно такую интерпретацию; ср. обороты *как ни говори* (80 вхождений), *как ни думай <ни думать>* (20 вхождений), *как ни называй <ни называть>* (14 вхождений), *как ни смотри <ни смотреть>* (14 вхождений), *как ни относиться* (13 вхождений); всего доля этой интерпретации в наиболее частотных вариантах составляет примерно 13%. Хотя она возможна и с другими, менее частотными реализациями типа *рассматривать, оценивать, поворачивать*, в целом доля этой интерпретации существенно ниже, чем интерпретации «усилия», а круг возможных предикатов — существенно уже. Как уже было сказано, это неградуируемые предикаты, которые имеют валентность способа или могут иметь сирконстант со значением способа — в первую очередь ментальные предикаты со значением оценки, а также глаголы речи и зрительного восприятия.

Таким образом, в соответствии с категориальной семантикой глагола, у глагольных реализаций в целом доминирует интерпретация усилия, подобно тому, как у реализаций с прилагательными и наречиями, в соответствии с категориальной семантикой признаков, доминируют оценочные интерпретации.

Еще одна фразема в глагольной реализации конструкции *как ни* — это *как волка ни корми (всё равно он в лес смотрит)*, где значение интенсивности трансформируется

в значение количества (25 вхождений).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что, хотя глагольные реализации *как ни* несколько менее лексикализованы, чем реализации с прилагательными, тем не менее треть всех употреблений приходится на устойчивые коллокации или фраземы с несколькими лексемами-«фаворитами», т. е. наблюдается та же тенденция, что и с прилагательными.

1.4.4.5. Другие реализации конструкции *к-местоимение + ни X, P*

Как было сказано в разделе 1.4.4, большинство реализаций конструкции предполагает «неразрывную» структуру вида *к-местоимение ни X Y, Y P*. Для таких реализаций корпусное исследование частотностей заполнения валентностей предполагает анализ предикатов (или признаков), заполняющих валентность X; для некоторых вариантов X удастся установить наиболее частотные варианты заполнения P (например, если X — *скучный* или *противный*, то P — чаще всего модальный глагол со значением долженствования), однако в целом P не поддается сколько-либо информативному частотному анализу — круг ситуаций практически ничем не ограничен.

Для небольшого числа реализаций (часть реализаций с *какой* и *сколько*) конструкция имеет «разрывную» структуру вида *к-местоимение Y ни X, P*. Для таких реализаций корпусное исследование предполагает нахождение наиболее частотных пар Y и X.

С точки зрения семантики и сочетаемости реализации конструкции с другими *к-местоимениями* демонстрируют те же тенденции — представлены две основные интерпретации — уступительная интерпретация «усилия» и оценочная интерпретация «возможных точек зрения»; большой процент реализаций «задействует» маленькое количество лексем-«фаворитов»; реализации с лексемами-«фаворитами» представляют собой устойчивые коллокации или оценочные идиоматизированные и грамматикализованные обороты с редуцированной валентностью Y. Выбор предикатов-«фаворитов» в устойчивых коллокациях регулируется семантической аттракцией; для данной конструкции, поскольку она имеет две основные интерпретации — уступительную и оценочную, — это конативы и иллокутивы, т. е. слова со значением попытки и усилия, с одной стороны, и глаголы отношения

и оценки — с другой.

Отличие реализаций *с что, кто, где, когда, куда, откуда* от реализаций с потенциально шкалярными местоимениями *как, какой, сколько* состоит в том, что для первых более характерна интерпретация ‘любого варианта’ (часто в версии «возможных точек зрения»), а для вторых — уступительная (часто в версии «усилия»). Кроме того, с местоимениями *что, кто, где, когда, куда, откуда* валентность *У* всегда «забита» самим вопросительным местоимением, и *У*, соответственно, кроме объекта, может быть местом, временем, начальной или конечной точкой.

Поскольку уступительная интерпретация чаще реализуется в формах НЕСОВ, а интерпретация ‘любого варианта’ — в формах СОВ, то и распределение видовых форм у *что, кто, где, когда, куда, откуда*, с одной стороны, отличается от *как, какой, сколько*, с другой. У реализаций *как ни, какой ни, сколько ни* преобладают формы НЕСОВ, а у реализаций *кто ни, где ни, когда ни, куда ни, откуда ни* — формы СОВ; у реализации *что ни* преобладает, в противоположность ожиданиям, форма НЕСОВ — по-видимому, за счет высокочастотной фраземы *что ни говори*. Данные по распределению видовых форм в разных реализациях конструкции приводятся в таблице 9⁹⁸.

Таблица 9. Сочетаемость разных реализаций конструкции *к-местоимение У ни Х, Р* с формами НЕСОВ и СОВ

	НЕСОВ	СОВ
<i>как ни</i>	3743	644
<i>сколько ни</i>	1227	95
<i>какой ни</i>	245	63

⁹⁸ Некоторые незначительные количественные расхождения между данными в таблице 2 и данными в таблице 6 вызваны следующим обстоятельством: таблица 2 сформирована по результатам запроса *к-местоимение + ни + V* на расстоянии 1; таблица 6 сформирована по результатам запросов *к-местоимение + ни + V, pf* на расстоянии 1 и *к-местоимение + ни + V, ipf* на расстоянии 1; сумма вхождений по запросам для форм СОВ и НЕСОВ по отдельности незначительно превышает количество общих вхождений по запросу на глагол без указания форм, по-видимому, в силу неснятой омонимии и неверного определения форм. Однако поскольку такие расхождения не превышают 1–2 процентов в каждом случае, мы ими пренебрегаем. Статистика в таблице 7 и далее дается не по сумме запросов СОВ и НЕСОВ, а по запросу без указания формы глагола.

<i>что ни</i>	1782	1138
<i>куда ни</i>	400	1008
<i>кто ни</i>	223	369
<i>откуда ни</i>	10	432
<i>где ни</i>	116	121
<i>когда ни</i>	28	64

1.4.4.5.1. *Что ни X, P*

В реализации *что ни X, P* возможны те же интерпретации, что и у глагольных реализаций *как ни X, P* — уступительная интерпретация со смыслом «усилия» (*Что ни пробовали — всё напрасно*) и интерпретация ‘любого варианта’ в виде «возможных точек зрения» (*Что ни говори, а человек он хороший*). В отличие от реализации *как ни*, у реализации *что ни* количественно доминирует вторая, оценочная, интерпретация, «фаворитом» которой является лексема *говорить*. В составе идиоматического вводного оборота *что ни говори* <*что ни говорите, что ни говорить*> она составляет 25% (652) от всех встретившихся в основном корпусе вхождений *что ни* (2563). Ее значение близко значениям других идиоматичных реализаций этой конструкции, особенно *как ни говори, как ни крути, как ни верти*; ср. *Паршивая штука — старость. Что ни говори, паршивая* (И. Муравьева). Значение оборота *что ни говори* также состоит из модальной рамки:

(129) ‘Говорящий считает, что ситуация P нежелательна и что поэтому кто-то может привести возражения против того, что P имеет место; говорящий считает, что

при любых возражениях можно утверждать, что ситуация Р имеет место'.

Частотности прочих лексем-заполнителей распределяются следующим образом:

Таблица 10. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность Х в реализации *что ни*

ВСЕГО	2878
<i>что ни говори</i>	652
<i>что ни скажи</i>	111
<i>что ни попадя</i>	84
<i>взяться (за что ни возьмись)</i>	61
<i>делать</i> (настоящее и будущее время, императив)	60
<i>делать</i> (прошедшее время)	46
<i>случиться</i>	33
<i>спросить</i>	29
<i>взять</i>	18

<i>дать</i>	17
<i>написать</i>	16
<i>взглянуть</i>	15
<i>брать</i>	11
<i>положить</i>	10
<i>придумать</i>	10
<i>пожелать</i>	10
прочее	1695

Итак, из таблицы 10 видно, что топовые реализации — прагматические фраземы *что ни говори* и *что ни скажи*, основная функция которых состоит в том, чтобы вводить утверждения, которые могут вызвать возражения у адресата, так, чтобы предупредить потенциальную полемику — говорящий заранее объявляет все возможные возражения недействительными.

Следующая по частотности реализация — интерпретация ‘любого варианта’ с уступительной окраской — представлена глаголом *делать* в не-претеритных формах с потенциальным значением (в основном в формах императива вида *что ни делай*), а также глаголами в форме СОВ, обычно в императиве или в будущем времени с потенциальным значением *взяться* (*За что ни возьмусь*), *случиться* (*Что ни случится*), *спросить* (*Что ни спросишь*), *взять* (*Что ни возьмешь*), *дать* (*Что*

ни дашь), написать (Что ни напишешь), взглянуть (На что ни взглянешь), положить (Что ни положишь), придумать (Что ни придумай), пожелать (Что ни пожелаешь). С одной стороны, они не указывают на сознательное усилие агенса, направленное на осуществление ситуации не-Р, и вообще обычно интерпретируются потенциально, задавая спектр возможных направлений развития событий, т. е. реализуют интерпретацию ‘любого варианта’. С другой стороны, они предполагают, что существование Р нарушает ожидания, т. е. имеют оттенок уступительности. Ср. примеры из НКРЯ: *У Мишки были такие странные руки — за что ни возьмется, непременно ломает* (А. В. Драбкина. Волшебные яблоки (1975)); *«Удивительно, — невесело подумал Федор Иванович, — что ни случится в жизни, какая ни сложится ситуация — ищи в Библии ее вариант* (Владимир Дудинцев. Белые одежды. Первая часть (1987)); *Ему что ни дай — мертвую рыбку, кусок мяса, внутренность птицы — он всё съест* (Е. В. Дубровский. Лесной шум (1935)). Для них предлагается соответствующее синкретичное толкование:

(130) ‘С любым объектом, который находится в состоянии X, выполняет действие X или подвергается воздействию X, имеет место ситуация Р; говорящий считает, что обычно с некоторыми вариантами объектов, характеризующихся X-ом, имеет место ситуация типа не-Р’.

Еще одна частотная фразема, представляющая интерпретацию ‘любого варианта’ — это фразема *что ни попадя*⁹⁹; ср. *Он тащит домой с помойки что ни попадя*; — *Один дурак городит чего ни попадя, а другая...* (Василий Шукшин. Калина красная (1973)). В ее значении смысл ‘любого варианта’, с одной стороны, осложняется отрицательной оценкой, а с другой — сужается: речь может идти только о целенаправленных действиях с объектом; ср. странность контекстов, где Р — не целенаправленное действие, а состояние или воздействие: *??Ветер сметал со стола на пол что ни попадя*; *??Он болеет чем ни попадя*. Смысл фраземы можно сформулировать так:

(131) *Р что ни попадя* ‘Кто-то производит действие Р со случайно выбранным и неподходящим для этого объектом’.

Наконец, наименее частотная реализация *что ни* — это уступительная

⁹⁹ Ср. наблюдения о различиях в свойствах вариантов с *попало* и *попадя* [Июмдин 2010: 150].

интерпретация «усилия», направленного на достижение ситуации не-Р, представленная в таблице частотностей глаголом *делать* в форме прошедшего времени; ср. **Что ни делали жители, освободить себя никак не могли** (И. С. Тургенев. Живые мощи (1874)); **Как отец ни отговаривал, что ни делал, сын женился на ней** (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)).

1.4.4.5.2. Кто ни X, Р

Таблица 11. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность X в реализации *кто ни*

ВСЕГО	574
<i>кто ни попадя</i>	61
<i>спросить (кого ни спросишь, кого ни спроси)</i>	49
<i>кто ни попало</i>	32
<i>быть (кто ни будь, кем ни будь)</i>	28
<i>взять (кого ни возьми)</i>	20
<i>пройти (кто ни пройдет)</i>	15
<i>взглянуть (кто ни взглянет)</i>	13
<i>посмотреть (кто ни посмотрит, на кого ни помотришь)</i>	13

<i>спрашивать (кого ни спрашиваешь)</i>	6
<i>проходить (кто ни проходит)</i>	5
<i>приходить (кто ни приходит)</i>	4
<i>увидеть (кого ни увидишь)</i>	4
<i>смотреть (кто ни смотрит)</i>	4
<i>предлагать (кому ни предлагать)</i>	3
<i>обращаться (к кому ни обращаться)</i>	3
прочее	314

Как и в реализации *что ни X*, *P* в реализации *кто ни X*, *P* преобладает интерпретация ‘любого варианта’, а чистая уступительная интерпретация «усилия» представлена мало, по крайней мере среди частотных предикатов ее нет (в таблице ее представляют только глаголы *предлагать* и *обращаться*, чья частность ниже одного процента). Топовые реализации — это идиоматизированные обороты вида *кого ни спросишь* <ни спроси>, *кто ни попал* <попадя>, *кто ни будь*, *кого ни возьми*, которые вместе составляют больше 30% от всех реализаций. Они задают идею случайного перебора, «случайного тыка», когда любой наугад выбранный человек оказывается носителем одного и того же свойства; ср. *Да, в общем-то, кого ни возьми, почти все сказали свое слово* (Галина Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)); *Вообще кого ни спроси — все всё знают о Крайнем Севере и, в частности, о Чукотке* (Валерий Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001). Ср. предлагаемую для них

модификацию толкования:

(132) *Кто ни X, P* ‘Любой случайно выбранный человек находится в состоянии X, выполняет действие X или подвергается воздействию X; говорящий считает, что обычно разные люди находятся в разных состояниях, совершают разные действия или подвергаются разным воздействиям’.

Фразема *кто ни попадя* <ни попало>, подобно фраземе *что ни попадя*, добавляет к идее случайности идею, что наугад выбранный человек не может быть хорошим или подходящим для данной роли; ср. *Поэтому от практики назначать на должность смотрителя кого ни попадя вскоре отказались и требования к подбору людей ужесточили* (Сергей Аксентьев. Жизнь на маяках // «Наука и жизнь», 2009); *Он путался на каждом шагу и занимал уже без всякой застенчивости и совести у кого ни попало* (И. И. Панаев. Опыт о хлыщах (1854–1857)). Для нее предлагается следующая модификация толкования:

(133) *Кто ни попадя P (Кого ни попадя P)* ‘Случайно выбранный и неподходящий для этого человек производит действие P или действие P производится со случайно выбранным и неподходящим для этого человеком’.

Таким образом, идея ‘любого’ может трансформироваться не только в идею всеобщности, Magn-овость, как это происходит в большинстве реализаций ‘любого варианта’, но и в идею плохого, Anti-Vop-овость.

1.4.4.5.3. *Куда ни X, P*

В реализации *куда ни* практически все сочетания с лексемами-«фаворитами» идиоматизированы и имеют общий компонент значения — ‘езде P’, причем P — чаще нежелательная ситуация. Так, фразема *куда ни кинь (езде клин)*, которая составляет более 10% от всех вхождений *как ни*, имеет следующее значение:

(134) *Куда ни кинь, P (всюду клин)* ‘во всех сферах жизни или при любом варианте развития событий имеет или будет иметь место плохая ситуация P’.

Ср. примеры *В общем, куда ни кинь, всюду кирдык выходит...* (Киев бомбили, нам объявили... (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.20); *Словом, куда ни кинь — проблемы, рецепта решения которых пока не существует* (Игорь Бестужев-Лада. Таблетки, пробки и Чернобыль. Какие проблемы накатят на человечество в XXI веке? (2001) // «Известия», 2001.10.19).

Около половины всех употреблений покрывается несколькими фраземами и устойчивыми коллокациями с лексемами-«фаворитами», которые относятся к глаголам целенаправленного визуального восприятия или глаголам перемещения, что естественно для сочетаний с местоимением направления *куда*; ср. данные в таблице 12:

Таблица 12. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность X в реализации *куда ни*

ВСЕГО	1112
<i>куда ни кинь</i>	101
<i>куда ни взглянешь</i> < <i>ни взглянь</i> >	101
<i>Куда ни помотришь</i> < <i>ни помотри</i> >	92
<i>куда ни глянь</i>	77
<i>куда ни пойти</i> < <i>ни поиди,</i> <i>ни пойдешь</i> >	75
<i>куда ни сунуться</i> < <i>ни сунься</i> >	37
<i>куда ни плюнь</i>	37
<i>куда ни повернешься</i> < <i>ни повернись</i> >	31

<i>куда ни поглядеть</i> <ни погляди>	21
<i>куда ни ступишь</i> <ни ступи>	19
<i>куда ни попадя</i>	18
<i>куда ни бросишь взгляд</i>	12
<i>куда ни приехать</i>	11
<i>куда ни ткнись</i>	10
прочее	470

Как видно из таблицы, около 30% всех вхождений составляет фраза *куда ни взглянешь* <ни взглянь>, с вариантами *куда ни помотришь* <ни помотри>, *куда ни глянь*, *куда ни поглядеть*, *куда ни бросишь взгляд*, со значением ‘езде’. Некоторые употребления этой фраземы сохраняют изначальный смысл визуального восприятия; ср. *Кругом, под ногами, куда ни глянь — подорожник, самая что ни на есть добрая трава* (Людмила Уварова. *Пора ехать* // Библиотека «Огонек», 1990); *Везде, куда ни взглянешь, картины, иконы. Они — ни для чего, они не могут быть другими* (В. А. Каверин. *Перед зеркалом* (1965–1970)).

Однако во многих случаях она употребляется десемантизированной, как показатель функции *Magp* относительно мест и ситуаций — ‘во всех местах, во всех ситуациях’; ср. *Куда ни взглянешь, везде законы, требования, повеления, держащиеся на «достаточном основании», о котором мы столько слышали от Аристотеля и Эпиктета* (Л. И. Шестов. *Афины и Иерусалим* (1938)); *Лиля говорила, что ей*

подобные мысли испортили жизнь: **куда ни глянь** — тупость, лицемерие, а главное, бесконечная игра всех в кого-то (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010). Таким образом, на примере сочетаний *куда ни* с глаголами целенаправленного визуального восприятия можно наблюдать процесс семантического выветривания, *bleaching*, приводящий к образованию из свободного сочетания идиоматической единицы.

Около 14% реализаций составляет фразема *куда ни пойдешь* <*ни пойти, ни пойдти*>, представленная также с другими глаголами движения — *куда ни сунуться* <*ни сунься*>, *куда ни повернись*, *куда ни ступи*, *куда ни ткнись*. Она также представляет собой пример разных стадий идиоматизации: некоторые ее употребления сохраняют связь с семантикой движения; ср. ***Куда ни повернись*** — тайга в любую сторону на сотни верст (Александр Вампилов. Прошлым летом в Чулимске (1971)); Однако во многих контекстах она представляет собой чистый показатель *Magn*, как и реализации с глаголами визуального восприятия; ср. *Одним словом, куда ни повернись, везде только убытки и больше ничего* (А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда (1894)). Наконец, полностью идиоматизированное сочетание *куда ни плюнь* с тем же значением составляет 3,5% реализаций; ср. *Куда ни плюнь — сплошные должники, и никто ничего отдавать не собирается* (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом») (2009)).

Таким образом, идиоматизированные обороты с глаголами целенаправленного визуального восприятия и глаголами перемещения составляют примерно 60% от всех реализаций. В целом их значение можно сформулировать следующим образом:

(135) ‘Нежелательная ситуация Р будет иметь или имеет место во всех местах; говорящий считает, что обычно или хорошо, чтобы в некоторых местах имела место ситуация типа не-Р’.

Общий закон мироустройства, который отражен в этой интерпретации, — ‘обычно в разных местах наблюдается разное положение вещей; если одно и то же положение вещей наблюдается везде — это необычно или плохо’. В некоторых фраземах (*куда ни кинь* — *везде клин*) добавляется дополнительный оценочный компонент значения — ситуация Р оценивается отрицательно.

Как видно из анализа частотностей, основной массив интерпретаций в реализации *куда ни* — это не активные интерпретации «усилия» (они вообще отсутствуют среди

наиболее частотных предикатов), а интерпретации ‘любого варианта’ в виде констатаций некоторых нежелательных ситуаций, в которых говорящий не принимает участия, а наблюдает, осматривая окружающий мир (глаголы восприятия) или перемещаясь по нему (глаголы движения).

Как и в других реализациях конструкции с неградуируемыми местоимениями, где преобладает интерпретация ‘любого варианта’, в конструкции *куда ни* присутствует отрицательный оценочный компонент: *Бросают мусор куда ни попадя; И (о ужас!) поминутно стряхивает пепел куда ни попадя* (Алиса Гоголь. Спутница романтиков и олигархов (2001) // «Эксперт: Вещь», 2001.07.23). Фразема *куда ни попадя*, как и *кто ни попадя*, *что ни попадя* выражает мысль о том, что отсутствие осознанного выбора — в данном случае выбора места — при совершении сознательных действий неправильно, т. к. место (объект) при случайном выборе окажется плохим или неподходящим. Для нее предлагается следующее толкование:

(136) *Куда ни попадя* Р ‘Некоторый объект перемещают способом Р в случайно выбранное и неподходящее для этого место’.

1.4.4.5.4. Реализация *откуда ни* X, Р

Основная реализация в конструкции *откуда ни* — фразема *откуда ни возьмись*, утратившая семантическую связь с конструкцией. *Откуда ни возьмись* значит ‘неизвестно откуда’, и семантическая связь с идеями ‘любого варианта’ и уступительности на синхронном уровне не прослеживается. Остающаяся (небольшая) часть вхождений *откуда ни* не отражает ярких сочетаемостных тенденций; преобладает интерпретация ‘любого варианта’, наиболее часто в виде ‘с любого угла зрения’ — *откуда ни зайти* и *откуда ни посмотреть*.

Таблица 13. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность X в реализации *куда ни*

ВСЕГО	442
<i>откуда ни возьмись</i>	380

<i>откуда ни зайти</i>	6
<i>откуда ни посмотреть</i>	6
<i>откуда ни идти</i>	3
<i>откуда ни глянь</i>	2
прочее	45

1.4.4.5.5. Реализация *где ни X, P*

Реализация *где ни* в целом малочастотна — всего 227 вхождений в основном корпусе, однако демонстрирует те же тенденции, что и реализации с другими неградуируемыми местоимениями, т. е. преобладание интерпретации ‘любого варианта’, отчасти с окраской уступительности и отрицательной оценки.

Топовые реализации — это фраземы *где ни попадя* и *где ни попало*, которые составляют больше 20% от всех вхождений *где ни*; — *Вон, некоторые мужья как о женах заботятся: специально их пугают, чтобы по вечерам не шлялись где ни попадя* (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)). Как и фраземы *что ни попадя, кто ни попадя, куда ни попадя*, фразема *где ни попадя* указывает на отрицательную оценку случайного выбора, в данном случае выбора места для совершения действия. Выбор первого попавшегося места осмысляется как выбор плохого или неподходящего места для совершения действия P. Ср. предлагаемое для фраземы *где ни попадя* толкование:

(137) *Где ни попадя* Р ‘Действие Р совершается в случайно выбранном и неподходящем для этого месте’.

Еще одна высокочастотная реализация — с глаголом *быть* в локативном значении, она представляет собой интерпретацию ‘любого варианта’ с легкой уступительной окраской, как и прочие, менее частотные реализации с глаголами, имеющими валентность места — *жить, бывать, появляться*. Еще одна фразема в данной реализации — *где ни копни*, которая, как и многие другие фраземы в реализации *куда ни*, имеет значение ‘езде’; ср. *В России где ни копни — везде всплывают культурные проблемы* (Александр Латкин. Отключить или подключить. Информационная безопасность страны под угрозой (2002) // «Известия», 2002.02.10).

Уступительных интерпретаций среди наиболее частотных реализаций конструкции *где ни нет*.

Таблица 14. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность X в реализации *где ни*

ВСЕГО	227
<i>быть (где ни быть, где ни будь, где ни был)</i>	28
<i>где ни попадя</i>	26
<i>где ни попало</i>	25
<i>жить</i>	18
<i>бывать</i>	9
<i>где ни копни</i>	8

<i>появляться</i>	6
прочее	107

1.4.4.5.6. Реализация *когда ни X, P*

Реализация *когда ни* среди других реализаций конструкции *к-место-имение + ни* малочастотна и не имеет идиоматизированных выражений. Устойчивые коллокации в ней представлены лексемой *прийти* (*когда ни придешь*); несколько раз встречаются также глаголы движения *прийти* и *зайти* и глагол активного визуального восприятия *взглянуть*, что в целом характерно и для направительных реализаций этой конструкции (*откуда ни, куда ни*). Для реализаций *откуда ни* и *куда ни* это имеет ясное семантическое обоснование: *куда* и *откуда* указывают соответственно на конечную и начальную точку движения, и поэтому глаголы движения, указывающие на перемещение из начальной точки в конечную, а также глаголы активного визуального восприятия типа *посмотреть, взглянуть*, указывающие на направление взгляда, составляют для них идеальную семантическую «пару». Интересно, что достаточно высокочастотная для объектных (*кто ни, что ни*) и пространственных (*куда ни* и *где ни*) реализаций фразема с формантом *попадя* <*попало*>, указывающая на плохие свойства объекта или места, выбранного случайно, очень мало встречается в реализации *когда ни*: по-видимому, время, как сущность более абстрактная и менее дискретная, чем объекты и места, в меньшей степени поддается случайному выбору методом «тыка».

Таблица 15. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность X в реализации *где ни*

ВСЕГО	85
<i>прийти</i>	17

<i>зайти</i>	5
<i>посмотреть</i>	4
<i>спросить</i>	3
<i>когда</i> <i>ни попадя</i>	3
прочее	53

1.4.4.5.7. Реализация *сколько ни X, P*

Как было сказано выше, реализация *сколько ни* может быть разрывной и неразрывной, поэтому статистические данные собирались отдельно, по двум разным запросам: *сколько ни + V* на расстоянии 1 для разрывной реализации, *сколько + N ни + V* на расстоянии 1 для неразрывной.

В целом в разрывной реализации *сколько ни X, P* (всего 1291 вхождений) преобладает уступительная интерпретация «усилия», где «фаворитом» является конатив *стараться*, как и в реализации *как ни*. Это естественно, поскольку реализации *сколько ни* и *как ни* градуируют предикат и употребляются в значении степени, поощряя таким образом интерпретацию уступительности, классический случай которой — это неосуществление желательной ситуации несмотря на приложенные усилия. Конатив *стараться* является в русском языке прототипическим выразителем идеи усилия. Прочие лексемы-«фавориты», как показано в таблице 16, — синонимичные глаголу *стараться* конативы *пытаться*, *биться*, *искать*, *добиваться*; глаголы целенаправленного восприятия *смотреть*, *вслушиваться*; иллокутивы — *просить*, *уговаривать*, *убеждать*, т. е. практически тот же набор предикатов, что и в уступительной глагольной реализации *как ни*; ср. примеры из НКРЯ *Что же такого в этом городе и в этих людях, что, сколько*

ни пытались в других городах и странах, никто даже повторить многоцветье венецианского стекла не может? (Юлия Пешкова. В поисках диковинного (2002) // «Домовой», 2002.05.04); *Сколько ни добивались*, никто нигде ничего нам толком не сказал (Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном (1995)); *Сколько ни боролся* Главный с курением («кроме специально отведённых мест») — не помогало (И. Грекова. Перелом (1987)); *Не клеились* у Аркадия Аполлоновича дела с акустикой, и *сколько ни старался* он улучшить её, она какая была, такая и осталась (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)). Они образуют устойчивые коллокации с общим для уступительных глагольных реализаций значением:

(138) *Сколько Y ни X, P* ‘Агенса Y очень интенсивно или очень долго прилагает усилия X, чтобы осуществилась ситуация не-P; имеет место ситуация P; говорящий считает, что обычно, если прилагать усилия типа X, то имеет место ситуация типа не-P’.

Вместе с пословицей *сколько волка ни корми (он всё равно в лес смотрит)* «фавориты» составляют около трети от всех разрывных реализаций конструкции с местоимением *сколько*.

Таблица 16. Наиболее частотные глаголы, заполняющие валентность X в реализации *сколько ни*

ВСЕГО	1291
<i>стараться</i>	103
<i>говорить</i>	32
<i>биться</i>	24
<i>пытаться</i>	23
<i>смотреть</i>	23
<i>сколько волка</i>	22

<i>ни корми</i>	
<i>искать</i>	20
<i>просить</i>	15
<i>вслушиваться</i>	10
<i>уговаривать</i>	10
<i>убеждать</i>	9
<i>делать</i>	8
<i>работать</i>	8
<i>напрягать</i>	8
<i>предлагать</i>	6
<i>твердить</i>	6
<i>добиваться</i>	5
<i>всматриватьс я</i>	5
<i>прочее</i>	954

--	--

Что касается разрывной реализации конструкции со *сколько*, то ее наиболее частотный вариант — фразема *сколько веревочке ни виться (всё равно конец будет)* — имеет следующее значение:

(139) ‘Человек А1 совершает плохие поступки в течение долгого времени безнаказанно; говорящий выражает уверенность, что в какой-то момент А1 будет наказан’.

Ср. примеры употребления *В московских новостях передавали — завалили этого Скока прямо у собственного порога. Как говорится, сколько веревочке ни виться...* (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска (2003)). Ее частотность — 16 вхождений на 243 вхождения (6,5%) при поиске *сколько* + существительное + *ни* + глагол на расстоянии 1.

1.4.4.5.8. Реализация *какой ни X, P*

Реализация *какой ни* — самая семантически и сочетаемостно разнородная и поэтому трудная для корпусного исследования из всех реализаций конструкции *к-местоимение + ни*. Синтаксически она может быть разрывной и неразрывной: ср. *Какой ни мерзавец [X] он [Y], а всё же родственник [P]* (неразрывная); *Какой канал [Y] ни включишь [X], везде одно и то же [P]* (разрывная). *К-местоимение* в ней синтаксически и семантически подчиняется не глаголу, а существительному (*какой ни мерзавец*) или прилагательному (*какой ни мерзкий*), поэтому поиск *какой ни* + глагол на расстоянии 1 не дает представительной картины сочетаемости, в отличие от всех других реализаций (за исключением реализации с *как*, где в роли *X* возможен глагол или прилагательное/наречие). Однако и поиск *какой ни* + существительное, *какой ни* + прилагательное на расстоянии 1 не дает представительных результатов в силу «разорванности» реализации *какой ни*. Дело в том, что в этой конструкции синтаксический и семантический хозяин вопросительного местоимения (существительное или прилагательное) дистанционно от него оторван: реализаций *какой ни* + глагол на расстоянии 1 — 308 в основном корпусе НКРЯ, реализаций *какой ни* + существительное на расстоянии 1 — 32, реализаций *какой ни* + прилагательное на расстоянии 1 — 15. Таким образом, наиболее частотные реализации дают

недостаточную сочетаемостную информацию: поскольку *X* может выражаться не только глаголами, но и существительными и прилагательными, необходимо изучать также сочетаемость *какой ни* с существительными и прилагательными. Однако это требует изменения запроса с увеличением расстояния между *какой, ни* и существительным или прилагательным, что существенно поднимает количественные показатели «шума» — выдачи, не имеющей отношения к рассматриваемой конструкции; ср. *И было в его тоне что-то очень странное, такое, какого я ни от кого ещё не слышал* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)).

Таким образом, представленная здесь сочетаемостная информация о реализации *какой ни* вынужденным образом несколько ограничена: невозможно сколько-нибудь надежно определить общее число реализаций конструкции. Как и в других случаях, конструкция с *бы* (*какой бы ни*) рассматривается как отдельная конструкция с обязательным свойством путативности и не включается в рассмотрение.

Среди синтаксически двухвалентных реализаций с глаголом, непосредственно следующим за *какой ни* (общее число 308), абсолютным «фаворитом» является глагол *быть* (212 вхождений, т. е. около 70%) в составе идиоматизированного оборота *какой ни есть*; ср. *Послушай, Зин, не трогай шурина. Какой ни есть, а он — родня* (В. Высоцкий); *Темна ли, холодна ли, а родина. Какая ни есть* (Леонид Зорин. Медный закат (2007) // «Знамя», 2008). Этот оборот можно рассматривать как эллипсирование сочетания *какой плохой ни есть*, поскольку в подавляющем большинстве контекстов он, во-первых, предполагает отрицательную оценку, во-вторых, не предполагает употребления другого прилагательного. Контексты с положительной оценкой типа *Надя ходила среди них, какие ни будь её успехи перед профессором, в существах второго сорта* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51 (1968) // «Новый Мир», 1990) и с эксплицитно выраженным прилагательным *Какая ни была поганая жизнь, а забыть ее как-то жалко* (Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006) весьма редки. Таким образом, оборот *какой Y ни есть, P* имеет следующую семантическую структуру, где отрицательная оценка *Y*-а является слабым смыслом:

(140) *Какой Y ни есть, P* = ‘Объект *Y* имеет какое-то свойство в высокой степени; говорящий считает, что в данной ситуации несколько более важным является то, что он имеет противоположно оцениваемое свойство *P*’ [*X* — обычно плохое свойство, а *P* — хорошее].

По значению этот оборот близок уступительным лексемам типа *как-никак* и *хоть и*, а также «компенсаторному» союзу *зато*.

Кроме того, в реализации *какой ни* есть еще один «фаворит» — семантически близкая данному обороту частотная (312 вхождений) фразема *какой ни на есть*, где отрицательная оценка обязательна; ср. *Ты подумай то: какой ни на есть, я всё-таки мужчина* (А. Н. Островский. Гроза (1860)); *Он поискал глазами какую ни на есть крепезку — обрывок антенного кабеля, веревки* (Андрей Измайлов. Трюкач (2001)); *Однажды [...] Булат поинтересовался, что я думаю о музыке его песен, есть ли в ней хоть какая ни на есть оригинальность или вся она — сплошное подражание, общие места* (Владимир Фрумкин. «Между счастьем и бедой...» (2003) // «Вестник США», 2003.09.17). Эта фразема, близкая по смыслу уступительной лексеме *хоть*, сочетает в себе смыслы отрицательной оценки и малой степени — характерные модификаторы уступительного значения:

(141) *Какой ни на есть, а Y P* = ‘Объект Y обладает очень малым количеством свойств, которые делают его представителем хорошего класса P; поэтому Y — очень плохой представитель класса P; говорящий считает, что в данной ситуации важнее, что Y — представитель хорошего класса P, чем то, что Y — очень плохой представитель класса P’.

Среди разрывных реализаций вида *какой Y ни X, P* (всего 293 реализации) «фаворитом» является фразема *с какой стороны ни посмотреть* <*ни посмотришь, ни посмотри*> (49 вхождений, т. е. 16%); ср. *Ведь с какой стороны ни посмотри, их отцы нарушили существовавшие тогда законы и были преступниками* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)). Ее значение близко значениям фразем вида *что ни говори, как ни крути* — т. е. семантически она представляет собой вариант «возможных точек зрения» внутри интерпретации ‘любого варианта’; ср.:

(142) ‘Говорящий считает, что ситуация P нежелательна и что поэтому кто-то может рассматривать ситуацию как не-P; говорящий считает, что при любом способе рассмотрения можно утверждать, что ситуация P имеет место’.

Помимо перечисленных идиоматических реализаций, конструкция *какой ни* также позволяет неидиоматические реализации с интерпретацией ‘любого варианта’ и с уступительной интерпретацией, подобные аналогичным интерпретациям в конструкции *как ни*. Ср. интерпретацию ‘любого варианта’: *За какую работу*

ни брался, всюду быстро рос (Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008));
В какой двор ни зайди — всюду воняет (Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)) со значением

(143) *Какой Y ни X, P* = ‘Любой объект Y, с которым делается действие X, обладает свойством P; говорящий считает, что обычно не все объекты, с которыми делается действие X, обладают свойством P’.

Примером более редкой уступительной интерпретации может служить фраза *Каким баринoм ни будь, всё равно в гроб покладуть* (Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008). Уступительная интерпретация конструкции *какой ни* имеет следующее значение:

(144) *Какой Y ни X, P* = ‘Объект Y обладает свойством X в высокой степени; говорящий считает, что обычно, если объект обладает свойством типа X, с ним имеет место ситуация типа не-P; с объектом Y имеет место ситуация P’.

Частотных данных по неидиоматическим интерпретациям в данной реализации представить невозможно в силу перечисленных трудностей.

1.4.5. Сочетаемость других нестандартных конструкций

Представляется, что приведенные в данной главе данные о неоднородном заполнении нестандартной конструкции *как ни...* с идиоматизацией и грамматикализацией наиболее частотных сочетаний, составляющих львиную долю всех реальных употреблений (реализаций) конструкции в узусе, можно обобщить. В диссертационном исследовании выдвигается гипотеза о том, что это явление носит достаточно универсальный характер для нестандартных конструкций, что позволяет выделить этот тип языковых объектов в отдельный класс; у стандартных конструкций, по-видимому, нет такого распределения заполнений — у них можно выделить запреты, но не излюбленные варианты, т. к. свобода заполнения на порядок больше, а у синтаксических фразем — наоборот, множество возможных вариантов заполнения очень ограничено, так что, по сути, каждая реализация является отдельной фраземой (ср. фразеологизованные реализации *секунда в секунду, минута в минуту, час в час, день в день*, и существенно более редкие, но возможные сочетания *неделя в неделю, месяц в месяц, год в год*, которые практически исчерпывают сочетаемостный потенциал синтаксической фраземы *X в X*, где X — название периода

времени). Нестандартные конструкции же, с одной стороны, обладают способностью к неограниченному заполнению (набор вариантов лексем для заполнения валентностей очень широк), с другой стороны, у них четко выражены предпочтения заполнения (большая часть реализаций образована малой частью лексем), поэтому на их пространстве возможно и удобно наблюдать общезыковые процессы идиоматизации и грамматикализации.

Приведем другие примеры того же явления на материале других нестандартных конструкций. Существует уступительная конструкция с повтором существительного вида *Х Х-ом, а Y (Y-ом)* со смыслом 'Хотя говорящий признает важность Х-а, Y тоже важен; Y не зависит или не должен зависеть от Х-а'; ср. *Работа работой, а отдыхать тоже нужно; Воспитание воспитанием, а генетика генетикой*. «Излюбленным» вариантом заполнения этой конструкции служит фразема *Дружба дружбой (а служба службой/а табачок врозь)* (72 вхождения в основном корпусе НКРЯ), описывающая столкновение двух важных (в русской языковой картине мира) явлений, которые в идеале не должны влиять друг на друга, но в реальности, по-видимому, влияют — личных и деловых отношений между людьми. Интересно, что в английском языке нет ее полноценного фразеологического соответствия; ср. варианты перевода в словаре Multitran *friendship is one thing and business another, duty before friendship*, с нулевой частотностью в корпусе СОСА и отдельными примерами (15 и 29 соответственно) в поисковике Google. Вариант перевода, приводимый в словаре Любенской [Любенская 2004: 206] — *business and friendship don't mix* также отсутствует в СОСА, хотя есть в Google — но в 15 раз реже, чем фразема *дружба дружбой*. Эти данные приводятся в качестве подтверждения того, что приобретение тем или иным заполнением ранга «излюбленного» и последующая идиоматизация сочетания с ним коррелирует не только с семантикой конструкции и лексем-заполнителей, но и с языковой картиной мира (подробнее см. 4.2.3, 4.4.1).

Можно привести и другие примеры нестандартных конструкций с идиоматизацией излюбленных заполнений. Ср. уступительную конструкцию *при всём X-е*, у которой очень широк круг возможных заполнений (он ограничен требованием градуируемости к заполняющему существительному), однако 30% всех реализаций составляют три фраземы — *при всём том, при всём желании, при всём уважении*. (подробнее см. подраздел I.4.2.4).

Последний пример, который мы приведем в данной связи — конструкция

с повтором, описанная у В. З. Санникова [Санников 2010б: 195–200] вида *ХХ (белый-белый; Бедный, бедный)*. Во-первых, оговоримся, что конструкции с дефисом и конструкции с запятой кажутся нам разными и семантически, и интонационно, и сочетаемостно; ср. странность ??*Снег был белый, белый* или ??*Ох, бедный-бедный*, при естественности *Снег был белый-белый* и *Ох, бедный, бедный*. Семантика конструкции с дефисом достаточно проста, это характерная для редупликации семантика усиления — *белый-белый* $\cong$ ‘очень белый’, и произносится она с одинаковым ударением на каждом из двух слов, без паузы и понижения тона после первого слова. Семантика конструкции с запятой (если ее можно считать конструкцией, а не свободным слово-употреблением) существенно более размыта — В. З. Санников определяет функцию повтора в данном случае как «усиление, подчеркивание» смысла; повторяющиеся в ней словоформы произносятся с перечислительной интонацией. Идиоматизированными вариантами ее заполнения являются наречия *эле-эле, едва-едва, чуть-чуть*, которые превратились в отдельные языковые единицы (ср. также [Крючкова 2004: 73, Санников 2010б: 193])¹⁰⁰. Однако в этих работах не анализируется частотность и ограничения сочетаемости конструкции с дефисом с разными типами прилагательных: *синий-синий, белый-белый, большой-большой, длинный-длинный*, но не **коричневый-коричневый, *оранжевый-оранжевый, *крупный-крупный* и пр.

Между тем, если посмотреть на общую сочетаемость данной конструкции (всего 2775 в основном корпусе НКРЯ), мы видим, что около 10% составляют реализации с прилагательным *большой (большой-большой)*, а 20% от всех сочетаний — это реализации с прилагательными абсолютного большого размера *большой (227)* и *длинный (101)*, а также двух основных «полярных» цветов — *черный (130)* и *белый (126)*. Абсолютные малые размеры и прочие цвета представлены намного меньше (*маленький-маленький* — 42, *красный-красный* — 25). Обозначения больших относительных размеров вовсе невозможны в этой конструкции: *крупный-крупный, а обозначения относительных малых размеров нехарактерны: 8 вхождений *мелкий-мелкий* в основном корпусе НКРЯ. Как видно из приведенных данных, в конструкции с редупликацией также действует отмеченная нами тенденция к выделению лексем-«фаворитов».

¹⁰⁰ В работах [Апресян В. 1997, Апресян 2007] отмечаются синтаксические и семантические свойства редуплицированных наречий *эле-эле, едва-едва* и *чуть-чуть*; упомянем их здесь кратко: *чуть-чуть*, в отличие от *чуть*, не является отрицательно поляризованной единицей; для всех этих наречий возможна постпозиция, в отличие от нередуплицированных (последнее также отмечается в работе [Санников 2010б]).

Итак, одним из наиболее важных результатов исследования является вывод о том, что у нестандартных конструкций имеется небольшое число лексем-«фаворитов», которые «обслуживают» большой процент ее реализаций. Так, лексема *странно* заполняет валентность Q в конструкции *как P ни Q, R* (где Q — признак) примерно в половине употреблений. В работе предлагается объяснение этого явления: на выбор лексем-«фаворитов», заполняющих валентности конструкции, влияет взаимная аттракция — семантическое согласование семантики конструкции и заполняющей ее валентности лексем, а также особенности языковой картины мира исследуемого языка.

Другой важный вывод состоит в том, что в ходе своей языковой эволюции реализации нестандартных конструкций с лексемами-«фаворитами» превращаются во фразеологизованные и грамматикализованные единицы, постепенно «откалываясь» от порождающей их конструкции. В качестве примеров этих явлений можно привести широкий пласт языковых выражений, в частности, фразеологизованные обороты *как ни странно*¹⁰¹, *как ни прискорбно*, фраземы *как ни крути*, *как ни верти*, *куда ни плюнь*, *что ни говори*, *кто ни попадя* и др. для конструкции *к-местоимение P ни Q, R*, фраземы *при всём желании*, *при всём уважении*, *при всём том*, *при этом* для конструкции *при всём P Q R*.

---

¹⁰¹ Интересно, что обороты *как ни странно* и *как ни крути* демонстрируют сильный рост частотностей со второй половины XX в., по-видимому, в связи с закреплением их особого, устойчивого, фразеологизованного статуса.

Раздел I, Глава 5. Уступительность в кругу родственных языковых концептов

Концепт уступительности не является изолированным в кругу других языковых концептов. В Главе 1 были показаны его связи с условием и противительностью, в Главах 2 и 4 — с желательностью, гипотетичностью, степенью. Было продемонстрировано, каким образом смыслы ‘желательность’ и ‘нежелательность’, ‘уверен’, ‘будет’, ‘может’, ‘высокая степень’, ‘низкая степень’ и пр., добавляемые к прототипу уступительности, служат для формирования значений новых уступительных слов и выражений. По мере добавления таких семантических компонентов значение языковой единицы всё больше удаляется от прототипа уступительности, понимаемой в терминологическом смысле, однако всё больше сближается со значениями слов *уступать*, *уступка*, которые также содержат указание и на желательность некоторой ситуации, и на ее труднодостижимость, и на необходимость компромисса (подробнее об этом парадоксе см. ниже, в разделе 5.2).

В данной главе рассматриваются парадигматические связи уступительности с желательностью, гипотетичностью и степенным (количественным) значением, а также анализируются корреляции этих семантических компонентов в значениях уступительных единиц¹⁰².

I.5.1. Полисемия уступительных единиц

Выше было показано, что все уступительные единицы, за исключением прототипа, содержат, в том или ином виде, один или больше из следующих трех семантических компонентов: ‘(не)желательность’, ‘реальность/гипотетичность’, ‘низкая/высокая степень’. В данном разделе будет продемонстрирована неслучайность этой семантической тенденции. Оказывается, что многие уступительные единицы развиваются из слов, основное значение которых связано именно с реальностью/гипотетичностью, желательностью или степенью. Неудивительно, что в ходе такой семантической эволюции производное (уступительное) значение лексической единицы сохраняет в себе «отсвет» основного.

---

¹⁰² В работе [Храковский 2004а:44-45] описывается грамматикализация слов со значением желательности, кванторных слов и слов со значением соответствия действительности как путь развития уступительного значения на широком типологическом материале.

Особенно продуктивными в этом смысле являются слова со значением количества или степени. От слов со значением степени происходят следующие уступительные единицы: *только бы 1, лишь бы 1, (вот) только 3; по крайней мере 2*.

Рассмотрим в качестве примера полисемию частицы *по крайней мере*. В своем основном значении *по крайней мере* имеет чисто количественное значение, которое, безусловно, просвечивает и в производном, уступительном значении этого слова, анализируемом ниже (оно представлено примерами типа *Если уж не можешь помочь, то по крайней мере не мешай*).

Частица *по крайней мере 1* имеет следующее значение:

(1) *Р по крайней мере 1 Q* (*На заседании присутствовало по крайней мере тридцать человек*) = ‘говорящий не знает точную величину Р; говорящий утверждает, что Р не меньше чем Q; говорящий считает, что Р может быть больше чем Q’.

Аналогами частицы *по крайней мере 1* являются количественные выражения *не меньше чем, как минимум и по меньшей мере*.

У уступительной частицы *по крайней мере 2* есть еще одна близкая лексема — частица *по крайней мере 3* с промежуточным — полуколичественным, полууступительным — значением; ср. *Кроме привычки к точности, переводчик-филолог знает лучше других — или, по крайней мере, должен знать — еще одно правило* (М. Гаспаров, Записи и выписки).

Частица *по крайней мере 3* предполагает, что говорящему неизвестно точное положение вещей, и он, не желая настаивать на более сильном утверждении Р, которое может оказаться ошибочным и с которым не согласен его потенциальный оппонент, заменяет его на более слабое Q, в правильности которого он уверен. При этом, однако, говорящий думает, что в норме из Q следует или должно следовать Р, поэтому, с его точки зрения, более сильное утверждение Р также является верным. Ср. *Белоруссия составляет исключение [Р], по крайней мере, об этом громко заявляли президенты обеих стран [Q]* (Александр Братерский, Минск не хочет жить по карточкам, «Известия», 2003.01.17) [импликация: если президенты что-то заявляют, в норме это должно быть правдой].

Для частицы *по крайней мере 3* предлагается следующее толкование:

(2) *Р; по крайней мере 3 Q* (*Он хороший работник [Р], по крайней мере, никто не жалуется [Q]; Мне кажется, они близкие друзья [Р], по крайней мере, они много*

времени проводят вместе [Q]) = ‘кто-то считает, что Р не имеет места; говорящий не знает, имеет ли место Р; говорящий знает, что имеет место Q; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа Q, то имеет место ситуация типа Р; поэтому говорящий думает, что должна иметь место Р; говорящий утверждает, что имеет место Q’¹⁰³.

Аналогами *по крайней мере 3* являются выражения *в любом случае* и *во всяком случае*, также демонстрирующие направление семантического развития от чистой квантификации в сторону уступительности; ср. *У личности нет прав — во всяком случае, тех, о которых кричат при постройке новых взаимоотношений* (М. Гаспаров, Записки и выписки); *Возможно, я отчасти ненавидел ее — виновницу убийства мною друга [...]* *В любом случае — прежняя любовь исчезла* (М. Веллер, Колечко) [и в том, и в другом примере говорящий производит самокорректировку в сторону уменьшения силы высказывания в порядке уступки воображаемому оппоненту].

Интересным аналогом *по крайней мере 3* является конструкция *не то чтобы...* (*а/но*); ср. *Со временем всё не то чтобы забывается, но сглаживается*. Конструкция *не то чтобы...* (*а/но*) тоже имеет отношение к тому, что можно назвать «осторожной номинацией» или «самокоррекцией»: говорящий, не желая делать слишком сильное высказывание Р, которое может оказаться неверным, заменяет его на более слабое, но заведомо верное Q. Однако у этой конструкции есть и прагматические, и семантические отличия от *по крайней мере 3*.

Во-первых, *по крайней мере 3* указывает на то, что говорящий считает, что на основании Q можно сделать вывод о существовании Р, а *не то чтобы...* (*а/но*) такой импликации не содержит; ср. *Оформлением приглашений должна заниматься секретарша [Р], по крайней мере, это входит в ее обязанности [Q]* [импликация: если что-то входит в обязанности человека, он этим занимается], при странности ??*Она не то чтобы должна этим заниматься [Р], но это входит в ее обязанности [Q]*. Ср., кроме того, отсутствие такой импликации во фразах типа *Она не то чтобы обиделась [Р], но, наверно, слегка расстроилась [Q]*, где Р и Q связаны чисто количественными отношениями, а не отношениями обусловленности. В такого рода фразах употребление

---

¹⁰³ Легко заметить, что в толковании *по крайней мере 3* просматривается некоторая «уступительность наоборот»: в толковании уступительных единиц есть компонент вида ‘обычно, если Р, то не Q’, тогда как у *по крайней мере 3* — ‘обычно, если Р, то Q’.

по крайней мере 3 невозможно: ??*Она обиделась [P], по крайней мере, слегка расстроилась [Q].*

Во-вторых, эти две единицы различаются своей диалогической функцией. *По крайней мере 3* предполагает, что мнение говорящего о том, что имеет место P, может быть оспорено (потенциальным) оппонентом, в силу чего говорящий вынужденно заменяет правильное, с его точки зрения, утверждение о P на более слабое утверждение о Q: — *Думаю, мы дело выиграем [P]. — Сильно в этом сомневаюсь. — По крайней мере, закон на нашей стороне [Q].*

Не то чтобы... (а/но), напротив, часто употребляется в контекстах, где мнение о существовании P высказывается собеседником (оппонентом), а говорящий в мягкой форме заменяет это слишком сильное, по его мнению, утверждение на более слабое: — *Ты устал [P]? — Не то чтобы сильно устал [P], но немного утомился [Q].*

Однако в большинстве случаев употребления этих лексем реальный оппонент отсутствует, и в связи с этим встает вопрос о том, чем мотивировано упоминание ситуации P, если говорящий всё равно в порядке самокоррекции заменяет утверждение о P на утверждение о Q. Представляется возможным следующее объяснение: как это ни парадоксально (ведь говорящий уступает оппоненту!), это делается говорящим для усиления собственных позиций в диалоге. Хотя формально говорящий делает утверждение только о существовании Q, на самом деле он подразумевает, что имеет место нечто большее, чем Q. В самом деле, фраза *Моя жизнь не то чтобы совсем пуста [P], но не изобилует яркими событиями [Q]* прагматически «сильнее», чем фраза *Моя жизнь не изобилует яркими событиями* (и которую можно было бы продолжить *...но и пустой ее никак не назовешь*). Аналогично, фраза типа *В младшей школе не рекомендуется ставить оценки, по крайней мере, в первом классе* «сильнее», чем фраза *В первом классе не рекомендуется ставить оценки*.

Некоторые уступительные единицы являются производными от слов со значением реальности/гипотетичности (или фактивности/путативности). Так, во многие уступительные выражения входят форманты со значением гипотетичности *бы* и *если* (*если даже, если и 2; если уж не...; хотя бы 3 (и), хоть бы 3 (и); добро бы, пускай бы, ладно бы; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*); уступительный союз *правда 7* является производным от существительного *правда 1* с фактивным значением; путативное слово *конечно* развивает уступительное значение; ср. *Что друзья твои погибли, это жаль,*

конечно. Но ты пойми: без жертв не бывает (Ю. Буркин, Рок-н-ролл мертв). В каком-то смысле все уступительное значение является производным от смысла условия (и, таким образом, гипотетичности) — и этимологически, и на синхронном семантическом уровне.

Относительно смысла желательности утверждение о наличии тесных словообразовательных связей с уступительными единицами также оказывается верным. Так, союз *хотя 1* происходит от глагола *хотеть*; уступительные лексемы *пусть 2*, *пускай 2* и *пусть 3*, *пускай 3* являются производными от оптативных лексем *пусть 1* и *пускай 1*; фраземы *добро бы* и *ладно бы* происходят от слов *добро* и *ладно* со значением положительной оценки и желательности.

1.5.2. Парадигматические связи уступительных лексем и взаимодействие семантических компонентов в их значениях

В данном разделе на примере двух синонимических рядов — *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* и *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* — рассматриваются связи уступительных лексем с другими, семантически близкими им лексемами, а также анализируется взаимодействие семантических компонентов ‘желание’, ‘реальность/гипотетичность’ и ‘высокая / низкая степень’ в их значениях.

Перечисленные лексемы являются, в некотором смысле, переходными, пограничными единицами, находящимися на пересечении разных родственных уступительности значений.

Начнем с лексем первой группы — *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*¹⁰⁴. В своем уступительном значении они представлены во фразах типа *Я на всё готова* [P], *только бы <лишь бы> он вернулся* [Q]; *Хоть бы он вернулся цел и невредим* [Q]¹⁰⁵.

Все эти лексемы предполагают, что субъект очень хочет, чтобы было некое Q, такое, что ради его осуществления субъект готов отказаться от желательного P или согласиться на нежелательное P. Таким образом, они содержат семантический компонент ‘желание’.

Во-вторых, они указывают на то, что осуществление P для субъекта важнее

---

¹⁰⁴ Этот синонимический ряд подробно рассмотрен в работе [Апресян В., Григорьева 2004].

¹⁰⁵ У *хоть бы* есть и другая лексема с уступительным значением; см. *хоть бы 3* в разделе 3.1.5.

других очень важных Р, это единственное, от чего субъект не готов отказаться и, таким образом, содержат семантический компонент 'степень'.

В-третьих, Р — это не факт, а ситуация, вероятность наступления которой варьируется в зависимости от обстоятельств и может даже быть равной нулю. Таким образом, эти лексеммы содержат семантический компонент 'гипотетичность'.

Наличие всех этих смысловых компонентов в значениях данных уступительных лексем сближает их с лексеммами самой разной семантики.

Единицы синонимической группы *только бы 2* сближаются в первую очередь с оборотами, имеющими оптативное значение: *хорошо бы, неплохо бы; вот бы; пусть 1* (*Пусть всегда будет солнце, Пусть Бог тебя накажет*), *необходн. да 9* (*Да будет свет*), разг. *чтоб 4* (*Чтоб ноги твоей здесь больше не было*) и пр.

Фраземы *хорошо бы, неплохо бы* сближаются с рассматриваемыми синонимами в том круге употреблений, где последние используются для выражения пожелания. *Хорошо бы и неплохо бы* указывают на меньшую силу желания и меньшую важность Q для говорящего, чем *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*. Ср. *Побеленное крыльцо с балюстрадой [...] Хорошо бы на нем попить чаю!* (А. Арьев, Предисловие к повести С. Довлатова «Заповедник»); — *Познабливает, — признался Виктор. — Надо выпить джину, — заметил Голем. — Да, неплохо бы...* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди), при прагматической неадекватности *Только бы попить на этом крыльце чаю!; Лишь бы выпить джину!*

Лексеммам *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2* также близка фразема *вот бы*, специфика которой состоит в том, что она обычно вносит указание на очень низкую вероятность или невозможность осуществления Q; ср. *Ведь я с ним сегодня целое утро провел у его немки; ведь мы сегодня втроем пели [...] вот бы вы послушали* (И. С. Тургенев, Накануне); *Вот бы поработать так-то, — замечтал он, пьянея всё более и более* (И. А. Гончаров, Обломов); *Вот бы в отпуск съездить, — мечтательно сказал усатый, — жену потрогать, вспомнить хоть, какая она есть* (К. Симонов, Солдатами не рождаются).

Лексеммы *пусть 1, да 9* и *чтоб 4* также сближаются с синонимами *только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*¹⁰⁶. Общей для них является некоторая перформативность:

¹⁰⁶ В работе [Корди 1990: 180] *только бы* и *лишь бы* также рассматриваются как единицы со смешанной семантикой: преимущественно оптативные, с наложением на семантику желания семантики условия, цели, и «согласия, допущения».

произнося их, говорящий как бы пытается сделать так, чтобы было Q, заклинает Q; ср. *Пусть всё будет хорошо; Да сбудется наша мечта; Чтоб ему удачи не было; Только бы <лишь бы, хоть бы> он был жив.*

Лексема *да 9* противопоставлена прочим анализируемым лексемам характером Q: для нее более типичны контексты, где Q носит созидательный характер; ср. *Да хранит тебя Бог, Да будет ему земля пухом, Рука дающего да не оскудеет.*

Лексема *чтоб 4*, напротив, чаще указывает на деструктивный характер P, для нее более естественно употребление в контекстах пожелания зла; ср. *Чтоб тебе пусто было, Чтоб ему провалиться.*

Лексема *да 9*, кроме того, противопоставлена всем остальным лексемам по признаку степени контроля говорящего над осуществлением Q. В случае *да 9* наступление Q как бы обеспечивается самим актом речи и, тем самым, непосредственно зависит от говорящего; ср. ее употребление в библейских текстах, где речь идет о сотворении мира (*Да будет свет*); ср. также *Идеализм рождается у господствующих классов от привычки сказать слово и получить вещь; вот так и Бог сказал: да будет свет* (М. Гаспаров, Записи и выписки); — *Да будет так!* — сказала она, — *я принимаю твое решение как Божие прощение* (И. А. Гончаров, Обрыв).

Лексеммы *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* предполагают наименьшую степень контроля над осуществлением Q. Более того, они часто употребляются в контекстах обращения к высшей силе с просьбой о Q; ср. *Господи, лишь бы они нас не заметили!*; *Господи! только бы успеть, только бы успеть!* (А. Битов, Преподаватель симметрии); *Господи, хоть бы кто-нибудь появился в этом [...] коридоре!* (Е. Филенко, Шествие динозавров).

Помимо вышеперечисленных лексем со значением пожелания, лексеммы *только бы 1* и *лишь бы 1* сближаются с лексемами со значением степени (количества). А именно, у *только бы* и *лишь бы* есть лексеммы *только бы 2*, *лишь бы 2* со значением ‘достаточно P, чтобы было Q, которое кто-то хочет’; ср. *Ну что ж, и тогда можно узнать, — спокойно отвечал ему на это Орган. — Для этого есть звезды на небе. Звезды не подведут, всегда точно укажут. Только бы сам знал, где какая звезда* (Ч. Айтматов, Пегий пес, бегущий краем моря); *Тут можно было загорать даже в самую ветреную погоду — лишь бы светило солнце* (Саша Соколов, Школа для дураков).

Наконец, они близки и к лексемам группы *по крайней мере 2*, хотя бы *1*, хотя *3*, имеющим уступительное значение, в которое также входят смыслы ‘желание’, ‘степень’, ‘гипотетичность’. Ср. *Если он не может приехать на конференцию [P], пусть, по крайней мере, пришлет свою статью [Q]; Если не можешь погостить подольше [P], может, хотя бы <хоть> на денек приедешь [Q]?*

С группой *по крайней мере 2* группа *только бы 2* сближается наличием следующих семантических компонентов: а) субъект хочет, чтобы было Q; б) субъект готов примириться с тем, чтобы не было P; в) субъект понимает, что вероятность Q как минимум не стопроцентна, а часто и очень мала.

Различаются они в первую очередь соотношением P и Q. Группа *по крайней мере 2* предполагает, что субъект соглашается на меньшее или худшее Q, понимая, что получить большее или лучшее P невозможно. Ряд *только бы 2* вводит другое соотношение: ради очень важного для него Q субъект готов пожертвовать любым P. Ср. *Если уж не можешь пойти в гости [P], позови кого-нибудь, чтобы по крайней мере не оставаться одному [Q] VS. Пусть бы они погибли вместе, пусть бы скорее умерли от жажды и голода [P], но только бы не оставаться одному в полном и страшном одиночестве [Q]* (Ч. Айтматов, Пегий пес, бегущий краем моря).

Имеется определенная корреляция между разными семантическими компонентами в значении уступительных единиц групп *по крайней мере 2* и *только бы 2*. А именно, степень (количество) и вероятность коррелируют с желанием: чем больше желание получить нечто, тем ниже вероятность получения и меньше количество или степень того, что субъект надеется получить.

Значение лексем в синонимических группах *только бы 1* и *по крайней мере 2* очень удалено от прототипа уступительности в том виде, в каком он был сформулирован выше, однако оно близко языковому значению слов *уступать*, *уступка* и т. п. (см. также выше, раздел 1.1. Уступительность как фигура речи и смысл). Как будет показано ниже, все эти лексем предполагают ситуации, которые могли бы быть адекватно описаны глаголом *уступать*: говорящий или субъект под давлением обстоятельств отказывается от чего-то, что он бы хотел иметь или соглашается на нечто меньшее, чем желаемое. В описании значений этих лексем используются слова, близкие по смыслу к *уступать* — слова, описывающие ситуации компромисса, уступки, — такие как *соглашаться*, *довольствоваться* и пр. Заметим, что и в удаленных от прототипа уступительных

единицах, и в словах *уступать*, *довольствоваться* присутствуют, в том или ином виде, семантические компоненты ‘желание’, ‘реальность/гипотетичность’, ‘низкая степень’.

1.5.2.1. Семантика синонимов *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2*

Лексемы *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* можно проиллюстрировать, помимо примеров предыдущего раздела, фразами типа

(3) а) *Я готова жить где угодно, только бы уехать из этого города*

б) *Он согласен на любую работу, лишь бы она была недалеко от дома*

в) *Хоть бы он вернулся поскорей!*

Для них предлагается следующее толкование:

(4) Пусть ¹⁰⁷ Р, *только бы* <*лишь бы*, *хоть бы*> Q = ‘субъект (часто сам говорящий) очень хочет, чтобы было Q; он считает, что если не будет других Р, которые он хочет, или будут Р, которых он не хочет, то может быть Q; он говорит, что хочет, чтобы было Q; он говорит, что согласен, чтобы не было Р, которые он хочет или были Р, которых он не хочет’.

Отчасти предлагаемое толкование совпадает с толкованиями целевых слов, однако особенность данной группы слов состоит в очень большой важности Q для субъекта и (для лексем *только бы 1* и *лишь бы 1*) в его предполагаемой готовности пожертвовать всем, кроме Q, для достижения Q. В контекстах, где эти условия не соблюдаются, *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* не употребляются; ср. невозможность **Я готов кое-чем пожертвовать, только бы <лишь бы> ее спасти*.

Все эти лексем используются для выражения сильного желания в ситуации, когда осуществление Q неподконтрольно субъекту желания или не полностью зависит от него. Синтаксически отсутствие контроля проявляется в выборе особых типов конструкций. Ср. правильность *Хоть бы <лишь бы> он приехал* при невозможности **Хоть бы <лишь бы> я приехал*.

Между *только бы 1* и *лишь бы 1*, с одной стороны, и *хоть бы 2*, с другой, имеются некоторые смысловые различия. В своем основном круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1* особенно ярко противопоставлены *хоть бы 2*.

---

¹⁰⁷ В синтаксическом входе для введения валентности Р используется конверсив лексем *только бы 1*, *лишь бы 1*, *хоть бы 2* — уступительная лексема *пусть 3* со значением предела (см. раздел 3.1.5), а не их аналог — оптативная лексема *пусть 1*.

В этом круге употреблений они предполагают, что субъект готов пожертвовать чем-то важным, чтобы получить что-то еще более важное. Субъект идет на то, чтобы потерять желательное для него Р, либо на то, чтобы нежелательное для него Р имело место; ср. *Вдруг охватит тоска по родине, и, кажется, всё бы отдал, только бы домой, вас повидать* (А. П. Чехов, Архиерей); *Людам свою собственную [жизнь] не жалко положить и жизнь своих сыновей, и любые трудности вынести, лишь бы внукам и правнукам было хорошо* (Ю. Алешковский, Кенгуру). Для *хоть бы 2* это невозможно; ср. неправильность

(5) **Я всё бы отдала, хоть бы его повидать.*

В этом круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1* допускают несовпадение субъекта желания и говорящего. Ср. *Я готова на всё, только бы <лишь бы> ему помочь* VS. *Она готова на всё, только бы <лишь бы> ему помочь*. Ср. также следующие примеры, иллюстрирующие несовпадение субъекта желания с говорящим: *Этим турфирмам лишь бы <только бы> деньги содрать.*

Для *хоть бы 2* и это невозможно; ср.:

(6) **Этим турфирмам хоть бы деньги содрать.*

Во втором круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1* сближаются с *хоть бы 2* и используются для выражения сильного желания, чтобы было Q, вероятность которого не очень высока и наступление которого абсолютно не контролируется субъектом. Ср. *Только бы видеть человеческие лица, слышать звуки человеческого голоса* (А. Н. Апухтин, Между жизнью и смертью); *Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила* (К. Паустовский, Телеграмма); *Хоть бы приехать скорее!* (Ю. Казаков, Вон бежит собака).

В этом круге употреблений *только бы 1* и *лишь бы 1*, как и *хоть бы 2*, не указывают на какие-либо действия субъекта, направленные на достижение желаемого.

Единственное, что предпринимает с этой целью субъект, — это речевое выражение пожелания, часто с обращением к высшим силам, на помощь которых он уповаает. Ср. *Только бы не кремировали, Господи!* (И. Сергиевская, Флейтист); *Господи, только бы не зареветь!* (Анатолий Мариенгоф, Мой век, мои друзья и подруги); *Господи, лишь бы выбраться отсюда; Господи, хоть бы выход скорей* (М. Булгаков,

Белая гвардия); *Ой, господи! Хоть бы не свалилась* (В. Белов, Деревенское утро); *Господи! Хоть бы помереть скорей!* (В. Кунин, Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа!...»); *Господи, хоть бы звук какой-нибудь!* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров).

Для *хоть бы 2* также возможны особые употребления, где этот синоним на самом деле не указывает на желание говорящего, чтобы было Q, а служит для того, чтобы дать выход его эмоциям, обычно негативным; ср. *Хоть бы свалился да шею сломал!* (В. Белов, Рассказы о всякой живности); *Яша. Надоел ты, дед. (Зевает.) Хоть бы ты поскорее подох* (А. П. Чехов, Вишневый сад).

Предлагаемое в начале раздела толкование было ориентировано на некоторое усредненное значение описываемых лексем. С учетом их семантических особенностей, перечисленных выше, необходимо уточнить это толкование.

Для *только бы 1* и *лишь бы 1*, поскольку они могут указывать не только на выраженное желание субъекта, чтобы было Q, но и на действия P, которые он с этой целью совершает, предлагается следующее уточненное толкование:

(7) Пусть P, *только бы* <*лишь бы, хоть бы*> Q = ‘субъект (часто сам говорящий) очень хочет, чтобы было Q; он считает, что если не будет других P, которые он хочет, или будут P, которых он не хочет, то может быть Q; он говорит, что хочет, чтобы было Q; он говорит, что согласен, чтобы не было P, которые он хочет, или были P, которых он не хочет; он делает или готов сделать так, чтобы не было P, которые он хочет или были P, которых он не хочет’.

Для *хоть бы 2*, с учетом, что никакого действия, помимо словесного пожелания, для осуществления Q со стороны субъекта не предполагается, и что субъектом является сам говорящий, толкование модифицируется следующим образом:

(8) *Хоть бы Q* = ‘говорящий очень хочет, чтобы было Q; он говорит, что хочет, чтобы было Q’.

1.5.2.2. Семантика синонимов по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3¹⁰⁸

Лексеммы *по крайней мере 2, хотя бы 1, хоть 3* можно проиллюстрировать следующими примерами:

---

¹⁰⁸ Подробное описание этого синонимического ряда см. также в работе [Апресян В. 1999].

(9) а) *Если ты его не любишь [P], ты могла бы его по крайней мере уважать [Q].*

б) *Хорошо, что хотя бы раз в год удается приезжать, многие и такой возможности не имеют.*

в) *Дай мне хоть горбушку хлеба [Q], я умираю от голода.*

г) *Следовало бы [...] единственно из простой вежливости [...] подойти и благословиться у старца, по крайней мере хоть благословиться, если уж не целовать руку (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).*

д) *Не исключено, что у нас хватит здравого смысла если уж не отказаться от военных действий полностью, то хоть вести себя столь же рассудительно, как наши предки в восемнадцатом веке (О. Хаксли, О дивный новый мир, пер. с англ.).*

Как видно из приведенных примеров, данные лексемы описывают два типа ситуаций: 1) когда в отсутствие чего-то большего или лучшего говорящий (или субъект) готов был бы удовлетвориться чем-то малым; 2) когда, боясь, что он не получит ничего, говорящий (или субъект) просит о чем-то малом. В контексте не всегда присутствует эксплицитное указание на ситуацию P — то, чего бы говорящий (или субъект) действительно желал, в то время как указание на ситуацию Q — ее замену — обязательно.

Для лексем группы *по крайней мере 2* предлагается следующее толкование:

(10) *Если уж не¹⁰⁹ P, то по крайней мере <хотя бы, хоть> Q = 'субъект или говорящий очень хочет, чтобы было P; субъект или говорящий считает, что P не будет; субъект или говорящий считает, что может быть Q; субъект или говорящий хочет, соглашается, делает или готов делать так, чтобы было Q, которое мало или меньше P'.*

Между лексемами *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* есть некоторые семантические различия. Основное различие между синонимами, из которого вытекают все остальные, касается количественных характеристик ситуации Q, на которую готов согласиться субъект. Синонимы выстраиваются по шкале, где *по крайней мере 2* предполагает самую высокую количественную оценку Q, *хоть 3* — самую низкую, а *хотя бы 1* располагается между ними.

---

¹⁰⁹ В синтаксическом входе для введения валентности P используется конверсив лексем *по крайней мере 2*, *хотя бы 1*, *хоть 3* — уступительная конструкция *если уж не... то*, в комбинации с которой они часто употребляются.

По крайней мере 2 обычно предполагает сравнение искомой ситуации Q с другой ситуацией, лучшей, чем Q; ср. *Надо по крайней мере купить дачу, если на квартиру не хватает*. Таким образом, *по крайней мере 2* вводит некий относительный минимум, которым субъект готов удовлетвориться.

При этом *по крайней мере 2* предполагает, что Q, которое имеет или на которое претендует субъект, хотя и меньше, чем он хотел, однако само по себе не обязательно мало; ср. *Что ж, разве я лучше? У меня по крайней мере есть муж, которого я люблю* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

По крайней мере 2 не предполагает, что вероятность получения желаемого непременно низка; она может быть и высокой, даже стопроцентной. Поэтому частица *по крайней мере 2* возможна и в контекстах, где речь идет о реально имеющей место ситуации Q, а также в контекстах должествования, указывающих на то, что нечто наверняка будет иметь место. Ср. *Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки [...] по крайней мере, в продолжение одного года* (Н. В. Гоголь, Шинель); — *По крайней мере, если придется ехать, я буду утешаться мыслью, что это сделает вам удовольствие* (Л. Н. Толстой, Анна Каренина).

В отличие от частицы *хоть 3*, предполагающей просьбу, *по крайней мере 2* часто употребляется, когда субъект требует чего-то; ср. — *По крайней мере, вы обязаны обеспечить служащим нормальные рабочие условия*.

В *хоть 3*, напротив, сравнение идет с чем-то худшим, чем искомая ситуация: субъект допускает, что он получит существенно меньше, чем хочет, или вообще ничего. *Хоть 3*, таким образом, предполагает очень низкую количественную оценку ситуации Q: то, чем готов довольствоваться субъект или говорящий, приближается к абсолютному минимуму¹¹⁰. Хотя субъект хочет получить этот минимум, последний ни в коей мере не является для него достаточным, не может удовлетворить его реальные потребности; ср. *Дай мне хоть корку хлеба <глоток воды, миг передышки>* [корка хлеба не может насытить, глоток воды не может утолить жажду, миг передышки не дает отдыха]. В контекстах, где искомая ситуация осмысливается не как абсолютный минимум, а как удовлетворяющая какую-то, пусть даже скромную

---

¹¹⁰ Это свойство *хоть* в данном значении также отмечается в работе [Николаева 1999: 313].

потребность, частица *хоть* 3 неупотребительна; ср. странность ?*Надо хоть иметь перед собой ясную цель*, при возможности *хотя бы* 1 и *по крайней мере* 2 в этом контексте.

Частица *хоть* 3 содержит в своем значении имплицитное отрицание. По своим семантическим и сочетаемым свойствам она может быть отнесена к числу отрицательно поляризованных языковых единиц. Она наиболее естественна в контексте лексем со значением ничтожно малой степени (*крошечка, крупица, капелька* и т. п.), часто тоже отрицательно поляризованных; ср. *Это называется «скорее погибнет земля и небо, чем потеряется хоть одна йота из закона»* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня* (А. П. Чехов, Вишневый сад); *Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше, чем сыграл Патрикеев* (М. Булгаков, Театральный роман); *Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупица благоухания* (Вен. Ерофеев, Москва — Петушки).

Хоть 3, в отличие от *по крайней мере* 2, часто предполагает очень маленькую вероятность наступления желательной ситуации; субъект понимает, что скорее всего он не получит желаемого. Поэтому *хоть* 3 употребляется в первую очередь в контекстах ирреальности и гипотетичности. Ср. *О что бы я сейчас отдал, чтобы еще хоть раз взглянуть на них* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Если бы у Олега Глазова была хоть какая-нибудь сноровка, он зацепился бы в прифронтовой полосе или сразу же постарался бы попасть в колонну, идущую в глубокий тыл* (В. Астафьев, Сашка Лебедев); *Додумаю ли я сегодня до конца хоть одну мысль!* (А. Битов, Преподаватель симметрии). В подобных контекстах *по крайней мере* 2 было бы совершенно неуместно.

Невысокая вероятность получения желаемого влечет за собой бóльшую, чем у *по крайней мере* 2, готовность к уступкам, компромиссу. *Хоть* 3 предполагает, что субъект вынужден быть благодарным за что-то, что ни в коей мере не является удовлетворительным. Для *хоть* 3 поэтому характерно употребление в таких перечислительных конструкциях, которые указывают на готовность говорящего к всевозможным дальнейшим уступкам. Ср. *В самом деле: человеку, чтобы счастливо существовать, нужно хоть час в день, хоть десять минут существовать машинально* (В. Набоков, Соглядатай); *И разговор ее был жалок: / Она сидела до зари / И говорила: Подари / Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок* (О. Мандельштам, Сегодня ночью, не солгу...).

Низкая вероятность получения Q увеличивает желание субъекта обладать им, и в *хоть 3* это желание сильнее, чем в *хоть бы 1* и тем более в *по крайней мере 2*. Поэтому для *хоть 3* характерна ситуация упрощения и контекст глаголов типа *упрашивать, умолять, заклинать, указывающих* не только на сильное желание, но одновременно и на зависимое и несколько униженное положение субъекта¹¹¹; ср. *Ну тогда хоть на недельку, — стал упрашивать Таборский* (Ф. Абрамов, Братья и сестры); *[Митя] молил бога — и, увы, всегда напрасно! — увидеть ее вместе с собой, [...] хоть во сне* (И. Бунин, Митина любовь); — *Прошу вас! Прошу не для себя, а в интересах правосудия! Умоляю, наконец! Сделайте мне одолжение хоть раз в жизни! — Дюковский стал на колени* (А. П. Чехов, Шведская спичка).

В случаях, когда говорящий не совпадает с субъектом, свойственная *хоть 3* эмоциональная окраска часто приобретает форму эмпатии говорящего по отношению к субъекту; ср. *А надменный половой / Шваркал мокрой тряпкой, / Бог с поникшей головой / Горбил плечи зябко / И просил у цыган хоть слова, / Хоть немножечко, хоть чуть слышно* (А. Галич, Цыганский романс); *Шофер-поляк вел машину тихо, чтобы бойцы, оглушенные и разбитые в ночном рейсе, хоть немного передохнули* (В. Астафьев, Сашка Лебедев); *Одну старушку не можете ли вы устроить куда-нибудь на «Дон-Карлоса»? А? Хоть в ярус?* (М. Булгаков, Театральный роман). Для более официального, сухого *по крайней мере 2* это менее характерно.

У *хоть бы 1* есть два круга употреблений. Подобно *хоть 3*, эта частица может указывать на то, что желаемое очень мало; ср. *Как же может управлять человек, если он [...] лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *За всю [...] жизнь он не слышал от нее ни одного слова, не видел в ней ни одного движения, хоть как-то проникнутых теплотой сочувствия к нему, хотя бы самой малой любовью* (Ю. Гончаров, Инженер Климов); *Василий Данилович понимал, что Онисимов стремится получить передышку хотя бы на несколько минут* (А. Бек, Новое назначение).

В этом круге употреблений *хоть бы 1*, как и *хоть 3*, предполагает невысокую вероятность получения P и поэтому часто употребляется в контекстах ирреальности и желательности. Ср. *Разве во власти Наполеона было создать хотя бы букашку, хоть*

---

¹¹¹ Интересно, что и в сочетаемостных свойствах уступительной лексемы *хоть 3* обнаруживается всё та же связь с гипотетичностью, малой степенью и желательностью.

какую былинку? (А. Битов, Преподаватель симметрии); *Так попытаемся хотя бы данный миг не омрачать унынием и скукой!* (С. Довлатов, Чемодан); *Он восклицал: — Как это прекрасно — иметь хотя бы горсточку собственной земли!* (С. Довлатов, Соло на IBM).

Как и *хоть 3, хотя бы 1* предполагает достаточно большое желание, чтобы ситуация Р существовала, и одновременно более чем скромные возможности субъекта повлиять на это; ср. *Но раздался легкий стук — котелок колесом побежал по панели, и я кинулся за ним, стараясь на него хотя бы наступить, лишь бы как-нибудь его удержать* (В. Набоков, Соглядатай).

Во втором круге употреблений *хотя бы 1* ближе к *по крайней мере 2* и может указывать на некую минимальную достаточность ситуации Р, на то, что она удовлетворяет каким-то минимальным требованиям или потребностям. Ср. *Этот человек-бомба долго готовился к своему акту, и его потерявшая смысл жизнь обрела хотя бы цель* (А. Битов, Преподаватель симметрии).

Хотя бы 1 употребляется в контекстах реального существования некоего положения дел и в контекстах долженствования, характерных для *по крайней мере 2*; ср. *Кающийся грешник хотя бы на словах разделяет добро и зло* (С. Довлатов, Соло на IBM); *Опытный Максимилиан Андреевич знал, что для этого первым и неизменным шагом должен быть следующий шаг: нужно во что бы то ни стало, хотя бы временно, прописаться в трех комнатах покойного племянника* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

В этом круге употреблений *хотя бы 1* не предполагает, что говорящий или субъект обладает ограниченными возможностями влиять на ситуацию. Наоборот, он может отчасти диктовать условия, предъявлять некоторые требования; ср. *Он настаивал, чтобы она прочла хотя бы предисловие к «Божественной комедии» Данте* (В. Каверин, Косой дождь).

1.5.3. Уступительность в контексте ‘компенсации’ и ‘оговорки’

В данном разделе рассматриваются лексемы, выражающие уступительный смысл ‘оговорка’ и близкий к нему смысл ‘компенсация’. Первый представлен союзами *хотя 2 (и), хоть 2 (и), правда 7, (вот) только 4*, а второй — союзом (*зато*). Можно сказать, что все они, как и рассмотренные выше лексемы рядов *только бы 1* и *по крайней мере 2*, содержат смысл ‘уступка’ в его бытовом, нетерминологическом значении — все эти лексемы предполагают, что говорящий на чем-то настаивает, а в чем-то уступает

реальному или потенциальному собеседнику, признает частичную правоту противоположной точки зрения. Интересно, что лексемы со значением ‘оговорки’, как это свойственно и многим другим удаленным от прототипа уступительным лексемам, обнаруживают тесную связь со смыслами ‘реальности/гипотетичности’ и ‘малой степени/количества’: уступительный союз *правда* 7, как было сказано выше, восходит к существительному *правда* 1 с фактивным значением, а уступительный союз (*вот*) *только* 4 — к частице *только* 1 со значением низкой оценки количества или степени.

1.5.3.1. Семантика синонимов *хотя* 2 (*и*), *хоть* 2 (*и*), *правда* 7¹¹²

У основных уступительных союзов *хотя* 2 (*и*) и *хоть* 2 (*и*) есть близкие лексемы, связанные с ними отношениями конверсивности¹¹³. Валентность Q является у них первой, валентность P — второй. Ср. пару примеров, где в (11а) представлен союз *хотя* 1, а в (11б) — союз *хотя* 2:

- (11) а) *Хотя начиналась осень, дни стояли теплые.*
б) *Уже начиналась осень, хотя дни стояли теплые.*

В работе [Урысон 2003] предлагается рассматривать *хотя* 1 и *хотя* 2 как неточные конверсивы, поэтому толкование *хотя* 2 получается из толкования *хотя* 1 путем изменения статусов валентностей (а также элиминации третьей валентности — валентности «благоприятного фактора», наличие которой приписывается союзу *хотя* 1).

Однако представляется, что, при существовании отношений синтаксической конверсии между этими союзами, семантически они более далеки, нежели даже неточные конверсивы.

Во-первых, в большинстве случаев фразы с *хотя* 1 нельзя путем конверсивного преобразования превратить во фразы с *хотя* 2, а фразы с *хотя* 2 не трансформируются во фразы с *хотя* 1. Часто при попытке трансформации получаются либо аномальные фразы, либо фразы с другим смыслом; ср. следующую фразу с *хотя* 1, не переводимую во фразу с *хотя* 2:

- (12) *Его была дрожь, хотя он тепло оделся ≠ Он тепло оделся, хотя его была дрожь.*

¹¹² Отчасти эти союзы были описаны автором в словарной статье ХОТЯ 1 в [Апресян и др. 2004].

¹¹³ Конверсивность *хотя* 1 и *хотя* 2 отмечается в работе [Урысон 2003: 231].

Первая фраза предполагает, что обычно, когда человек тепло одевается, он не дрожит. Вторая фраза имплицитно предполагает совершенно другую закономерность, энциклопедически ошибочную, согласно которой, если человека бьет дрожь, он не станет тепло одеваться. При этом в обеих фразах использован союз *хотя 1*, что доказывается возможностью синонимичной замены *хотя* на *несмотря на то, что* в обеих фразах. Ср. также аномальную трансформацию:

(13) *Тетя Тося никогда не держала и не держит кур, хотя все условия вроде бы для этого есть* (В. Астафьев, Курица — не птица) $\neq$ **Все условия вроде бы для этого есть, хотя тетя Тося никогда не держала и не держит кур.*

Фразы с *хотя 2* тоже не всегда трансформируются во фразы с *хотя 1*; ср. невозможность

(14) *Ремонт идет, хотя всё происходит очень медленно* $\neq$ *Хотя ремонт идет, всё происходит очень медленно.*

В обеих фразах использован союз *хотя 2*, что доказывается невозможностью замены *хотя* на *несмотря на то, что* в обеих фразах. При этом фразы различаются акцентами: в первой более важным является то, что ремонт всё-таки идет, во второй — что это происходит медленно.

Во-вторых, смысл, который вносит во фразы союз *хотя 1*, иной, нежели смысл, вносимый *хотя 2*. *Хотя 1* указывает на существование двух ситуаций, одна из которых должна была бы помешать другой существовать. *Хотя 2* указывает на противоречие несколько иного рода. Ср. еще пару фраз с *хотя 2*:

(15) а) *Платят нам регулярно [P], хотя немного [Q].*

б) *Платят немного [P], хотя регулярно [Q].*

В обеих фразах фигурирует союз *хотя 2*, т. к. ни одна из них не указывает на наличие ситуации-помехи: регулярность выплат не препятствует их небольшой сумме, а небольшая сумма не является помехой для регулярности. Различаются данные фразы оценкой: в первой фразе важнее то, что платят регулярно, а во второй — что платят немного.

Таким образом, в отличие от *хотя 1*, *хотя 2* вводит указание не на две ситуации, одна из которых объективно препятствует другой, а на две противоположные оценки, причем та из них, которая вводится союзом, менее важна, чем другая¹¹⁴.

¹¹⁴ Таким образом, *хотя 2* указывает не на нарушение объективной, энциклопедической закономерности,

Рассмотрим, наконец, те фразы, которые в работе [Урысон 2003: 231] считаются конверсивными трансформациями с союзами *хотя 1* и *хотя 2* с сохранением указания на две ситуации, существование одной из которых препятствует существованию другой: *Хотя такие туманные летние дни хороши, охотники их не любят* VS. *Хороши такие туманные летние дни, хотя охотники их не любят*.

Первая из этих фраз, с союзом *хотя 1*, действительно указывает на ситуацию препятствования: обычно, если что-то хорошо, это любят. Однако вторая фраза, с союзом *хотя 2*, вводит другой смысл. Она является суждением о туманных летних днях, а именно похвалой им, значение которой несколько умаляется тем фактом, что кому-то они всё-таки не нравятся. Таким образом, подобного рода фразы являются частным случаем более широкого круга контекстов, свойственных *хотя 2* — контекстов, где речь идет о противоположных оценках.

Ниже предлагается более подробный анализ семантических и синтаксических различий между *хотя 1* и *хоть 1*, с одной стороны, и *хотя 2* и *хоть 2*, с другой. Кроме того, рассматривается вводное слово *правда 7*, синонимичное союзам *хотя 2* и *хоть 2*.

Хотя 2 и *хоть 2* отличаются от *хотя 1* и *хоть 1* в первую очередь семантически. Некоторые из различий уже были затронуты. Рассмотрим еще некоторые важные семантические различия между ними.

Во-первых, как уже было сказано, союзы *хотя 1* и *хоть 1* вводят идею онтологического противоречия между Р и Q, а *хотя 2* и *хоть 2* вводят идею противоречия оценок.

Во-вторых, для *хотя 1* и *хоть 1* Р и Q являются, как правило, двумя отдельными ситуациями; для *хотя 2* и *хоть 2* Р и Q — чаще разные аспекты одной и той же ситуации или разные характеристики одного и того же предмета; ср. *День был теплый, хотя и ветреный*; *Он человек приятный, хоть и сноб*.

Хотя 2 и *хоть 2* указывают на такой конфликт между двумя противоположно направленными или оцениваемыми свойствами Р и Q, в результате которого свойство Q в значительной мере ослабляет собой свойство Р, однако с точки зрения говорящего Р всё-таки является более важным для общей оценки ситуации. Ср. *Он актер* [Р],

---

а на нарушение чисто языкового принципа — принципа гармоничности (см. о нем выше, в разделе 1.3.1). Это сближает *хотя 2* с противительными союзами, в первую очередь с *но* (в особенности с *но* «коммуникативной неоднородности»; ср. [Санников 1989: 20]), от которого *хотя 2* отличается способностью *хотя* начинать сложносочиненное предложение: *Хотя она красивая, она глупая* VS. невозможность **Но она глупая, она красивая*.

хотя и плохой [Q] [для говорящего важнее, что субъект актер, чем то, что он плохой актер, хотя последнее обстоятельство и ослабляет собой важность первого]; *Уже создан опытный образец — он **хотя и** грубоват, но работает* [для говорящего важнее, что образец работает, чем то, что он грубоват] (Умные очки, «Знание — сила», 2003). В этом отношении *хотя 2* и *хоть 2* сближаются с союзом *но* и другими противительными союзами.

Всё это свойственно также вводному слову *правда 7*, с которым *хотя 2* и *хоть 2* сближаются семантически; ср. *Он, правда, некрасивый* [Q], *но он такой порядочный, чистый* [P] (А. П. Чехов, Три сестры) $\approx$ *Он такой порядочный, чистый, **хотя** <хоть> и некрасивый*. Свойство *некрасивый*, вводимое лексемами *правда 7*, *хотя 2*, *хоть 2* менее важно, чем свойства *порядочный* и *чистый*. Однако между *правда 7*, с одной стороны, и *хотя 2* и *хоть 2*, с другой, есть некоторые различия. Сравним пары фраз:

(16) а) *Погода была в целом хорошая, **хотя** <хоть> несколько дней или дожди*

б) *Несколько дней или дожди, **хотя** <хоть> в целом погода была хорошая*
VS.

(17) а) *Погода была в целом хорошая, правда, несколько дней или дожди*

б) *Несколько дней или дожди, правда, в целом погода была хорошая.*

Фраза (17б) несколько менее естественна, чем (16б). Это связано с тем, что союзы *хотя 2* и *хоть 2* могут вводить как желательные для кого-то, так и нежелательные ситуации, P и Q никак не маркированы в отношении оценки. Для вводного оборота *правда 7* более естественно вводить нежелательную для кого-то ситуацию, существование которой говорящий вынужден признать и за которую он как бы извиняется. Эта тенденция не является абсолютным правилом, и запрета на обратное распределение оценок нет. Однако в большинстве случаев распределение оценок именно таково: ситуация Q, вводимая лексемой *правда 7* — нежелательная, ситуация P — желательная; ср.: *Я, правда, деревни не знаю, но я много читала* (А. П. Чехов, Дядя Ваня); *Ему даже выбили специальную штатную единицу, пока полставки, правда, но это — пока* (А. Дмитриев, Закрытая книга); *Судя по всему, опыты проходили успешно. Правда, находились и завистники, которые жаловались, что гениальные эксперименты великого человека никто не может повторить* (Ф. Искандер, Созвездие Козлотура).

Чтобы продемонстрировать другую особенность *правда 7* по сравнению с *хотя 2* и *хоть 2*, сравним фразы:

(18) а) *Он мальчик умный, правда, ленивый — может и провалиться на экзамене*

б) *Он мальчик умный, хотя <хоть и> ленивый, — экзамены он сдаст*

Для фразы (18б) продолжение *может и провалиться на экзамене* звучит менее естественно, чем для фразы (18а). Это связано с тем, что союзы *хотя 2* и *хоть 2* предполагают более существенный перевес ситуации Р над Q, нежели союз *правда 7*. Как видно из приведенного примера, *правда 7* может даже употребляться в случае, когда ситуация Q перевешивает собой Р. В силу этого *правда 7* носит несколько извиняющийся, подчеркнuto «уступительный» характер — говорящий хоть и утверждает нечто, однако признает, что имеются достаточно важные аргументы в пользу противоположной точки зрения. Это связано с тем, что в уступительном союзе *правда 7* просвечивает другое значение этого слова — предикат *правда 2*, часто использующийся в качестве отдельной реплики для признания правоты собеседника или согласия с ним; ср. *А ссориться нам нечего, правда* (Л. Леонов, Барсуки); *«Здесь хоть красиво»*. — *Красиво было, правда* (В. Шукшин, Сураз).

Кроме того, *правда 7* не имеет следующего ограничения, свойственного *хотя 2* и *хоть 2*: для этих двух союзов характерно употребление, когда Р и Q — это аспекты одной ситуации, а *правда 7* столь же естественно употребляется и тогда, когда Р и Q — это разные ситуации. Ср. *Лена оказалась настолько любезна, что искала еще кое-какие цифры [Р], правда, теперь работа шла легче [Q], потому что известно, по крайней мере, о какой области идет речь* (А. Маринина, Стечение обстоятельств).

Соответственно, для этих союзов предлагаются следующие слегка различающиеся толкования:

(19) *Р хотя <хоть> (и) Q = (Он был добр [Р], хотя и вспыльчив [Q]) =* ‘У объекта или ситуации есть признак Р; у объекта или ситуации есть признак Q; Р и Q противоположно направлены или противоположно оцениваются говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации Р важнее, чем Q’

(20) *Р, правда, Q = (Он был очень добр [Р], правда, вспыльчив [Q]) =* ‘имеет место желательная ситуация Р; имеет место нежелательная ситуация Q; говорящий считает, что в данной ситуации Р несколько важнее, чем Q; говорящий признает, что

ситуация Q тоже может быть важной’.

Синтаксически *хотя 2* и *хоть 2* также отличаются от *хотя 1* и *хоть 1*. Союзы *хотя 1* и *хоть 1* одинаково свободно употребляются как в препозиции, так и в постпозиции, т. е. P и Q могут следовать друг за другом в любой последовательности; ср. *Хотя <хоть> было уже поздно [P], они еще не возвращались [Q] VS. Они еще не возвращались [Q], хотя <хоть> было уже поздно [P]*.

Для *хотя 2* и *хоть 2* более характерна постпозиция, т. е. обычно первой заполняется валентность P. Ср. *Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой, хотя и не привлекающий к себе персонаж* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Если же они находятся в препозиции и, таким образом, первой заполняется валентность Q, то в предложении или именной группе, заполняющей P, требуется употребление союза *но* или уступительной частицы типа *всё-таки* или *всё же*, а иногда и того, и другого. Ср. *Он человек хотя <хоть> и необразованный, но очень способный <всё же очень способный>* при невозможности **Он человек хотя <хоть> и необразованный, очень способный*. Для союзов *хотя 1* и *хоть 1* употребление *но* в такой ситуации было бы, наоборот, избыточным; ср. нестандартность *??Хотя <хоть> было уже поздно, но они еще не возвращались*.

Синтаксические свойства *правда 7* специфичны и отличаются от свойств *хотя 1* и *хоть 1*. Эта лексема употребляется как обособленный оборот, причем вводимая им пропозиция может находиться как в препозиции, так и в постпозиции к прочим частям предложения. ср. *Телефон [...] она ему дала, правда неохотно и с оговорками* (Ф. Искандер, Боль и нежность), *Правда, некоторые говорили, что деревянный броневик может двигаться на буйволах, запряженных изнутри, но дядя Сандро сомневался в этом* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

1.5.3.2. Семантика синонимов *зато* и (*вот*) *только 4*¹¹⁵

К рассмотренным в предыдущем разделе лексемам *хотя 2*, *хоть 2* и особенно *правда 7* семантически примыкают союзы *зато* и (*вот*) *только 4*. *Зато* — это союз со значением компенсации, а уступительный союз (*вот*) *только 4* выражает смысл, близкий к смыслу лексемы *правда 7*, который можно назвать ‘оговорка’, — говорящий

---

¹¹⁵ Эти союзы подробно рассматриваются в работе [Апресян В. 2004б]

утверждает что-то, но делает при этом оговорку, вносит поправку в свое высказывание, ослабляя этим силу предыдущего утверждения. *Зато* и *(вот) только* 4 можно проиллюстрировать примерами типа *Она глупая, зато красивая. Она красивая, (вот) только глупая*. Эти союзы не принято рассматривать вместе, однако они существенно ближе, чем это принято считать. Их прагматические функции диаметрально противоположны, однако семантически они очень близки.

Перед тем как предложить наш собственный анализ этих лексем, мы хотели бы упомянуть описание этих союзов в работе В. З. Санникова, посвященной русским сочинительным союзам [Санников 1989: 179–180, 191–192].

Ср. толкование, которое В. З. Санников предлагает для союза *зато* (*Он ленивый, зато умный*):

X зато Y =

‘имеет место X;

воздействие X-а на ситуацию (или общую оценку) полностью компенсируется независимым от X-а и противоположно направленным Y-ом;

решающим для ситуации (или общей оценки) является Y’.

В этом толковании отмечены основные семантические компоненты значения союза *зато*, наличие которых автор подтверждает языковыми примерами.

Во-первых, второй актант, Y, вводит более важную, доминирующую ситуацию. Ср. естественность *Он ленивый, зато умный — задание он выполнит* и невозможность **Он ленивый, зато умный — задание он не выполнит*.

Во-вторых, первая и вторая ситуации, X и Y, независимы. Ср. невозможность *зато* во фразе **Он много занимался, зато не сдал экзамен*, т. к. из первой ситуации вытекают противоположные ожидания относительно второй.

Однако представляется, что в некоторых аспектах данное толкование можно уточнить.

Во-первых, в самом толковании *зато*, а также в комментарии к нему утверждается, что ситуации X и Y не оцениваются каким-либо образом, положительно или отрицательно. Однако смысл ‘компенсироваться’ сам по себе предполагает, что есть нечто плохое, что возмещается чем-то хорошим. Таким образом, в самом толковании заложено некоторое противоречие.

Во-вторых, смысл ‘компенсироваться’ в любом случае представляется чересчур

сложным и идиоматичным, а также слишком узким и специфицированным для толкования *зато*.

В-третьих, утверждается, что происходит полная компенсация X-а Y-ом, с чем тоже нельзя согласиться. Хотя вторая ситуация и представляется как существенно более важная и решающая, однако далеко не во всех случаях она полностью нейтрализует первую; ср. примеры *Ему говорили, что он трус, но он отвечал, что зато он умный* (В. Каверин, Песочные часы); *И протягиваю ему [...] коробку «Герцеговины Флор», конечно, из лежалой партии, малость плесенью потягивают, но зато — марка* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко), где полной компенсации не происходит.

Затем, спорным представляется утверждение о том, что *зато* не всегда вводит оценку ситуаций по положительности/отрицательности.

Наконец, будет предпринята попытка показать, что *зато* почти всегда или, во всяком случае, намного чаще применяется тогда, когда доминирует положительно оцениваемая ситуация.

Толкование союза *только* 4, предлагаемое в [Санников 1989: 180], выглядит следующим образом:

X, только Y = 'X;

воздействие X-а на описываемую ситуацию (или общую положительную оценку) ослаблено, но незначительно, наличием Y-а'.

Это толкование отражает две наиболее существенные особенности прототипического употребления данного союза.

Во-первых, решающим для ситуации является не второй компонент — Y, как у *зато*, а первый — X. Во-вторых, первый компонент вводит желательную ситуацию, а второй — не слишком значительную нежелательную; ср. невозможность **Он лентяй, только умница*, где порядок упоминания желательного и нежелательного обратный. Однако и это толкование, как кажется, можно в некоторых отношениях уточнить; это касается, в частности, утверждения о том, что решающим в данных обстоятельствах является X.

Ниже предлагаются и обосновываются уточненные толкования *зато* и (*вот*) *только*, а также демонстрируются существующие между этими союзами сходства и различия.

Как было сказано выше, эти союзы описывают схожие ситуации действительности,

различаясь в первую очередь семантическими акцентами и прагматикой.

Рассмотрим пары примеров

(21) а) *Было холодновато, зато солнечно*

б) *Было солнечно, (вот) только холодновато*

(22) а) *Я не сразу поняла этого человека. Зато впоследствии я его поняла и оценила.*

б) *Я поняла и оценила этого человека, только не сразу.*

На основании данных пар примеров можно сделать предварительные выводы о значении лексем *зато* и *(вот) только 4* в их прототипическом употреблении. Они обе описывают существование двух ситуаций, одна из которых воспринимается говорящим как желательная или оценивается положительно (*было солнечно, я поняла и оценила этого человека*), а другая воспринимается как нежелательная или оценивается отрицательно (*было холодновато, поняла не сразу*). При этом, как правило, положительно оцениваемая ситуация воспринимается говорящим как более важная в имеющихся обстоятельствах, а оцениваемая отрицательно ситуация — как менее важная, неспособная существенным образом на них повлиять.

При этом лексема *зато* синтаксически вводит указание на желательную и более сильную ситуацию (P), а лексема *(вот) только 4* — на нежелательную и более слабую ситуацию (Q)¹¹⁶. Обратное употребление нехарактерно для *зато* и невозможно для *(вот) только 4*; ср.:

(23) а) ?*Было солнечно [P], зато холодновато [Q].*

б) **Было холодновато [Q], (вот) только солнечно [P].*

В (23а) гораздо более естественно употребление союзов *но* или *однако*, не вводящих указания на какую-либо оценку желательности или положительности ситуаций, а в (23б) — разговорных оборотов *вот только что* или *единственно что*, предполагающих, что доминирующей является нежелательная ситуация, и существование более слабой желательной ситуации не может нейтрализовать ее негативный эффект.

В тех существенно более редких случаях, когда союз *зато* всё-таки вводит

---

¹¹⁶ И в семантических, и в синтаксических свойствах *(вот) только 4* напоминает союз *правда 7*.

нежелательную ситуацию¹¹⁷, он, как правило, употребляется в комбинации с *но* или с союзом *да* в значении 'но'. Нежелательная ситуация в этих случаях представляется говорящим как более важная в данных обстоятельствах, поскольку *зато*, как и союз с более общим значением *но*, всегда синтаксически управляет той пропозицией, которая вводит указание на решающую, более сильную ситуацию. Ср.:

(24) а) *Незнайка очень хорошо переносит состояние невесомости [Q], но зато состояние его умственных способностей оставляет покуда желать много лучшего [P]* (Н. Носов, Незнайка на Луне) [доминирует негативно оцениваемая ситуация].

В этом примере союз *зато* может быть без перестановок Р и Q заменен на (*вот*) *только* *А*, однако с несколько иной интерпретацией — доминирует желательная ситуация; ср.

б) *Незнайка очень хорошо переносит состояние невесомости [Q], [...] вот только состояние его умственных способностей оставляет покуда желать много лучшего [P]*.

Ср. также *Ей самой, правда, зла большого не сделал [Q], да зато брату на каждом шагу палки в колеса ставит [P]* (Ф. Абрамов, Братья и сестры).

Впрочем, в последнем примере можно говорить о двух оценках по желательности-нежелательности: первая связана с интересами субъектов (*она, брат*), и в этой оценке доминирует нежелательная ситуация (*Брату на каждом шагу палки в колеса ставит*). Вторая оценка связана с коммуникативными интересами говорящего, цель которого — убедить адресата в том, что деятельность агенса носит отрицательный характер. С этой точки зрения ситуация *Брату на каждом шагу палки в колеса ставит* является коммуникативно желательной для говорящего, т. к. подтверждает то, что он пытается доказать.

Однако вообще такое употребление *зато*, когда доминирует отрицательно оцениваемая ситуация, безусловно является более редким. Рассмотрим в качестве доказательства два предложения, где ситуации сами по себе не оцениваются положительно или отрицательно. Ср. следующие примеры:

---

¹¹⁷ По-видимому, доминирование желательной ситуации является прагматическим, а не семантическим требованием *зато*: его нарушение не порождает семантической аномалии, однако употребления, где оно нарушается, являются существенно менее частотными.

- (25) а) *Платье было узкое, зато длинное*
б) *Платье было длинное, зато узкое*

В первом примере *длинное* воспринимается скорее как положительное качество, *узкое* — скорее как отрицательное; так можно было бы сказать, если человек хотел, чтобы платье было широким и длинным, и из этих двух качеств удалось достичь одного — но более важного — длины.

Во второй фразе оценка меняется на противоположную: *длинное* — это плохо, *узкое* — хорошо. Ее уместно сказать, когда человек хотел получить короткое узкое платье, но удалось удовлетворить только второе требование — более важное.

Таким образом, поскольку в нейтральных фразах доминирующая ситуация интерпретируется как положительная, и только наличие эксплицитного указания на нежелательность или употребление в контексте союзов *но* и *да* могут заставить доминирующую ситуацию быть интерпретированной в качестве отрицательно оцениваемой, мы можем определить статус положительной или отрицательной оценки в толковании *зато*: это так называемые слабые смыслы.

Рассмотрим теперь примеры, которые в работе [Санников 1989] приводятся в качестве доказательства того, что *зато* не всегда содержит оценку по желательности-нежелательности.

Представляется, что и в этих примерах присутствует некоторая, возможно более обобщенная и не всегда связанная с интересами конкретного лица, оценка ситуаций. Ср. примеры *Меня не видать, зато сам я всё вижу* (А. А. Фет); *Трезвый он не был [...] особенно интересен, зато пьяный — зловец и неистоим на дикие, буйные поступки* (Ю. Казаков); *В тени и холодке цвели последним накалом жарки, уже осыпавшиеся, зато марьины коренья были в самой поре* (В. Астафьев).

Первый пример содержит оценку ситуации *Сам я всё вижу* как желательной для говорящего. Интересно, что путем перестановки компонентов достигается смена оценки — более важной и желательной становится ситуация *Меня не видать*; ср. *Я всё вижу, зато меня не видать*.

Прочие примеры из [Санников 1989] не содержат указания на чьи-либо личные интересы, поэтому оценки по желательности/нежелательности в них нет, однако присутствует некая более общая, базирующаяся на наивно-языковых представлениях

оценка ситуаций как положительных и отрицательных¹¹⁸. Так, в примере из Ю. Казакова неинтересность человека оценивается отрицательно, в то время как неистощимость на какие-либо, пусть даже дикие и буйные поступки, — положительно. В примере из В. Астафьева отцветание оценивается отрицательно, расцвет — положительно.

Теперь сравним в отношении оценки союзы *зато* и *(вот) только 4*. *(Вот) только 4* предполагает более выраженную оценку, причем именно с точки зрения желательности/нежелательности. Рассмотрим пример *Озеро было узкое, зато длинное*. Подставим в этот пример *(вот) только 4*, переставив компоненты, чтобы сохранить оценки: *Озеро было длинное, вот только узкое*.

Фраза с *(вот) только 4* предполагает намного более утилитарную и менее абстрактную оценку, чем с *зато*. В примере с *зато* фигурируют некоторые наивные представления о том, что низкая степень или малое количество чего-то (*узкое*) в каком-то смысле хуже, чем высокая степень или большое количество (*длинное*); без применения к конкретной ситуации здесь нет указания на желательность или нежелательность. *(Вот) только 4* сразу вносит именно утилитарную конкретную оценку — свойство *узкое* нежелательно, например, из-за того, что по узкому озеру неудобно плавать на лодке.

Рассмотрим теперь семантику этих двух союзов более детально. Как видно из обсужденных примеров, основная разница между *зато* и *(вот) только 4* — в семантических акцентах. *Зато* акцентирует внимание на более сильной, доминирующей ситуации: то, что сначала упоминается менее важная нежелательная ситуация, а затем более важная желательная, придает некий дополнительный вес сообщению, т. к. такой порядок соответствует законам линейного построения фразы, которые предполагают, что более важное сообщение находится в конце. Таким образом, высказывания с *зато* прагматически воспринимаются как «сильные» и уверенные.

(Вот) только 4 имеет обратное распределение акцентов: сначала сообщается о существовании желательной ситуации, а затем — о существовании менее важной нежелательной; таким образом, порядок следования сообщений не поддерживается естественными законами построения фразы, согласно которым полагается более важную часть сообщения помещать в конце. В результате сообщение о существовании

---

¹¹⁸ Указание на оценку, причем на доминирование положительной оценки поддерживается и внутренней формой этой союза — *за то* ≈ 'в качестве награды за нечто'.

нежелательной ситуации (хотя она и представляется говорящим как несущественная) приобретает некий дополнительный вес. Прагматическим эффектом этого является то, что высказывания с *(вот) только 4* воспринимаются как более «слабые» и менее уверенные, чем высказывания с *зато*. Поэтому, хотя для *(вот) только 4* в целом характерно доминирование положительно оцениваемой ситуации, как это подтверждается многочисленными примерами, однако в некоторых, существенно более редких случаях, второй компонент, вводящий нежелательную ситуацию, начинает восприниматься как доминирующий. Это происходит именно в силу того, что нежелательная ситуация упоминается во вторую очередь, и внимание говорящего и адресата переключается на нее.

Ср. следующие примеры, где безусловно доминирует положительная ситуация, что подтверждается и дальнейшим контекстом: *Всё-таки он любит отца, сомнений нет* [желательная ситуация P]. *Вот только когда возвращается из Италии, от своей мамы, нынешней графини Малькованти, становится враждебным, отчужденным* [нежелательная ситуация Q], *но поживет немного вдали от до сих пор еще злобствующей синьоры, и снова всё тот же славный Антошка Лучников* [возвращение к желательной ситуации] (В. Аксенов, Остров Крым); *И сам приходи, и Наву приводи, хорошая она у тебя, Нава твоя* [желательная ситуация P], *детей вот только у нее нет* [нежелательная ситуация Q], *ну да еще будут, молодая она у тебя* [возвращение к желательной ситуации] (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Однако возможны и примеры типа нижеследующего, где начинает доминировать отрицательно оцениваемая ситуация: *Все, конечно, понимали, что дорога нужна, что она будет работягой, перетаскивающей грузы из одного конца страны в другой* [желательная ситуация P], *да вот только денег на стройку нет* [нежелательная ситуация Q, делающая существование желательной ситуации P абсолютно невозможным] (Аполлинария Соколова, БАМ будет жить, «Аргументы и факты», 2001.04.04).

Рассмотрим теперь еще одно различие между союзами. Ниже приводится ряд примеров, в которых невозможно заменить один союз другим, даже после необходимых перестановок P и Q.

Во-первых, подстановки одного союза вместо другого невозможны в тех случаях, когда нельзя поменять линейный порядок следования P и Q в силу каких-то дополнительных семантических, прагматических или энциклопедических причин,

обусловленных контекстом; ср.:

(26) а) *Фон Дейн приехал один, к сожалению, без Тани, но зато передал мне от нее привет* (В. Кунин, Кыся).

В данном примере невозможно поменять порядок сообщений; ср. аномальность:

б) *??Он передал мне от Тани привет, вот только приехал без нее.*

Это объясняется нашим знанием о мире — от человека можно передать привет, только если он сам в данный момент не находится рядом; таким образом вторая часть сообщения в (25б) избыточна и, как следствие, фраза аномальна.

Ср. также:

(27) а) *Она совсем не уродина, вот только нос подкачал* (А. Маринина, Мужские игры).

при невозможности

б) **Нос подкачал, зато она совсем не уродина.*

Фраза (27а) построена логически естественно: сначала утверждается, что имеет место некая ситуация (*она не уродина*), затем сообщается, что имеет место другая ситуация, которая мешает существованию первой, однако ее влияние не слишком существенно (*нос слишком длинный*). При обратном порядке следования сообщений и использовании *зато* эти две ситуации предстают как совершенно независимые, не связанные друг с другом, что противоречит нашим знаниям о мире, согласно которым красота отдельных черт лица влияет на общую оценку внешности.

Во-вторых, (*вот*) *только 4*, в отличие от *зато*, предполагает оценку нежелательной ситуации как несущественной, небольшой, неважной, в то время как у *зато* оценки относительной важности ситуаций субъективны и полностью обусловлены личным мнением говорящего. Ср.:

(28) а) *Он мерзавец, зато богатый*

при странности

б) *?Он богатый, вот только мерзавец.*

Ср. также следующий литературный пример, где невозможна или неестественна подобная замена, т. к. объективно отрицательно оцениваемая ситуация сильнее, существеннее, чем та, которая оценивается положительно: *Появляются эти знаменитые «зато»: алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато*

как дисциплинирован, предан (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне).

Этим же (*вот*) *только 4* отличается от очень близкой ему лексемы *правда 7*, рассмотренной в предыдущем разделе: *правда 7* не предполагает оценки говорящим ситуации Q как чего-то не слишком существенного и важного; эта лексема только указывает на то, что говорящий всё-таки считает ситуацию P более важной.

Эта особенность (*вот*) *только 4* мотивирована тем, что в своем основном, кванторном значении частица *только* может выражать прагматическую количественную оценку ‘мало’; ср. *Ежемесячные выплаты на содержание ребенка составляют на настоящий момент только семьдесят рублей*¹¹⁹.

На основании всех рассмотренных примеров можно предложить следующие толкования для лексем *зато* и (*вот*) *только 4*:

(29) Q, *зато* P = ‘имеет место ситуация Q, отрицательно оцениваемая говорящим¹²⁰; имеет место не связанная с ней ситуация P, положительно оцениваемая говорящим¹²¹; говорящий считает, что в данной ситуации P важнее Q’.

Толкование в (29) ориентировано на абсолютное большинство употреблений, т. е. на случай, когда доминирует положительно оцениваемая ситуация; для редких исключений толкование может быть модифицировано с обратным распределением оценок.

(30) P, (*вот*) *только 4* Q = ‘имеет место ситуация P, желательная для кого-либо или положительно оцениваемая говорящим; имеет место ситуация Q¹²², нежелательная для кого-либо или отрицательно оцениваемая говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации Q не очень существенна и менее важна, чем P’.

К союзу (*вот*) *только* в некоторых отношениях близка ограничительная частица *разве что* (имеющая вариант *разве только*). Семантически они практически синонимичны, однако в прагматическом отношении представляют собой антонимы. Ср.

---

¹¹⁹ Подробно о значении квантора *только*, его возможных интерпретациях и сферах действия см. работу [Богуславский 1996: 91–100].

¹²⁰ Компонент ‘отрицательно оцениваемая говорящим’ имеет статус слабого смысла.

¹²¹ Компонент ‘положительно оцениваемая говорящим’ имеет статус слабого смысла.

¹²² В отличие от *зато*, (*вот*) *только 4* не предполагает обязательной несвязанности ситуаций; ср. правильность фразы, где описываются две связанные друг с другом ситуации: *Занимался-то он много, вот только экзамен сдать не смог*.

Она очень даже красивая [P], вот только сутулится немного [Q] VS. Она уродина [P], разве что глаза ничего [Q].

Сходство между *(вот) только* и *разве что* проявляется в следующем: обе фразы сообщают о том, что существует некоторая ситуация P, значимость которой несколько, но несущественно, ослаблена существованием противоположно оцениваемой ситуации Q; обе фразы учитывают наличие потенциального оппонента, который может оспаривать существование P; обе фразы указывают на незначительную уступку говорящего этому оппоненту, состоящую в том, что он признает существование малозначимой ситуации Q.

Различие между *(вот) только* и *разве что* касается в первую очередь оценки ситуаций P и Q. *(Вот) только* — «оптимистическая» лексема, указывающая на то, что доминирующая ситуация является желательной, а нежелательная ситуация — несущественна. Лексема *разве что* носит «пессимистический» характер: она указывает на доминирование нежелательной ситуации. Ср. примеры с *(вот) только* (см. выше), а также: *Действительно, доброжелательного и приветливого стража порядка теперь можно увидеть разве что в старых кинофильмах* (Софья Смолина, Дядя Степа в теории. В будущем милиционеры станут добрее к людям, «Известия», 2001.06.19); *Стабильный курс рубля в России, как уже выяснилось, мало способствует росту производства — разве что росту потребления* (Сергей Викторов, Уравнение со всеми известными, «Коммерсантъ-Власть», № 22, 1999).

При этом такое «пессимистичное» распределение оценок является для *разве что* слабым смыслом. В нейтральных контекстах оно проявляется; ср. *Придут разве что Ивановы* [подразумевается, что больше никто не придет, что это плохо, и что даже если Ивановы придут, это дел не поправит]. Однако в присутствии эксплицитных маркеров противоположных оценок оно меняется; ср. следующее «оптимистическое» употребление этой частицы: *Вообразите безупречно счастливую семью, покой которой нарушается разве что трудностями роста безупречного сына* (Валерий Кичин, Таблетка для рыдания. На экранах — Нанни Моретти, плачущий в темноте, «Известия», 2001.11.14).

Еще одна особенность *разве что* — это гипотетичность. *Разве что* предполагает, что говорящий уверен в существовании ситуации P и готов без особой уверенности признать существование ситуации Q. Таким образом, эта частица придает высказыванию сложную модальность — сочетание уверенности в плохой P и сомнения

в хорошей Q; ср. *Такие радиаторы подойдут разве что для коттеджей* [а может, и для коттеджей не подойдут]; *Неплохо сыграли разве что Сен-Санса* [а может, и Сен-Санса сыграли плохо] и т. п.

Раздел I, Глава 6.

Семантические связи уступительности: диахрония и полисемия

I.6.1. Развитие уступительного значения у слов со значением соответствия действительности

‘Соответствие/несоответствие действительности’ — один из центральных системообразующих смыслов, пронизывающий язык на всех уровнях. Помимо многочисленных лексических единиц со значением соответствия и несоответствия действительности, как самостоятельных, так и служебных, во многих языках в разной степени представлена грамматикализация показателей достоверности высказывания.

В данной работе не ставится цель описать или хотя бы приблизительно очертить всё это огромное семантическое поле в русском языке; в этой главе оно рассматривается с точки зрения своей связи со смыслом уступительности на примере полисемичной вокабулы *правда*, которая в своем первом значении указывает на соответствие действительности, а в одном из производных имеет уступительное значение.

Цель данного раздела — проследить семантическое развитие вокабулы *правда* и объяснить механизм возникновения у нее значения уступительности — задача, имеющая не самое очевидное решение, особенно потому, что в прямом значении *правда* имеет положительные коннотации, а в уступительном — развивает отрицательные.

Этимологически *правда* восходит к *прав* [Фасмер 1986: 352] и наследует от этого слова свойственные ему положительные коннотации; ср. известное противопоставление правого и левого как хорошего и плохого [Успенский 1973, Иванов 1992]. Диахроническая полисемия *правды* целиком построена вокруг связанных с *правый* идеей справедливости и праведности, с одной стороны, и правоты и права, с другой; в частности, синонимия древнерусских слов *право* и *правда* в некоторых значениях отмечается в работе [Виноградов 1994: 534]. Ср. иерархию значений вокабулы *правда* по данным Словаря русского языка XI–XVII веков:

- 1) правда, истина¹²³
- 2) справедливость как свойство праведника; праведность, благочестие
- 3) справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали

---

¹²³ Как следует из приводимых языковых примеров, первое значение можно сформулировать как ‘соответствующее действительности высказывание’; ср. *Князь Андрий лгалъ, а князь Борисъ сказывалъ правду*.

и права; праведные деяния; исполнение божественных заповедей, долга

- 4) правдивые, справедливые слова, речи
- 5) правота; отсутствие вины
- 6) правдивость, честность
- 7) повеление, заповедь
- 8) установление, правило, закон; свод законов
- 9) договор, условия договора
- 10) обет, обещание
- 11) право; права
- 12) право суда
- 13) суд; судебное испытание
- 14) оправдание
- 15) свидетель
- 16) пошлина за призыв свидетеля [СлРЯ XI–XVII вв., 18].

В работе [Срезневский, 2: 1355–1359] предлагается схожая иерархия с аналогичными кустами значений — на первом месте значения, связанные с идеями праведности, постепенно переходящие в идеи правоты и права, и затем в «юридические» — большой блок значений, связанных с идеями суда.

Для ближайшего синонима *правды*, слова *истина*, [СлРЯ XI–XVII вв., 8] предлагает следующий набор значений:

1. истина, правда¹²⁴
2. верность кому-л., чему-л.
3. действительность, действительное положение вещей¹²⁵
4. справедливость
5. подлинное, действительное количество товара, денег (без прибыли)

Как мы видим, диахроническая полисемия *истины* в целом доминируется идеей соответствия действительности, причем она присутствует и в последнем,

---

¹²⁴ На основе анализа приводимых языковых примеров можно предположить, что в данном случае ярлык ‘истина, правда’ следует понимать как ‘духовно ценное знание о мире’; ср. *Разумеете истину, и истина свободитъ вы*.

¹²⁵ Предлагается добавить к этому толкованию также дизъюнктивный компонент ‘или соответствующее действительности высказывание’, чтобы описать приводимые на данное значение примеры типа *Сиа убо ложь, а не истинна*.

«приземленном» значении этого слова, которое, по данным Словаря Фасмера [Фасмер, 2: 142], было и у древнепольского слова *iscina* — ‘истина, капитал, наличные деньги’.

В диахроническом контексте неудивительно замечание В. И. Даля по поводу этих двух слов:

«Истина от земли, достояние разума человека, а правда с небес, дар благостыни. Истина относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, нраву и воле» [Даль, 2: 60]. Ср. также сравнение *правды* и *истины* в известной работе Б. А. Успенского: «Правда осмысляется как божественное начало, а истина — как человеческое» [Успенский 1994: 190].

Однако в современном русском языке распределение семантических акцентов у *правды* и *истины* поменялось и, соответственно, поменялась прагматическая окраска и оценка этих слов.

В иерархии лексем слова *правда* значения, связанные с идеями праведности, правоты и добродетели, сильно «опустились» — они либо перешли в необходимые стилистические регистры, либо устарели, либо исчезли полностью. На первый план вышло фактивное значение соответствия действительности, которое стало стержневым для всей полисемии этого слова. Кроме того, у слова *правда* появились новые разговорные лексемы со значением уступительности, которые функционируют как служебные слова — частица и союз (*Он добрый, правда необязательный*)¹²⁶. Как будет показано ниже, в связи со всем этим общая доля положительной оценки в *правде* несколько уменьшилась, а в некоторых значениях и вовсе сменилась отрицательной.

Что же касается *истины*, то для нее основной осталась лексема *истина I* со значением, которое мы формулируем как ‘являющееся высшей духовной ценностью полное знание о том, как устроен мир, которое дает людям ответ на все важные вопросы бытия, и обретение которого является для них очень важной и труднодостижимой целью’ (*Божья истина; Истина открылась миру*), описывающая в современном языке одну из важнейших философских и религиозных категорий. Эта *истина* предположительно существует объективно и независимо от человека и является предметом и целью его познания. В отличие от современной *правды*, она не привязана ни к каким конкретным ситуациям, она абстрактна и «надмирна». К этой *истине*

---

¹²⁶ Вводные употребления слова *правда* составляют более половины (49176) от ее общих употреблений в основном корпусе НКРЯ (93072), т. е. налицо смещение баланса в сторону служебных значений.

примыкает также широко употребительная и при этом сравнительно новая (отсутствующая в [СлРЯ XI–XVII вв.], но отмеченная в [СлРЯ XVIII в.]) лексема *истина* 2, которую мы определяем как ‘Представление А2, которое относится к сфере человеческой деятельности А1, и признается соответствующим действительности группой людей или всеми людьми’ (*математическая истина, этическая истина*). Эта *истина* также носит объективный и узаконенный характер и представляется важной для больших групп людей. При этом статус значений *истины*, связанных с фактическим соответствием действительности в конкретной ситуации, изменился: эти значения либо исчезли (‘подлинное, действительное количество товара, денег’), либо устарели (‘соответствующее действительности высказывание’), либо перешли в необходимый регистр (‘действительность, действительное положение вещей’). Таким образом, хотя полной «рокировки» не произошло, тем не менее, по сравнению с анализом Даля, статус *истины* в целом поднялся: из «достояния разума человека» она превратилась в атрибут высших духовных сил, объект упорного, но не всегда успешного поиска человека.

Таким образом, в некотором смысле *правда* и *истина* поменялись местами — *правда* стала низкой, а *истина* — высокой¹²⁷. Разумеется, это очень огрубленное и обобщенное представление разнообразных тонких семантических процессов; на самом деле, у обоих слов имеется довольно развитая полисемия, причем у каждого есть как «высокие», так и «низкие» значения или по крайней мере употребления. Так, *правда* и в современном русском языке может иметь в высшей степени позитивную окраску и быть *Божественной, светлой, высокой, святой*, в то время как *истина* может, наоборот, оцениваться негативно и быть *плоской, школьной, выхолощенной, очевидной, тривиальной* и пр. Однако общая тенденция состоит в том, что *правда* «опустилась», а *истина* «поднялась»¹²⁸.

Вообще, семантической эволюции концептов *правды* и *истины* посвящена обширная лингвистическая литература, а «приземленный» характер современной *правды* и возвышенный характер современной *истины* отмечается практически всеми

---

¹²⁷ Эволюция отношений между *правдой* и *истиной* отчасти параллельна эволюции отношений между *знать* и *ведать*: если в современном языке первый член в обеих парах ассоциируется с «земным», а второй — с высшим, то диахронически их распределение было противоположным; см. об этимологии *знать* и *ведать* [Степанов 1997: 339].

¹²⁸ Подробный разбор эволюции понятий *правды* и *истины* и соотношения между ними на разных этапах развития языка содержится в работе [Арутюнова 1998: 546–566].

исследователями, писавшими на данную тему; ср. например [Левонтина 1995; Булыгина, Шмелев 1997]. См. также работу [Лишаев 2006: 176–184], где схожим образом анализируется лексикографическая традиция описания *правды* и *истины*, а также их история в качестве религиозных и философских концептов. Подробный разбор литературы о *правде* и *истине* и о том месте, которое они занимают в русской языковой картине мира, содержится в работе Анны Вежбицкой о русских культурных скриптах [Вежбицкая 2002: 10–16], которая будет подробно рассматриваться ниже.

В нашей работе предлагается следующее описание синхронной полисемии слова *правда*:

(1) **правда 1.1** ‘то, что имеет место в действительности’: *узнать <утаить> правду; Правда оказалась ужасной.*

правда 1.2 ‘высказывание, соответствующее действительности’: *чистая правда; вырвать у кого-л. правду.*

правда 1.3 книжн. ‘соответствие изображения действительности’: *художественная <историческая> правда.*

правда 2 ‘соответствующее действительности мнение’: *У каждого своя правда.*

правда 3.1 ‘справедливость’: *Нет правды на земле.*

правда 3.2 ‘соответствие чувств и поступков этическому идеалу’: *жить по правде; светлая правда.*

правда 4.1 ‘подтверждаю’: *Правда, правда, — кивнул я; Ты ведь голодный, правда?*

правда 4.2 ‘действительно, в самом деле’: *Она правда решила уехать; И правда, он пришел на три часа позже.*

правда 4.3 ‘хотя и’: *Он умный, правда, ленивый.*

Толкования, которые приводятся здесь, синоптические и неполные; полные толкования для каждой из лексем *правды* приводятся в Главе 7 в составе полной словарной статьи ПРАВДА, написанной для Активного словаря русского языка. Для тех лексем, которые будут рассматриваться подробно, будут приведены полные толкования. Предложенная структура полисемии требует некоторого комментария. В целом приведенная выше полисемия *правды* ближе к существующим лексикографическим описаниям, нежели к анализу этих слов в различных лингвистических исследованиях. Во многих работах *правда* и *истина* вообще рассматриваются как некие синтетические

концепты. Для этого, безусловно, есть некоторые основания; так, все однозначные лексемы слова *правда* (в противоположность наречным и союзным) имеют очень ясно прослеживаемый семантический инвариант; более того, поскольку многие производные значения слова *правда* метафоричны, между ними и основными значениями вообще трудно провести границу, они отчасти воспринимаются как переносные употребления в основном значении. Однако представляется, что можно привести убедительные соображения в пользу предлагаемой структуры полисемии, в первую очередь, в пользу разграничения *правды 1.1* и *правды 1.2*, — в том числе для объяснения развития у *правды* уступительного союзного значения.

В работе [Вежбицкая 2002] выделяются два значения слова *правда*. Первое — это предикативная *правда*, как во фразе *Это правда*, которая рассматривается как семантический примитив, подобно английскому *true* во фразах типа *It's true*. Она противопоставляется предикативной *неправде 1*, которая рассматривается как комбинация двух примитивов — отрицания и *правды* и соответствует английскому *not true*. Что касается второго значения *правды*, представленного в сочетании *говорить правду*, то оно противопоставляется *неправде 2* и для него предлагается следующее толкование [Вежбицкая 2002: 13]:

(2) *Иван сказал правду*₂ =

Иван сказал что-то это была правда₁

люди говорят два рода вещей другим людям

вещи одного рода — правда₁

хорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого рода другим людям

вещи второго рода — неправда₁

нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи этого второго рода другим людям

Иван не сказал что-то этого второго рода.

Таким образом, различие между *правдой 1* — примитивом — и *правдой 2* состоит в первую очередь в наличии выбора и этической оценке этого выбора говорящим. Универсальные семантические примитивы предикативные слова *правда 1* и *неправда 1* не предполагают выбора и никак не оцениваются, существительные *правда 2* и *неправда 2* вводят сознательный выбор и, соответственно, положительную или отрицательную этическую оценку. Поскольку постулируемая нами структура полисемии для *правды* отличается от этой, а именно, *правда 1* в нашем анализе вообще не связана с оценкой

истинности высказываний, а связана со знанием истинного положения вещей, а речевая *правда* 2 объединяет в себе в качестве разных употреблений два значения, которые выделяются в работе Анны Вежбицкой, необходимо привести соображения, которыми мы руководствовались в нашем анализе. Таких соображений было три:

1) Во-первых, в описании Анны Вежбицкой не учитываются неречевые употребления слова *правда*, такие как во фразах *узнать правду*, *пытаться выяснить правду*, *искать правду*, *Правда раскрылась*, *Правда оказалась ужасной*, где слово *правда* характеризует не высказывания, а то, как нечто происходило в реальности.

2) Во-вторых, есть аргументы против того, чтобы считать предикативные употребления *правды* семантическим примитивом. Дело в том, что *правда*, даже в самых нейтральных предикативных употреблениях, всё же не тождественна английскому *true*. Безоценочные контексты безусловно возможны для предикативной *правды* (ср. *Это правда, в этом году осень необычно теплая*), однако не являются для нее наиболее частотными. В целом, даже в предикативных употреблениях, *правде* свойственно указывать не только на истинность высказывания, но и на искренность говорящего, то есть имеется некоторая оценка. Более того, предикативная *правда* сочетается с прилагательными положительной оценки типа *святая, чистая, истинная*, которые указывают не только на полноту соответствия высказывания действительности, но и на степень искренности говорящего. Ближе всего к семантическому примитиву предикативная *правда* подходит в предложениях, где речь идет не о чем-то конкретном высказывании, а о каком-то мнении, точке зрения и т. п.: ср. разницу между следующими предложениями: *Он сказал, что она уехала. Это правда?* VS. *Говорят, кефир помогает от ожогов. Это правда?* Первое предложение скорее подразумевает, что автор высказывания мог сказать неправду (и, соответственно, оно содержит оценку), в то время как второе — что чье-то мнение может быть ошибочным (и, соответственно, оно безоценочно). Более нейтральным в плане этической оценки способом выражения идеи истинности высказывания в русском языке являются выражения типа *Это так, Это верно*, что, в частности, подтверждается и данными параллельных корпусов: так, в параллельных текстах НКРЯ из 45 употреблений английского предикативного *true* только два были переведены предикативом *правда*; остальные были переведены как *верно, так, действительно, Ты прав, Я согласен, конечно и да*.

В еще большей степени эти соображения касаются антонима *правды* — слова

неправда. Его никак нельзя считать не содержащей оценки комбинацией двух примитивов, так как употребления, где *неправда* означает просто ‘не истинно’, весьма редки. В этом отношении *правда* и *неправда* несимметричны. Хотя предикативная *правда* и отличается от английского *true*, она вполне возможна в безоценочных контекстах, в то время как для *неправды* безоценочные контексты нетипичны; ср. странность: — *Мне кажется, Пушкин родился в XIX веке. — Это неправда.*

3) Третье соображение состоит в том, что у разных лексем слова *правда* есть явно пересекающиеся семантические компоненты, и представляется, что для понимания развития разных значений у этого слова особенно важны следующие семантические идеи: соответствие действительности и нежелательность.

Итак, нашей задачей было понять логику семантического развития концепта правды. Как уже было сказано, есть синхронные языковые факты, которые невозможно объяснить, если руководствоваться исключительно положительными языковыми представлениями о *правде*.

Во-первых, *правда* в своем первом значении действительного положения вещей сочетается только с прилагательными негативной оценки: *горькая* <*страшная, жестокая, грубая*> *правда*; и, хотя люди стремятся ее *узнать*, невозможно *узнать <*обнаружить, открыть*> *светлую правду*, **докопаться до чистой* <*святой*> *правды*. При этом в других значениях *правда* имеет положительную оценку; ср. *Это святая* <*чистая*> *правда* (*правда* 1.2. — ‘высказывание, соответствующее действительности’), *Царство светлой правды* (*правда* 3.2. — ‘соответствие чувств и поступков этическому идеалу’)¹²⁹.

Во-вторых, исходя из представления о *правде* как о чем-то непременно положительно оцениваемом и, соответственно, желательном, невозможно объяснить развитие у этого слова уступительных и противопоставительных значений типа *Он умный, правда, ленивый, Она обещала, что поможет, но пока, правда, ничего не сделала*, в которых *правда* носит отчетливо полемический характер и вводит указание

---

¹²⁹ В работах Н. Д. Арутюновой анализируется противопоставление ‘плохой’ *правды* — существующего положения вещей (*Правда оказалась ужасной*), которая обретает отрицательные коннотации, и ‘хорошей’ *правды* — истинных высказываний (*говорить правду*) или же соответствующего этическим нормам миропорядка (*грядущая светлая правда*), и предлагается объяснение для отрицательной оценки первой *правды*: «Проблема говорения правды обычно возникает в аномальных ситуациях, т. е. тогда, когда сообщение истинной информации может повлечь за собой негативные для говорящего или для адресата последствия. Поэтому правда, отождествляемая с положением дел, получает отрицательные коннотации» [Арутюнова 1995: 17, Арутюнова 1998: 568].

на нежелательные ситуации.

Последнюю особенность *правды* можно вписать в более широкий типологический контекст. Безусловно, развитие уступительных и противопоставительных значений не является уникальным для русского слова *правда*. Сделаем оговорку — для нас в данном случае несущественно различие между уступительностью и противопоставлением, последовательно проводимое русскими грамматиками; представляется, что семантически слова типа *всё-таки*, *всё же*, *тем не менее*, *однако*, трактуемые как противопоставительные, очень близки уступительным словам типа *хотя*, *несмотря на*¹³⁰. Различие между уступительностью и противопоставлением — это скорее различие в фокусе внимания и, соответственно, в прагматике, чем в наборе семантических компонентов. Так, *хотя* (уступительный союз) и *однако* (противопоставительный союз) в следующих двух предложениях описывают одни и те же ситуации действительности и одно и то же соотношение между ними, а именно: есть ситуация (*Мы пошли гулять*) и есть препятствующее ей обстоятельство (*Шел дождь*); неожиданно для говорящего ситуация оказывается «сильнее» препятствия. Различие между уступительными и противительными единицами состоит в том, что первые вводят ту часть предложения, где описывается препятствие (Q), а вторые — ту часть предложения, где описывается имеющая место ситуация (P):

(3) *Мы пошли гулять* (P), *хотя шел дождь* (Q).

Шел дождь (Q), *однако мы пошли гулять* (P).

Итак, как было сказано выше, развитие у слов со значением соответствия действительности уступительных и противопоставительных значений не уникально для русского языка. Например, эта семантическая тенденция отмечается в латыни и унаследовалась некоторыми романскими языками. Согласно данным [Oxford Latin Dictionary], латинская частица *uero* (*vero*) с основным значением ‘в соответствии с правдой’, ‘честно’, ‘безусловно’ развивает риторически окрашенные противопоставительные значения вида ‘однако, но, а, же’, которые продемонстрированы в следующих примерах:

(4) *Hoc dicendi genus ad patrocinia mediocriter aptum uidebatur, ad senatoriam uero sententiam... uel maxime* (Cic. Brut., 112)

---

¹³⁰ Подробно эта тема обсуждается в Главе 1 данного раздела.

‘Этот тип красноречия кажется неподходящим для речей адвоката, **однако** для речей сенатора является лучшим’.

(5) *Iuno quidem cum Minerua tristes... e scaena redeunt... Venus uero gaudens*
(Apul. Met.10.34)

‘Юнона и Минерва грустными... уходят со сцены... Венера **же** смеется’.

Аналогичная полисемия свойственна и английскому — так, у прилагательного *true* ‘верный, правильный, правда’ есть уступительное значение вида

(6) *He's smart, true, but lazy*

‘Он, **правда**, умный, но ленивый’.

Вероятно, аналогичные семантические процессы могли иметь место и в других языках. Однако тот факт, что семантическое развитие вида ‘правда’ ⇒ ‘но’, ‘хотя’ не лингвоспецифично, а может в какой-то степени претендовать на статус семантической типологической универсалии, только острее ставит вопрос о его внутренней логике. Что же содержится в семантике *правды* (*true, vero*), что делает возможным подобный семантический переход?

Вернемся к полисемии *правды*. Как уже было сказано, мы связываем уступительную семантику союза *правда* с первым значением существительного *правда* — ‘то, что имеет место в действительности’. Однако само по себе это краткое толкование ничего не проясняет.

По сути, оно ничем не отличается от существующих лексикографических описаний слова *факт*, у которого уступительный компонент отсутствует; ср. определения этого слова в МАСе и БАСе: ‘истинное событие, происшествие, явление’; ‘действительное, не вымышленное явление, событие, происшествие; то, что произошло, случилось на самом деле’¹³¹. Таким образом, хотя в своем первом значении *правда* является синонимом *факта* и даже толкуется через это слово, например, в словаре Вебстера¹³², очевидно, что между *правдой* и *фактами* есть и существенные различия.

---

¹³¹ Вообще-то, эти толкования не вполне точны; они отражают интуитивно существующее представление о том, что факты связаны с действительностью, но не реальное словоупотребление, поскольку приравнивают *факты* к *событиям* и *явлениям*, что неверно; ср. *точные факты* VS. невозможность **точные события*. *Факты* — это не просто фрагменты действительности, а достоверно известные человеку фрагменты действительности; ср. об этом [Арутюнова 1998: 488 и сл.]: «Реальность существует независимо от человека, а факт — нет. Человек вычленяет фрагмент действительности, а в нем — определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения (то есть вводит значение истинности), верифицирует, и только тогда он получает факт».

¹³² Ср. *truth* **2 a** (2): the body of real things, events, and facts ‘совокупность того, что имеет место, событий и фактов’ [www.merriam-webster.com/dictionary/truth].

Мы предлагаем следующее толкование для лексемы *правда 1*:

(7) *Правда об А1* ‘То, каким А1 является в действительности; люди не знали, какой А1, или думали, что А1 другой; говорящий считает, что знание того, каким А1 является в действительности, важно и ценно для людей; говорящий считает, что какие-то люди не хотят этого знать или не хотят, чтобы другие это знали’.

Элемент ‘каким А1 является в действительности’ следует в данном толковании понимать широко: это может быть любой аспект существования А1 (при этом А1 может быть объектом, событием, ситуацией), но в первую очередь — это то, что с А1 происходило, и каковы свойства А1 (если А1 — это объект); ср. *Я узнал правду о своем отце* (то, что отец делал, каким человеком он был) или то, как А1 происходил, разворачивался (если А1 — это событие, ситуация); ср. *Я знаю правду о гражданской войне* (то, что происходило в гражданскую войну); *Я знаю правду об их браке* (то, что между ними происходит или происходило, то, какой у них брак).

Сравним теперь *правду* и *факты*.

Во-первых, *факты* нейтральны и объективны, а *правда*, хотя и указывает на полное соответствие действительности, эмоциональна и полемична. Фраза *Я хочу знать факты* подразумевает желание знать, что произошло, что имело место, причем, если так можно выразиться, «с нуля». У говорящего может не быть никакой предыдущей информации на интересующую его тему. Фраза *Я хочу знать правду* имплицитно отрицательна. Она подразумевает, что до этого либо сообщалась ложная информация, либо делалась попытка утаить, что имело место, — что соответствует компоненту ‘люди не знали, какой А1, или думали, что А1 другой’ в толковании. *Правда* противопоставлена *лжи, неправде*, сокрытию подлинной картины, *факты* противопоставлены *вымыслу*.

Во-вторых, *факты* — это некие цельные фрагменты действительности; всё, что нам достоверно известно, является *фактом*; ср. примеры фактов: *Земля вращается вокруг Солнца*; *Революция произошла в 1917 году*; *Столица Франции — это Париж* и т. п. При этом ни один из этих фактов нельзя назвать *правдой* в ее первом значении. *Правда* устроена сложнее; она всегда «привязана» к конкретной ситуации. Как видно из толкования, у лексемы *правда 1* есть валентность темы — *правда об А1*. *Правдой* называется то, как некая ситуация А1 разворачивалась в действительности, или же как происходило некое событие А1, или что происходило с неким объектом А1. Очевидно,

что всё это может происходить в действительности только одним способом, а все другие мыслимые сценарии являются ложью — что объясняет единственность и категоричность *правды*. *Правда* может быть только одна, число *фактов* ничем не ограничено: *Я узнал новые факты о его детстве и юности, Вот еще один факт, но не *Я узнал новую правду о его детстве и юности, *Вот еще одна правда о его детстве и юности.*

Это отражается на грамматическом и синтаксическом уровнях — в этом значении (как, впрочем, и в большинстве других своих значений) *правда* не имеет множественного числа, а в языках, имеющих артикли, употребляется с определенным артиклем; ср. английское *the truth*.

В-третьих, *факты* сами по себе не дают полного представления о ситуации — это то, на основании чего можно строить мысли, теории, догадки о происходящем, в то время как *правда* дает полное и окончательное знание о ситуации: *Факты говорят против такой интерпретации; На основании фактов можно предположить, что P; разрозненные факты, но не *Правда говорит против такой интерпретации; *На основании правды можно предположить, что P.* В этом смысле *правда*, как точно отметил Оскар Уайльд, не бывает простой — это совокупность всех фактов относительно какой-то ситуации, весь сценарий происшедших событий.

В-четвертых, в отличие от нейтральных в этом отношении *фактов*, которые могут быть *интересными* и *малоинтересными*, *значительными* и *незначительными*, *важными* <*ценными*> и *неважными*, *правда* в норме представляет собою ценность, в первую очередь этическую, по крайней мере, для того человека, который заинтересован в ее выяснении; ср. невозможность **интересная* <*значительная, малоинтересная, незначительная*> *правда*, что соответствует компоненту ‘говорящий считает, что знание того, каким А1 является в действительности, важно и ценно для людей’.

Наконец, — и здесь мы приблизились к теме отрицательной оценки — *правда*, как правило, *неприятна*, она открывает какие-то отрицательные стороны предметов и ситуаций; ср. *правда о глобальном потеплении, правда о злоупотреблениях в психиатрии, правда о массовых репрессиях.* Напротив, *факты* могут отражать и хорошие стороны действительности; ср. *Я узнала новый факт о последнем начальнике тюрьмы — оказывается, он существенно улучшил условия содержания заключенных при странности ?Я узнала правду о последнем начальнике тюрьмы — оказывается, он*

существенно улучшил условия содержания заключенных¹³³. Если человек узнает *правду*, он, как правило, узнает нечто плохое — отчего люди и пытаются ее скрыть. Эта особенность лексемы *правда I* отражена в компоненте толкования ‘говорящий считает, что какие-то люди не хотят этого знать или не хотят, чтобы другие это знали’.

«Неудобный», нежелательный для каких-то участников ситуации характер *правды* в какой-то степени лексикализован, что доказывается невозможностью употребления лексемы *правда I* в положительных контекстах, а также ее сочетаемостью — как уже упоминалось, *правда* в этом значении бывает *грубой, ужасной, страшной*, но не бывает **чистой, *приятной, *святой*; ср. также пословицу *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*.

В отличие от *фактов*, которые могут быть общеизвестными и легкодоступными, *правду* обнаружить трудно; ср. *Вчера на лекции я узнала следующий факт: оказывается, некоторые организмы могут существовать при температурах выше ста градусов по Цельсию*, но не *??Вчера на лекции я узнала правду: оказывается, некоторые организмы могут существовать при температурах выше ста градусов по Цельсию*.

Поскольку *признать правду* трудно, иногда люди предпочитают *скрывать правду* даже *от самих себя*, что невозможно для *фактов*: *Он скрывает правду даже от самого себя*, но не **Он скрывает факты даже от самого себя*.

Рассмотрим теперь *правду* в ее уступительном значении (синтаксически в этом значении *правда* может быть союзом или обособленным оборотом). Это значение можно проиллюстрировать несколькими примерами: *Он хороший парень, правда, выпивает; Нам удалось отдохнуть, правда, всего пару недель. Правду-союз* трудно синтаксически отграничить от *правды-вводного слова*. У уступительной *правды* есть употребления, которые ближе к союзным, и есть употребления, которые ближе к вводным. В чисто союзных употреблениях *правда* может заменяться на другой союз, но не на другой обособленный оборот; ср. *День теплый, правда, пасмурный VS. День теплый, но пасмурный*, при невозможности **День теплый, конечно, пасмурный*. В чисто обособленных употреблениях *правда* может заменяться на другой обособленный

---

¹³³ Этот пример становится прагматически адекватным, если предположить, что у человека, скрывавшего *правду*, были какие-то низкие мотивы — например, он хотел оклеветать хорошего начальника тюрьмы и с этой целью распространял о нем какие-то лживые слухи; таким образом, компонент нежелательности *правды* сохраняется — для человека, заинтересованного в сокрытии *правды*, она всегда по какой-то причине нежелательна, для него с ней связано что-то плохое, и он боится, что она выйдет на свет.

оборот, но не на союз: *День, правда, пасмурный, но теплый* VS. *День, конечно, пасмурный, но теплый*, при невозможности **День, но пасмурный, теплый*.

Однако поскольку союзные употребления сохраняют черты вводности, а именно интонационную обособленность и, соответственно, пунктуационное выделение, иногда нельзя сказать, о каком именно употреблении идет речь — союзном или вводном; ср. *Мы доехали за двадцать минут, правда, пришлось нарушать правила*, где положение слова *правда* в предложении соответствует союзному употреблению (*правда* разделяет два простых предложения внутри сложного), а интонационное оформление — вводному (пауза после *правда*).

Для уступительной лексемы *правда* 4.3 предлагается следующее значение (см. выше раздел 5.3.1):

(8) *P, правда, Q* = ‘имеет место желательная ситуация P; имеет место нежелательная ситуация Q; говорящий считает, что в данной ситуации P несколько важнее, чем Q; говорящий признает, что Q тоже может быть важной’.

Поясним предлагаемое толкование. *Правду* можно назвать слабым уступительным словом: оно вводит ту ситуацию, которая является менее важной; ср. *Завтра надо идти на работу, правда, неохота ужасно*. Прагматическая «неуверенность» союза *правда* увеличивается еще из-за того, что вообще-то утверждение, заканчивающее предложение, иконически является более важным для сообщения; прагматическая «несостыковка», состоящая в том, что иконически сильная позиция используется для упоминания менее важной ситуации, придает уступительной лексеме *правда* дополнительную «слабость». Интонационно эта неуверенность и незаконченность подчеркивается восходящей интонационной схемой у пропозиции, вводимой словом *правда*. Кроме того, *правда* оставляет высказывание незавершенным, поэтому предложение с *правда* можно продолжить пропозицией, подкрепляющей изначальное утверждение и опровергающей утверждение, вводимое союзом *правда* (подробно об этом см. ниже); ср. *Завтра надо идти на работу*↓, *правда, неохота ужасно*↑, *но делать-то нечего*↓.

Теперь вернемся к вопросу о том, почему у слова *правда* развивается уступительное значение. Вспомним толкование лексемы *правда* 1:

(9) ‘То, каким A1 является в действительности; люди не знали, какой A1, или думали, что A1 другой; говорящий считает, что знание того, каким A1 является в действительности, важно и ценно для людей; говорящий считает, что какие-то люди

не хотят этого знать или не хотят, чтобы другие это знали’.

В этом толковании есть два компонента, которые могут претендовать на связь с уступительностью: первый компонент — это ‘люди не знали, какой А1, или думали, что А1 другой’, который вводит элемент неожиданности, присущий классическим уступительным словам типа *хотя* и *несмотря на*: все они указывают на необычное и поэтому неожиданное положение дел.

Второй компонент — это указание на нежелание знать и признавать истинное положение дел. Он непосредственно связан с присутствующим в значении «риторических» уступительных слов (типа *правда, хотя и*) компонентом ‘говорящий признает’. Как правило, риторические уступительные слова используются в контекстах, когда говорящий хочет сделать утверждение о существовании некоторой важной для него ситуации, однако при этом имеет место противоречащая ей ситуация, которая ослабляет потенциальную силу его утверждения и в этом смысле является для него нежелательной. «Из честности» говорящий мельком упоминает ситуацию, вступающую в противоречие с его основным коммуникативным намерением, однако он не хочет говорить о ней и выражает свое негативное отношение к ней тем, что представляет ее как менее важную. Таким образом, общим для *правды 1* и *правды 4.3* является смысл ‘какие-то люди не хотят этого знать или не хотят, чтобы другие это знали’. Несмотря на отсутствие дословного совпадения в формулировках (толкования ориентированы на удобство понимания и там, где чрезмерный аналитизм идет в ущерб пониманию, выбор делается в сторону более простых для восприятия формулировок), обе лексемы указывают на нежелательность.

Дополнительную роль в развитии у *правда* значения уступительного союза сыграли синтаксические факторы. Дело в том, что для сложных русских союзов нетипично развиваться из одиночных существительных — они появляются либо из предложно-именных групп (*из-за того что, в силу того что*), либо из застывших глагольных форм (*хотя*). Однако наличие у лексемы *правда 2* ‘высказывание, соответствующее действительности’ предикативных и обособленных употреблений типа *Это правда, что он воевал?* дает этому слову необходимую синтаксическую свободу и облегчает переход от полнозначной части речи к служебной. Таким образом, семантика лексемы *правда 1* и синтаксические свойства лексемы *правда 2* способствовали появлению у этого слова служебной лексемы — уступительного союза

правда 4.3.

Сформулированную нами семантическую тенденцию можно существенно расширить и обобщить. Вообще, развитие уступительных значений, особенно риторических, полемических значений, свойственно многим словам с основным значением соответствия действительности, в частности словам-репликам типа *конечно*, англ. *sure* ‘конечно’, а также словам со значением согласия типа *так, да, ладно, пусть*; ср. уступительно-полемические употребления *Он, конечно, неглуп, но очень самоуверен*; *Пусть хоть миллион мне предложит, не пойду к нему работать*; вежливую клишированную форму реакции на утверждения, с которыми говорящий не согласен *Да, но...* и ее английский аналог *granted* ‘да, но’. Как это ни парадоксально звучит, по-видимому, в семантике согласия заложены предпосылки для развития значения несогласия, или же ситуация согласия имплицитно противопоставлена несогласию, что создает необходимые для появления полемического значения прагматические оттенки¹³⁴. Ср. также союзы *пусть* и *пускай* (подробнее см. в Главах 3 и 7), каждый из которых развивает прагматически противоположные значения желания/побуждения, с одной стороны, и неохотного согласия, с другой, а также уступительное значение, в котором *пусть* и *пускай* вводят нежелательные ситуации.

1.6.2. Слова со значением ‘малого количества и степени’,¹³⁵

Как и ‘соответствие/несоответствие действительности’, смысл ‘мало’ является одним из важных системообразующих смыслов языка. Категория количества/степени является типологически универсальной, что связано с ее бесспорной когнитивной важностью. Представление о количестве свойственно не только людям, в том числе детям, еще не овладевшим языком, и даже младенцам, но и высшим животным. В ходе

¹³⁴ Надо отметить при этом, что некоторые слова со значением согласия предназначены исключительно для того, чтобы соглашаться и не могут использоваться для полемики; ср. англ-ийское слово *absolutely* ‘безусловно, несомненно’, выражающее эмфатическое согласие: — *I think it's been a wonderful evening. — Absolutely!* ‘— Вечер был чудесный. — Безусловно!’, но не *I think it's been a wonderful evening. — *Absolutely, but everyone got drunk* ‘— Вечер был чудесный. — *Несомненно, но все напильсь’. При этом один из русских аналогов *absolutely*, наречие *безусловно*, может использоваться для выражения несогласия, с соответствующей интонацией: — *Вечер был чудесный. — Безусловно, только все напильсь*.

¹³⁵ Многие из слов, рассматриваемых в данном разделе, в частности *еле, едва, чуть*, описаны в [Баранов и др. 1993], однако подход и описание, предлагаемые в данной работе, существенно отличаются от вышеупомянутых, и в первую очередь тем, что наша книга ориентируется на толкования как основной инструмент описания значений, в то время как в вышеупомянутом источнике разным значениям соответствуют не толкования, а некие метафорические ярлыки типа ‘преодоление’, ‘в потемках’, ‘повезло’ для разных значений или употреблений слова *едва*.

эволюции определенные отделы человеческого мозга специализировались для восприятия и обработки информации, имеющей отношение к количеству, числу, размеру, причем малое количество/число выделяется мозгом в особую категорию. Тот факт, что категория малого количества/степени является одной из важнейших, организующих наше мышление, отражается в языке, где системообразующий смысл 'мало' является одним из важнейших смыслов, организующих пространство лексики и грамматики. Данный раздел посвящен анализу связей между смыслом 'мало' и смыслом уступительности, а также объяснению семантического механизма, который приводит к семантическим модификациям прототипического уступительного значения по направлению 'малое количество/малая степень', а также к развитию у слов со значением малого количества уступительных значений.

В русском языке, в частности, смысл 'мало' богато представлен и на лексическом, и на грамматическом уровнях. Он представлен даже жестикуляционно¹³⁶: есть специальный иконический жест, обозначающий малое количество/степень и состоящий в сближении указательного и большого пальцев, а также синтетические лексико-жестикуляционные единицы *хоть столько* [количество] и *хоть настолько* [степень], которые произносятся одновременно с жестом — либо сближением указательного и большого пальцев, либо кончиков указательного и большого пальцев: *Тебя это хоть настолько интересует?*

Сделаем одну методологическую оговорку. Хотя некоторые слова (*слегка, еле, еле-еле, едва, едва-едва*) имеют только значение степени, в целом более целесообразно вместо узких смыслов 'малая степень' и 'малое количество' говорить о синтетическом системообразующем смысле 'малое количество и степень' (или просто 'мало'), включающем в себя и количество, и степень.

Дело в том, что на морфологическом уровне смыслы 'малое количество' и 'малая степень' достаточно хорошо разграничены. Так, уменьшительные суффиксы прилагательных *-оват* (*слабоватый, глуповато*); *-оньк, -еньк* (*тихонько, слабенько*) имеют значение степени (об эмоциональной составляющей уменьшительных суффиксов *-оньк* и *-еньк* см. [Вежицкая 1996: 50–55]), а уменьшительные суффиксы существительных (*месячишко, часок, неделька*) выражают субъективную

---

¹³⁶ Смысл 'много', безусловно также относящийся к числу центральных системообразующих смыслов, тоже обозначается иконическим жестом — в частности, разведением рук широко в стороны.

количественную оценку. Ср., впрочем, глагольные приставки *при-* и *под-*, которые могут создавать семантические эффекты как степени, так и количества: *приплясывать* (малая степень), *прикупить* (малое количество); *подварить* (*Мясо надо немного подварить, оно сырое* — малая степень, *Надо подварить немного мяса, а то не хватит* — малое количество).

Однако на лексическом уровне эти два смысла в большой степени пересекаются. Основные наречия со смыслом ‘мало’ (*немного, ненамного, мало, мало..., чуть, чуть-чуть*) имеют как количественные, так и степенные значения (ср. *немного соли VS. немного устал*), причем во многих контекстах трудно провести четкую границу между этими двумя типами значений; ср. *мало отдохнул* = ‘отдыхал недолго’ [количество] и/или ‘только слегка отдохнул’ [степень].

Интересно, что антонимичные смыслы — ‘большое количество’ и ‘высокая степень’ устроены иначе: они в гораздо большей мере разграничиваются русским языком не только на морфологическом, но и на лексическом уровне: основная лексическая единица со значением большого количества *много* не имеет в современном русском языке значения степени (ср. устар. *Много благодарен*), также как и слово *немало* (*Я по свету немало хаживал; Я знаю немало таких людей*, но не *Я немало устал), а основная единица со значением большой степени *очень* не имеет значения количества.

Среди наречий со значением ‘мало’ в русском языке выделяются два основных семантических и лексикографических типа (описанных в работе [Булыгина, Шмелев 1997] на примере наречия *немного*):

- 1) тип отрицательно поляризованных единиц (*мало, еле, едва, чуть, еле-еле, едва-едва*);
- 2) тип неполяризованных единиц (*немного, чуть-чуть, слегка, капельку, чуточку* и пр.).

Семантически они различаются тем, что неполяризованные единицы могут иметь по две интерпретации. Во фразах типа *Надо всё-таки добавить немного* <*чуть-чуть, капельку, чуточку*> *соли; Даже после длительного курса лечения он всё-таки еще чуть-чуть заикается* неполяризованные единицы подчеркивают смысл ‘существование чего-л.’. Во фразах типа *Соли нужно совсем немного* <*чуть-чуть, капельку, чуточку*>; *После этого замечательного курса лечения он заикается совсем чуть-чуть*, где

неполяризованные единицы стоят в позиции ремы, они подчеркивают смысл ‘малое количество/степень’¹³⁷. Эти два употребления различаются семантикой, прагматикой, сочетаемостью и просодией. Ср. разное прагматическое наполнение, просодию и сочетаемость во фразах *У меня ↑ есть немного денег (на обед хватает)* VS. *У меня денег ↓ немного (на обед не хватает)*. В интерпретации ‘малое количество/степень’ слова *немного, чуть-чуть* и пр. несут на себе главное фразовое ударение и, в отсутствие дополнительных интенсификаторов, употребляются только с нулевой формой глагола *быть* в настоящем времени; ср. неправильность **У меня есть денег ↓ немного*, при допустимости *↑ Денег у меня есть совсем ↓ немного* с выносом *денег* в позицию контрастной темы и с интенсификатором *совсем*.

Отрицательно поляризованные единицы всегда подчеркивают малое количество или степень.

Поляризованные и неполяризованные единицы различаются в первую очередь структурой полисемии, синтаксическими, сочетаемостными и коммуникативными свойствами. Как видно из словарных статей соответствующих слов, отрицательно поляризованные единицы имеют следующие особенности:

1) они преимущественно рематичны и несут на себе главное фразовое ударение *У меня ↓ мало хлеба*, но не **У нас есть мало ↓ хлеба* (ср. *У нас ↓ есть немного хлеба*);

2) в значении степени они обладают специфической сочетаемостью:

— так, наречие *чуть*, но не наречие *чуть-чуть*, может сочетаться с глаголами типа *шевелинуться, качнуться, прикоснуться* (*чуть коснуться*, но не **чуть-чуть коснуться*);

— наречие *мало* может сочетаться с прилагательными и глаголами, в значение которых входит положительная оценка, а также указание на превышение нормы или на высокую степень типа *любить, уважать, радовать; сведущий, чувствительный, понятный, эффективный, образованный, привлекательный, понятливый*, причем в подобных сочетаниях *мало* интерпретируется как ‘намного меньше нормы, недостаточно’, как ‘почти не’ или как ‘не’; ср. *Он ее мало уважает* ‘недостаточно уважает’; *Он мало образован* ‘почти не образован’; *Она мало привлекательна* ‘Она не привлекательна’. Неполяризованные единицы в таких сочетаниях, как правило,

¹³⁷ Аналогичное различие существует в английских парах *few / a few* (количество), *little / a little* (степень); ср. *I have a few friends in New York* ‘У меня есть друзья в Нью-Йорке’ VS. *I have few friends in New York* ‘У меня мало друзей в Нью-Йорке’.

невозможны, поскольку они, в отличие от отрицательно поляризованных единиц, являются подлинными показателями небольшой степени, что накладывает семантические ограничения на их сочетаемость со словами, включающими указание на высокую или превышающую среднюю норму степень; ср. неправильность **Он ее немного уважает; *Он немного образован; *Она немного привлекательна;*

— отрицательно поляризованные единицы не сочетаются с прилагательными и глаголами, в значение которых входит отрицательная оценка, типа *обидеться, разозлиться, неприятный, глупый*; ср. невозможность **Он мало обиделся; *Это мало неприятная процедура; *Это мало глупо*. Неполяризованные единицы в таких сочетаниях, напротив, возможны; ср. *Он немного обиделся; Это немного неприятная процедура; Это немного глупо*. По-видимому, это сочетаемостное различие связано с прагматикой отрицательно поляризованных частиц, в первую очередь *мало*. Предложения с наречием *мало* часто содержат модальную рамку ‘намного меньше нормы, недостаточно’¹³⁸; ср. *Он ее мало любит* = ‘Он любит ее в малой степени, и это намного меньше нормы и недостаточно’. Очевидно, что наличие компонента ‘недостаточно’ мешает *мало* сочетаться со словами, в пресуппозицию которых входит указание на отрицательную оценку. В силу прагматической «несостыковки» между компонентами ‘недостаточно’ и ‘плохо’ возникает семантическая аномалия: обычно людям бывает недостаточно хорошего, а плохого, наоборот, бывает слишком много, поэтому утверждение о том, что не хватает чего-то плохого (**мало некрасивый, *мало невоспитанный*) прагматически абсурдно;

— отрицательно поляризованные единицы не сочетаются с частицами типа *всё-таки, хоть* в тех интерпретациях, где последние указывают на удовлетворение говорящего тем, что желательная ситуация имеет место хотя бы в небольшой степени; ср. неправильность **Она не смогла приехать на целый день, но всё-таки мало помогла; *Он хоть мало отдохнул*. Это происходит оттого, что отрицательно поляризованные единицы всегда фокусируют внимание на малой степени или полном отсутствии чего-л., а в подобных сочетаниях внимание фокусируется на существовании чего-л., хотя бы и в небольшой степени. По этой причине для неполяризованных единиц такие сочетания возможны, т. к. они допускают фокусировку внимания на существовании; ср. *Она*

---

¹³⁸ Одна из лексем наречия *мало* имеет значение ‘недостаточно’.

не смогла приехать на целый день, но всё-таки немного помогла; Он хоть немного отдохнул;

3) они формируют большое количество нестандартных конструкций: *мало ли что, мало ли кто, мало ли какой; мало кто, мало что, мало какой; едва не...; едва ли не...; чуть не...; чуть ли не... и пр.;*

4) они развивают переносные значения вне семантического поля количества и степени: так, *едва* и *чуть* (но не *чуть-чуть* — неполяризованная единица) развивают союзные, временные значения: *Едва закончилась регистрация, как объявили посадку; Чуть рассвело, они пустились в путь.*

Наконец, отрицательно поляризованные единицы, семантическую основу которых составляет смысл ‘мало’, могут развивать значение уступительности. Так, еще в XVIII в. существовал уступительный союз *мало что* со значением ‘хотя’. В современном языке уступительный смысл сохраняется у нестандартной конструкции *мало ли* + к-местоимение: — *Он велел закончить работу к десятому числу. — Мало ли что он велел. Когда сможем, тогда и закончим* [‘Несмотря на то, что он сказал, ...’].

Это происходит оттого, что имплицитно негативный смысл ‘малое количество/степень’ легко поддается модализации, осложняется дополнительными оценочными и волитивными компонентами. В своем основном значении эти слова часто употребляются в контекстах, где подразумевается не малые степень или количество, а полное их отсутствие; ср. *Мало радости ты ему доставишь ≈ Ты ему не доставишь никакой радости; Он едва ли согласится ≈ Он не согласится.* Эти слова также легко развивают компонент отрицательной прагматической оценки, поскольку смысл ‘мало’ и особенно смыслы ‘почти не’ и ‘не’ в применении к количеству и степени легко трансформируются в негативные смыслы ‘недостаточно’, ‘меньше нормы’ (см. об этом выше), ‘трудно’.

Смысл ‘недостаточно’ проявляется, например, в следующем значении слова *мало*: *A1 мало для A2* ‘A1 недостаточно для того, чтобы было A2’; ср. *Для карьеры мало одной красивой внешности; Мало сочувствовать — надо помогать.*

Смыслы ‘с трудом’ и ‘плохо’ представлены во втором значении слов *едва* и *еле*:

(10) ‘Действие A1 совершается на пределе усилий или ситуация A1 существует на пределе возможности; если бы усилий для действия A1 или ресурсов для поддержания ситуации A1 требовалось хотя бы немного больше, A1 не могло бы совершаться или

существовать’;

ср. *Мы едва <еле> добрались до дома — ‘с трудом’; Он едва <еле> говорит по-французски — ‘плохо’.*

В этом отношении отрицательно поляризованные наречия ‘малого количества/степени’ сближаются со словами со значением ‘исключения’ типа *только*, которым также свойственно развивать дополнительные, прагматически окрашенные значения. В качестве примера можно привести частицу *только*, которая развивает значение уступительного союза. *Только*-частица имеет два основных значения — исключения, описанное, в частности, в работе [Богуславский 1996: 92]¹³⁹ (*Только дети могут так оригинально мыслить*), а также значение количественной оценки (*Он съел только два арбуза*), описанное, в частности, в работе [Апресян 1995а: 68]¹⁴⁰. Как мы видим, в значение количественной оценки входит, в качестве модальной рамки, указание на ‘малое количество/степень’, и, как свойственно многим словам со значением низкой количественной оценки (*хоть, по крайней мере*), *только* развивает значение уступительности.

В уступительном значении союз *только* синонимичен рассмотренному выше союзу *правда*; ср. *Он способный, правда, очень ленивый VS. Он способный, только очень ленивый.*

На первый взгляд кажется, что к обеим лексемам подходит толкование, предлагаемое в работе [Санников 1989: 180] для союза *только*, которое выглядит следующим образом:

(11) $X, \text{ только } Y = 'X;$

воздействие X-а на описываемую ситуацию (или общую положительную оценку) ослаблено, но незначительно, наличием Y-а’.

Однако в действительности различия между этими союзами глубже и, как нам кажется, во многом объясняются различиями в их основных значениях, «отсвет» которых сохраняется и в переносных, уступительных значениях¹⁴¹. Вообще, среди

---

¹³⁹ ‘*только* (P, Q, R)’ = ‘среди элементов множества P ни один, отличный от Q, не обладает свойством R’.

¹⁴⁰ ‘X, и говорящий считает, что это мало’.

¹⁴¹ О феномене «прорастания» основных значений в производные см. [Апресян 2006: 112–113], где видо-временные различия между ментальными предикатами *думать* и *считать* объясняются наличием у *думать* акционального компонента в основном значении.

уступительных единиц немало таких, у которых значение уступительности является производным, не основным, и во многих случаях семантические и прагматические различия между синонимичными уступительными лексемами мотивированы различиями в их основных значениях. Рассмотрим союзы *правда* и *только* в качестве иллюстрации (см. также разделы 5.3.1 и 5.3.2).

Основные различия между этими союзами сводятся к следующему.

1) Во-первых, и это отмечается в работе [Апресян В. 2006: 701], *правда* не всегда описывает доминирование желательной ситуации над нежелательной — распределение может быть и обратным; ср. предложения *Нам платят мало, правда, регулярно; Он жуткий лентяй, правда, довольно способный*, в которых доминирует нежелательная ситуация, а союз вводит желательную, но менее важную ситуацию.

Для *только* такое употребление невозможно; ср. **Нам платят мало, только регулярно; *Он жуткий лентяй, только довольно способный*. Таким образом, *только* всегда вводит ситуацию, оцениваемую отрицательно, в то время как для союза *правда* это необязательно.

2) Второе различие между *только* и *правда* касается соотношения важности двух рассматриваемых ситуаций. Согласно толкованию [Санников 1989: 180], *только* указывает на то, что первая из упоминаемых ситуаций важнее, а вторая, вводимая союзом, менее важна. Однако анализ примеров показывает, что некоторые употребления *только* выходят за рамки предложенного толкования. Рассмотрим следующие примеры: *Телевизор-то мы купили, только он не работает; Лечить его лечили, только он умер*.

Необычность этих примеров состоит именно в том, что в них нарушается привычное для *только* соотношение ситуаций — первая ситуация важнее, вторая ситуация, вводимая союзом, менее важна и ею можно пренебречь. Прагматически ситуации, вводимые союзом *только*, а именно ‘не работает’, ‘умер’, явно важнее для оценки общего положения вещей, чем упоминаемые первыми ситуации ‘купили’, ‘лечили’. Более того, относительная неважность первой части сообщения подчеркивается дополнительными сочетаемостными и синтаксическими средствами — употреблением уступительной частицы *-то* и уступительно-противительной нестандартной конструкции (фразеосхемы) вида ИНФ + ГЛАГ¹⁴², в смысл которых

---

¹⁴² Эти фразеосхемы выражают так называемое «возражение под видом согласия»; о них см. [Булыгина, Шмелев 1997: 313, Шмелев 2002: 426].

входит указание на неважность ситуации, вводимой ими, по сравнению с ситуацией, которая замыкает сообщение.

В подобных примерах лексема *правда* либо невозможна, либо, по крайней мере, гораздо менее употребительна:

(12) ??*Лечить его лечили, правда, он умер.*

?*Телевизор-то мы купили, правда, он не работает.*

Следовательно, *только* и *правда* различаются также в отношении оценки важности ситуаций: указание на относительно большую важность ситуации, вводимой союзом, присутствует в значении *правда*, но отсутствует в значении *только*.

Для того, чтобы ответить на вопрос о причине различий между уступительными *только* и *правда*, обратимся к основным значениям этих слов.

У *только* переносное уступительное значение «наследует» от основных значений два элемента — элемент ‘исключения’ — (‘среди элементов множества Р ни один, отличный от Q, не обладает свойством R’) и элемент количественной оценки ‘X, и говорящий считает, что это мало’. Количественная оценка ‘мало’ трансформируется в значении *только* в качественную оценку ‘плохо’¹⁴³, поэтому *только*, в отличие от *правда*, не может вводить желательную ситуацию. Эти соображения приводят к следующему толкованию союза *только* (см. также раздел 5.3.2):

(13) *Р, только Q* = ‘имеет место ситуация Р, желательная для кого-либо или положительно оцениваемая говорящим; имеет место ситуация Q, нежелательная для кого-либо или отрицательно оцениваемая говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации Q не очень существенна и менее важна, чем Р’.

Что касается оценки важности ситуаций, то она «наводится» у *только* семантикой ‘исключения’. Вообще смысл ‘исключение’ может трансформироваться в смысл ‘неважно’, ‘пренебрежимо’, однако ‘исключение’ может имплицировать и совсем другую прагматику. А именно, в силу своей единственности, элементы, являющиеся исключением, привлекают внимание адресата и, соответственно, приобретают значимость. Это очень заметно в основном значении частицы *только*; ср. следующий пример, где элемент, вводимый частицей *только*, является единственным: *Мне это принесет только радость*. Контексты, где элемент, являющийся исключением,

---

¹⁴³ Как это происходит и в полисемии самого наречия *мало*; ср. значение ‘недостаточно’, упоминавшееся выше.

на самом деле является самым важным, встречаются у всех лексем со значением исключения, не только у частицы *только*; ср. также предлог *кроме*: *Я от тебя не видела ничего, кроме горя.*

Таким образом, в значении союза *только* элемент 'исключение' может приобретать совершенно разную прагматическую окраску — либо 'Р является единственным исключением, и поэтому на Р можно не обращать внимания', либо 'Р является единственным исключением, и поэтому Р привлекает к себе внимание'. Примеры с союзом *только*, где он вводит более важную ситуацию (*Лечили-то лечили, только не вылечили*) объясняются именно этим прагматическим потенциалом 'исключения'.

Вторая интерпретация *только* становится еще более естественной в сочетании с фокусирующей внимание частицей *вот*, поэтому союзы *вот только* и *только вот* очень часто вводят важные ситуации, которыми нельзя пренебречь при оценке общего положения вещей:

(14) *Это всё равно что предложить: давай сыграем в карты, вот только во что и по каким правилам — не скажем* («Известия», 2003.02.07).

И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась (М. Пришвин, Кладовая солнца). *Ведь царь так любил облекать важнейшие политические решения в форму фарса, карнавала, игры [...] Только вот игры его часто были не просто мрачны, но и смертельно опасны для окружающих* («Вокруг света», 2004.06.15).

Перенимать опыт профессионалов — дело нужное, только вот голову терять при этом не следует («Солдат удачи», 2004.08.04).

Есть и дополнительные синтаксические средства, которые позволяют говорящему сфокусировать внимание на ситуации, вводимой союзами *только*, *вот только* и *только вот*, и таким образом изменить оценку важности ситуаций, в частности риторический вопрос; ср.: *Думаю, это мечта каждого спортсмена — быть не только участником Олимпийских игр, но и призёром. Вот только что толку мечтать? Работать надо!* («Известия», 2002.04.02); *Требовать жалобную книгу. Только вот у кого? У господ бога, что ли?* (Ю. Трифонов, Обмен).

Для союза *правда* употребления в подобных конструкциях неестественны, поскольку *правда* всегда вводит менее важную ситуацию: *Думаю, это мечта каждого спортсмена — быть не только участником Олимпийских игр, но и призёром. ?Правда,*

что толку мечтать?; Требовать жалобную книгу. ?Правда, у кого?

Кроме того, *только, вот только* и *только вот*, как это вообще свойственно словам, содержащим семантический компонент отрицания (а 'исключение' — это негативный смысл), тяготеют к позиции ремы. Фразы, вводимые этими союзами, не могут начинать предложение, они всегда его заканчивают, что привлекает к ним дополнительное внимание. Фразы с *только, вот только* и *только вот* выделяются фразовым ударением: *Я понимаю вашу ситуацию, только <только вот, вот только> упреки ваши — ↓не по адресу.*

Семантика и прагматика уступительной лексики *правда* устроена несколько иначе. Во-первых, у *правда* желательность/нежелательность относятся не к самим ситуациям P и Q, а к коммуникативным намерениям говорящего, который хочет привлечь внимание к существованию ситуации P (которая сама по себе может быть и желательной и нежелательной для говорящего или третьего лица).

Синтаксически *правда* может употребляться и в постпозиции, и в препозиции к фразе, вводящей основную ситуацию P; коммуникативно уступительный союз *правда* не рематичен¹⁴⁴; интонационно фраза, вводимая *правда*, не несет главного фразового ударения, им выделяются фразы, вводящие ситуацию P:

(15) *Я ↓рада буду тебя видеть [P], правда, сейчас уже поздноато [Q], но ты ↓приходи [дополнительное усиление P] — важно, что говорящий хочет видеть адресата, позднее время, мешающее этому, не важно — предложение является приглашением прийти].*

Правда, сейчас уже поздноато [Q], но я ↓рада буду тебя видеть [P], ты ↓приходи [дополнительное усиление P].

Если подставить в эти фразы *только*, то, во-первых, перестановка P и Q становится невозможной, во-вторых, меняются фразовые ударения, в-третьих, меняется коммуникативное намерение говорящего:

(16) **Только сейчас уже поздноато [Q], но я ↓рада буду тебя видеть [P], ты ↓приходи [P'] — семантическая аномалия.*

Я ↓рада буду тебя видеть [P], только сейчас уже ↓поздноато [Q] — тот факт, что поздно, важнее, чем желание говорящего увидеть адресата, — предложение

¹⁴⁴ В отличие, например, от наречия *правда* (*Она правда придет; Она правда его любит*), которое, как справедливо отмечается в работе [Янко 1995: 174–176] всегда рематично и ударно.

является объяснением, почему приглашение не состоится.

Таким образом, прагматика лексемы *правда* в каком-то смысле противоположна прагматике *только*, особенно в сочетании с *вот*; говорящий признает, что некоторое обстоятельство Q (вводимое союзом *правда*) имеет место, однако хотел бы отвлечь от него внимание, «спрятать» его, поскольку его целью является сообщение о существовании ситуации P, важность которой обстоятельство Q ослабляет: *Правда, машина не новая, но очень надежная.*

Тот факт, что союз *только* фокусирует внимание на вводимой им ситуации, объясняется наличием в его семантике и прагматике «отсветов» основного значения. То, что союз *правда* «прячет» вводимую им ситуацию от внимания адресата, также мотивируется семантикой и прагматикой слова *правда* в его исходном, основном значении. Как отмечалось выше, союз *правда* наследует от основного значения компонент ‘нежелание признавать что-либо’; очевидно, что в коммуникативные намерения говорящего не может входить привлечение внимания к тому, что ему трудно признать и что он вообще предпочел бы не упоминать.

1.6.3. Слова со значением ‘уступительности’ в контексте смыслов ‘количество/степень’ и ‘соответствие/ несоответствие действительности’

Смысл ‘уступительность’ не является таким же универсальным, как ‘соответствие/несоответствие действительности’ или ‘мало’, однако и в языковом, и в когнитивном отношении он также очень важен. Когнитивная операция, «обслуживаемая» языковой категорией уступительности, представляет собой осмысление двух фактов как противоречащих друг другу, входящих между собой в некий диссонанс и, таким образом, нарушающих какие-то естественные ожидания или нормы. Когда мы говорим *Хотя было уже поздно, спать совершенно не хотелось* мы связываем два существующих по отдельности факта и, таким образом, осмысляем имеющую место ситуацию как непривычную. В этом смысле уступительность является такой же важной категорией, как каузальность или условие, хотя уступительность устроена семантически сложнее — она фиксирует некий сбой в обычных и привычных связях.

Семантически уступительность обычно и толкуется именно в терминах условных отношений, нарушения норм и ожиданий (см. подробнее в Главе 1). Однако это

описывает лишь основное ядро уступительных средств языка.

Уступительность — сложный смысл, в семантический инвариант которого, безусловно, входит указание на условие; кроме того, единицы с уступительным значением часто развиваются из слов со значением условия [Храковский 1998]. Однако систематическое исследование сложившихся в современном языке структур полисемий уступительных слов в русском языке, а также диахронические данные указывают на наличие существенно более богатых языковых связей.

Как показывается в данной главе, уступительные значения диахронически развиваются у слов со значением соответствия действительности и со значением малой степени. Кроме того, на синхронном уровне в значение многих уступительных единиц входят семантические компоненты ‘желание’, ‘малая степень’, ‘соответствие/несоответствие’ действительности.

Так, уступительные лексемы *только бы*, *лишь бы*, *хоть бы* предполагают, что субъект очень **хочет**, чтобы было некое A1: *Хоть бы <только бы, лишь бы> он приехал!*

Многие уступительные лексемы содержат указание на **малую степень**; ср. например, лексемы группы по *крайней мере*, *хотя бы*, *хоть*, которые предполагают, что субъект соглашается на малое A1, понимая, что получить большое A1 невозможно: *Не можешь помочь, так по крайней мере не мешай!*; *Хоть бы <хоть> пять минут ты можешь посидеть спокойно!*

Кроме того, для значения многих уступительных единиц важна не только **малая степень**, но и **очень большая степень**, так как среди уступительных единиц есть слова, содержащие указание на высокую степень или предел (*хоть*, *пусть*, *пускай*, *пусть даже*, *даже если*, *если и*, *хотя бы*, *хоть бы*): *С тобой хоть на край света.*

Смысл **соответствие/несоответствие действительности** также релевантен для синхронной семантики уступительных слов: они делятся на те, которые содержат указание на существование ситуаций (*хотя*, *несмотря на*), и те, которые содержат указание на не-существование ситуаций (*добро бы*, *пускай бы*, *даже если*).

Изучение полисемий слов данных классов в современном русском языке подтверждает эти семантические тенденции. Уступительные значения и употребления развиваются у слов со значением **желания** (*хоть*, *хотя*, *хоть бы*), **соответствия действительности** (*правда*), **вероятности** (*может*, ср. *Я, может, тоже диссертацию защитила, а не хвастаюсь*), **согласия** (*конечно*; ср. *Он, конечно, парень неглупый,*

но очень неорганизованный), **мало** количества/степени (только, лишь; ср. *Ничего не пожалею, лишь бы он выздоровел*).

Кроме того, о наличии этих семантических связей свидетельствуют этимологические и исторические данные. Так, слова со значением **мало** количества и степени этимологически связываются с **отрицательной** оценкой и идеей **недостаточности** (ср. корень *мал-*, родственный лат. *malus* ‘плохой’), с **уступительностью** и **противительностью** (ср. наречие малой степени *еле*, которое диахронически связано с уступительным значением ‘по крайней мере’). Как было сказано выше, еще в XVIII веке наречие *мало* сохраняло уступительное значение (ср. *мало что* в значении ‘хотя и’), а наречие *едва* — смысл малой вероятности (ср. *едва* в значении ‘вряд ли’), сохранившийся в современном языке у фразеологической единицы *едва ли*. В Главе 7 в качестве примера тесного переплетения смыслов ‘степени/количества’, ‘соответствия действительности’, ‘желания’ и ‘уступительности’ приводятся полные словарные статьи 12 многозначных слов русского языка.

Раздел I, Глава 7.

Уступительность в Активном словаре¹⁴⁵

Данная глава — это практическое обоснование теоретических утверждений, сформулированных в Главах 5 и 6. В ней представлены полные словарные статьи тех уступительных слов, которые наиболее ярко демонстрируют положения о наличии глубоких семантических связей между смыслами уступительности, степени, вероятности и желательности, как на уровне отдельных лексем, так и на уровне полисемии. Статьи написаны в формате и идеологии Активного словаря русского языка (составляющегося в Секторе теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством Ю. Д. Апресяна), которые изложены в Проспекте Активного словаря [Апресян 2010]. Статьи слов с развитой полисемией предваряются синопсисом — схемой многозначности с краткими толкованиями (в Активном словаре принято давать синопсисы словам, у которых есть от пяти значений; здесь для удобства читателя синопсисы даются начиная от трех значений). Подробные толкования даются в зоне ЗНАЧЕНИЕ; кроме того, у многих из рассматриваемых слов представлены также зоны КОНСТРУКЦИИ и СОЧЕТАЕМОСТЬ; все статьи имеют зону литературных ИЛЛЮСТРАЦИЙ, при составлении которой использовался НКРЯ, и служебные зоны, где представлены синтагматические семантические связи рассматриваемых слов — синонимы, аналоги, конверсивы и другие. Некоторые вокабулы содержат зону фразеологии. В данной главе приводятся словарные статьи вокабул **ХОТЯ**, **ХОТЬ**, **ХОТЯ БЫ**, **ХОТЬ БЫ**, **ТОЛЬКО БЫ**, **ЛИШЬ БЫ**, **ПУСТЬ**, **ПУСКАЙ**, **ВСЁ-ТАКИ**, **ВСЁ ЖЕ**, **ВСЁ РАВНО**. Кроме того, приводится полная словарная статья вокабулы **ПРАВДА**, которая является уступительной не в своем первом значении, а в производном. На примере слова **ПРАВДА** иллюстрируется механизм развития уступительных значений у слов со значением соответствия действительности.

Союз *хотя*, как отмечалось в предыдущих главах, в своем главном значении выражает прототипическое значение уступительности; союз *хоть* — его разговорный

---

¹⁴⁵ Словарные статьи, приводимые в этой главе, были опубликованы в Проспекте Активного словаря [Апресян В. 2010а]; здесь приводится обновленный и исправленный материал. Словарные статьи **ВСЁ ЖЕ**, **ВСЁ РАВНО**, **ВСЁ РАВНО ЧТО** и **ВСЁ-ТАКИ** входят также в Первый выпуск Активного словаря (А-Г).

синоним. Частицы *хотя бы* и *хоть бы*, а также частица *хоть* в некоторых значениях выражают уступительное значение, осложненное семантическими компонентами желательности, вероятности и малой степени.

Уступительные союзы *пусть* и *пускай* составляют своего рода конверсивную пару с оптативно-уступительными союзами *только бы* и *лишь бы*: они вводят указание на уступки, на которые говорящий готов пойти ради осуществления желательной для него ситуации или неосуществления нежелательной, указание на которую вводится союзами *только бы* и *лишь бы*. Эти пары союзов часто употребляются в пределах одного предложения — *пусть* и *пускай* в уступительной клаузе, *только бы* и *лишь бы* — в главной: *Пусть раненый, лишь бы живой; Пускай опоздает, только бы приехал; Почему солдатам всегда дают какое-нибудь задание, любое, пусть самое бессмысленное, лишь бы их чем-нибудь занять?* (Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010); *Пусть простудится, пугалица несчастная, только бы рассказала мне то, что надо* (Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003); *Да хоть во все трубы пускай трубят... только бы жива-то осталась!* (Максим Горький. Мещане (1901)); — *Пускай лучше волки загрызут, лишь бы не за протухлого замуж* (П. П. Бажов. Ключ земли (1940)).

1.7.1. Словарная статья ХОТЯ

В данной статье описывается вокабула *хотя*, в основном значении выражающая прототипический смысл уступительности. Во втором значении *хотя* является уступительно-противительным союзом.

ХОТЯ, СОЮЗ

хотя 1

ПРИМЕРЫ. *Мы решили погулять, хотя было уже поздно; Хотя не все гости смогли прийти, день рожденья всё равно получился очень веселый; Хотя контрольная была очень трудная, он решил все задачи; Она сильно загорела, хотя лето было дождливое.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1, хотя A2* ‘Имеет место A1; имеет место A2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа A2, то имеет место ситуация типа не-A1’.

КОММЕНТАРИИ.

1. Ослабленные употребления в значении ‘Имеет место ситуация A2; кто-то считал, что будет ситуация типа не-A2; говорящий считает, что обычно, если кто-то считает

вероятным, что будет ситуация типа не-А2, можно ожидать ситуации типа не-А2': *Хотя синоптики обещали хорошую погоду, с утра шел дождь; Хотя он был уверен, что она приедет, она не приехала.* В реальном мире не существует условной зависимости между обещанием хорошей погоды и ее наступлением, между чьей-то уверенностью, что что-то произойдет, и этим событием.

2. Ослабленные употребления в значении 'Говорящий делает высказывание типа А1; имеет место ситуация А2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа А2, то не делают высказываний типа А1: *Так вот, они разводятся, хотя ты наверняка об этом знаешь; Хотя меня не звали, во сколько он празднует день рождения?*

КОНСТРУКЦИИ.

1. Присоединяет придаточные уступительные предложения и обороты: *Его не приняли в институт, хотя он набрал проходной балл.*

2. Часто употребляется с противительными союзами *а, но, однако, всё же, всё-таки, тем не менее* в главном предложении: *Хотя Давенант страшно торопился, однако прибыл к Эмме Губерман уже в полночь* (А. Грин).

3. Часто употребляется в сочетании с союзом *и*: *Турати, хотя и получил белые, однако не пустил в ход своего громкого дебюта* (В. Набоков).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Меня удивило то, что Рудольфи не навестил меня, хотя я и написал ему записку, чтобы он пришёл ко мне* (М. Булгаков). — *Это место свободно? — вежливо осведомился он, хотя сразу видно было, что место свободно* (Л. Андреев). *Выше и крепче его не было людей нигде, даже в тюремном замке, хотя ему было уже семьдесят лет* (А. П. Чехов). *Она сказала это тихо и спокойно, хотя ее всю трясло* (Б. Васильев). *Из избы я ничего не вынес. Никакого мусора. Хотя мусор есть* (В. Дудинцев).

СИН: *хоть, несмотря на то что, невзирая на то что*; АНАЛОГИ: *но, однако; всё-таки, всё же, всё равно; тем не менее; в то же время, вместе с тем, при этом, при всём том; при всём...* [*При всём моем уважении к Вам, не могу с Вами согласиться*]; *пусть* [*Пусть на улице бушует вьюга, в доме уютно и тепло*]; *пускай; как ни...* [*Как он ни старался, а ничего у него не вышло*]; *вопреки, назло, наперекор, вразрез*; АНТ: *благодаря, из-за.*

хотя 2

ПРИМЕРЫ. *Она девушка умная, хотя и не красавица; Человек он вполне надежный, хотя и не самый приятный; Ремонт хотя и очень медленно, но подвигается.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1, хотя A2 = ‘У объекта или ситуации есть признак A1; у объекта или ситуации есть признак A2; A1 и A2 противопоставлены друг другу или противоположно оцениваются говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации A1 важнее, чем A2’.*

КОНСТРУКЦИИ. Часто употребляется в сочетании с союзом *и*: *Это затея интересная, хотя и рискованная.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Иногда совершенно неожиданно хвалил офицера за бравый, хотя и противозаконный поступок, иногда начинал распекал (А. Куприн). Вы хотя человек и неуравновешенный, но довольно начитанный... (Л. Леонов). Солдаты ему отвечали стройно, хотя и не громко (С. Т. Григорьев). Их лица были в копоти, в поту, почти черные; только глаза глядели живо, весело, хотя и утомленно (В. Катаев). Куртка, брюки, сапоги и белье — были, хотя скромного покроя, но прекрасного качества (А. Грин).*

СИН: *хоть, правда, (вот) только, пусть, пускай; АНАЛОГИ: *зато; однако; но.**

1.7.2. Словарная статья ХОТЬ

В данной статье описывается многозначная вокабула *хоть*, представленная двумя частями речи — союзом и частицей. В значении разных лексем вокабулы *хоть* взаимодействуют смыслы уступительности, очень малой и очень большой степени, вероятности и желательности.

ХОТЬ, СОЮЗ и ЧАСТ, разг.

хоть 1.1 ‘A1 имеет место, несмотря на A2’: *Он поел [A1], хоть не был голоден [A2].*

хоть 1.2 ‘A1 важно, несмотря на A2’: *Всё же свой дом [A1], хоть и небольшой [A2].*

хоть 2.1 ‘A1 не будет, даже если будет очень значительное A2’: *Не пуцу [A1], хоть зарежьте [A2].*

хоть 2.2 ‘имеет место такое значительное A1, что могло бы иметь место A2’: *Такой холод [A1], что хоть шубу надевай [A2].*

хоть 2.3 ‘A1 независимо от того, будет ли A2 или совсем другое A3’: *Звоните в любое время [A1], хоть днем [A2], хоть ночью [A3].*

хоть 3.1 ‘в отсутствие желаемого А2 говорящий или субъект готов удовлетвориться любым, даже очень малым А1’: *Не мешай [А1] хоть, если уж помочь не можешь [А2]*.

хоть 3.2. ‘говорящий или субъект готов даже на любое, даже очень значительное А1’: — *Ты можешь мне одолжить рублей сто [А2]? — Да хоть тысячу! [А1]*.

хоть 3.3. ‘А1 — один из возможных примеров А2’: — *Что бы мне надеть в гости [А2]? — Да вот хоть это зеленое платье [А1]*.

I, СОЮЗ.

хоть 1.1

ПРИМЕРЫ. *Меня хоть и не спрашивали, я всё равно скажу; Она хоть и без специального образования, но с детьми работать умеет; Пересмотра дела добиться не удалось, хоть они и подавали апелляцию.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1, хоть А2* ‘Имеет место А1; имеет место А2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа А2, то имеет место ситуация типа не-А1’

КОНСТРУКЦИИ.

1. Вводит придаточные предложения с уступительным значением: *Они остались недовольны, хоть он и сделал всё, что мог; Хоть она и опоздала, контрольную написала нормально.*

2. Употребляется с противительными союзами *а, но, однако, всё же, всё-таки, тем не менее* в главном предложении: *Хоть он и хулиган, а учителя его любят.*

3. Часто употребляется в сочетании с союзом *и*: *Он хоть и не красавец, но пользуется огромным успехом у женщин.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Она чулок вяжет, хоть и слепая* (Ф. М. Достоевский). *Так они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили друг с другом, — это ничуть им не помешало!* (Г.-Х. Андерсен, пер. А. Ганзен). *Ксения меня не слышит, хоть и смотрит в глаза* (А. Волос). *Тётя Глаша, хоть и бедная и обиженная судьбой, никогда ничего у Нюры не просила* (Ю. Трифонов).

СИН: *хотя, несмотря на то что, невзирая на то что*; **АНАЛОГИ:** *но, однако; всё-таки, всё же, всё равно; тем не менее; в то же время, вместе с тем, при этом, при всём том; при всём...* [*При всём моем уважении к Вам, не могу с Вами согласиться*]; *пусть* [*Пусть на улице бушует вьюга, в доме уютно и тепло*], *пускай*; *как ни...* [*Как он ни старался, а ничего у него не вышло*]; *вопреки, назло, наперекор, вразрез*; **АНТ:**

благодаря, из-за.

хоть 1.2

ПРИМЕРЫ. *Река, хоть и быстрая, но неглубокая; Бизнес этот, хоть и не убыточный, но малоперспективный; Он наконец-то отдохнул, хоть и немного.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1, хоть A2 = ‘У объекта или ситуации есть признак A1; у объекта или ситуации есть признак A2; A1 и A2 противопоставлены друг другу или противоположно оцениваются говорящим; говорящий считает, что в данной ситуации A1 важнее, чем A2’.*

КОНСТРУКЦИИ. Всегда употребляется в сочетании с союзом *и*, который либо непосредственно следует за *хоть*, либо отделяется от него другими словами: *Он человек добрый, хоть и любит поворчать; Он человек добрый, хоть и любит поворчать.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Теперь он говорил со мной хоть и ворчливо, но, пожалуй, даже благожелательно (Ю. Домбровский). Хоть и плохо жилось ему, но лучше, чем многим и многим (В. Гроссман). Очередь, хоть и медленно, а подвигалась (А. Солженицын). Нина любила хорошо одеться, хоть и не умела носить вещи — то запачкает, то прожжёт (И. Грекова). Хоть и благодарил, но как-то спокойно, без восторга (Ю. Трифонов).*

СИН: *хотя, правда, (вот) только, пусть, пускай; АНАЛОГИ:* *зато; однако; но.*

хоть 2.1

ПРИМЕРЫ. *Хоть даром отдавай, никто у тебя эту развалюху не возьмет; Хоть на коленях умоляй, он тебе не поможет.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 хоть A2 ‘Говорящий уверен, что желательная ситуация A1 не будет иметь места, даже если бы имело место очень значительное A2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа A2, то имеет место ситуация типа A1’ [обычно указывает на риторическое преувеличение].*

КОММЕНТАРИИ.

1. В конструкции с повелительным наклонением или модальным словом со значением долженствования в главном предложении значит ‘Говорящий говорит, что нужно, чтобы имела место желательная ситуация A1, даже если для этого придется сделать очень значительное A2’: *Хоть умри, а выиграй матч; Хоть до утра сиди, а работу сдай вовремя; А ведь картошку нынче — хоть умри! — нужно окучить (Б. Екимов); Надо долг исполнить, хоть умри потом (И.С. Тургенев).*

2. В конструкции с личными формами глагола в форме БУД в главном и придаточном предложениях значит ‘Субъект выражает готовность даже на очень значительное А2, чтобы имела место желательная ситуация А1’: *Хоть умру, а побываю там; Он такой человек — хоть умрет, а обещание выполнит; Хоть с голоду помирать буду, но долг верну; Я думаю на днях двигаться. Хоть пешком, да дойду* (Е. Скобцова).

КОНСТРУКЦИИ.

1. Часто присоединяет придаточные предложения с повелительным наклонением: *Хоть одни пятерки получай, никогда не похвалят.*

2. В главном предложении часто содержится отрицание — либо частица *не* при глаголе, либо слова, в значение которых входит отрицание, типа *бесполезно, без толку, бессмысленно*: *Хоть разорвись, всего не успеешь; Хоть двадцать репетиторов ему найми, всё без толку.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Хоть семи пядей во лбу; Хоть умри <убей, тресни>, ничего не помню; Хоть на части его режь, ничего не скажет; Хоть в колокола звони — не проснется; Ему хоть сто раз повторяй, ничего не запомнит.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Кукин говорил с истерическим хохотом: — Ну что ж? И пускай! Пускай хоть весь сад зальет, хоть меня самого!* (А. П. Чехов). *Так всегда: если прошляпил из-за какой-нибудь глупости — всё, хоть обыщись — нету* (А. Волос). *Никакой художественной ценности в этой картине я не вижу, хоть убейте* (И. Грекова). *Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя!* (А. Н. Островский). *Вырастет пёс — и хоть палкой его колоти, хоть пинай сапогом, хоть зубами трепли за толстую шкуру, он не подаст голоса, не пожалуется, только озлится* (М. Семенова). *Мы говорим о разном и, хоть век проспорь, ни о чем не столкнемся* (Б. Пастернак).

СИН: *пусть, пускай, пусть даже, даже если, если и, хотя бы, хоть бы, несмотря ни на что*; АНАЛОГИ: *при любых обстоятельствах; любым способом*; Похожие значения выражаются конструкциями с глаголом в форме ПОВЕЛ и частицей *не* типа *Проси, не проси <ругай, не ругай, ...> — всё бесполезно* и конструкциями со словами *что, кто, куда, где, когда* и т. п. и частицей *ни* типа *Что ни делай — ничего не выйдет, Кто ни просил за него — отказ, Куда ни обратись — везде никто ничего не знает, Как ни бейся, результата нет.*

ХОТЬ 2.2

ПРИМЕРЫ. *Такая тоска, хоть вой; Положение у нас — хоть вешайся. Цветов*

нанесли — *хоть выкидывай*.

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 хоть A2* ‘Имеет место такое значительное A1, что говорящий считает, что могло бы иметь место очень значительное A2, естественное в такой ситуации’ [обычно указывает на риторическое преувеличение].

КОНСТРУКЦИИ. Присоединяет придаточное предложение с глаголом в форме ПОВЕЛ ЕД: *Он пришел мокрый, хоть выжми* [невозможно **Он пришел мокрый, хоть выжмите*]. При этом в главном предложении часто содержатся слова со значением высокой степени, интенсивности, усиления: *Ну и жара — хоть раздевайся; Посетителей вообще нет, хоть закрывай кафе; Они меня накормили так, что хоть лопни*.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Хоть застрелись <удавись>; хоть ложись и помирай; Места хоть отбавляй; Денег хоть лопатой гребь; Тьма хоть глаз выколи; Комментаторов хоть пруд пруди; Дома хоть шаром покати; Вина хоть залейся*.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Юбка у неё полощется на ветру, коленки светятся, прямо хоть зажмурься* (В. Аксенов). *Большие, пустые залы с таким полом, скользким и светлым, — хоть смотришь в него* (З. Гиппиус). *Наступила такая тоска, что хоть вешайся* (А. Грин). *Ее кавалер смотрелся очень даже неплохо. Хоть кричи «ура!» и в воздух чепчики бросай* (А. Берсенева). *И врут не краснея, хоть плюй в глаза* (Б. Екимов). *Тебя слушаешься — так хоть удавись...* (В. Астафьев). *Да и мать ее — женщина не бедная; скупа, правда, старая карга! зато денег у нее столько, что хоть лопатой гребь* (О. М. Сомов).

АНАЛОГИ: *впору, можно*.

хоть 2.3, только в разрывной форме *хоть...хоть*.

ПРИМЕРЫ. *Приходи хоть днем, хоть ночью, я буду ждать; Хоть министр, хоть уборщица — закон для всех одинаковый; — Тебе сок или воду? — Хоть сок, хоть воду, только дай что-нибудь попить*.

ЗНАЧЕНИЕ. *Хоть A2, хоть A3, A1* ‘Ситуация A1 будет иметь место независимо от того, реализуется она в варианте A2 или в совсем отличном от него варианте A3’.

КОММЕНТАРИИ. Возможны промежуточные употребления между 2.1 и 2.3, в которых содержится указание и на недостижимость желательной ситуации, и на различные формы усилий, направленных на ее достижение: *Можете писать жалобу хоть завучу, хоть директору, ничего не поможет*.

КОНСТРУКЦИИ. Присоединяет придаточные предложения или, чаще,

однородные члены предложения при перечислении, причем употребляется перед каждым из перечисляемых членов: *Главное — сопротивляться, хоть руками, хоть ногами, хоть зубами.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *В любой рыбе ел он всё: хоть жабры, хоть хвост* (А. Солженицын). *А самая близкая, самая родная, к которой можно было ринуться хоть днем, хоть ночью, год назад покончила с собой* (А. Архангельский). *А переводом она владеет в совершенстве, хоть синхронным, хоть письменным* (А. Берсенева). *Эффект от вступления в ВТО, хоть позитивный, хоть негативный, проявится не сразу* («Металлы Евразии», 2004.08.06). *Империя — хоть тоталитарная, хоть либеральная — она ведь крови потребует* («Лебедь» (Бостон), 2003.10.26).

АНАЛОГИ: *неважно, всё равно; что...что [Ему что дети, что взрослые — всё едино], ли...ли [Мало ли, много ли, но дали], и...и [И дети, и взрослые — все остались довольны].*

II., ЧАСТ.

хоть 3.1

ПРИМЕРЫ. *Ну хоть пару ложек съешь!; Скажи мне хоть словечко, не молчи; Ты бы хоть предупредил меня, что приедешь; Мне бы хоть заваливший какой-нибудь компьютер! Родители решили не отправлять девочку в школу сразу после приезда, чтобы она могла хоть немного привыкнуть к новому месту.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Хоть А1* ‘Считая, что желательная ситуация А2 невозможна, говорящий или субъект готов удовлетвориться очень малым А1 из того же класса ситуаций, что и А2’.

КОММЕНТАРИИ.

1. Возможны промежуточные употребления между 2.3 и 3.1, в которых содержится указание и на то, что говорящий готов удовлетвориться очень малым А1, и на то, что он готов на разные варианты А1: *Она сидела до зари / И говорила: — Подари / Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок* (О. Мандельштам).

2. Ситуация А2 часто эксплицитно не выражается: *Хоть пять минут ты можешь посидеть спокойно?* [подразумевается ‘Если уж ты не можешь сидеть спокойно большее время’].

3. В условных и причинно-следственных предложениях значит ‘Даже очень малого А1 достаточно для того, чтобы начала иметь место ситуация А2’, причем А2 может быть

как желательной, так и нежелательной: *Если бы ты хоть немного постарался, всё бы получилось; Подняли бы мне зарплату хоть на пару тысяч, уже было бы легче жить* [А2 желательная]; *Еще хоть один раз опоздаешь на занятия, вызову в школу родителей; Скажи еще хоть слово — и между нами всё кончено; Хоть одно неверное движение — и мы упадем; Пока ни одна йота неизменна, до тех пор Писание, — истина, а как изменишь хоть йоту, — всё ложью становится* (Е. Скобцова) [А2 нежелательная].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Хоть крошечку <капельку, чуточку, толику, на кончике пальца, частичку, кусочек, чуть-чуть, немного, немножко, один, сколько-нибудь>; хоть на йоту; хоть что-нибудь <как-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, какой-нибудь>; хоть захудалый <завалищий, небольшой, маленький, малейший, крохотный, плохонький, минимальный>; хоть одним глазком взглянуть; С паршивой овцы хоть шерсти клок.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Мне кажется, что губы всё же должны иметь цвет хоть отдаленно приближенный к естественному* (Д. Донцова). *У меня короткие ноги — надо же их хоть зрительно удлинить* (Т. Тренина). *Ты уедешь, а она хоть здесь при деньгах останется* (В. Кунин). *Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше, чем сыграл Патрикеев* (М. Булгаков). *Требовался внешний, хоть крохотный повод для действия* (Л. Леонов). *Нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок* (М. Булгаков).

СИН: *хотя бы, хоть бы, по крайней мере*; **АНАЛОГИ:** *по меньшей мере, не меньше чем, как минимум; мало, немного, чуть-чуть; лишь бы, только бы; если уж не... то [Если уж не друзья, то хоть не враги].*

хоть 3.2

ПРИМЕРЫ. *У тебя есть для меня пять минут? — Для тебя хоть пять часов!; За свои убеждения он хоть на эшафот пойдет; Я могу хоть завтра сдать работу; — Я хоть сейчас готова расплатиться. — Ничего, можно и в следующий раз.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Хоть А1* ‘Говорящий или субъект готов сделать очень значительное А1 для того, чтобы имела место желательная ситуация; возможно, для ее достижения было бы достаточно сделать меньшее А2 из того же класса ситуаций, что и А1’ [обычно указывает на риторическое преувеличение].

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Хоть тысячу <миллион>; хоть всю жизнь <вечность>; хоть на край света.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. — *Поезжай себе, пожалуйста, я тебя хоть целый год ждать*

буду (А. Платонов). Она думала: по счету в ресторане уплачено сто двадцать и цыганам — сто, и завтра она, если захочет, может бросить на ветер хоть тысячу рублей (А. П. Чехов). Только бы развестись сию минуту, а там хоть в тартарары, хоть в преисподнюю, хоть в голые, холодные и голодные (С. Залыгин). Правда, мы ждали, что он [урожай] будет лучше, но всё же он оказался настолько обилен, что теперь мы могли прокормить хоть пятьдесят человек (Д. Дефо, пер. с англ.).

СИН: даже; АНАЛОГИ: что <куда, откуда, где, какой> угодно; любой.

хоть 3.3

ПРИМЕРЫ. — Куда бы мне съездить в отпуск? — Да хоть на Кипр!; — С кем бы мне пойти на дискотеку? — Да хоть с Васей.

ЗНАЧЕНИЕ. Хоть А1 'В качестве примера на А2 легко привести А1; легко привести и какой-то другой пример на А2'.

КОММЕНТАРИИ. В сочетании со словами кто, что, где, куда, какой имеет смысл 'возможен любой А2, неважно какой'; ср. разг. — А кого попросить? — Да хоть кого!; Какого цвета краску купить? — А хоть какого!

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Такое звание — курсант, А хоть куда, а хоть в десант (Ю. Визбор). Возьмите хоть нас с Васей. Разве можно назвать наш брак несчастливым? (А. И. Куприн). — Например? — спросил я. — Например? — переспросил инженер; он подумал, улыбнулся и сказал: — Например, взять хоть такой случай (А. П. Чехов). — Но имя-то у тебя какое-нибудь есть? [...] — Какое-нибудь есть. Выбирай любое, какое тебе нравится. Хоть Вася, хоть Петя (А. Маринина).

АНАЛОГИ: хотя бы, хоть бы, например, к примеру.

◇ **Хоть бы и так** 'Даже если всё обстоит так, как утверждает адресат, в этом нет ничего плохого или особенного, и я не хочу этого обсуждать' [в качестве ответа]: — Любопытствовала, не старый ли знакомец какой. — А хоть бы и так... Не твое дело нос совать (П. П. Бажов); **хоть бы хны** см. хны; **хоть бы что** см. что; **Хоть кол на голове теши** см. кол; **хоть куда** см. куда; **хоть на край света** см. край; **После меня хоть потоп** см. потоп.

1.7.3. Словарная статья ХОТЯ БЫ

В данной статье описывается вокабула *хоть бы*, представленная двумя частями речи — союзом и частицей. В значении разных лексем вокабулы *хоть бы*

взаимодействуют смыслы уступительности, малой степени, вероятности и желательности.

ХОТЯ БЫ, ЧАСТИЦА и СОЮЗ

хотя бы 1 ‘в отсутствие желаемого A2 говорящий или субъект готов удовлетвориться малым A1’: *Если не сможешь приехать поздравить [A2], хотя бы позвони [A1].*

хотя бы 2 ‘A1 — один из возможных примеров A2’: *Экономики развивающихся стран всегда растут быстрее [A2], возьми хотя бы Индию [A1].*

хотя бы 3 ‘даже если бы имело место A2, имело бы место A1’: *Да хотя бы она была самой красивой девушкой на земле [A2], я всё равно люблю другую [A1].*

I, ЧАСТ.

хотя бы 1

ПРИМЕРЫ. *Хочу хотя бы на неделю в отпуск съездить, если уж больше не получается; Нам нужно хотя бы часть денег выделить на оборудование; Тесто должно хотя бы час постоять в холодильнике.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Хотя бы A2* ‘Считая, что желательная ситуация A2 невозможна, говорящий или субъект готов удовлетвориться малым A1 из того же класса ситуаций, что и A2’.

КОММЕНТАРИИ.

1. Часто ситуация A1 эксплицитно не выражается: *Полчасика поспать хотя бы!* [подразумевается ‘Если нет возможности поспать дольше’].

2. В условных и причинно-следственных предложениях значит ‘Даже малого A2 достаточно для того, чтобы начала иметь место ситуация A1’, причем A1 может быть как желательной, так и нежелательной: *Если бы ты хотя бы немного больше занимался, учился бы на пятерки; Если мне дадут хотя бы недельку отпуска, я смогу пойти в поход [A1 желательная]; Если ты хотя бы однажды попробуешь списать на экзамене, тебя исключат из университета [A1 нежелательная]; И слушай меня: если с этой минуты ты произнесёшь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня!* (М. Булгаков).

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Хотя бы чуть-чуть <немного, немножко, один раз, два часа, несколько дней>; хотя бы кое-что <как-нибудь, что-нибудь>; Ты можешь хотя бы чем-то ему помочь?*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Они держались из последних сил, опасаясь солнечного удара, мечтая искупаться и призывая хотя бы лёгкий дождик (А. Дорофеев). Мой папа обязательно хотел, чтоб я стал адвокатом. Ну, хотя бы помощником присяжного поверенного (Ю. Домбровский). А там суббота и воскресенье, жена больна, и стало быть, хотя бы несколько вечеров кряду надо выложить и отдать семье (В. Маканин). Раз уж так повелось в их роду: все доктора, — то пусть будет не хирургом, хотя бы терапевтом (А. Рыбаков). Не было случая, чтоб он выручил хотя бы рубль (Ю. Коваль).*

СИН: *хоть, хоть бы, по крайней мере; АНАЛОГИ:* *по меньшей мере, не меньше чем, как минимум, мало, немного, чуть-чуть, лишь бы, только бы, если уж не... то [Если уж не друзья, то хоть не враги].*

хоть бы 2

ПРИМЕРЫ. *Есть много семей, где жена работает, а муж сидит с детьми — взять хотя бы Ивановых; — Почему он тебе так нравится? — Хотя бы потому, что не ноет и не сидит сложа руки.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Хотя бы А1 ‘В качестве примера на А2 легко привести А1; легко привести и какой-то другой пример на А2’.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Время не имеет надо мной власти хотя бы потому, что его не существует, как утверждал «архискверный» Достоевский (В. Катаев). Он не мог понять, что происходит с ней, хотя бы потому, что Сонино сообщение само по себе не произвело на него особого впечатления (Ю. Трифонов). — Вам я не считаю нужным улыбаться! — А почему, смею спросить? [...] — Да хотя бы оттого, что вы мне неприятны! (Л. Чарская). Там, где индийская культура сохранилась в чистом виде, этого нет. Взять хотя бы далекие острова Индонезии (И. Ефремов). Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и погулять пешком где-нибудь в окрестностях, ну хотя бы в садах на Елеонской горе (М. Булгаков).*

АНАЛОГИ: *хоть, хоть бы, например, к примеру.*

II, СОЮЗ.

хоть бы 3, уходящ.

ПРИМЕРЫ. *Я добьюсь своего, хотя бы весь мир был против меня; — У него же гарвардский диплом! — А хотя бы и гарвардский, специалист он всё равно плохой.*

ЗНАЧЕНИЕ. *А1, хотя бы А2 ‘Говорящий уверен, что ситуация А1 имеет или будет*

иметь место, даже если бы имело место очень значительное А2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа А2, то имеет место ситуация типа не-А1' [обычно указывает на риторическое преувеличение].

КОНСТРУКЦИИ.

1. Вводит придаточные предложения с глаголом в прошедшем времени: *Я ему останусь верна, хотя бы он и изменил мне.*

2. Часто употребляется в сочетании с частицами *и* и *да*: *Главное — принять решение, хотя бы и неправильное; Да хотя бы и директором пригласили, я в эту компанию не пойду работать.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Всё бросить, от всего отказаться и ехать в Петербург учиться, хотя бы там пришлось умереть с голоду* (В. Вересаев). *Весело присутствовать при воплощении мечты, хотя бы и не своей* (В. Набоков). *Брала тряпку и начинала вытирать пыль, хотя бы и пыли никакой не было* (К. Вагинов).

СИН: *пусть, пускай, пусть даже, даже если, если и, пусть только, хоть, хоть бы, несмотря на то что*; АНАЛОГИ: *только бы, лишь бы.*

1.7.4. Словарная статья ХОТЬ БЫ

В данной статье описывается вокабула *хоть бы*, представленная двумя частями речи — союзом и частицей. В значении разных лексем вокабулы *хоть* взаимодействуют смыслы уступительности, очень малой и очень большой степени, вероятности и желательности.

ХОТЬ БЫ, СОЮЗ и ЧАСТИЦА, разг.

хоть бы 1 'говорящий или субъект хочет А1': *Хоть бы он уже оставил меня в покое [А1]; Хоть бы пять минут тихо посидели [А1]!*

хоть бы 2 'даже если бы имело место А2, имело бы место А1': — *У него денег нет. — Да хоть бы и были [А2], он всё равно на детей их тратить не станет [А1].*

хоть бы 3 'А1 — один из возможных примеров А2': — *И кто же будет занимать эту должность? [А2] — Да хоть бы я [А1].*

И, СОЮЗ и ЧАСТ.

хоть бы 1

ПРИМЕРЫ. *Хоть бы при гостях вел себя прилично; Хоть бы спасибо сказал; Пусть не платят, хоть бы кормили; Хоть бы пару дней пожил у нас; Хоть бы успеть!;*

Хоть бы он вернулся ко мне.

ЗНАЧЕНИЕ. *Хоть бы А1* ‘Говорящий или субъект хочет, чтобы имела место ситуация А2, но считая, что А2 не будет, выражает желание, чтобы было меньшее А1 из того же класса ситуаций, что и А2’.

КОММЕНТАРИИ.

1. Вводит придаточные предложения с глаголом в прошедшем времени: *Хоть бы извинился, что ли.*

2. Если ситуация А2 не выражена в контексте, *хоть бы* значит ‘Говорящий выражает желание, чтобы было А1’: *Войдя во двор, он принялся бить своего осла: — Хоть бы ты сдох! — кричал он.* (Коллекция анекдотов: Ходжа Насреддин); *А Олег то и дело думал о том моменте, когда она узнает, что скрипки больше не существует. Уж хоть бы она узнала скорей!* (Ю. Дружников); *Истрадалась я вся. Хоть бы вторник быстрее!* (Э. Радзинский).

3. В риторических контекстах, описывающих невозможные или явно нежелательные ситуации, используется для констатации факта, что ничто из желаемого не имеет места: *Ну хоть бы одна сволочь поздравила!; — А мне хоть бы собака позвонила, — сказал Штрум* (В. Гроссман); *И хоть бы какой-нибудь дурак взял ее замуж!* (Л. Н. Толстой).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Ах, Фро, Фро, хоть бы обнял тебя кто-нибудь!* (А. Платонов). *Хоть бы вы у соседок поучились, как жить* (И. Грекова). «*Ну хоть бы ты, балда, соврала, — подумал он под конец, — лянула мне первые попавшиеся имена, я записал бы и уехал*» (Ю. Домбровский). *Господи, хоть бы ещё уметь плакать в этой жизни — всё немного легче было бы* (В. Шукшин). *Не успела отойти — опять звонок. Хоть бы Олег!* (И. Грекова).

СИН: *лишь бы, только бы;* **АНАЛОГИ:** *бы [Отдохнуть бы]; хорошо бы, неплохо бы, недурно бы; вот бы; чтобы, дай Бог, пусть, да, чтоб [Чтоб ему пусто было!]; главное, чтобы [Да пусть учится на тройки, главное — чтобы в школу ходил]; хоть [Дай хоть немного отдохнуть]; если уж не... то [Если уж не друзья, то хоть не враги];* **АНТ:** *не дай Бог, избави Боже.*

II, СОЮЗ.

ХОТЬ БЫ 2

ПРИМЕРЫ. *Да хоть бы и далеко, я всё равно приду; — Ну куда ты собрался, там*

на улице ливень! — Да хоть бы и потоп, у меня встреча назначена.

ЗНАЧЕНИЕ. *A1, хоть бы A2* ‘Говорящий уверен, что ситуация A1 имеет или будет иметь место, даже если бы имело место очень значительное A2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа A2, то имеет место ситуация типа не-A1’ [обычно указывает на риторическое преувеличение].

КОММЕНТАРИИ. Когда ситуация A1 не выражается в контексте, *хоть бы* значит ‘A2 не никак не влияет на ситуацию’: — *Да ты же украл эти деньги! — А хоть бы и украл.*

КОНСТРУКЦИИ.

1. Вводит придаточные предложения с глаголом в прошедшем времени: *Ничего он не вывез, а просто он и до войны жил в Париже [...] — Да хоть бы и вывез, что ж тут дурного?* (М. Алданов).

2. Часто употребляется в сочетании с частицами *и* и *да*: *Но нет, не мог я жить вдали от дорогой моей родины, хоть бы и в королевском почете* (О. Форш); *Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так... извините, не вам о нем судить* (А. Н. Островский).

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Да хоть бы они голову сняли с меня за то, так я сделаю это!* (А. Ф. Писемский); *Один на тысячу? Ну, это он, Колька, просто загнул для красного словца. Для страха. А хоть бы и один на тысячу!* (А. Рекемчук); *Да хоть бы сто бутылок йода! Это ведь не шприц с неумолимой тонкой иглой* (В. Крапивин).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать её, книгу-то?* (И. С. Тургенев). *Мамочка нам родит... братика... а хоть бы и сестренку* (Л. Петрушевская). — *Как же, — физически уничтожить? — Да хоть бы и физически. Не ликвидируешь их, — уйдут к Колчаку, к Деникину и будут сражаться против нас* (В. Вересаев).

СИН: *пусть, пускай, пусть даже, даже если, если и, пусть только, хоть, хотя бы, несмотря ни на что*; **АНАЛОГИ:** *только бы, лишь бы.*

III, ЧАСТ.

хоть бы 3

ПРИМЕРЫ. *Если обливаться холодной водой, перестаешь болеть — хоть бы меня возьми, я за десять лет ни разу не простужался; В последнее время карманные компьютеры становятся всё более популярными — взять хоть бы последнюю модель Toshiba.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Хоть бы А1* ‘В качестве примера на А2 легко привести А1; легко привести и какой-то другой пример на А2’.

КОНСТРУКЦИИ. *Хоть бы* часто употребляется в конструкции с глаголом *взять* и вводным оборотом *к примеру*: *Взять, к примеру, хоть бы Иванова.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. — *Кто это — все? — Да хоть бы мы с тобой, — вздохнул Кордубайло (А. Солженицын).* — *Это кто же может написать такую пасквиль? — Да хоть бы и я? (К. М. Станюкович).* *Вор — у тебя поучиться? — Хоть бы и у меня (П. П. Бажов).*

АНАЛОГИ: *хоть, хотя бы, например, к примеру.*

1.7.5. Словарная статья ТОЛЬКО БЫ

В данной статье описывается союз *только бы*, представленный двумя значениями — уступительным и условным. В обоих значениях представлен семантический компонент ‘желательность’.

ТОЛЬКО БЫ, СОЮЗ, разг.

только бы 1

ПРИМЕРЫ. *Пускай ругается, только бы подписал; Им только бы деньги зашибать, а на качество им наплевать .*

ЗНАЧЕНИЕ. *А2, только бы А1* ‘Говорящий или субъект очень хочет, чтобы имела место ситуация А1; считая, что А1 может сопровождаться нежелательным А2, он выражает готовность на А2 и желание, чтобы было А1’.

КОММЕНТАРИИ. Если ситуация А2 не упоминается, значит ‘Говорящий выражает сильное желание, чтобы было А1’: *Хатка чистенькая, беленькая стоит, из трубы дым. Только бы пустили! (Л. Гурченко).* *Сколько было в него вложено забот и хлопот! Только бы выжил, только бы выжил! (А. Рыбаков).*

КОНСТРУКЦИИ. Употребляется в уступительных предложениях, в которых придаточный оборот вводится союзами *пусть, пускай* или содержит слова типа *готов, может, согласен*: *Пусть <пускай> хоть всё заберут, только бы не трогали; Ирина могла бы жить в пещере, есть корку хлеба в день, только бы знать, что у детей — всё в порядке (В. Токарева).*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Ваш брат, врачи, все до одного жадные. Только бы побольше нахапать! (И. Грекова).* *Она готова всё признать, покаяться во всём плохом, что ей*

приписывают близкие, — только бы он был жив! (В. Гроссман). *Думаешь: только бы доплыть, только бы удержать преимущество, только бы не догнали* (А. Митьков, Ю. Кудинов). *А я смотрю на них — как они там возятся рядом с дверью, и думаю — только бы они не порезались чем-нибудь* (А. Геласимов).

СИН: *лишь бы, хоть бы*; АНАЛОГИ: *бы [Отдохнуть бы]; хорошо бы, неплохо бы, недурно бы; вот бы; чтобы, дай Бог, пусть, да, чтоб [Чтоб ему пусто было!]; главное, чтобы [Да пусть учится на тройки, главное — чтобы в школу ходил]; АНТ: не дай Бог, избави Боже.*

только бы 2

ПРИМЕРЫ. *Всё получится [A2], только бы желание было [A1]; Поедем на выходные за город [A2], только бы погода не подвела [A1].*

ЗНАЧЕНИЕ. *A2, только бы A1* ‘Говорящий или субъект хочет, чтобы имела место ситуация A2; считая, что если будет A1, то будет A2, он выражает желание, чтобы было A1’.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Есть шансы дожить до утра. Только бы не поднялся ветер* (В. Гроссман). *Всего хорошего, мессир, — произнесла она вслух, а сама подумала: «Только бы выбраться отсюда, а там уж я дойду до реки и утоплюсь»* (М. Булгаков). *Это может здорово пригодиться, только бы не забыть* (Ю. Домбровский). *Он не сомневался, что она в суতোлке дороги узнает в седом лагернике своего сына, только бы услышала, только бы оглянулась, но она не слышала его, не оглянулась* (В. Гроссман).

СИН: *лишь бы*; АНАЛОГИ: *при условии, что; если только; достаточно, чтобы; главное, чтобы [Поедем на дачу — главное, чтобы погода была хорошая]; бы [Квартиры есть, были бы деньги].*

1.7.6. Словарная статья ЛИШЬ БЫ

В данной статье описывается вокабула *лишь бы*, представленная союзом и частицей. Союз *лишь бы* имеет два значения — уступительное и условное. В обоих значениях представлен семантический компонент ‘желательность’.

ЛИШЬ БЫ, СОЮЗ и ЧАСТ

I, СОЮЗ.

лишь бы 1

ПРИМЕРЫ. *Мы готовы и на другой конец города ездить, лишь бы школа была хорошая; Мне неважно, какой район, лишь бы к метро поближе.*

ЗНАЧЕНИЕ. А2, *лишь бы А1* 'Говорящий или субъект очень хочет, чтобы имела место ситуация А1; считая, что А1 может сопровождаться нежелательным А2, он выражает готовность на А2 и желание, чтобы было А1'.

КОММЕНТАРИИ.

1. Если ситуация А2 не упоминается, значит 'Говорящий выражает сильное желание, чтобы было А1': *Лишь бы он меня любил и был со мной!*

2. Часто А1 — это некий минимум, которым субъект готов удовлетвориться: *Свинина ли, конина ли, лишь бы червей поменьше* (П. П. Бажов); *Толпа служающих, готовых на что угодно, лишь бы им отломали корочку хлеба или налили супчику* (В. Шаламов).

3. Если придаточный оборот содержит уступительные слова и конструкции типа *хоть, что бы ни*, слова со значением малого количества и степени или слова с отрицательной оценкой, значит 'Говорящий или субъект согласен на любой, возможно не лучший, вариант желательной ситуации': *Хоть на полчаса, лишь бы приехала; Им хоть кое-как, лишь бы довести дело до конца; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.*

КОНСТРУКЦИИ. *Лишь бы* употребляется в уступительных предложениях, где придаточный оборот вводится союзами *пусть, пускай* или содержит слова типа *готов, может, согласен*: *Пусть даже неудобства, боль, страдания, но лишь бы публично, лишь бы на людях* (Л. Улицкая); *Артисты оркестра готовы терпеть даже временные бытовые неудобства, ночевать в холле на диванах, лишь бы участвовать в фестивале* (И. Архипова); *Он, пожалуй, согласился бы получать на десять процентов меньше, лишь бы меня уничтожить* (И. Грекова).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Она подумала, что всё в жизни отдаст, лишь бы увидеть Шапошникова живым* (В. Гроссман). *Я помню, как мы с тогдашним министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером пытались сделать хоть что-то, лишь бы контакты не прекратились* («Автопилот», 2002.02.15). *Получасом раньше или позже — лишь бы приехала* (А. Волос). *Однако выйти скоропалительно замуж, лишь бы прочь из дома, она не хотела* (А. Слаповский). *Они занимались бы наукой и бесплатно, лишь бы их чем-то кормили* (Д. Гранин). *Куда угодно. Лишь бы вместе* (С. Довлатов).

СИН: *только бы, хоть бы*; АНАЛОГИ: *бы [Отдохнуть бы]; хорошо бы,*

неплохо бы, недурно бы; вот бы; чтобы, дай Бог, пусть, да, чтоб [Чтоб ему пусто было!]; главное, чтобы [Да пусть учится на тройки, главное — чтобы в школу ходил]; АНТ: не дай Бог, избави Боже.

лишь бы 2

ПРИМЕРЫ. Непременно пошлю статью сегодня, лишь бы интернет заработал; В этот телескоп видно совсем неплохо, лишь бы ночь была звездная; В ресторан можно хоть каждый день ходить, лишь бы деньги были; Книг-то хороших много, лишь бы время было; Можно и за город съездить, лишь бы дождь не пошел.

ЗНАЧЕНИЕ. А2, лишь бы А1 ‘Говорящий или субъект очень хочет, чтобы имела место ситуация А2; считая, что если будет А1, то будет А2, он выражает желание, чтобы было А1’.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Можно его найти, — лишь бы время было (Вс. Иванов).

СИН: только бы; АНАЛОГИ: при условии, что; если только; достаточно, чтобы; главное, чтобы [Поедем на дачу — главное, чтобы погода была хорошая]; бы [Квартиры есть, были бы деньги].

II, ЧАСТ.

лишь бы 3, редк.

ПРИМЕРЫ. Ей лишь бы за кого замуж выскочить; Им лишь бы как сделать ремонт.

ЗНАЧЕНИЕ. Лишь бы А1 ‘Субъект не хочет прилагать усилия к тому, чтобы ситуация А2 имела место в хорошем варианте и готов на любой, даже плохой ее вариант А1’ [со словами *что, кто, как, какой, куда* и т. п.].

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Тогда он и руководитель отдела инженерной экологии [...] выступили с другим предложением: облагородить это место и создать здесь сквер — причем не лишь бы как, а с архитектурным проектом («Встреча» (Дубна), 2003.05.21). Мы, глаукомники, не можем жить лишь бы как, мы должны строго придерживаться режима (Ф. Кривин). Раньше из-за любви чего только не делали, а теперь всё лишь бы как (Л. Измайлов).

СИН: прост. абы как [Работают абы как]; АНАЛОГИ: кое-как; плохо, халтурно; угодно [кто угодно, какой угодно]; как придется; как Бог на душу положит; первый попавшийся.

1.7.7. Словарная статья ПУСТЬ

В данной статье описывается союз и частица *пусть*, имеющая оптативные и уступительные значения.

ПУСТЬ, ЧАСТИЦА и СОЮЗ

пусть 1.1 ‘Говорящий выражает желание, чтобы А1 имела место’: *Пусть никуда не уходит, пока я не вернусь [А1].*

пусть 1.2 ‘Говорящий выражает согласие, чтобы А1 имела место’: *Можно он возьмет твою машину на пару дней? — Ну пусть берет [А1].*

пусть 2.1 ‘Даже если бы имело место А2, имело бы место А1’: *Человек, пусть самый плохой, всё же заслуживает сострадания.*

пусть 2.2 ‘А1 важно, несмотря на А2’: *Пусть это неправда, зато интересно.*

I, ЧАСТ.

пусть 1.1

ПРИМЕРЫ. *Пусть убирается отсюда!; Пусть зайдет сегодня после трех, я буду его ждать; — Можно ему посмотреть телевизор? — Пусть сначала уроки сделает; Пусть всегда будет солнце!; Пусть это тебя не беспокоит.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Пусть А1* ‘Говорящий выражает желание, чтобы имела место ситуация А1’.

КОММЕНТАРИИ.

1. В условиях задач значит ‘предположим, что’; ср. спец. *Пусть x равен игреку; Пусть начальная температура равна нулю; Пусть прямая АВ параллельна прямой CD.*

2. С особой интонацией обозначает угрозу или предостережение, особенно в сочетании с частицей *только*: *Пусть только попробует!; Пусть поговорит!*

3. В сложноподчиненных условных предложениях, особенно в сочетании с глаголами со значением деструктивных или «экстремальных» действий, используется для клятвенного уверения в истинности сообщения: *Пусть меня гром разразит, если я вру!; Пусть меня повесят на осине, если эти болваны там не мирятся!!!* (М. Булгаков).

КОНСТРУКЦИИ. Обычно употребляется с ГЛАГ 3-Л, однако возможны и сочетания с ГЛАГ 1-Л и 2-Л: *Пусть я сейчас позвоню, и дверь откроет Алешка* (А. Геласимов); *И пусть ты будешь у меня всегда и только моя* (О. Новикова).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Я бы в летчики пошел, / Пусть меня научат* (В. Маяковский). *Пусть побольше рисует, вырезает, лепит [...], занимается конструированием — это*

поможет разработать мелкую моторику рук (И. Ковалева). Пусть без меня завершается эксперимент! (В. Аксенов). Раз так, пусть он убирается (А. Вампилов). Пусть видят, что и мы в нашей глубинке не лаптем щи хлебаем (И. Грекова). Пусть бы решали свои проблемы — я-то здесь при чём? (В. Белоусова).

СИН: *пускай, давай, дай, чтобы, да [Да будет свет], чтоб [Что тебе пусто было!];* АНАЛОГИ: *хоть бы, только бы, лишь бы, вот бы; предположим, что;* АНТ: *нельзя.*

пусть 1.2

ПРИМЕРЫ. *Можно он возьмет твою машину на пару дней? — Ну пусть; — Можно ему посмотреть телевизор? — Ну ладно, пусть посмотрит; — Люди же говорить будут! — Пусть их говорят; — Тебя же выгонят из института! — Ну пусть выгонят.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Пусть А1* ‘Говорящий выражает согласие, чтобы имела место ситуация А1, возможно, нежелательная для него’.

КОММЕНТАРИИ.

1. В сочетании с глаголами в форме ПРОШ значит ‘Говорящий не испытывает отрицательных эмоций по поводу того, что ситуация А1 имела место или не считает ее важной’: — *Он опять меня дразнил! — Ну и пусть дразнил, не обращай внимания.*

2. Часто употребляется как отдельная ответная реплика, особенно в сочетании с частицами *ну* и *и*: — *Можно, он завтра заедет? — Ну пусть, только ненадолго; — С тобой же никто разговаривать не будет! — Ну и пусть.* Сочетание *ну пусть* употребляется в качестве положительного ответа на просьбу что-то разрешить. Сочетание *ну и пусть* употребляется в качестве ответной реплики на сообщение о возможном наступлении какой-то нежелательной ситуации. Говорящий выражает свое подчеркнуто равнодушное отношение к этому факту: *Она не придет? Ну и пусть, мне всё равно.* Оба сочетания используются только для передачи прямой речи; одиночное *пусть* может использоваться и для передачи косвенной речи: *Маша сказала, пусть приходит.*

3. Сочетание *пусть уж* выражает неохотное разрешение: *Ну ладно, раз пришел, пусть уж остается.*

4. Сочетания типа *пусть его* <е, их> с глаголом в форме 3-Л, часто с частицей *да*, употребляются для выражения примиренного отношения говорящего к нежелательной

ситуации А1 и нежелания в нее вмешиваться или пытаться ее изменить: прост. уходящ. *Сплетничают? И пусть их сплетничают; Пусть себе хвастается сколько влезет, Кто хочет так поступать, пусть его, но государство этого поощрять не должно* (Эксперт», 2004.12.06); *Пусть его купається в лучах славы. Евгению Петровичу нет до него никакого дела* (Т. Устинова).

КОНСТРУКЦИИ. Обычно употребляется с ГЛАГ 3-Л, однако возможны и сочетания с ГЛАГ 1-Л и 2-Л: *Ладно, пусть я буду первым; Ну хорошо, пусть ты будешь умная, а я дурак.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. —*Ну, пусть,* — с неохотой согласился Андрей Николаевич. — *Пусть.* (А. Азольский). *Что Мерзляков симулянт — это Петру Ивановичу ясно, конечно.* — *Ну, пусть полежит недельку* (В. Шаламов). *А изредка оставляю мелкое вранье без внимания. Ну пусть приврет слегка...* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум)). *Этого не может быть.* — *Ну пусть не может,* — согласилась покладистая Таня (Т. Устинова). *Мама, он опять смеялся!* — кричат дети. —*Ну и пусть смеялся,* — отвечает она мимоходом (Ф. Искандер). — *Тебя посадят.* — *Пусть сажают. Если литература — занятие предосудительное, наше место в тюрьме...* (С. Довлатов).

СИН: *пускай*; АНАЛОГИ: *не против; ладно; давай; так и быть; плевать, и не надо, мне всё равно <к ну и пусть>; АНТ: нельзя.*

II, СОЮЗ.

пусть 2.1, уходящ. или разг.

ПРИМЕРЫ. *Человек, пусть самый плохой, всё же заслуживает жалости; Мы не вправе его осуждать, пусть он и виноват.*

ЗНАЧЕНИЕ. А1, пусть А2 ‘Говорящий уверен, что ситуация А1 имеет или будет иметь место, даже если имеет место очень значительное А2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа А2, то имеет место ситуация типа не-А1’ [только в сочетании с глаголами в форме НАСТ и БУД].

КОММЕНТАРИИ. В сочетании с частицами *даже, хоть,* а также в предложениях с союзами *только бы, лишь бы* значит ‘Говорящий готов к тому, чтобы имела место нежелательная ситуация А2, при условии, что будет иметь место желательная ситуация А1’: *Надо узнать правду, пусть даже она окажется неприятной; Пусть хоть уборщицей, лишь бы какой-то заработок.*

КОНСТРУКЦИИ.

1. Присоединяет придаточные уступительные предложения и обороты, часто в сочетании с союзом *и*: *Пусть ты и не будешь сразу много получать, ты приобретешь ценный опыт; Я [...] твоей помощи требую, помощи любой, какая потребуется, пусть даже и уголовного порядка* (В. Суворов).

2. Употребляется с союзами *но, однако* и частицами *всё-таки, всё же* в главном предложении: *Пусть даже рот у тебя заклеен пластырем, всё равно ты обязан явиться* (М. Харт, пер. В. Белоусова).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Пусть хлопают контакторы и щелкают пускатели, пусть котельщик обманывается звуками, — вода в котлы не пойдёт* (А. Азольский). *Посетитель залётный, пусть чем-то обозлённый, взъерошенный, тотчас покорялся общему благорасположению* (Ю. Давыдов). *Таня говорила: — Пусть моё решение — авантюра, или даже безумие. Я больше не могу...* (С. Довлатов). *Пусть вьюги зимние встают горою; / На вешний лад я струны перестрою* (М. Кузмин).

СИН: *хоть, пускай, даже если, если и, хотя бы, хоть бы, несмотря на то что.*

пусть 2.2

ПРИМЕРЫ. *Домашняя еда, пусть и неумело приготовленная, вкуснее общепитовской; От действий отдельных, пусть и влиятельных лиц, тут мало что зависит; Во втором полугодии, пусть и незначительно, но увеличился объем выпускаемой продукции.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1, пусть A2* ‘У объекта или ситуации есть признак A1; у объекта или ситуации есть признак A2; A1 и A2 противопоставлены друг другу или противоположно оцениваются говорящим; говорящий признает наличие и важность A2, но считает, что в данной ситуации A1 важнее, чем A2’.

КОНСТРУКЦИИ.

1. Часто употребляется в сочетании с союзом *и*: *Домик пусть и плохонький, а свой.*

2. Вводит обособленные обороты с союзами *но, однако* и частицами *всё-таки, всё же*: *И далее Панишин вспомнил ещё одну встречу с Зубром, пусть заочную, но чрезвычайно важную для меня* (Д. Гранин).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Наконец-то, пусть поздно, пришло ко мне оно, заслуженное признание* (В. Войнович). *Они подсознательно хотели верить в свободу, пусть относительную, но всё же свободу* (В. Шаламов). *Я благодарна таким вечерам, когда я*

хоть и клоуном, пусть и ненадолго, но была в центре внимания (Л. Гурченко). *Любая идея, пусть и самая замечательная, противна природе* (М. Шишкин). *Пусть и не ложный, но всё же донос...* (В. Гроссман). *Не хочется ему надевать погоны, пусть и медицинской службы* (А. Берсенева).

СИН: *хотя, правда, (вот) только, пускай, даже если, если и*; АНАЛОГИ: *зато; однако; но*.

1.7.8. Словарная статья ПУСКАЙ

В данной статье описывается союз и частица *пускай*, имеющая оптативные и уступительные значения.

ПУСКАЙ, ЧАСТИЦА и СОЮЗ, разг.

пускай 1.1 ‘Говорящий выражает желание, чтобы А1 имела место’: *Пусть отдохнет немного [А1], нельзя столько работать*.

пускай 1.2 ‘Говорящий выражает согласие, чтобы А1 имела место’: — *Они же будут плохо о тебе думать! — Ну и пускай думают [А1]*.

пускай 2.1 ‘Даже если бы имело место А2, имело бы место А1’: *Пусть меня хоть под замок посадят, я всё равно убегу*.

пускай 2.2 ‘А1 важно, несмотря на А2’: *Пусть он и не гений, но он вполне хороший профессионал*.

I, ЧАСТ.

пускай 1.1

ПРИМЕРЫ. *Пусть не лезет не в свое дело!; Пусть поставит себя на мое место; Пусть он сам решает, что ему делать; Пусть приходит вовремя, не задерживается*.

ЗНАЧЕНИЕ. *Пусть А1* ‘Говорящий выражает желание, чтобы имела место ситуация А1’.

КОММЕНТАРИИ.

1. С особой интонацией обозначает угрозу или предостережение, особенно в сочетании с частицей *только*: *Пусть только посмеет прийти!; Пусть только нос сюда сунет!*

2. В сложноподчиненных условных предложениях, особенно в сочетании с глаголами со значением деструктивных или «экстремальных» действий, используется для клятвенного уверения в истинности сообщения: *Пусть меня гром разразит, если я*

вру!; *Пускай меня повесят, если я сказал хоть слово неправды;* — *И пускай я буду подлецом и мерзавцем, коли совру!* (Е. Попов).

КОНСТРУКЦИИ. Обычно употребляется с ГЛАГ 3-Л, однако возможны и сочетания с ГЛАГ 1-Л и 2-Л: *Пускай ты будешь моим преемником;* *Пускай я увижу знамение какое-нибудь — крест огненный, — тогда я поверю!* (В. Шукшин).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. — *Кто первый стоит, тот пускай и берёт сколько хочет* (Ю. Коваль). *Пускай выздоравливает да к нам приезжает* (А. Волос). *Когда Томка был совсем ещё небольшим щенком, я взял его с собой на охоту. Пускай приучается* (Е. Чарушин). *Решил так, — пускай мать подольше не знает о его несчастье* (А. Н. Толстой). *Сейчас должно написанное сбыться, / Пускай же сбудется оно. Аминь* (Б. Пастернак).

СИН: *пусть, чтобы, да [Да будет свет], чтоб [Что тебе пусто было!]*; АНАЛОГИ: *хоть бы, только бы, лишь бы, вот бы; предположим, что; АНТ: нельзя.*

пускай 1.2

ПРИМЕРЫ. *Ну ладно, пускай пока поработает, а там посмотрим;* — *Можно он сегодня заедет?* — *Ну пускай, только не раньше восьми.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Пускай А1* ‘Говорящий выражает согласие, чтобы имела место ситуация А1, возможно, нежелательная для него’.

КОММЕНТАРИИ.

1. В сочетании с глаголами в форме ПРОШ значит ‘Говорящий не испытывает отрицательных эмоций по поводу того, что ситуация А1 имела место или не считает ее важной’: — *Ну и пускай опоздали, ничего страшного.*

2. Часто употребляется как отдельная ответная реплика, особенно в сочетании с частицами *ну* и *и*: — *Можно, он завтра заедет?* — *Ну пускай, только ненадолго;* — *Она только смеялась, блистая стальными зубами: «Ну и пускай!»* (И. Грекова). Сочетание *ну пускай* употребляется в качестве положительного ответа на просьбу что-то разрешить. Сочетание *ну и пускай* употребляется в качестве ответной реплики на сообщение о возможном наступлении какой-то нежелательной ситуации. Говорящий выражает свое подчеркнуто равнодушное отношение к этому факту: *Он велел передать, — продолжал Олег, — что едет на фронт... — На фронт? — удивилась Майя и пожала плечами. — Ну и пускай едет! Я-то тут при чем?* (Ю. Дружников). Оба сочетания используются только для передачи прямой речи; одиночное *пускай* может

использоваться и для передачи косвенной речи: *Маша сказала, пускай приходит.*

3. Сочетание *пускай уж* выражает неохотное разрешение: *Ну ладно, раз пришел, пускай уж остается.*

4. Сочетания типа *пускай его* <её, их> с глаголом в форме 3-Л, часто с частицей *да*, употребляются для выражения примиренного отношения говорящего к нежелательной ситуации А1 и нежелания в нее вмешиваться или пытаться ее изменить: прост. уходящ. *Пускай их делают что хотят; Пускай его спит. Устал ведь* (Б. Окуджава).

КОНСТРУКЦИИ. Обычно употребляется с ГЛАГ 3-Л, однако возможны и сочетания с ГЛАГ 1-Л и 2-Л: *Ладно, пускай я буду первым; Ну хорошо, пускай ты будешь умная, а я дурак.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. — *Пускай самоутверждение, хорошо, соглашался я. Но какова его природа?* (Ю. Трифонов). *Пора уж, — ворчал я на Андрюху. — Уха готова... ладно, пускай пока поостынет* (Ю. Коваль). *Разбойники её караулят! — Ну и пускай себе караулят* (А. Ремизов). *Ваш брат, вот Леонид Андреевич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно всё равно. Пускай говорит* (А. П. Чехов).

СИН: *пусть*; АНАЛОГИ: *не против; ладно; давай; так и быть; плевать, и не надо, мне всё равно* <к ну и пусть>; АНТ: *нельзя*.

II, СОЮЗ.

пускай 2.1

ПРИМЕРЫ. *Да пускай жалуется сколько влезет, я ничего менять не собираюсь; Пускай он подлец и негодяй, я всё же постараюсь его спасти; Пускай его романы страдают стилистическими погрешностями, читателям они нравятся.*

ЗНАЧЕНИЕ. А1, пускай А2 'Говорящий уверен, что ситуация А1 имеет или будет иметь место, даже если имеет место очень значительное А2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа А2, то имеет место ситуация типа не-А1' [только в сочетании с глаголами в форме НАСТ и БУД].

КОММЕНТАРИИ. В сочетании с частицами *даже, хоть*, а также в предложениях с союзами *только бы, лишь бы* значит 'Говорящий готов к тому, чтобы имела место нежелательная ситуация А2, при условии, что будет иметь место желательная ситуация А1': *Пускай даже уволят, лишь бы в суд не подавали; Нет, мне нужен верный и любимый, а там, пускай он хоть уголь грузит в порту или плавает простым матросом, но только поёт всем океанам песни обо мне*

(А.Платонов); *Пускай даже не выздороветь — хотя бы понять себя перед смертью* (И. Грекова).

КОНСТРУКЦИИ.

1. Присоединяет придаточные уступительные предложения и обороты, часто в сочетании с союзом *и*: *Серезжа не сдавался: — Ну, хорошо, пускай и не украл. Но только коробка эта Васи... а не ваша* (А.Макаренко).

2. Употребляется с союзами *но, однако* и частицами *всё-таки, всё же* в главном предложении: *Пускай я погибну за это, но пришло время признать сына человеческого, единый дух Божий во всех людях* (Л. Н. Толстой).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Пускай я умру под забором, как пес, / Пусть жизнь меня в землю втоптала, / —Я верю: то Бог меня снегом занес, / То вьюга меня целовала!* (А. Блок). *Пускай стар — никогда не поздно начать* («Столица», 1997.01.06). *Пускай потом картина Рафаэля окажется доморощенной мазней, а колье — бутылочного стекла, покупатель всё равно идет опять на Сухаревку в тех же мечтах и до самой смерти будет искать «на грош пятаков»* (В. Гиляровский). *Когда человек звонит вдруг на рассвете и говорит, что болен, пускай даже чужой человек, бывший родственник, надо быть уж совсем скотами, чтобы тупо молчать девять дней* (Ю. Трифонов).

СИН: *хоть, пусть, даже если, если и, хотя бы, хоть бы, несмотря на то что*;
АНАЛОГИ: *хоть бы, только бы, лишь бы*.

пускай 2.2, СОЮЗ

ПРИМЕРЫ. *У нас уже есть некоторые, пускай и не окончательные, результаты; В этом году мы получили пускай и небольшую, но всё-таки прибыль*.

ЗНАЧЕНИЕ. *A1, пускай A2* ‘У объекта или ситуации есть признак A1; у объекта или ситуации есть признак A2; A1 и A2 противопоставлены друг другу или противоположно оцениваются говорящим; говорящий признает наличие и важность A2, но считает, что в данной ситуации A1 важнее, чем A2’.

КОНСТРУКЦИИ.

1. Часто употребляется в сочетании с союзом *и*: *С нее сняли наказание. Пускай и частично* (С. Лукьяненко).

2. Вводит обособленные обороты с союзами *но, однако* и частицами *всё-таки, всё же*: *Счастьем была работа — пускай урезанная, но мерцавшая проблесками успеха* (И. Грекова).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Она требовала не простого, пускай и правильного воспроизведения музыкального и поэтического текста, а осмысленной, до конца прочувствованной трактовки (И. Архипова). Тянутся к надежде, пускай призрачной (И. Грекова). За наш маленький коллектив! За наш пускай маленький, но юбилей! (Е. Попов). Еще здесь хорошо, что есть, пускай малогабаритная, но квартира (В. Конецкий). Наши опросы позволяют составить, пускай и неполную, но достаточно близкую к жизни картину состояния рынка («Мебельный бизнес», 2003.08.15). За эту (пускай дикую и смешную!) идею он просидел долгие годы в тюрьме (К. Чуковский).

СИН: *хотя, правда, (вот) только, пусть, даже если, если и;* **АНАЛОГИ:** *зато; однако; но.*

1.7.9. Словарная статья ВСЁ ЖЕ

В данной статье описывается частица *всё же*, имеющая уступительное, уступительно-причинное и противительное значения.

ВСЁ ЖЕ, ЧАСТ; разг.

всё же 1

ПРИМЕРЫ. *Хотя родители были против, он всё же пошел на режиссерский; Хоть у него золотая медаль, ему всё же придется сдавать экзамены; Она всё же выздоровела, несмотря на ужасные условия в больнице.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A2; всё же A1* ‘Имеет место ситуация A1; имеет место ситуация A2; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа A2, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-A1’.

КОММЕНТАРИИ. Ситуация A2 часто не упоминается: *Он настаивал и всё-таки добился своего.*

КОНСТРУКЦИИ. Часто употребляется в противительных предложениях с союзами *и* и *но*, а также в уступительных предложениях с *хотя* и *несмотря на*: *Хоть всё и перегорело и угли затянулись пеплом, всё же, клянусь, что за эту встречу я отдал бы связку ключей Прасковьи Федоровны* (М. Булгаков); *И не двадцать три года ей, а только пошел двадцать третий, но всё же, всё же* (А. Азольский).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *А потом между пальцев выплеснулась струя крови, Теймраз зашатался, но у него всё же хватило сил лечь на траву* (Ф. Искандер). *Изнуренков выпускал не меньше шестидесяти первоклассных остроумцев в месяц, которые с улыбкой*

повторялись всеми, и всё же оставался в неизвестности (И. Ильф, Е. Петров). Он заплакал беззвучно, но всё же пошёл за ней (Э. Лимонов). Всё знала, видела его насквозь и всё же любила (И. Грекова).

СИН: *всё-таки, всё равно, тем не менее, в то же время, разг. всё ж таки;*
АНАЛОГИ: *хотя, хоть; несмотря на; вопреки; зато; разг. -таки; разг. так-таки; как-никак; разг. как бы то ни было, разг. как ни крути, разг. как ни верти; при всём том, при этом, вместе с тем; однако, но; назло, наперекор.*

всё же 2

ПРИМЕРЫ. *Зачем ты обратился к этому шарлатану? — Всё же мне его друзья рекомендовали; — Как там десять человек разместится? — Ну, дом всё же большой; Мог бы писать пограмотней, всё же десять классов закончил.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1; A2; как-никак, A3* ‘Имеет место ситуация A1; имеет место ситуация A2; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа A2, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-A1; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация A1, потому что имеет место благоприятствующая этому ситуация A3’.

КОММЕНТАРИИ. Ситуация A2 обычно не упоминается: *Пусть принимает решение самостоятельно, ему уже всё же двадцать лет.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Какой-никакой, а всё же муж; Всё же как-никак доктор наук.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Жена Свинцова уехала с ребятами к матери на Алтай, откуда вернется не скоро — он сам написал ей, чтобы не приезжала — всё же там безопасней (В. Войнович). Ладно, — говорит Ванечка, — беру за триста пятьдесят, чтоб и тебе и мне не было обидно. Всё же мы родственники (Ф. Искандер).*

СИН: *всё-таки, как-никак, разг. всё ж таки;* **АНАЛОГИ:** *ведь 2; потому что 2, так как 2; из-за того что; что ни говори; как ни крути; с оговорками, худо-бедно.*

всё же 3

ПРИМЕРЫ. *Всё же его последний фильм мне меньше понравился; Всё же невозможно всё время выяснять отношения; Но он всё же придет или нет?*

ЗНАЧЕНИЕ. *Всё же A1* ‘Говорящий сообщает, что имеет место ситуация A1, как бы возвращаясь к разговору об A1 или возражая кому-то, кто утверждал, что не-A1’.

КОНСТРУКЦИИ. *Всё же* обычно стоит в начале предложения и часто

употребляется в сочетании с частицей *нет*: *Нет, всё же Лора невыдержанная. Зачем она всё это затеяла?* (Ю. Трифонов).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. — *Всё же мир до конца не познаваем, — вдруг сказал Цвях* (В. Дудинцев). *Видно, та, с чёлочкой, не забыла ей передать. Внимательный всё же персонал* (И. Грекова). *А некоторые говорили: «Всё же он сумасшедший»* (В. Гроссман). *Как всё же: надо жалеть свою жизнь или нет?* (В. Шукшин)

СИН: *всё-таки*, разг. *всё ж таки*; АНАЛОГИ: *нет* [*Нет, какая она красавица!*].

1.7.10. Словарная статья **ВСЁ-ТАКИ**

В данной статье описывается частица *всё-таки*, имеющая уступительное, уступительно-причинное и противительное значения.

ВСЁ-ТАКИ, ЧАСТ; разг.

всё-таки 1

ПРИМЕРЫ. *Его не звали, но он всё-таки пришел; Лил дождь, но мы всё-таки пошли гулять; Детский центр всё-таки закрыли, несмотря на многочисленные протесты.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A2; всё-таки A1* 'Имеет место ситуация A1; имеет место ситуация A2; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа A2, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-A1'.

КОММЕНТАРИИ. Ситуация A2 часто не упоминается: *Мне всё-таки удалось успеть до перерыва.*

КОНСТРУКЦИИ. Часто употребляется в противительных предложениях с союзами *и* и *но*, а также в уступительных предложениях с *хотя* и *несмотря на*: *Сердце замирает на время, но всё-таки бьется* (И. Бродский); *Он глядел уже совершенно без гнева, хотя и хмуро, но всё-таки с некоторым рассеянным интересом* (К. Букша).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Ты опоздал на много лет, / Но всё-таки тебе я рада* (А. Ахматова). *Хотя [она] на вид, пожалуй, была привлекательней своей младшей сестры [...], всё-таки чувствовалось, что ребят привлекает именно младшая* (Ф. Искандер). *Заранее знает ответ и всё-таки спрашивает* (М. Харитонов). *Он видел, что, загораясь, она всё-таки всегда оставалась спокойной* (И. Безладнова).

СИН: *всё же*, *всё равно*, *тем не менее*, *в то же время*, разг. *всё ж таки*; АНАЛОГИ:

хотя, хоть; несмотря на; вопреки; зато; разг. -таки; разг. так-таки; как-никак; разг. как бы то ни было, разг. как ни крути, разг. как ни верти; при всём том, при этом, вместе с тем; однако, но; назло, наперекор.

всё-таки 2

ПРИМЕРЫ. *Хотя экзамен сложный, я уверен, что она сдаст на пятерку — всё-таки круглая отличница; Какой-никакой, а всё-таки муж; Всё-таки как-никак доктор наук.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1; A2; всё-таки A3* 'Имеет место ситуация A1; имеет место ситуация A2; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа A2, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-A1; говорящий считает, что в данном случае имеет место ситуация A1, потому что имеет место благоприятствующая этому ситуация A3'.

КОММЕНТАРИИ. Ситуация A2 обычно не упоминается: *Давай встретимся завтра — всё-таки сегодня уже очень поздно.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Привязав лошадь у забора, он вошёл ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а всё-таки был моим кунаком (М. Ю. Лермонтов). Ты подумай-то: какой ни на есть, я всё-таки мужчина (А. Н. Островский). Тогда уже было видно, что это конченый человек, но я сдержался тогда. Всё-таки гость... (Ф. Искандер). Немножко подбадривало Лизу присутствие в квартире соседа. Всё-таки мужчина. Старый профессор-математик, на пенсии, Василий Васильевич Кашиперов (И. Грекова). — Берта, ты же всё-таки жена историка, уж не показывай так явно-то [...] своё азбучное невежество! (Ю. Домбровский).*

СИН: *всё же, как-никак, разг. всё ж таки; АНАЛОГИ: *ведь 2; потому что 2, так как 2; из-за того что; что ни говори; как ни крути; с оговорками, худо-бедно.**

всё-таки 3

ПРИМЕРЫ. *Какие всё-таки в Москве высокие цены; Она всё-таки абсолютно непредсказуема; Это всё-таки незаменимое средство; Всё-таки десять часов в самолете — это очень долго.*

ЗНАЧЕНИЕ. *Всё-таки A1* 'Говорящий сообщает, что имеет место ситуация A1, как бы возвращаясь к разговору об A1 или возражая кому-то, кто утверждал, что не-A1'.

КОНСТРУКЦИИ. Обычно стоит в начале предложения и часто употребляется в сочетании с частицей *нет*: *Всё-таки какое это счастье!*; *Нет, всё-таки как здорово, что мы повидались!*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Нет, всё-таки что за прелесть этот типичный стопроцентный американец!* (С. Бобровский). *Нет, всё-таки эта Кнопка редкостная тупица!* (В. Валеева). *Нет, всё-таки хорошо, что я не замужем* (Ю. Пешкова). *Маневич покачал головой: — Нет, всё-таки политика губит искусство* (М. Баконина).

СИН: *всё же*, разг. *всё ж таки*; АНАЛОГИ: *нет* [*Нет, какая она красавица!*].

1.7.11. Словарная статья **ВСЁ РАВНО**

В данной статье описывается наречие и частица *всё равно*, имеющая уступительное значение и значение ‘любого варианта’.

ВСЁ РАВНО́, НАРЕЧ и ЧАСТ; разг.

всё равно 1, НАРЕЧ; ПРЕДИК.

ПРИМЕРЫ. *Мне всё равно, придет он или нет; Тебе какой кофе — черный или с молоком? — Всё равно; Тебе не всё равно, кто мне звонил?*

ЗНАЧЕНИЕ. *A1 всё равно A2* ‘Человек *A1* не испытывает никаких чувств по поводу того, какой из возможных вариантов *A2* имеет или будет иметь место’.

КОММЕНТАРИИ. Ситуации *A1* и *A2* часто не выражаются: *Так что, он не сможет прийти? Ладно, всё равно.*

КОНСТРУКЦИИ.

1. Употребляется с существительными в форме ДАТ: *Ему это всё равно.*

2. Употребляется с косвенными вопросами: *Ему всё равно, с кем и куда ехать; Мне всё равно, что надеть; Мне всё равно, зачем <откуда> он приходил; Ей всё равно, поступлю ли я в институт.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Ирина не понимала, как можно быть равнодушной к своей крови, к родной дочери [...]. Чужие восхищаются, а своему всё равно* (В. Токарева). *Я долго вытирал ботинки о траву и промочил их насквозь. Ладно, всё равно* (С. Юрский). *Ему было совершенно всё равно, как я одеваюсь* (С. Довлатов). *Мне абсолютно всё равно, где я живу, в большом дворце или в деревянной избе, если живу по своему внутреннему распорядку* (Ю. Трифонов).

СИН: *безразлично*, *неважно*, разг.-сниж. *по фигу*, сленг *по барабану*, сленг

параллельно, груб. до одного места; АНАЛОГИ: неинтересно; несущественно; ДЕР: безразличный.

всё равно 2, ЧАСТ.

ПРИМЕРЫ. *Давай я отвезу твои документы, я всё равно в институт поеду; Я могу завтра посидеть с твоим ребенком, я всё равно дома буду; Не хочешь — не поедем на дачу, всё равно дождь идет.*

ЗНАЧЕНИЕ. *A2, всё равно A1* ‘A1 имеет или будет иметь место в любом случае; говорящий считает, что существование A1 может быть дополнительной причиной для A2, в возможности или правильности которого сомневается адресат’.

КОММЕНТАРИИ. В уступительных и условных предложениях с союзами *хотя, хоть, несмотря на то что, если, если даже* и т. п., с уступительными конструкциями типа *говори не говори, старайся не старайся*, в противительных предложениях с союзами *а, но, однако* значит ‘Имеет место A1; имеет место A2; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа A2, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-A1’: *Он всё равно приехал, хоть она его и не приглашала; Так что, Виталия Гордеевна, даже если вы будете перечить, мы всё равно выставим вещи вашей жилищки за ворота* (В. Астафьев); *А если Гитлер удержится, всё равно тебя повесят* (Д. Гранин); *Я говорил, — вздохнул Ослик, — а ты всё равно не верил* (С. Козлов).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Ирина решила не подходить. Всё равно звонят не ей* (В. Токарева). *Возьмите меня к себе на работу [...], ну хоть нянечкой возьмите, всё равно я в школе мою полы, буду мыть и здесь* (В. Астафьев). — *Скажите, что я всё равно приеду, — сказал я. — Такого-то числа* (Д. Гранин). — *Это совершенно лишнее. — А я всё равно помогу. — Ни в коем случае* (С. Довлатов). *Может быть, если бы дали ему тогда шариковую ручку, вышел бы из него учёный? Нет, всё равно не вышел бы* (И. Грекова). *Нет, лучше не думать, — твердо сказал он себе. — Всё равно я ничего не решу* (И. Муравьева).

СИН: *всё же, всё-таки, тем не менее, в то же время, разг. всё ж таки, в любом случае, разг. так и так; АНАЛОГИ: хотя, хоть; несмотря на; вопреки; зато; разг. — таки; разг. так-таки; как-никак; как бы то ни было, разг. как ни крути, разг. как ни верти; при всём том, при этом, вместе с тем; однако, но; назло, наперекор.*

1.7.12. Словарная статья ПРАВДА

В данной статье описывается существительное, наречие, частица и союз *правда*, и показана эволюция полнозначного существительного с положительной оценкой в служебную часть речи с уступительным значением, вводящую указание на отрицательно оцениваемую ситуацию.

ПРАВДА, СУЩ; ЖЕНСК; *-ы*, МН нет, кроме **2**.

правда 1.1 ‘то, что имеет место в действительности’: *узнать <утаить> правду*.

правда 1.2 ‘высказывание, соответствующее действительности’: *чистая правда; вырвать у кого-л. правду*.

правда 1.3 книжн. ‘соответствие изображения действительности’: *художественная <историческая> правда*.

правда 2 ‘правильное мнение’: *У каждого своя правда*.

правда 3.1 ‘справедливость’: *нет правды на земле*.

правда 3.2 ‘соответствие чувств и поступков этическому идеалу’: *жить по правде; светлая правда*.

правда 4.1 ‘подтверждение’: *Правда, правда, — кивнул я; Ты ведь голодный, правда?*

правда 4.2 ‘действительно, в самом деле’: *Она правда решила уехать; И правда, он пришел на три часа позже*.

правда 4.3 ‘хотя и’: *Он умный, правда ленивый*.

правда 1.1

ПРИМЕРЫ. *Правда оказалась совершенно ужасной; Вы должны признать правду о геноциде; Я открою тебе правду о твоём отце; Он скрывал правду от самого себя; Я хочу знать правду*.

ЗНАЧЕНИЕ. *Правда об А1* ‘То, каким А1 является в действительности; люди не знали, какой А1, или думали, что А1 другой; говорящий считает, что знание того, каким А1 является в действительности, важно и ценно для людей; говорящий считает, что какие-то люди не хотят этого знать или не хотят, чтобы другие это знали’.

КОММЕНТАРИИ.

1. У слова *правда* есть синоним *факт(ы)*, который также обозначает реально имеющий место фрагмент действительности. Но *правда*, в отличие от объективных и нейтральных *фактов*, эмоционально и оценочно окрашена.

Во-первых, *правда* относительно каждой ситуации или объекта может быть только

одна, а фактов может быть сколько угодно: *Я узнал новые факты о его детстве и юности, Вот еще один факт*, но не **Я узнал новую правду, *Вот еще одна правда*.

Во-вторых, факты — это то, на основании чего можно строить мысли, теории, догадки о происходящем, в то время как правда дает окончательное знание о ситуации: *Факты говорят против такой интерпретации, На основании фактов можно предположить, что P*, но не **Правда говорит против такой интерпретации, *На основании правды можно предположить, что P*.

В-третьих, факты могут быть интересными и малоинтересными, значительными и незначительными, а правда всегда представляет из себя ценность; ср. невозможность **интересная <значительная, малоинтересная, незначительная> правда*.

Наконец, правда, как правило, неприятна, она открывает какие-то отрицательные стороны предметов и ситуаций; ср. *правда о вреде наркотиков, правда о злоупотреблениях в психиатрии, правда о массовых репрессиях*. Напротив, факты могут отражать и хорошие стороны действительности; ср. *Я узнала новый факт о последнем начальнике тюрьмы — оказывается, он существенно улучшил условия содержания заключенных* при невозможности **Я узнала правду о последнем начальнике тюрьмы — оказывается, он существенно улучшил условия содержания заключенных*.

Поскольку выходя наружу, правда угрожает нарушить удобный для людей статус-кво, они часто пытаются ее скрыть. Поэтому правду обычно трудно обнаружить — до нее надо докапываться, в отличие от фактов, которые могут быть общеизвестными и легкодоступными; ср. *Я узнала следующий факт: в российском законодательстве не предусмотрено уголовное наказание за фиктивный брак*, но не **Я узнала правду: в российском законодательстве не предусмотрено уголовное наказание за фиктивный брак*.

Признать правду трудно, жажда правды свидетельствует о высоких моральных качествах субъекта. Поскольку признание правды требует мужества, иногда люди предпочитают скрывать правду даже от самих себя, что невозможно для фактов: *Он скрывает правду даже от самого себя*, но не **Он скрывает факты даже от самого себя*.

2. В конструкции с предлогом *о* может иметь две интерпретации: с предметными существительными *правда об А1* значит ‘то, каков А1 в действительности’ (*правда о тридцатых годах*), с предикатными существительными *правда об А1* значит ‘то, что

А1 имел место в действительности' (*правда о бомбежках жилых районов*).

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 • *про* ВИН: *правда про отца*.

• *о/об* ПР: *правда об этом деле; правда о злоупотреблениях*.

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Горькая <страшная, жестокая, грубая> правда* [оценка содержания]; *вся правда; правда о ситуации <об отце, о прошлом, о войне, о реальном положении дел>* [тема]; *правда о близкой смерти <о расстрелах, об экономических преступлениях>* [содержание]; *поиск правды; знать <не знать> правду; скрыть <утаить> правду; узнать <обнаружить, открыть> правду, докопаться до правды; Правда неизвестна; Правда в том, что...; Правда состояла <заключалась> в том, что...; Правда наконец-то выяснилась <вышла на свет, выплыла наружу>* [правда стала известной], *Мне открылась правда; Я до сих пор не знаю правду о том, как это произошло; Пора сказать народу правду об экономической ситуации*.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *А я плохое рассказала вам, но, мне кажется, всегда лучше знать правду* (В. Гроссман). *Хотите знать правду про смерть Якунина, платите тысячу долларов!* (Д. Донцова). *Неужели ты думаешь, что от жены можно скрыть правду? Ты себя скорей обманешь, чем меня* (Е. Шварц). *Она рассказала мне о лагерях, о расстрелах — о том, о чем никогда со мной не говорили ни отец, ни мать, оберегая меня от страшной правды* (Е. Евтушенко). *Правда заключается в том, что к руководству государством и финансовыми потоками пришли сорокалетние* (Как молоды мы стали // «Другой», 2002).

СИН: *истина, факт*; АНАЛОГИ: *положение вещей, реальность, действительность*; АНТ: *фантазия, незнание, иллюзия, фантом, фикция, плод воображения*; ДЕР: *правдоподобие, вправду, взаправду*.

правда 1.2

ПРИМЕРЫ. *Я сказал тебе правду; В ее словах нет ни капли правды; То, что он тебе сказал — правда*.

ЗНАЧЕНИЕ. А1 — *правда* 'Высказывание А1 соответствует действи-тельности'.

КОММЕНТАРИИ.

1. Употребляется в составе названий газет: *Комсомольская правда, Марийская правда, Правда Севера*.

2. В предикативных и обособленных употреблениях сближается с 4.1 [см. тж.

4.1]: — *Это правда, что решено повысить зарплаты в два раза? — Правда-правда; — Правда, что он воевал? — Правда.*

КОНСТРУКЦИИ. Часто употребляется в составе сказуемого: *Это правда; Мои слова — правда; То, что я тебе сказал — правда.*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Чистая <святая, истинная, суцая> правда, полная <неполная, частичная> правда [степень соответствия действительности]; голая <неприкрытая, неприкрашенная> правда [внешнее выражение]; смесь правды и вымысла; говорить <отрицать> правду; Клянусь говорить правду, только правду и ничего кроме правды [формула клятвы]; В ее словах нет ни капли <ни крупинцы> правды; Наконец-то прозвучала правда.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Это правда, Витольд Яковлевич, что вы в 36-м году встречались со Сталиным? — спросил он (В. Аксенов). Я сейчас скажу то, что многим вольнодумцам и безбожникам покажется суеверием и отсталостью, но это чистая правда (Б. Акунин). Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться ещё некоторое время (Ф. Искандер).*

СИН: истина; АНТ: неправда, вранье, ложь, обман, дезинформация; ДЕР: полуправда; правдивый.

правда 1.3, необходн.

ПРИМЕРЫ. *Художественная правда; правда этого фильма; человеческая правда характеров; В этой пьесе много жизненной правды; Фильм занимательный, но в нем мало исторической правды.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Соответствие изображения А2 действительности в отношении признака А1’.

КОММЕНТАРИИ. Возможно метонимическое употребление *психологическая правда характеров* в значении ‘психологическая правда изображения характеров’.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 • КАКАЯ: *Психологическая правда.*

А2 • РОД: *В этом жгучая правда стихотворения Ходасевича (Д. Са-мойлов).*

СОЧЕТАЕМОСТЬ. *Поэтическая <духовная> правда; соответствие <несоответствие> исторической правде; правда жизни; В этом фильме мало <много> правды.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Средства, которыми пользуется режиссер, точны и современны — психологическая и поэтическая правда характеров сочетается с условностью (Ю. Смелков). Художественная правда произведения графа Толстого вовсе не зависит только от того, стояла ли именно такая-то колонна, во время описанного им боя, направо или налево от полководца (Г. Данилевский). В них запечатлелась психологическая правда эпохи «сталинской пятилетки в четыре года» — немислимое сочетание нечеловеческого труда, голода, холода, свинцовой тьмы (М. Чегодаева). Но сделано это аккуратно, тонко, с любовью к исторической правде как она есть, а не к «мифологии», не к сенсационной «спорности» (С. Резник).

СИН: точность, верность; **АНАЛОГИ:** реалистичность; **АНТ:** ложь, фальшь, лживость, искажение, извращение фактов; **ДЕР:** правдивый.

правда 2, МН -ы, правд.

ПРИМЕРЫ. У каждого своя правда; Правда за ним; Правда на ее стороне; Я ощутил всю правду ее слов.

ЗНАЧЕНИЕ. Правда А1 'Правильная позиция человека А1 или правильность позиции человека А1'.

УПРАВЛЕНИЕ.

А1 • **РОД:** правда народа.

• **ЧЕЙ:** своя <отцовская> правда.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Как писал Бердяев, у коммунизма была «своя правда» — правда бедных перед богатыми (О. Щукин). Хотя гордиев узел они разрубить не смогли, рассудили, что правда есть и на той, и на другой стороне (О. Муравская). У каждой стороны была своя правда. [...] Правда очередников состояла в том, что они пахали на санаторий десять лет почти бесплатно. За жилье («Новый Мир», №9, 2002). Он не чувствовал раскольничьей правды учения о классовой структуре государства (М. Горький).

СИН: правота; **АНАЛОГИ:** позиция, точка зрения; **АНТ:** неправота.

правда 3.1, необходн.

ПРИМЕРЫ. Искать правду; Нам правды не найти; Правды нет в мире.

ЗНАЧЕНИЕ. 'Справедливость в положении вещей или мироустройстве'.

ИЛЛЮСТРАЦИИ. Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и — выше (А. С. Пушкин). Да, верить можно, верить нужно, / Что правда есть, — на том стоим; /

И что добро не безоружно: / Зло на коленях перед ним (А. Синявский). — Сяду на поезд и поеду в Москву. — Зачем? — Искать правду. Саше он казался сумасшедшим. Какую правду он собирается искать? (А. Рыбаков).

СИН: *справедливость*; АНАЛОГИ: *правосудие*; АНТ: *несправедливость, кривда*; ДЕР: *правдолюбие, правдоискатель*.

правда 3.2, высок.

ПРИМЕРЫ. *Высшая <светлая, благодатная> правда; Божья правда; свет правды; жажда правды, жить в правде <по правде>; Когда-нибудь на земле воцарится правда.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Одна из высших моральных ценностей, состоящая в осознании того, что в мире является правильным и хорошим, и соответствующем этому поведению’.

КОММЕНТАРИИ.

1. В этом значении *правда* соотносится с *истиной*, которая тоже является одной из главных духовных ценностей, и также всегда положительно характеризуется — *светлая <прекрасная, совершенная, лучезарная> истина*. *Правда*, как и *истина*, является атрибутом Бога; ср. *Божья правда, Христова правда, Бог есть Истина*.

Однако *правда* — это и знание, и поведение, то есть этическая и религиозная ценность, предполагающая понимание устройства мира с высшей духовной точки зрения и соответствующее этому пониманию нравственное поведение, в первую очередь, честность и справедливость; ср. *жить по правде, поиск правды, В его жизни нет правды; Ищите правды Божией, а не человеческой*.

Истина имеет большее отношение к знанию, чем к поведению. *Истина* — это конечная цель всего человеческого познания — окончательное знание и понимание всего мироздания, — и в этом смысле она является как духовной и религиозной, так и философской и научной категорией. При этом *истина* не описывает поведения; нельзя **жить по истине*.

Искать истину — значит стремиться к окончательному познанию — религиозному, философскому, научному, *искать правду* — значит стремиться понять моральные основы бытия и построить свою жизнь в соответствии с ними. В этом смысле *правда* более достижима для человека, нежели *истина*, к которой человек движется всю жизнь.

2. Возможно персонифицированное употребление: *Верно, в ее стране живёт*

правда (Л. Чарская).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Откуда же за столь короткое время пришла к Лиру эта светлая правда?* (Л. И. Шестов). *В первый раз вверяю я бумаге свои мысли и воспоминание об этом человеке высокой души, в котором так нераздельно жили «правда с красотой» — этическое и эстетическое* (С. Маршак). *Высший тип — праведники, которые высказывать правду не умеют, да и понять ее не тщатся, они живут правдой* (Д. Самойлов). *Белинский совсем не отметил гоголевский поиск добра, правды* (В. Чивилихин).

СИН: истина; АНАЛОГИ: праведность; АНТ: неправда, ложь, нар.-поэт. кривда.

правда 4.1, в функции частицы.

ПРИМЕРЫ. *Правда, правда, — кивнул я; Он ведь не очень организованный человек, правда?; Ты придешь, не правда ли?*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Говорящий подтверждает, что высказывание А1 соответствует действительности’.

КОММЕНТАРИИ.

1. В разговорной речи в утвердительных предложениях употребляется с повтором и формирует отдельную реплику: — *Неужели он так и сказал? — Правда-правда.*

2. В вопросительных предложениях в синтаксической функции вводного оборота значит ‘Говорящий спрашивает адресата, соответствует ли его высказывание А1 действительности, ожидая, что адресат подтвердит это’ и часто стоит в конце предложения: *Я рукоделаем не увлекаюсь, это слишком несовременно, правда? Лида сначала хотела отвечать, но быстро убедилась, что «правда?» — вопрос риторический* (И. Грекова).

3. В сочетании с частицами *не* и *ли* указывает на полную уверенность говорящего в том, что А1 соответствует действительности, и обращение к адресату с просьбой подтвердить это является риторическим: *Чудеса в решете, не правда ли? «Не правда ли» было любимое выражение моей жены, вы наверное заметили* (Б. Пастернак).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Да, вот так они и губят друг друга, — солидно вздохнул Штерн. — Правда, правда* (Ю. Домбровский). *Не хорошо, Петр Петрович, — говорила она укоризненно. — Не хорошо. Стыдно. — Правда, Лида, правда, — соглашалась мать* (А.П.Чехов). *Правда, никогда не будет так, чтобы нам надо было расставаться?* (С. Козлов).

СИН: *да, так, точно, верно; Не так ли?* [к употреблению в вопросительных предложениях]; АНТ: *нет, не так, неправда.*

правда 4.2, в функции наречия.

ПРИМЕРЫ. *Она правда решила уехать; Вечер и правда выдался теплый; Ты меня правда любишь?*

ЗНАЧЕНИЕ: *Правда А1* ‘Говорящий утверждает, что ситуация А1 имеет место; до этого кто-то считал или утверждал, что А1 не имеет места’ [обычно произносится с сильным фразовым ударением: *Его ↓ правда ранили*; часто в сочетании с союзом *и*].

КОММЕНТАРИИ.

1. С глаголом в форме ПОВЕЛ указывает на то, что говорящий хочет убедить адресата сделать А1: *Ты правда сходи туда; Нет, ну правда взгляните!* (А. Волос); *И правда, подумай, Коля, разве он виноват* (А. И. Куприн).

2. В синтаксической функции вводного оборота в сочетании с союзами *и, а* или частицей *ведь* — *и правда, а правда, правда ведь* значит ‘говорящий подтверждает, что ситуация А1 имеет место; до этого кто-то считал или утверждал, что А1 имеет место’: *Я не сомневалась, что он опоздает. И правда, он пришел почти на три часа позже; — Пошли в кино? — А правда, давай пойдём куда-нибудь; А правда ведь не знаю, зачем живу* (В. Шукшин).

ИЛЛЮСТРАЦИИ. *Если меня убьют, ты всё-таки не сразу забудешь меня? Я подумала: а вдруг правда убьют?* (И. Бунин). *Конструктор откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. — Валерьянка есть? — спросил он. Он и правда побледнел* (В. Шукшин). *Неужели вам, Василий Иванович, правда интересно, о чем я думаю? — А что ж, — сказал Чапаев, — конечно* (В. Пелевин). *Зачем вы пошли в эту свору? Вы — случайный человек среди них. Скажите, что вы сожалеете. Он и правда сожалеет, как сожалеет!* (А. Солженицын). *Я думал, что слово «какета» было сказано для красного словца, а оказалось, и правда, карета* (В. Войнович).

СИН: *действительно, в самом деле, на самом деле, честно, вправду, так и есть, так и вышло, и точно.*

правда 4.3, в функции союза и вводного слова, разг.

ПРИМЕРЫ: *Он умный, правда, ленивый; Я обязательно приеду, правда, пока не могу точно сказать, когда.*

ЗНАЧЕНИЕ: *А1, правда А2* ‘имеет место желательная ситуация А1; имеет место

нежелательная ситуация А2; говорящий считает, что в данной ситуации А1 несколько важнее, чем А2; говорящий признает, что А2 тоже может быть важной’.

ИЛЛЮСТРАЦИИ: *В самом деле, после каждого приступа малярии я страшно быстро терял силы и превращался в ходячую тень, но, правда, потом почти с такой же быстротой всё восстанавливалось* (Ф. Искандер). *Пенсионеров здесь полно: дачи у них тут, правда, летнего типа, — рассказывал мне местный оперативник* (Ф. Незнанский). *Был соблюден и кульминационный момент праздника — огромный кострище с играми вокруг и отчаянными прыжками смельчаков (правда, через затихающий огонь)* («Народное творчество», 2004.02.16).

АНАЛОГИ: *хотя, только*; АНТ: *зато*.

◇ шутл. **сермяжная правда** ‘грубая, неприкрашенная правда’; **окопная правда** ‘правда о войне глазами рядового участника военных действий в противоположность штабной правде — представлению начальников; может оцениваться положительно как подлинное свидетельство или отрицательно как слишком узкий взгляд на ситуацию’; **правда момента** разг. ‘то, что считается правдой в настоящий момент, однако может перестать считаться ею в следующий момент’; **сиюминутная правда** — то же, что **правда момента**; **правда факта** ‘точное изложение фактов’: *правда факта и художественная правда в произведении «Архипелаг ГУЛАГ»*; **Русская Правда** ‘древнерусский свод законов’: *Древнерусское право, в частности, Русская правда [...] ставило истца в привилегированное положение в представлении доказательств* («Арбитражный и гражданский процессы», 2003); **служить верой и правдой** см. вера; **(Всеми) правдами и неправдами** ‘любыми, часто не этичными, средствами’: *Она добивается своего всеми правдами и неправдами; по правде (жить, поступать) ‘честно, в соответствии с этическими нормами’; по правде говоря <сказать>; правду говоря <сказать>* [в функции вводного слова] ‘говорящий подчеркивает, что собирается говорить правду, несмотря на то, что она может быть неприятна’: *По правде говоря, я недоволен вашей работой; правда-матка* разг. ‘неприятная для адресата правда, высказанная в резкой и прямой форме’; **правду-матку резать <говорить>** разг. ‘высказывать неприятную для адресата правду в резкой и прямой форме, не думая о последствиях’; **посмотреть правде в глаза <в лицо>** ‘резво оценить неприятное для субъекта положение вещей’: *Надо иметь мужество смотреть правде в глаза; В ногах правды нет* ‘Говорящий предлагает сесть адресату, который некоторое время стоял и мог устать’: *Садись, в ногах правды нет; Что*

правда, то правда ‘говорящий подтверждает, что имеет место ситуация, существование которой ему по какой-то причине не хотелось признавать’; *Ваша <твоя> правда* ‘говорящий признает правоту собеседника’; *Правда глаза ест <колет>* ‘слышать правду о себе неприятно’.

РАЗДЕЛ II. Образование и взаимодействие значений: семантический класс эмоций

II.0. Введение

В данном разделе диссертации метод семантического анализа посредством толкования языковых единиц определенного класса через семантический инвариант этого класса и его модификации по системообразующим смыслам применяется к семантическому классу эмоций. Кроме того, анализируется связь семантики и прагматики эмотивных языковых единиц с их употреблением в различных типах конструкций. Наконец, демонстрируется семантическая мотивированность некоторых управляющих свойств эмотивных лексем.

Раздел состоит из четырех глав. В первой главе излагается и мотивируется кластерный подход к созданию семантической типологии эмоций, основанный на анализе и сопоставлении целых типов эмоций, представленных многими языковыми единицами, в противовес описанию и сравнению по отдельным словам. Во второй главе проводится подробное семантическое сравнение основных эмоциональных кластеров (базовых эмоций 'СТРАХ', 'ГНЕВ', 'ГРУСТЬ', 'РАДОСТЬ', 'ОТВРАЩЕНИЕ', основных этических эмоций 'СТЫД', 'ЖАЛОСТЬ' и культурно-специфичной эмоции 'ОБИДА') в русском и английском языках, рассматриваются общие тенденции и различия в концептуализации эмоций в этих двух языках. Третья глава посвящена сравнительному корпусному исследованию прагматики эмоций в русском и английском языках на основе сравнения частотностей употребления лексем со значением эмоций в определенных диагностических конструкциях. Исследуется языковой этикет, т.е. отношение говорящих к вербальному выражению тех или иных эмоций, отраженное в языковом узусе. Рассматривается двенадцать эмоциональных кластеров в русском и английском языках: 'СТРАХ', 'ГНЕВ', 'РАДОСТЬ', 'ГРУСТЬ', 'СТЫД', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'ЖАЛОСТЬ', 'ГОРДОСТЬ', 'ЗАВИСТЬ', 'БЛАГОДАРНОСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', 'РЕВНОСТЬ'. В четвертой главе на примере русского и отчасти английского языка показывается, что между типом эмоции и семантическим классом ее

стимула, с одной стороны, и типом управления, которым вводится стимул, с другой, есть мотивированная семантическая связь.

Раздел II, Глава 1. Кластерный подход к семантической типологии эмоций

II.1.1. Проблемы универсальности и лингвоспецифичности

В современной этнолингвистике одной из центральных является мысль о том, что различия в языке отражают различия в национальной ментальности и что каждый язык характеризуется своей уникальной «картиной мира». Эта идея, восходящая к работам Гумбольдта и знаменитой гипотезе Сэпира-Уорфа, нашла продолжение в работах Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1990; 1991; 1992; 1999], а также Московской семантической школы [Апресян 1995б; 2004; 2006]. Интересно, что в последнее время предлагаются также лингвистические подтверждения верности гипотезы Сэпира-Уорфа; ср. нейropsихологические исследования в области цветообозначений, указывающие на лингвоспецифичность цветовосприятия, а именно на то, что наличие в языке названий для тех или иных цветов облегчает носителям языка восприятие этих цветов [Winawer et al. 2007; Tan et al. 2008].

Основная масса современных этнолингвистических работ, в том числе на русском материале, сосредоточена на поиске концептуальных межъязыковых различий и, в частности, на сравнении «ключевых слов» разных языков (понятие, введенное А. Вежбицкой) – слов, которые являются особенно важными выразителями главных ментальных особенностей носителей того или иного языка (классические примеры А. Вежбицкой – *душа, тоска, судьба*)¹⁴⁶.

В последнее десятилетие список ключевых концептов русского языка сильно расширился – к нему добавились, среди прочих, следующие непере译имые или не имеющие точных аналогов в других языках языковые единицы: *авось, совесть, жалость, истина, друг, воля, смирение* [Wierzbicka 1997: 55–84; Булыгина, Шмелев 1997: 481–495, Levontina, Zalizniak 2001: 306–309], *маяться, томиться, неприкаянность, собираться, заодно* [Шмелев 2002б: 300, 404–410].

---

¹⁴⁶ См. об этом работу [Wierzbicka 1990].

Бесспорно, описание подобных этнолингвистических различий помогает прояснить природу межкультурных несоответствий и трудностей в межкультурной коммуникации. Существование глубоких различий в менталитете, обуславливающих несходство в восприятии и поведении, очевидно не только для ученых-антропологов или лингвистов, их влияние распространяется далеко за рамки научных исследований. Так, например, известно, что рекламная индустрия – культурно чувствительная область, которой приходится постоянно сталкиваться с трудностями, возникающими при попытке «освоения» новых территорий. Приведем один пример из реальной жизни, имеющий непосредственное отношение к основной теме данного раздела – эмоциям. В статье американского журналиста Кэтрин Шульц «Did antidepressants depress Japan?»¹⁴⁷ обсуждаются проблемы, с которыми столкнулись фармацевтические компании при попытке внедрения лекарств-антидепрессантов на японский фармацевтический рынок из-за отсутствия до последнего времени в японской культурной среде понятия депрессии как психологического состояния, которое требует медикаментозного лечения: «Если бы вы жили в Японии в течение последних пяти лет, вы знали бы, что ваша *kokoro* может простудиться. Ваша *kokoro* – это не часть вашей респираторной системы. Это не член вашей семьи. Отоларинголог не поможет вам ее вылечить. Ваша *kokoro* – это ваша душа, и представление о том, что она может простудиться (*kokoro no kaze*) специально вводилось в Японии фармацевтическими компаниями, чтобы объяснить стране, никогда не обсуждавшей состояние легкой клинической депрессии, что это такое»¹⁴⁸.

Мысль о глубоком влиянии культуры на чувства людей афористически выражена в известной книге Дени де Ружмона «Любовь в западном мире»: «“Всё меняется, кроме человеческого сердца”, – говорят древние мудрецы, но они заблуждаются. Говоря

---

¹⁴⁷ New York Times, 22.08.2004.

¹⁴⁸ Здесь и далее цитаты в переводе автора статьи.

«If you had lived in Japan for the last five years, you would know by now that your *kokoro* is at risk of coming down with a cold. Your *kokoro* is not part of your respiratory system. It is not a member of your family. Its treatment lies well beyond the bailiwick of your average ear, nose and throat doctor. Your *kokoro* is your soul, and the notion that it can catch cold (*kokoro no kaze*) was introduced to Japan by the pharmaceutical industry to explain mild depression to a country that almost never discussed it».

метафорически, человеческое сердце удивительно чувствительно к изменениям времени и места»¹⁴⁹ [Rougemont 1956].

С другой стороны, естественно ожидать, что в силу биологической обусловленности многое в том, как люди разных языков и культур воспринимают действительность, мыслят и чувствуют, будет совпадать или, по крайней мере, в высокой степени пересекаться. Мысль о том, что существуют некоторые универсальные базовые эмоции, лежит в основе многих работ по психологии, психофизиологии и нейропсихологии эмоций [Oatley, Johnson-Laird 1987; LeDoux 1996]. Идея универсальности выражений лица (facial expressions) для как минимум шести базовых эмоций – гнева, страха, отвращения, грусти, радости, удивления – при культурной вариативности правил их социальной манифестации (display rules) пронизывает работы известного американского физиолога Пола Экмана [Ekman 1999]. Более того, в основе лингвистических работ Анны Вежбицкой, при всей их этноспецифичной направленности, лежит очень важная идея об универсальности семантических примитивов – неразложимых и нетолкуемых языковых единиц, а, кроме того, более частная мысль о наличии определенных общих тенденций в концептуализации эмоций разными языками – emotional universals [Wierzbicka 1999].

К тому же, из-за все растущего взаимодействия разных культур, взаимопроникновения идей и понятий может происходить размывание четких этнокультурных и этнолингвистических противопоставлений.

В связи с этим типологически ценным может оказаться изучение не только концептуальных различий, но и сходств между языками. В частности, на примере эмоций видно, что при всем типологическом и культурном несходстве между языками существуют определенные общие тенденции, носящие отчасти биологический, отчасти концептуальный и культурный, отчасти чисто языковой, семантический характер. Таким образом, нашей целью в данном диссертационном исследовании является построение семантической типологии эмоций, принимающей в расчет как сходства, так и различия между языками. Работа выполнена на материале эмоциональных концептов в русском и английском языках. Поскольку эти языки и типологически, и культурно не являются

---

¹⁴⁹ «‘Everything changes except the human heart’, say the old sages but they are wrong. Metaphorically speaking, human heart is strangely sensitive to variations in time and place».

далекими, полученная в результате нашего исследования типология ни в коей мере не претендует на полноту. Однако она может рассматриваться как начало более общей работы по созданию семантической типологии эмоций, в ходе которой полученные нами результаты могут дополняться и корректироваться.

II.1.2. Сознание и язык

Еще один важный вопрос, который возникает в связи с лингвистической концептуализацией эмоций (и не только их), – это вопрос о соотношении языка и сознания. В отличие от национального менталитета, под которым понимается некая совокупность особенностей восприятия, систем ценностей, стереотипов, точек зрения, обычаев, принятых в каком-то социуме в целом, сознание – это способность человеческого мозга определенным образом воспринимать окружающий мир и самого себя, свойственная людям как биологическому виду и поэтому гораздо более универсальная. Помимо уровня сознания, есть и более глубокий и более универсальный – биологический – уровень психических процессов. Так, в разных культурах эмоция ‘страх’ может концептуализироваться самыми разными способами, однако нейробиологические механизмы ‘страха’, в частности, его «локализация» в определенном отделе головного мозга – в первую очередь миндалевидном теле – межкультурно универсальны.

Если связи между национальным, культурным менталитетом и языком хотя и не абсолютно однозначны, но все-таки в высокой степени предсказуемы, то связи между реально происходящими в мозгу процессами и языком далеко не так прозрачны и очевидны. С одной стороны, представляется, что люди должны осознавать и, соответственно, фиксировать в языке то, что они воспринимают и чувствуют; с другой стороны, далеко не все процессы, происходящие в мозгу, адекватно фиксируются сознанием, и даже если фиксируются, не всегда находят языковое выражение. Ниже рассматриваются примеры параллелизма и различий между «научными», нейробиологическими механизмами эмоций и их языковой концептуализацией, а также связи между языком и когнитивными процессами на примере других феноменов.

Интересный пример асимметричности связи между языком и сознанием представляет собой концептуализация пространства, где заметны как определенные

сходства, так и различия между нейропсихологическими и лингвистическими данными. Об устройстве пространственного восприятия мозгом нейрopsихологи судят, в частности, на основе изучения феномена пространственного игнорирования (англ. *spatial neglect*) – нарушения способности к пространственному восприятию из-за поражения определенных мозговых зон. Игнорирование может иметь самые разные проявления, и их систематический анализ обнаруживает определенные общие тенденции в том, как люди с ненарушенными мозговыми функциями концептуализируют пространство.

Согласно данным [Halligan, Marshall 1991], наше сознание проводит различие между ближним и дальним пространством, так как их восприятие может избирательно нарушаться при травмировании разных зон мозга. Так, некоторые пациенты нормально воспринимают объекты, находящиеся рядом с ними, и не воспринимают объекты, находящиеся на расстоянии большем, чем вытянутая рука, в то время как у других обнаруживается противоположный эффект: они воспринимают только дальнее пространство, но не ближнее.

В языке присутствуют схожие градации: дейктические слова, являющиеся в большой степени языковой универсалией, выражают различия между ближним пространством (*тут, здесь, этот, here, this*) и дальним (*там, тот, there*); на более ранних стадиях развития русского и английского языков система была более сложной, в ней выделялось еще и очень дальнее пространство (*он, you, yonder* – ‘вон тот’). Существуют, помимо дейктических слов, и другие лексико-грамматические способы маркировать пространственно близкое и далекое.

Еще одно противопоставление, релевантное с нейропсихологической точки зрения, – между личным пространством и внешним пространством, выражающееся в том, что человек перестает воспринимать либо собственное тело (например, не знает, в каком положении находятся его конечности), либо все, что находится за пределами его тела [Guariglia, Antonucci 1992; Cocchini et al. 2001] – отчасти находит соответствие в системе личных местоимений, хотя вообще лингвистические функции этой системы намного шире, чем выражение пространственных отношений.

Интересно соответствие между различными типами пространственной ориентации, выделяемыми в нейропсихологии и в лингвистике. В нейропсихологии выделяется относительная и абсолютная ориентация [Robertson 2004]. Так, игнорирование может распространяться на какую-то часть пространства, когда человек зрительно не воспринимает объекты, расположенные в левой или правой части зрительного поля (пространственная ориентация), или на какую-то часть объекта, когда человек зрительно не воспринимает левую или правую часть объектов, в какой бы части зрительного поля они ни находились (объектная ориентация); восприятие может зависеть от позиции наблюдателя относительно объекта (относительная ориентация), а может не зависеть (абсолютная ориентация).

Язык также маркирует различие между относительной и абсолютной ориентацией: ср. пары наречий типа *далеко* (абсолютная ориентация, маркируется расстояние между объектами) и *вдали* (расстояние до объекта отсчитывается относительно позиции наблюдателя), а также фасадные vs. нефасадные существительные [Апресян 1995б: 40–42], которые в сочетании с пространственными предлогами указывают, соответственно, на абсолютную и относительную ориентацию объектов в пространстве относительно наблюдателя (*за телевизором* – фасадное существительное, абсолютная ориентация, *за деревом* – нефасадное существительное, относительная ориентация).

Еще один интересный пример не вполне симметричных отношений между сознанием и языком можно наблюдать в феномене синестезии. Клиническая синестезия – это неврологический феномен, при котором стимуляция одной сенсорной модальности ведет к непроизвольной активации другой сенсорной модальности. Например, в наиболее частотном случае синестезии «графема-цвет» человек воспринимает определенные графические символы, чаще всего буквы, как окрашенные в различные цвета, причем за каждой буквой «закреплен» свой цвет. Как окрашенные могут восприниматься и звуки – при синестезии типа «звук-цвет». Практически любые две сенсорные модальности могут оказываться связанными; например, при достаточно редком случае синестезии типа «слово-вкус» определенные слова и звуки вызывают у человека вкусовые ощущения.

В языке есть некий аналог этому феномену, а именно синестетическая метафора, при которой языковые средства, описывающие одну сенсорную модальность,

используются для описания другой сенсорной модальности: например, *сладкие звуки* (звук выражается через вкус), *кричащий цвет* (цвет выражается через звук).

В работе [Ramachandran, Hubbard 2001] высказывается мысль о существовании своего рода параллелизма между механизмами, задействованными при клинической синестезии, и языковыми механизмами формирования синестетической метафоры: «Можно рассматривать метафоры как кросс-активацию концептуальных сетей, аналогичную кросс-активации перцептивных сетей при синестезии»¹⁵⁰ и далее: «Если это предположение правильно, оно объясняет, почему синестезия чаще встречается у художников и поэтов»¹⁵¹.

Однако анализ языковых данных показывает, что полного параллелизма между этими механизмами не существует, по крайней мере в том, что касается типов связей, возникающих между разными модальностями. Если бы механизм кросс-активации концептуальных сетей был бы полностью аналогичен механизму кросс-активации перцептивных сетей, мы могли бы ожидать метафорических переносов вида *красный звук*, *вкусная буква* в соответствии с типами «графема-цвет», «звук-вкус» в клинической синестезии. Однако регулярной языковой метафоры подобного рода не наблюдается. Во многих работах отмечается, что для языковой сенсорной метафоры характерен перенос «снизу вверх», то есть описание объектов более высоких сенсорных модальностей через характеристики объектов более низких сенсорных модальностей (от осязания, вкуса и запаха к слуху и зрению), но не наоборот (см. [Апресян 1995б; Day 1996]). Ср., например: метафоры типа *резкий звук*, *ледяной голос* (перенос осязание => слух), но не **громкая поверхность* (слух => осязание); *сладкий голос* (вкус => слух), но не **тихий вкус* (слух => вкус); *кричащий цвет* (слух => зрение), но не **розовый звук* (зрение => слух); *мягкие очертания* (осязание => зрение), но не **яркий на ощупь* (зрение => осязание). Метафорические выражения, образованные переносом «сверху вниз», либо невозможны, как в примерах выше, либо носят ограниченный, в частности, явно выраженный терминологический или авторский характер; ср.: *яркий <тусклый> звук* в речи музыкантов, авторская метафора *белые звуки* (А. Блок).

¹⁵⁰ «We can think of metaphors as involving cross-activation of conceptual maps in a manner analogous to cross-activation of perceptual maps in synaesthesia» [Ramachandran, Hubbard 2001: 17].

¹⁵¹ «If this idea is correct then it might explain the higher incidence of synaesthesia in artists and poets» [Ramachandran, Hubbard 2001: 17].

Исследователи предлагают различные объяснения этому языковому феномену, в первую очередь эволюционное, – важность для человека слуха и особенно зрения относительно других систем восприятия [Gallup, Cameron 1992; Апресян 1995б]. Отмечается [Day 1996], что главным «донором» выражений для сенсорного метафорического переноса является осязание; ср. обилие «осязательных» метафор в модальностях зрения и, даже в еще большей степени, слуха: *мягкий голос, бархатистый голос, резкий звук, теплый цвет, холодный цвет*. В работе [Ророва 2005] предлагается следующее объяснение этому явлению: осязание предполагает наиболее непосредственный опыт восприятия, поскольку требует, в отличие от зрения и слуха, непосредственного контакта, при этом, в отличие от вкуса и запаха, этот контакт не ограничен одним воспринимающим органом.

Можно привести также некоторые лингвистические соображения, объясняющие особое положение выражений, характеризующих восприятие при помощи осязания, как основной источник для сенсорной метафоры.

Представляется, что по сравнению с другими сенсорными модальностями, осязание отражено в языке наиболее богато и разнообразно. Отметим, что для описания вкуса и запаха в языке существует сравнительно немного выражений; помимо собственно вкусовых характеристик и их вариаций (*сладкий, соленый, кислый, горький, терпкий*), их комбинаций (*кисло-сладкий* или англ. *sweet and sour*, а также *bittersweet* ‘горько-сладкий’) и различных производных (*кисловатый, с горчинкой*), а также названий вкусов по их протитипическим объектам (*сливочный, сырный, рыбный вкус*), прочие вкусы в основном описываются при помощи тактильной метафоры (*острый, мягкий, нежный, свежий, тонкий, легкий, вяжущий, железный вкус*).

Что касается запаха, то лексическая наполненность этого семантического поля еще ниже – запахи часто описываются через вкус (*сладкий / кислый запах*), то есть практически не имеют собственного лексического выражения, либо через общие характеристики типа ‘хороший / плохой, приятный / неприятный’ (ср.: *вонючий, благоуханный*, англ. *stinking, fragrant*).

Слух характеризуется с точки зрения громкости, высоты и тембра (*громкий / тихий, высокий / низкий, скрипучий / звонкий / сиплый / хриплый*), однако

число подобных лексических характеристик также невелико. Зрение характеризуется выражениями двух семантических классов – ‘цвет’ и ‘форма’, причем количество и тех, и других хотя и велико, но все-таки ограничено.

Осязание же описывается практически неограниченным кругом выражений: если выражений, характеризующих температуру объектов, относительно немного (*холодный, теплый, горячий, ледяной, обжигающий* и пр.), то число выражений-характеристик фактуры денотативно разнообразно и лексически очень богато (*жесткий / мягкий / твердый / нежный, острый / колкий / жгучий, бархатный / шелковый, гладкий / шершавый, сухой / мокрый* и т. п.).

Подведем некоторые предварительные итоги: нейробиологические и когнитивные процессы могут иметь языковые корреляты, но могут и не иметь их; налицо некоторый, но далеко не полный параллелизм между тем, что происходит в мозгу, тем, что осознается мозгом, и тем, что находит языковое выражение. Как будет показано ниже, к эмоциям это относится в такой же степени, как и к рассмотренным выше феноменам пространственного восприятия и синестезии.

II.1.3. Эмоциональная метафора

Широко известными примерами «биологических» метафор являются СТРАХ – ХОЛОД (ср.: *оцепенеть, похолодеть, застыть, побелеть, to freeze with terror, to get cold feet, to go numb with fear*), ГНЕВ – ЖАР¹⁵² (*вскипеть, горячий* ‘склонный к вспышкам гнева’, *вспыльчивый, взорваться, to boil with anger, to seethe with anger, to explode*), которые подробно рассматриваются на примере разных языков в работах [Lakoff, Johnson 1980; Апресян, Апресян В. 1993; Kövecses 2000 и др.]; физиологическая симптоматика страха и гнева анализируется в работах П. Экмана [Ekman 1984], где показано, что для страха, действительно, характерно понижение температуры тела, а для гнева, наоборот – повышение.

Современные изыскания в области нейропсихологии позволяют существенно расширить список имеющих биологическую основу метафор, которые могут претендовать на высокую степень языковой универсальности (мы не ставим себе целью

¹⁵² Здесь ‘страх’ и ‘гнев’ также используются в метаязыковом смысле, как некие ярлыки для целого куста эмоций, а не как слова русского языка, указывающие на конкретные эмоции *страх* и *гнев*.

обозреть в данном разделе все многочисленные существующие исследования по нейробиологии эмоций, а выборочно упоминаем лишь те, которые имеют самое непосредственное отношение к обсуждаемым нами вопросам).

Так, распространенной метафорой для чувства отвращения является метафора ОТВРАЩЕНИЕ – ТОШНОТА; подобно тому как языковые выражения с первичным значением понижения и повышения температуры имеют переносные «эмоциональные» значения ‘страха’ и ‘гнева’, выражения со значением физической тошноты употребляются для обозначения морального ‘отвращения’; ср.: *Меня тошнит от ее претенциозных манер; тошнотворное высокомерие; Her pretentious manners make me sick; nauseating arrogance*. Более того, семантическое слияние физиологии и эмоциональности, ощущений и чувств в случае ‘отвращения’ имеет место даже в гораздо большей степени, чем у ‘страха’, ‘гнева’ и других эмоций: по крайней мере, для русского и английского языков характерно неразделение физического и морального отвращения на отдельные значения – практически все слова этого кластера могут употребляться и для обозначения ощущений, вызванных плохим вкусом, запахом, грязью, отталкивающим видом (физическое отвращение), и для обозначения чувств, вызванных столкновением с подлостью, низостью, предательством и т. п. (моральное отвращение); ср.: *отвратительная грязь <жестокость>; repelling dirt <cruelty>*, а также следующие русские примеры и их английские корреляты:

(1a) *При виде полуразложившейся еды у него на лице появилась гримаса гадливости.*

(1б) *At the sight of rotting food a grimace of disgust <distaste, repugnance> appeared on his face.*

(2a) *Его подлое поведение в этой ситуации вызывает гадливость.*

(2б) *His behavior in this situation is disgusting <distasteful, repugnant>.*

Эта языковая концептуализация ‘отвращения’ имеет биологическую мотивацию; как утверждает в работе [Calder et al. 2001], ощущение физического отвращения, которое проявляется в реальном чувстве тошноты, и чувство морального отвращения, не сопровождающееся реальной тошнотой, активизируют одни и те же нейронные сети, то есть являются близкими с нейробиологической точки зрения.

Менее очевидны, хотя, по-видимому, также биологически мотивированы языковые метафоры ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ и ОБИДА – БОЛЬ. Обе метафоры присутствуют и в

русском, и в английском языках, причем первая из них может претендовать на некоторую степень языковой универсальности. Так, в русском языке отметим греческую кальку (*сострадание*), а также заимствование из греческого (*симпатия*), в английский были заимствованы греческое (*sympathy*) и латинское (*compassion*) слова. Помимо самих «говорящих» названий чувств кластера ‘жалость’, указывающих на связь этого чувства с болью, в английском и, в еще большей степени, в русском языках языковая метафора ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ проявляется в выражениях *щемящая <пронзительная> жалость*, *piercing pity*, *больно за кого-л.*, *to feel for somebody*.

Как показывают эксперименты, описанные в работах [Gallese 2001; Singer et al. 2004], у человека, наблюдающего причинение боли другому человеку, также активизируются болевые центры в мозгу, то есть метафора ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ биологически мотивирована. Однако полного совпадения нейронного ответа на собственную боль и наблюдаемую боль не происходит – как отмечено в работе [Singer et al. 2004], нейронные сети совпадают лишь частично. Это коррелирует с устройством языковой метафоры; так, только часть языковых единиц, используемых для обозначения боли, применима для описания жалости; ср. возможность выражений *пронзительная <щемящая> жалость <боль>*, *колющая <ноющая> боль*, но не **колющая <ноющая> жалость*. Это свойство метафоры (пересечение, но не полное совпадение концептуальных схем) объясняется в работе [Kövecses 2000].

Метафора ОБИДА – БОЛЬ также представлена в обоих языках, причем в большей степени выражена в английском; ср. выражения: *to be hurt*, *to be wounded*, *to be injured* ‘быть обиженным’; *pained expression* ‘обиженное выражение’, а также *боль обиды*, *чувствовать себя задетым*. Как утверждается в работе [McDonald, Leary 2005], ощущение *social exclusion* (букв. ‘социальная исключенность’), т. е. тесно связанного с обидой чувства отвергнутости сообществом, с которым экспериенсер хотел бы контактировать, активизирует болевые центры в мозгу. Это лишь один из возможных стимулов для эмоции ‘обиды’, однако не исключено, что и в других ситуациях, когда экспериенсер испытывает обиду (например, если близкий ему человек неожиданно ведет себя как чужой), его болевые центры также активизируются.

Еще одним примером параллелизма между нейробиологическим проявлением эмоции и ее языковой концептуализацией может служить чувство страстной любви. В языке это чувство концептуализуется, в том числе, через метафоры опьянения,

наркотической зависимости, болезни; ср.: *умирать* <*сохнуть, чахнуть*> *от страсти*; *сохнуть по кому-л.*; *опьянеть от любви*; *пьянить кого-л.* (вызывать страсть); *присуха* (в фольклоре – заговор или иное средство вызвать у кого-л. любовь-страсть); *не мочь без кого-л. жить*; *to pine away for smb.* ‘чахнуть по кому-л.’, *drunk with passion* ‘опьяненный страстью’; *to be addicted to smb.* ‘находиться в зависимости от кого-л.’ (подобно тому как можно быть *addicted to a narcotic* ‘иметь зависимость от какого-л. наркотика’); *withdrawal from a relationship* ‘разрыв отношений’ vs. *withdrawal syndrome* ‘абстинентный синдром отмены наркотика или алкоголя’.

Для психологов идея о близости эмоциональной и наркотической зависимости не нова – еще в семидесятые годы двадцатого века психологи писали об эмоциональной зависимости как о «межличностном героине»: «People can become addicted to other people in the same way they become addicted to drugs. We are not using the term addiction in a metaphorical sense; we mean it literally. The interpersonal dependencies in the cases that follow are not *like* addictions. They *are* addictions»¹⁵³ [Peele, Brodsky 1974: 22]. Термин «love addiction» – «любовная зависимость», «аддиктивная любовь» – давно вошел в принятый психологический язык (см. словарь терминов, предлагаемый в онлайн-версии американского психологического журнала *Psychology Today*).

Недавние нейробиологические исследования подтвердили, что любовь-страсть нейробиологически близка другим видам зависимостей – в первую очередь наркотической и алкогольной. Так, в работе [Aron et al. 2005], где описывается эксперимент по изучению начальных стадий того, что авторы называют *romantic love*, делается несколько очень интересных утверждений. Эксперимент, проводившийся при помощи магнитно-резонансного исследования – одного из основных инструментов современной нейробиологии – показал следующее. То, что называется любовью, влюбленностью, романтической страстью, не имеет с «нейронной» точки зрения ничего общего с сексом: когда испытуемым в ходе эксперимента показывали фотографию объекта их романтических чувств, активации «сексуальных зон» мозга не происходило.

Механизмы «романтической любви» нейробиологически близки тем, которые задействованы в наркотической и алкогольной аддикции, поскольку «Both of these areas

---

¹⁵³ «У людей может развиваться привыкание к другим людям точно так же, как они привыкают к наркотикам. Мы используем термин “привыкание” не в метафорическом смысле. Межличностная зависимость в тех случаях, которые представлены ниже, не похожа на наркоманию. Она является наркоманией».

are part of the reward system in the brain – the dopaminergic system associated with very focused attention, elation, craving»¹⁵⁴ (из интервью с Х. Фишер, одним из автором процитированной статьи).

Психологически «симптомы» начальных этапов страсти и ощущения, испытываемые при разрыве отношений, также очень напоминают формирование наркотической или алкогольной аддикции и абстинентный синдром (синдром отмены) соответственно: «It /early love/ is a drug addiction... It's certainly got some of the main characteristics of drug addiction – as with drugs, once you fall in love you need that person more and more <...>. There are other things, too – real dependence, personality changes, withdrawal symptoms»¹⁵⁵ (из интервью с Х. Фишер).

Можно рискнуть и выдвинуть мысль о том, что эмоциональная метафора представляет собой очень интересный «полигон» или отправную точку для изучения нейробиологии эмоций: если для шести «биологических» эмоциональных метафор (то есть таких, где в качестве источника метафоры используются выражения со значением физических ощущений) нашлось реальное нейробиологическое подтверждение, то возможно, что оно найдется и для некоторых других, то есть языковая метафора может в каком-то смысле задавать направление нейropsychологического исследования. Не исключено, что такое исследование покажет, что выражения типа *душевная боль* или *горечь разочарования* на самом деле не метафоричны, а отражают процессы, реально происходящие в мозгу.

В предыдущих рассуждениях приводились примеры параллелизма между процессами, реально происходящими в мозгу человека, когда он испытывает различные эмоции, и их языковой концептуализацией. Ниже будут рассмотрены примеры асимметрии между эмоциями «в жизни» и в мозгу, с одной стороны, и их осознанием и языковым выражением, с другой.

---

¹⁵⁴ «Обе эти области являются частью системы подкрепления (наград) в мозгу – допаминовой системы, которая ассоциируется с очень сконцентрированным вниманием, душевным подъемом, энергией, жадой, мотивацией».

¹⁵⁵ «Любовь в своем начале является наркотическим пристрастием... У нее безусловно присутствуют основные характеристики наркотической зависимости – подобно тому, как это бывает с наркотиками, когда человек в кого-то влюбляется, тот человек нужен ему все больше и больше <...>. Есть и другие совпадения – настоящая зависимость, изменения в личности, синдром отмены».

Существование такой асимметрии неудивительно; мы осознаем и, соответственно, вербализуем не все, что происходит в мозгу, и не всегда так, как это в реальности происходит, поскольку на наше восприятие оказывают влияние многочисленные субъективные факторы – характер воспринимающего, его ожидания, отношение, самочувствие, ситуация и пр. Как пишет нейропсихолог Леду в своей книге «Emotional brain», «внутренняя работа сознания, включая наше собственное понимание того, почему мы действуем тем образом, а не иным, не обязательно известна сознательному “я” человека»¹⁵⁶ [LeDoux 1996: 32].

В языке, по крайней мере, в европейских языках, принято говорить о положительных и отрицательных, приятных и неприятных эмоциях. Так, лингвистические описания эмоций [Иорданская 1971; 1984; Wierzbicka 1999; Апресян 1995б; 2004] и многие другие исследования опираются на то, что экспериенсер чувствует нечто «хорошее» (в случае положительных эмоций типа радости, гордости) или нечто «плохое» (в случае страха, гнева, стыда). Однако в мозгу нет специальной зоны, «обслуживающей» все приятные эмоции и отличной от нее специальной локализации для всех неприятных эмоций. Как пишет Леду [LeDoux 1996: 16], в мозгу вообще нет какой-то единой специализированной эмоциональной системы: «Нет такой вещи как “способность испытывать эмоции” и нет одной единой мозговой системы, приспособленной для этой несуществующей функции»¹⁵⁷. Как показывают многочисленные нейробиологические исследования, разные эмоции по-разному локализованы в мозгу, они домен-специфичны; так, страх в первую очередь локализуется в амигдале [Calder et al. 2001], что подтверждается избирательным нарушением способности распознавать страх, но не другие эмоции при амигдалных повреждениях; отвращение локализовано в инсуре [Phillips et al. 1997; Sprengelmeyer et al. 1996], и при повреждениях этой зоны мозга селективно нарушается способность распознавать отвращение; нарушение способности распознавать мимические и голосовые характеристики гнева связано, в свою очередь, с повреждениями вентральных областей базальных ганглий [Calder et al. 2001]. Таким

---

¹⁵⁶ «The inner workings of important aspects of the mind, including our own understanding of why we do what we do, are not necessarily knowable to the conscious self».

¹⁵⁷ «There is no such thing as “the emotion faculty” and there is no single brain system dedicated to this phantom function».

образом, категоризация и обобщение, проводимые нашим сознанием и языком, являются только интерпретацией, а не отражением того, что реально имеет место.

Еще одно яркое свидетельство расхождения между реально испытываемым и осознанно вербализуемым – это эмоции-сопереживания. Как показано в работе [Gallese 2001], мозгу свойственно бессознательно «дублировать» наблюдаемые субъектом действия и переживания, благодаря работе так называемых зеркальных нейронов. Зеркальные нейроны активизируются не только в ответ на совершение действия или переживание эмоции самим субъектом, но и в ответ на наблюдаемое субъектом действие или эмоцию. Это свойство мозга лежит в основе эмпатии – способности понимать чужие чувства, «сопереживать». При этом в реальности сопереживаться может что угодно – страх, отвращение, страдание, радость, грусть, стыд.

Однако в языке дело обстоит не так. Человеческое сознание и язык (по крайней мере, европейские языки) «знают» о том, что человеку свойственно сопереживать в первую очередь боли и страданию – ср.: *жалость, сострадание*, англ. *pity, compassion*, фр. *pitié*, нем. *Mitleid, Erbarmen* и пр. Иногда может разделяться радость: ср., например, кальку с греческого *сопороватьс*, или английское слово *vicarious*, которое используется в выражениях *vicarious joy, vicarious pleasure* – *радость за кого-то*, чувство, которое человек испытывает, наблюдая чужую радость.

Однако в языке нет *со-страха, со-отвращения, со-стыда* или же *co-fear, co-disgust, co-shame*; выражение *стыдно за кого-л.* или *ashamed for smb.* описывает не то чувство, которое человек испытывает, глядя на стыд другого, а то чувство, которое он испытывает, когда кто-то другой, кого он осознает как часть своей личной сферы, сделал что-то плохое. Слово *согрустие*, предложенное в «Проективном лексиконе русского языка»¹⁵⁸, носит отчетливо неологический характер. Английское слово *sympathy*, этимологически восходящее к греческому ‘переживание вместе с кем-то’, в современном языке приобретает значение ‘сочувствие’, которое, в своем эмоциональном значении, как и русские кальки с греческого *сочувствие* и *сопереживание*, относится в первую очередь к переживанию чужого страдания, но не к другим эмоциям (и обычно не указывает на совместное переживание радости, страха, отвращения, стыда). То же верно по отношению к английскому выражению *fellow*

---

¹⁵⁸ Сайт «Сетевой проект филолога, философа, культуролога Михаила Эпштейна “Дар слова”» (Проективный лексикон Михаила Эпштейна) <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html> .

feeling, которое относится к разделенному страданию или, реже, радости, но не к совместному переживанию страха, отвращения, гнева и пр. Итак, в то время как нейробиологический механизм позволяет человеку «дублировать» любые эмоции, которые он наблюдает, осознает и вербализует он лишь малую их часть. Возможно, страдание занимает первое место среди разделяемых эмоций в силу того, что может потребовать активного вмешательства экспериенсера в ситуацию, попытку улучшить положение, в котором находится объект эмоции.

Таким образом, с одной стороны, сознание и язык не фиксируют многих происходящих в мозгу процессов. С другой стороны, один и тот же с нейробиологической точки зрения процесс может осознаваться и вербализоваться по-разному. Так, нейробиологическими методами, по крайней мере, на данном этапе развития науки, невозможно определить разницу между такими эмоциональными состояниями как, например, *радость* и *злорадство*, *сердиться* и *злиться*, поскольку они различаются в первую очередь не стимулом, не характером переживания, не интенсивностью, а отношением говорящего к эмоции и к переживающему ее экспериенсеру (первая эмоция в каждой паре оценивается нейтрально, вторая – отрицательно). В то же время с языковой точки зрения эта разница очевидна.

В иных случаях имеет место достаточная нейробиологическая детализированность при отсутствии соответствующей языковой. Так, в работе [Öhman et al. 2001] описываются эксперименты, показывающие существование двух эволюционно важных типов страха – боязни змей и боязни пауков. Интересно, что в этих экспериментах стимул был представлен подсознательно, то есть участники экспериментов даже не осознавали, что видят змей или же пауков, однако обнаруживали физиологическую реакцию страха.

Нейробиологически это означает, что эти два вида страха «обслуживаются» специальными «быстрыми» нейронными сетями, так что сигнал с сетчатки поступает в амигдалу (локализация страха) по подкорковым путям, не «заходя» в визуальный кортекс – то место коры головного мозга, где происходит обработка визуальной информации и ее осознание. Это представляет смысл с эволюционной точки зрения, так как на опасность надо реагировать как можно быстрее, а и быстрый подкорковый путь дает такую возможность.

Однако в языке, по крайней мере в современных европейских языках, нет специальных слов для называния этих двух конкретных типов страха, хотя вообще лексика страха разработана очень детально (см. выше и ниже о страхе перед высшим существом, о неэтичном страхе и т. п.), по-видимому, потому, что для современного человека этот эволюционный механизм очень маргинален. Психологические термины *арахнофобия* (боязнь пауков) и *офидиофобия* (боязнь змей) описывают две из многочисленных фобий, известных медицине, однако не входят в основной лексический массив, отражающий языковую картину мира обычных носителей языка.

Еще одно различие – не между эмоциями в мозгу и эмоциями в языке, а скорее между методами экспериментальной нейропсихологии и логикой развития языка, заметно на примере того, что можно назвать «смешанными» эмоциями. Так, в языке есть множество слов, обозначающих не какую-то одну базовую эмоцию в чистом виде, а смесь эмоций; так, английское слово *horror* указывает и на страх, и на отвращение, а также содержит элементы удивления, шока; *appalled* – это и удивление, и ужас, а *marvel* – удивление и восхищение.

Очевидно, что сложные комбинации эмоций, описываемые подобными словами, вызываются сложными и специфическими стимулами, которые, по крайней мере при нынешнем состоянии экспериментальной нейропсихологии, невозможно надежно воспроизвести в лабораторных условиях; поэтому круг эмоций, которыми занимаются нейропсихологи, сводится к тому, что называют базовыми эмоциями – это эволюционно значимые эмоции с ярко выраженными физиологическими и поведенческими проявлениями, в число которых обычно включают страх, гнев, отвращение, радость, грусть, а иногда также стыд и удивление.

Изучение выражений со значением смешанных эмоций может быть интересно с нейропсихологической точки зрения, так как они служат косвенным свидетельством того, какие эмоции могут одновременно вызываться одним и тем же стимулом, а какие не могут. Так, бывает *нежная жалость* и *презрительная жалость*, *грустная радость* и *удивленная радость*, можно испытывать одновременно *стыд* и *гнев*, *жалость* и *отвращение*, но не бывает **нежного ужаса*, **радости*, *смешанной с отвращением*, **грустной злобы*.

Завершая вводную часть, повторим, что между процессами, происходящими в мозгу, с одной стороны, и их осознанием и вербализацией, с другой, существуют

поразительные корреляции и не менее интересные несостыковки; изучение и того, и другого может представлять интерес как для лингвистов, так и для нейропсихологов.

II.1.4. Метод кластерного сравнения

Данная часть исследования, как и другие разделы, выполнена в русле интегрального подхода к описанию языка [Апресян 1995б]. Наряду с использованием ставших классическими подходов к описанию эмоций в языке – прототипического подхода Л. Иорданской и А. Вежбицкой [Иорданская 1971; 1984; Wierzbicka 1990; 1991; 1992; 1999], принятого и развитого Московской семантической школой [Апресян 1995б; Апресян и др. 2004], а также метафорического подхода Дж. Лакова и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] и З. Кевечеса [Kövesces 1990; 2000], положивших начало когнитивистской школе, данная работа предлагает нечто новое.

Межъязыковое сравнение осуществляется не на основе сравнения отдельных слов (например, слов *обижаться* и *to be hurt*), а семантических полей. Это представляется необходимым для получения более цельной и сбалансированной картины концептуализации различных эмоций. Проиллюстрируем эту мысль. Например, если мы сравним английское слово *anger* с русскими *сердиться* и *злиться* в изоляции, не рассматривая другие слова со значением ‘гнева’, мы сделаем вывод о том, что английская и русская концептуализации гнева радикальным образом различаются. Дело в том, что английское слово *anger* описывает очень широкий круг ситуаций и чувств, а в русском аналогичное слово с широким значением отсутствует, что требует самых разных переводных эквивалентов в зависимости от контекста; ср.:

(3) *the professor's anger at the student who cheated on a test*

букв. ‘**гнев** профессора на студента, который списал на контрольной’
‘*Профессор рассердился на студента*’;

(4) *the country's anger at the raise of taxes*

букв. ‘**гнев** страны на повышение налогов’
‘*недовольство граждан повышением налогов* или *негодование граждан по поводу повышения налогов*’;

(5) *the country's anger at a foreign invasion*

букв. ‘**гнев** страны на иностранное вторжение’
‘правильный перевод *народный гнев*, *народная ярость*’;

(6) *The dog's anger was apparent*

букв. 'гнев собаки был заметен'

'Собака явно злилась'.

Однако если «центры» поля 'гнев' в русском и английском языках действительно сильно различаются (точнее, в русском 'гневе' центральное общее слово отсутствует как таковое), то на периферии обнаруживается намного больше параллелей. Так, в обоих языках выделяются в качестве отдельных эмоций, среди многих других, следующие «подтипы» 'гнева':

– сильный, неконтролируемый 'гнев' (см. также ниже) – *ярость, бешенство, fury, rage*;

– поверхностный и, возможно, вызванный особенностями характера экспериенсера 'гнев' – *раздражение, irritation*;

– 'гнев', вызванный недостижением поставленной цели (и, возможно, не имеющий конкретного объекта) – *досада, frustration*.

Таким образом, если мы рассматриваем и сравниваем все поле 'гнева' в целом и видим всю систему, а не отдельные ее части, то (хотя этого, возможно, и нельзя ожидать на примере каждой пары языков) обнаруживается гораздо больше системных сходств, чем при сравнении отдельных слов.

Сравнение целых систем, а не отдельных их элементов, позволяет, как кажется, избежать и еще одной опасности: абсолютизации индивидуальных лингвистических особенностей отдельных слов в качестве показателей различий в менталитетах носителей разных языков. Безусловно, межкультурные различия могут быть очень глубокими, и язык в какой-то степени их отражает, однако объективность языка как «зеркала» ментальности неочевидна, особенно если опираться в качестве критерия на неперевоидимость того или иного слова. Дело в том, что полная перевоидимость – чрезвычайно редкое явление, и из отсутствия точных эквивалентов невозможно делать вывод о глобальных различиях в менталитетах и эмоциях.

Возвращаясь к семантическому полю 'гнева', рассмотрим пример из работы А. Вежбицкой [Wierzbicka 1999: 32], где речь идет о чувстве *angry* ('сердитый, в гневе') у умирающего человека: *Dying people may feel angry... Some people feel angry at God for allowing them to get sick, at their doctors for not being able to find a cure, at the government*

*for putting money into weapons instead of medical research, or at the world in general*¹⁵⁹ (Callanan and Kelley 1993: 44, цит. по [Wierzbicka 1999: 32]).

Автор утверждает, что невозможность точного перевода и фразы на польский язык из-за отсутствия переводных эквивалентов (соответствующие польские прилагательные *zły* и *gniewny* имеют «лишние» семантические оттенки – первый из них отрицательно окрашен, второй указывает на более высокий социальный статус экспериенсера) свидетельствует о принципиальной разнице в том, что чувствуют носители английского и польского языков в описываемой ситуации. «By examining the meaning and the use of words like *anger* and *angry* in contemporary English we can indeed learn a great deal about the “emotional universe” of the speakers of contemporary English... They reflect its /society’s/ “habits of the heart”»¹⁶⁰ [Wierzbicka 1999: 33]. Сделанный из сказанного вывод, о том, что чувство, которое испытывал бы в подобной ситуации носитель английского языка, уникально и что носители разных языков будут испытывать принципиально разные эмоции, кажется все-таки чересчур сильным. Безусловно, жители разных стран могут чувствовать себя в подобной (или всякой иной ситуации) по-разному, но вряд ли можно утверждать, что это определяется в первую очередь языковыми различиями. Скорее, подобные вещи определяются целым комплексом факторов: – характером, социальной и культурной средой, страной и окружением, религиозностью или ее отсутствием. Вполне может быть, что носители одного языка будут испытывать разные чувства в подобной ситуации в силу разницы возрастов, темпераментов, ценностей, а носители разных языков – если они окажутся близки по этим параметрам – похожим образом, несмотря на невозможность одинаково вербализовать это чувство.

Рассмотрим еще один пример «этноспецифичного» чувства. Речь идет о «русском» чувстве *жалости*, которое описывается исследователями как имеющее принципиально иной характер, чем его корреляты в европейских культурах [Федотов 1992; Wierzbicka 1992; Левонтина 2004], в частности, как занимающее более центральное место в русской языковой картине мира, нежели, например, *pity* в английском. Однако даже если

---

¹⁵⁹ Буквальный перевод: «Умиравшие могут **сердиться**... Некоторые люди **сердятся** на Бога за то, что Он позволил им заболеть, на врачей за то, что они не смогли их вылечить, на правительство за то, что оно вкладывает деньги в оружие, а не в медицинские исследования, или на мир в целом».

¹⁶⁰ «Исследуя значение и употребление таких слов как *anger* и *angry* в современном английском языке, мы можем многое узнать об “эмоциональном мире” носителей современного английского <...> Они [эти слова] отражают “сердечные привычки” общества».

согласиться с тем, что в русском языке *жалость* занимает особое место по сравнению с английским *pity*, не вполне понятно, какие из этого можно сделать выводы о ментальных различиях носителей русского и английского языка. О том, что носители русского языка более жалостливы, чем носители английского? Или о том, что для носителей русского языка быть субъектом и объектом *жалости* более приемлемо, чем для носителей английского языка быть субъектом и объектом *pity*? Однако при ближайшем рассмотрении первое утверждение, касающееся эмоций как таковых, не кажется верным, а второе, касающееся связанных с эмоциями правил этики и этикета, требует, как минимум, существенных уточнений. Вообще же утверждение о связи языка и ментальности для своего эмпирического подтверждения потребовало бы масштабных антропологических изысканий и нейропсихологических экспериментов, причем совершенно не очевидно, что такое подтверждение можно было бы действительно обнаружить¹⁶¹.

Более того, даже лингвистические данные свидетельствуют о том, что асимметрия между русским и английским представлением об этой эмоции отчасти преувеличена. Существительные *жалость* и *pity* являются достаточно близкими коррелятами, причем оба языка выделяют как «положительную» жалость (в английской психологической терминологии – «benevolent pity»; ср. *tender pity*, *нежная жалость*), так и «отрицательную» жалость (*contemptuous pity*, *презрительная жалость*).

Безусловно, между глаголами *жалеть* и *to pity* существует значительно большая семантическая асимметрия, чем между существительными *жалость* и *pity*. Русский глагол, в отличие от английского, может обозначать не только чувство, но и поведение (*Он ее жалеет, не обижает*) и даже действие, особенно в несобственной форме совершенного вида *пожалеть* (*Ее пожалели и пропустили без очереди*). Кроме того,

---

¹⁶¹ Так, с точки зрения нейропсихологии утверждения о большей важности ‘жалости’ для носителей русского языка могли бы подкрепляться экспериментами, показывающими, что в одной и той же ситуации, при одних и тех же стимулах носитель русского языка испытывает эмоцию ‘жалости’, а носитель языка, с которым производится сравнение, – нет. Антропологические и социологические исследования, подтверждающие идею о русской склонности к ‘жалости’, могли бы быть направлены на доказательство большего присутствия ‘жалости’ в принятых русскоговорящим социумом этике, этикете, узаконенных ритуалах общения, социальных практиках. Насколько нам известно, подобных экспериментов и исследований не проводилось, тем более, что их результаты, скорее всего, разительно отличались бы для разных социальных, возрастных и психологических групп русскоговорящих, поэтому мы воздержимся от каких бы то ни было утверждений «за» или «против» идеи о связи *жалости* в русском языке с ‘жалостью’ в русском социуме.

русский глагол в целом гораздо более положительно окрашен, чем его английский коррелят. Так, русское словосочетание *любит и жалеет* (*Она его бесконечно любит и жалеет*), где глагол *жалеть* употреблен в сочинении с безусловно позитивно окрашенным *любить* (см. о связи *любви* и *жалости* [Wierzbicka 1992: 168]) совершенно естественно тогда как английское словосочетание *loves and pities* прагматически неадекватно. Поиск по корпусам отражает это распределение: Русский Национальный корпус содержит 21 пример на сочиненное употребление *любить и жалеть*, Британский Национальный корпус – ни одного примера на сочиненное употребление глаголов *love and pity*¹⁶². Хотя в принципе такое сочетание в английском языке возможно, но его употребление ограничено религиозными контекстами; ср., например в Псалме 103: *As a father loves and pities his children, so the Lord loves and pities those who fear Him* (103: 6–13)¹⁶³.

Однако в данном случае эта несостыковка отражает не столько большую важность чувства жалости для носителей русского языка или более положительное восприятие ими этого чувства, сколько общую асимметрию между русскими и английскими глаголами со значением эмоций. Как отмечается в работе [Вежицкая 1996: 38–42], в английском языке глаголы со значением эмоций представляют собой «вымирающую» категорию, их становится все меньше, и они семантически и стилистически ограничены. Эмоции в английском обычно выражаются существительными (так, по данным BNC существительное *pity* встречается в двадцать раз чаще, чем глагол *to pity*) и в особенности прилагательными (по данным BNC, прилагательное *sorry* встречается в 7,6 раз чаще, чем существительное *pity*), а для передачи смысла типа ‘поведение, мотивированное эмоцией’ или ‘действие, мотивированное эмоцией’ используются аналитические конструкции вида *have + имя эмоции, take + имя эмоции* (ср.: *to have pity, to take pity* – ‘пожалеть’). В то же время в русском языке глаголы со значением эмоций являются регулярным явлением (ср.: *жалеть, стыдиться, радоваться, ужасаться*), причем, в отличие от соответствующих им существительных и адвербиалов (*жалость, жалко, стыд, стыдно, радость, радостно, ужас, страшно*), указывают не только на

---

¹⁶² Здесь и далее: НКРЯ – Национальный корпус русского языка, BNC – Британский Национальный корпус, СОСА – Корпус современного американского языка.

¹⁶³ «Подобно тому, как отец любит и жалеет своих детей, так Господь любит и жалеет боящихся Его» (103: 6–16).

чувство, но и на его внешние проявления. То есть для русских глаголов со значением эмоций указание на некоторые дополнительные аспекты чувства, такие как мотивированное эмоцией поведение и действия, является регулярной семантической особенностью, и в этом смысле глагол *жалеть* и, соответственно, концепт ‘жалость’ не является чем-то особенным.

Положительная окраска *жалеть* по сравнению с *to pity* вытекает из того, что русский глагол указывает, помимо чувства, на поведение и действия, мотивированные эмоцией. Если само отношение экспериенсера к объекту эмоции в кластере ‘жалость’ может варьироваться (ср. выше: *презрительная жалость, любовная жалость*), то поведение, вызванное эмоцией, может быть направлено только на благо объекта – *из жалости* или *out of pity* можно делать только что-то хорошее, и такое сострадательное поведение положительно оценивается говорящим (ср. безусловно положительную окраску тех эмоций из кластера ‘жалость’ – *compassion, сострадание, участие*, – которые всегда указывают на то, что экспериенсер пытается так или иначе облегчить положение объекта). Таким образом, поскольку в глагол *жалеть / пожалеть* инкорпорировано указание на доброжелательное поведение, мотивированное эмоцией, он окрашен более положительно, чем глагол *to pity*, в котором такое указание отсутствует.

Интересно, что в некоторых современных антропологических исследованиях в качестве одной из центральных «русских» эмоций предлагается рассматривать вовсе не жалость, а зависть [Рис 2005: 122–125], причем таковой она предстает в самоанализе самих русских информантов, в так называемых «завистливых рассказах» (термин Н. Рис): «“Если кто-то начинает жить лучше, – сказал один информант, – все тут же хотят его убить. Все хотят, чтобы он был таким же бедным, как они <...> Русский человек не может вынести, если кто-то становится богаче его”. <...> Парадоксально, но даже самым порицанием зависти в своих рассказах и анекдотах говорящие укрепляли ее, представляя естественной и сущностной частью русскости» [Рис 2005: 122–123]. При этом какие бы то ни было лингвистические данные на тему особой роли слова *зависть* в русской языковой картине мира отсутствуют, хотя в современном фольклоре – в частности, в жанре анекдота [Там же] – стереотип «русские завистливы» представлен в достаточной мере. Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что отношения между языком и ментальностью далеки от прямолинейности и что невозможно как

делать выводы о национальном менталитете на основе исключительно языковых данных, так и ожидать, что все особенности национального менталитета будут четко и однозначно отражены в языке.

Всего в данной работе подробно рассматривается 8 групп (или кластеров) эмоций: ‘страх’, ‘гнев’, ‘отвращение’, ‘грусть’, ‘радость’, ‘стыд’, ‘гордость’, ‘жалость’, ‘обида’¹⁶⁴. Как видно из приведенного списка, в данной работе анализируется то, что называется эмоциями в традиционном, биологическом и психологическом смысле этого термина – эмоции рассматриваются как непосредственные реакции на некие стимулы. То, что называется чувствами-отношениями – любовь, ненависть, уважение и пр., – выходит за рамки нашего исследования в данной работе, поскольку и биологически, и психологически, и лингвистически чувства-отношения сильно отличаются от непосредственных эмоциональных реакций. Чувства-отношения могут возникать без внешних стимулов, их длительность существенно превышает длительность эмоций, они в еще большей степени «окультурены» и ритуализованы, чем эмоциональные реакции, что не может не отражаться на их языковой концептуализации. Так, для русского языка можно упомянуть в качестве примера различия в сочетаемостных свойствах существительных со значением чувств-состояний и чувств-отношений (ср.: *иметь доверие, иметь уважение*, но не **иметь восторг, *иметь страх*). Различаются также их аспектуальные свойства – у чувств-состояний часто есть актуально-длительное значение НЕСОВ (*Когда он пришел, она бурно радовалась*), у чувств-отношений его нет (**Когда он пришел, она его уважала*); об аспектуальных свойствах стативов см. [Апресян 2009: 541–542]. Аналогичное различие существует и в английском языке, где стативные эмоциональные предикаты типа *love, hate, respect* не имеют форм Continuous.

Каждый «кластер» задается на основе объединяющего все входящие в него эмоции прототипического сценария. Например, для кластера ‘грусть’ прототипический сценарий выглядит следующим образом: ‘произошло что-то плохое; человек X чувствует что-то плохое из-за этого’. Таким образом, в эту группу попадут и *грусть*, и *печаль*, и *горе*, и *грустно*, и *расстраиваться*, и *огорчаться* и некоторые другие лексические средства, причем все они будут содержать общий семантический

---

¹⁶⁴ Заключенные в марровские кавычки названия эмоций соответствуют не конкретным словам русского языка (*страх, гнев* и т. д.), а являются ярлыками кластеров.

компонент, но также и различаться по целому ряду важных признаков¹⁶⁵. При этом четкие границы между кластерами отсутствуют – кластеры переходят один в другой, могут также пересекаться. Имеется (особенно в английском) много пограничных слов со значением эмоций, которые входят сразу в два кластера: например, английское *horror* сочетает в себе элементы прототипических сценариев ‘страха’ и ‘отвращения’, *appalled* – это одновременно и ‘страх’, и ‘удивление’. Безусловно, не любые два кластера могут пересекаться – так, нет слов, обозначающих смесь радости и отвращения, жалости и зависти, гнева и благодарности, поскольку эти пары эмоций не могут, по-видимому, вызываться одним и тем же стимулом одновременно.

Деление на кластеры в двух разных языках не обязательно совпадает; так, например, английский кластер ‘обида’ существенно уже, чем его русский аналог, и то, что в русском языке входит в кластер ‘обида’, в английском покрывается лексикой трех разных кластеров – ‘обида’, ‘гнев’, ‘грусть’ (см. также ниже). Таким образом, мы имеем дело с межъязыковым несовпадением лексического «покрытия» концептуального пространства: то, что в одном языке «покрывается» одним словом с более общим значением, в другом может выражаться одним, двумя, тремя различными словами с более специализированными значениями (такова ситуация с русским *обижаться / обидеться* и английскими *to be hurt, to be offended, to have a grudge*, см. также ниже). Похожая ситуация описывается в работе Констан «The Emotions of the ancient Greeks» на примере древнегреческих и английских слов со значением эмоций, например, греческого слова *philia*, которое обычно переводится на английский как *love* ‘любовь’ (хотя в каких-то отношениях семантически уже, чем *love*, поскольку не описывает ситуацию эротической любви), однако в некоторых контекстах описывает ситуации, которым соответствует английское слово *friendship* ‘дружба’, когда речь идет о деловых отношениях [Konstan 2007: 4–5].

Итак, в данной работе анализируются не отдельные слова, а целые кластеры, причем лингвистические данные рассматриваются не изолированно, а в контексте всей языковой системы. В каждом кластере приводится основная масса лингвистических средств, выражающих разные стороны эмоции:

---

¹⁶⁵ Многие из признаков, используемых нами для описания эмоций в языке, были сформулированы в работах [Melcuk, Wanner 1996; Wierzbicka 1999; Апресян 2004; Апресян В. 2004; Левонтина 2004; Урысон 2004].

1) во-первых, это весь спектр синонимов и аналогов в разных частях речи, представляющих разные типы и оттенки эмоции (например, для кластера ‘страх’ – *бояться, пугаться, трусить, страшиться, опасаться, страх, боязнь* и пр. для русского; *to be afraid, to be scared, to fear, fear, dread* и пр. для английского);

2) во-вторых, это весь спектр частеречно разнородных средств, представляющих разные аспекты появления и протекания эмоции – каузацию (*пугать, страшный*), внутреннее эмоциональное состояние (*грустно, страшно*), поведение, мотивированное эмоцией (*ужасаться, жалеть*), физиологические реакции на эмоцию (*побелеть, побагроветь, похолодеть*); поведенческие реакции на эмоцию (*убежать в ужасе, ударить кулаком по столу от досады*). Проанализированный материал дает возможность установить как сходства, так и различия в концептуализации эмоций в русском и английском языках, а также в семантическом устройстве этих полей.

В качестве языкового материала использовались материалы словарей; корпуса текстов (такие как НКРЯ, BNC, COCA, ruTenTen на ресурсе Sketch Engine)¹⁶⁶, художественная литература и язык СМИ (в первую очередь онлайн-версии различных новостных сайтов на русском и английском языках), а также интуиции русско- и англоговорящих информантов, в том числе двух билингвов, в равной степени владеющих обоими языками.

Обнаруживается, что при бесспорном наличии многочисленных семантических контрастов между отдельными словами в русском и английском, а также частом отсутствии безусловного переводного эквивалента, устройство эмоциональных кластеров в целом сильно пересекается.

Например, и русский, и английский языки выделяют следующие подвиды страха:

- общий, нейтральный страх (*бояться, страх, to fear/ to be afraid*);
- кратковременный биологический страх (*пугаться, to be scared, to be frightened*);
- сильный страх перед непосредственно угрожающим, масштабным и неизвестным (*ужас, terror*);
- сильный страх перед неизбежным и отдаленным во времени (*страшиться, to dread*);

---

¹⁶⁶ Большая часть языковых примеров представляет собой адаптации предложений, встретившихся в реальных текстах в корпусах, с очень небольшой долей сконструированных примеров.

- рациональный страх (*опасаться, to be apprehensive*);
- благоговейный страх перед высшими силами (*трепетать, to be awed*);
- неэтичное поведение при страхе (*трусить, трус, coward*) и некоторые другие.

При том, что все подвиды 'страха' объединяет некоторый общий прототипический сценарий, а именно: 'X думает, что может произойти что-то плохое: X не хочет этого', каждый из подвидов характеризуется какими-то дополнительными семантическими компонентами: *ужас* и *terror* указанием на близость опасности и ее масштаб, *опасаться* и *to be apprehensive* указанием на осторожное поведение, дистанцирование от опасного объекта, *трус* и *coward* указанием на отрицательную оценку субъекта эмоции и его поведения говорящим и т. п. При этом границы подвидов эмоций не обязательно совпадают с лексическими: так, *to be scared* может выражать и кратковременный «биологический» страх (*I got scared*), и нейтральный страх-отношение (*I'm scared of dogs*). Могут отсутствовать частеречные соответствия между двумя языками – так, в русском существует и глагол, и существительное со значением неэтичного поведения при страхе (*трусить, трус*), в то время как в английском есть соответствующее существительное *coward*, но глагол *to get cold feet* не является точным эквивалентом *трусить*, так как отрицательная оценка в нем выражена гораздо слабее. Соответствующий смысл передается в английском языке разговорно-сниженными и сленговыми выражениями *to chicken out, to poop out, to crap out*.

Суммируя сказанное, повторим, что сравнение не отдельных слов, а целых полей позволяет составить более объективное представление о языковой концептуализации каких-то явлений, в том числе эмоций, и избежать отождествления отсутствия и наличия в языке каких-то слов (в частности, точных переводных эквивалентов словам другого языка) с непременным отсутствием и наличием каких-то ментальных, когнитивных и эмоциональных особенностей у носителей этого языка.

Раздел II, Глава 2. Семантическая типология эмоций в русском и английском языках

II.2.1. Общие семантические тенденции в устройстве эмоциональных кластеров в русском и английском языках

Даже беглый взгляд на устройство эмоциональных кластеров в русском и английском языках позволяет сделать следующее предварительное наблюдение, о том, что в их лингвистическом и концептуальном устройстве наблюдаются не только яркие различия, но и не менее интересные параллели. Так, можно выделить следующие общие тенденции в устройстве русских и английских эмоциональных кластеров.

Во-первых, в обоих языках количество «негативных» кластеров существенно превышает количество «позитивных»; ‘страх’, ‘гнев’, ‘грусть’, ‘отвращение’, ‘стыд’, ‘жалость’, ‘зависть’, ‘ревность’, ‘обида’ (отрицательные) vs. ‘радость’, ‘гордость’, ‘благодарность’, ‘восхищение’ (положительные).

Возможно, это отражает общечеловеческое когнитивное устройство – нечто плохое, отклоняющееся от нормы, регистрируется сознанием лучше, чем хорошее или соответствующее норме или ожиданиям. С эволюционной точки зрения отрицательные эмоции или, точнее, эмоциональные и поведенческие реакции на отрицательные или опасные стимулы тоже, по-видимому, более востребованы, чем реакции на положительные стимулы, которые не угрожают выживанию. Наконец, как известно, язык также фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме.

Во-вторых, в каждом кластере наблюдается определенная градация эмоций, в первую очередь, по интенсивности. Обычно выделяется нейтральное выражение для обозначения естественной степени эмоции, адекватной стимулу, лишенное как отрицательной, так и положительной оценки говорящего: *страх* и *fear*, *отвращение* и *disgust*, *стыд* и *shame*, *радость* и *joy*, *грусть* и *sadness*, *гордость* и *pride*, *жалость* и *pity*. Часто (хотя и не обязательно) слова, выражающие эту нейтральную степень эмоции, являются и наиболее частотными; например, английское *sad* ‘грустный’ в два раза превышает по частотности *grief* ‘горе’, в два с половиной – *depressed* ‘подавленный, в депрессии’, более чем в шесть раз – *sorrow* ‘печаль’ (данные СОСА).

Чрезмерная степень эмоции, не адекватная стимулу, поведение, вызванное чрезмерно сильной эмоцией, а также чрезмерная предрасположенность к какой-то эмоции, даже положительной, обычно маркируются негативно; ср.: *трусость* и *cowardice* (поведение, вызванное неспособностью справиться со страхом), *зжатый* и *uptight* (поведение, вызванное чрезмерной стеснительностью), *вспыльчивый* и *quick-tempered* (склонный слишком быстро приходить в состояние гнева), *восторженный* и *euphoric* (чрезмерно или беспричинно радостный), *жалостливый*¹⁶⁷ и *bleeding-heart* (чрезмерно сердобольный). Кроме того, в некоторых кластерах содержатся терминологические выражения, обозначающие не только чрезмерную, но и болезненную степень эмоции – клинические состояния, характеризующиеся затянувшимся и немотивированным эмоциональным состоянием: *фобия*, *боязнь* (*боязнь воды*, *боязнь сцены*), *phobia*, *fright*; *депрессия*, *depression*; *aversion* (*aversion to food* – *нездоровое отвращение к еде*).

Поскольку некоторые эмоции являются социально легитимной реакцией в определенных обстоятельствах, то их отсутствие или недостаточная степень проявления оцениваются как отклонение от социальных или этических норм и обозначаются отдельными негативно окрашенными языковыми выражениями; ср.: *безжалостный* и *pitiless*, *бесстыжий*, *бесстыдный* и *shameless*, *неблагодарный* и *ungrateful*. Интересно, что страх в определенных обстоятельствах тоже воспринимается как нормальная реакция на опасность, а его отсутствие как отклонение от нормы; ср.: *бесстрашный*. Однако поскольку эта норма скорее биологическая, чем социальная или этическая, то и оценивается такое качество положительно, как преодоление некоей слабости.

Обнаруженная трихотомия напоминает систему, предложенную Аристотелем в «Никомаховой этике», где среднюю степень страсти предлагается считать нормой и оценивать позитивно, а ее недостаток или избыток – в равной мере негативно оцениваемым отклонением от нормы. Отличие состоит в том, что Аристотель распространяет эту систему на все эмоции, или страсти, в то время как тот языковой материал, который анализируется в данной работе, указывает на то, что это верно лишь для некоторых эмоций. Действительно, есть эмоции, для которых в той или иной мере представлен весь спектр возможностей, например, стыд: *совестливый* (такой, которому

---

¹⁶⁷ Ср. пример *Бизнес попрошаек в столице процветает, его подпитывают жалостливые пассажиры метро* (<http://www.gazeta.lv/story/15574.html>), где свойство *жалостливый* явно оценивается слегка неодобительно.

стыдно, совестно совершать плохие поступки – положительная оценка) и *стыдливый* (такой, которому стыдно нарушать принятые социальные нормы этикета – нейтральное слово), *бесстыжий*, *бессовестный* (такой, которому не стыдно совершать плохие поступки – отрицательная оценка), *застенчивый*, *стеснительный*, *скованный* (тот, у которого чрезмерно развито чувство социального стыда – нейтральные или слабо отрицательные выражения).

Однако для большинства эмоций картина несколько иная. Как было сказано выше, отсутствие страха является положительной, а вовсе не отрицательной характеристикой (*бесстрашный*); отсутствие гнева вообще не маркируется специально (аристотелевский *безгневный* кажется добавленным для симметрии конструктом, по крайней мере, для русского и английского языков) и, если и имеет какие-то несобственные средства выражения (*невозмутимый*, *добродушный*), то также оценивается положительно, а не отрицательно.

Следующее общее свойство устройства системы эмоций в русском и английском языках состоит в том, что социально ожидаемые или просто желательные эмоции можно каузировать сознательно; ср.: *веселить* и *to cheer up*, *стыдить* и *to shame*, *разжалобить* и *to move*.

Нежелательные эмоции обычно возникают как реакция на непреднамеренные стимулы: *вызывать отвращение* и *to disgust*, *печалить* и *to sadden*, *сердить* и *to anger*, *раздражать* и *to irritate*; ср. невозможность **Перестань вызывать у меня отвращение, ??Не печаль меня*. Идея непреднамеренной каузации также передается в обоих языках прилагательными типа *противный* и *disgusting*, *печальный* и *sad*, *страшный* и *creepy*, *scary* и т. п.

Эмоции, каузируемые объектом, могут, как правило, быть направлены и на самого экспериенцера, однако только в том случае, если они не являются сильными и неконтролируемыми, а также не предполагают поведенческих реакций. Ср. возможность в русском и английском выражений: *жалость к себе* <*self-pity*>, *презрение к себе* <*self-contempt*>, *отвращение к себе* <*self-disgust*>, *сердиться на себя* <*be angry at oneself*>, при невозможности **ярость на себя* <**rage at oneself*>, **сострадание к себе* <**compassion for oneself*>, **обижаться на себя* <**be offended by oneself*>, **гадливость к себе* <**being creeped by oneself*>.

Сильные эмоции могут проявляться (см. также [Mel'čuk, Wanner 1996]) либо в неконтролируемых биологических, либо в неконтролируемых поведенческих реакциях; ср.: *трястись от страха* <to shake with fear>, *задохнуться от бешенства* <to choke with rage>, *тяжело дышать от гнева* <to gasp with anger>, *тошнить от отвращения* <to be sick with disgust>, *плакать от горя* <to cry with grief>, *смеяться от радости* <to laugh with joy> (биологические реакции) vs. *в ужасе убежать* <to flee in terror/panic>, *в гнев ударить* <to strike in rage> (поведенческие реакции). Эмоции средней силы не вызывают подобных реакций; ср. невозможность **убежать в опасности* и **to flee in apprehension*, **ударить в досаде* и **to hit in annoyance*.

Эмоции, которые не лишают экспериенцера способности рационально оценивать происходящее, такие как *сострадание, благодарность, зависть* (*compassion, gratitude, envy*), могут сопровождаться контролируемыми поведенческими реакциями; ср.: *помочь кому-л. из жалости* и *to help smb. out of compassion*, *взять кого-л. на работу из благодарности* и *hire smb. out of gratitude*, *оклеветать кого-л. из зависти* и *badmouth smb. out of envy*. Для иррациональных эмоций контролируемая поведенческая реакция невозможна; ср. неправильность **убежать из паники* и **flee out of panic*, *убить из ярости* и **kill out of fury*.

Наряду с вышеперечисленными параллелями между двумя языками существует и ряд различий, хотя и несколько иных, чем было принято считать. Как нам кажется, эти межъязыковые несоответствия не обязательно отражают фундаментальные различия между эмоциональными мирами русско- и англоговорящих. Представляется, что у этих различий могут быть следующие источники:

- разное лексическое «покрытие» одного и того же концептуального поля – широко распространенный языковой феномен, встречающийся не только в области эмоций¹⁶⁸.

---

¹⁶⁸ Это может происходить и не только на лексическом материале; так, пресловутый фатализм (пассивность, иррациональность, неконтролируемость происходящего), свойственный русской культуре и языку, отражается, как многократно отмечалось, в некоторых безличных синтаксических конструкциях [Вежбицкая 1996; Апресян 2006]. Интересно, что он находит параллели на концептуальном и культурном уровне в современной англо-саксонской культуре (традиционно считавшейся представителем «рациональной» и «активной» ментальности), где становящиеся все более общепринятыми фаталистичность и пассивность выражаются в формировании устойчивых понятий типа *victim culture* ‘культура жертв’, *blame culture* ‘культура нахождения виноватого; букв. культура обвинения’, характеризующих тип менталитета и поведения, при котором происходит «responsibility-shifting» – перенос ответственности за действия и поступки с агенса на окружающих лиц или неблагоприятные обстоятельства. Ср.: «We all have some tendency to blame what is outside our control when something goes badly» ‘Нам

Это происходит, когда некая конфигурация значений выражается одним словом в языке X и двумя или более словами в языке Y или же некими семантическими компонентами различных слов – т. е., когда имеет место частичное пересечение смыслов (например, слово *тоска* включает в себя семантические компоненты слов *yearning* ‘томление’, *depression* ‘депрессия’ и *anguish* ‘душевная боль’);

- разные правила языкового поведения.

Представляется, что в американском английском существует тенденция избегать эксплицитно отрицательных высказываний¹⁶⁹. Относительно эмоций это означает, что, подобно тому, как различаются *emotion display rules* («правила проявления эмоций» в терминологии П. Экмана, см. также выше), так же различаются и правила их вербализации. Носители американского английского в диалоге часто стараются избегать употребления слов-эмоций, содержащих определенные семантические компоненты; ср. прагматическую неадекватность следующих фраз:

- (1) Компонент: ‘Я чувствую что-то плохое из-за тебя’
Выражения: *You have hurt my feelings, I’m offended by you*
‘Ты меня обидел’.
- (2) Компонент: ‘Ты чувствуешь что-то плохое’
Выражения: *You are hurt, You are offended*
‘Ты обижен’.
- (3) Компонент: ‘Ты находишься в плохой ситуации’
Выражения: *I feel pity for you*
‘Мне тебя жаль’.
- (4) Компонент: ‘Я сделал что-то плохое’
Выражения: *I’m ashamed to have bothered you*
‘Мне стыдно, что я вас побеспокоил’.

Их обычно заменяют более мягкими и более общими, «обтекаемыми» выражениями (о культурных табу в британском английском см. [Ларина 2009: 287–301]). Ср. употребление *I feel bad for you, I feel for you* вместо *I feel pity for you* ‘Мне тебя

всем свойственно обвинять то, что нам неподконтрольно, когда происходит что-то плохое’ [Pearn et al. 1998: 11]. *Blame culture* – важное социологическое и психологическое понятие, отражающее широко распространенное явление и используемое, в частности, для характеристики компаний по типу отношения менеджмента к ошибкам подчиненных.

¹⁶⁹ О специфике культурных скриптов в англоговорящих культурах см. [Wierzbicka 2006].

жалко»; *I feel bad to bother you* вместо *I'm ashamed to bother you* 'Мне неловко Вас беспокоить'; *This made me feel bad, I was sad* вместо *I was offended* 'Мне было обидно'; *Take it easy* вместо *Don't be offended* 'Не обижайся'. Русский язык допускает даже слегка преувеличенное выражение негативных эмоций; ср.: *Пять ошибок в контрольной – какой позор!* при прагматической странности *Five mistakes on the test – what a disgrace!* В то же время, английский язык приветствует слегка преувеличенное выражение положительных эмоций; ср.: широко обсуждавшееся в лингвистической литературе десемантизированное употребление английского *happy* 'счастлив' в качестве синонима *glad* 'рад'. Подробно прагматические, этикетные различия между разными эмоциями обсуждаются в третьей главе данного раздела.

В следующих подразделах главы представлены выдержки из сравнительного анализа некоторых эмоциональных кластеров в русском и английском языках. Многие из анализируемых нами выражений неоднократно привлекали внимание исследователей; ср. анализ различных слов-эмоций в работах [Иорданская 1971; 1984; Iordanskaja et al. 1996; Wierzbicka 1999; Levontina, Zalizniak 2001; Шмелев 2002б; Апресян 2004б; Левонтина 2004; Урысон 2004а].

II.2.2. Кластер 'СТРАХ' в русском и английском языках

В кластер 'страх' входят эмоции, объединяемые идеей того, что может произойти что-то плохое, желания этого избежать и ощущения собственного бессилия. В обоих языках есть концепт общего, «нейтрального» 'страха' (прототип страха), который является эмоциональной, интеллектуальной и поведенческой реакцией на потенциально опасный объект, действие или ситуацию, которых экспериенцер хотел бы избежать. Ср. следующие пары примеров:

(5) *Я боюсь этого человека <экзаменов>*

I'm afraid of this man <of the exams>

(6) *Я боюсь ходить в лес*

I'm afraid to go into the woods.

(7) *Мне страшно ехать с горы*

I'm scared to go down this slope.

Семантически этот тип ‘страха’ можно эксплицировать следующим образом¹⁷⁰:

(8) ‘X думает, что от Y-а может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а; X чувствует что-то плохое’.

Данная семантическая экспликация, как и другие, приведенные ниже, не представляет собой толкования какого-то одного слова, а описывает подтип эмоции, который может выражаться каким-то кругом употреблений разных лексем. Таким образом, мы говорим о разных оттенках эмоции, находящих выражение в разных языковых единицах, понимая, что между эмоцией и словом не всегда существует взаимно-однозначное соответствие, и часто бывает, что один тип эмоции выражается разными словами (*бояться, страшно*), а также может не иметь собственного специального лексического выражения, для чего приходится прибегать к развернутому описанию (ср.: *благоговейный трепет* в русском для выражения эмоции, для которой в английском есть отдельный термин – *awe*).

В обоих языках также зафиксировано представление о кратковременном «биологическом» страхе, который не предполагает никакого мыслительного процесса, предшествующего эмоции – это биологическая, поведенческая и эмоциональная реакция на внезапно воспринятый экспериенцером пугающий объект, например, собаку, летучую мышь, внезапно появившегося на пороге незнакомого человека, неожиданный и необычный шум – страх, о котором Леду [LeDoux 1996] пишет, что в нем биологическая и поведенческая реакция предшествует и способствует осознанию эмоции как страха, цитируя В. Джеймса: «We don't run because we are afraid; we are afraid because we run» ‘Мы не убегаем из-за того, что боимся; мы боимся из-за того, что мы убегаем’. Семантически этот тип ‘страха’ можно эксплицировать следующим образом:

(9) ‘Объект Y неожиданно вошел в контакт с X-ом; тело X-а стало холоднее, сердце X-а забило чаще, X мог непроизвольно вскрикнуть или совершить какое-то движение в сторону от Y-а; X подумал, что от контакта с Y-ом могло произойти что-то плохое; X почувствовал что-то плохое’.

Этот тип ‘страха’ выражается несколькими лексическими единицами: *пугаться / испугаться / перепугаться; to get scared, to get frightened, to get a scare, to get shit-scared*.

---

¹⁷⁰ Ср. толкования синонимических рядов *бояться* и *страх* в Новом словаре синонимов русского языка [Апресян В. 2004; Урысон 2004], а также описание *to be afraid* ‘бояться’ в работе [Вежбицкая 1996].

И в русском, и в английском есть концепты кратковременного и очень сильного, иногда мистического ‘страха’ перед чем-то очень плохим, масштабным и часто непонятным. Этот вид ‘страха’ эксплицируется следующим образом:

(10) ‘X думает или чувствует, что может произойти очень плохой Y или что очень плохой Y может сделать X-у что-то очень плохое; X чувствует, что не может ничего сделать, чтобы этого избежать; X чувствует что-то очень плохое’.

В английском для выражения этого смысла существует специальное слово *terror* ‘ужас’ и его производные – *to terrify* ‘ужасать, пугать’, *terrifying* ‘жуткий’, *terrified* ‘в ужасе’. Эта разновидность ‘страха’ вызывает сильную физиологическую и неконтролируемую поведенческую реакцию; ср.: *to go pale with terror* ‘побелеть от ужаса’, *one’s blood turns icy with terror* ‘кровь холодеет от ужаса’, *to freeze/to numb with terror* ‘застыть / онеметь от ужаса’, *to flee in terror* ‘убежать в ужасе’.

Русский коррелят *terror*, слово *ужас*, а также его дериваты *ужасаться / ужаснуться* имеют более широкое значение: они могут относиться не только к чувству ожидания чего-то очень плохого, но и к чувству, которое охватывает человека, когда что-то очень плохое уже произошло; ср. возможность использования этого слова в следующих двух контекстах:

(11а) *Он с ужасом смотрел на приближавшихся бандитов.*

(11б) *Он с ужасом смотрел на обезображенное тело.*

В английском для этих двух ситуаций используется два разных слова:

(11а) *He was looking at the approaching gangsters in terror.*

(11) *He was looking at the mutilated body in horror.*

В первом из этих употреблений *ужас* близок к *terror*; ср.: *застыть <побелеть> от ужаса, быть парализованным ужасом, убежать в ужасе*. Во втором употреблении *ужас* ближе к *horror*, хотя в нем и отсутствует компонент ‘отвращения’, свойственный *horror*.

Дериват существительного *ужас*, глагол СОВ *ужаснуться* может описывать только чувство, которое появляется после того, как произошло что-то плохое, не до этого:

(12) *Пантелей беспокойно глянул на Вадима и ужаснулся – пропал его друг, пропал артист (В. Аксенов).*

Форма НЕСОВ *ужасаться* тоже относится к чувству, вызванному чем-то уже произошедшим, однако, как правило, описывает словесную реакцию:

(13) *Василиса ужасалась, охала, молилась* (Л. Улицкая).

Horror – пограничная эмоция, сочетающая элементы ‘страха’ и ‘отвращения’, что проявляется даже в ее метафорической концептуализации. Отчасти симптоматика и, следовательно, метафорика *horror* пересекается с *terror*, то есть ‘ужасом, сильным страхом’: *horror iced <curdled> one’s blood* ‘ужас заледенил кровь’, *to shrink in horror* ‘сжаться в ужасе’. Однако в метафорике *horror* присутствуют и элементы *disgust* ‘отвращения’: *to vomit in horror* ‘тошнит от ужаса’. *Horror* – это пример стирания границы между разными кластерами, очень характерного для английского языка с его обилием слов для обозначения смешанных эмоций. Там, где в английском мы находим *horror*, в русском, в зависимости от контекста, встречается *ужас и отвращение; ужас, смешанный с отвращением; ужас; отвращение*; например, в «Лолите» В. Набокова фразе *I adore her so horribly* в авторском переводе соответствует *Я так мерзко обожаю ее*.

Однако, хотя в *horror* явно присутствуют компоненты ‘страха’ и ‘отвращения’, этим комплекс чувств в *horror* не исчерпывается. Во-первых, удельный вес этих двух эмоций в *horror* явно неравен. В то время как фразы типа *She looked at him with horror and disgust* встречаются очень часто, фразы типа *She looked at him with horror and fear* практически не встречаются, что указывает на преобладание в эмоции *horror* компонента ‘страха’.

Во-вторых, в *horror* есть нечто, отсутствующее и в ‘отвращении’, и в других типах ‘страха’. В своем тонком психологическом описании *horror* Р. Соломон указывает на дополнительный важный компонент этой сложной эмоции – шок [Solomon 2004]. *Horror* вызывается только очень сильно выходящими за рамки обыкновенного отрицательно оцениваемыми объектами или явлениями. В современном языке употребление *horror* сильно размыто, однако в основном круге употреблений это слово указывает на чувства, вызываемые чем-то чудовищным, монструозным, невероятным – в том числе внешне, как франкенштейновский монстр. Фильмы жанра *horror*, с их злыми силами, страшными существами (часто сверхъестественного происхождения), с графически ярким насилием, полностью соответствуют семантике основного употребления существительного *horror*.

Для типа *horror* можно предложить следующее толкование:

(14) 'X видит, что происходит или произошел очень плохой и противоестественный Y; X ничего не может сделать; X чувствует что-то очень плохое'.

В обоих языках присутствует концепт религиозного 'страха', который внушают высшие силы или существа – Бог, природа, значительные личности. Однако в обоих языках этот концепт достаточно маргинален и, соответственно, выражающие его лексические единицы (*трепет, awe*) не слишком частотны и стилистически окрашены как книжные. Этот тип 'страха' также представляет собой смешанную эмоцию, в которой, однако, преобладают не отрицательные компоненты 'страха', а положительные компоненты 'уважения' и 'восхищения'. Объект, вызывающий эмоцию, не обязательно воспринимается как опасный для экспериенцера, наоборот – он часто оценивается как очень хороший. Элемент 'страха' объясняется тем, что экспериенцер ощущает свою слабость и беспомощность по сравнению с объектом чувства. Семантически эксплицировать этот тип 'страха' можно следующим образом:

(15) 'X думает, что Y очень важный и сильный; X думает, что он очень незначительный и слабый; X чувствует, что Y может сделать что-то с X-ом, а X не может сделать ничего с Y-ом; X не думает, что Y будет делать что-то плохое X-у'.

В английском этот тип 'страха' выражен в большей степени: глагол и существительное *awe* и их дериваты *awesome* 'вызывающий трепет', *awed* 'в благоговейном ужасе' являются специальными обозначениями этого пограничного типа 'страха', в то время как в русском для того, чтобы выразить этот смысл, необходимо использовать фразу *благоговейный <священный> ужас* или метафорические выражения *трепет, трепетать*. Как и в случае *horror*, смешанная эмоция *awe* содержит разные компоненты в разной пропорции; доля 'восхищения' и 'уважения' превышает долю 'страха', что объясняет в целом положительный характер этой эмоции.

Религиозному типу 'страха' можно противопоставить 'страх' рациональный, который практически не содержит собственно эмоциональных компонентов – это скорее рациональная оценка и некое сопряженное с ней поведение:

(16) 'X думает, что от контакта с Y-ом может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а'.

Этот тип 'страха' выражается глаголом *опасаться* и его дериватами в русском языке и прилагательным *apprehensive* и его дериватами в английском; ср. следующую пару коррелирующих примеров:

(17a) *Opасаясь побочных эффектов антидепрессантов, он отказался от медикаментозного лечения.*

(17б) *Apprehensive about the side effects of anti-depressants, he opted out of pharmacotherapy.*

Полной противоположностью рациональному ‘страху’ является *панический страх*, *паника*, *panic* ‘паника’ и *to freak out* ‘перепугаться’. Этот тип ‘страха’ предполагает полную потерю рационального самоконтроля а, в случае *паники* и *panic*, еще и неконтролируемые поведенческие реакции.

В отличие от всех остальных типов ‘страха’, *паника* может охватывать целые группы, даже толпы людей и животных; ср. психологические термины *crowd panic*, *mass panic* ‘массовая паника’. Сами слова *паника* и *panic* также являются психологическими терминами, обозначающими состояния с достаточно четко определенным кругом симптомов: учащенным сердцебиением, потоотделением, затрудненным дыханием, тошнотой, головокружением, онемением, дереализацией или деперсонализацией [Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Washington, DC, 1994: 394–403]. Настоящие панические состояния, особенно массовые, вызываются обычно какими-то очень значительными, а следовательно редко встречающимися обстоятельствами (землетрясение, пожар, ограбление), поэтому «психологическое» значение слов *паника* и *panic* в разговорной речи не актуализуется¹⁷¹. В разговорной речи эти слова употребляются ослабленно и расширительно, однако указание на потерю рационального контроля над собой, когда эмоция на время полностью вытесняет способность мыслить, сохраняется; ср.: *Перед контрольной меня охватила паника.*

Семантика этого типа ‘страха’ может быть эксплицирована следующим образом:

(18) ‘X внезапно чувствует, что может произойти очень плохой Y; X чувствует что-то очень плохое; X не может ни о чем думать; X не может контролировать свои действия; X совершает какие-то неконтролируемые действия; другие люди рядом с X-ом могут начать чувствовать и вести себя как X’.

Поскольку всякий ‘страх’ предполагает какую-то разновидность поведенческой реакции, эта эмоция становится объектом социальной и этической нормативной оценки. В обоих языках есть концепт «плохого», неэтичного ‘страха’, точнее, вызванного

---

¹⁷¹ При том, что для среднего человека настоящая паника представляет собой скорее некий психологический курьез или вовсе является незнакомым состоянием.

страхом неэтичного поведения в ситуации, которая требует, чтобы человек преодолел страх. Сами ситуации могут различаться в зависимости от времени, места и культуры, но всегда есть круг социально обусловленных контекстов, требующих от человека смелости, и неспособность преодолеть ‘страх’ и действовать так, как будто человек его не испытывает, вызывает негативную этическую оценку общества. Этот тип ‘страха’ может быть семантически эксплицирован следующим образом:

(19) ‘X думает, что от контакта с Y-ом может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а; X чувствует что-то плохое; X старается избежать Y-а; говорящий считает, что это плохо’.

Этот тип поведения и личности, склонной к такому поведению, обозначается выражениями *(с)трусить* и *(с)дрейфить*, которые в форме НЕСОВ обозначают чувство страха и желание избежать опасной ситуации, а в форме СОВ – удавшуюся попытку ее избежать, а также *малодушный*, *трус*, *трусость* в русском языке и английскими *to get cold feet* ‘струсить, сдрейфить, смалодушничать’, *coward* ‘трус’, *cowardice* ‘трусость’, *cowardly* ‘трусливый’, *chicken* ‘трусика’.

Интересно, что в обоих языках используются одни и те же метафорические средства для обозначения этого типа поведения, вызванного страхом. Негативно окрашенная метафора ‘страха’ строится на физиологической симптоматике страха у людей и у животных. Это разговорно-сниженное выражение *наложить в штаны* и его еще более грубые синонимы, их английские эквиваленты *to poop out*, *to crap out* (о подобных идиомах в русском и английском см. [Добровольский 1996]), а также разговорное выражение *поджать хвост* и его английский эквивалент *to have one's tail between one's legs*.

II.2.3. Кластер ‘ГНЕВ’ в русском и английском языках

Как и ‘страх’, ‘гнев’ включается в число эмоций, которые большинством психологов и физиологов считаются базовыми. Подобно ‘страху’, ‘гнев’ предположительно возник в ходе эволюции как способствующая выживанию реакция на потенциальную угрозу. В отличие от более пассивного ‘страха’, ‘гнев’ эволюционно предполагает агрессию. Физиологические проявления ‘гнева’ обусловлены его эволюционной функцией – приготовить экскрипента к нападению – и проявляются главным образом в повышении температуры тела и учащении сердцебиения.

Интересно, что в языке 'гнев' выражается в первую очередь не как реакция на нечто еще не произошедшее, на потенциальную угрозу, а как негативный эмоциональный ответ на нечто плохое, что уже произошло. По-видимому, это отражает нынешнюю, в гораздо большей степени социальную, нежели эволюционную, функцию 'гнева' в современном человеческом обществе. Как и биологический 'страх', биологический 'гнев', общий для человека и животных, составляет лишь малую и периферийную часть общей концептуализации 'гнева' в рассмотренных языках.

Вообще же в кластер 'гнев' входят эмоции, объединяемые идеей того, что происходит или произошло что-то плохое, в сочетании с желанием сделать что-то плохое, чтобы это прекратить или отомстить.

Как и всякая эмоция с яркими физиологическими проявлениями, 'гнев' имеет достаточно универсальную метафорическую концептуализацию в языке, а именно ГНЕВ – ЖАР, описанную и документированную в первую очередь в работах [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2000]. В русском и английском языках она представлена, среди прочего, выражениями, характеризующими внутреннее состояние и поведение человека, испытывающего 'гнев': *кипеть, вспыхнуть, взорваться; to seethe, to boil, to explode*.

Однако 'гнев' также широко представлен неметафорической лексикой, и в этой области русский и английский языки обнаруживают меньше сходства: хотя концептуальные карты 'гнева' в двух языках в большой степени пересекаются, есть и много различий.

Во-первых, как и в случае 'страха', в английском языке существует большое количество «пограничных» выражений, обозначающих смесь 'гнева' и какой-то другой эмоции. Например, это *resentment* – смесь 'гнева', 'зависти' и 'обиды', то есть специфический вид бессильного недовольства, не проявляющийся в агрессии, поскольку экспериенцер ощущает себя более слабой стороной в конфликте, но который может быть даже более неприятной, интенсивной и «горькой» эмоцией, чем *anger*, поскольку долго накапливается, не находя выхода. *Resentment* обычно вызывается событиями и объектами, которые воспринимаются как несправедливое отношение к экспериенцеру (и в этом его близость к 'обиде'), особенно в ситуации, когда кто-то другой пользуется хорошим отношением или находится в лучшей позиции (и в этом его близость к 'зависти'):

(20) *Back then there was some **resentment** among the old pros when he started winning* (COCA)

‘Некоторые из старых профессионалов были **недовольны**, когда он начал побеждать [речь идет о молодом перспективном теннисисте]’.

(21) ***Resentment** felt by the Arab poor toward the oil-rich* (COCA)

‘Чувство **недовольства**, которое арабские бедняки испытывают по отношению к нефтяным магнатам’.

В английском есть и другие специфические разновидности ‘гнева’, отсутствующие в русском (*annoyance, frustration*), о которых речь пойдет ниже.

Начнем, однако, с «нейтрального» ‘гнева’, не окрашенного дополнительными оттенками эмоций или отношением говорящего, который представлен и в русском, и в английском, и может быть эксплицирован следующим образом:

(22) ‘Y сделал что-то плохое для X-а; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у и хочет сделать ему что-то плохое’¹⁷².

И в русском, и в английском есть выражения, обозначающие подобную негативную, умеренно агрессивную реакцию на чей-то плохой поступок или свойство – это *сердиться* и *to be angry* ‘букв. быть сердитым’, *anger* ‘букв. гнев’. Однако *сердиться* и *to be angry* далеко не симметричны: *angry* и особенно *anger* покрывают гораздо более широкое концептуальное поле, нежели *сердиться*. *Сердиться* – чувство средней интенсивности и глубины, и оно не может вызываться по-настоящему серьезным стимулом, в отличие от *anger*, который может быть и сильным, и глубоким. Кроме того, *сердиться* в целом предполагает гораздо более узкий круг ситуаций, нежели *anger*. Безусловно, как и в английском, родители могут *get angry* или *сердиться* на ребенка, то же самое может испытывать учитель в отношении ученика или начальник по отношению к подчиненному. Могут *сердиться* или *get angry* также люди с одинаковыми статусами – например, друзья. Однако когда речь идет о больших группах людей и более абстрактном уровне эмоции, или же, наоборот, о более низком, животном уровне, английский также может использовать *anger, to get angry*, в то время как русский язык

---

¹⁷² Приведенная нами семантическая экспликация имеет много общего с «семантической выжимкой» значений разных синонимов в статье глагола *сердиться* [Апресян 2004], а также с определением *anger* в работе [Вежицкая 1996: 361].

использует другие выражения: *негодование, гнев, возмущение* используются в первом случае, *злиться* – во втором.

Так, *anger* может описывать эмоцию, которую испытывает несправедливо осужденный человек по отношению к судье, однако *сердиться* в данном контексте звучало бы неадекватно мягко и «мелко» – по-русски скорее можно говорить о *гневе, ярости, негодовании* или даже *обиде*.

Anger может описывать чувства жителей страны, на которую напали враги, однако очевидным образом *сердиться* неадекватно и в этой ситуации – по-русски эту эмоцию можно назвать *народным гневом* или *возмущением*.

Anger может описывать и чувства группы людей, вызванные более приземленными стимулами, например, повышением налогов, в то время как по-русски эту эмоцию назовут скорее *недовольством*.

Кроме того, *сердиться*, не будучи особенно сильной эмоцией, не может, в отличие от *anger*, иметь неконтролируемых деструктивных поведенческих проявлений – обычно эта эмоция выражается вербально. Что касается *anger*, то эта эмоция может быть столь сильной и неуправляемой, что требует специального *anger management* – особого типа самоконтроля, направленного на сдерживание и преодоление гневливости.

Таким образом, русский язык, который в области эмоциональной лексики в целом гораздо менее «детализирован», чем английский, в области ‘гнева’ избирает стратегию специализации и покрытия концептуального пространства большим количеством специфических выражений для разных оттенков этой эмоции, а не стратегию обобщения и использования одного слова в разных употреблениях для описания многочисленных подтипов эмоции.

Таким образом, на концептуальных картах ‘гнева’ русская лексема *сердиться* занимает малую часть английского *anger*, она соответствует *anger* в его более слабых проявлениях, по менее важным поводам. Более глубокое и сильное чувство *anger*, вызываемое какими-то серьезными причинами, передается русскими лексемами *гнев* и *негодование*.

Если «центральная», нейтральная часть кластера ‘гнев’ в русском и английском сильно различается, то периферия пересекается в гораздо большей степени. Так, в обоих языках присутствует представление о сильном, «животном» ‘гневе’ – это *ярость* и *fury*, и, в еще большей степени, *бешенство* и *rage*. Эти эмоции имеют неконтролируемые и

неприятные для экспериенцера физиологические проявления: *задышаться от ярости* <бешенства>, *побагроветь* <почернеть> *от ярости* <бешенства>, *to fly into a fury* <rage>, *to choke with fury* <rage>, *black* <purple> *with rage* <fury>, *to gasp with rage* <fury>. Поведенческие проявления этого типа ‘гнева’ деструктивны и также не поддаются контролю:

(23) *Марат Сафин меняет тренеров едва ли не чаще, чем теннисные ракетки, которые в ярости ломает на корте* («Известия», 2001.10.12).

(24) *Он в бешенстве порвал на себе рубаху* (В. Гроссман).

(25) *He may strike out at them in fury* ‘Он может ударить от ярости’ (СОСА).

(26) *Suspect says he killed in rage* (СОСА) ‘Подозреваемый утверждает, что совершил убийство в состоянии бешенства’.

Fury и *ярость*, с одной стороны, и *бешенство* и *rage*, с другой, несколько различаются степенью чувства и, соответственно, проявлениями: *ярость* и *fury* чаще проявляются вербально, *бешенство* и *rage* – в деструктивных поступках: *заорать в ярости*, *hiss in fury*, *yell in fury*, но *убить в приступе бешенства*, *to kill in a fit of rage*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(27) ‘Y сделал что-то очень плохое; X чувствует что-то очень плохое; X хочет сделать что-то очень плохое Y-у, не может контролировать свое поведение и не может думать ни о чем другом’.

В обоих языках есть выражения для неоправданного, отрицательно оцениваемого говорящим ‘гнева’ – немотивированно плохого отношения к кому-то и желания причинить вред этому человеку, которое вызывается не какими-то поступками объекта чувства, а особенностями характера экспериенцера. Русская *злоба*, а также английские *venom*, *rancour*, *spite* предполагают отрицательную оценку говорящим экспериенцера, указывают на неприятные и отталкивающие физиологические проявления: *позеленеть от злобы*, *green with spite*. Поскольку склонность к этим эмоциям коренится, по мнению говорящего, в характере экспериенцера, в языке существуют средства, выражающие эту особенность характера – прилагательные *злбный*, *spiteful*. Этот тип ‘гнева’ семантически выражается следующим образом:

(28) ‘Y что-то сделал; X чувствует что-то очень плохое по отношению к Y-у; X хочет сделать что-то очень плохое Y-у; говорящий считает, что это плохо’.

В обоих языках также есть концепт сильного, но неглубокого ‘гнева’, который может быть вызван не чьими-то поступками, а обстоятельствами в целом и поэтому не обязательно направлен на какого-то конкретного человека. Этот тип ‘гнева’ выражается языковыми единицами *раздражение*, *irritation*, а также их производными. *Раздражаются* обычно по какому-то поводу, но не *на кого-то*; ср. странность: ?*Я раздражен на тебя*, ?*I am irritated at you*. Этот тип ‘гнева’ часто выражается вербально или мимически – в повышенном голосе, манере говорить, резких выражениях; ср.: *говорить раздраженно*, *grimаса раздражения*, *I could hear irritation in his voice* ‘Я слышал раздражение в его голосе’, *Irritation tightened his face* ‘Его лицо напряглось от раздражения’. Он может также выражаться поведенчески, однако это поведение обычно направлено не на причинение вреда какому-то конкретному человеку, а скорее имеет целью «выпустить пар»; ср.:

(29) *Николай Аристархович в раздражении хлопнул ладонями по рулю* (М. Елизаров, Пастернак).

(30) *Irritated, he banged his fist on the table*

‘Он в раздражении ударил кулаком по столу’.

Однако часто человек в состоянии подавить этот тип ‘гнева’, если не скрыть его полностью:

(31a) *Он с трудом подавил раздражение.*

(31б) *He stifled <restrained, fought down> his irritation.*

При том, что этот тип ‘гнева’ весьма поверхностен и вызывается не слишком серьезными событиями и обстоятельствами, он весьма неприятен для экспериенцера, лишает его спокойствия духа, подобно тому, как физическое раздражение лишает человека ощущения хорошего самочувствия. Метафора физически неприятного, постоянно беспокоящего, хотя и поверхностного раздражения концептуализует этот тип ‘гнева’ и в русском, и в английском языках.

Этот тип ‘гнева’ может возникать и как естественная реакция на неприятные, раздражающие стимулы – события, обстоятельства, свойства окружающих объектов – и как результат особенностей характера экспериенцера, например, его чрезмерной раздражительности; ср. (32a) и (32б) vs. (33a) и (33б):

(32a) *Меня раздражает ее неаккуратность.*

(32б) *Her messiness is irritating.*

(33a) *Она слишком раздражительна, чтобы быть хорошей учительницей.*

(33б) *She's too irritable to be a good teacher.*

В английском есть сленговое выражение, которое в некоторых контекстах может быть употреблено для выражения этого типа 'гнева' – *to be pissed off*:

(34) *My father was always pissed off. He was pissed that he had to work so hard. He was pissed that he made such lousy money. He was pissed that there were seven of us living in a tiny house (COCA)*

'Моего отца все **раздражало**. Его **раздражало**, что ему приходилось так много работать. Его **раздражало**, что он так мало зарабатывал. Его **раздражало**, что мы всемером живем в маленьком доме'.

Здесь не слишком глубокое, но неприятное чувство, не имеющее конкретного объекта, вызывается сочетанием назойливо неблагоприятных обстоятельств и особенностей характера экспериенцера.

Однако, как это вообще свойственно сленгу, выражение *pissed off* имеет несколько более широкий смысл и покрывает не только раздражение, но и некоторые другие оттенки 'гнева'. Это может быть чувство, направленное на конкретного человека и вызванное каким-то его поступком, похожее на то, что выражается русским *сердиться* и английским *angry*:

(35) *My mom was pissed off at me when she found out I was smoking*

'Моя мама **рассердилась** на меня, когда узнала, что я курю'.

Иногда это бывает чувство бессильного 'гнева', к которому примешивается разочарование:

(36) *I think people are cynical, disgusted and pissed off about politics, and I think that's a perfectly rational reaction (COCA)*

'Мне кажется, народ относится к политике цинично, с чувством отвращения и **досады**, и это кажется мне абсолютно разумной реакцией'.

Иногда это злость, которую хочется выплеснуть наружу:

(37) *Haven't the two of you got anything better to do than sit around discussing the old details of something that happened to me years and years ago? Which you don't have any right to know about at all because it's none of your damn business! Damn it all to hell, now I'm really pissed off! (COCA)*

‘Вам что, делать больше нечего – только сидеть тут и обсуждать то, что случилось со мной сто лет назад! И что у вас нет никакого права знать, потому что это не ваше чертово дело! Черт побери, ты меня действительно **разозлил!**’

И наконец, это чувство может быть и легким, и сильным, и даже, в отличие от *раздражаться* и от русского *сердиться*, глубоким: *a little <mightily> pissed off, deeply pissed off* ‘слегка <очень> **раздраженный**’, ‘глубоко **раздраженный**’.

Эта разновидность ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(38) ‘произошло что-то или Y что-то сделал; X чувствует что-то очень плохое из-за этого; X чувствует что-то похожее на то, что люди ощущают, когда они испытывают физическое раздражение; X может хотеть сделать что-то плохое; X не может чувствовать себя хорошо’.

В английском языке выражен еще один, похожий на раздражение тип ‘гнева’ – это *annoyance*, разновидность ‘гнева’, вызываемая повторяющимся неприятным стимулом, т. е. нечто среднее между *раздражаться* и *надоесть*. Подобно раздражению, *annoyance* указывает на почти физически неприятное и назойливое чувство, которое лишает человека душевного покоя. Однако в *annoyance* есть дополнительное ограничение: как правило, это чувство возникает после того, как нечто неприятное произошло несколько раз, и когда экспериенцер чувствует себя лично задетым этим. В отличие от *раздражения*, *annoyance* бывает глубоким чувством: *deeply annoyed*. Кроме того, *annoyed* чаще видится как более оправданная реакция на стимул, нежели *раздражение*, которое может вызываться особенностями характера экспериенцера – того, что человек является *irritable, раздражительным*; такой черты характера, как **annoyable*, не существует. В русском языке концепт такого ‘гнева’ также присутствует, однако не в литературном языке, а в сленге: груб. достать и табу затрахать. Оба эти глагола могут употребляться и тогда, когда чувство направлено на конкретного человека (его поступки или качества), и когда оно вызвано обстоятельствами в целом, причем в первом случае акцентируется компонент ‘гнева’, а во втором – компонент ‘надоесть’: *Как он меня достал! Ревнует, скандалы устраивает – давно ни на кого так не злилась!; Он меня затрахал своим кретинизмом!* vs. *Как же меня всё достало – я устал от жизни; Как меня все затрахало* или даже *Меня затрахало болеть*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(39) ‘много раз произошел плохой Y или постоянно происходит какой-то плохой Y; X чувствует что-то очень плохое из-за этого; X хочет, чтобы Y прекратился; X чувствует что-то похожее на то, что люди ощущают, когда они испытывают физическое раздражение; X может хотеть сделать что-то плохое; X не может чувствовать себя хорошо’.

Этот вид ‘гнева’ может выражаться и единицами с более широким значением – *нервировать* или *to get on one’s nerves*: *He’s getting on my nerves* ‘Он меня раздражает <нервирует>’. Однако это слово указывает только на общее неприятное нервное возбуждение, в нем отсутствует один из главных компонентов ‘гнева’ – желание сделать что-то плохое.

В английском есть еще один тип ‘гнева’, который может вызываться обстоятельствами и не быть направленным на конкретного человека (подобно *раздражению* и *annoyance*). Этот тип ‘гнева’ выражается в английском словами *to frustrate*, *frustrated*, *frustration*, *frustrating*. Он, как и *annoyance*, вызывается повторяющимся стимулом, однако близок не к *надоесть*, а к *разочароваться*, он предполагает постоянное недостижение цели и, как результат, чувство бессильного ‘гнева’ по поводу объекта, препятствующего достижению цели, или обстоятельств; эти три эмоции – *frustration*, *disappointment* ‘разочарование’ и *anger* ‘гнев’ – часто даже упоминаются рядом:

(40) *This is causing a great deal of frustration and anger and disappointment among women* (СОСА)

‘Это вызывает **frustration**, гнев и разочарование среди женщин’.

(41) *I had a sense of tremendous frustration and disenchantment and anger*

‘У меня было чувство огромного **frustration**, разочарования и гнева’.

Экспериментатор чувствует, что его усилия не приводят к желаемому результату, что они как бы разбиваются о бетонную стену не зависящих от него обстоятельств и непреодолимых трудностей:

(42) *Do you know what causes frustration? It isn’t problems. You get those all the time. What causes frustration is knowing that 20 years from now, nothing will have changed* (СОСА)

‘Вы знаете, что вызывает **frustration**? Не проблемы. Люди сталкиваются с проблемами все время. **Frustration** вызывается пониманием того, что и через двадцать лет ничего не изменится’.

Как и раздражение, *frustration* может контролироваться экспериенцером (*pent-up frustration* ‘подавленное frustration’), но может и выплескиваться, особенно вербально или же в каких-то действиях, направленных не на причинение вреда конкретному объекту, а на «выпускание пара»: *to shout in frustration* ‘кричать во **frustration**’, *tears of frustration* ‘слезы **frustration**’, *She ate an ice cube, taking out some of her frustration by crunching angrily down on it* (COCA) ‘Она съела кубик льда, сердито грызя и вымещая на нем **frustration**’. Кроме того, экспериенцер может реагировать на эту эмоцию и недеструктивными способами, стараясь найти выход из тупиковой ситуации:

(43) *We have run into roadblock after roadblock in our attempts. In total frustration, we are writing to you* (COCA)

‘Наши старания сталкивались с постоянными препятствиями. Мы обращаемся к вам в полной **frustration**’.

Это тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(44) ‘X хочет добиться какой-то цели; X прилагает много усилий для этого; X не может добиться своей цели из-за человека или обстоятельств Y; X чувствует что-то плохое из-за этого; X чувствует, что ничего не может сделать; X может хотеть сделать что-то плохое из-за этого’.

Интересно, что хотя носители языка часто не видят разницы между *angry* и *frustrated*¹⁷³, словари не всегда отмечают компонент ‘гнева’ во *frustration*, определяя это чувство как ‘dissatisfaction’ – ‘неудовлетворение’, а *to frustrate* как ‘disappoint’ – ‘разочаровывать’ (Merriam-Webster unabridged dictionary); ср., впрочем, *to frustrate* – ‘to upset or anger (a person) by presenting difficulties that cannot be overcome’ ‘расстраивать или сердить человека непреодолимыми трудностями’ (Collins English dictionary).

Сочетаемость *frustration* также указывает на нечто гораздо более агрессивное и потенциально опасное, чем простое разочарование: *bloody frustration* ‘кровавая **frustration**’; *Often, because of their own drug-induced paranoia, irritation, and frustration, they violently abuse children* ‘Часто из-за собственной вызванной наркотиками паранойи,

---

¹⁷³ Patricia Chaput – устное сообщение.

раздражения и фрустрации, они жестоко обращаются с детьми»; *Poverty and social frustration are sowing violence* 'Бедность и социальная фрустрация порождают насилие'.

В русском языке этот концепт не выражен в полной мере. Из-за наличия лакуны произошло лексическое заимствование, однако слово *фрустрация* не является реальным соответствием своего английского коррелята – по крайней мере, на данном этапе, это специальный психологический термин, обозначающий 'негативное психическое состояние, обусловленное невозможностью удовлетворения тех или иных потребностей. Это состояние проявляется в переживаниях разочарования, тревоги, раздражительности, наконец, отчаянии'¹⁷⁴. Слово *фрустрация*, в отличие от гораздо более нейтрального и частотного *frustration*, практически не встречается за пределами психологического дискурса¹⁷⁵. Слово *досада* близко *frustration* компонентами недостижения цели, однако в *досаде* отсутствует элемент беспомощности, ощущение тупика и вытекающая из него агрессивность; *досада* – намного более мягкое и несерьезное, минутное чувство, в то время как *frustration* может накапливаться годами. Отчасти близки *frustration* также сленговые выражения *облом*, *обломаться*, однако и в них агрессивный компонент необязателен.

В обоих языках представлен концепт «оправданного» 'гнева' – (*праведное, благородное*) *негодование* и (*rightful*) *indignation*. Эта разновидность 'гнева' не эгоцентрична; часто *негодование* и *indignation* испытывают по поводу событий, лично экспериенцера не задевающих. Этот тип 'гнева' возникает, когда с точки зрения экспериенцера произошло нарушение каких-то важных этических норм; оно вызывает не желание сделать что-то плохое объекту, отомстить ему, но скорее желание наказать объекта и восстановить таким образом справедливость. Это чувство может возникать у целых групп людей: *негодование избирателей; волна общественного негодования; Политические лидеры всего мира с ужасом и негодованием реагировали на убийство Беназир Бхутто; World leaders on Thursday reacted with horror and indignation at the assassination of Benazir Bhutto; political indignation* 'политическое негодование'; *The media exploded in indignation* 'СМИ разразились негодованием'. В английском этот тип 'гнева' также часто выражается словом *anger* – ср.: *justified anger, rightful anger*

---

¹⁷⁴ [Психологический словарь, <http://psi.webzone.ru/st/119500.htm>].

¹⁷⁵ Частота употребления слова *фрустрация* составляет 0.87 на 1 млн слов (НКРЯ) в то время как частота употребления слова *frustration* составляет 19.48 на 1 млн слов (СОСА).

‘оправданный гнев’, однако основным словом для выражения этого типа ‘морального гнева’ является *indignation*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(45) ‘Y сделал что-то плохое или произошло что-то плохое; X чувствует что-то плохое; X выражает свое чувство в высказываниях или действиях в адрес Y-а, направленных на восстановление справедливости’.

Так же, как и в случае ‘страха’, английский кластер ‘гнев’ содержит концепт чувства, свойственного высшему – очень могущественному, возможно божественному – существу; ср. *wrath* ‘гнев’ в выражениях *God’s Wrath* ‘гнев Божий’, *the cup of Wrath* ‘чаша гнева’. В русском для выражения этого смысла используется более общее слово *гнев*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(46) ‘X думает, что Y сделал что-то очень плохое; X хочет наказать Y-а за это; говорящий думает, что X намного сильнее Y-а’.

В обоих языках есть средства описания поведений, обусловленных гневом (подобно тому, как есть средства выражения поведений, обусловленных страхом). В русском поведении выражаются «синтетически» – словами, которые указывают одновременно на эмоцию и на тип поведения – *злиться, сердитый*. В английском есть специализированная лексика, описывающая в первую очередь внешние проявления этого чувства: *to glower* ‘сердито смотреть’, *sullen* ‘мрачный, сердито выглядящий’, *cross* ‘злой, сердитый’. В обоих языках отражено представление о *выпуски пара (letting off the steam)* в качестве «меры безопасности» при ‘гневе’, то есть направлении негативного потенциала этого чувства в бурные, но безобидные для окружающих вербальные и поведенческие реакции.

В целом концептуальные карты ‘гнева’ в русском и английском обнаруживают достаточно много пересечений, хотя более специализированные и маргинальные виды ‘гнева’ совпадают в большей степени, нежели центральная, нейтральная часть. Этот факт интересен с теоретической точки зрения, поскольку противоречит представлению о том, что семантически нейтральное, центральное, прототипическое должно быть более универсальным, а более специализированное, маргинальное, удаленное от центра – более вариативным. Кажется, что вероятность совпадения простых семантических структур в разных языках несколько не выше, чем вероятность совпадения более

сложных структур (так, у простого *anger* нет точного коррелята, а более сложные *spite* и *злоба* коррелируют). Это вызвано, по-видимому, тем, что отражение тех или иных концептов языком регулируется не только собственно языковыми, семантическими процессами, но и общечеловеческими когнитивными особенностями, благодаря которым какие-то конфигурации жизненных ситуаций и, соответственно, семантических компонентов в значении слов оказываются более частотными и востребованными и, вследствие этого, лингвистически более универсальными, чем другие.

II.2.4. Кластер 'ОБИДА' в русском и английском языках

Хотя сравнительный анализ эмоциональных кластеров в русском и английском обнаруживает намного больше сходств в концептуализации эмоций в этих двух языках, нежели было принято считать, однако в кластере 'обида' концептуальные карты эмоций действительно очень существенно различаются¹⁷⁶. Нельзя при этом утверждать, что англоговорящим людям незнакомо это чувство или что в английском языке отсутствует способ его выражать; скорее, имеет место совершенно разное структурирование концептуального пространства. Основанием для выделения этого кластера в обоих языках служит то, что в них содержатся слова и выражения для описания неприятного чувства, которое возникает у человека, когда ему сделали что-то плохое, что он воспринимает как незаслуженное и что причиняет ему душевную боль.

Именно этот компонент душевной боли является общим в метафорической концептуализации чувства в двух языках; ср.: *боль обиды, кровавая обида, задеть кого-л., уязвленный, hurt <wounded, injured>* 'задетый, оскорбленный', букв. 'раненый'). Однако в целом, структура полей 'обиды' в этих двух языках совершенно разная. Так, русская концептуальная карта 'обиды' покрывает гораздо большее концептуальное пространство, с которым английский кластер 'обида' совпадает лишь частично, так что часть того, что в русском осознается как *обида*, в английском осознается как эмоция, принадлежащая к другому эмоциональному кластеру. Кроме того, если в русском практически все поле 'обиды' покрывается одним словом – *обида* – и его дериватами, то в английском существует множество обозначений «узкоспециализированных» разновидностей этого чувства. В этом смысле ситуация с 'обидой' обратна ситуации с

---

¹⁷⁶ См. об этом [Зализняк Анна А. 2000].

‘гневом’, где в русском языке отсутствует имеющийся в английском нейтральный термин широкой семантики.

В каком-то смысле подобное межъязыковое различие неудивительно, поскольку оно соответствует общему характеру различий между этими двумя языками, где русский обычно обходится меньшим количеством терминов с более широкой семантикой, а английский обладает большим количеством выражений с более специализированным значением. Однако в случае ‘обида’ это различие представляется более глубоким. Если в других эмоциональных кластерах в английском обычно возможно установить некоторый общий, собирательный термин, наиболее нейтральное обозначение какого-то типа эмоции, который, не являясь семантическим гиперонимом, может так или иначе использоваться для обозначения кластера, то для ‘обида’ в английском такого слова нет – каждое выражение внутри этого кластера обладает чересчур специализированным значением, хотя каждое из них может быть переведено на русский язык словом *обида*.

Однако русская *обида* не только включает в себя все разновидности английской; она еще и выходит за пределы этого кластера в английском языке: иногда, когда в русском используется слово *обида*, в английском ситуация требует использования слова из другого эмоционального кластера, например, *become sad, become upset* ‘расстроиться’ или *get mad* ‘рассердиться’.

Возникает ощущение, что русский язык кодирует какой-то более чувствительный детектор обиды, который начинает регистрировать наличие этого чувства до того, как его замечает носитель английского языка. Так, в английском языке нет слов, которые бы описывали неприятное чувство, возникающее в достаточно безобидных ситуациях, которое в русском описывается корнем *обид-* (*Я забыл, что мы перенесли встречу на пятнадцать минут раньше, и она обиделась; Она обиделась, что я не успел прочитать книгу, которую она мне дала*), корнем, который может также использоваться для описания очень сильного агрессивного «вендеттоподобного» чувства (ср. *кровавая обида*). По мере того как усиливается стимул и, соответственно, чувство, английский начинает его фиксировать, однако сначала при помощи слов из других эмоциональных кластеров, например, *mad* или *upset*; ср.:

(47a) *Она обиделась, что я не успел на нашу встречу*

(47б) *She got mad <upset> that I didn't make it to our meeting in time*

‘Она рассердилась <расстроилась>, что я не успел на нашу встречу’.

Все английские слова со значением ‘обида’ описывают достаточно серьезный стимул и довольно сильное чувство, т. е. соответствуют верхней части спектра русской ‘обида’, в то время как нижняя часть ее спектра не имеет соответствий в английском кластере.

Мы начнем обсуждение ‘обида’ с английского кластера, поскольку он содержит большее количество терминов, хотя, как было сказано, занимает меньшее концептуальное пространство. Несмотря на существующее мнение о чисто русском характере этой эмоции, концепт ‘обида’ вполне актуален для английского языка, и, если есть многочисленные случаи, когда русская *обида* не может быть переведена на английский при помощи слова из английского кластера ‘обида’, то имеются и обратные случаи. В частности, английские слова из кластера ‘обида’ свободно используются в англоязычном политическом и общественном дискурсе, что нехарактерно для гораздо более личной русской ‘обида’, где в аналогичных английским примерах использовались бы скорее единицы типа *задеть, оскорбить, быть оскорбительным для кого-л.*

Например, Ромни, один из республиканских кандидатов на американских президентских выборах 2007 года, «был обижен» высказыванием другого кандидата от республиканцев, Хакаби, по поводу мормонской веры:

(48) *Mr. Romney was **offended** after news emerged that Mr. Huckabee had made a controversial reference to the Mormon faith* (National Post, Canada, Dec 12, 2007)

‘Мистер Ромни был **обижен/задет** новостью о том, что мистер Хакаби сделал полемическое высказывание о мормонской вере’.

Ср. также другие примеры «общественной» обида:

(49) *Women voters, in particular, may have been **offended** by the scene at the debate of Obama and the third-place New Hampshire finisher, former Sen. John Edwards, ganging up on Clinton* (AXcess News, KY)

‘Избирательницы в особенности могли быть **обижены** сценой, разыгравшейся во время дебатов между Обамой и занявшим третье место Джоном Эдвардсом, которые объединили свои силы против Клинтон’.

(50) *[Mel Gibson] conceded that he had **offended** the Jewish community*

‘Мел Гибсон признал, что он **обидел/оскорбил** еврейское сообщество’.

(51) *I must assume personal responsibility for my words and apologise directly to those who have been **hurt and offended***

‘Я должен взять на себя личную ответственность за свои слова и попросить прощения у тех, кто был **обижен/оскорблен/задет**’ (BBC-NEWS Tuesday, 1 August 2006).

Русская ‘обида’ – слишком личное чувство, для того чтобы обнаруживать его в официальных ситуациях. Для описания эмоций, которые вызываются «политически некорректными» высказываниями или действиями, используется эмоциональный каузатив *оскорблять*: *оскорблять чувства верующих*; *оскорблять чувства этнических меньшинств*. *Оскорбление* указывает на более объективный характер стимула, чем *обида*: человек может *легко обижаться* или *быть обидчивым*, но он не может **легко оскорбляться* или *быть *оскорбливым* (по аналогии с *пугливым, гневливым, жалостливым* и пр.). Кроме того, доля личной боли в *оскорблении* меньше, чем в *обиде*, а доля гнева – больше; *оскорбление*, в гораздо большей степени, чем беспомощная *обида*, сосредоточено на нарушении некоторой социальной или этикетной нормы, а также на желании мести или восстановления справедливости (хотя последнее возможно и для *обиды*).

Итак, английский, в отличие от русского, допускает чувства, коррелирующие с *обидой*, в «общественно-политических» контекстах. Однако в сфере личной коммуникации русский язык более чем компенсирует эту асимметрию, поскольку круг ситуаций, вызывающих *обиду*, а также сами разновидности этого чувства чрезвычайно разнообразны.

В качестве иллюстрации приведем пример из набоковской «Лолиты» в английском оригинале и авторском переводе на русский, где одно и то же русское слово *обида* (или его дериват) используется как переводной эквивалент пяти несинонимичных английских слов:

(52) *He had the utmost respect for ordinary children, with their purity and **vulnerability***
[букв. ‘ранимость’]

Он относился крайне бережно к обыкновенным детям, к их чистоте, открытой **обидам**.

(53) *“Doublecrosser”, she said as I crawled downstairs rubbing my arm with a great show of **rue*** [букв. ‘сожаление, горе’]

«Подлый предатель», – сказала она, между тем как я побрел вниз по лестнице, потирая плечо с видом большой **оби́ды**.

(54) *That ...makes me moan today with **frustration*** [букв. ‘разочарование, досада’].

Меня заставляет стонать от **оби́ды** мысль, что...

(55) *Who can say what **heartbreaks** are caused in a dog by our discontinuing a romp* [букв. ‘жестокое разочарование, разбитое сердце’]?

Кто может сказать, какие глубокие **оби́ды** мы наносим собаке тем, что прекращаем возню!

(56) *If you bear me a **grudge**, I am ready to make unusual amends* [букв. ‘недовольство, неудовлетворение, недоброжелательство’]

Если вы считаете, что я вас **обидел**, я готов на необычайные компенсации.

Итак, *оби́да*, в одном или в разных значениях, сочетает в себе компоненты боли и незащищенности, особого поведения, неудовлетворения, желания компенсации, которые в английском передаются разными лексическими единицами.

В кластере ‘оби́да’ различия между русским и английским языками наиболее очевидны – там, где в русском мы находим сложное по семантике слово, состоящее из многих компонентов, каждый из которых может попадать в фокус внимания, давая большое количество интерпретаций, а также полисемию и богатое словообразование, английский язык использует большое количество различных, существенно более специализированных и узких по семантике языковых средств.

В английском *каузация* обиды и *чувство* обиды в основном передаются лексическими средствами с разными корнями; ср.: *to offend, to affront* ‘обижать’ (каузация чувства) vs. *resentment* ‘оби́да’, *grudge, grievance, hard feelings* ‘недоброжелательство, затаенная оби́да’, *hurt <wounded> feelings* ‘боль, оби́да’, *feeling sore* ‘раздражение, оби́да’ (чувство).

В русском языке полисемичное слово *оби́да* обозначает и чувство (*затаить оби́ду*), и его каузацию (*нанести оби́ду*), кроме того, есть пара однокоренных глаголов со значением чувства (*обидеться*) и его каузации (*обидеть*).

В английском языке агрессивные, «долгоиграющие», «сердитые» виды обиды выражаются иными лексическими средствами, нежели беспомощно-униженные, болезненные ее разновидности; ср.: *resentment, grudge, hard feelings, grievance* ‘затаенная оби́да, недоброжелательство’, с одной стороны, и *to be hurt, to be wounded, to be injured*

‘быть уязвленным, обиженным, задетым’, с другой. В русском языке все это разнообразие выражается одним и тем же словом: *плакать от обиды* (беспомощная обида) vs. *кровавые обиды, смыть обиду кровью, отомстить за все обиды* (агрессивная обида). Необходимо, однако, отметить, что в современном языке у слова *обида* и его дериватов преобладают «беспомощные» употребления, т. е. душевная боль является существенно более важным компонентом чувства *обида*, чем желание отомстить.

Таким образом, синтетическому русскому концепту соответствует весьма раздробленная и детализированная картина в английском языке.

Русская *обида* концептуализована как совершенно самостоятельное чувство, в то время как некоторые английские лексические средства выражения ‘обиды’ можно назвать пограничными: они содержат компоненты чувств из других кластеров. Ср., например, слово *resentment* и его дериват, прилагательное *resentful*, в котором, помимо указания на чувство ‘обиды’, задетости, содержится указание на то, что экспериенцер сердится и, возможно, завидует или ревнует. Ср. пример, где *resentment* ‘обида’ сочетается с *anger* ‘гневом’:

(57) *The mayor's latest unpopular decision caused long-suppressed **resentment** to explode into open **anger*** (COCA)

‘Последнее непопулярное решение мэра привело к тому, что долго подавляемое **недовольство** вылилось в открытое **возмущение**’.

Ср. также пример, где к *resentment* ‘обиде’ примешивается зависть или ревность:

(58) *Second wives are often **resentful** of money obligations that must go to the first wife and children* (COCA)

‘Вторые жены часто **обижаются** на денежные обязательства перед первой женой и детьми’.

В английском языке поведение, вызванное обидой (например, намеренный уход от контакта с обидчиком, особое выражение лица), выражается отдельными лексическими средствами; ср.: *to sulk* и *to pout* ‘дуться’. Для русского это также возможно (*дуться на кого-л.*), однако глагол *обижаться*, указывающий на чувство, может описывать также и поведение: *Она уже неделю на него обижается; Она всегда подчеркнуто обижается и ждет извинений.*

В английском языке отдельными корнями выражается свойство предрасположенности к ‘обиде’: *grouchy, huffy* ‘обидчивый’ (склонный к обиде-

«агрессии») vs. *vulnerable* ‘ранимый’, *sensitive* ‘чувствительный’ (склонный к обиде-«боли») ¹⁷⁷. В русском языке оба вида ‘обиды’ «обслуживаются» прилагательным *обидчивый*.

Наконец, во многих контекстах, где в русском языке используется слово *обида* или его дериват, в английском естественнее использовать слово из другого эмоционального кластера, например, *mad* ‘сердитый’, *disappointed* ‘разочарованный’ и пр. Ср. следующие примеры:

(59а) Она **обиделась**, что он пришел без цветов

‘She was **disappointed** [букв. ‘разочарована’] that he came without flowers’.

(59б) Родственники **обиделись**, что я не успела зайти

‘My relatives were **upset** [букв. ‘расстроились’] that I didn’t have time to drop in’.

(59в) Она неделю **обижалась**, что он не поздравил ее с днем рождения

‘She **sulked** [букв. ‘дулась’] at him for a week that he didn’t wish her a happy birthday’.

(59г) Не **обижайся**

‘**Take it easy**’ [букв. ‘не волнуйся, не обращай внимания’].

(59д) Ты **обиделась**?

‘Are you **mad**? [букв. ‘сердишься’].

(59е) Я тебя не **обидел**?

‘**Is anything wrong**? [букв. ‘что-то не в порядке’].

(59ж) Зайди к нему, не **обижай** старика

‘Visit him, **humor** the old man’ [букв. ‘уважь’].

(59з) Он **обиделся** на жизнь

‘He is **angry** at life’ [букв. ‘Он рассердился на жизнь’]

Во всех этих ситуациях английские слова со значением ‘обиды’ были бы прагматически не вполне адекватны по следующим причинам.

В примере (59а) стимул является недостаточно сильным для того, чтобы испытать эмоцию типа *offended, hurt, wounded*; ср. прагматическую странность ??*She was hurt that he came without flowers*.

В примере (59в) также имеет место недостаточно сильный для английских коррелятов ‘обиды’ стимул. Кроме того, в английском языке только агрессивные виды ‘обиды’ типа *resentment, grudge, hard feelings* могут характеризоваться существенной

---

¹⁷⁷ Ср., впрочем, выражение *to take offence easily* ‘легко обижаться’.

длительностью: *long-lasting resentment* ‘длительная обида и гнев’; *He’s had this grudge for years*; *He’s had hard feelings for years* ‘В течение многих лет он испытывал обиду и недоброжелательство’. Для беспомощной обиды-боли это невозможно; ср. **He’s been hurt <wounded> for a week* ‘Он неделю обижался’, ??*She has been feeling offended for a week that he didn’t wish her a happy birthday* ‘Она неделю обижалась, что он не поздравил ее с днем рождения’. Если необходимо передать подобный смысл, используются глаголы со значением эмоционального поведения, например, *to sulk* ‘дуться от обиды’.

В примерах (59б) и (59з) употребление английских слов со значением ‘обиды’ было бы также неоправданно, поскольку отсутствует сознательно контролирующийся свои действия агент – в (59б) нежелательное событие является результатом неудачного стечения обстоятельств, в (59з) агент вообще отсутствует. В примере типа (59г) английские *offended*, *hurt*, *wounded* и прочие слова со значением эмоции были бы неуместны, поскольку они, как и русские выражения *быть задетым*, *быть уязвленным*, не предполагают способности экспериенцера контролировать свою эмоцию; ср. прагматическую неадекватность ??*Don’t be hurt <wounded>*, ??*Don’t be offended*, ??*Не будь задетым <уязвленным>*, ??*Не будь обиженным*.

Примеры (59д) и (59е) были бы неадекватны с английскими коррелятами в силу того, что английские слова со значением ‘обиды’ обозначают чувство, наличие которого экспериенцер предпочитает не признавать.

Пример (59ж) неадекватен с английскими коррелятами, поскольку указывает на чувство, которое может возникнуть в результате «не-поступка», то есть в результате отсутствия чего-либо хорошего, а не наличия чего-либо плохого; ср. прагматическую неадекватность: *Visit him, don’t hurt <offend> the old man* ‘Сходи к нему, не **задевай** <не **оскорбляй**> его’.

Русская ‘обида’ может быть эксплицирована следующим образом:

(60) *X чувствует обиду на Y* = ‘X думает, что Y сделал X-у что-то плохое, чего X не ожидал, или не сделал чего-то хорошего, что X ожидал; X чувствует что-то плохое из-за этого; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у из-за этого; X не хочет входить в контакт с Y-ом из-за этого; X может хотеть сделать что-то плохое по отношению к Y-у из-за этого; X может долго так чувствовать’.

Некоторые английские слова со значением ‘обиды’ покрывают «агрессивную» часть русского спектра чувств, описываемого словом *обида* (*grudge*, *resentment*, *hard*

feelings), некоторые покрывают более «слабые» части спектра (*offended*), некоторые – еще более слабые (*hurt, wounded*), некоторые указывают только на эмоциональные поведения (*to pout, to sulk*). Наиболее слабые части эмоционального спектра русской обиды не имеют коррелятов в английском языке.

II.2.5. Кластер ‘ГРУСТЬ’ в русском и английском языках

Начиная с классической работы Анны Вежбицкой о трех ключевых концептах русской культуры – *душе, тоске* и *судьбе* [Wierzbicka 1990], русская *тоска* (сложная эмоция, включающая некоторые компоненты грусти, скуки и депрессии) традиционно считалась этноспецифичным концептом, и более поздние работы на эту тему [Levontina, Zalizniak 2001] также поддерживают мысль об уникальности русской концептуализации ‘грусти’.

Слово *тоска* безусловно обладает уникальной комбинацией смыслов, которая не может быть передана ни одним отдельным словом английского языка, что можно проиллюстрировать двумя авторскими вариантами набоковской «Лолиты» – английским и русским; Набоков выбирает *тоску* в качестве соответствия в самых разных английских контекстах для передачи эмоций типа ‘скучать по кому-то или чему-то’, ‘душевная боль’, ‘скучать от чего-то неинтересного и многократно повторяющегося’:

(61) *Mists of tenderness enfolded mountains of longing* (букв. ‘страстное стремление к чему-то’)

Туман нежности обволакивал горы тоски.

(62) *The experience curbed forever my yearning for rural amours* (букв. ‘страстное томление по чему-то’)

Этот случай навсегда излечил меня от тоски по буколке.

(63) *My heart was bursting with love-ache* (букв. ‘боль’)

Мое сердце разрывалось от любви и тоски.

(64) *He succeeded in thoroughly enmeshing me and my thrashing anguish in his demoniacal game* (букв. ‘сильная боль, мучение, страдание’)

Ему удалось демонической сетью окончательно опутать меня и мою извивающуюся, бьющуюся тоску.

(65) *Somber, sad, full of world-weariness...* (букв. ‘усталость, скука’)

Сумрачно, грустно, с налетом мировой тоски...

Однако если мы сравним не отдельные слова, которые могут действительно очень сильно различаться в разных языках по тем наборам смыслов, которые они содержат, а ‘грусть’ как целый кластер, мы увидим, что английский и русский языки концептуализуют достаточно схожие разновидности этого типа эмоций.

В кластер ‘грусть’ входят эмоции, объединяемые идеей того, что произошло что-то плохое, и это вызывает ощущение собственного бессилия.

В обоих языках представлен нейтральный общий тип ‘грусти’ – лексемой *sad* и ее дериватами в английском языке, лексемой *грусть* и ее дериватами (особенно предикативом *грустно*) в русском. Хотя слова *sad* ‘грустный’ и *грустно* обладают наиболее общим значением, из этого не следует, что они могут использоваться в качестве гиперонимов ко всем остальным языковым единицам, обозначающим разные оттенки данного типа эмоции. *Sad* и *грустно* в самом общем виде указывают на обстоятельства, вызывающие чувство:

(66) X-у грустно, X feels sad ‘произошло что-то плохое; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое’.

Эти слова и их производные покрывают весьма широкое поле оттенков ‘грусти’ – от кратковременных эмоций, вызванных какими-то не слишком серьезными стимулами, до более глубоких чувств, вызванных важными стимулами, от событий, затрагивающих самого экспериенцера, до ситуаций, не касающихся его лично; ср.:

(67a) *Мне грустно, что меня никто никуда не пригласил в выходные.*

(67b) *I'm sad because I have no date for the weekend.*

(68a) *Мне грустно, что мы никогда больше не увидимся.*

(68b) *I'm sad that we'll never see each other again.*

(69a) *Грустно, что страна идет в таком направлении.*

(69b) *It's sad that the country is heading in this direction.*

Однако все-таки эти слова покрывают не весь спектр оттенков ‘грусти’; в тех случаях, когда описывается глубокое чувство, вызванное какими-то тяжелыми и непоправимыми потерями, затрагивающими лично экспериенцера, они не употребляются; ср. прагматическую странность:

(70a) *?Ему было грустно, что у его ребенка обнаружили неизлечимую болезнь.*

(70b) *?He was sad that his child was diagnosed with an incurable disease.*

Оба эти слова могут также обозначать чувство, которое возникло без какого-то реального стимула. Таким образом, в обоих языках отражено представление о беспричинной ‘грусти’ – или, по крайней мере, такой, причина которой либо не осознается экспериенцером, либо не является объективно достаточной:

(71a) *Почему-то было очень грустно.*

(71б) *I felt sad, I didn't know why.*

(72a) *В дождь мне всегда грустно.*

(72б) *Rainy weather makes me sad.*

У английского *sad* есть близкий синоним *unhappy* ‘грустный, невеселый, несчастный’, который обычно не употребляется в случаях, когда эмоция не вызвана какой-то внешней или внутренней, психологической причиной; ср. нормальность (64a) vs. странность (64б):

(73a) *After they broke up, he was feeling very unhappy*

‘Он очень грустил после их разрыва’.

(73б) *??Rainy weather makes me unhappy*

‘??Я становлюсь несчастным от дождливой погоды’.

Таким образом, беспричинная ‘грусть’ может выражаться далеко не всеми словами, входящими в этот кластер; однако в обоих языках есть и специальные средства для выражения ‘грусти’ преимущественно как настроения, эмоционального состояния, беспричинного или вызванного неизвестной или недостаточной причиной (см. ниже).

Каждая часть основного трехкомпонентного сценария ‘грусти’ (а именно, ‘произошло что-то плохое; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое’) может модифицироваться, отражая многочисленные оттенки этой эмоции.

Чем более серьезно и непоправимо плохое событие, тем глубже, острее и безнадежнее чувство, вызываемое им. Следующая стадия ‘грусти’ по степени серьезности стимула – это *печаль* и *sorrow*. Это более глубокий и длительный вид ‘грусти’, вызываемый обычно какой-то серьезной потерей (например, потерей близкого человека) и сопровождаемый более сильными проявлениями, чем *грустно* и *sad*: *По окончании годовичного траура бабушка оправилась несколько от печали, поразившей её* (Л.Н. Толстой, *Отрочество*); *умирать от печали*; *Сердце разрывается от печали*; *to cry with sorrow* ‘плакать от печали’; *My sorrow would blacken the bluest sky* ‘От моей печали самое голубое небо почернело бы’ (Д. Уоллас, *Плач на смерть моей второй жены*).

Чувство *печали* может быть и светлым, сопряженным с какими-то, если и не приятными, то хорошими эмоциями: *любовь и печаль, печаль и смирение; love and sorrow, sorrow and acceptance*. При этом в целом просветленность, поэтичность (ср. знаменитое *Печаль моя светла*) и принятие ситуации свойственны русской *печали* в большей степени, чем английской *sorrow*, которая может быть очень болезненным, непримиримым и мрачным чувством: *black <dark> sorrow* ‘черная <темная> печаль’, *painful sorrow* ‘болезненная печаль’, *desperate sorrow* ‘отчаянная печаль’; ср., впрочем, известную поговорку *Parting is such sweet sorrow* ‘Разлука – это сладкая печаль’.

В отличие от *печали* и подобно русской *скорби*, *sorrow* может быть коллективным чувством:

(74) *The Israeli government has expressed its great sorrow at the incident* (COCA)
‘Израильское правительство выразило свою **скорбь** по поводу этого события’.

В отличие от английской *sorrow*, русская *печаль* никогда не используется эвфемистически, в контекстах, подразумевающих скорее *сожаление*:

(75) *Blair admits to 'deep sorrow' over slavery – but no apology* (BBC news, Monday, 27 November 2006)

‘Блэр признает, что испытывает **сожаление** по поводу рабства – но извинений не приносит’.

Семантически этот тип ‘грусти’ эксплицируется следующим образом:

(76) ‘произошел очень плохой Y; X ничего не может сделать; X чувствует что-то очень плохое’.

Следующая степень ‘грусти’ – это *горе* и *grief*, эмоция, вызываемая потерей кого-то любимого, обычно чьей-то смертью: *Он в горе после смерти жены; He is in grief over his wife's death*.

И в английском, и в русском *горе* концептуализуется как очень сильная, острая, глубокая, часто неконтролируемая и временами деструктивная эмоция: *быть вне себя от горя, умирать от горя, быть раздавленным горем; to be prostrate with grief* ‘быть сломленным горем’, *to die with grief* ‘умирать от горя’, *crushed by grief* ‘быть раздавленным горем’. Хотя *горе* и *grief* очень похожи, между ними есть и различия; в соответствии с общей англоязычной установкой на большую контролируемость эмоций (возможно, вызванную проникновением психоанализа в массовую культуру), *grief* представляется как нечто более управляемое и преодолимое, чем русское *горе*; ср. *grief*

management ‘управление горем’, *the stages of grief* ‘стадии горя’, для которых нет адекватных русских эквивалентов:

(77) *On Thursdays she attends grief management classes in anticipation of casualties and deaths*

‘По четвергам она посещает занятия по **управлению горем** в преддверии жертв и смертей’ (СОСА)

И *gore*, и *grief* могут быть коллективными эмоциями, ср.: *vsenarodnoe gore, the country's grief*.

Этот тип ‘грусти’ эксплицируется следующим образом:

(78) ‘с Y-ом, которого X любит, произошло что-то очень плохое, что нельзя изменить, X ничего не может сделать; X не может думать ни о чем другом; X чувствует что-то очень плохое’.

В обоих языках также концептуализована менее личная ‘грусть’, которая не предполагает глубокой эмоциональной травмы, но скорее представляет собой более поверхностное плохое настроение, возникшее на почве разочарований и потерь не слишком серьезного характера. Этот подтип ‘грусти’ выражается русскими *расстроиться, огорчиться* и английским *to be upset*; ср. *Она расстроилась, что он забыл ей позвонить; Если что-то сразу не получается – не стоит огорчаться; He was a bit upset that his car was dented* ‘Он немного расстроился, что его машину поцарапали’; *The girl was upset by the results of the test* ‘Девочка расстроилась из-за результатов экзамена’. Этот тип ‘грусти’ эксплицируется следующим образом:

(79) ‘произошел не очень важный плохой Y или не произошел не очень важный хороший X; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое’.

В обоих языках есть тип ‘грусти’, связанный с чувством безнадежности, неверия в то, что может произойти что-то хорошее. В обоих языках этот тип ‘грусти’ может ассоциироваться и с каким-то конкретным стимулом, и с общим «депрессивным» настроением экспериенцера. В русском это *уныние*, в английском – *despondent, dejected, wretched*¹⁷⁸. Как можно ожидать, исходя из общего соотношения между русским и

¹⁷⁸ То, что для русского языка приводится существительное, а для английского – прилагательные, не случайно; в английском языке, как хорошо известно [Вежицкая 1996], именно прилагательные формируют основное ядро лексических средств выражения эмоций, в то время как в русском основные средства выражения эмоциональных состояний – это глаголы, существительные и предикативные прилагательные в конструкции с дательным падежом (*мне грустно*). Прилагательные, употребляющиеся в атрибутивной функции (такие как *унылый*), описывают не

английским языками, в последнем отражена существенно большая детализация чувства, чем в русском. *Despondent* ‘мрачный, унылый, отчаявшийся, подавленный’ выделяет в первую очередь компонент беспомощности, ощущения тупика и невозможности найти выход, *dejected* ‘унылый, удрученный, подавленный, грустный, печальный’ акцентирует внимание на чувстве усталости, «побежденности» у экспериенцера, который как бы махнул на все рукой, а *wretched* ‘печальный, унылый, грустный, жалкий, несчастный’ указывает на чувство жалости, которое экспериенцер может вызывать у наблюдателя. Ср.:

(80) *Despondent over losing his job, he committed suicide*

‘В отчаянии от потери работы он покончил с собой’.

(81) *He’s just sitting there, a dejected beaten man*

‘Он просто сидит там, подавленный побежденный человек’.

(82) *He decided to help that wretched woman whom everybody seemed to hate*

‘Он решился помочь несчастной женщине, которую, казалось, все ненавидели’.

Этот тип ‘грусти’ эксплицируется следующим образом:

(83) ‘произошел плохой Y; X ничего не может сделать; X чувствует, что ничего хорошего не может произойти; X чувствует что-то очень плохое’.

Что касается основного кандидата на этноспецифичность, русской *тоски*, то если мы рассмотрим ее в контексте всей системы кластера ‘грусть’, то увидим, что это не такая и необычная эмоция. В обоих языках на концептуальных картах ‘грусти’ есть место для «необъяснимой» эмоции, точнее, даже не эмоции, а настроения, которое может неожиданно «находить» на человека, часто без какой бы то ни было внешней мотивации; ср. выражения: *впасть в тоску*, *быть в тоске* и их английские корреляты *to have the blues on smb.*; *I have the blues on me* ‘У меня тоска’, букв. ‘Я имею на себе тоску’. В русском языке такую беспричинную эмоцию обычно выражает слово *тоска*, а также *грусть*¹⁷⁹, в английском – *blues* ‘хандра, тоска, меланхолия’ и *sadness*¹⁸⁰. Если

внутренние состояния, а их внешние проявления в мимике, жестах, поведении: *унылый вид*, *унылый взгляд* – ‘такой, какой бывает, когда человек испытывает уныние’.

¹⁷⁹ Это список можно продолжить и другими единицами: поэт. *грусть-тоска*, книжн. *хандра*, книжн. *меланхолия*, однако здесь нас в первую очередь интересуют наиболее живые и частотные слова современного языка.

¹⁸⁰ В английском существует еще большее число слов, способных выражать этот тип ‘ГРУСТИ’, однако большая их часть также неупотребительна, устарела (ср. устар. *spleen* ‘хандра’) или относится к книжному регистру (ср. книжн. *melancholy*).

тоска считается одним из ключевых слов русской культуры, то и *blues*, ассоциируясь с целым музыкальным направлением, занимает немаловажное место в американской культуре и в культуре вообще.

Таким образом, основные слова, заполняющие этот участок на концептуальной карте 'грусти', – это *тоска*, а также глагол *тосковать*, и *blues*, значения которых, разумеется, далеко не полностью совпадают, однако имеют достаточные пересечения для того, чтобы утверждать, что эмоция немотивированной грусти не является уникальной для русского языкового сознания.

Тоска и *blues* не обязательно беспричинны; оба чувства могут вызываться какими-то плохими событиями; например, человек может испытывать *тоску* или *blues* после разрыва с любимым, т. е. обозначать собственно эмоцию как реакцию на стимул. Эти чувства также могут навеваться окружающей обстановкой, безрадостной или однообразной. Ср.:

(84а) *Этот постоянный дождь <этот уродливый индустриальный пейзаж> наводит тоску.*

(84б) *This perpetual rain <this ugly industrial landscape> gives me the blues.*

У *тоски* и *blues* есть и другие общие характеристики, помимо способности появляться беспричинно или под воздействием угнетающей, мрачной, унылой, однообразной обстановки. Сама природа чувства в этих двух эмоциях до какой-то степени сближается; так, и *тоска* и *blues* могут указывать на подавленность, отсутствие жизненной энергии и желания жить, безверие и безнадежность. Ср.: *безнадежная <черная, отчаянная> тоска* и *hopeless <black, desperate> blues*; *Страстная жажда такого друга сопровождалась по временам приступами такой отчаянной тоски, что я выходил на улицу совсем как пьяный, в этом состоянии меня тянуло нечаянно броситься под трамвай* (М.М. Пришвин, В.Д. Пришвина); *И так становятся понятными те вопли отчаянной тоски и падения веры в свое дело, которыми полны интимные письма сильнейших представителей науки* (В.В. Вересаев).

При этом *тоска* в целом описывает более сильное и острое чувство, чем *blues*. Если *blues* – это достаточно ровная эмоция, без особых всплесков, подобная постоянной тупой боли или же душевному оцепенению и онемению, или, выражаясь еще более метафорически, серому беспросветному дню, то *тоска* может переживаться намного

более сильно и остро. *Blues* не может быть *violent* ‘сильной, страстной’, не требует непременных проявлений в поведении и выражается скорее в апатии и отсутствии интереса к окружающему; *тоска*, напротив, часто бывает *жгучей* и *острой*. Мрачность *тоски* подчеркивается и ее цветовой символикой: *черная* <беспросветная> *тоска*.

Хотя *тоска*, особенно беспричинная или вызванная безрадостным окружением, тоже часто ассоциируется с монотонностью и серой беспросветностью (что сближает ее со *скукой*), в некоторых случаях она бывает очень сильным, страстным и болезненным чувством, особенно если она вызвана какими-то плохими событиями. В этих случаях *тоска* может иметь самые разные, часто самодеструктивные проявления в физиологии и поведении: *сохнуть* <умирать> *от тоски*, *запить с тоски*, *повеситься с тоски*, что невозможно для *blues*. Хотя *blues* тоже может вызываться плохими событиями (например, разрывом с любимым человеком), однако даже в этих случаях природа чувства и его характеристики отличаются от того, что предполагается *тоской*.

Перечисленные прототипические ситуации возникновения (беспричинно; под воздействием угнетающей, мрачной, унылой, беспросветной, однообразной обстановки; в результате какого-то плохого события) не исчерпывают всех возможных сценариев возникновения этих эмоций. Они лишь характеризуют зону их пересечения.

Тоска, слово с очень богатым значением, может описывать ряд самых разных ситуаций и оттенков эмоции; ср.: *тоска* <*тосковать*> *по любимому* <*по детям*>, где в фокусе внимания находится компонент ‘не хватает любимого человека’, чему в английском соответствует не *blues*, а *longing* и *yearning*; *тоска* <*тосковать*> *по родине* <*по дому*> ‘не хватает любимого места’, чему в английском соответствует не *blues*, а скорее *homesickness*. Ср., впрочем, *homesick blues*, что, по-видимому, является вполне точным соответствием выражению *тоска по родине*.

Разброс употреблений слова *тоска* очень велик, и, безусловно, каждое употребление характеризуется собственными сочетаемостными и конструктивными свойствами; так, *сохнут* обычно от *любвонной тоски*, *тоска по родине* не бывает *беспросветной, а конструкция *тосковать по кому-л.* <*чему-л.*> возможна только для *тоски*-‘ностальгии’, которая вызывается разлукой с объектом чувства. Однако все эти употребления отражают некоторый общий аффективный компонент, благодаря чему их можно объединить в одно значение. Этот компонент присутствует также в значении слова *blues* и сводится к ощущению безнадежности и подавленности, что сближает обе

эти эмоции с *депрессией*. Это в большей степени характерно для слова *blues*, которое даже употребляется терминологически, например, в выражениях типа *baby blues*, *postpartum blues* ‘послеродовая депрессия’; *Judy Downie talked to her family doctor about feeling blue during the early months of her son’s life* ‘Джуди Дауни говорила со своим семейным доктором о депрессии, которая у нее была в первые месяцы жизни ее сына’.

Предлагаемое ниже определение не является ни определением собственно *тоски* (которая была блестяще описана Анной Вежбицкой в работе [Wierzbicka 1990]), ни эмоции *blues*, но их пересечением, тем общим, что у них есть, и таким образом, представляет собой некую «болванку» эмоционального подтипа потенциально беспричинной ‘грусти’, на которую каждый язык «наращивает» свои специфические особенности. Это пересечение эксплицируется следующим образом:

(85) ‘X ничего не хочет и не может делать; X чувствует, что ничего хорошего не может произойти; X чувствует что-то очень плохое; X чувствует так либо без причины, либо потому, что он не может быть с теми, с кем ему хорошо, или там, где ему хорошо, или потому, что с ним не происходит ничего хорошего’.

Завершают картину ‘грусти’ ее «клинические» подтипы *depression* и *депрессия*. Подобно тому, как это происходит со ‘страхом’, чрезмерные формы немотивированной ‘грусти’ воспринимаются не просто как отклоняющиеся от нормы, но как болезненные. Хотя основной круг контекстов употребления этих слов терминологический, однако они широко употребляются и в повседневной речи как обозначение плохого настроения (возможно, беспричинного), наравне со сленговым русским *депрессняк* (*Опять депрессняк накатил*) и разговорным английским *to feel low: I’m feeling kinda low today* ‘У меня сегодня что-то плохое настроение’.

Суммируя сказанное, отметим, что хотя индивидуальные различия между словами в двух языках могут быть ожидаемо значительными, в целом «концептуальные карты» ‘грусти’ в русском и английском различаются не столь уж сильно, а именно, можно выделить сходные подтипы ‘грусти’. В целом, как и в случае многих других эмоций, в английском языке концептуальное поле заполнено большим количеством слов, чем в русском. Специфика кластера ‘грусть’ в русском языке состоит в том, что принадлежащее ему слово *тоска* является на самом деле пограничным термином, покрывающим территории трех кластеров: ‘грусть’, ‘скука’, ‘скучать по кому-л.’ – можно заменить на ‘ностальгия’ (‘ощущение нехватки отсутствующего человека или

объекта.' - это будет понятнее?, в то время как в остальных рассмотренных кластерах пограничные эмоции типичны скорее для английского.

II.2.6. Кластер 'РАДОСТЬ' в русском и английском языках

С лингвистической точки зрения 'грусть' и 'радость' представляются антонимичными; ср. прототипические ситуации возникновения эмоций *грустно* и *sad*, с одной стороны, и *рад* и *glad*, с другой:

(86а) *X feels sad*, *X-у грустно* = 'произошел плохой Y; X не может ничего сделать; X чувствует что-то плохое'.

vs.

(86б) *X is happy*, *X рад* = 'произошел хороший Y; X чувствует что-то хорошее'.

Из-за антонимичности концептов было бы естественно ожидать, наряду с очевидными различиями, также и определенного сходства в лингвистическом устройстве кластеров 'грусть' и 'радость', как это обычно свойственно семантически близким классам слов, таким как синонимы и антонимы (хотя антонимам, безусловно, в меньшей степени). Однако в отличие от многих других антонимичных рядов (ср., например, параллелизм многих лингвистических свойств у антонимичных глаголов передвижения типа *войти/выйти*), антонимичные эмоциональные кластеры типа 'грусть' – 'радость', 'стыд' – 'гордость' устроены по-разному. По-видимому, устройство эмоциональных кластеров в большей степени определяется психологическими свойствами соответствующих эмоций, нежели чисто лингвистическими факторами. Так, скажем, с нейропсихологической точки зрения между страхом и отвращением мало общего – они «локализованы» в разных частях мозга и физиологически также очень различно проявляются. При этом лингвистически они во многом близки: при разной метафорической концептуализации (которая в большой степени отражает разницу в их физиологических проявлениях) в толкованиях лексики 'страха' и 'отвращения' есть значительная пересекающаяся часть, так как слова обоих кластеров описывают нежелание контакта с некоторым объектом и попытку избежать его.

Тем не менее, между кластерами 'радость' и 'грусть' существуют некоторые пересечения. Оба кластера четко структурированы в соответствии с серьезностью, масштабностью стимула и интенсивностью, длительностью чувства, при этом между первым и вторым нет обязательной корреляции.

В обоих языках выделяется несколько типов радости. Самый общий тип ‘радости’ выражается в русском языке словами *радость* и *радостно*, в некоторой степени глаголом *радоваться* (хотя он также указывает на внешние проявления чувства) и прилагательным *рад*, а в английском – существительным *joy* ‘радость’ и прилагательным *happy* ‘радостный, счастливый’. Последнее семантически ближе русскому прилагательному *рад* (или *счастлив* в речевых контекстах типа *Я счастлив вас видеть*), чем к обозначающему гораздо более глубокую и серьезную эмоцию прилагательному *счастливый*.

Этот тип ‘радости’ может вызываться любыми стимулами, а также может возникать беспричинно; эта ‘радость’ может быть как сильной, так и слабой, может быть благожелательной и недоброжелательной, может вызываться личными причинами или испытываться «за» другого человека: *радость от любого пустяка* и *joy at mere trifle*; *радость первой любви* и *joy of the first love*; *мимолетная радость* и *fleeting joy*; *глубокая радость* и *profound joy*; *радость за друга* и *joy for one's friend*; *злая радость* и *malicious joy*; *Глаза светятся радостью* и *One's eyes are alight with joy*; *Глаза горели злобной радостью* и *One's eyes are blazing with vicious joy*.

Ср. также *I'm happy that my exams are over* и *Я рада, что у меня закончились экзамены* (незначительный стимул); *When she finally agreed to marry him, his joy knew no limits* и *Когда она наконец-то согласилась выйти за него замуж, его радость была безгранична* (значительный стимул); *I feel happy today* и *Сегодня радостно на душе* (стимула нет). Этот тип ‘радости’ эксплицируется следующим образом:

(87) ‘X чувствует что-то очень хорошее, обычно потому, что произошел очень хороший Y¹⁸¹’.

Следующий подтип ‘радости’ – это умеренная радость от хороших, но не слишком значительных событий. Она выражается кратким прилагательным *рад* в русском языке и прилагательным *glad* в английском: *Я рад, что вы пришли* и *I'm glad you could come* но не ??Он был рад, что его сын выжил и ??He was glad his son has survived. Эта ‘радость’

---

¹⁸¹ Этот элемент является факультативным, возможно, он имеет статус слабого смысла, так как *радость*, *happy* и прочие состояния этого подтипа ‘радости’ могут быть беспричинными. Указание на беспричинность не включается, однако, в толкование в виде дизъюнкции, в отличие от того, как это делалось для *тоски* и *blues*, так как прототипическая *радость* все-таки имеет причину, в отличие от прототипической *тоски*, которая ближе к настроениям и чаще бывает беспричинной.

не бывает беспричинной; ср. невозможность *Я почему-то рад; **I'm glad, I don't know why* и эксплицируется следующим образом.

(88) 'произошел очень хороший Y; X чувствует что-то очень хорошее'.

Есть еще одна разновидность умеренной 'радости', в которой доля чувства невелика, однако присутствует рациональное удовлетворение от достижения некоторых целей или исполнения планов и ожиданий. Она выражается словами *удовлетворение, доволен, satisfaction, content, pleased*. Поскольку доля чувства в этих состояниях невелика, они не употребляются в ситуациях, предполагающих эмоциональную реакцию; ср. странность:

(89а) ??*Я удовлетворен, что она согласилась выйти за меня замуж.*

(89б) ??*I'm satisfied she agreed to marry me.*

Эти фразы были бы уместны только в том случае, если бы говорящий планировал брак по расчету. Однако стимул для такого рода 'радости' может быть и весьма значительным; ср.:

(90а) *Обе стороны удовлетворены ходом мирных переговоров.*

(90б) *Both parties are satisfied with the peace talks.*

Это чувство эксплицируется следующим образом:

(91) 'Произошел Y, которого хотел X; X думает, что это хорошо; X чувствует что-то хорошее от этого'.

Комбинация достигнутых целей и сильного чувства составляет еще один подтип 'радости', выражаемый словами *ликовать* и *glee* 'ликование', *gleeful* 'ликующий'. Интенсивность чувства так велика, что экспериенцер не может ее сдержать; соответственно, все эти слова указывают не только на чувство, но и на его внешние проявления; ср. *громко ликовать, loud glee* 'громкое ликование'.

Это чувство эксплицируется следующим образом:

(92) 'Произошел Y, которого очень хотел X; X чувствует что-то очень хорошее от этого; X не может скрыть, что он чувствует'.

Когда человек достигает всего, чего он хотел и о чем он мечтал, так что даже не остается простора для дальнейших желаний, он испытывает *счастье* или *happiness* (прилагательные *счастливый* и *happy* также могут использоваться для выражения этой эмоции). По очевидным причинам это самое длительное из эмоциональных состояний в

кластере ‘радость’ (см. об этой эмоции [Wierzbicka 1999: 51–54]). Это чувство эксплицируется следующим образом:

(93) ‘Произошел Y, которого очень хотел X; X чувствует что-то очень хорошее от этого; в этот момент X не хочет ничего другого’.

Счастье и *happiness* не вечны, но, в отличие от других эмоциональных состояний этого кластера, могут быть долгими; ср. *Все эти годы они были счастливы* и *They have been happy all those years*, при странности ??*Все эти годы они были рады <довольны>*, ??*All those years they have been glad <content>*.

Высшая форма счастья – *блаженство*, *bliss* – эмоциональное состояние, настолько полное и совершенное, что оно редко возникает в обычных условиях земного существования; ср.: *райское блаженство*, *the bliss of paradise*. Для слов *блаженство* и *bliss* возможно и ослабленное употребление; ср.: *Наевшись, я ощутил полное блаженство*; *physical bliss* ‘физическое блаженство’, однако и в ослабленных употреблениях они характеризуют состояния полного удовлетворения, поскольку ничто лучшее невозможно; ср. экспликацию этого типа эмоции:

(94) ‘Произошло все, чего хотел X; от этого X чувствует что-то такое хорошее, что невозможно чувствовать что-то лучшее; в этот момент у X-а есть все, чего он может хотеть’.

В обоих языках представлен тип злобной ‘радости’ (*Schadenfreude* — можно и выбросить — это немецкое слово используется как заимствованный термин в английском и некоторых других языках): *злорадство* и *gloating*. Неудивительно, что оба слова указывают на отрицательную оценку чувства говорящим.

Этот тип ‘радости’ эксплицируется следующим образом:

(95) ‘С человеком Z произошел плохой Y; от этого X чувствует что-то хорошее; говорящий думает, что это плохо’.

Злорадство и *gloating* отличаются от прочих типов ‘радости’ не только тем, что вызываются плохим событием, но и тем, что они персонализированы, направлены на какого-то конкретного человека или людей. Если *радость*, *довольство*, *удовлетворение*, *блаженство* могут вызываться любыми событиями, даже не связанными с конкретным человеком или людьми (ср.: *радость по поводу окончания экономического кризиса*), то *злорадство* и *gloating* в первую очередь предполагают личную неприязнь к какому-то человеку или группе людей и, соответственно, радость по поводу несчастья этого

человека или людей; ср. странность ?*злорадство по поводу глобального потепления*, при том, что возможно *злорадство по поводу взрыва башен в Нью-Йорке*.

В обоих языках представлена 'радость'-веселье. Стимулом к этому чувству служат не просто хорошие события, а забавные, интересные, смешные события, которые вызывают смех и хорошее настроение. В английском есть несколько выражений, покрывающих данную часть концептуальной карты 'радости' – это *mirth* 'веселье, радость', *cheer* 'веселье', *merry* 'веселый, радостный', *fun* 'веселье' и их дериваты; в русском этот смысл выражается безличным предикативом *весело*, прилагательным *веселый*, существительным *веселье*, глаголом *веселиться*. Внутри этого подтипа 'радости' существуют определенные градации: так, русские *весело*, *веселье* и английские *mirth*, *cheer* и *merry* выражают скорее настроение, чем эмоцию, и в этом качестве не требуют мотивации и стимула; ср.: *Просто мне весело; беспричинное веселье; Today, I'm cheerful; causeless mirth*. Английские *cheer* и его дериваты подчеркивают хорошее настроение, готовность радоваться и смеяться, в то время как *mirth* скорее подчеркивает внешние аспекты такого настроения – смех, часто неконтролируемый; ср.: *a fit of mirth* 'приступ веселья'. *Unmotivated, causeless mirth* 'беспричинное веселье' может даже временами оцениваться как что-то, выходящее за грань нормы и не вполне здоровое, тогда как *cheer* обычно оценивается положительно.

Веселье и *merriment* соединяют оба аспекта: и легкое, беззаботное чувство, и связанное с ним поведение – смех и оживление.

Этот тип 'радости' эксплицируется следующим образом:

(96) 'X чувствует что-то хорошее; X хочет смеяться'.

В этом подтипе эмоции 'радость' есть один специфический концепт – *fun*, для которого в русском языке существует несколько переводов, каждый из которых акцентирует какой-то один аспект этого семантически сложного слова: *весело*, *забавно*, *интересно*. Эти слова, однако, не исчерпывают смысла слова *fun*, основные ситуации употребления которого в выражениях типа *to be fun, to have fun, It's fun <He's fun>, a fun thing <person>, for the fun of it* можно суммировать следующим образом:

– человек испытывает *fun*, когда он наблюдает или делает что-то интересное; в этом отношении *fun* противопоставлен *boredom* 'скуке' и напоминает русские *забавно*, *интересно*: *He's fun, This film was fun*;

– человек испытывает *fun*, когда он делает что-то смешное или веселое; в этом отношении *fun* напоминает русское *веселье* или *кайф*: *We had a lot of fun* vs. *Мы славно повеселились, Мы словили кайф*.

Fun предполагает легкое, простое, не слишком серьезное и глубокое отношение к ситуации; поэтому, например, политическая сатира, хотя она может быть *funny* ‘смешной’ или *hilarious* ‘очень смешной’, не может быть описана как *fun*; счастливая встреча после долгой разлуки может вызвать *веселье*, *cheer*, *merriment*, но не вызовет ощущение *fun*, поскольку предполагает глубокие чувства, несовместимые с легкомысленным и поверхностным чувством *fun*. Хотя слово *fun* не является абсолютно непереводаемым, тем не менее это весьма специфический концепт, который нелегко передать средствами другого языка. Поэтому, в частности, это слово часто вводится русскими эмигрантами, а также интернет-пользователями в русскую речь, чтобы заполнить явно существующую в русской концептуальной карте ‘радости’ лауну; ср.: *Не советую этот сайт – много фана не получишь*.

В английском есть еще один тип ‘радости’, который не имеет близкого коррелята в русском, а именно *excitement* ‘возбуждение’, *excited* ‘возбужденный’. Хотя эти слова могут описывать любое нервное возбуждение и волнение, в том числе неприятное, однако у них, особенно у прилагательного *excited*, безусловно, есть очень распространенное употребление, в котором они указывают на положительную эмоцию:

(97) *I'm so excited to get this role*

‘Я очень рада, что получила эту роль’.

(98) *The kids are excited about going to the Disney World*

‘Дети в восторге от предполагаемой поездки в Диснейленд’.

Ее можно охарактеризовать как радостное возбуждение, часто слегка нетерпеливое предвкушение чего-то приятного, или же радость и волнение по поводу чего-то хорошего, что уже произошло, смешанное с ожиданием дальнейших приятных событий:

(99) *I'm excited that he came*

‘Я рада, что он приехал’.

Это чувство может быть эксплицировано следующим образом:

(100) ‘Произошел или произойдет хороший Y; X волнуется и чувствует что-то хорошее от этого’.

В русском языке не существует синтетического способа выражения подобной эмоции и требуется прибегать к комбинациям слов, чтобы ее выразить; ср.: *радостное возбуждение, радостное волнение*, которые далеко не так распространены и употребительны, как практически клишированное английское *excited*.

В обоих языках есть заимствованный концепт *euphoria*, или *эйфория*, обозначающий чрезмерную и поэтому слегка негативно оцениваемую степень чувства. Хотя в случае 'страха', 'гнева', 'гордости', 'обиды', 'грусти' чрезмерная степень чувства оценивается еще более негативно, однако и эйфория, являясь слишком сильной, не всегда обоснованной эмоцией, лишаящей человека способности здраво и объективно мыслить, представляет негативный полюс в кластере 'радость'.

Общее различие между английским и русским языками заметно и на примере кластера 'радость': безличные предикативы типа *весело* и *радостно* выражают внутреннее состояние, глаголы типа *веселиться* и *радоваться* указывают на внешние проявления эмоций; ср.: *безудержно веселиться, бурно ликовать, шумно радоваться*. В английском аналогичных глаголов нет, соответствующие смыслы выражаются комбинациями слов; ср.: *to make merry, to be having fun* 'веселиться', *to have unrestrained fun, to lark about* 'безудержно веселиться', *to express one's joy noisily* 'шумно радоваться', *to be boisterously gleeful, to express one's glee exuberantly* 'бурно ликовать'.

В целом концептуальные карты 'радости' в русском и английском языках сильно пересекаются, однако некоторые существенные элементы спектра 'радости' различаются, в частности, в русском не представлены важные концепты поверхностной легкой 'радости' (*fun*) и 'радости'-возбуждения (*excited*).

II.2.7. Кластер 'ОТВРАЩЕНИЕ' в русском и английском языках

Хотя 'отвращение' стоит особняком среди прочих эмоций и с нейробиологической, и с лингвистической точки зрения, в устройстве кластера 'отвращение' просматриваются некоторые общие для всех групп эмоций семантические тенденции. А именно, как и у всех остальных эмоций, в кластере 'отвращение' представлено различие по интенсивности. В обоих языках отражена «нейтральная», естественная степень 'отвращения'. Ср. «умеренное» чувство, выражаемое словами *отвращение, disgust, distaste, aversion* и очень сильное чувство, выражаемое словами *омерзение, revulsion, repulsion, abhorrence, loathing*.

‘Отвращение’ – одна из наиболее четко локализованных в мозгу эмоций, ее локусом считается островок (*insula*). ‘Отвращение’ также имеет одну из наиболее четко идентифицируемых эволюционных функций, а именно, оно предполагает попытку избежать контакта с теми объектами, которые воспринимаются как несъедобные, заразные или способные каким-то иным образом повредить экспериенцеру согласно на такую замену контаминировать экспериенцера. Физиологически ‘отвращение’ также имеет явные и специфичные проявления: вызывает тошноту или рвоту и ассоциируется с определенными гримасами, например, сморщиванием лица. Физиология ‘отвращения’ тесно связана с его эволюционной функцией, как, впрочем, и физиология ‘страха’ и ‘гнева’ [Ekman 1999]. Психологи различают два типа ‘отвращения’: – моральное и физическое, которые, впрочем, не различаются с нейрологической точки зрения, поскольку имеют одинаковую локализацию [Calder et al. 2001]. Однако в любом случае, типов ‘отвращения’ намного меньше, чем типов других базовых эмоций, а именно, ‘страха’, ‘радости’, ‘грусти’, ‘гнева’, да и не только базовых (как показано ниже, ‘стыд’, ‘обида’, ‘жалость’ также представлены намного большим количеством типов), и язык это отражает.

В некотором смысле, язык (как и мозг) не различает физическое и моральное отвращение: во всяком случае, ни в русском, ни в английском нет специализированной лексики для того или иного типа ‘отвращения’. Все метафорические способы выражения морального отвращения основаны на реальных проявлениях физиологического отвращения; ср.: *Меня от этого человека мутит, Меня тошнит от его поведения* и *This person makes me sick, I find his behavior nauseating*. Кроме того, все слова со значением ‘отвращения’ могут использоваться для описания чувства, вызываемого как физическими, так и моральными стимулами, то есть чувства собственно физического, ощущения тошноты, и чувства морального, не связанного с физиологическими проявлениями; ср.: *отвратительный человек* и *disgusting person* vs. *отвратительная еда* и *disgusting food*. Эта полисемия пронизывает весь кластер ‘отвращение’; ср., например, каузацию ‘отвращения’: и физически, и морально отвратительные объекты могут быть охарактеризованы как *тошнотворный, гадкий, revolting, sickening, unpalatable*.

Омерзение и *отвращение* несколько чаще появляются в «моральных» контекстах; так, в 100 случайно отобранных примерах из НКРЯ в 65 речь шла о моральном

отвращении <омерзении> и только в 35 – о физическом. *Гадливость*, которая, на первый взгляд, описывает скорее физическое чувство, также в реальном употреблении чаще встречается в «моральных» контекстах, хотя и в немного другом соотношении: 60 «физических» контекстов к 40 «моральным». Однако, поскольку на основе корпусных данных можно сказать, что «моральное» отвращение в целом преобладает над «физическим» по частоте употреблений, то невозможно делать никаких выводов о специализации тех или иных слов для выражения того или иного вида ‘отвращения’ – все слова полисемичны или, что еще более вероятно, не выделяют эти два вида ‘отвращения’ в отдельные значения.

Английский язык на первый взгляд кажется несколько более специализированным в отношении этого разграничения, ср. например, слово *distaste*, которое, по крайней мере, этимологически, указывает на физиологическое ощущение от неприятного вкуса, и слово *repugnance*, которое ассоциируется с моральным отвращением. Однако и словарные [НБАРС], и корпусные (BNC, COCA) данные указывают на то, что для обоих слов возможны и «моральные», и «физические» контексты, причем первые, хотя и в разной пропорции, предпочтительны для обоих. Таким образом, представляется, что семантическая структура всех слов со значением ‘отвращения’ включает указание на оба компонента – физический и моральный. Ее можно эксплицировать следующим образом:

(101) ‘X думает, что Y очень неприятный на вкус или на ощупь, или обладает очень неприятным запахом, или очень грязный, или очень плохой; X не хочет быть в контакте с Y-ом; когда X в контакте с Y-ом, X чувствует что-то очень плохое; X может чувствовать тошноту, когда он в контакте с Y-ом’.

Несмотря на большое сходство концептуальных карт ‘отвращения’ в русском и английском языках, английское ‘отвращение’ тем не менее более разнообразно. Как и другие эмоциональные кластеры в английском, ‘отвращение’ богато пограничными терминами; ср. ‘отвращение’, смешанное со ‘страхом’ – *creepy* ‘вызывающий гадливость или ужас’, сильное ‘отвращение’, смешанное с ‘ненавистью’ – *to abhor, to loathe, to detest* ‘ненавидеть, питать отвращение’. В русском таких пограничных терминов нет. Кроме того, в английском есть специальный термин для болезненной формы ‘отвращения’ – *aversion*, который наряду с нейтральными употреблениями используется

и для выражения нездорового неприятия, отвращения, особенно к еде; ср.: *food aversion* ‘отказ от приема пищи, неприятие пищи’.

Интересно, что в обоих языках отсутствие некоторого здорового количества ‘отвращения’ оценивается отрицательно; так, слова *всеядный* и *omnivorous* в переносных употреблениях обозначают определенную моральную неразборчивость. Однако чрезмерная степень ‘отвращения’ также представляется слегка нежелательной; *брезгливость* и *squeamishness* имеют несколько отрицательную оценку, которая намного более явственна в случае физической брезгливости; ср.: *Она брезгливо поморщилась при виде раненого; Маленькие дети вызывали у него брезгливость*. При этом моральная *брезгливость* – скорее положительное качество, противоположное *всеядности*. Это не удивительно, если принять во внимание тот факт, что моральное отвращение является одной из общепризнанных моральных эмоций («moral emotions»), регулирующих этическое поведение человека, наряду со стыдом, чувством вины и гневом [Stets, Turner 2008: 500].

II.2.8. Кластер ‘ЖАЛОСТЬ’ в русском и английском языках

Русская *жалость*, по мнению многих исследователей, является уникально русской эмоцией; см. об этом раздел 1.1 данной работы, а также [Wierzbicka 1992, Левонтина 2004]. Отношение к *жалости* как к культурно специфичной эмоции во многом идет от русской религиозной философии; (см. [Федотов 1992]). Ср. также психологическое исследование [Rancour-Laferriere 1995] о важной роли жалости в русской культуре, которую автор объясняет существованием особого «мазохистского» русского психотипа.

Однако современное словоупотребление указывает на несколько иной семантический образ *жалости*, существенно более близкий английской *pity*, особенно если рассматривать его в контексте всего кластера ‘жалость’. Хотя *жалость* и *pity* не являются точными эквивалентами и каждое слово в этом кластере обладает семантическими и сочетаемостными особенностями, различия между кластерами ‘жалости’ в русском и английском не больше, чем различия между русским и английским ‘гневом’, ‘страхом’ и пр. В большинстве случаев при переводе с одного языка на другой возможно не только передать общее значение слов кластера ‘жалость’, но и дать дословный перевод.

В целом концептуальные карты 'жалости' в двух языках достаточно похожи. Оба языка различают «объективную» и «субъективную» 'жалость': первая возникает, когда объект эмоции действительно страдает и осознает свое страдание как таковое, в то время как вторая возникает, когда экспериенцер считает, что объект эмоции страдает или находится в плохой ситуации, причем сам объект может этого не осознавать и не соглашаться с такой оценкой.

«Объективная» 'жалость' выражается словами *сострадание, сочувствие, участие*, а также *compassion* 'сострадание', *sympathy* 'сочувствие', *concern* 'участие', *to feel for smb.* 'сочувствовать кому-л.'

«Субъективная» 'жалость' выражается словами *жалость, жалеть, жалко, жаль*, а также *pity* 'жалость', *to pity* 'жалеть' и *sorry* 'жалко, жаль'.

Ср.: *Мне его жалко <жаль> – он такой дурак* и *I pity him – he is such a fool*; при неадекватности **Я ему сочувствую – он такой дурак* и **I have compassion <sympathy> for him – he's such a fool*. Это не значит, что *жалость* невозможна, когда объект эмоции действительно страдает, однако реальное страдание не является для нее необходимым условием.

Наиболее нейтральным обозначением субъективной 'жалости' являются русские *жаль, жалко* и английское *sorry*. Они выражают идею общего сожаления о том, что некто, с точки зрения экспериенцера, находится в плохой ситуации. Этот тип нейтральной 'жалости' эксплицируется следующим образом:

(102) 'X думает, что Y находится в плохой ситуации; X чувствует что-то плохое от этого'.

Все эти слова допускают наличие существенной эмоциональной дистанции между объектом и экспериенцером и поэтому для них возможно абсолютное употребление, вообще без указания объекта эмоции; ср.: *Мне так жаль; Очень жалко; I'm so sorry*. В отличие от *жалости, сострадания, участия*, а также *pity, compassion, concern, жаль, жалко* и *sorry* не предполагают со стороны экспериенцера активного желания помочь.

Жалость и *pity* являются более сильной разновидностью субъективной 'жалости'. В отличие от *жаль, жалко* и *sorry*, они указывают не только на переживание экспериенцера из-за того, что кто-то находится в плохой, с его точки зрения, ситуации, но и на хорошее отношение к объекту эмоции, на желание как-то исправить ситуацию;

ср.: *нежная жалость* и *tender pity*, *сделать что-л. из жалости* и *to do something out of pity*.

Однако *pity* и *жалость* описывают, вероятно, самый широкий диапазон эмоций – от нежной и временами болезненной эмоции, которая в психологии иногда называется «benevolent pity» ‘благожелательная жалость’ (ср.: *растаять от жалости* и *to melt with pity*, *плакать от жалости* и *to cry with pity*, *жгучая жалость* и *painful pity*, *пронзительная жалость* и *heart-piercing pity*), до холодного и презрительного чувства, неприятного и унижительного для объекта (*презрительная жалость* и *contemptuous pity*, *унижительная жалость* и *humiliating pity*, *холодная жалость* и *cold pity*). «Благожелательную» *жалость* испытывают к тем, к кому хорошо относятся, и плохая ситуация, в которой находится объект эмоции, усиливает это хорошее отношение; *унижительную жалость* испытывают к тем, к кому изначально относятся плохо, причем та плохая ситуация, в которой находится объект эмоции, только усиливает это плохое отношение, потому что экспериенцер считает эту ситуацию не результатом неблагоприятных обстоятельств, а следствием собственных ошибок объекта.

Pity и *жалость* могут вызываться чьим-то сильным страданием, но могут возникать и без всякого внешнего стимула, только потому, что экспериенцер считает, что объект эмоции находится в плохой ситуации, причем сам объект может не разделять эту точку зрения; ср.: *испытывать жалость к голодным детям* и *to feel pity for the hungry children*; *Я испытываю жалость к этому идиоту* и *I feel pity for this idiot*.

Pity и *жалость* могут также быть направлены на самого экспериенцера: *self-pity*, *жалость к себе*.

В целом этот тип чувства эксплицируется следующим образом:

(103) ‘X думает, что Y находится в плохой ситуации Z; X чувствует что-то плохое от этого; X чувствует что-то хорошее к Y-у; X может хотеть сделать что-то хорошее для Y-а’.

Pity и *жалость* концептуализуются как фундаментальная человеческая способность, отсутствие которой представляется существенным отклонением от нормы. Человек, не чувствующий жалости в определенных обстоятельствах, воспринимается как жестокий и холодный; ср. *безжалостный* и *pitiless*. Интересно, что излишек жалости может оцениваться отрицательно, особенно в английском, хотя и в существенно меньшей степени, чем излишек страха, гнева, грусти и пр.; ср. ироническую окраску

такого выражения как *bleeding heart* букв. ‘кровоточащее сердце’, которое часто используется в отношении людей непрактичных, неуместно жалостливых, нереалистичных, чрезмерно склонных бросаться на помощь или извинять чужие недостатки: *an idealistic bleeding heart liberal* ‘излишне мягкий идеалист либерал’. В русском языке отрицательная оценка излишней жалости представлена в гораздо меньшей степени, однако в некоторых контекстах русские слова *жалостливый* и *сердобольный* могут указывать на отрицательно оцениваемый избыток жалости: *болезненно жалостливый; Ему нельзя пить, но сердобольные друзья всегда наливают; Впоследствии он [ребенок] будет лениться и перекладывать основную часть своих заданий на сердобольных родителей* (А. Луговская).

Pity и *жалость* – весьма близкие корреляты и в то же время слова с достаточно широким значением; их семантические дериваты, напротив, семантически специализированы. Так, например, прилагательные *жалкий* и *pitiful* обычно используются для обозначения объектов, вызывающих презрительную жалость, в то время как прилагательные *жалобный* и *piteous* используются для обозначения поведений, целью которых является вызывать благожелательную жалость. С другой стороны, их семантические дериваты гораздо больше различаются в межъязыковом отношении; ср. например, глаголы *жалеть* и *to pity*. Если существительные *жалость* и *pity* используются для обозначения обоих видов жалости, то английский глагол *to pity* чаще встречается в контекстах презрительной жалости, в то время как русский глагол *жалеть* более характерен в контекстах благожелательной жалости; ср.: *He pities her* vs. *Он ее жалеет*. Английская фраза описывает чувство, и не слишком доброе, а русская фраза описывает не только хорошее отношение, но и его проявления в поведении. Так, русское *жалеть* может значить ‘щадить’, особенно в совершенном виде; ср. *Он его пожалел и отпустил* □ ‘Он его пощадил и отпустил’. В некоторых контекстах, в частности в детской речи, *пожалеть* может интерпретироваться как ‘утешить’ (ср. *Пожалей меня; Если ребенок ударился, ему хочется, чтобы его пожалели*), иногда даже ‘погладить’ (ср. в детской речи *Пожалей мне ручку*). Это не значит, что в английском нет концепта благожелательной жалости; просто в русском этот вид жалости выражается и существительным, и глаголом, а в английском только существительным.

Слово *compassion* и его дериваты, а также его русский аналог *сострадание* и его дериваты выражают идею совместного переживания чьего-то реального страдания,

хорошее отношение к этому человеку и желание ему помочь. При этом, безусловно, экспериенцер переживает чувства объекта лишь отчасти: чье-то реальное страдание и чье-то со-страдание кому-либо не эквивалентны.

Русское *сострадание* указывает на большую объективную степень страдания объекта эмоции, чем его английский коррелят *compassion*. *Compassion*, в особенности в сочетании *to have compassion* ‘сострадать, иметь сострадание к кому-л., сжалиться’, используется в контекстах, в которых по-русски был бы употреблен глагол *жалеть* или существительное *жалость*; ср.: *Turn the TV down a bit, have some compassion for me* ‘Сделай телевизор потише, *пожалей* меня’, но не ‘Сделай телевизор потише, прояви ко мне *сострадание*’. Таким образом, английские *pity* и *compassion* вместе «покрывают» часть концептуальной карты, занимаемую в русском тремя словами – *жалеть*, *жалость* и *сострадание*. В целом этот вид чувства может быть выражен следующим образом:

(104) ‘Y находится в плохой ситуации и чувствует что-то плохое; X отчасти чувствует, что чувствует Y; X чувствует что-то плохое; X чувствует что-то хорошее к Y-у; X хочет сделать что-то хорошее для Y-а’.

В обоих языках также присутствует концепт со-чувствования, понимания ситуации, в которой находится объект эмоции, и его чувств, хорошее отношение к нему, и при этом необязательность непременно участия, желания помочь. Выражающие этот концепт слова *сочувствие* и *sympathy* предполагают обычно вербальное выражение эмоции, но не поведенческое; ср.: *выразить сочувствие* и *to express one's sympathy*, но не *?сделать что-л. из сочувствия* и *?to do something out of sympathy*, при том, что возможно и естественно *делать что-л. из жалости* <*сострадания*> и *out of pity* <*out of compassion*>.

В целом этот тип чувства эксплицируется следующим образом:

(105) ‘Y находится в плохой ситуации; X понимает, что чувствует Y; X чувствует что-то плохое; X чувствует что-то хорошее к Y-у’.

Еще более поверхностный вид ‘жалости’ – это ритуальное выражение сочувствия человеку, у которого умер кто-то близкий; ср. слова *соболезнования* и *condolences* в стандартных фразах *Примите мои соболезнования* и *Accept my condolences* (стандартно употребление этих существительных во множественном числе).

Как видно из уже сказанного, концептуальные карты русской и английской ‘жалости’ во многом совпадают, если и не дословно, что было бы невозможно, то по

крайней мере, в типах чувств, которые были выделены и концептуализованы в этом кластере. Однако есть области, в которых они различаются. А именно, в английском есть важный концепт *empathy*, который подразумевает всякое сопереживание, не только сопереживание страданию (см. [Jabbi et al. 2007] о нейробиологии эмпатии и о проецировании положительных и отрицательных ощущений объектов эмоции на собственные ощущения экспериенцера). «Ненаучным» обозначением этого состояния служит *fellow feeling* ‘сочувствие, симпатия’. В русском эта разновидность чувства представлена в несколько меньшей мере; хотя русским языком заимствовано слово *эмпатия*, его употребление ограничено терминологическими контекстами, а что касается слова *сопереживание*, то оно носит явно книжный характер и малоупотребительно.

Может возникнуть вопрос, почему *empathy* и *fellow feeling*, а также выражающий близкое значение глагол *to feel for somebody* ‘сочувствовать, сопереживать’ отнесены к кластеру ‘жалости’, если они обозначают любую разновидность сопереживания, а не только сопереживание страданию. Однако (и, возможно, это носит универсальный характер), слова, которые «технически» обозначают сопереживание любой эмоции, в реальности употребляются в первую очередь в контекстах сопереживания страданию, как во фразах *I've a fellow feeling for their woes* ‘Я сочувствую их горю’; *I feel for him – he's had some real troubles* ‘Мне жаль его – у него серьезные проблемы’; *I have great empathy for his pain* ‘Я сочувствую его страданию’. Возможно, это связано с тем, что сопереживание страданию наиболее важно с эволюционной точки зрения, так как ведет к действиям, направленным на помощь и на то, чтобы вывести объект из плохой ситуации¹⁸². Кроме того, на употребление слов со значением ‘эмпатии’ в английском языке в качестве показателей сочувствия страданию может влиять также общая тенденция английского языка избегать прямых отрицательных утверждений: поскольку эти слова не содержат указания на то, что объект эмоции находится в плохой ситуации (в отличие от всех слов со значением собственно ‘жалости’), то они не содержат и потенциально обидных и унижительных оттенков ‘жалости’, связанных с тем, что экспериенцер ставит себя выше объекта эмоции. Следовательно, их употребление в контекстах ‘жалости’ предпочтительно в силу некоторой «политической корректности».

---

¹⁸² О негативных переживаниях объекта эмоции как частой, хотя и не обязательной, предпосылке *empathy* см. [Гладкова 2005: 107].

Еще одно несовпадение русской и английской концептуальных карт 'жалости' состоит в том, что в русском присутствует специальное обозначение поведения, вызванного жалостью – *участие*. Слово *участие* указывает на то, что экспериенцер производит действия, направленные на то, чтобы улучшить положение объекта эмоции, и делает это в силу сострадания к нему; ср.: *Он проявил большое участие к оказавшимся в беде семьям.*

В заключение следует отметить, что, хотя 'жалость' в русском и английском языках различается, однако не только так и не настолько, как это традиционно предполагалось исследователями, а в несколько других аспектах.

II.2.9. Кластер 'СТЫД' в русском и английском языках

Как утверждается в работе [Шмелев 2002б: 383–395], в русском языке есть два основных концепта 'стыда' – внутренний *стыд* и внешний *позор*, которым в европейских языках соответствует один синтетический концепт – *shame* в английском, *honte* во французском и т. п. Безусловно, верно, что в русском для выражения внутреннего чувства стыда и внешней стигмы, позора, существуют два разных слова, однако представляется, что это различие релевантно и для английского. Хотя слово *shame* 'стыд, позор' имеет два значения, в английском есть и более специализированные языковые средства, которые выражают либо внутреннее чувство 'стыда' (прилагательное *ashamed* 'стыдно'), либо внешнюю стигму (*disgrace* 'позор').

Базовой этической эмоцией является внутреннее чувство 'стыда', чувство, выражаемое словами *стыдно, совестно, стыд* и *shame, ashamed*. Оно эксплицируется следующим образом:

(106) 'X думает, что Y, который он сделал, плохой; X чувствует что-то плохое от этого; X думает что-то плохое о себе'.

Этот тип 'стыда' концептуализуется как фундаментальная человеческая способность, отсутствие которой представляется существенным отклонением от нормы; ср. *бесстыдный* и *shameless*¹⁸³. В отсутствие этой естественной реакции на совершенные

---

¹⁸³ Интересно, что в социологии основным этическим чувством современного западного мира считается *вина* (guilt), а *стыд* в качестве основного регулятора морали относится к прошедшим эпохам: «While shame was the moral emotion of the past, guilt is the moral emotion of the present» [Stets, Turner 2008: 553] – «Если стыд был моральной эмоцией прошлого, вина – это моральная эмоция настоящего». Интересно также, что язык в этом

плохие поступки, собеседник может попытаться ее стимулировать; ср.: *Как тебе не стыдно!; Стыдись! и Aren't you ashamed? Shame on you!* Внутренний этический 'стыд' – это очень интенсивное и неприятное чувство; ср.: *жгучий стыд, burning shame.*

В отличие от «социального» 'стыда, этический 'стыд' человек может испытывать вне зависимости от окружения и внешних обстоятельств, вне зависимости от того, знает ли кто-то о нем или нет; ср.: *Мне стыдно, что я предал его, хотя он так никогда об этом и не узнал.*

Однако поскольку 'стыд' – это чувство во многом социальное, связанное с мнением окружающих и во многом им вызываемое, то ситуация переживания 'стыда' легко переходит в ситуацию с двумя участниками – экспериенцер, совершивший что-то плохое, и «аудитория», которая может совпадать, а может и не совпадать с тем, кому был причинен вред плохими поступками экспериенцера; ср.:

(107a) *Мне было стыдно перед ним за мое невольное предательство.*

(107б) *I felt ashamed before him for my involuntary betrayal.*

Когда человек чувствует, что он сделал что-то плохое, ему может быть трудно контактировать не только с тем, кому он причинил вред, но и с другими людьми; ср.:

(108a) *Если я его подведу, мне будет стыдно ему в глаза смотреть.*

(108б) *If I let him down, I'll be ashamed to look him in the eyes.*

(109a) *Если я подпишу это, мне будет стыдно людям в глаза смотреть.*

(109б) *If I sign this, I'll be ashamed to look people in the eyes.*

Когда человек совершает что-то плохое, он может чувствовать что-то плохое по этому поводу, и это внутренний этический стыд. Однако человек может быть также озабочен тем, что в результате его поступков подумают о нем другие люди, и это социальный 'стыд', который может рассматриваться не только с точки зрения экспериенцера, но и с точки зрения общества, и концептуализоваться как некая стигма, клеймо, которым общество метит нарушителей моральных и социальных норм. Этот концепт присутствует как в русском, так и в английском языках; в английском он

отношении отстает от этики и социологии, поскольку именно *стыд* и *shame* представляются им как неотъемлемые моральные способности человека, а их отсутствие осознается как нарушение нормы (*бесстыдный, shameless*), в то время как отсутствию чувства *вины* не приписывается столь важный статус, и слова *безвинный* и *guiltless* обозначают невиновность в конкретной ситуации, а вовсе не отсутствие фундаментальных этических качеств. См. также замечательный анализ языковой концептуализации эмоций *guilt* 'чувство вины', *remorse* 'угрызения совести' и *shame* 'стыд' в работе [Вежицкая 1996: 366–368].

выражается некоторыми употреблениями слова *shame*, например, *howling shame* ‘стыд и срам’, а также словами *disgrace* ‘позор’, *ignominy* ‘позор, бесчестье’, в русском – словами *стыд* (в употреблениях типа *Какой стыд!*) *позор*, *срам*, *конфуз* и их производными. Метафора, выражающая этот тип ‘стыда’ – это, как было сказано, некоторое клеймо, которое пятнает, метит нарушителя, одновременно выделяя его негативным образом и отделяя от остального общества; ср.: *запятнать* <покрыть> себя *позором*; *всеобщий позор*.

Такое отношение проявляется к тем людям, которые сделали нечто, нарушающее общепринятые нормы морали или каким-то иным образом не оправдали социальных ожиданий, причем нарушение объективно может быть как масштабным, так и несущественным, но при этом всегда «подается» как очень серьезное: *Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью берет взятки – какой позор!* vs. *Опять получил двойку на контрольной – какой позор!*

Объектом этого отношения могут быть даже ситуации, нарушающие общепринятые социальные или этические нормы или ожидания: *Наша система образования* <*наша судебная система*> – *позор для страны*, где происходит персонификация *страны*.

Эта разновидность ‘стыда’ эксплицируется следующим образом:

(110) *X – позор, X is a shame* <*disgrace*> – ‘Люди *Z* думают, что человек *X* сделал что-то очень плохое; люди *Z* думают что-то плохое об *X*; люди не хотят быть в контакте с *X*-ом’.

И этический, и социальный ‘стыд’ может испытываться как из-за собственных поступков *X*-а, так и из-за поступков кого-то из личной сферы *X*-а, за кого он ощущает ответственность:

(111a) *Мне за тебя стыдно.*

(111б) *I’m ashamed for you.*

(112a) *Ты – позор нашей семьи.*

(112б) *You brought disgrace to our family.*

В обоих языках концептуализован также ‘стыд’, который имеет чисто социальную природу, лишенную этической основы. В английском этот вид ‘стыда’ выражается словами *embarrassment* ‘смущение’, *to be shy* ‘стесняться’ и однокоренными им словами, в русском – *стесняться*, *смущаться* и их дериватами. Этот вид ‘стыда’ ощущается,

когда человек чувствует себя чересчур открытым, выставленным на всеобщее обозрение, когда что-то сугубо личное, не предназначенное для посторонних глаз или ушей, становится всем известным. В этой ситуации человек боится не собственной совести, а также не социальной или этической стигмы, поскольку он не делает ничего плохого; скорее, он боится показаться другим людям смешным или незащищенным:

(113а) *Он очень смутился, когда она вслух прочитала его письмо.*

(113б) *He was acutely embarrassed when she read his letter out loud.*

(114а) *Она очень смутилась, заметив, что у нее порвались колготки.*

(114б) *She was very embarrassed when she noticed a run in her pantyhose.*

Эта разновидность ‘стыда’ оценивается нейтрально или положительно, как разновидность скромности, уместной для людей определенного возраста и статуса; ср.: *застенчивая <стыдливая> девушка <девочка>, a shy <bashful> girl*. Чрезмерный социальный ‘стыд’ оценивается слегка негативно, так как он заставляет людей вести себя неестественно; ср.: *стеснительный, скованный, uptight, self-conscious*, однако его полное отсутствие оценивается как гораздо больший недостаток; ср.: *бесстыжий, blushless*.

Этот вид ‘стыда’ может быть эксплицирован следующим образом:

(115) *X смущен Y-ом, X is embarrassed by Y* – ‘X не хочет, чтобы люди Z знали об Y-е; люди знают об Y-е; X чувствует что-то плохое; X думает, что люди будут смеяться над ним из-за Y-а или думать о нем плохо из-за Y-а’.

Отличие русского *смущения* от английского *embarrassment* состоит в том, что *смущаться* человек может только по поводу собственных faux pas заменить на своего собственного поведения, в то время как испытывать *embarrassment* можно *за кого-то*:

(116а) *The participants of the talent show delivered such a silly performance, that I felt embarrassed for them*

‘Участники конкурса художественной самодеятельности устроили такое дурацкое представление, что мне стало за них неловко’,

но не

(116б) **Участники конкурса художественной самодеятельности устроили такое дурацкое представление, что я смутилась за них.*

Обе эти разновидности ‘стыда’, и этическая, и социальная, являются сильным сдерживающим фактором; если кто-то считает что-либо плохим, *стыдным* или же

неприличным, он может удержаться от того, чтобы это делать [см. Констан об этом как двух типах стыда]; ср.: русские глаголы *постыдиться сделать что-л.* (этическое чувство) и *постесняться сделать что-л.* (социальное чувство) со следующим значением:

(117) *X постыдился <постеснялся> сделать Y*: ‘X не сделал Y, потому что считал, что сделать Y нехорошо или неприлично’.

Ср. интерпретации следующих фраз:

(118) *Он постыдился отказать ей в помощи* = ‘Он не отказал ей в помощи, потому что ему было стыдно отказывать’.

(119) *Он не постыдился прилюдно упрекнуть ее* = ‘Он прилюдно упрекнул ее, хотя можно было ожидать, что ему будет стыдно упрекнуть ее’.

В английском языке соответствующий смысл лексикализован в несколько меньшей мере, однако также может выражаться; ср. выражение *to have scruples*:

(120) *He had no scruples to use every possible means to deceive the public and cover up his crime*

‘Он не постыдился использовать все возможные средства, чтобы обмануть общество и скрыть свое преступление’.

В английском существует разновидность ‘стыда’, не имеющая точного аналога в русском. Это *mortification*, очень сильное чувство – смесь острого стыда, унижения, обиды, огорчения, чувство «уничтоженности». Люди испытывают это чувство, когда что-то очень личное и одновременно социально неприемлемое становится известным другим людям; когда они становятся объектом унижительного обращения, особенно в присутствии других людей; когда они в присутствии других людей делают что-то крайне социально неприемлемое.

Ср. следующие примеры:

(121) *She accidentally splashed red wine on his white shirt and felt mortified*

‘Он нечаянно пролила ему на белую рубашку красное вино и очень смутилась’.

(122) *She was so mortified she left school when an intimate photo she sent her ex-boyfriend ended up on the Internet*

‘Ей было так стыдно, когда интимная фотография, которую она послала своему бывшему другу, попала в Интернет, что она бросила школу’.

(123) *He did not acknowledge my greeting and did not seem to notice my outstretched hand. I felt mortified*

‘Он не ответил на мое приветствие и сделал вид, что не заметил мою протянутую руку. Я чуть не умерла от стыда’.

(124) *She was mortified. Her curlers were still in and she was wearing a baggy bathrobe*

‘Она страшно смутилась. У нее в волосах еще были бигуди, и на ней был обвисший халат’.

Чувство *mortified* может описываться в русском более сложным, идиоматическим способом – при помощи фраземы *X-у хочется <X готов> провалиться сквозь землю (от стыда)*.

С другой стороны, в русском языке есть разновидность полу-этического, полу-этикетного стыда, который люди испытывают, когда причиняют кому-то неудобство, мешают кому-то или каким-то иным образом служат источником беспокойства. Это чувство выражается безличными предикативными конструкциями *X-у неловко* и *X-у неудобно* (см. о «семантике щепетильности» [Зализняк Анна А. 2000]); ср.: *Мне неловко <неудобно> его об этом просить; Мне неловко <неудобно> вас беспокоить*. В английском нет точного соответствия этому типу ‘стыда’ – фразы с *неловко* и *неудобно* можно перевести только при помощи выражений с гораздо более общей семантикой – *to feel bad about smth., not feel like doing smth.* ‘не хотеть что-л. делать’: *I don't feel like asking him to do that* ‘Мне не хочется его об этом просить’; *I feel bad about bothering him* ‘Мне неудобно, что я его побеспокоил’. Его можно эксплицировать следующим образом:

(125) ‘X думает, что Y, который он сделал или может сделать, нарушает удобство других людей Z или правила поведения принятые в обществе; X не хочет делать Y; если X сделал Y, он чувствует что-то неприятное’.

В целом, концептуальные карты ‘стыда’ в русском и английском достаточно похожи, особенно в центральной части, с некоторой степенью вариативности на периферии.

Раздел II, Глава 3. Эмоциональный этикет в русском и английском языках

Данная глава представляет собой сравнительное корпусное исследование прагматики эмотивной лексики в русском и английском языках на основе сравнения частотностей употребления эмотивных лексем в определенных диагностических конструкциях. Предметом сравнения является **языковой эмоциональный этикет** в русском и английском, т.е. отношение говорящих к вербальному выражению различных эмоций, отраженное в языковом узусе соответствующих эмотивных слов, например: уместно ли выразить *злобу*? Считается ли допустимым вербализовать *ревность*? Возможно ли открыто выразить *жалость*? Реконструкция и сравнение языковых этикетов позволяет сформулировать прагматически адекватные тенденции языкового поведения в области эмоций для каждого из исследуемых языков. В исследовании рассматриваются основные предположения относительно языковой картины эмоций в русском и английском языках, а также культурных скриптов, регулирующих их вербализацию, существующие в современной лингвистической литературе [Булыгина, Шмелев 1997: 481-495; Левонтина, Анна Зализняк 2001: 306-309; Шмелев 2002б: 300, 404-410; Анна Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Wierzbicka 2002, 2006]. В главе рассматриваются двенадцать эмоциональных кластеров, которые ранжируются по степени прагматической приемлемости. В качестве главного критерия прагматической приемлемости эмоции (и, соответственно, ее оценки в языковом эмоциональном этикете) принимается частотность ее корпусного языкового выражения в определенных диагностических конструкциях, которые обсуждаются ниже, в разделе **II.3.1.3**. Особенности узуса в тестовых конструкциях отражают степень комфортности вербального выражения той или иной эмоции для говорящих. Таким образом, прагматическая приемлемость эмоции, или ее оценка в языковом этикете, является чисто лингвистическим параметром, хотя и связанным с онтологическими свойствами эмоции (положительность vs. отрицательность, этичность vs. неэтичность), но не обусловленным ими.

II.3.1. Методы межъязыкового исследования эмоционального этикета

II.3.1.1. Трудности межъязыкового сравнения эмоций

Межъязыковое сравнение лексических и грамматических единиц сталкивается с естественными трудностями, вызванными частым отсутствием прямых корреляций между словарями и грамматиками разных языков. Как неоднократно отмечается в работах А.Вежбицкой, эмоциональный лексикон представляет собой особую трудность для межъязыкового сравнения в силу многочисленных концептуальных различий между словарными переводными эквивалентами.

Измерение прагматической приемлемости эмоции также представляет собой непростую задачу, поскольку этот лингвистический параметр устроен существенно сложнее, чем простая частотность того или иного эмотивного концепта в языке. Для преодоления этих трудностей в исследовании используются следующие методологические инструменты:

1. системное сравнение по эмоциональным кластерам в противоположность сравнению по отдельным словам, дающее возможность преодолеть семантические несовпадения между отдельными языковыми единицами;
2. частотный корпусный анализ, применяемый к особым тестовым конструкциям.

Важная проблема, с которой сталкивается исследование частотности употреблений различных эмоциональных концептов, даже в специальных тестовых конструкциях, - это полисемия эмотивных слов. Иногда разные значения легко разграничиваются при помощи разных конструкций; ср. английское прилагательное *sorry*, которое в значении эмоции 'ЖАЛОСТЬ' управляет предложно-именной группой с *for* (*I am sorry for Mary* 'Мне жаль Мэри'), а в значении эмоции 'СОЖАЛЕНИЕ' – *что*-предложением (*I am sorry that we had to leave so early* 'Мне жаль, что нам пришлось так рано уехать'). Однако на русском материале (наречия *жаль* и *жалко*) линейные структуры реализаций этих двух значений могут в определенном степени совпадать; ср.:

- (1) *Мне было жаль <жалко> тебя* ['ЖАЛОСТЬ'].
- (2) *Мне было жаль <жалко> тебя будить* ['СОЖАЛЕНИЕ'].

Очевидно, что примеры типа (б) должны быть исключены из рассмотрения при подсчете вхождений наречий *жалко* и *жаль* в рамках кластера 'ЖАЛОСТЬ'. Таким образом, корпусный анализ частотности в тестовых конструкциях может требовать дальнейшего устранения неоднозначности.

II.3.1.2. Кластерное сравнение

Как отмечается в первой и второй главах данного раздела, в языке каждая эмоция может быть представлена эмоциональным кластером (в особенности это касается базовых эмоций) – набором частеречно разнородных эмотивных слов и выражений, отражающим целый спектр подтипов эмоции внутри большего эмоционального типа (например, *злиться, сердиться, негодовать, гнев, раздражение* и пр. как подтипы ‘ГНЕВА’). Эмоциональные кластеры задаются при помощи прототипического сценария, применимого ко всем подтипам эмоции¹⁸⁴; ср., например, прототипический сценарий для кластера ‘ГРУСТЬ’:

(3) ‘Произошло что-то плохое; X не может ничего сделать; X чувствует что-то плохое’.

Сценарий, как правило, состоит из нескольких основных компонентов – причина, желание, чувство. Причина чувства – основной семантический компонент, противопоставляющий разные эмоциональные кластеры: ‘РАДОСТЬ’ и ‘ГРУСТЬ’ противопоставляются по признаку оценки события (положительная vs. отрицательная), ‘ГОРДОСТЬ’ и ‘СТЫД’ – по признаку оценки поступка экспериенцера (хороший vs. плохой), ‘СТРАХ’ и ‘ГРУСТЬ’ – по признаку фактивности (‘ГРУСТЬ’) или гипотетичности (‘СТРАХ’). Как мы видим, семантическое поле эмоций в целом структурируется теми же системообразующими смыслами, что и поле уступительности: оценка, фактивность vs. гипотетичность, желание.

В целом, причина чувства в высокой степени определяет его характер: хорошие события вызывают приятные чувства, и наоборот. Исключение представляет собой *злорадство* – это приятное чувство по поводу плохого события, произошедшего с кем-то другим, и *зависть* – неприятное чувство по поводу того, что у кого-то другого есть что-то хорошее, чего нет у экспериенцера.

Кластеры и отдельные подтипы эмоций в них могут противопоставляться не только по причине чувства, но и по другим ключевым семантическим компонентам сценариев – характеру чувства и желаниям, вызванным чувством. Так, *злорадство* и ‘ЖАЛОСТЬ’ вызываются одинаковой причиной – тем, что с кем-то произошло что-то плохое, – однако различаются характером эмоционального ответа – в случае *злорадства* экспериенцер испытывает приятное чувство по этому поводу, в случае ‘ЖАЛОСТИ’ –

---

¹⁸⁴ Метод описания эмоций посредством прототипических сценариев был изначально введен в работах Л.Н. Иорданской и А. Вежбицкой [Иорданская 1971; Иорданская 1984; Wierzbicka 1990, 1992, 1999a].

неприятное. 'ГНЕВ' и 'ОБИДА' противопоставлены по характеру чувства и желания – оба типа эмоций могут вызываться тем, что кто-то сделал нечто плохое экспериенцеру, однако 'ГНЕВ' предполагает более агрессивный ответ и желание причинить вред объекту, в то время как 'ОБИДА' носит более пассивный характер.

Внутри кластеров подтипы эмоции также во многом различаются, как отмечается в первой и второй главах, по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами: степень, оценка, фактивность vs. гипотетичность, желание, контроль. Так, *ужас* и *страх* противопоставлены по системообразующему смыслу степени (*ужас* указывает на высокую степень чувства), *паника* и *страх* – по смыслам степени и контроля (*паника* подразумевает высокую степень чувства и отсутствие контроля); *трусить* и *бояться* по смыслу оценки (*трусить* оценивается негативно); *пугаться* и *опасаться* по смыслу фактивности vs. гипотетичности (*пугаться* – эмоциональный ответ на нечто уже произошедшее, *опасаться* – на некоторые предположения экспериенцера); *злоба* и *возмущение* – по смыслу желания (*злоба* предполагает желание нанести вред объекту эмоции, *возмущение* – выразить чувство вербально, а также изменить ситуацию). Многие из системообразующих смыслов связаны между собой, как это отмечалось в первом разделе на примере смыслов контроль, желание и гипотетичность для поля уступительности. В частности, связаны смыслы степени и контроля: неконтролируемыми бывают только интенсивные чувства. Также связаны смыслы контроля и отрицательной этической оценки: отрицательно оцениваются только контролируемые поведения (*трусить*, но не *паника*, *кичиться*, но не *гордиться*). В этой связи, среди прочего, состоит теоретическое отличие системообразующих смыслов от семантических признаков компонентного анализа. Кроме того, в отличие от признаков, смыслы не всегда задают бинарные оппозиции; ср. разные степени интенсивности у эмоций *недовольство* vs. *гнев* vs. *ярость*, *довольство* vs. *радость* vs. *счастье*.

Помимо системообразующих смыслов, языковые средства, обозначающие разные подтипы эмоций, различаются по более локальным семантическим компонентам, таким как специфические причины эмоций (страдание как причина *сострадания*), объект эмоции (лицо с более высоким социальным статусом для *трепетать*, *дрожать*), длительность и глубина эмоции (*горе* более глубоко и длительно, чем *огорчение*), физические симптомы и поведенческие проявления эмоции (от *ужаса* часто *бледнеют* и

холодеют, ярость и бешенство предполагают физическую агрессию, а *возмущение* – вербальные проявления).

Кластерный анализ эмоций, в отличие от анализа отдельных выражений, позволяет провести более сбалансированное межъязыковое сравнение; ср. примеры анализа кластеров ‘ГНЕВ’ и ‘ЖАЛОСТЬ’ в разделе **II.1.3.**, **II.2.2.** и **II.2.6.**, корректирующие чрезмерно контрастное изображение различий в концептуализации этих эмоций в русском и английском языках.

Приведем еще один краткий пример преимуществ кластерного анализа для сравнения концептуализации эмоций в разных языках. В работе [Wierzbicka 1999a: 238-243] подробно анализируется японский эмоциональный концепт *amae*, который автор считает уникальным для японской культуры, прототипически описывающий чувства ребенка по отношению к родителям (“sweet dependency”, “helplessness and desire to be loved”). В терминах семантических примитивов описание выглядит следующим образом [Wierzbicka 1999a: 239] (перевод наш):

amae

- (a) X думает что-то такое;
- (b) когда Y думает обо мне, Y чувствует что-то хорошее;
- (c) Y хочет делать для меня что-то хорошее;
- (d) Y может делать для меня что-то хорошее;
- (e) Когда Y рядом со мной, со мной не может произойти ничего плохого;
- (f) поэтому я ничего не должен делать;
- (g) я хочу быть рядом с Y-ом;
- (h) поэтому X чувствует что-то хорошее

В применении к романтическим отношениям, отмечает Вежбицка, этот концепт обычно описывает чувства женщины по отношению к мужчине. На первый взгляд в английском языке действительно нет аналогичного или хотя бы отдаленно похожего концепта, и данное японское слово не имеет однословных переводов в словарях. Ориентируясь на пословное сравнение и поиск переводных эквивалентов, необходимо признать этот концепт уникальным. Однако поиск в пределах целого кластера дает другой результат: в английском действительно нет полностью аналогичного концепта, однако есть весьма похожий: *to mother*. В основном значении этот глагол значит ‘рождать, быть матерью’, а в переносном – ‘любить и заботиться о ком-то как мать’. Как

и *amae, to mother* может описывать отношения между романтическими партнерами – однако, естественно, отношение женщины к мужчине; ср.

(4) *Many men like to be mothered by their wives*

‘Многим мужчинам нравится, чтобы жены относились к ним по-матерински’.

(5) *He hates being mothered*

‘Он терпеть не может, когда с ним носятся, как с ребенком’.

Таким образом, в английском языке присутствует очень близкий и в то же время в каком-то смысле конверсивный японскому эмоциональный концепт: он описывает отношение «сверху вниз», а не «снизу вверх» (как *amae*), и со стороны мужчины, а не со стороны женщины.

Как отмечается во второй главе на примере восьми эмоциональных кластеров, их устройство в русском и английском языках обнаруживает высокую степень параллелизма. В данной главе исследуются двенадцать кластеров эмоций, и гипотеза о высокой степени параллелизма в их устройстве (в первую очередь, в подтипах эмоций, выделяемых внутри кластеров) подтверждается. Полный список кластеров, выражений, входящих в них, подтипов эмоций, а также прототипических сценариев для каждого кластера и для каждого подтипа эмоции внутри кластера (в форме толкований) приводится в таблице 1 в конце данного раздела. Прототипические сценарии определяются на основании корпусного исследования входящих в подтип языковых выражений и выявления их общего семантического ядра¹⁸⁵.

В этом смысле толкования¹⁸⁶ не относятся ни к одному из конкретных языковых выражений, а задают некоторое общее семантическое поле, подтип эмоции. В этом смысле они трактуются как синонимы, хотя и относятся к разным языкам. Для целей данного исследования важным является именно выявление совпадающих или несовпадающих типов и подтипов эмоций, а не семантические особенности каждого из входящих в них выражений. Многие из упоминающихся в данном исследовании

---

¹⁸⁵ Так, например, русское *быть благодарным* и английское *to be grateful* (нейтральный тип ‘благодарности’) объединяют семантические компоненты ‘Z не обязан делать хороший Y, который он сделал’ и ‘X чувствует что-то хорошее по отношению к Z-у’, а русское *быть признательный* и английское *to appreciate* (рациональный тип ‘благодарности’) – указание на то, что X ожидает от Z-а, что он сделает Y и в результате думает о Z-е что-то хорошее. Эти семантические факты устанавливаются, среди прочего, на том основании, что для слов *благодарный, благодарность, grateful, gratefulness* характерна сочетаемость с обозначениями других теплых чувств (*любовь и благодарность*), а для слов *признательный и appreciate* – сочетаемость с будущим временем для выражения просьбы (*буду признателен, если...*).

¹⁸⁶ Некоторые толкования подтипов эмоций незначительно отличаются от выделенных во второй главе второго раздела, т.к. близкие подтипы эмоций были объединены в один.

эмотивных выражений были блестяще описаны в лингвистической литературе. В первую очередь это касается языковых единиц, обозначающих «культурно-специфичные» русские эмоции – *тоску* [Wierzbicka 1990], *обиду* [Зализняк Анна А. 2006:273-280, 2014: 242-245], *неловко*, *неудобно*, *счастье*, *жалость* [Зализняк Анна А. 2006:107, 261-266, 285-288, Зализняк Анна А. 2014: 250-256], [Wierzbicka 1992:169, Левонтина 2005:271-278] и некоторые другие. Для целей данного исследования важно, что эмоциональный тип беспричинной грусти, представленный *тоской*, не уникален для русского языка (ср. английское *blues*), хотя само слово *тоска*, безусловно, выражает уникальную конфигурацию смыслов и непереводаемо, во всяком случае, на английский язык. При этом тип эмоции, представленный выражениями *неловко*, *неудобно* (разновидность конвенционального стыда), в английском языке не представлен. Одним из важных результатов данного исследования является установление межъязыковых соответствий между подтипами эмоций, причем обнаруживается, что большинство подтипов, несмотря на естественные и неизбежные различия между индивидуальными лексемами, совпадает.

Межъязыковые соответствия также обнаруживаются в общих принципах устройства кластеров. Из таблицы 1 видно, что большинство кластеров организовано вокруг нейтрального эмоционального подтипа, а другие подтипы различаются по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами ‘степень’, ‘оценка’, ‘желание’, ‘контроль’, а также некоторыми другими, более частными, семантическими компонентами (поведение, речевое проявление, статус). Еще один универсальный принцип устройства кластеров касается этической оценки: большая часть кластеров содержит негативно оцениваемый подтип эмоции, причем отрицательная оценка мотивирована мнением говорящего, что в данной ситуации эмоция или ее конкретные проявления чрезмерны, неуместны или не мотивированы; ср. ‘неэтичный страх’ (*трусить*, *to chicken out*, *to poop out*); ‘неэтичный гнев’ (*злоба*, *venom*, *rancor*, *spite*); ‘чрезмерная грусть’ (*уныние*, *отчаяние*, *despondent*, *disheartened*, *despair*); ‘неэтичная радость’ (*злорадство*, *gloating*); ‘чрезмерный стыд’ (*застенчивость*, *self-conscious*, *shy*, *inhibited*); ‘чрезмерная гордость’ (*кичиться*, *to give oneself airs*, *to stick one's nose up in the air*).

Различия между кластерами, как отмечалось во второй главе, касаются в первую очередь не выделяемых в языке подтипов эмоций, а их частотного распределения.

Каждый подтип выражается одним или более языковым выражением; общая частотность этих выражений составляет «удельный вес» соответствующего подтипа эмоции внутри кластера. В таблице 2 в конце данного подраздела приводится «удельный вес» каждого подтипа эмоции внутри каждого кластера. В кластере 'ГНЕВ' обнаруживается одно из наиболее ярких количественных различий между двумя языками. Концептуально, русский и английский языки выделяют практически одни и те же подтипы 'ГНЕВА': в обоих языках выделяется «нейтральный гнев» (*angry, сердиться*), «оправданный гнев» (*негодование, возмущение, indignation, wrath*), «сильный неконтролируемый гнев с агрессивными проявлениями» (*ярость, бешенство, fury, rage*), «гнев от не очень серьезного, но неприятного и повторяющегося стимула» (*раздражение, irritation, annoyance*), «неэтичный гнев» (*rancor, spite, venom, злоба, злость*). При этом, если в английском наибольшим «удельным весом» обладает подтип «нейтральный гнев» (40 % от всех употреблений выражений в данном кластере), а также «сильный неконтролируемый гнев с агрессивными проявлениями» (25 %) то русскоговорящие чаще упоминают «оправданный гнев» (больше 30 %) или «гнев от не очень серьезного, но неприятного и повторяющегося стимула» (30 %). Другие типы 'ГНЕВА' в обоих языках представлены значительно более редко.

Другим примером сильного количественного различия может служить кластер 'ГРУСТЬ', где в английском языке наибольшим «удельным весом» обладает подтип «нейтральная грусть» (45 %), а в русском – «длительная глубокая грусть, вызванная серьезной потерей» (50 %). Различия обнаруживаются и в кластере 'РАДОСТЬ': для русскоговорящих более свойственно упоминать «умеренную рациональную радость» (более 40 %), для англоговорящих – «сильную радость» (более 35 %).

С другой стороны, количественное распределение в кластере 'СТЫД' обнаруживает высокую степень параллелизма между двумя языками. И в русском, и в английском языках «социальный стыд» (примерно 40 %) доминирует над «нейтральным» и «этическим».

В кластерах 'ЖАЛОСТЬ', 'СТРАХ', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'БЛАГОДАРНОСТЬ' и 'ПРЕЗРЕНИЕ' в обоих языках доминируют нейтральные подтипы эмоций (от 50 % до 90 % в разных кластерах), см. таблицу 2.

Интересно, что картина частотной реализации разных подтипов эмоций внутри кластера напоминает распределение частотностей в реализации нестандартных

конструкций с разными лексемами, описанное в четвертой главе первого раздела: наблюдается сильное количественное доминирование одного или двух эмоциональных подтипов при существенно более низкой частотности всех прочих подтипов, подобно тому, как в у конструкций наблюдается сильное количественное доминирование одной или двух лексем-фаворитов по сравнению с другими возможными лексемами-заполнителями. При этом сами подтипы почти полностью совпадают. По-видимому, подобной картины можно ожидать и при изучении синонимических рядов: можно ожидать, что доминанта ряда будет сильно опережать по частотности употребления прочие синонимы. Таким образом, по-видимому, мы имеем дело с некоторой фундаментальной тенденцией семантико-прагматического устройства языка: среди многих семантически возможных вариантов реализации прагматически доминирующим является один (иногда два, максимум несколько). Подобно тому, как отдельные лексемы образуют коллокации, т.е. имеют контексты-«фавориты», так и конструкции, и синонимические ряды, и семантические поля имеют частотно предпочтительные варианты реализации.

Эти частотные различия нередко отражают прагматические особенности языка; в целом, в области семантики межъязыковая вариативность меньше, чем в области прагматики. В данном исследовании это иллюстрируется на примерах семантического поля эмотивных выражений во втором разделе и на примере темпоральной синтаксической фраземы *X в X* и ее английского аналога *to the X* во второй главе третьего раздела, где показывается, что при практически одинаковой семантике русского и английского выражений, прагматически обусловленное распределение их интерпретаций сильно различается.

Однако иногда частотные распределения отражают именно семантические законы языка: во-первых, выбор реализаций-«фаворитов» диктуется правилами семантического согласования (см. об этом четвертую главу первого раздела), во-вторых, может наблюдаться действие других тенденций. В частности, частотное доминирование нейтрального типа эмоции во многих эмоциональных кластерах в русском и английском языках можно объяснить той же тенденцией, согласно которой частотно превалирует доминанта синонимического ряда: семантически менее осложненная единица применима к большему числу контекстов.

II.3.1.3. Тестовые конструкции

Для реконструкции языкового эмоционального этикета русского и английского языков в исследовании используются корпусные методы. Это диктуется самой природой прагматического исследования, для которого методы лингвистического эксперимента, традиционно применяемые в семантике и синтаксисе, оказываются недостаточными. Необходимость корпусного исследования прагматики мотивируется также в четвертой главе первого раздела на материале уступительных конструкций, однако в данном подразделе приводятся некоторые дополнительные аргументы.

Рассмотрим фразы типа *Я трушу*, которые, осознаются как менее обычные, чем, скажем, фразы типа *Я боюсь* или *Мне страшно*, однако явно не являются неправильными и встречаются в узусе. Ориентируясь только на лингвистический эксперимент и диктуемый им формат правильности/неправильности фразы, провести между ними границу невозможно, поскольку все фразы являются правильными и возможными. В то же время частотное исследование узуса в Основном корпусе НКРЯ немедленно подтверждает различие между этими двумя типами фраз: в то время как употребление глагола *трусить* в форме 1 лица настоящего времени составляет примерно десять процентов от всех употреблений этого глагола в настоящем времени (66 от 618), употребление *Я боюсь* составляет около четверти (8298 от 34832), а *Мне страшно* – более трети от всех употреблений *страшно* с дативом (829 от 2345). Это различие прагматически мотивировано: глагол *трусить* содержит отрицательную этическую оценку, а *бояться* и *страшно* такой оценки не содержат. Оценка говорящего, особенно отрицательная, как правило, бывает направлена не на него самого, а на какое-то другое лицо, поэтому частотность употребления отрицательно оцениваемых языковых единиц в первом лице или применительно к говорящему обычно ниже, чем частотность их употреблений в других грамматических лицах или применительно к другим людям. Ср., например, частотность фразы *Я негодяй* в Основном корпусе НКРЯ (57) сравнительно с фразами *Ты негодяй* (77) и *Он негодяй* (113). Из данного наблюдения можно сделать вывод о том, что не эмоции, названия которых ограничены в употреблении в первом лице или применительно к говорящему, расположены ниже на шкале прагматической приемлемости, чем эмоции, названия которых не имеют подобного рода ограничений. Иными словами, употребление в первом лице является индикатором прагматической приемлемости эмоции и позволяет выстроить шкалу

эмоционального этикета на основе того, какие эмоции говорящие считают приличным обнаруживать открыто, а какие предпочитают скрывать.

Таким образом, данное корпусное исследование основывается на исследовании употреблений выражений, обозначающих эмоции, применительно к говорящим. Ограничения на употребление в первом лице служат особенно красноречивым индикатором прагматической неприемлемости именно для эмотивных выражений, потому что в целом для этого семантического поля употребление в первом лице как раз очень характерно, т.к. эмоции – это внутренние состояния, и человеку более свойственно замечать их наличие у себя, чем у других людей, особенно если они лишены ярких физических или поведенческих проявлений.

При этом, хотя языковые средства выражения эмоций от лица говорящего весьма разнообразны, не все из них, как кажется, могут служить критерием определения приемлемости эмоции с точки зрения языка в качестве тестовых конструкций. Среди этих языковых средств можно выделить как минимум четыре подтипа:

1. клишированные, закрепленные за конкретным кустом эмоций способы выражения – эмоциональные междометия (*ах, ах ты, ух ты, ого* для ‘удивления’, *фу* для ‘отвращения’ и пр.; подробно см. [Шаронов 2008]); они могут сохранять связь с вокализацией эмоции и ассоциироваться с определенным выражением лица (например, произнесение *фу* может сопровождаться сморщиванием носа);

2. свободные, контекстуально мотивированные способы выражения – например, прямая речь, вводимая глаголом со значением эмоции («*Да иди ты*», – *разозлился он*; «*Что ж ты раньше молчал?*», – *удивилась она* и пр.);

3. специальные слова, закрепленные за тем или иным кустом эмоций, некоторые из которых сближаются с междометиями (*бедненький* для ‘жалости’, *гадость* для ‘отвращения’, *потрясающе* для ‘восторга’);

4. устойчивые конструкции, в которых эмоция называется прямо, и употребление в которых в разной степени свойственно разным эмоциональным словам (*Мне грустно, Я грущу; Я хочу выразить свою благодарность, Я благодарна* и пр.).

В диссертационном исследовании в качестве тестовых конструкций выбраны выражения, относящиеся к четвертому подтипу, по следующим соображениям: языковые средства первых трех групп не обладают достаточной различительной силой, поскольку идентифицируют лишь «куст» эмоций, не различая оттенков эмоций внутри

него, а иногда не различают даже разные кусты эмоций: *ах* выражает и *удивление*, и *изумление*, *фу* – и *отвращение*, и *гадливость*, и *брезгливость*, и *досаду*; *ой* – и *испуг*, и *удивление* и т.д. Единственным исключением являются высоко лексикализованные междометия *спасибо* и *благодарю* (*Thank you, Thanks*), однозначно выражающие *благодарность* и являющиеся основным языковым средством ее выражения. Они единственные включаются в число тестовых конструкций.

При этом языковые средства второго типа вообще не закреплены за конкретным типом эмоции и практически не ограничены: например, фраза «*Что ж ты раньше молчал*» может вводить самые разные эмоции и, соответственно, может быть продолжена как – *удивилась она*, – *обиделась она*, – *испугалась она* и пр.

Напротив, устойчивые «эмоциональные» конструкции позволяют проанализировать употребление всех слов со значением эмоции внутри каждого куста эмоций. Они не закреплены за каким-то конкретным эмоциональным кустом, но пронизывают собой все пространство эмоций, предоставляя собой, таким образом, относительно объективный и универсальный инструмент анализа эмоциональных выражений.

В исследовании рассматриваются три основных типа конструкций, которые могут заполняться словами со значением эмоций в русском языке:

I. «Декларативная» конструкция вида *Я хочу выразить свой X* и *I want to express my X*, где X – существительное со значением эмоции (*Я хочу выразить свою благодарность, I would like to express my gratitude*);

II. Экспериментальная конструкция вида *Я X-уюсь, Я X-ую* (*Я сержусь, Я грущу*) или *Мне X-ово, Я X* (*Мне грустно, Я рад*), *Я испытываю X* и *I am X-ing, I am/feel/get X*, где X – глагол, существительное или прилагательное со значением эмоции;

III. Каузативная конструкция вида *Меня это X-ует* (*Меня это злит*), *Это вызывает у меня X* и *It X-s me, It causes X in me, It makes me X*, где X – глагол, существительное или прилагательное со значением эмоции.

Эти конструкции выбраны по следующей причине: семантически и грамматически они наиболее универсальны в том смысле, что в них могут использоваться все эмотивные слова – семантических или синтаксических запретов на их употребление в этих конструкциях нет. Таким образом, низкая частотность того или иного обозначения

эмоции в одной из этих конструкций указывает именно на прагматические ограничения, прагматическую неприемлемость данного словоупотребления.

Многочисленные прочие конструкции, инкорпорирующие слова со значением эмоций типа *быть в X-е* (*Я в восторге*), *быть охваченным X-ом* (*Охваченные паникой люди бросились на улицу*), *с X-а* (*Он запил с тоски*); *в X-е* (*Она в гневе бросила трубку*); *из X-а* (*Она вышла за него замуж из жалости*) и их английские аналоги не рассматриваются, т.к. они содержат дополнительные семантические компоненты, которые ограничивают их лексическое заполнение. Так, первые две конструкции содержат указание на то, что чувство очень сильное и его невозможно контролировать, отчего невозможно заполнение валентности X обозначениями не сильных контролируемых эмоций (ср. невозможность **быть в огорчении*, **быть охваченным удовлетворением*). Три последних конструкции содержат семантический компонент ‘эмоция X – причина некоторого действия’, причем конструкции *с X-а* и *в X-е* указывают на сильные эмоции, что также накладывает семантические ограничения на лексическую реализацию – валентность X заполняется названиями эмоций, которые имеют какие-то явные проявления, ср. невозможность **с огорчения*, **в стыде*, **из нежности*. Аналогичные английские конструкции имеют схожие ограничения: ср. возможность *Mary was in panic* (‘Мэри была в панике’), *John was in shock* (‘Джон был в шоке’), но не **Mary was in fear* (‘Мэри была в страхе’), **John was in surprise* (‘Джон был в удивлении’).

Мы также не включаем в число рассматриваемых конструкций конструкцию с глаголом *скрывать* с названием эмоции в качестве прямого дополнения; ср. *Иришка не могла скрыть досаду, томилась, скучала, вредничала и задиралась* (А. Варламов); *Глеб пытался скрыть печаль и надеялся, что всё образуется само собой* (А. Варламов). Хотя употребление с глаголом *скрывать* может быть информативно относительно того, какие эмоции считается неправильным открыто проявлять в данных языковых условиях, однако оно чересчур контекстуально обусловлено для того, чтобы были возможны широкие обобщения. Индивидуальное тестирование каждого существительного со значением эмоции в этой конструкции дает неожиданные результаты.

Например, вполне естественно было бы предположить, что язык «считает нужным» скрывать отрицательные эмоции. Однако некоторые отрицательные эмоции люди не пытаются *скрыть*, по крайней мере далеко не все названия

отрицательных эмоций употребительны в конструкции с глаголом *скрывать*; ср. естественность *Она пыталась скрыть смущение* VS. странность ??*Он пытался скрыть раскаяние*.

Более того, часто скрываются положительные эмоции; ср. *Главный тренер россиян Сергей Белов после матча традиционно являл собой человека, натужно пытающегося скрыть удовлетворение от победы за маской суровой строгости* (Е. Чежегов); *Она не могла скрыть свою радость <свой восторг>*.

Можно предположить, что в русском эмоциональном этикете действует максима скромности (ср. *modesty maxim* [Leech 1983]), предписывающая скрывать положительные эмоции по собственному поводу, а также любые положительные эмоции в присутствии человека, который испытывает отрицательные эмоции (например, *радость* в присутствии человека, у которого *горе*).

Однако, во-первых, эти представления о контекстах приемлемости той или иной эмоции в тех или иных обстоятельствах мотивируются внеязыковыми ограничениями, и, таким образом, выходят за рамки языкового исследования и требуют других методов для своего изучения.

Во-вторых, существуют некоторые положительные эмоции, которые не скрываются ни при каких обстоятельствах; ср. невозможность **Он скрыл свою благодарность*.

Можно далее предположить, что *благодарность*, как положительная эмоция с явным адресатом (который одновременно является объектом эмоции), требует обязательной манифестации. Тогда естественно ожидать, что и другие «адресные» положительные эмоции будут обязательно выражаться; ср., например, эмоции *восторг* и *восхищение*, первая из которых не имеет обязательного объекта-адресата и, соответственно может скрываться, а вторая непременно обращена к кому-либо или на кого-либо и в силу этого не скрывается: *Она с трудом скрывала свой восторг* VS. странность ??*Она с трудом скрывала свое восхищение*.

Однако это обобщение также применимо не ко всем случаям положительных эмоций: так, *жалость*, эмоция, положительная по отношению к объекту-адресату, может скрываться, в то время как для близких ей эмоций *сочувствие* и *сострадание* это нехарактерно: *с плохо скрываемой жалостью* VS. **с плохо скрываемым сочувствием*, ??*с плохо скрываемым состраданием*. Здесь, по-видимому, вступает в силу

соображение о том, что *жалость* может показаться объекту-адресату унижительной, в то время как для *сочувствия* и *сострадания* это нехарактерно.

Таким образом, хотя сочетаемость названий эмоций с глаголом *скрывать* интересна и информативна, и может использоваться в качестве дополнительного теста, однако этот тест показывает нечто немного другое, нежели те тест-конструкции, которые используются в качестве основного инструмента в данном исследовании. А именно, сочетаемость с глаголом *скрывать* демонстрирует отчасти внеязыковые, отчасти обусловленные конкретной ситуацией представления о степени приемлемости проявления эмоции, а не об общей степени ее приемлемости в языке.

Что касается предложенных тест-конструкций, то мы рассматриваем только те случаи употребления названий эмоций в данных конструкциях, где они появляются в сочетании с первым лицом единственного числа (т.е. где говорящий совпадает с экспериенцером), поскольку прагматически возможность употребления в первом лице является намного более красноречивым свидетельством приемлемости эмоции, чем употребление в других лицах: если человек «признается» в том, что он сам испытывает эмоцию, то это важное свидетельство того, что он считает эту эмоцию допустимой. Ср., например, бóльшую степень прагматической приемлемости фразы *Она очень раздражена* по сравнению с фразой *Я очень раздражена*.

Потенциальное возражение против выбора данных трех конструкций в качестве тестовых может состоять в том, что они регистрово разнородны: первая конструкция стилистически маркирована как официальная – она могла бы использоваться для официальных заявлений и деклараций – в то время как остальные нейтральны или разговорны. Однако стилистическая разнородность может представлять собой преимущество, поскольку предполагает изучение эмоционального языкового этикета в различных языковых ситуациях. Кроме того, хотя очевидно, что первая конструкция существенно менее частотна, чем две другие, сочетаемость с ней очень информативна: если эмотивная лексема может в ней появляться, это указывает на очень высокую степень прагматической приемлемости эмоции, поскольку экспериенцер не просто признает наличие эмоции, а открыто и во всеуслышание о ней заявляет. Вторая конструкция – наиболее нейтральный способ вербализации эмоции, в то время как третья, каузативная, конструкция предпочтительна для эмоций, наличие которых экспериенцер считает предосудительным: используя каузатив, она как бы

перекалывает ответственность за наличие эмоции на обстоятельства или объект (ср. *Он меня злит vs. Я злюсь на него*).

Второе возражение могло бы касаться потенциальной синтаксической неоднозначности конструкций для корпусного исследования. Поскольку в русском языке, особенно в разговорной речи, субъектное местоимение может опускаться, можно ожидать, что отсутствие субъектного местоимения первого лица может повлиять на статистику, при условии, что поиск задается на сочетание местоимения первого лица с разными типами конструкций. Фразы типа *Грустно*, которые могут относиться к первому лицу, не будут найдены в ответ на подобный запрос.

Однако в реальности фразы с опущенным местоимением практически всегда интерпретируются однозначно: если поиск производится в экспериенциальной конструкции по глаголам настоящего времени, лицо задается формой глагола (*Боюсь*).

Если поиск производится по эмоциональным каузативам, то опущения местоимения не происходит – экспериенцер, выраженный местоимением в винительном падеже (*Меня это злит*), не опускается.

Два типа конструкций, где субъектное местоимение может опускаться, а форма эмотивной лексемы не дает информации о лице опущенного местоимения – это конструкции с глаголами прошедшего времени (*Я радовался*) и конструкции с кратким прилагательным (*Я рад, Мне грустно*). Однако на самом деле субъектное местоимение опускается только тогда, когда оно первого лица: фразы типа *Грустил, Грустно, Рад* используются в случаях, когда экспериенцер совпадает с говорящим. Таким образом, одиночные глаголы прошедшего времени и особенно краткие прилагательные не могут быть восприняты как описывающие чувства собеседника или третьего лица. Следовательно, правильно заданный поиск уничтожает потенциальную неоднозначность: поскольку в тестовых конструкциях опускается только местоимение первого лица, то общее число вхождений конструкций, где говорящий совпадает с экспериенцером, определяется следующим образом: из общего числа всех вхождений конструкции вычитаются реализации с местоимениями второго и третьего лица, а также с экспериенцером, выраженным существительным (т.е. заведомо не совпадающим с говорящим).

Вообще, исследования эмотивных слов в дискурсе, в том числе корпусные, постепенно становятся популярными; ср., например, работы из сборника 2014 года “Les

Emotions dans le Discours”, в который входят, в том числе, статьи по корпусным методам анализа сочетаемости эмотивных слов; ср. в особенности корпусные исследования эмоций гнева, стыда и страха в работах [Baider, Constantinou 2014; Krawczak 2014; Pierens 2014]. Однако, во-первых, работы, представленные в данном сборнике, ограничены исследованием одного-двух эмотивных слов из одного, максимум двух, эмоциональных кластеров, в то время как в диссертационном исследовании анализируется поведение около трех сотен слов из двенадцати кластеров, покрывающих большую часть концептуального пространства эмоций, что дает возможность широкого системного межъязыкового сравнения. Во-вторых, сочетаемость, анализируемая в перечисленных работах, не дает представления о прагматике и этикете; отбор конструкций для сочетаемостного анализа в большей степени ориентирован на семантический анализ, даже когда целью исследования является прагматика. Даже подход, предложенный в работе [Pierens 2014], где речь идет о диахронической сочетаемости слов *colère* и *peur* с предикатами типа *contenir*, *retenir*, *cacher*, *réprimer*, указывающими на попытку сдержать или скрыть эмоцию, не дает возможности отделить семантические эффекты (например, силу эмоции или вызванное ею поведение) от прагматических (отношение к эмоции). Таким образом, проведенное диссертационное исследование является уникальным как по методологии, так и по охвату материала.

II.3.1.4. Параметры корпусного исследования

В исследовании используются данные двух корпусов – Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и Корпуса современного американского языка *Corpus of Contemporary American* (corpus.byu.edu). В НКРЯ поиск велся по Основному корпусу, который содержит примерно 250 млн вхождений и тексты от начала 19 века до настоящего времени. Корпус СОСА содержит 450 млн слов, с текстами от начала 1990-х годов до настоящего времени. Чтобы синхронизировать результаты, при поиске в НКРЯ временной период устанавливался от 1990 до настоящего времени, что ограничивает объем подкорпуса до 79 млн вхождений. Частотности представлены в *ipm* (*items per million*), т.е. дается не абсолютное число вхождений, а частота на миллион словоупотреблений.

Как было сказано выше, для данного исследования релевантны только частотные данные об употреблении эмотивных слов в определенных тестовых конструкциях, а не их абсолютная частота в языке. Частотность эмотивных слов в тестовых конструкциях измеряется двумя способами – абсолютно и относительно.

Абсолютная частотность измеряется в единицах на миллион и отражает употребление эмотивных слов в тестовых конструкциях относительно всего корпуса; этот параметр отражает то, что мы называем индексом «абсолютной прагматической приемлемости» эмоции. Например, в английском кластере 'JOY' ('РАДОСТЬ') рассматривается выраженная в единицах на миллион совокупная частотность заполнения трех тестовых конструкций следующими словами: *joy* 'радость', *joyful* 'радостный', *joyous* 'радостный'; *happy* 'счастливый', *happiness* 'счастье'; *glad* 'рад', *gladden* 'радовать'; *cheer* 'веселье', *cheerful* 'веселый', *to cheer* 'веселить'; *content* 'удовлетворение', *contentment* 'удовлетворение', *contented* 'удовлетворенный', *to content* 'удовлетворять'; *satisfied* 'удовлетворенный', *satisfaction* 'удовлетворение', *to satisfy* 'удовлетворять'; *pleased* 'довольный', *pleasure* 'удовольствие', *to please* 'доставлять удовольствие'; *delight* 'восторг', *to delight* 'вызывать восторг', *delighted* 'в восторге'; *excited* 'радостно возбужденный', *to excite* 'радостно возбуждать', *excitement* 'радостное возбуждение'; *glee* 'ликование', *gleeful* 'ликовать'; *gloating* 'злорадство', *to gloat* 'злорадствовать'. Каждое слово встречается в одной или более тестовых конструкциях: *I would like to express my happiness* 'Я хочу выразить свое счастье' (конструкция I); *I am <feel, get> happy* 'Я счастлив' (конструкция II); *It makes me happy* 'Это делает меня счастливым' (конструкция III). Для кластера 'JOY' эта совокупная частотность, т.е. индекс абсолютной прагматической приемлемости эмоции 'JOY' в английском языке составляет приблизительно 33 на миллион словоупотреблений.

Однако необходимо принять во внимание тот факт, что индекс абсолютной прагматической приемлемости – это некоторый синтетический параметр, косвенно отражающий также общую частотность употребления тех или иных эмотивных слов безотносительно их употребления в тестовых конструкциях. Иными словами, если слова кластера 'РАДОСТЬ' в целом чаще употребляются, чем слова кластера 'РЕВНОСТЬ', то и вероятность встретить их употребленными в тестовых конструкциях первого лица также выше. Таким образом, индекс абсолютной прагматической приемлемости отражает не только степень приемлемости эмоции, но и, непрямым образом, то,

насколько часто люди вообще говорят об этой эмоции и насколько разработано лексическое поле соответствующего эмоционального кластера. При этом нельзя утверждать, что индекс абсолютной прагматической приемлемости, т.е. частотность употребления тех или иных эмотивных слов в тестовых конструкциях первого лица полностью определяется общей частотностью их употребления в языке: как показывают данные общей частотности упоминания различных эмотивных слов в сравнении с данными их употребления в тестовых конструкциях, это достаточно независимые параметры.

Для того, чтобы отразить чисто прагматический аспект статистики частотности, вводится индекс относительной прагматической приемлемости эмоции. Относительная частотность измеряется в процентах и отражает употребление эмотивных слов в тестовых конструкциях относительно общего их употребления в корпусе (а не относительно всего корпуса)¹⁸⁷.

Например, общая частотность английского кластера 'JOY' во всех конструкциях составляет 323 ipm; его частотность в тестовых конструкциях первого лица, т.е. индекс абсолютной прагматической приемлемости составляет 33 ipm; таким образом, индекс относительной прагматической приемлемости составляет приблизительно 10 процентов (т.е. 10 процентов всех употреблений приходится на тестовые конструкции). Для сравнения, в кластере 'SADNESS' ('ГРУСТЬ') общая частотность во всех конструкциях составляет 148 ipm, индекс абсолютной прагматической приемлемости составляет 4 ipm, и, таким образом, индекс относительной прагматической приемлемости составляет примерно 2.7 %. Таким образом, хотя индексы абсолютной прагматической приемлемости у этих кластеров различаются более чем в восемь раз (ожидаемо, они выше у 'РАДОСТИ'), индексы относительной прагматической приемлемости различаются в 3.7 раза. В то же время общая частотность кластера 'JOY' лишь в два раза превышает общую частотность кластера 'SADNESS'. Эти данные можно интерпретировать следующим образом: англо-говорящие в целом *замечают* эмоции типа радости несколько чаще, чем эмоции типа грусти, однако они *выражают*

---

¹⁸⁷ В стремлении отразить взаимное «притяжение» лексемы и конструкции, а не абсолютную частотность той или иной реализации конструкции относительно всего корпуса, наш подход близок коллострукционному анализу [Gries, Stefanovitsch 2004]. Однако в отличие от коллострукционного подхода, в нашем исследовании рассматривается только частота заполнения эмотивными лексемами тех или иных тестовых конструкций относительно общего употребления этих эмотивных лексем во всех конструкциях (что приблизительно соответствует параметру *collexeme analysis*), и не проводятся другие виды статистического сравнения, принятые в этом подходе.

собственную радость вербально существенно чаще, чем они выражают собственную грусть.

Эмоциональные кластеры упорядочиваются иерархически в соответствии со своими индексами абсолютной и относительной прагматической приемлемости.

II.3.2. Результаты исследования эмоционального этикета в русском и английском языках

Хотя главной целью исследования является изучение языкового эмоционального этикета в американском английском и русском языках на основе анализа тестовых конструкций первого лица, определение общей частотности выражения различных эмоциональных кластеров в этих двух языках также представляет интерес для исследователя. В таблице 3 представлены общие частотности выражения 12 эмоциональных кластеров, рассматриваемых в данном разделе, в русском и английском языках. На основании анализа данной таблицы можно сделать некоторые важные выводы.

Таблица 3. Общая частотность эмоциональных кластеров (названия английских кластеров даны в переводе на русский язык, частотности – в ipm, items per million)

Эмоциональный кластер	Американский английский язык	Эмоциональный кластер	Русский язык
‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	437.9	‘РАДОСТЬ’	866.8
‘СТРАХ’	414.5	‘СТРАХ’	663.8
‘РАДОСТЬ’	341.3	‘ГРУСТЬ’	383.3
‘ГНЕВ’	171.4	‘ГНЕВ’	378.6
‘ГРУСТЬ’	148.4	‘СТЫД’	237.04
‘СТЫД’	120.4	‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	192.04
‘ГОРДОСТЬ’	80.7	‘ГОРДОСТЬ’	103.2
‘ЖАЛОСТЬ’	39.9	‘ЖАЛОСТЬ’	87.4

‘ОТВРАЩЕНИЕ’	38.9	‘ПРЕЗРЕНИЕ’	56.8
‘ПРЕЗРЕНИЕ’	20	‘ЗАВИСТЬ’	49.6
‘ЗАВИСТЬ’	16.4	‘ОТВРАЩЕНИЕ’	46.1
‘РЕВНОСТЬ’	7.8	‘РЕВНОСТЬ’	34.9

Основные выводы:

1. В обоих языках верхнюю часть иерархии занимают эмоции, обладающие высоким «экспрессивным потенциалом», т.е. «заметные» эмоции, которые обычно сопровождаются яркими физиологическими и/или поведенческими реакциями – это четыре так называемых «базовых» эмоции (‘СТРАХ’, ‘РАДОСТЬ’, ‘ГРУСТЬ’, ‘ГНЕВ’); наиболее конвенционализованная из эмоций – ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ и основная этическая эмоция – ‘СТЫД’¹⁸⁸.

2. Базовые эмоции ‘СТРАХ’ и ‘РАДОСТЬ’ по частотности упоминания находятся практически на вершине иерархии в обоих языках, что может быть обусловлено их важностью с точки зрения успешного выживания, которое основано на том, чтобы избегать плохого (‘СТРАХ’) и добиваться желательного (‘РАДОСТЬ’).

3. Пятая базовая эмоция, ‘ОТВРАЩЕНИЕ’, несмотря на наличие явных физиологических проявлений, расположена в обеих иерархиях достаточно низко, что может быть связано с тем, что в современном стерильном мире ее ценность для выживания в значительном степени утрачена; интересным образом, большая часть употреблений лексем этого кластера описывает не физическое ‘ОТВРАЩЕНИЕ’, а моральное, у которого нет специфических проявлений, и которое, следовательно, менее заметно наблюдателю.

4. В целом русскоговорящие чаще замечают эмоции и говорят о них, чем носители американского английского, что особенно заметно в кластерах ‘ГНЕВ’, ‘СТЫД’, ‘РАДОСТЬ’, ‘ГРУСТЬ’, ‘ЖАЛОСТЬ’, ‘ЗАВИСТЬ’, ‘ПРЕЗРЕНИЕ’ и ‘РЕВНОСТЬ’.

¹⁸⁸ Ср. данные в работе [Wierzbicka 1999b: 36], где эмоциональные концепты, приблизительно соответствующие концептам *afraid* ‘испуганный’, *ashamed* ‘испытывающий стыд’, *angry* ‘сердитый’ считаются кандидатами на межъязыковую универсальность.

5. ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ – единственная эмоция, которую носители американского английского отмечают чаще, чем русскоговорящие.

6. ‘ГНЕВ’ и ‘ГРУСТЬ’, хотя и обратно расположены в частотной иерархии в русском и английском, все-таки достаточно близки по степени выраженности в этих двух языках, что позволяет предположить, что активная и пассивная реакции на плохие события происходят (и отмечаются говорящими) примерно с одинаковой частотой.

II.3.2.1. Общие тенденции в эмоциональном этикете

Если общая частотность тех или иных эмоциональных кластеров в языке отражает в первую очередь такие факторы как экспрессивный потенциал соответствующих эмоций, а также их важность в эмоциональной жизни говорящих, частотность их употребления в тестовых конструкциях первого лица отражает результат взаимодействия этих факторов с максимумами эмоционального языкового этикета. Эмоциональный этикет может ограничить или запретить выражение некоторых эмоций, так же как и способствовать выражению каких-то других эмоций.

В таблице 4 отражены абсолютные прагматические индексы приемлемости эмоций, или их частотности в тестовых конструкциях, в русском и английском языках. Сравнение таблиц 3 и 4 позволяет сделать некоторые интересные наблюдения.

Таблица 4. Абсолютные частотности употреблений эмоциональных кластеров в тестовых конструкциях первого лица (индексы абсолютной прагматической приемлемости в ipm)

Эмоциональный кластер	Американский английский язык	Эмоциональный кластер	Русский язык
‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	322.437	‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	126.555
‘РАДОСТЬ’	24.411	‘РАДОСТЬ’	33.125
‘СТРАХ’	11.292	‘СТРАХ’	29.08

‘СТЫД’	6.196	‘СТЫД’	20.445
‘ГНЕВ’	6.059	‘ГНЕВ’	8.49
‘ГОРДОСТЬ’	4.981	‘ГОРДОСТЬ’	4.956
‘ГРУСТЬ’	3.841	‘ЖАЛОСТЬ’	4.905
‘ЖАЛОСТЬ’	3.826	‘ГРУСТЬ’	4.08
‘ОТВРАЩЕНИЕ’	1.998	‘ЗАВИСТЬ’	3.83
‘ЗАВИСТЬ’	1.246	‘ПРЕЗРЕНИЕ’	2.33
‘ПРЕЗРЕНИЕ’	0.406	‘ОТВРАЩЕНИЕ’	1.975
‘РЕВНОСТЬ’	0.053	‘РЕВНОСТЬ’	0.775

Как видно из сравнения таблиц 3 и 4, английский и русский языки достаточно сильно различаются в том, какие эмоции больше фиксируются говорящими: данные общей частотности эмоциональных кластеров дают весьма различную иерархизацию для этих двух языков. Однако иерархизация эмоциональных кластеров в русском и английском языках по абсолютной частотности употребления в тестовых конструкциях первого лица практически идентична в верхней части таблицы и очень близка в нижней части таблицы. Хотя сами величины индексов различаются, их соотношение друг с другом в обоих языках очень похоже. Это позволяет предположить, что, хотя англо- и русскоговорящие фиксируют разные эмоции в разной степени, их отношение к этим эмоциям достаточно похоже, т.е. эмоциональные этикетки базируются на общих принципах, или максимах.

В обоих языках, наиболее приемлемой эмоцией считается ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ – она намного чаще других эмоций явно вербализуется экспериенцерами. Индекс ее прагматической приемлемости существенно превышает индекс следующей в иерархии эмоции – ‘РАДОСТИ’ – более чем в десять раз в английском языке и более чем четыре раза в русском. Высокая позиция ‘БЛАГОДАРНОСТИ’ на шкале прагматической приемлемости эмоций объясняется действием максимы эмоционального этикета, которую можно обозначить как *максиму приятного*: адресату приятно слышать, что

говорящий-экспериментер испытывает к нему хорошее чувство. Однако различие в абсолютных величинах индексов 'БЛАГОДАРНОСТИ' и размер разрыва со следующей за ней 'РАДОСТЬЮ' заставляет предположить, что для англоязычного эмоционального этикета максима приятного играет большую роль, чем для русского.

Действием той же максимы объясняется высокая позиция 'РАДОСТИ' в обеих иерархиях: выражение положительных эмоций в целом приятнее для адресата, чем выражение отрицательных. Однако достаточно низкое положение другой приятной эмоции, 'ГОРДОСТИ', на шкале, говорит о том, что в эмоциональном этикете обоих языков действует и другая максима, *максима скромности*, ограничивающая выражение положительных эмоций, особенно, если их объектом является сам говорящий-экспериментер.

Положение 'СТРАХА' в иерархии общей фиксации эмоций и в иерархии абсолютной прагматической приемлемости в обоих языках практически совпадает: эта эмоция – вторая по частоте общих упоминаний и третья по степени приемлемости. Эта позиция 'СТРАХА' может объясняться статусом этой эмоции как наиболее базовой с биологической точки зрения и важностью ее выражения для выживания, что пересиливает максимум приятного (выражение положительных эмоций), а также максимум *самоуважения*, которая заставляет ограничивать выражение эмоций, свидетельствующих об уязвимом или плохом положении экспериментера. Тем не менее различия в абсолютных цифрах прагматической приемлемости между русским и английским языками достаточно красноречивы: русскоязычные говорящие говорят о 'СТРАХЕ' в целом всего в полтора раза чаще, чем англоязычные (общие упоминания составляют 663.8 ipm в русском, 414.5 ipm в английском); однако что касается индекса прагматической приемлемости, то межъязыковые различия существенно ярче выражены. Русскоговорящие экспериментеры вербализуют свой страх почти в три раза чаще, чем англоговорящие: индекс абсолютной прагматической приемлемости составляет 29.08 в русском vs. 11.292 в английском. Заметно выражено и межъязыковое различие в индексах между 'СТРАХОМ' и предшествующей эмоцией – 'РАДОСТЬЮ': в английском 'РАДОСТЬ' в два с лишним раза более приемлема, чем 'СТРАХ', в то время как в русском 'РАДОСТЬ' опережает 'СТРАХ' всего на 10 процентов.

В обоих языках 'СТЫД' является более приемлемой для вербализации эмоцией, чем 'ГОРДОСТЬ', что объясняется действием максимы скромности. Однако в русском

языке ее действие выражено в существенно большей степени: при том, что индексы приемлемости 'ГОРДОСТИ' в этих двух языках практически совпадают (4.981 в английском vs. 4.956 в русском), индекс приемлемости 'СТЫДА' в русском превышает индекс 'ГОРДОСТИ' более, чем в 4 раза, в то время как в английском – меньше, чем в полтора.

Следующая эмоция в иерархии прагматической приемлемости в обоих языках – 'ГНЕВ', однако здесь также наблюдается сильное количественное различие между русским и английским. Если в английском различие между 'ГНЕВОМ' и предшествующим ему 'СТЫДОМ' статистически несущественно (6.059 vs. 6.195), то в русском эти две эмоции различаются более, чем в два раза: (8.49 vs. 20.445).

В нижней части иерархии в английском языке располагаются кластеры 'ГРУСТЬ', 'ЖАЛОСТЬ', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'ЗАВИСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', 'РЕВНОСТЬ'; в русском порядок несколько иной – 'ЖАЛОСТЬ', 'ГРУСТЬ', 'ЗАВИСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', 'ОТВРАЩЕНИЕ', 'РЕВНОСТЬ'. В обоих языках различия в индексах приемлемости между 'ГРУСТЬЮ' и 'ЖАЛОСТЬЮ' статистически незначимы: 3.841 у 'ГРУСТИ' vs. 3.826 у 'ЖАЛОСТИ' в английском, 4.905 у 'ЖАЛОСТИ' vs. 4.08 у 'ГРУСТИ' в русском. Интересно при этом, что абсолютное число упоминаний 'ГРУСТИ' и 'ЖАЛОСТИ' (в отличие от вербализации от первого лица) различается очень сильно, а именно, в английском 'ГРУСТЬ' упоминается больше чем в три с половиной раза чаще, чем 'ЖАЛОСТЬ', а в русском – почти в четыре с половиной раза. Это означает, что открытое проявление собственной 'ГРУСТИ' сильно ограничено, в то время как проявление 'ЖАЛОСТИ' ограничено гораздо меньше.

Низкое положение частотной эмоции 'ГРУСТИ' на шкале прагматической приемлемости может объясняться действием уже упоминавшейся максимы самоуважения, ограничивающей выражение эмоций, открытая манифестация которых может выставить экспериенцера в невыгодном свете, в частности, в позиции слабости и неспособности изменить ситуацию в желательную сторону. Возможно, достаточно высокая позиция 'ГНЕВА' также объясняется этой максимой: активная реакция на плохое представляется в большей степени заслуживающей уважения, чем пассивная, что «подталкивает» 'ГНЕВ' вверх в иерархии приемлемости; однако максима приятного ограничивает его чрезмерное продвижение по шкале, запрещая выражение эмоций, неприятных для адресата. В случае 'ГРУСТИ' максима приятного также работает

против: во-первых, отрицательные эмоции в целом неприятны адресату, во-вторых, открытое выражение 'ГРУСТИ' говорящим-экспериенцером накладывает дополнительные церемониальные требования на адресата, который может быть вынужден разделить эту эмоцию в силу этикетных требований.

Положение 'ЖАЛОСТИ' на шкале определяется противодействием двух максим – максимы приятного (объекту жалости может быть приятно, что он вызывает положительное чувство у экспериенцера) и *максимы уважения*, которая ограничивает выражение эмоций, потенциально выставляющих адресата-объекта в невыгодном свете, в частности, в положении, худшем, чем у говорящего-экспериенцера.

'ОТВРАЩЕНИЕ', 'ЗАВИСТЬ', 'ПРЕЗРЕНИЕ', и 'РЕВНОСТЬ' заполняют последние четыре позиции на шкале приемлемости. С одной стороны, их низкое положение на шкале абсолютной прагматической приемлемости может отчасти объясняться их общей редкостью – в таблице общей встречаемости в языке эти четыре эмоции также занимают четыре последних позиции. С другой стороны, эта тенденция усиливается действием максим эмоционального этикета: 'ОТВРАЩЕНИЕ' и особенно 'ПРЕЗРЕНИЕ' выставляют в невыгодном свете объект эмоции и, следовательно, их выражение ограничивается действием максимы уважения, 'ЗАВИСТЬ' и 'РЕВНОСТЬ' выставляют в невыгодном свете самого экспериенцера, который признает, что он находится в худшем положении, чем объект эмоции.

Интересна относительная позиция 'ПРЕЗРЕНИЯ' в иерархии: вообще-то, эта эмоция, подобно эмоции 'ЖАЛОСТЬ', основана на негативной оценке каких-то аспектов объекта, что и активизирует максимум уважения, ограничивающую выражение обеих эмоций. Однако если 'ПРЕЗРЕНИЕ' всегда подразумевает негативную оценку самого объекта эмоции и отрицательное чувство экспериенцера направлено именно на него, то 'ЖАЛОСТЬ' часто бывает вызвана негативной оценкой обстоятельств, в которых он оказался, в то время как сам объект может вызывать положительные чувства. Необходимо отметить, что относительные позиции 'ЖАЛОСТИ' и 'ПРЕЗРЕНИЯ' в русском и английском эмоциональных этикетах сильно различаются: в то время как в русском 'ЖАЛОСТЬ' только в два раза более приемлема, чем 'ПРЕЗРЕНИЕ', в английском эти два кластера различаются в девять раз.

Наконец, интересно сравнить позиции ‘ЗАВИСТИ’ и ‘РЕВНОСТИ’, этих семантически достаточно близких эмоций¹⁸⁹. В обоих языках ‘РЕВНОСТЬ’ является наименее приемлемой эмоцией, однако позиция ‘ЗАВИСТИ’ различается, а именно, в русском языке ‘ЗАВИСТЬ’ существенно более приемлема: она следует непосредственно за ‘ГРУСТЬЮ’, отставая от нее в приемлемости только на 6.5 процентов, в то время как в английском приемлемости ‘ЗАВИСТИ’ меньше приемлемости ‘ГРУСТИ’ в три раза (см. также ниже). Эта ситуация вполне согласуется с существующими в литературе представлениями о склонности русскоговорящих вербализовать эмоцию ‘ЗАВИСТИ’; ср. [Ries 2005:62-65].

Подводя итоги сравнения индексов абсолютной прагматической приемлемости, можно заключить, что между русским и английским эмоциональными этикетками существуют значительные сходства, проявляющиеся в том, что иерархизация эмоций относительно их употребления в тестовых конструкциях с первым лицом очень близка и в основных своих чертах совпадает. Сходная иерархизация указывает на вероятность того, что этикетки построены на одинаковых максимах – максиме приятного, максиме скромности, максиме уважения и максиме самоуважения. При этом числовые различия в индексах между языками и особенно между разными эмоциями в иерархии, т.е. «расстояния» между эмоциями, различаются достаточно сильно, что позволяет предположить, что в этих двух языках различные максимы имеют различный вес. Ниже представлены результаты исследования различий между эмоциональными этикетками, основанные в первую очередь на анализе индексов относительной прагматической приемлемости эмоций, т.е. процентного соотношения употребления эмотивных слов в тестовых конструкциях первого лица относительно всего массива их употреблений.

II.3.2.2. Контрасты в эмоциональном этикете

Цифры в таблице 5 отражают, какой процент употреблений в каждой эмоциональном кластере приходится на осознанное и целенаправленное вербальное выражение этой эмоции экспериенцером и, соответственно, различный удельный вес

---

¹⁸⁹ В английском языке слово *jealous* может описывать как ‘РЕВНОСТЬ’, так и ‘ЗАВИСТЬ’ (существительное *jealousy* относится только к первой из эмоций), что потребовало дополнительного анализа примеров для дезамбигуации: фразы вида *jealous of* с существительными и местоимениями интерпретируются как указывающие на ‘РЕВНОСТЬ’ с одушевленными объектами и как указывающие на ‘ЗАВИСТЬ’ – с неодушевленными.

каждой максимы в русском и английском эмоциональных этикетах и различные способы взаимодействия этих максим.

Таблица 5. Проценты употреблений эмоциональных кластеров в тестовых конструкциях первого лица относительно всего массива их употреблений (индексы относительной прагматической приемлемости)

Эмоциональный кластер	Американский английский язык	Эмоциональный кластер	Русский язык
‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	73.6%	‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	66%
‘ЖАЛОСТЬ’	9.6%	‘СТЫД’	8.6%
‘ЗАВИСТЬ’	7.6%	‘ЗАВИСТЬ’	7.7%
‘РАДОСТЬ’	7.2%	‘ЖАЛОСТЬ’	5.6%
‘ГОРДОСТЬ’	6.2%	‘ГОРДОСТЬ’	4.8%
‘СТЫД’	5.1%	‘СТРАХ’	4.4%
‘ОТВРАЩЕНИЕ’	5.1%	‘ОТВРАЩЕНИЕ’	4.3%
‘ГНЕВ’	3.5%	‘ПРЕЗРЕНИЕ’	4.1%
‘СТРАХ’	2.7%	‘РАДОСТЬ’	3.8%
‘ГРУСТЬ’	2.7%	‘ГНЕВ’	2.2%
‘ПРЕЗРЕНИЕ’	2%	‘РЕВНОСТЬ’	2.2%
‘РЕВНОСТЬ’	0.67%	‘ГРУСТЬ’	1%

Как видно из сопоставления таблиц абсолютных и относительных индексов, ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ является наиболее приемлемой эмоцией как в абсолютном, так и в относительном отношении, а ‘РЕВНОСТЬ’ является одной из наиболее неприемлемых. Это объясняется действием максимы приятного – наиболее приемлемой является

эмоция, приятная как для экспериенцера (который в случае 'БЛАГОДАРНОСТИ' в большинстве случаев совпадает с говорящим), так и для адресата (обычно являющегося ее объектом), а наиболее неприемлемой – эмоция, неприятная как для экспериенцера, так и для обоих ее объектов (одним из которых при употреблении от первого лица обычно является адресат), и при этом обычно неспособная вызвать сочувствие у объекта-адресата.

Поскольку в подавляющем большинстве случаев экспериенцер 'БЛАГОДАРНОСТИ' совпадает с говорящим, типичные средства вербального выражения 'БЛАГОДАРНОСТИ' (*спасибо, благодарю, thank you, thanks*) по сути являются дейктическими словами, однозначно отождествляющими экспериенцера с говорящим. Хотя особенное положение 'БЛАГОДАРНОСТИ' на шкале приемлемости эмоций является, по-видимому, сильным кандидатом на межъязыковую универсальность, некоторая вариативность между русским и английским языками наблюдается: в английском относительный (как и абсолютный) индекс 'БЛАГОДАРНОСТИ' еще выше, чем в русском.

Интересны позиции прочих эмоций в иерархии относительной приемлемости. Неожиданным образом, достаточно высокую позицию (третью) в обоих языках занимает 'ЗАВИСТЬ'. У единиц кластера 'ЗАВИСТЬ' есть ряд конвенционализированных употреблений, используемых для того, чтобы в непрямой форме сделать комплимент достижениям собеседника; ср.

(6) *You've done well for yourself, Rob [...] A fine woman, a steady job, a son. I envy you a little* (L. Miller, 2008).

'Ты многого добился, Роб. Хорошая жена, стабильная работа, сын. *Я немного тебе завидую*' (Л.Миллер, 2008).

(7) *До каких необычайных вершин доходила Твоя любовь к А. А. Я не способен к такой интенсивной многолетней любви, и очень завидую Тебе.* [К. И. Чуковский. *Письма Л. К. Чуковской (1964-1969)* // «Дружба народов», 2001].

(8) *Собственник сокрушался: — Завидую вам, ребята. Вы искусством занимаетесь, а я...* [Саша Денисова. *Только в Москве* // «Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011, 2011].

Таким образом, упоминание 'ЗАВИСТИ', этически отрицательно оцениваемой и поэтому потенциально неприемлемой эмоции, может превращаться в своеобразный

этикетный прием: ставя себя в заведомо худшее положение по отношению к собеседнику, говорящий ему таким образом льстит. В русском языке для данной разновидности 'ЗАВИСТИ' существуют выражения *белая зависть, добрая зависть, хорошая зависть*, практически отсутствующие в английском.

Еще одно этикетно приемлемое употребление лексем кластера 'ЗАВИСТЬ' – это не прямое выражение сочувствия. Поскольку прямое выражение эмоций кластера 'ЖАЛОСТЬ' может быть унизительно для объекта-адресата, иногда говорящий в качестве альтернативы вербализует отсутствие зависти:

(9) *You have your problems, General [...] I don't envy you.* (A.Rinaldi, 1994).

‘У вас есть проблемы, генерал... Я вам не завидую’.

(10) *Я тебе не завидую... тебе хуже, чем мне.* [Евгений Гришковец. Город (2001)].

Итак, достаточно высокая относительная приемлемость 'ЗАВИСТИ', по-видимому, можно объяснить действием максимы приятного и максимы уважения, которые пересиливают действие максимы самоуважения: в том случае, когда объектом эмоции является адресат, ему приятно, что экспериенцер-говорящий признается в его превосходстве над собой. Таким образом, вес максимы самоуважения ниже, чем все максимы приятного и максимы уважения: при этом в русском языке он ниже, чем в английском. Максиме самоуважения противостоит максима скромности, играющая большую роль в русском языке, чем в английском, что подтверждается относительными индексами 'СТЫДА' и 'ГОРДОСТИ'. В английском относительный индекс 'ГОРДОСТИ' превышает относительный индекс 'СТЫДА', в то время как в русском ситуация противоположная: относительный индекс 'СТЫДА' почти в два раза превышает относительный индекс 'ГОРДОСТИ'. Кроме того, индекс 'СТЫДА' в английском ниже, чем индекс 'СТЫДА' в русском, в то время как с 'ГОРДОСТЬЮ' наблюдается противоположная тенденция.

Это различие русского и английского эмоциональных этикетов проявляется также в индексах относительной прагматической приемлемости кластеров 'ГНЕВ' и 'СТРАХ': в английском языке выше индекс 'ГНЕВА', а в русском – 'СТРАХА'. Англоговорящие экспериенцеры предпочитают вербализовать эмоцию 'ГНЕВА', поскольку она предполагает сильную активную позицию экспериенцера, в то время как русские отдают предпочтение выражению пассивной эмоции 'СТРАХА', представляющей экспериенцера в невыгодном свете, однако не столь потенциально обидную для

адресата. Более высокие цифры 'РЕВНОСТИ' в русском языке также можно объяснить меньшей важностью максимы самоуважения для него, поскольку вербализация этой эмоции обнаруживает слабую позицию экспериенцера.

Интересно, что максима уважения также представляется более важной для английского языка, что подтверждается сравнением индексов 'ПРЕЗРЕНИЯ' в русском и английском: в русском языке эта эмоция в два раза более приемлема, чем в английском. На первый взгляд этому противоречат данные кластера 'ЖАЛОСТИ', которая в английском языке имеет более высокий индекс приемлемости, поскольку 'ЖАЛОСТЬ' потенциально унизительна для адресата-объекта. Однако большая часть употреблений первого лица в этом кластере формируется прилагательными *sorry* и существительным *condolences*, выражающими нейтральный и конвенционализированный подтипы этой эмоции, а не потенциально унизительной разновидностью, выражаемой единицами *pity* и *to pity*.

Таким образом, основное различие между эмоциональными этикетами русского и английского языков состоит в относительной важности различных максимум эмоционального этикета. Если максима приятного представляется равно важной для обоих языков, то вес максимум уважения, самоуважения и скромности различается: английский этикет в большей мере обусловлен действием максимум уважения и самоуважения, в то время как на русский этикет оказывает большее влияние максима скромности.

Кроме максимум этикета, иерархия эмоций по степени приемлемости их вербализации может регулироваться и другими факторами, которые не являются предметом данного исследования. Можно, однако, высказать предположение по этому поводу. Как сказано выше, эмоции, приятные и говорящему, и собеседнику ('БЛАГОДАРНОСТЬ'), являются абсолютными «чемпионами», в то время как эмоции, неприятные обоим, являются абсолютными аутсайдерами ('РЕВНОСТЬ'). Эмоции, потенциально неприятные одному из участников коммуникации, занимают промежуточное положение. Так, выражение неприятного для адресата 'ГНЕВА' может доставлять удовольствие экспериенцеру, что обуславливает его достаточно частую вербализацию; то же соображение применимо и к 'ПРЕЗРЕНИЮ'. Выражение неприятной для экспериенцера 'ЗАВИСТИ' часто приятно адресату. Выражение приятной для экспериенцера 'РАДОСТИ' может ограничиваться соображениями о том,

что адресату, который, возможно, этой радости не разделяет, ее выражение может быть неприятно. Подобного рода дополнительные факторы могут также влиять на вербализованное выражение эмоций и обуславливать прагматически мотивированные частотные различия между языками.

II.3.3. Исследование в контексте других теорий

Исследование демонстрирует, что эмоциональный этикет в русском и английском языках основан на одних и тех же максимах: максиме приятного, максиме уважения, максиме самоуважения и максиме скромности. Однако разные максимы имеют различный вес в этих двух языках. Вербальное выражение эмоций экспериенцерами определяется двумя факторами: общим экспрессивным потенциалом эмоции и максимами этикета. Эмоции с высоким экспрессивным потенциалом имеют тенденцию к более частой вербализации, которая, однако, ограничивается действием противоположно направленных максим этикета. В случае, если максима приятного поощряет выражение эмоции, а максимы вежливости и скромности не ограничивают его, и при этом эмоция обладает высоким экспрессивным потенциалом, эмоция обладает наиболее высоким индексом приемлемости ('БЛАГОДАРНОСТЬ', 'РАДОСТЬ'). Основные различия между русским и английским языками касаются максим уважения, самоуважения и скромности. Английский этикет в большей степени опирается на первые две, русский – на третью. В результате русскоговорящие экспериенцеры выражают больше 'СТЫДА', 'СТРАХА' и 'ПРЕЗРЕНИЯ', а англоговорящие – больше 'ГОРДОСТИ', 'ГНЕВА' и 'ЖАЛОСТИ'.

В терминах теории вежливости Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1987] разница между русско- и англоговорящими может быть выражена как разница в отношении к принципу позитивной вежливости в приложении как к говорящим, так и к адресатам. Принцип позитивной вежливости направлен на сохранение «позитивного лица» говорящих и адресатов; высказывания, умаляющие говорящего или адресата, угрожают «позитивному лицу» и, следовательно, ограничиваются действием данного принципа. Русский эмоциональный этикет допускает более высокую степень угрозы «позитивному лицу» как говорящих, так и адресатов, поскольку более свободно допускает выражение 'СТЫДА' (угроза собственному позитивному лицу) и 'ПРЕЗРЕНИЯ' (угроза

позитивному лицу адресата). Английский язык в большей мере ограничивает выражение эмоций, угрожающих позитивному лицу как говорящего, так и адресата.

При этом в том, что касается принципа негативной вежливости, русский и английский язык проявляют большее сходство. Угроза «негативному лицу» предполагает, согласно теории Браун-Левинсона, ограничение свободы действий адресата. Речевые акты, которые передают негативные чувства говорящего относительно действий адресата или объектов, которыми он обладает, создают угрозу его негативному лицу. Такими чувствами являются 'ГНЕВ' и 'ЗАВИСТЬ'; первое из этих чувств более свободно вербализуется англоговорящими, второе – русскоговорящими.

В терминах реляционной теории Лохер-Уоттса русский эмоциональный этикет инкорпорирует более экстремальные поведенческие стратегии, т.к. он одновременно чрезмерно вежлив (повышенное выражение 'СТЫДА') и груб (повышенное выражение 'ПРЕЗРЕНИЯ'), в то время как английскому эмоциональному этикету свойственна большая умеренность.

Результаты проведенного исследования можно также соотнести с представлениями относительно языковой концептуализации эмоций, существующими в области этнолингвистики. В первую очередь это касается работ Анны Вежбицкой в области так называемых «культурных скриптов» (cultural scripts), которые, как понятие, наиболее близки языковому этикету. В работе [Wierzbicka 2006], где сравниваются русские и английские (“Anglo”) культурные скрипты, утверждается, что русская культура придает большое значение прямоте и искренности в коммуникации, в то время как для английской важнее тактичность и доброта. Результаты данного исследования подтверждают это предположение: для русского языка важнее максима скромности, для английского – уважения и самоуважения.

Утверждения о большей эмоциональности русскоговорящих [Wierzbicka 1992; Левонтина 1997] также подтверждаются результатами исследования: в русском языке практически все эмоции упоминаются существенно чаще, чем в английском; кроме того, вербализация собственных эмоций говорящими также более частотна, за исключением единственной эмоции – 'БЛАГОДАРНОСТИ', – выражение которой наиболее конвенционализировано и не является информативным с точки зрения оценки

эмоциональной составляющей – человек может благодарить, не испытывая никакого чувства, а исключительно в силу конвенции.

Кроме того, данное исследование подтверждает некоторые утверждения относительно лингвоспецифичных свойств отдельных эмоциональных концептов. Так, подтверждаются предположения об особом статусе русского ‘СТЫДА’; ср. работы Анны Зализняк [Зализняк Анна А. 2000] о семантике щепетильности (*совестно, неловко, неудобно*) и Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева о *стыде* и связанных концептах [Булыгина, Шмелев 1997]; об особом статусе русского *счастья* [Зализняк Анна А. 2003]; об особом статусе *тоски* [Wierzbicka 1990].

С другой стороны, некоторые принятые в этнолингвистике представления о русском эмоциональном мире не подтверждаются данным исследованием русского эмоционального этикета, в частности, представление об особом месте *жалости* в русской языковой картине мира [Wierzbicka 1992; Левонтина 2004], а также об особой роли смирения [Rancour-Laferriere 1995, Wierzbicka 1997, Шмелев 2005]. По крайней мере, эмоциональный этикет русского языка не отражает ни установки на жалостливость, ни установки на смирение в качестве основополагающих максим. Еще одно утверждение относительно особенностей русского языка и культуры, а именно, об особой «стыдливости» русскоговорящих в выражении «возвышенных» эмоций, также не подтверждается. Хотя оно применимо к кластеру ‘РАДОСТЬ’, где в русском языке доминирует выражение нейтральной и рациональной, но не сильной радости (*рад, удовлетворен* и т.п., но не *счастлив, счастье*), однако кластеры ‘ГРУСТЬ’, ‘ГНЕВ’ и ‘СТРАХ’ демонстрируют противоположную тенденцию: в них выражение «возвышенных» подтипов эмоции (*печаль, негодование, ужас*) доминирует над выражением повседневных подтипов или, как минимум, не уступает им.

Результаты исследования могут быть применены в практической сфере изучения иностранных языков. Знание эмоционального языкового этикета необходимо при формировании адекватных прагматических компетенций и коммуникативных стратегий. Как и в области грамматики и лексики, в сфере прагматики человек, изучающий иностранный язык, часто действует под влиянием особенностей своего родного языка, что может нарушить как правильную интерпретацию, так и правильное порождение языка.

II.3.4. Возможные направления будущих исследований

Возможные будущие исследования в области языкового этикета эмоций включают в себя три основных направления.

Во-первых, может расширяться число исследуемых языков. Методологический аппарат исследования, в частности набор тестовых конструкций, может быть соответствующим образом приспособлен к новым языкам; основополагающим является принцип корпусного исследования всех единиц, входящих в эмоциональные кластеры, в конструкциях первого лица, т.е. тех, где выражается эмоция говорящего.

Другое интересное направление дальнейшей работы – диахронический срез эмоционального этикета, который, естественно, меняется, как и другие аспекты языка, с течением времени и на фоне исторических событий. Даже краткий экскурс в неглубокую диахронию при помощи ресурса Google N-Gram Viewer показывает изменения в выражении эмоций от первого лица, произошедшие в обоих языках, особенно на рубеже 19-20 веков. В английском языке выражение всех эмоций от первого лица вырастает в 1900-е годы; приблизительно в это же время падает выражение ‘РАДОСТИ’ и ‘ЖАЛОСТИ’ в русском. Примером устойчивой эмоции является ‘РЕВНОСТЬ’, которая сохраняет низкие показатели с 1800-х годов. В настоящее время показатели ‘ЖАЛОСТИ’, ‘ГОРДОСТИ’ и ‘РАДОСТИ’ в английском языке растут; ‘ГОРДОСТЬ’ и ‘СТЫД’ имели приблизительно равные показатели до 1960-х годов, после чего показатели ‘ГОРДОСТИ’ стали расти, а показатели ‘СТЫДА’ падать.

В русском языке эмоции «на подъеме» - это ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ и ‘ГОРДОСТЬ’. ‘СТЫД’ пока опережает ‘ГОРДОСТЬ’, однако его выражение уменьшается, а выражение ‘ГОРДОСТИ’ растет. ‘СТРАХ’ образует два пика – в 1880-е (возможно, как реакция на убийство царя Александра II) и в 1940-е (возможно, на фоне второй мировой войны). Безусловно, объяснение диахронических изменений эмоционального этикета и само их корректное исчисление – тема отдельного масштабного исследования, и необходимо избегать спекулятивных выводов на основе недостаточных фактов; однако тема эта представляется весьма перспективной.

Еще одно возможное направление дальнейших исследований касается возможных языковых стратегий, вызванных наличием того или иного эмоционального этикета в языке. Предварительный беглый взгляд на языковое поведение эмотивных слов,

выражающих «приемлемые» и «неприемлемые» эмоции, обнаруживает разные тенденции: первые расширяют свое языковое присутствие, например, развивая дополнительные значения переносные значения, в то время как вторые сокращают его, заменяясь в речи другими выражениями. Так, лексемы, принадлежащие к приемлемому кластеру ‘СТРАХ’ используются как смягчающие неприятную новость выражения (*I am afraid, Я боюсь*). С другой стороны, лексемы неприемлемых кластеров могут эвфемистически заменяться на другие; ср. выражение *to be territorial* в значении ‘ревновать’ в английском языке. Выражение ‘РЕВНОСТИ’ запрещается эмоциональным этикетом, и для того, чтобы вербализовать эту эмоцию, говорящие прибегают к метафоре: изначально биологический термин *territorial* (‘демонстрирующий территориальное поведение’ о животных) используется в значении ‘ревнивый’, что позволяет говорить об этой эмоции в менее отрицательном ключе; ср.

(11) *Are men or women more territorial where romantic relationships are concerned*

‘Кто более территориален (ревнив) в романтических отношениях – мужчины или женщины?’

Итак, языковое поведение единиц, входящих в кластеры приемлемых и неприемлемых эмоций, - еще одна интересная тема возможного будущего исследования.

Частотное покластерное исследование сочетаемости с опорой на аналитические толкования также представляет собой мощный инструмент межъязыкового исследования других аспектов культурной прагматики, помимо эмоционального этикета. В частности, интересным представляется сравнение типичных стимулов для эмоций, относящихся к одному типу, в разных культурах: например, каковы типичные причины «нейтрального страха» в русскоязычной и англоязычной культурах? Непросто обнаружить семантические различия в основном значении между *to be afraid* ‘бояться’ и русским глаголом *бояться*; если они и есть, то они очень тонки: в целом русская и английская лексемы покрывают очень сходное концептуальное поле, значение которого сформулировано как общее значение кластера ‘СТРАХ’ в таблице 1. Однако прагматически эти единицы различаются. Если изучить их наиболее частотную сочетаемость, то обнаруживается как область пересечений, так и область различий. По корпусам ruTenTen2011 и enTenTen2012 на ресурсе Sketch Engine, пятьдесят наиболее частотных сочетаний глагола *бояться* с существительным и прилагательного *afraid of* с существительным выглядят следующим образом (Таблицы 6 и 7). Как видно из

приведенных таблиц, во-первых, *бояться* в целом частотнее *afraid* в данной конструкции (примерно в десять раз – около 250 000 вхождений *бояться* + N, около 27 000 вхождений *afraid of* + N), что лишь отчасти отражает их общее различие в частотности (*бояться* примерно в три раза частотнее *afraid* – 101 ipm к 31 ipm). Поэтому важными для рассмотрения являются не абсолютные цифры вхождений, а относительные частотности.

Если взять первую по частотности десятку сочетаний в русском и английском языках, мы обнаруживаем, что *смерть* является универсальным источником страха (первый по частотности в русском, второй по частотности в английском), так же как и некоторые другие эволюционно-биологически обусловленные страхи – *темноты*, *высоты*, *собак*.

смерти	9,663	heights	1,176
воды	5,696	death	1,003
темноты	4,701	anything	966
трудностей	4,571	people	668
влаги	4,445	change	662
людей	4,127	something	660
высоты	3,766	failure	531
ответственности	2,728	rejection	374
перемен	2,542	everything	360
конкуренции	2,482	dogs	316

Универсальным также является страх *людей* – часто в этом случае речь идет об экспериенцерах-животных или детях (*Птицы боятся человека*, *Олени здесь не боятся людей*; *Малышка совсем не боялась людей*). Однако есть и более культурно-специфичные страхи – например, *бояться конкуренции*, *бояться перемен*, *бояться ошибок*, с одной стороны, и *to be afraid of failure* ‘бояться провала, бояться не справиться’, *to be afraid of rejection* ‘бояться быть отвергнутым’.

Эти сочетаемостные различия носят характер предпочтений, а не запретов, т.е. имеют культурно-прагматическую, а не семантическую основу. Сочетание *afraid of competition* входит в пятьдесят (но не в десять) наиболее частотных коллокаций *afraid* с существительным в английском; сочетания *afraid of changes* и *afraid of responsibility* также встречаются. Подобным образом, вполне переводимы на русский язык частотные английские сочетания *бояться провала*, *бояться быть отвергнутым*. Однако тот факт, что они не встречаются в первых пятидесяти по частотности коллокациях, отражает их меньшую встречаемость в жизненной и языковой практике, и, следовательно, меньшую прагматическую важность в соответствующем языке.

Следующие по частотности сорок сочетаний в первых пятидесяти обнаруживают то же переплетение универсальных и культурно-специфичных страхов, встретившееся в первой десятке. В обеих пятидесятках встречаются такие эволюционно обусловленные страхи, как *бояться пауков*, традиционно описываемые в учебниках по нейропсихологии как врожденные, и такие культурно-специфичные страхи, как *бояться правды, бояться разоблачения* и пр.

Культурно-специфичные страхи не обязательно обнаруживают различия по частотности в разных языках, поскольку культуры могут не различаться в отношении тех или иных страхов; однако это область потенциальной вариации, в то время как универсальные страхи – область совпадения.

Корпусное исследование типичных стимулов для разных эмоций по разным языкам – многообещающий инструмент в решении давнего спора о наличии / отсутствии базовых эмоций. В то время как физиологи, психологи, неврологи выступают с идеей о том, что людям, вне зависимости от языка и культуры, присущ некий набор базовых эмоций (ср. страх, радость, гнев, грусть, отвращение, удивление в [Ekman 1999]), лингвисты и культурологи часто выступают против [Вежбицкая 1996]. Если обнаружится, что в разных, генетически и культурно не связанных языках, есть пересекающиеся области сочетаемости для переводных кандидатов в базовые эмоции (в первую очередь, для слов кластера ‘СТРАХ’), это будет сильным аргументом в пользу существования базовых эмоций, вызываемых схожими стимулами, во всех культурах.

Приложения.

Таблица 1. Эмоциональные кластеры в русском и английском языках

Эмоциональный кластер	Английский язык	Русский язык
(1) ‘СТРАХ’ = ‘Х думает, что от Y-а может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а; X чувствует что-то плохое’.	‘нейтральный страх’: <i>to be afraid, fear, to fear</i>	‘нейтральный страх’: <i>бояться, страх, страшно</i>
	‘непосредственный страх’: <i>to scare, scared, fright,</i>	‘непосредственный страх’: <i>пугаться,</i>

	<i>frightened, to frighten</i>	<i>испуг</i>
<p>‘Объект Y неожиданно вошел в контакт с X-ом; тело X-а стало холоднее, сердце X-а забилося чаще, X мог непроизвольно вскрикнуть или совершить какое-то движение в сторону от Y-а; X подумал, что от контакта с Y-ом могло произойти что-то плохое; X почувствовал что-то плохое’.</p>		
	<p>‘рациональный страх’: <i>to be apprehensive</i></p>	<p>‘рациональный страх’: <i>опасение, опасаться</i></p>
<p>(2) ‘X думает, что от контакта с Y-ом может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а’.</p>		
	<p>‘мистический страх’: <i>terror, terrified, to terrify</i></p>	<p>‘мистический страх’: <i>ужас, ужасаться</i></p>
<p>‘X думает или чувствует, что может произойти очень плохой Y или что очень плохой Y может сделать X-у что-то очень плохое; X чувствует, что не может ничего сделать, чтобы этого избежать; X чувствует что-то очень плохое’</p>		
	<p>‘страх с отвращением’: <i>horror, horrified, to horrify</i></p>	
<p>‘X видит, что происходит или произошел очень плохой и противоестественный Y; X ничего не может сделать; X чувствует что-то очень плохое’</p>		
	<p>‘благоговейный страх’: <i>awe, awed, to awe</i></p>	<p>‘благоговейный страх’: <i>благоговение, благоговеть, трепетать</i></p>

	‘Х думает, что Y очень важный и сильный; X думает, что он очень незначительный и слабый; X чувствует, что Y может сделать что-то с X-ом, а X не может сделать ничего с Y-ом; X не думает, что Y будет делать что-то плохое X-у’	
	‘страх перед неизбежным’: <i>dread, to dread</i>	‘страх перед неизбежным’: <i>страшиться</i>
	‘Х думает, что произойдет очень плохой Y; X думает, что избежать Y-а невозможно; X чувствует что-то очень плохое’	
	‘неконтролируемый страх’: <i>panic, to panic, panicked, to freak out</i>	‘неконтролируемый страх’: <i>паника, паниковать</i>
	‘Х внезапно чувствует, что может произойти очень плохой Y; X чувствует что-то очень плохое; X не может ни о чем думать; X не может контролировать свои действия; X совершает какие-то неконтролируемые действия; другие люди рядом с X-ом могут начать чувствовать и вести себя как X’	
	‘неэтичный страх’: <i>to get cold feet, to chicken out</i>	‘неэтичный страх’: <i>струсить, сдрейфить</i>
	‘Х думает, что от контакта с Y-ом может произойти что-то плохое; X хочет избежать Y-а; X чувствует что-то плохое; X старается избежать Y-а; говорящий считает, что это плохо’	
	‘болезненный страх’: <i>phobia</i>	‘болезненный страх’: <i>боязнь, фобия</i>
	‘Х думает, что от контакта с Y-ом может произойти что-то плохое; X избегает Y-а;	

	говорящий считает, что причиной чувства и поведения X-а являются не свойства Y-а, а болезненное психическое состояние X-а'	
<p>‘ГНЕВ’ = ‘Y сделал что-то плохое; X чувствует что-то плохое’</p>	<p>‘нейтральный гнев’: <i>angry, anger, to anger, mad, to madden</i></p>	<p>‘нейтральный гнев’: <i>сердитый, сердиться, сердить</i></p>
	‘Y сделал что-то плохое для X-а; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у и хочет сделать ему что-то плохое’	
	<p>‘праведный гнев’: <i>indignation, indignant, wrath, wrathful</i></p>	<p>‘праведный гнев’: <i>негодовать, негодование, возмущаться, возмущение, возмущать, гнев, гневаться</i></p>
	‘Y сделал что-то плохое или произошло что-то плохое; X чувствует что-то плохое; X выражает свое чувство в высказываниях или действиях в адрес Y-а, направленных на восстановление справедливости’	
	<p>‘сильный агрессивный неконтролируемый гнев’: <i>fury, furious, rage, to enrage, enraged</i></p>	<p>‘сильный агрессивный неконтролируемый гнев’: <i>ярость, бешенство, беситься, бесить</i></p>
	‘Y сделал что-то очень плохое; X чувствует что-то очень плохое; X хочет сделать что-то очень плохое Y-у, не может контролировать свое поведение и не может думать ни о чем другом’	
	<p>‘гнев от повторяющегося стимула’: <i>irritation, to irritate, irritated, annoyance, to annoy,</i></p>	<p>‘гнев от повторяющегося стимула’: <i>раздражение, раздражаться,</i></p>

	<i>annoyed</i>	<i>раздражать</i>
	‘произошло что-то или Y что-то сделал; X чувствует что-то очень плохое из-за этого; X чувствует что-то похожее на то, что люди ощущают, когда они испытывают физическое раздражение; X может хотеть сделать что-то плохое; X не может чувствовать себя хорошо’	
	‘неэтичный гнев’: <i>venom, venomous, rancor, rancorous, spite, spiteful</i>	‘неэтичный гнев’: <i>злоба, злобиться, злость, злиться</i>
	‘Y что-то сделал; X чувствует что-то очень плохое по отношению к Y-у; X хочет сделать что-то очень плохое Y-у; говорящий считает, что это плохо’	
‘ГРУСТЬ’ = ‘произошел плохой Y; X не может ничего сделать; X чувствует что-то плохое’	‘нейтральная грусть’: <i>sad, sadness, unhappy, unhappiness</i>	‘нейтральная грусть’: <i>грусть, грустно, грустить</i>
	‘сильная грусть из-за серьезного стимула’: <i>sorrow, sorrowful</i>	‘сильная грусть из-за серьезного стимула’: <i>печаль, печально, печалиться, печалить</i>
	‘произошел очень плохой Y; X ничего не может сделать; X чувствует что-то очень плохое’	
	‘глубокая долгая грусть от потери’: <i>grief, to grieve, woe, to woe</i>	‘глубокая долгая грусть от потери’: <i>скорбь, скорбеть, горе, горевать</i>
	‘с Y-ом, которого X любит, произошло что-то очень плохое, что нельзя изменить, X ничего не может сделать; X не может думать ни о чем другом; X чувствует что-то очень плохое’	
	‘недолгая грусть из-за не очень серьезного стимула’: <i>upset</i>	‘недолгая грусть из-за не очень серьезного стимула’: <i>огорчаться, огорчение, огорчать, расстраиваться, расстройство,</i>

		<i>расстраивать</i>
	‘произошел не очень важный, плохой Y, или не произошел не очень важный, хороший X; X ничего не может сделать; X чувствует что-то плохое’	
	‘ безнадежная грусть ’: <i>despondence, despondent, wretchedness, wretched, dejection, dejected</i>	‘ безнадежная грусть ’: <i>уныние, унывать</i>
	‘произошел плохой Y; X ничего не может сделать; X чувствует, что ничего хорошего не может произойти; X чувствует что-то очень плохое’	
	‘ беспричинная грусть ’: <i>blues, blue</i>	‘ беспричинная грусть ’: <i>тоска, тоскливо, тосковать</i>
	‘X ничего не хочет и не может делать; X чувствует, что ничего хорошего не может произойти; X чувствует что-то очень плохое; X чувствует так либо без причины, либо потому, что он не может быть с теми, с кем ему хорошо, или там, где ему хорошо, или потому, что с ним не происходит ничего хорошего’	
‘ РАДОСТЬ ’ = ‘произошел хороший Y; X чувствует что-то хорошее’	‘ нейтральная радость ’: <i>glad, joy, joyful, joyous</i>	‘ нейтральная радость ’: <i>рад, радость, радоваться, радовать</i>
	‘ высшая радость ’: <i>happy, happiness, bliss, blissful</i>	‘ высшая радость ’: <i>счастлив, счастье, блаженство, блаженствовать</i>
	‘X чувствует что-то самое хорошее, потому, что произошел самый хороший Y, которого X	

	очень хотел; в этот момент X не может хотеть чего-то другого'	
	‘умеренная рациональная радость’: <i>content, contentment, satisfied, satisfaction</i>	‘умеренная рациональная радость’: <i>удовлетворенный, удовлетворение, довольный, довольство</i>
	‘Произошел Y, которого хотел X; X думает, что это хорошо; X чувствует что-то хорошее от этого’.	
	‘сильная или неумеренная радость’: <i>delight, delighted, excited, excitement, to delight, to excite, glee, gleeful</i>	‘неумеренная радость’: <i>восторг, восторгаться, восхищение, восхищаться, восхищать, восхищенный, ликовать, ликование</i>
	‘Произошел или имеет место очень хороший Y; X чувствует что-то очень хорошее от этого; X не может скрыть, что он чувствует’.	
	‘злая радость’: <i>gloating, to gloat</i>	‘злая радость’: <i>злорадство, злорадствовать</i>
	‘С человеком Z произошел плохой Y; от этого X чувствует что-то хорошее; говорящий думает, что это плохо’	
‘ОТВРАЩЕНИЕ’ = ‘X думает, что Y неприятный; X не хочет быть в контакте с Y-ом; когда X в контакте с Y-ом, X чувствует что-то	‘нейтральное отвращение’: <i>disgust, disgusting, disgusted, to disgust, distaste, distasteful</i>	‘нейтральное отвращение’: <i>отвращение, отвратительно, противно</i>
	‘X думает, что Y неприятный на вкус или на ощупь, или обладает неприятным запахом, или грязный, или плохой; X не хочет быть в	

плохое’.	контакте с Y-ом; когда X в контакте с Y-ом, X чувствует что-то плохое; X может чувствовать тошноту, когда он в контакте с Y-ом’	
	‘отвращение-страх’: <i>creepy</i>	‘отвращение-страх’: <i>гадливость</i>
	‘X думает, что существо Y очень неприятное и что физический контакт с ним был бы очень неприятным и возможно опасным; X хочет избежать контакта с Y-ом; когда X близко от Y-а, X чувствует что-то очень плохое’	
	‘моральное отвращение’: <i>repugnance,</i> <i>repugnant</i>	
	‘X думает, что явление Y очень плохое; когда X имеет дело с Y, X чувствует что-то очень плохое’	
	‘сильное отвращение’: <i>repulsion, repulsive,</i> <i>revulsion, to revolt,</i> <i>revolting</i>	‘сильное отвращение’: <i>омерзение</i>
	‘X думает, что Y очень неприятный на вкус или на ощупь, или обладает очень неприятным запахом, или очень грязный, или очень плохой; X не хочет быть в контакте с Y-ом; когда X в контакте с Y-ом, X чувствует что-то очень плохое; X может чувствовать сильную тошноту, когда он в контакте с Y-ом’	
	‘отвращение-ненависть’: <i>abhorrence, to abhor,</i> <i>abhorrent, loathing, to</i> <i>loathe, loathsome</i>	
	‘X думает, что явление Y или объект Y очень плохой; X чувствует что-то очень плохое по	

	отношению кУ-у; X хочет, чтобы У-а не было'	
	‘свойство легко испытывать отвращение’: <i>squeamishness, squeamish</i>	‘свойство легко испытывать отвращение’: <i>брезгливость, брезгливый</i>
	‘X испытывает чувство отвращения по отношению к таким объектам, которые не вызывают чувства отвращения у большинства других людей’	
	‘нездоровое отвращение’: <i>aversion</i>	
	‘X испытывает чувство отвращения по отношению к таким объектам, которые не вызывают чувства отвращения у большинства других людей; говорящий считает, что это может быть проявлением нездоровья X-а’	
‘СТЫД’ = ‘X сделал плохой У; X чувствует что-то плохое по отношению к себе; X думает, что другие люди Z могут о нем плохо думать’	‘нейтральный стыд’: <i>shame, to be ashamed</i>	‘нейтральный стыд’: <i>стыд, стыдиться, стыдно</i>
	‘этический стыд’: <i>guilt, guilty, repentance, to repent, scruples, remorse, remorseful</i>	‘этический стыд’: <i>вина, виноватый, раскаяние, раскаиваться, совестно</i>
	‘X думает, что У, который он сделал, плохой; X чувствует что-то плохое от этого; X думает что-то плохое о себе’	
	‘социальный стыд’: <i>embarrassment, to embarrass, embarrassed, shy, mortification, to mortify, mortified</i>	‘социальный стыд’: <i>смушение, смущаться, смущать, стесняться, конфуз, конфузиться</i>

	‘Х не хочет, чтобы люди Z знали об Y-е или видели Y; X чувствует что-то плохое; X думает, что люди будут смеяться над ним из-за Y-а или думать о нём плохо из-за Y-а’	
		‘ конвенциональный стыд ’: <i>неловко, неловкость, неудобно, неудобство</i>
	‘Х думает, что Y, который он сделал или может сделать, нарушает удобство других людей Z или правила поведения принятые в обществе; X не хочет делать Y; если X сделал Y, он чувствует что-то неприятное’	
	‘ стыд-клеймо ’: <i>ignominy, disgrace, disgraced</i>	‘ стыд-клеймо ’: <i>позор</i>
	‘Люди Z думают, что человек X сделал что-то очень плохое; люди думают что-то плохое об X; люди не хотят быть в контакте с X-ом; X чувствует что-то плохое’	
‘ ГОРДОСТЬ ’ = ‘X сделал что-то хорошее; X чувствует что-то хорошее по отношению к себе; X думает, что другие люди Z могут о нем хорошо думать’	<i>pride, proud</i>	<i>гордость, гордый, гордиться</i>
‘ ЖАЛОСТЬ ’ = ‘X думает, что Y находится в плохой ситуации Z; X чувствует что-то плохое от этого; возможно, X хочет сделать что-то хорошее Y-у’	‘ нейтральная жалость ’: <i>pity, to pity, sorry</i>	‘ нейтральная жалость ’: <i>жалость, жалеть, жаль, жалко</i>
	‘ разделенное чувство ’: <i>sympathy, to sympathize, compassion, compassionate</i>	‘ разделенное чувство ’: <i>сочувствие, сочувствовать, сострадание, сострадать</i>

	‘У находится в плохой ситуации и чувствует что-то плохое; Х отчасти чувствует, что чувствует У; Х чувствует что-то плохое; Х чувствует что-то хорошее к У-у; Х хочет сделать что-то хорошее для У-а’	
		<p>‘активная жалость’: <i>участие</i></p> <p>‘У находится в плохой ситуации; Х чувствует что-то хорошее к У-у; Х делает что-то хорошее для У-а’</p>
	‘конвенциональная жалость’: <i>condolences</i>	‘конвенциональная жалость’: <i>соболезнования</i>
	‘близкий У-у человек умер; У чувствует что-то очень плохое; Х говорит У-у, что он тоже чувствует что-то плохое’	
‘ЗАВИСТЬ’ = ‘у У-а есть хороший Z, которого нет у Х-а и который Х хочет; Х чувствует что-то плохое; Х чувствует что-то плохое по отношению к У-у’	<i>envy, to envy, envious, jealous, jealousy</i>	<i>зависть, завидовать</i>
‘РЕВНОСТЬ’ = ‘Х думает, что У, которого любит Х, любит человека Z; Х чувствует что-то плохое; Х чувствует что-то плохое по отношению к У-у и Z-у’	<i>jealous, jealousy</i>	<i>ревность, ревновать</i>
‘БЛАГОДАРНОСТЬ’	‘нейтральная	‘нейтральная

<p>= ‘X думает, что Y сделал хороший Z X-у, которого он не обязан был делать; X чувствует что-то хорошее по отношению к Y-у’</p>	<p>благодарность’: <i>to be grateful, gratitude, to be thankful, thankfulness</i></p>	<p>благодарность’: <i>blagodarnyj ‘grateful’, blagodarnost’ ‘gratitude’</i></p>
	<p>‘рациональная благодарность’: <i>appreciative, appreciation, to appreciate</i></p>	<p>‘рациональная благодарность’: <i>признательный, признательность</i></p>
	<p>‘X думает, что Y сделал хороший Z X-у, которого X хотел; X думает что-то хорошее об Y-е’</p>	
	<p>‘конвенциональная благодарность’: <i>thank you, thanks</i></p>	<p>‘конвенциональная благодарность’: <i>спасибо, благодарю</i></p>
	<p>‘X говорит Y-у, что Y сделал хороший Z X-у, и что X чувствует что-то хорошее по отношению к Y-у’</p>	
<p>‘ПРЕЗРЕНИЕ’ = ‘X думает, что Y плохой и хуже, чем X; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у’</p>	<p>‘нейтральное презрение’: <i>contempt, contemptuous, to despise</i></p>	<p>‘нейтральное презрение’: <i>prezrenie ‘contempt’, prezirat’ ‘to despise’</i></p>
	<p>‘презрение-отвращение’: <i>disdain, disdainful</i></p>	<p>‘презрение-отвращение’: <i>гнушаться</i></p>
	<p>‘X думает, что Y плохой и хуже, чем X; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у; X избегает контакта с Y-ом, потому что он чувствует что-то плохое при контакте с Y-ом’</p>	
	<p>‘презрение-насмешка’: <i>scorn, scornful</i></p>	

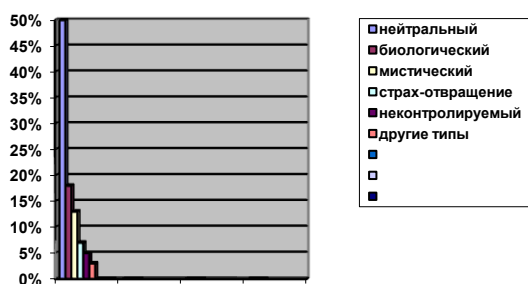
	<p>‘Х думает, что Y ничтожный; Х чувствует что-то плохое по отношению к Y-у и может выражать это в насмешливой и унижительной для Y-а форме’</p>
--	--

Таблица 2

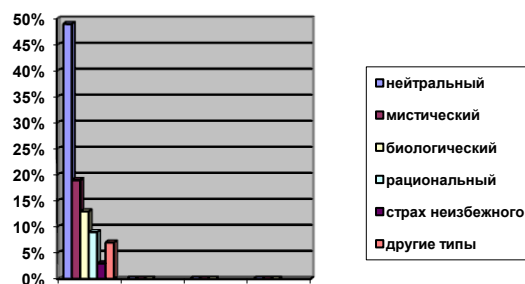
Процентное соотношение раз подтипов эмоций внутри кластеров в русском и английском языках

‘СТРАХ’

‘СТРАХ’ в английском

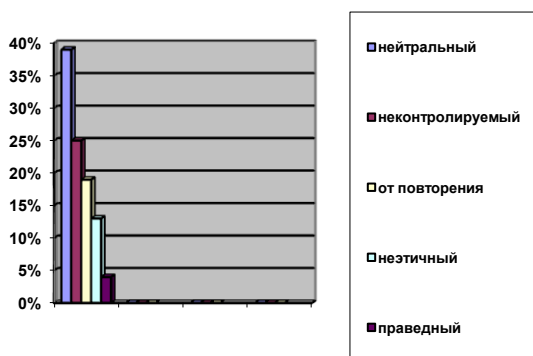

‘СТРАХ’ в русском

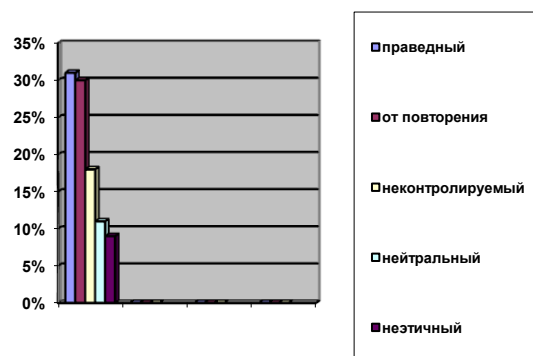

‘ГНЕВ’

‘ГНЕВ’ в английском

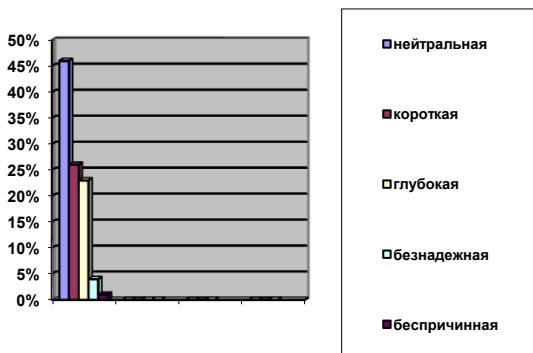

‘ГНЕВ’ в русском

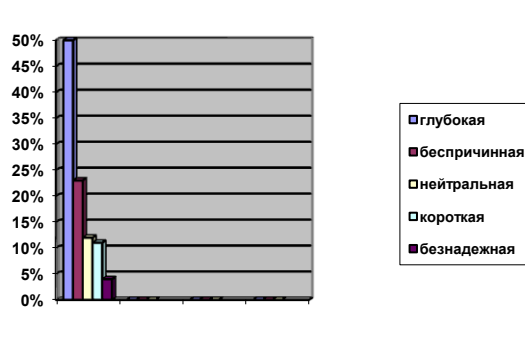

‘ГРУСТЬ’

‘ГРУСТЬ’ в английском

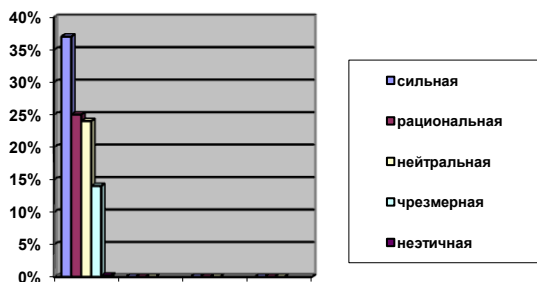

‘ГРУСТЬ’ в русском

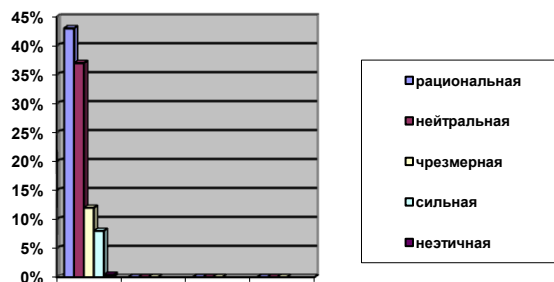

‘РАДОСТЬ’

‘РАДОСТЬ’ в английском

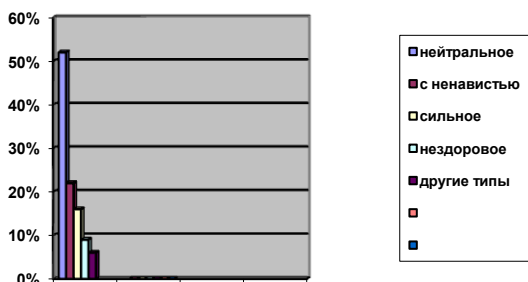

‘РАДОСТЬ’ в русском

‘ОТВРАЩЕНИЕ’

‘ОТВРАЩЕНИЕ’ в английском

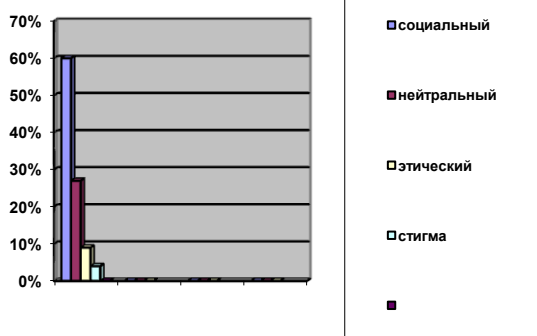

‘ОТВРАЩЕНИЕ’ в русском

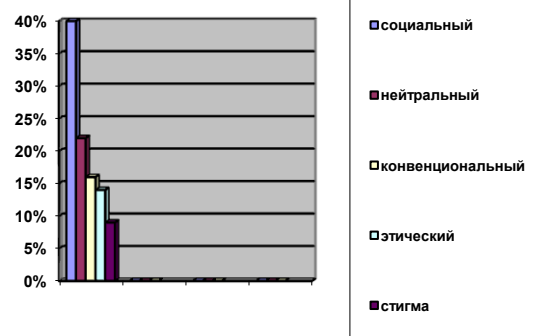

‘СТЫД’

‘СТЫД’ в английском

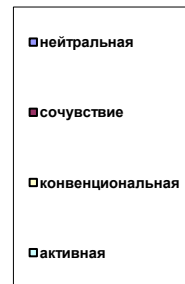
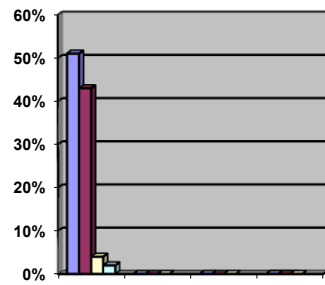
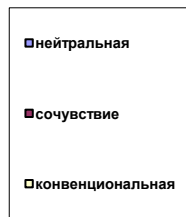
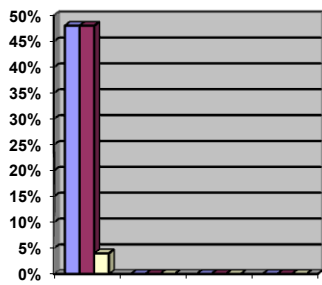
‘СТЫД’ в русском

‘ЖАЛОСТЬ’

‘ЖАЛОСТЬ’ в английском

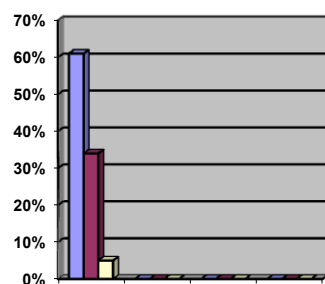
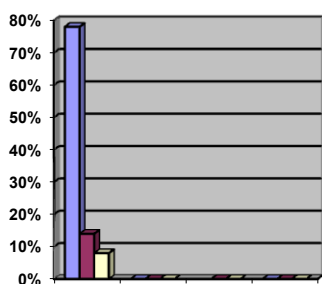
‘ЖАЛОСТЬ’ в русском

‘БЛАГОДАРНОСТЬ’

‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ в английском

‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ в русском

‘ПРЕЗРЕНИЕ’

‘ПРЕЗРЕНИЕ’ в английском

‘ПРЕЗРЕНИЕ’ в русском

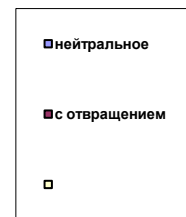
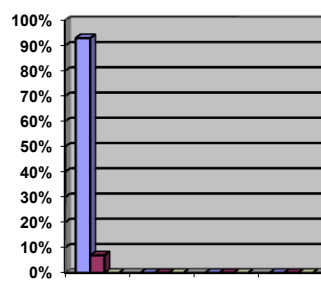
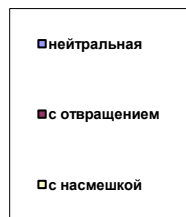
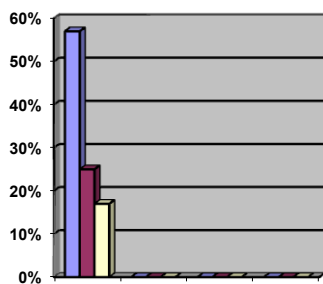

Таблица 6. 50 наиболее частотных сочетаний *бояться* с существительным в роли стимула.

	<u>word</u>	<u>word</u>	<u>Freq</u>	
P N	смерти	смерти	9,663	
P N	воды	воды	5,696	
P N	темноты	темноты	4,701	
P N	трудностей	трудностей	4,571	
P N	влаги	влаги	4,445	
P N	людей	людей	4,127	
P N	высоты	высоты	3,766	
P N	ответственности	ответственности	2,728	
P N	перемен	перемен	2,542	
P N	конкуренции	конкуренции	2,482	
P N	боли	боли	2,350	
P N	Бога	Бога	2,295	
P N	одиночества	одиночества	1,802	
P N	экспериментов	экспериментов	1,747	
P N	последствий	последствий	1,543	
P N	собак	собак	1,511	
P N	наказания	наказания	1,461	
P N	повторения	повторения	1,453	
P N	огня	огня	1,422	
P N	человека	человека	1,419	
P N	гнева	гнева	1,302	
P N	Аллаха	Аллаха	1,300	
P N	холода	холода	1,273	
P N	ударов	ударов	1,068	
P N	критики	критики	1,005	
P N	будущего	будущего	968	
P N	сырости	сырости	961	
P N	света	света	944	
P N	слова	слова	909	
P N	перепадов	перепадов	889	
P N	жизни	жизни	877	
P N	ошибок	ошибок	846	
P N	встречи	встречи	838	
P N	её	её	820	
P N	правды	правды	815	
P N	воздействия	воздействия	815	
P N	осуждения	осуждения	807	
P N	врачей	врачей	805	
P N	огласки	огласки	789	
P N	морозов	морозов	776	
P N	дождя	дождя	732	
P N	люди	люди	715	
P N	сквозняков	сквозняков	713	
P N	старости	старости	712	
P N	работы	работы	685	
P N	разоблачения	разоблачения	684	
P N	крови	крови	659	
P N	пауков	пауков	649	
P N	из-за	из-за	638	
P N	неудач	неудач	635	

Таблица 7. 50 наиболее частотных сочетаний *afraid* с существительным в роли стимула.

	<u>word</u>	<u>Freq</u>	
P N	heights	1,176	
P N	death	1,003	
P N	anything	966	
P N	people	668	
P N	change	662	
P N	something	660	
P N	failure	531	
P N	rejection	374	
P N	everything	360	
P N	dogs	316	
P N	needles	282	
P N	commitment	281	
P N	water	269	
P N	God	257	
P N	anyone	225	
P N	things	217	
P N	nothing	194	
P N	snakes	193	
P N	spiders	188	
P N	life	172	
P N	someone	153	
P N	pain	150	
P N	color	148	
P N	humans	147	
P N	competition	147	
P N	success	140	
P N	men	137	
P N	ghosts	123	
P N	fire	121	
P N	technology	114	
P N	women	106	
P N	retaliation	104	
P N	strangers	100	
P N	thunder	98	
P N	love	97	
P N	loneliness	89	
P N	criticism	87	
P N	work	85	
P N	Him	83	
P N	clowns	82	
P N	conflict	80	
P N	contact	77	
P N	sex	76	
P N	horses	75	
P N	confrontation	74	
P N	risk	73	
P N	others	73	
P N	guns	73	
P N	difficulties	72	
P N	silence	70	

Раздел II, Глава 4. Валентности русских глаголов со значением эмоций

II.4.1. Введение

Данная глава посвящена взаимодействию семантики и синтаксиса в сфере эмотивных глаголов, а именно, влиянию семантической структуры глагола на его модель управления. Общая задача данной главы – показать, что между семантикой глаголов со значением эмоций и характерными для них типами управления существует мотивированная семантическая связь.

В самом общем виде вопросы об отношениях между семантикой и синтаксисом ставились еще в различных теориях падежных значений. Так, Е. Курилович выделял семантические и синтаксические падежи [Курилович 1962], Р. Якобсон предлагал описания значений падежей в терминах семантических признаков [Якобсон 1985]. В современной корпусной грамматике русского языка (rusgram.ru) падежные значения описываются набором семантических ролей, которые они могут выражать.

Идея семантических ролей («глубинных падежей») была сформулирована в известной работе Ч. Филлмора [Fillmore 1968]. Эта идея была воспринята генеративистами, использующими понятие theta-roles, т.е. семантических типов ролей, которые выражаются синтаксическими аргументами глаголов [Croft 1986, Dowty 1991, обзор в Reinhart 2002].

В грамматиках зависимостей, в частности, в теории «Смысл-Текст» и МСШ этим понятиям приблизительно соответствует понятие семантических и синтаксических валентностей (актантов) [Мельчук 1974, Апресян 1995, Богуславский 1996].

При этом идея о семантической мотивированности синтаксических свойств слова, в частности, модели управления, отсутствует в изначальной версии теории «Смысл-Текст», отрицавшей наличие такой семантической связи: «предлоги, фигурирующие в МУ, как правило, являются «пустыми» средствами оформления синтаксической связи между лексемой и ее актантами [ТКС: 81].

Данная работа следует принципам Московской семантической школы и теории интегрального описания языка, декларирующим семантическую мотивацию языковых свойств лексем, в частности модели управления; о семантических основах глагольного

управления см. [Апресян 2010а, б]. В работе [Апресян 2010а] на массовом языковом материале, в первую очередь на материале фундаментальной классификации предикатов, иллюстрируется связь между семантическим классом глагола (действие, деятельность, параметр, положение в пространстве и др.), его актантной структурой (многоактантная, трехактантная, двухактантная, одноактантная), семантикой актантов (агенс, пациенс, причина, объект, опора, инструмент, способ и др.), синтаксическими актантами (обязательными, невыражаемыми, спаренными, смещенными) и лексико-морфологическим способом их выражения (падежи и предложно-падежные группы, предложения и др.).

В области эмотивных глаголов подобного рода исследование, устанавливающее связь семантики и синтаксиса, проводится в работе [Зализняк Анна А. 2006: 84-86], где анализируются разные способы поверхностно-синтаксического и просодического оформления сентенциального актанта у двух значений глагола *бояться*.

Вообще, в русской лингвистике, особенно в теории и практике активной лексикографии (см., например, [НОСС 2004], [Апресян и др. 2014]), накоплен большой массив знаний относительно семантической структуры слов со значением эмоций (ср. в первую очередь словарные статьи Ю.Д. Апресяна, И.Б. Левонтиной, Е.В. Урысон). Лексикографическим описаниям эмоциональных слов НОССа и АС предшествуют работы в рамках модели «Смысл-Текст», в частности статьи Л.Н. Иорданской [Иорданская 1970], в том числе словарные статьи слов со значением эмоций для Толково-комбинаторного словаря [ТКС 1984], а также основополагающие работы Анны Вежбицкой в области толкования эмоциональной лексики [Вежбицкая 1996, Wierzbicka 1999]. Отдельное направление в этой области составляют работы по исследованию семантических ролей слов со значением эмоций и их синтаксического выражения, представленное в работах по семантической разметке [Апресян и др. 2004] и в работах по наследованию семантических структур и моделей управления у дериватов [Падучева 2001], [Пазельская 2005].

Отчасти вопрос о соотношении синтаксического оформления эмотивных глаголов с их семантикой ставится в работе [Овсянникова 2013; Ovsjannikova 2013] о глаголах гнева (см. ниже). Кроме того, соотношение семантики глагола и предпочтительного для него типа диатезы, в том числе на материале эмотивных глаголов, рассматривается в работе [Падучева 2004: 278-292].

Однако вышеупомянутые работы посвящены отдельным словам или группам слов со значением эмоций и не ставят себе цели семантической и синтаксической классификации всего поля эмоций. При этом МУ эмотивных глаголов демонстрируют очень большое разнообразие, заставляя предположить, что семантические структуры глаголов, обозначающих разные эмоции, также сильно различаются.

Традиционно значение эмотивных глаголов (*experience verbs, psych verbs*) принято описывать при помощи семантических ролей Экспериенцера и Стимула [Talmy 1985]; ср. *Вася* [Экспериенцер] *боится* *мышей* [Стимул]. Эти или близкие семантические роли используются в обширной западной литературе, посвященной семантике и синтаксису *psych verbs*, а также в электронных базах фреймов Framenet и Фреймбанк, в которых также используются некоторые другие роли¹⁹⁰.

При этом в некоторых исследованиях отмечается, что выражение ролей очень варьирует от эмоции к эмоции, и ставится вопрос о причине этой вариативности. Так, в работе [Belletti, Rizzi 1988] выделяются три семантико-синтаксических типа эмотивных глаголов в итальянском языке - глаголы типа *temere* 'бояться', глаголы типа *preoccupare* 'беспокоить' и глаголы типа *piacere* 'нравиться'.

В русском языке это деление приблизительно соответствует делению на 1) глаголы эмоционального состояния на *-ся* с номинативным Экспериенцером (типа *сердиться, радоваться*), 2) эмоциональные каузативы с аккузативным Экспериенцером и номинативным Стимулом (*пугать, радовать*) и 3) глаголы и предикативы эмоционального состояния с дативным Экспериенцером (*нравиться, грустно, страшно*). Однако в русском языке, в силу наличия падежей, разнообразие МУ гораздо больше, даже если ограничить сферу рассмотрения только глаголами эмоционального состояния и исключить каузативы¹⁹¹.

---

¹⁹⁰ В исследованиях типологов и генеративистов обычно используются две роли: уже упоминавшиеся Экспериенцер и Стимул; «функторы» АСТ(*or*) и РАТ(*ient*) в чешской системе Vallex [Benešova et al. 2008:48]. В некоторых работах используются три роли; ср. *Experiencer, Target* и *Subject Matter* в [Pesetsky 1994]. В практических системах разметки роли могут быть многообразны: так, во FrameNet, то, что явно выражает единую роль стимула, может размечаться как Стимул, Обстоятельство, Тема, в зависимости от синтаксического выражения: *angry that* (Stimulus), *angry when* (Circumstances), *angry over* (Topic). В Активном словаре русского языка [АС 2014] валентности размечаются в соответствии со своим порядковым номером в толковании, что позволяет установить соответствие между одной семантической ролью и разными возможностями ее синтаксического выражения. Однако в АС не комментируются семантические различия, связанные с разным синтаксическим оформлением, например, разница в интерпретации фраз, где стимул оформлен дативом (*обрадоваться/удивиться/огорчиться чему-л.*) и *что*-предложением.

¹⁹¹ Последнее вполне обоснованно, поскольку каузативы имеют весьма жесткую и единообразную семантическую и синтаксическую структуру, и на материале каузативов семантические различия между разными эмоциональными состояниями в большой мере нейтрализуются: Стимул выступает в синтаксической роли субъекта, Экспериенцер в

При этом разнообразие касается в первую очередь выражения роли Стимула, а не Экспериенцера. Экспериенцер у глаголов эмоционального состояния в русском языке выражается в основном номинативно или, реже дативно (в основном дативный Экспериенцер характерен для так называемых категорий состояния типа *страшно*). Для Стимула же сформулировать стандартный способ синтаксического выражения в русском языке невозможно; ср. *бояться экзамена, радоваться солнышку, обижаться на подругу, расстраиваться из-за двойки, гордиться успехами* и пр.

Интересно, что это касается именно глаголов эмоционального состояния: при перцептивных глаголах типа *видеть, слышать* Стимул стандартно оформляется аккумулятивом, а Экспериенцер номинативом, что является типологически распространенным явлением [см. Плуноян 2011]. Чем же объясняется специфика эмотивных глаголов, не имеющих стандартного синтаксического выражения валентности Стимула?

Дело в том, что между ролями Экспериенцера и Стимула в принципе существует асимметрия. Роль Экспериенцера (так же как и Агенса, Реципиента, Адресата) накладывает семантические ограничения на классы имен, заполняющих ее валентность в высказывании. Прототипические Агенты, Экспериенцеры, Реципиенты, Адресаты – это одушевленные существа. Семантическая общность мотивирует синтаксическое единство оформления. Однако Стимулами могут быть как одушевленные существа, так и неживые объекты, и поэтому от роли Стимула естественно ожидать синтаксической разнородности – она семантически не холистична.

Однако почему у перцептивных глаголов роль Стимула оформляется единообразно, что косвенным образом свидетельствует о том, что она осознается как семантически единая? По-видимому, для перцептивных Стимулов, особенно визуальных, осознаваемая разница между разными типами воспринимаемых объектов невелика – человек не ощущает, что, видя человека или дерево, он видит принципиально разные классы объектов. Хотя нейрокогнитивные данные свидетельствуют о том, что разные виды объектов воспринимаются разными группами нейронов – движущиеся vs. статичные объекты [Zeki et al. 1991], человеческие лица vs. другие категории объектов

синтаксической роли объекта. МУ каузативов также намного беднее, чем МУ глаголов эмоционального состояния, допускающих очень большую вариативность.

[Carmel and Bentin 2002], язык этого различия не отражает или, по крайней мере, это различие не является типологической фреквенталией.

Однако с эмоциями дело обстоит иначе. Во-первых, Стимулом для эмоции может служить абсолютно все, что угодно – не только визуально воспринимаемые объекты, но и объекты слухового, тактильного, вкусового, ольфакторного восприятия; люди; знание фактов, ситуаций, событий, мнения и предположения по поводу того, что может произойти и т.п. С нейрокогнитивной точки зрения эмоции также совершенно разнородны – страх, гнев, удовольствие, отвращение и т.п. по-разному локализованы в мозгу [LeDoux 1998]. Разные эмоции сопровождаются совершенно разными физиологическими проявлениями [Ekman 1999], они вызывают разные поведенческие реакции и разные желания [Oatley, Johnson-Laird 1987]. По-видимому, различие психологической и физиологической природы разных эмоций настолько велико, что это осознается и отражается языком, в том числе, на уровне синтаксиса. Лексические различия между разными типами эмоций достаточно хорошо изучены на примере эмоциональной метафоры [Lakoff, Johnson 1980, Kövecses 2000].

Наконец, эмоциональные Стимулы отличаются от перцептивных степенью своей акциональности. В то время как перцептивные Стимулы являются пассивными воспринимаемыми объектами, эмоциональные Стимулы активно воздействуют на экспериенцера, меняя его состояние. В русском языке это различие отражается в частности в том, что многие эмотивные глаголы имеют соответствующие каузативы (*сердить, радовать, удивлять, обижать, огорчать* и пр.), где Стимул становится синтаксическим субъектом, а экспериенцер - объектом.

Большинство русских эмоциональных каузативов не агентивно, и в роли субъекта выступает причина или эффектор (*Меня удивил такой поворот событий; В последнее время Петя не радуется своих родителей*). Однако некоторые эмоциональные каузативы агентивны, т.е. Стимул у эмотивных состояний может повышаться до агенса; ср. целенаправленные и отчасти контролируемые действия *злить, пугать, веселить*. Для перцептивных состояний типа *Я вижу дом* в русском языке каузативное преобразование невозможно (**Дом меня видит*), и мена диатезы возможна только при помощи дативной конструкции (*Мне видно дом*)¹⁹².

---

¹⁹² О разнице эмоций и восприятий в отношении к каузативной конструкции см. [Падучева 2004: 305].

Таким образом, Стимул у эмотивных состояний представляет собой, по крайней мере в русском языке, принципиально иную семантическую роль, нежели Стимул перцептивных состояний, что имеет многочисленные языковые рефлексy, в том числе на синтаксическом уровне.

Однако вопрос о семантической обоснованности выделения единой роли Стимула для всех эмотивных глаголов, и о семантических сдвигах, которые она претерпевает при разном синтаксическом выражении, насколько нам известно, в литературе не ставился. С этой точки зрения показательна работа [Klein, Kutscher 2002] на материале немецкого языка, где различия в синтаксическом оформлении роли Стимула у эмотивных значений глаголов¹⁹³ объясняются не семантикой, а принципом лексической экономии. Авторы утверждают, что поскольку многим эмотивным глаголам свойственна полисемия, их модели управления в эмотивном значении наследуются от исходных, не-эмотивных значений глаголов, а семантика эмоции признается не играющей роли в выборе синтаксического оформления роли Стимула: «the case selection of psych-verbs is not affected by its psychic reading».

Между тем представляется, что эмоции, относящиеся к разным типам, или кластерам, в зависимости от своих онтологических свойств могут обладать разными валентностями, что, в свою очередь, может отражаться в различиях моделей управления или, при одинаковых моделях управления, в их частотном распределении. Более того, у одного и того же глагола часто бывает несколько предпочтительных или возможных МУ, в каждой из которых его семантика несколько модифицируется, но нет глагола, для которого были бы возможны все МУ, в принципе встречающиеся у эмотивных глаголов.

Итак, в данном исследовании рассматривается следующая основная гипотеза: разнообразие синтаксического выражения роли Стимула у эмотивных глаголов мотивировано семантически и объясняется тем, что такой роли в чистом виде не существует. У различных эмоций валентность Стимула окрашивается семантикой разных дополнительных ролей – Пациенс, Адресат, Место, Часть. Во многих случаях выбор предпочтительной модели управления семантически мотивирован этой дополнительной ролью. Тип дополнительной роли определяется всей структурой события, в частности, характером Стимула, желаниями, поведением, речевыми

---

¹⁹³ “Though psych-verbs share the same thematic grid (experiencer and stimulus), they show different case frames” [Klein, Kutscher 2002:1].

проявлениями и другими особенностями того или иного эмоционального состояния. Если глагол допускает разные МУ (например, с дативом или с *что*-конструкцией), каждая из них окрашивает роль Стимула своей семантикой (например, Адресат или Содержание).

В исследовании используется методология Московской семантической школы [Апресян 2005]; к рассматриваемому материалу применяется метод корпусного анализа. Кроме того, используются элементы грамматики конструкций [Fillmore et al. 1988], [Goldberg 1995]: модели управления эмотивных глаголов рассматриваются как конструкции, обладающие собственным значением. Их выбор в качестве МУ для тех или иных эмотивных глаголов мотивируется как семантикой соответствующего эмотивного глагола, так и семантикой соответствующей конструкции. Семантика конструкций устанавливается путем их сочетаемостного анализа, т.е. изучения типичного для каждой из конструкций лексического заполнения.

В исследовании используются данные корпусов ruTenTen на ресурсе Sketch Engine и Основного корпуса НКРЯ.

Корпус ruTenTen используется в данной главе, в основном, для создания скетчей глаголов – упорядоченных по синтаксической структуре коллокаций с указанием частотностей каждой из двадцати наиболее частотных лексем. Коллокации для глагола выглядят следующим образом:

- subject (перечисляются субстантивные лексем, которые наиболее частотны в роли подлежащего при данном глаголе – и стоят перед глаголом);
- direct object (перечисляются субстантивные лексем, наиболее частотные в роли прямого дополнения);
- object 2 (перечисляются субстантивные лексем в роли дополнения в дательном падеже);
- PP (предложно-именные группы с указанием частотностей разных предлогов и имен, сочетания с адвербиалом и некоторые другие).

Этот инструмент исключительно полезен для быстрой оценки общей картины сочетаемости.

Основной корпус НКРЯ используется в данной работе для семантического поиска, а также для проверки данных ruTenTen, поскольку представляет собой

сбалансированный корпус, в отличие от веб-базированного ruTenTen. Слова в запросах в НКРЯ фиксировались на расстоянии один.

II.4.2. Отсутствие стандартного способа оформления Стимула у эмотивных глаголов

Для эмотивных глаголов широко распространенным синтаксическим свойством является управление *что*-предложением, выражающим Стимул эмоции (отмечается как особенность русских эмотивных глаголов в [Вежбицкая 1996]): *радоваться* <*сердиться, удивляться, сожалеть, обижаться, гордиться, стыдиться, надеяться, завидовать, ревновать, быть благодарным*>, *что* Y.

Оно невозможно для глаголов, у которых вторая валентность – это валентность Объекта, а Стимул является третьей, менее важной и реже выражающейся валентностью. Это глаголы, промежуточные между эмоциями-состояниями и эмоциями-отношениями¹⁹⁴, такие как *жалеть, презирать*: *жалеть кого-либо за что-либо, презирать кого-либо за что-либо*; ср. странность^{??} *жалеть Петю, что он получил двойку*,^{??} *презирать Васю, что он украл кошелек*. У таких глаголов Стимул обычно выражается *за*-конструкцией (*жалеть Петю за двойку, презирать Васю за кражу*)¹⁹⁵. Однако для большинства эмоций из большей части кластеров *что*-выражение возможно. Ниже приводится приблизительный краткий список глаголов и предикативов из разных эмоциональных кластеров, которые допускают такое управление:

‘СТРАХ’: *бояться, опасаться, беспокоиться, волноваться, пугаться, страшиться, тревожиться, ужасаться*;

‘ГНЕВ’: *сердиться, злиться, златься, гневаться, беситься*;

‘ГРУСТЬ’: *грустить, горевать, расстраиваться, огорчаться, печалиться, тосковать*;

‘РАДОСТЬ’: *радоваться, рад*;

‘ГОРДОСТЬ’: *гордиться, кичиться*;

‘СТЫД’: *стыдиться, совеститься, стесняться*;

‘БЛАГОДАРНОСТЬ’: *быть благодарным*;

‘СОЖАЛЕНИЕ’: *сожалеть, жалеть, жалко, жаль*;

¹⁹⁴ О различии эмоциональных состояний и эмоциональных отношений см. [Иорданская 1970].

¹⁹⁵ В данной работе не рассматриваются употребления глаголов со значением эмоций в конструкции с предлогом *за* в значении несобственной эмоции (“vicarious emotion”), как в словосочетаниях *радоваться за кого-л., огорчаться за кого-л.* Однако рассматриваются конструкции с *за*, когда эта предложно-именная группа метонимически выражает валентность Стимула (*гордиться за сына* ≅ ‘гордиться успехами сына’).

‘ОБИДА’: *обижаться, дуться*;

‘УДИВЛЕНИЕ’: *удивляться, изумляться, поражаться*;

‘ЗАВИСТЬ’: *завидовать*;

‘РЕВНОСТЬ’: *ревновать*;

‘НАДЕЖДА’: *надеяться*.

В связи с большой распространенностью *что*-конструкции при эмотивных глаголах встает вопрос о ее статусе: можно ли признать ее единым стандартным способом выражения валентности эмоционального Стимула в русском языке? Представляется, что существуют аргументы против того, чтобы считать эту конструкцию универсальным выразителем собственно валентности эмоционального Стимула.

II.4.2.1. Что-предложение с путативными эмоциональными глаголами

Во-первых, необходимо отметить, что при разных эмотивных глаголах *что*-предложение имеет разные интерпретации, поскольку они имеют разный набор валентностей.

Сравним фразы типа *Он сердится* <*злится, радуется, сожалеет, обижается*>, *что она приехала*, с одной стороны, и фразы типа *Он надеется, что она приехала; Он опасается, что она приехала*, с другой. В первой группе фраз пропозиция ‘она приехала’ имеет статус факта, во второй группе фраз – статус предположения. В первой группе фраз возможна перифраза с фактивными причинными союзами *из-за того, что* и *оттого, что*, во второй группе фраз – нет; ср. *Он сердится* <*злится, радуется, сожалеет, обижается* > *из-за того, что она приехала*, но не **Он надеется из-за того, что она приехала*; **Он опасается из-за того, что она приехала*.

Глаголы первой группы фактивны, они обозначают эмоции, возникающие в результате того, что что-то произошло. Глаголы второй группы путативны, они обозначают эмоции, возникающие в результате того, что экспериенцер думает, что что-то произойдет. К глаголам второй группы относятся глаголы кластера ‘НАДЕЖДА’ и некоторые глаголы кластера ‘СТРАХ’.

У некоторых глаголов кластера ‘СТРАХ’ причинное преобразование формально возможно, однако при этом существенно меняется смысл: ср. *Я нервничаю, что не успею на поезд* (≅ ‘Я думаю, что не успею на поезд, и поэтому чувствую что-то плохое’) vs. *Я нервничаю из-за того, что не успею на поезд* (≅ ‘Я знаю, что не успею на поезд, и

поэтому чувствую что-то плохое’). Замена *что*-предложения в этих примерах на причинную пропозицию приводит к изменению статуса пропозиции: с путативного он меняется на фактивный. То же происходит при замене времени глагола в подчиненной клаузе: *Я нервничала, что не успею* (путативная интерпретация $\cong$ ‘Я думала, что не успею, и поэтому чувствовала что-то плохое’) vs. *Я нервничала, что не успела* (фактивная интерпретация $\cong$ ‘Я не успела, и поэтому чувствовала что-то плохое’).

Таким образом, эмотивные глаголы неоднородны с точки зрения валентности, которую заполняет при них *что*-пропозиция.

Для фактивных эмотивных глаголов – это валентность Стимула, и *что*-пропозиция вводит указание на событие или ситуацию, которые вызвали эмоцию. Их семантическая структура, в самом общем виде, такова: в ассерции у них указание на эмоцию, в пресуппозиции – указание на ситуацию или событие, которые вызвали эмоцию; ср. *Он не радовался, что она пришла* = ‘Она пришла; он не радовался’.

Однако у путативных эмотивных глаголов, в частности у глагола *надеяться*, а также у *опасаться* и некоторых других глаголов кластера ‘СТРАХ’ *что*-пропозиция заполняет другую валентность. Валентности Стимула, т.е. реально существующей ситуации или объекта, вызывающей эмоцию, у них нет. У надежд, страхов, опасений могут быть свои причины (*Вот почему я его опасуюсь; Что дает тебе основания надеяться?*) однако они семантически факультативны.

У подобных глаголов *что*-предложение заполняет валентность Содержания компонента ‘думать’, входящего в их толкование. Таковы, например, путативные и проспективные глаголы *надеяться* и *опасаться*. Их семантическая структура принципиально иная: в ассерции у них указание на предположение о том, что может произойти какое-то событие, в пресуппозиции – эмоциональное отношение к этому событию; ср. *Он не надеялся, что она придет* = ‘Он не думал, что она придет; он хорошо относился к ее приходу’.

Некоторые другие глаголы из кластера ‘СТРАХ’ фактивны, как и все прочие эмоциональные глаголы; ср. например, *ужасаться*: *Он ужасался, не чувствуя в себе привычной любви* (И. Грекова. Фазан (1984)) $\cong$ ‘Он не чувствовал привычной любви и поэтому ужасался’.

Ряд глаголов, в том числе основной глагол кластера ‘СТРАХ’ *бояться*, а также глаголы *беспокоиться* и *волноваться*, путативны в одних употреблениях и фактивны в

других. Анализируя глагол *бояться*, Зализняк Анна А. [1983, 1985, 2006:75] обнаружила у него два разных значения: эмоциональное (где в ассерции негативная оценка) и ментальное (где в ассерции вероятностная оценка). К этому наблюдению следует добавить, что в ментальном значении он путативен, а в эмоциональном – фактивен¹⁹⁶. Ср. *Она боялась <беспокоилась, волновалась>, что он не придет* (путативный) vs. *Она боялась <беспокоилась, волновалась> из-за того, что он не пришел* (фактивный).

Таким образом, можно говорить о двух разных значениях или двух разных кругах употреблений у этих глаголов: в одном они ведут себя как типичные глаголы эмоции, обозначающие чувство, вызванное некоторым событием; в другом круге они ведут себя скорее как ментальные предикаты типа *считать, думать* и т.п. в сочетании с оценкой ожидаемого события как плохого. Для глагола *бояться* возможны амбивалентные конструкции с генитивом, где фактивная vs. путативная интерпретации зависят от характера существительного и его денотативного статуса; ср. *Она боялась его приходов* ($\cong$ 'Ей было страшно от его приходов') vs. *Она боялась его измены* ($\cong$ 'Она думала, что он ей изменит, и испытывала от этого неприятное чувство').

Для глаголов *беспокоиться* и *волноваться* с *что*-предложением возможны обе интерпретации.

Если глагол в *что*-предложении стоит в будущем времени – интерпретация путативная: *Она волновалась <беспокоилась>, что он опоздает* (*что*-предложение заполняет валентность содержания предположения: опоздание может состояться, а может не состояться). Если глагол в *что*-предложении стоит в прошедшем или

---

¹⁹⁶ Различие путативных и фактивных глаголов эмоций в конструкции с *что*-предложениями подробно обсуждается в работе [Mel'čuk, Iordanskaja 1990]. Глаголы типа *радоваться* считаются там квазифактивами на основании того, что фактивность компонента, вводимого *что*, у них ниже, чем у подлинных фактивов типа *знать*. На основании примеров типа *Петя радуется, что Маша уже в городе, а на самом деле ее там нет* квазифактивность признается у глаголов типа *радоваться, сердиться, удивляться, огорчаться* слабым смыслом [Mel'čuk, Iordanskaja 1990: 326]. В работе предлагается ввести в значение глаголов типа 'радоваться' компонент 'X (экспериментер) считает Y (ситуацию) высоковероятным'. Однако представляется, что ситуация Y, вызывающая эмоцию, имеет все-таки статус факта, что особенно заметно с глаголами совершенного вида, а также в конструкции с дативом; ср. невозможность ^{??}*Петя обрадовался, что Маша приехала, а она не приехала*, ^{??}*Петя радуется приезду Маши, а она не приехала*. Кроме того, в контекстах, предполагающих непосредственное восприятие стимула, невозможна отмена фактивного компонента; ср. неправильность **Петя ужасно радовался, что Маша к нему наконец-то пришла, а она не пришла*.

настоящем времени, интерпретация фактивная: *Она волновалась <беспокоилась>, что он запаздывает <что он опоздал>* (фактивная интерпретация, *что*-предложение заполняет валентность Стимула).

Таким образом, у путативных глаголов со значением эмоций *что*-предложение выражает валентность **Содержания** предположения, как и у глаголов мнения типа *думать* и *считать*.

II.4.2.2. Что-предложение с фактивными эмоциональными глаголами

Как было установлено выше, у путативных эмотивных глаголов *что*-предложение выражает валентность содержания мнения, а не отсутствующую у них валентность Стимула. Однако и у фактивных глаголов, имеющих роль Стимула, *что*-предложение также затруднительно считать ее универсальным выразителем. Дело в том, что эта конструкция имеет свои семантические особенности, ограничивающие типы Стимулов, которые она может выражать.

Основное значение *что*-конструкции в русском языке соответствует семантической роли **Содержания**. Валентность содержания свойственна в первую очередь трем типам предикатов – предикатам знания (типа *знать*, *понимать*), предикатам мнения (типа *думать*, *считать*, *предполагать*) и предикатам речи (типа *сказать*, *говорить*, *сообщать*).

Какую же валентность эта конструкция выражает при эмотивных глаголах? На первый взгляд, это валентность Стимула: *Он обрадовался, что она пришла* $\cong$ *Он обрадовался ее приходу* $\cong$ ‘Она пришла; это вызвало у него радость’. Однако *что*-конструкция придает роли Стимула иную семантическую окраску, нежели, скажем, его генитивное выражение: *Она испугалась мыши* $\neq$ *Она испугалась, что увидела мышь*. Фразы, где глагол *испугаться* управляет предметным именем в форме генитива, описывают эмоцию, которая возникает в результате **непосредственного**, часто внезапного восприятия Стимула.

Конструкции с *что* также возможны для глагола *испугаться*, однако они имеют несколько другую семантику; ср. *Ирина вдруг испугалась, что он её действительно выкинет с седьмого этажа* (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002), *Он плакал и плакал всю ночь, а в четыре перестал плакать. И я испугалась, что он умрёт* (Андрей Геласимов. Жанна (2001)). Они описывают эмоцию, которая возникает

не в результате непосредственного восприятия Стимула, а в результате **осмысления** некоторой ситуации.

Такое же различие можно продемонстрировать на примере глагола *обрадоваться*. Рассмотрим фразы вида *Она обрадовалась ему*, где глагол управляет предметным именем в форме датива. Они описывают эмоцию, которая возникает в результате непосредственного, обычно визуального, восприятия Стимула, который появляется в поле зрения; часто они указывают на ситуацию прихода: *Открыв дверь, Соня вовсе не обрадовалась гостю* (Сергей Таранов. Мстители (1999)); — *А вот и он! — обрадовался гостю Крумов* (Олег Дивов. Выбраковка (1999)).

Фразы с *что*-конструкцией описывают эмоцию, которая возникает в результате осмысления некоторой ситуации: *Пелагея Павловна обрадовалась, что пришел Алексей и кто-то теперь есть, кроме нее, в квартире, и, обрадовавшись этому, ушла на рынок* (Андрей Битов. Сад (1960-1963)); *Знаете, мама очень обрадовалась, что вы пришли. Вы ей нравитесь. Говорит: хороший мальчик* (Андрей Житков. Кафедра (2000)).

Фразы типа ^{??}*Открыв дверь, Соня обрадовалась, что он пришел*, предполагающие эмоцию, возникающую непосредственно при восприятии Стимула, без предварительного осмысления, неестественны.

Таким образом, *что*-конструкция не может считаться универсальным средством выражения Стимула, поскольку она указывает только на один вид Стимулов — **осознанные экспериенцером ситуации**. И если при путативных эмотивных глаголах она выражает содержание предположения, то при фактивных эмотивных глаголах она выражает содержание знания¹⁹⁷.

Языковое противопоставление непосредственных и опосредованных Стимулов интересным образом коррелирует с нейрокогнитивными данными. В работе [LeDoux 1996] обсуждаются два типа активации страха: быстрый — “fast route” и медленный — “slow route”. При быстром типе активации сигнал от Стимула идет подкорковым путем, и реакция страха наступает без осознанного осмысления Стимула. При медленном типе активации сигнал от Стимула идет через кору головного мозга, и реакция страха наступает после осознания Стимула как угрозы. Похожие различия концептуализуются в языке, причем как на лексическом уровне (*испугаться* — тип быстрого,

---

¹⁹⁷Корреляция между изъяснительным *что*-предложением и наличием ментального компонента в придаточном отмечается в работах [Wierzbicka 1988: 132], [Арутюнова 1988: 110-120], [Зализняк Анна А. 2006: 429-455].

бессознательного страха, *опасаться* – тип медленного, осознанного страха), так и на синтаксическом (падежное управление предметным именем – тип быстрого, бессознательного страха, *что*-конструкция – тип медленного, осознанного страха).

Есть также немногочисленный тип глаголов, при которых *что*-конструкция реализует свое третье основное значение, а именно, содержание сообщения. Поскольку русские эмотивные глаголы иногда указывают на речевое выражение эмоции, *что*-конструкция может интерпретироваться как содержание сообщения; ср. *Потом на папин храп из комнаты выходила мама, громогласно возмущалась, что уже час ночи, а ребёнок ни в одном глазу!* (Татьяна Соломатина. *Мой одесский язык* (2011)); *Наверное, я очень занудно сокрушалась, что нигде не видно ни львов, ни носорогов* (О. Белоконева. *Африканские ямбы* // «Наука и жизнь», 2006).

Все сказанное выше дает основания не считать *что*-конструкцию универсальным способом выражения эмоционального Стимула в русском языке. Во-первых, иногда она выражает при эмотивных глаголах другие типы актантов (содержание мнения, содержание сообщения).

Во-вторых, выражение роли Стимула не является ее первичной функцией в русском языке, ее основная и первичная семантическая функция – это именно Содержание – сообщения, знания или мнения.

По данным корпуса RuTenTen, именно в сочетании с этими тремя типами предикатов *что*-конструкция наиболее частотна. А именно, из первой по частотности десятки глаголов, которые употребляются в этой конструкции, с речевыми глаголами *говорить* и *сказать* имеется около 500000 вхождений, с фактивными глаголами *знать*, *понимать* и *понять* – более 550000 вхождений, с путативными глаголами *думать*, *считать* и *казаться* – около 390000 вхождений. *Что*-конструкция, таким образом, обычно выражает валентности содержания знания, содержания мнения и содержания сообщения.

Безусловно, это данные абсолютной частотности, и можно предположить, что высокая частотность *что*-конструкции с глаголами речи, знания и мнения объясняется их общей высокой частотностью в языке относительно эмотивных глаголов. Действительно, перечисленные предикаты знания, мнения и речи более частотны, чем многие эмотивные глаголы, однако частотность *что*-конструкции с ними объясняется не только их собственной большей частотностью, но и тем, что они чаще употребляются в

что-конструкции, чем многие эмотивные глаголы.

По данным НКРЯ, у предикатов мнения, знания и речи доля *что*-употреблений от их общей частотности составляет от десяти процентов (*говорить, сказать*) до двадцати (*знать, понимать, думать, считать*). Что касается эмотивных глаголов, то у них способность употребляться в *что*-конструкции коррелирует с долей ментальной оценки, предполагаемой глаголом. Чем больше доля ментальной оценки в эмотивном глаголе, тем чаще он употребляется в *что*-конструкции, чем она меньше, тем реже он употребляется в *что*-конструкции. Для путативных глаголов *бояться* и *надеяться* доля *что*-употреблений составляет около 12 процентов и около 30 процентов соответственно. Для глаголов *удивляться* и *радоваться*, часто предполагающих ментальную оценку ситуации, доля *что*-употреблений также высока – около десяти и 12 процентов соответственно. Однако для глаголов, которые не предполагают осознания стимула, т.е. не указывают на содержание знания или мнения, эта доля намного ниже: для *грустить* она составляет около 2.5 процентов, для *беситься* – около 2.3 процентов, для *сердиться* и *злиться* – примерно 3.3 процента, для *стесняться* – примерно 1.4 процента.

Поэтому даже тогда, когда эта конструкция выражает роль Стимула, этот Стимул окрашивается семантикой Содержания знания, т.к. Стимулом является осознанная Экспериенцером Ситуация¹⁹⁸. Непосредственно воспринимаемые стимулы этой конструкцией выражаться не могут. Более того, лексемы, выражающие эмоции, которые не могут вызываться осознанными ситуациями, не могут управлять *что*-предложением; ср. невозможность **Он блаженствовал, что лежит на солнце*, **Он блаженствовал, что пьет кофе*, при возможности *Он радовался, что лежит на солнце*, *Он радовался, что пьет кофе*. Эмоция *блаженствовать* вызывается непосредственным восприятием Стимула, а не его осмыслением; ср. *Он блаженствовал на солнце*, *Он блаженствовал, попивая кофе*.

Таким образом, семантически и синтаксически единое выражение роли эмоционального Стимула в русском языке отсутствует. Ниже анализируются семантические причины синтаксического разнообразия в оформлении этой роли.

---

¹⁹⁸ По-видимому, *что*-конструкцию в русском можно считать выражением некоторой гиперроли, поскольку она употребляется с глаголами, у которых есть валентность Содержания (ментальные и речевые предикаты), глаголами, у которых есть валентность Ситуации (экзистенциальные предикаты типа *случиться, получиться, оказаться*) и глаголами, у которых есть валентность Стимула (перцептивные и эмотивные предикаты); о понятии гиперроли см. [Кибрик 2004:16-19].

II.4.3. Валентности у разных типов глаголов со значением эмоции

Как сказано выше, у эмотивных глаголов традиционно выделяются две валентности, соответствующие семантическим ролям Экспериенцера и Стимула, который иногда также называют причиной эмоции. Так используется метаслово ‘причина’ в Новом объяснительном словаре синонимов и в номенклатуре семантических ролей, предложенной в работе [Апресян 2010а: 371-380]; ср. *Он [Экспериенцер] расстроился из-за своей неудачи [Причина]*. В данной статье используется термин Стимул. Таким образом, типичная схема толкования для глагола со значением эмоции выглядит примерно следующим образом:

(1) ‘Человек X испытывает хорошее (или плохое) чувство, вызванное Стимулом Y’.

У эмоциональных каузативов происходит мена диатезы:

(2) ‘Стимул Y вызывает у человека X хорошее (или плохое) чувство’.

Представляется, что для группы эмоций, прототипически вызываемых хорошими или плохими событиями, этот семантический прототип в целом соответствует действительности. Однако даже у этой группы «чистая» валентность Стимула характерна не для всех глаголов.

У эмоций других групп семантическая структура может быть еще более сложной, что проявляется в их моделях управления. В работе рассматриваются эмоции классов «события», «отношения», «отношения к себе» и «ожидания» (ср. отчасти сходную классификацию в работе [Вежбицкая 1996]), исследуются их семантические структуры и модели управления.

II.4.3.1. Эмоции как реакции на события

К данной группе эмоций относятся, в чистом виде, эмоции кластеров ‘РАДОСТЬ’ и ‘ГРУСТЬ’.

II.4.3.1.1. Хорошие события

Валентность Стимула у глаголов этих кластеров допускает множественное выражение, однако для глагола *радоваться* (основного представителя кластера ‘РАДОСТИ’) наиболее типичными являются модели управления (МУ) с дативом (*радоваться ее приезду*) и с *что*-предложением (*Он радуется, что она приехала*). По данным Основного корпуса НКРЯ модель с дативом составляет 27 процентов от всех

вхождений *радоваться*, а с *что*-предложением – около 12 процентов (всего – 14181, с дативом – 3863, с *что*-предложением 1643).

Возможны, но существенно менее частотны, МУ с предлогами – все они составляют доли процента от общего числа вхождений: *от* – 36 вхождений (*радоваться от предвкушения*), *по поводу* – 7 вхождений (*радоваться по поводу ее поступления в университет*), *о* – 93 вхождения (*радоваться о спасении*), *из-за* – одно вхождение (*радоваться из-за всяких пустяков*). Кроме того, возможны, хотя и очень редки, союзные способы выражения валентности Стимула с причинным союзом *оттого, что* (5 вхождений): *Он радуется оттого, что она приехала*¹⁹⁹.

МУ с дативом возможна также для прилагательного *счастлив* (эта эмоция не имеет глагольного выражения в русском языке): *Я счастлив твоему приезду*. Она составляет около 4 процентов от всех вхождений *счастливый* в краткой форме (556 от 14184); это прилагательное чаще употребляется абсолютнво.

При этом другие разновидности ‘РАДОСТИ’ имеют другие предпочтительные средства выражения. В этой связи можно упомянуть, например, эмоцию *ликовать* из подтипа «сильной радости», которая не допускает дативного управления: *ликовать чему-л. Единичные примеры из НКРЯ на дативное управление производят впечатление устаревших или неправильных:

(3) *День был прекрасный; все в природе улыбалось и ликовало появлению лета* (И. И. Лажечников. Басурман (1838))

Для *ликовать* характерна МУ с *от* и *по поводу*: *Она и сама радовалась, когда детишки ликовали от ее гостинцев* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)); *Когда печать ликовала по поводу присоединения Западной Украины, она заметила: «Чем тут гордиться?»* (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)).

Невозможно также **злорадствовать чему-либо*: **Она злорадствовала его провалу*. Примеры типа (4) воспринимаются как сугубо авторские, тем более что в контексте присутствует глагол *радовать*, облегчающий употребление датива (в НКРЯ встретилось два примера на *злорадствовать* с дативом).

---

¹⁹⁹ Идея о том, что одной семантической валентности соответствуют разные синтаксические оформления, каждое из которых имеет свою семантическую специфику, последовательно проводится в работе [Апресян 2010а] и практически выражается в Активном словаре русского языка [АС 2014].

(4) *И по утрам, читая газеты, с каким-то нетерпением искал он и, находя, радовался — злорадствовал всяким убийствам, пожарам, катастрофам, наводнениям, ливням, землетрясениям* (А. М. Ремизов. Крестовые сестры (1910)).

Эта эмоция обычно выражается при помощи конструкции с предлогом *по поводу* (9 вхождений из 246), возможным для глаголов речи (*высказываться по поводу*), но не с чисто причинными предлогами: **злорадствовать из-за <от> ее провала*. Возможна для нее также конструкция с предлогом *над* (7 вхождений из 246), что сближает ее с недоброжелательными речевыми действиями, имеющими валентность Пациенса, типа *насмехаться, потешаться, издеваться*, для которых *над*-конструкция является основной.

По-видимому, особенности МУ *злорадствовать* связаны с тем, что эта эмоция имеет Стимул, однако не имеет объективной причины. Точнее, причина *злорадства* – не само событие, а особое отношение Экспериенцера к субъекту ситуации, которая является Стимулом. Поэтому собственно причинные средства выражения этой валентности для данного глагола недоступны.

Выражение Стимула предложно-именными группами с предлогами *над* и *по поводу* связано с тем, что *злорадствовать* часто предполагает речевое выражение в форме насмешки:

(5) *Если они и понимали положение крестьян, то все равно им не сочувствовали, а, скорее, злорадствовали: «Так вам и надо за то, что вы большевиков поддерживали»* (Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008).

По этой же причине для *злорадствовать* типична сочетаемость с наречиями типа *втихомолку, втайне, открыто, откровенно* (данные корпуса RuTenTen).

Глагол *блаженствовать* также невозможен с дативом, однако окказионально Стимул может выражаться при помощи специализированных причинных конструкций с предлогами и союзами.

Таким образом, можно сделать вывод, что та валентность, которая у слов со значением эмоций обозначается зонтичным термином ‘Стимул’, на самом деле устроена более сложно. По-видимому, чистые Стимулы характерны не для всех эмотивных слов; многим из них свойственны синтетические валентности, где идея Стимула является

ядерной, однако к ней примешивается семантика некоторых других семантических ролей.

У глагола *радоваться* валентность Стимула может быть окрашена смыслом семантической роли Адресата²⁰⁰. С одной стороны, *радоваться* (и *обрадоваться*) с дативной МУ как правило, описывают реакции на только что произошедшие или актуально происходящие события, часто непосредственно воспринимаемые экспериенцером: *Она очень ему обрадовалась*, но не **Она радовалась своему благородному происхождению*. Метафорический прототип соотношения Экспериенцера и Стимула у глаголов *радоваться* и *обрадоваться* – встреча, появление стимула в поле восприятия экспериенцера (*радоваться успехам, подаркам, весне, победе, первому снегу, солнышку, рождению ребенка* и пр.)

С другой стороны, *радоваться* часто предполагает открытое выражение, направленное на Стимул; ср. *шумно радоваться, громко радоваться*, улыбка как стандартное выражение радости. Отметим, что и сам глагол *улыбаться*, обозначающий типичное проявление радости, имеет валентность Адресата (*улыбаться кому-л.*). При этом выражение радости, как показывается в работе [V. Апресян 2013], поощряется русским языковым этикетом – в отличие, например, от эмоций типа *сердиться*, – особенно если Стимулом эмоции является человек. По указанной причине для глагола *радоваться* наиболее характерна МУ с дативом – типичным выразителем Адресата в русском языке: *Он мне очень обрадовался; Лично я улыбаюсь либо когда смешно, либо когда радуюсь любимому человеку, а в знак приличия и т.п. никогда не буду...* (Счастье в улыбке, или почему... (форум) (2007.02.04)).

Ликовать также предполагает внешнее выражение эмоции, однако этот глагол в первую очередь описывает поведение, вызванное определенной причиной, обычно некоторой ситуацией, и лишь во вторую – само чувство. Для него даже возможны употребления, где речь идет исключительно о поведении, а в роли причины поведения выступает сама эмоция; ср. *ликовать от радости <от счастья>*. Валентность Стимула окрашена семантикой причины, что объясняет МУ с причинным предлогом *от*, и

---

²⁰⁰ Как и в случае с *что*-конструкцией, первичная семантическая функция конструкции с дативом – не Стимул, а иная. По данным RuTenTen, наиболее частотные семантические роли для датива – близкие роли Бенефактива (*способствовать, посвящать, помогать* – более 1.2 млн вхождений) и Реципиента (*давать* – более 230 тыс. вхождений). Близкая им роль Адресата (*отвечать* и *сказать*) также весьма частотна – около 200 тыс. вхождений.

содержания, что объясняет МУ с предлогом *по поводу*, характерным для некоторых речевых глаголов.

Для глагола *блаженствовать* это невозможно, потому что он в гораздо большей степени ориентирован на внутреннее состояние человека. Для него невозможна также метонимия ‘ситуация - субъект ситуации’, характерная для *радоваться*: нельзя **блаженствовать из-за кого-л.* Типичный Стимул для *блаженствовать* – какое-либо комфортное состояние или приятное действие, отчего типична для него МУ – это либо локативная предложно-именная группа, описывающая условия, в которых находится Экспериенцер, либо конструкция с деепричастием, описывающая его действия. Ср. данные НКРЯ: *блаженствовать в ванне* (примерно 10 процентов – 58 вхождений от 527); *блаженствовать на солнце* (около 5 процентов – 25 вхождений); *блаженствовать, попивая кофе с пирожными* (6 процентов – 32 вхождения). Как и в случае с *что*-конструкцией и с дативом, первичная функция этих конструкций – не семантическая роль Стимула, а семантическая роль Места при предикатах местонахождения (конструкция с предлогами *в, на*) и семантическая роль Агенса (конструкция с деепричастием). Таким образом, Стимул *блаженствовать* окрашивается семантикой Места, а Экспериенцер *блаженствовать* часто является еще и Агенсиом²⁰¹.

У глагола *злорадствовать*, как отмечается выше, к семантической роли Стимула примешивается семантика роли Пациенса. Эта эмоция также предполагает внешнюю манифестацию, однако ее Экспериенцер и субъект ситуации-Стимула часто неравноправны, что делает возможным окказиональное выражение валентности Стимула при помощи средств, характерных для выражения валентности Пациенсов²⁰²:

(б) *Знаете, как в школах злорадствуют над теми, кто слабее и беднее* (Помогите, пожалуйста! (2002) // «Домовой», 2002.10.04).

II.4.3.1.2. Плохие события

У глаголов кластера ‘ГРУСТЬ’ МУ также во многом определяется семантикой. Эмоции этого кластера в большинстве своем имеют или хотя бы могут иметь причину,

²⁰¹ О феномене синкретичного выражения валентностей на примере валентностей инструменты и способа см. [Апресян 2010а: 359]. Кроме того, см. [Падучева 2004: 91-95] о семантическом сближении глаголов разных тематических классов на основании наличия общей семантической роли.

²⁰² Именно семантическая роль Пациенса является основной для данной конструкции: верхушку ее лексической сочетаемости составляет предикат *работать над чем-л.* (около 350 тыс вхождений по RuTenTen), а также глаголы *смеяться* и *издеваться* (около 100 тыс. вхождений).

поэтому для них всех возможны причинные конструкции с предлогами *из-за*, *от* и *по поводу* для выражения валентности Стимула. Ср. *грустить* <*огорчаться*, *расстраиваться*> *из-за ее отъезда*; *печалиться* <*тосковать*> *от разлуки*; *унывать из-за того, что ничего не получается*, а также

(7) *Мама продолжала по-прежнему любить дедушку и горевала от его к ней охлаждения* (Е.П. Штейнгель. Воспоминание о деде моем Федоре Петровиче Толстом и матери моей Марии Федоровне Каменской (1929)).

(8) *Первые три дня душа очень скорбит от разлуки с телом и скитается, как бесприютная птица* (И. С. Шмелев. Лето Господне (1927-1944)).

При этом для каких-то глаголов причинное выражение валентности Стимула является характерным, а для каких-то – окказиональным. Наиболее характерно оно для глагола *расстраиваться*, у которого оно составляет по данным Основного корпуса НКРЯ больше 40 процентов всех реализаций с предлогами (109 от 234) и, в меньшей мере, *огорчаться*, у которого оно составляет больше 30 процентов от всех реализаций с предлогами (47 от 139). Ср. *расстраиваться из-за всякой ерунды* <*по пустякам*>, *огорчаться из-за критики* <*по любому поводу*>.

Отметим, что *по поводу* может употребляться как в причинном значении, так и в значении темы, особенно в контексте глаголов речи. Употребление *по поводу* со *злорадствовать*, обсуждавшееся выше, похоже на употребление с глаголами речи; ср. *открыто злорадствовать по ее поводу* ‘открыто делать злорадные замечания по ее поводу’. Между тем употребление *по поводу* с *огорчаться* и *расстраиваться* профилирует причинный компонент значения в этом предлоге (о понятии профиля см. [Langacker 1997]).

Для глагола *огорчаться* также возможна дативная модель управления, окрашенная семантикой Адресата, хотя в меньшей степени, чем для глагола *радоваться*: у *огорчаться* дативные вхождения составляют около 10 процентов от всех употреблений по данным НКРЯ. *Огорчаться* с дативной МУ так же, как и *радоваться*, описывает реакции на только что произошедшие или актуально происходящие события, часто непосредственно воспринимаемые Экспериенцером, отчего все эмоциональное событие метафоризируется как встреча Экспериенцера и Стимула: *Она огорчилась своей неудаче (проигрышу)*, но не **Она огорчилась глобальному потеплению*. Однако открыто направленное на Стимул выражение эмоции для кластера ‘ГРУСТЬ’ значительно менее

характерно, чем для кластера 'РАДОСТЬ'. С этим можно связать меньшую окрашенность роли Стимула семантикой Адресата у *огорчаться* и меньшую частотность дативной МУ у этого глагола.

Для *грустить, печалиться, тосковать, горевать* и *скорбеть* частотно выражение валентности Стимула с предлогами *о* и *по*: *грустить* <*печалиться, тосковать, горевать* и *скорбеть*> *о любимом* <*по любимому*>. Можно объяснить эти особенности МУ следующим образом.

Во-первых, эти глаголы обозначают достаточно длительные эмоции, которые могут возникать каждый раз при **мысли** о Стимуле. Поэтому для них характерно управление с предлогом *о*, часто используемое для выражения валентности содержания у ментальных глаголов и глаголов речи; ср. *говорить о делах, думать о бесперспективности сопротивления*²⁰³. Таким образом, у них валентность Стимула может обогащаться семантической ролью **Содержания**.

Интересно, что эта МУ возможна также для специальных религиозных употреблений глагола *радоваться* в значении духовной 'РАДОСТИ': *радоваться о Господе*; ср. странность ^{??}*радоваться Господу* (это бы указывало на непосредственную встречу). Вообще, конструкция с *о* в сочетании с *радоваться* предполагает родовой статус ситуации, а конструкция с дативом – конкретно-референтный: ср. *В праздник Пасхи мы радуемся о нашем спасении* (родовой статус, содержание) vs. странность [?]*В праздник Пасхи мы радуемся нашему спасению*, при естественности *Мы очень радовались нашему чудесному спасению от преследователей* (конкретно-референтный статус, событие).

Возвращаясь к кластеру 'ГРУСТЬ', выражение с предлогом *о* и особенно предлогом *по* в сочетании с существительным со значением лица типично в русском языке для выражения роли того, что можно назвать **желаемым и недостижимым объектом эмоционального обладания**; ср. *сохнуть по кому-л.* <*о ком-л.*>, *страдать по кому-л.* <*о ком-л.*>, *скучать по кому-л.* <*о ком-л.*>, *истосковаться по кому-л.*, *изголодаться по чему-л.* В той мере, в которой Стимулом эмоции является невозможность соединения (в силу расстояния, смерти или других причин) с любимым человеком, перечисленные глаголы допускают или предпочитают эти модели управления. Для *горевать* и *скорбеть* данные МУ являются предпочтительными: у

---

²⁰³ Глаголы речи *говорить* и *рассказывать* составляют более 2.2 млн вхождений с конструкцией с предлогом *о* по RuTenTen, ментальный глагол *думать* – более 400 тыс. вхождений.

горевать они составляют более 60 процентов от всех предложных сочетаний (*о* – 193 вхождения, *по* – 44 вхождения из 385 вхождений с предлогом), у *скорбеть* – около 60 процентов (*о* – 327, *по* – 96 из 712 вхождений с предлогом).

Для краткосрочных видов ‘ГРУСТИ’, не предполагающих невозможности соединения с любимым человеком, такая МУ невозможна: *огорчатся <*расстраиваться*> *по уехавшей подруге* (при возможности *огорчатся/расстраиваться, что подруга уехала*).

Кроме того, глаголы *горевать* и *скорбеть* допускают выражение с предлогом *над*, характерное не только для семантической роли Пациенса недружелюбного речевого действия (*насмехаться над*), но и для роли Места (*над рекой*): *горевать над убитыми; Пьета — это изображение Богородицы, скорбящей над снятым с креста сыном* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)). Неожиданный на первый взгляд локативный компонент легко объясним: прототипический Стимул *горевать* и *скорбеть* - чья-то смерть, и *горевать* <*скорбеть*> *над кем-либо* прототипически описывают Экспериенцера, плачущего над чьим-то лежащим мертвым телом.

Как и для глаголов кластера ‘РАДОСТЬ’, для глаголов кластера ‘ГРУСТЬ’ возможно выражение роли ситуации-Стимула при помощи *что*-предложения.

II.4.3.2. Эмоции-отношения, вызванные поступками

Если эмоции кластеров ‘РАДОСТЬ’ и особенно ‘ГРУСТЬ’ – в первую очередь реакции на события, то эмоции кластеров ‘ГНЕВ’, ‘ОБИДА’ и ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ – в первую очередь реакции на поступки. Они обычно возникают не в результате некоторых деперсонализированных событий, а в результате того, что конкретные люди совершают конкретные поступки. Возникающая в результате поступка эмоция и запускает дальнейшую эмоционально-волевую реакцию, направленную уже на человека, совершившего поступок. Соответственно, валентность Стимула у них расщепляется на две: действие-Стимул и Объект эмоции – человек, совершивший действие; ср. их описание в работе [Апресян 2004б]²⁰⁴.

Общей чертой обеих групп является выражение валентности Стимула предложно-именной группой с предлогом *за*, что характерно для ситуаций позитивной или

---

²⁰⁴ О выделении лица, вызывающего эмоцию, в отдельного участника ситуации у каузативного глагола *рассердить* см. также [Падучева 2004: 292].

негативной компенсации (*заплатить за дом, вычесть за ущерб*), а также ситуаций награды и наказания, где *за* вводит валентность поступка (*наградить за подвиг, наказать за преступление*). Желания Экспериенцера по отношению к человеку в этой группе эмоций вызваны характером поступка. Эмоции, вызванные плохими поступками, порождают желание мести и наказания, а эмоции, вызванные хорошими поступками, – желание наградить.

Для обеих групп возможно также выражение ситуации-Стимула *что*-предложением: *сердиться <обижаться>, что она не пришла; Очень вам благодарен, что вы нас не забыли и пожаловали, не побрезгали!* (А. П. Чехов. Свадьба (1889)).

Однако валентность человека-Объекта в этих двух группах устроена несимметрично, что отражается в разных МУ глаголов эмоции.

II.4.3.2.1. Эмоции-отношения, вызванные хорошими поступками

В эту группу входит единственный кластер – ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’. Глагольное выражение эмоции в современном языке отсутствует: *благодарить* – чисто речевой акт.

У существительного *благодарность* и прилагательного *благодарный* (устаревший глагол *благодарствовать* в рамках данной работы не рассматривается) валентность человека, совершившего вызвавшего признательность Экспериенцера поступок, выражается дативом: *благодарность <благодарный> кому-л.*, что указывает на семантическую роль Адресата. Это естественно: для благодарности типично речевое выражение, предполагающее именно эту семантическую роль. Частота датива с прилагательным *благодарный* в краткой форме в функции предикатива составляет 36 процентов (1836 вхождений с дативом от 5052 общих вхождений в краткой форме).

II.4.3.1.2. Эмоции-отношения, вызванные плохими поступками

В эту группу входят кластеры ‘ГНЕВ’ и ‘ОБИДА’. Основная МУ в этих кластерах – с предлогом *на*, вида *сердиться <обижаться> на кого-л.* или *что-л.* По данным НКРЯ, для основного глагола *сердиться* из кластера ‘ГНЕВ’ эта МУ составляет около 85 процентов от всех предложных употреблений (1813 вхождений с *на* из 2141 предложных вхождений *сердиться*). На выражение действия-Стимула с предлогами *за* и *по* (*сердиться за халтуру, сердиться по пустякам*) приходится не более девяти процентов от всех предложных вхождений (180 для *за*, 11 для *по*).

При этом предлог *на* в большинстве случаев (более 90 процентов по данным НКРЯ для глагола *сердиться*) сочетается с существительным, обозначающим лицо, с местоимением-существительным или с именем собственным, т.е. выражает валентность Объекта эмоции. Метонимические реализации с указанием действия-Стимула вида *сердиться на его непонятливость* составляют около 10 процентов. Похожие данные по НКРЯ дает и другой центральный глагол этого кластера – *злиться*: *злиться на* составляет 82 процента от всех употреблений этого глагола с предлогами (552 вхождения с *на*, 20 с *за*, 6 с *по* из 670 общих «предложных» вхождений), из них более 90 процентов с именами лиц и местоимениями-существительными.

Для основного глагола кластера ‘ОБИДА’ *обижаться* картина также сходная: МУ с преимущественным выражением Объекта *обижаться на* составляет, по данным НКРЯ, 81 процент от всех предложных вхождений этого глагола (586 от 724), а МУ с выражением действия-Стимула вида *обижаться за резкие слова*, *обижаться по пустякам* – около 8 процентов (53 для *за*, 8 для *по*). Глагол *дуться* из этого кластера, описывающий поведение, вызванное обидой, также имеет МУ с предлогом *на*: *Она целую неделю на меня дулась*.

При этом, по данным НКРЯ, предлог *на* в большинстве случаев (не менее 90 процентов) сочетается с названием лица (*обижаться на жену*), именем собственным (*обижаться на Васю*), местоимением-существительным (*обижаться на нее*), собирательным обозначением официального лица (*обижаться на правительство*), а также персонифицированными обозначениями неодушевленных объектов (*Так ребенок обижается на стул, о который он спотыкается*).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что глаголы данных двух кластеров профилируют именно Объект эмоции – **человека**, на которого она направлена, а его поступок уходит в тень, сыграв роль Стимула и «запустив» эмоцию, которая потом начинает развиваться самостоятельно.

В этом состоит их принципиальное отличие от эмоций, вызываемых событиями, т.е. от эмоций кластеров ‘ГРУСТИ’ и ‘РАДОСТИ’. Даже если эмоции типа *радоваться* и *огорчаться* вызываются какими-то поступками человека, а не неподконтрольными ему событиями, триггер эмоции у них – сам поступок. В эмоциях кластеров ‘ГНЕВ’ и ‘ОБИДА’ эмоция переносится с первоначально вызвавшего ее поступка на совершившего этот поступок человека. Поэтому эмоция продолжает «подпитываться»

уже от этого Стимула: сам поступок может утратить свою актуальность, а человек продолжает *злиться, сердиться, обижаться*; ср. *Ну сколько можно сердиться <злиться, обижаться>!*

При всех своих сходствах, кластеры 'ГНЕВ' и 'ОБИДА' несколько различаются. 'ОБИДА' менее «разборчива» в выборе объекта эмоции. Помимо людей, Экспериенцеры могут *обижаться* на все, что в принципе можно персонифицировать как источник несправедливости и перед чем Экспериенцер осознает себя бессильным – на правительство, страну, жизнь, судьбу, попавший под ноги стул и т.п. (о роли несправедливости в чувстве *обиды* см. [Анна.А. Зализняк 2006]).

Каким образом можно объяснить выбор именно модели с *на* для выражения профилируемой валентности человека-Объекта эмоции? Предложная модель с *на* в русском языке характерна, среди прочего, для роли Пациенса²⁰⁵ агрессивных физических действий, связанных с резким перемещением Агенса в сторону Пациенса (ср. *наброситься на кого-л., накинуться на кого-л.*)²⁰⁶. При помещении глаголов со значением громкой речи в эту конструкцию, они приобретают значение агрессивного речевого действия: *кричать на кого-л., орать на кого-л.*, т.к. конструкция передает идею агрессии. Помещение в нее глаголов других семантических классов окрашивает их интерпретацию по механизму coercion [Goldberg 2006]. Ср. следующий игровой пример детской речи (Иосиф Гик, 10 лет), где обыгрывается «гневная» семантика данной конструкции:

(9) *Мама, ну что ты так на меня вздыхаешь? Что у меня два за заполнение дневника?*

Неагрессивное действие *вздыхать*, будучи помещено в *на*-конструкцию, интерпретируется как вид некоторой коммуникативной агрессии, вызванной предполагаемым проступком объекта.

Поскольку эмоции кластеров 'ГНЕВ' и 'ОБИДА' часто предполагают желание сделать что-то агрессивное в ответ на проступок Объекта эмоции, желание отомстить

---

²⁰⁵ В некоторых системах семантических ролей эту роль можно назвать – Целью – Goal, Target; в данной работе используется система ролей, предложенная в работе [Апресян 2010: 370-377], где у глаголов пространственного перемещения усматриваются роли Начальной и Конечной точки. Однако глаголы типа *наброситься* не являются глаголами перемещения в чистом виде, поскольку предполагают физическое воздействие на Конечную точку, которая в данном случае приобретает черты Пациенса

²⁰⁶ Ср. похожее наблюдение Ю.Д. Апресяна в [Апресян 2014], где у глагола *бежать* отмечается семантический сдвиг при употреблении в конструкции с *на*: «Суженные употребления в контексте предлога *на* с последующим одушевленным существительным, чаще всего именем человека, в значении 'бежать с целью напасть': *Немцы бегут по полю прямо на нас* (В. Некрасов)».

ему или наказать его, выбор модели с *на* представляется семантически мотивированным. Таким образом, валентность Объекта эмоции у глаголов двух данных кластеров реализуется, в первую очередь, в семантической роли **Пациенса-Цели**, что весьма естественно.

Интересно, что другие, менее центральные, виды 'ГНЕВА', иным образом распределяют акценты в ситуации. Так, для «праведного гнева», выражаемого глаголами *негодовать* и *возмущаться* (ср. их описание в [Апресян 2004б]), в центре внимания находится не столько человек, сколько совершенный им плохой поступок или вызванное им плохое явление. Они не трехвалентны, как глаголы типа *сердиться*, а двухвалентны, как глаголы кластеров 'РАДОСТЬ' и 'ГРУСТЬ': у нет валентности Объекта эмоции, а есть только валентность Стимула. Желания Экспериенцера у этих глаголов связаны не с идеей мести, а с идеей восстановления справедливости. Оба глагола сочетаются с адвербиалами типа *громко, бурно, шумно*, указывающими на преимущественно словесное выражение эмоции.

По модели управления *возмущаться* напоминает *восторгаться* и *восхищаться* (глаголы из кластера 'РАДОСТЬ', также часто предполагающие речевое выражение²⁰⁷). Оба глагола преимущественно управляют творительным падежом со значением Стимула, который одновременно является **Темой** или **Содержанием** речевого акта. У *восторгаться* такие употребления составляют 45 процентов от всех вхождений по НКРЯ (468 на 1046), у *возмущаться* 35 процентов от всех вхождений (685 на 2910). Ср.

(10) *Редакция «Нового мира» захлеб восторгается «Одним днем Ивана Денисовича»* (Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)

(11) *Неужели весьма небесталанное, но все же чтиво на одну из самых уважаемых в писательском сообществе премию выдвинули те же люди, что так громко возмущались недавним присуждением Букера Людмиле Улицкой?* (Юлия Рахаева. Живой Аполлон, восставший Антибукер. Литературные премии живут интересной жизнью (2001) // «Известия», 2001.12.21).

Для *возмущаться* возможна также несколько устаревшая МУ с предлогом *против*, особенно если валентность Стимула выражается именем со значением лица. В подобных контекстах актуализируется устаревшее значение глагола *возмущаться* - 'восставать,

---

²⁰⁷ О речевом компоненте у этих глаголов см. [Иорданская 1984: 211, 214], [Апресян 2004:144-147], [Падучева 2004: 285].

бунтовать’, а валентность Стимула окрашивается семантикой роли **Контрагента** (противника): *Первый раз в жизни владыка земной возмутился против Владыки Небесного* (Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)).

МУ глагола *негодовать* напоминает МУ речевого глагола *сетовать*: а именно, для валентности Стимула *негодовать* характерно выражение предложно-именной группой с предлогом *на* в значении **Темы** или **Содержания** речевого акта, но не в роли Пациенса (22 процента от всех вхождений – 534 от 2432): *Выйдя на сцену, мадам Миронова начинает добродушно сетовать на "очереди" в магазинах* (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990-1998)) vs. *Князев стоял на краю тротуара и тихо негодовал на пьянчуг* (Василий Шукшин. Штрихи к портрету (1973)).

Для обоих глаголов «праведного гнева» также возможно заполнение валентности Стимула предложно-именной группой с предлогом *по поводу* в значении содержания речевого акта.

Для «гнева-раздражения» МУ с «пациентным» *на* также существенно менее характерна. Хотя для эмоции раздражения достаточно типичен перенос эмоции с раздражающего свойства на его носителя, что особенно заметно в употреблении каузатива *раздражать* (*Он раздражает меня своей тупостью*), это происходит гораздо реже, чем у эмоций типа *сердиться* или *злиться*. *Раздражаться* обозначает душевный дискомфорт, причиняемый Экспериенцеру какими-то неприятными, но не слишком серьезными свойствами людей, объектов или явлений, в котором он, однако, не склонен непременно винить окружающих.

Раздражаться – менее агрессивная и менее направленная эмоция, чем *сердиться* и особенно *злиться*. Экспериенцер *раздражаться* страдает, однако для душевного успокоения он обычно ищет не наказания для Объекта, а устранения контакта с ним: *Вообще Корнев считал, что отец — существующий факт, который надо принимать так, как он есть, ничего здесь не переменишь, и лучшее, чтобы не раздражать и не раздражаться, — это избегать с ним всяких лишних разговоров, не идущих к делу* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)). Таким образом, хотя семантическая роль Пациенса-Цели в целом характерна для кластера ‘ГНЕВ’, она свойственна не всем разновидностям гнева, а только тем, которые связаны с идеей наказания или мести.

В работе [Ovsjannikova 2012] также проводится связь между управлением с *на*, свойственным глаголам гнева, и их семантическими свойствами, причем последние

уподобляются по своим семантическим и синтаксическим свойствам глаголам речи: в частности, сближаются глаголы *злиться*, *сердиться*, *гневаться*, а также глаголы *негодовать*, *досадовать*, с одной стороны, и *жаловаться*, *сетовать*, с другой.

Эта трактовка отличается от предлагаемой в данной работе, где семантическое сближение с глаголами речи усматривается только у глагола *негодовать*²⁰⁸, причем эта близость мотивирована семантически. *Негодовать*, как было показано выше, действительно инкорпорирует черты речевого глагола, поскольку предполагает речевое выражение (*громко негодовать*, *тихо негодовать*), и его МУ объясняется близостью роли Стимула к роли Содержания у речевых глаголов.

Однако сближение *злиться* и *сердиться* с речевыми глаголами не представляется обоснованным. Они не указывают на речевое выражение, и выражаются в первую очередь поведенчески; кстати, в отличие от *негодовать*, они присущи и животным, не умеющим говорить. *Злиться* и *сердиться*, как это свойственно центральным видам 'ГНЕВА', в той или иной степени соотносящимся с базовым, биологическим гневом, предполагают агрессию или ее желание. В этом смысле семантически первичным представляется их сближение именно с глаголами со значением перемещения с целью агрессии типа *наброситься на кого-л.* Более того, «агрессивная» семантика у речевых глаголов *кричать* и *орать* (не упомянутого в цитированной работе) развивается только при помещении их в конструкцию с *на*: она не присуща ни их исходному неречевому значению 'производить громкие звуки ртом', ни производному речевому значению 'громко сообщать что-то': *Он кричал мне, что непременно вернется.* Глагол *ругаться* также развивает актанта Адресата-Пациенса только в разговорных употреблениях с *на*: в исходном значении 'произносить грубые слова' он двуактантен (Агенс, Способ): *ругаться неприличными словами.*

Таким образом, пациентная семантика присуща самой конструкции с *на*. Наиболее частотными ее заполнителями являются глаголы со значением изменения типа *влиять на* (более 300 тыс. вхождений по RuTenTen). В сочетании с идеей перемещения у этой конструкции появляется семантика агрессии (глаголы со значением «агрессивного перемещения» типа *наброситься*). С последними семантически сближаются

---

²⁰⁸ Глагол *досадовать* не рассматривается среди глаголов гнева, т.к. он имеет промежуточную между 'ГНЕВОМ' и 'ГРУСТЬЮ' семантику

агрессивные типы 'ГНЕВА', с одной стороны, и агрессивные речевые действия – с другой.

II.4.3.3. Эмоции хорошего отношения, вызванные плохими событиями

Промежуточный класс между событийными эмоциями и эмоциями-отношениями составляет кластер 'ЖАЛОСТЬ', где Экспериенцер испытывает нечто хорошее по отношению к Объекту, с которым происходит нечто плохое. В русском языке он представлен глаголами *жалеть*, *сострадать*, *сочувствовать*. Эти глаголы тоже имеют по три семантические валентности – Экспериенцера, Объекта и Стимула. Однако в отличие от эмоций, вызванных поступками, эмоции кластера 'ЖАЛОСТЬ' вообще не могут профилировать Стимул или внутреннее состояние Экспериенцера, они всегда профилируют Объект, при том, что для глагола *жалеть* в принципе возможно управление с предлогом *за*, выражающее Стимул: *Все ее жалели за худобу и грустный вид*. Однако употребление без упоминания Объекта, возможное для глаголов *сердиться* и *злиться*, для *жалеть* невозможно: ср. возможность употреблений вида *Он все еще сердится <злится> за эту шалость* (в фокусе внимания Стимул), *Он все еще сердится <злится>* (в фокусе внимания чувства Экспериенцера), при невозможности **Он все еще жалеет за неудавшуюся личную жизнь*, **Он все еще жалеет*.

Глагол *жалеть* обозначает достаточно постоянное отношение и имеет характерную для эмоций-отношений МУ с беспредложным аккузативом: *жалеть кого-л.* (подобно *любить кого-л.*, *ненавидеть кого-л.*). Управление беспредложным аккузативом составляет как минимум 12 процентов от общего числа вхождений *жалеть* в рассматриваемом значении (1264 от 9937). Из анализа исключены 2909 вхождений *жалеть* с предлогами *о*, *об*, *обо* и с *что*-предложением, которые относятся к другому значению этого глагола – 'сожалеть, испытывать нечто плохое от того, что существует нежелательное положение дел': *Жалею, что мне не довелось с ним познакомиться; Жалею об этом разговоре*.

Глаголы *сочувствовать* и *сострадать* указывают на разделяемое чувство, что объясняет их способность управлять дативом: *сочувствовать кому-л.*, *сострадать кому-л.* Обе эмоции направлены на Объект, однако отношение к Объекту не такое, как в случае с глаголом *жалеть* с его аккузативной моделью управления. В ситуации жалости Экспериенцер находится в лучшем положении, чем Объект его эмоции. Между тем

Экспериенцер *сочувствовать* и *сострадать* ставит себя, по крайней мере мысленно, в такое же положение, в каком находится Объект эмоции. Кроме того, обе эмоции, особенно *сочувствовать*, часто сопровождаются речевым актом и, тем самым, предполагают Адресата. Такой структуре значения соответствуют МУ с дативом. У рассматриваемых глаголов они составляют около половины от всех вхождений (2020 от 4278 у *сочувствовать*, 146 от 330 у *сострадать*).

Для глаголов этого кластера невозможно выражение валентности Стимула при помощи *что*-предложения. Управление *жалеть, что...*, как было сказано выше, характерно для другого значения глагола *жалеть* – ‘сожалеть о чем-л.’. Идею Стимула можно выразить целой клаузой, вводимой причинным союзом *потому что*. Однако для подтипа ‘ЖАЛОСТИ’ «разделенное чувство» выражение Стимула предложно-именной группой при самом глаголе невозможно: **сочувствовать <сострадать> Ивану за его несчастья*. Это связано с тем, что у глаголов *сочувствовать* и *сострадать* и валентность Стимула является инкорпорированной: указание на **страдание** Объекта как Стимул чувства – часть лексического значения глаголов.

II.4.3.4. Эмоции отношения к себе

Как отмечается в работе [Вежбицкая 1996], этот тип эмоций делится на два подкласса – в зависимости от того, что совершил Экспериенцер – хороший или плохой поступок. Таким образом, здесь наблюдается некоторый параллелизм с эмоциями, которые вызываются хорошими или плохими событиями или хорошими или плохими поступками. При этом у эмоций отношения к себе есть важная особенность – это эмоции социальные, ориентированные на других людей. Многие из них практически невозможны без «аудитории», что определяет их семантическую структуру, которая, в свою очередь, оказывает влияние на модель управления.

Для эмоций этого кластера возможно выражение валентности ситуации-Стимула при помощи *что*-предложения: *гордиться <стыдиться>, что Y*.

II.4.3.4.1. Эмоции хорошего отношения к себе

Эта группа представлена кластером ‘ГОРДОСТЬ’, в первую очередь глаголом *гордиться*. Эмоции данной группы (*гордиться, кичиться, тщеславиться*)

трехвалентны: они обладают валентностями Экспериенцера, Стимула и Аудитории (*гордиться перед кем-л.*).

При этом Стимулом является какое-то свойство или поступок самого Экспериенцера. Валентность Стимула выражается практически исключительно формой творительного падежа: конструкции с творительным составляют в целом более пятидесяти процентов от всех вхождений этих глаголов в Основном корпусе НКРЯ (3595 от 6959 для *гордиться*, 273 от 474 для *кичиться*, 41 от 97 для *тщеславиться*). Употребления с предложно-именной группой *за кого-л., что-л.* в роли Стимула (ср. *гордиться за сына*) носят единичный характер.

Творительный падеж в русском языке – типичный выразитель инструмента. Конструкция с творительным падежом вида *X Y-ует Z-ом*, где *X* – имя лица, *Y* – глагол со значением движения, а *Z* – часть тела или атрибут человека выражает идею привлечения или поддержания чьего-то внимания; ср. *помахивать хвостом, кивать головой, поманить рукой, бряцать медалями* и пр. Выражение Стимула при *гордиться* при помощи конструкции с творительным легко объяснимо. С одной стороны, Экспериенцер ощущает свое свойство, поступок, имущество и пр., которые являются Стимулом эмоции, как свой неотъемлемый атрибут, как часть себя. С другой стороны, эмоции ‘ГОРДОСТИ’ предполагают желание внимания со стороны окружающих.

Таким образом, употребление глагола *гордиться* в той же конструкции, которая характерна для глаголов движения частью тела (*кивнуть, поманить, подмигнуть*), неудивительно: Экспериенцер *гордиться* как бы выставляет напоказ свое положительное свойство или поступок, символически «помахивает» ими для привлечения внимания. В результате роль Стимула у *гордиться* обогащается указанием на то, что Стимул является частью или атрибутом Экспериенцера. То же характерно и для глаголов поведения, вызванного гордостью – *хвалиться, хвастаться, бахвалиться* и пр.

Валентность Аудитории, имеющаяся у глаголов этого кластера, выражается конструкцией с пространственным предлогом *перед*:

(12) *Он гордился перед дочерью тем, что контролирует себя, следит за своими мыслями* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

Такая же модель управления характерна для глаголов, обозначающих разные виды выступлений, ориентированных на аудиторию: *выступить перед большим залом,*

играть перед новой аудиторией. В свою очередь, эти глаголы наследуют МУ от глаголов положения в пространстве типа *стоять перед чем-л.*, поскольку указывают на определенное положение Агенса по отношению к аудитории. Это пространственное значение метафорически трансформируется у глаголов со значением эмоции хорошего отношения к себе.

II.4.3.4.2. Эмоции плохого отношения к себе

Эта группа представлена кластером ‘СТЫД’, в первую очередь глаголом *стыдиться*, и отчасти глаголами *смуцаться* и *стесняться*. Эмоции данной группы также трехвалентны, и обладают валентностями Экспериенцера, Стимула и Аудитории. При этом Стимулом, как и у глаголов ‘СТЫДА’, является какое-то свойство или поступок самого Экспериенцера. Однако валентность Стимула выражается у слов данной группы преимущественно формой родительного падежа, причем частотность форм, управляющих родительным, пропорциональна важности роли Стимула в значении глагола: 36 процентов у *стыдиться* (1534 вхождений с генитивом к 4224 общим вхождениям *стыдиться*), 18 процентов у *смуцаться* (1070 к 5999), 11 процентов у *стесняться* (257 на 2386). Генитив - это в основном приименный падеж; вообще основные значения генитива – субъектные, объектные, косвенная функция – причинная [ср. Топоров 2000:155-156], что вполне согласуется с МУ глаголов кластера ‘СТЫД’, где валентность Стимула окрашена причинной семантикой. Отсутствие МУ с творительным связано с тем, что Экспериенцер ‘СТЫДА’, в отличие от Экспериенцера ‘ГОРДОСТИ’, не заинтересован в привлечении внимания Аудитории.

Стыдиться всегда предполагает некоторый Стимул. В первую очередь это моральный стыд, вызванный совершением плохого поступка, который обозначается именной группой в родительном падеже. Эмоции *смуцаться* и *стесняться* тоже могут иметь Стимул, однако чаще объясняются особенностями характера Экспериенцера, склонного испытывать неловкость в присутствии других людей. Поэтому для них в большей мере характерно абсолютное употребление, редкое для *стыдиться*. Ср. *Она все время смущается, Она стесняется при посторонних* при крайней нестандартности ^{??}*Она все время стыдится (при посторонних)*. Особенно это характерно для *стесняться*; ср. дериват со значением постоянного свойства *застенчивый* в значении ‘такой, который часто стесняется’. Встречающиеся в текстах употребления с

творительным падежом вида *стыдиться своим счастьем* носят окказиональный характер или устарели; ср.

(13) *Мальчик был счастлив, и мальчик мучался и стыдился счастьем* (Галина Щербакова. Мальчик и девочка (2001)).

(14) *Она не стыдится тем, что меня любит; она тщеславится сею любовью и готова всегда меня в том уверить* (М. В. Сушков. Российский Вертер (1801)).

Как и у глаголов кластера 'ГОРДОСТЬ', валентность Аудитории выражается у глаголов кластера 'СТЫД' группой с предлогом *перед*: *стыдиться <смущаться, стесняться> перед кем-л.*

II.4.3.5. Эмоции ожидания

В эту группу входят кластеры 'СТРАХ' и 'НАДЕЖДА'. Всем остальным группам эти эмоции противопоставлены в первую очередь по признаку фактивности-путативности²⁰⁹. Большая часть эмоций типа страха возникает **после** того, как нечто произойдет, отчего обозначающие их языковые средства приобретают свойство фактивности. Однако многие эмоции этого кластера возникают **в ожидании** того, что нечто может произойти. В результате обозначающие их языковые средства приобретают свойство путативности.

В кластере 'СТРАХ' есть эмоции, возникающие «по факту»: «мгновенный страх» – *пугаться*, «сильный страх» – *ужасаться* и некоторые другие. Кроме того, некоторые средства выражения страха (*страшно, бояться*) могут иметь и фактивные, и путативные употребления (подробно см. выше).

В кластере 'НАДЕЖДА' «фактивных» эмоций нет: и *надеяться*, и *уповать* относятся исключительно к будущему (см. их описание в [Апресян 2004б]).

Для многих глаголов обоих кластеров характерна МУ с *что*-предложением: *бояться <тревожиться, беспокоиться, надеяться>, что.*

Из предложных МУ в кластере 'НАДЕЖДА' представлена только МУ с предлогом *на* (*надеяться на, уповать на*), что может иметь этимологическое объяснение: Фасмер возводит слово *надежда* к праславянскому *na-dedja* от *na* и *деть* 'класть'. То же касается и близкого им глагола *полагаться на что-л.*, демонстрирующего аналогичный

---

²⁰⁹ Подробный анализ предикатов *бояться* и *надеяться* в разных значениях, а также замечания об их семантической асимметричности см. в работе [Зализняк Анна А. 2006:530-556].

семантический переход от перемещения объекта в пространстве к определенному типу ментального отношения.

В кластере 'СТРАХ' представлены разные МУ, соответствующие разным типам 'СТРАХА'. Наиболее распространена МУ с генитивом, выражающим достаточно обобщенную синкретичную объектно-причинную семантику: *бояться мышей, бояться его прихода*. Она составляет не менее 23 процентов всех употреблений *бояться* (14684 от 64390).

Для «объектных» типов 'СТРАХА' типа *волноваться, беспокоиться, тревожиться, бояться* характерна конструкция с предлогом *за*, а для первых трех глаголов – также с предлогом *о*: *волноваться <беспокоиться, тревожиться> о сыне*.

Конструкция с предлогом *о*, характерная для выражения роли темы или содержания у ментальных глаголов, в данном кластере выражает синкретичную валентность Стимула-Темы.

Конструкция с *за* типична для выражения несобственных эмоций (*радоваться за кого-л.*), и обозначает объект чувства: *Я тебя люблю всей душой и бесконечно тревожусь за тебя и Сашеньку* (Александр Терехов. Каменный мост (1997-2008)).

Стимул в подобных употреблениях практически инкорпорирован и не может выражаться одновременно со значением Объекта: *Я тревожусь <боюсь, беспокоюсь, волнуюсь> за Сашеньку* $\cong$ 'думаю, что с Сашенькой произойдет что-то плохое', при невозможности **Я тревожусь <боюсь, беспокоюсь, волнуюсь> за Сашеньку, что она болеет*.

Разница между на первый взгляд близкими МУ с *о* и *за* (ср. мало противопоставленные *беспокоиться за дочь* и *беспокоиться о дочери*) ярко видна в следующей контрастной паре:

(15) *Все беспокоятся о беспризорниках и в то же время сторонятся их* (Престиж золотой середины (2002) // «Культура», 2002.04.08).

vs.

(16) *Родители никогда не бывают спокойны за своих детей, но они беспокоились за Генриха — военный лётчик!* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)).

Поскольку группа с *за* заполняет валентность Объекта, а группа с *о* – валентность Стимула-Темы, *за* обычно сочетается с именами лиц, что необязательно для *о*; ср. *вечно о чем-то беспокоиться, беспокоиться о выживании*. Кроме того, если предлог

управляет именем лица, управление с *за* вводит указание на более близкие отношения между Экспериенцером и этим лицом, чем предлог *о*, поэтому в примере выше невозможно заменить *о* на *за*: ср. прагматическую странность ^{??}*Все беспокоятся за беспризорников и в то же время сторонятся их.*

Доля управления предложно-именной группой вида *за кого-л., что-л.* составляет полтора процента для *бояться* (1090 употреблений из 64390 общих вхождений *бояться*), 7 процентов для *беспокоиться* (551 из 7647), четыре с половиной процента для *тревожиться* (66 из 1464), 2.2 процента для *волноваться* (247 из 11028). Доля управлений предложно-именными группами вида *о, об, обо* – пять с половиной процентов для *беспокоиться* (433 из 7647), 5.3 процента для *тревожиться* (79 из 1464), 0.4. процента для *волноваться* (48 из 11028).

Это распределение отражает, во-первых, разную долю значения ‘чувствовать что-то плохое, думая, что с кем-то может произойти что-то плохое’ в полисемичных семантических структурах глаголов *бояться, тревожиться, беспокоиться, волноваться*. Во-вторых, оно отражает разную долю употреблений, профилирующих Объект чувства (*за кого-что-л.*), и употреблений, профилирующих Стимул-Тему чувства (*о ком-чем-л.*). Для *бояться* употребление с *о* практически невозможно, т.е. в этом значении Стимул не профилируется; у *беспокоиться* и *тревожиться* – примерное равное количество употреблений обоих типов; для *волноваться* существенно более характерно профилирование Объекта, чем Стимула

Для «статусного страха» (*трепетать, дрожать, благоговеть*) характерна МУ с пространственным предлогом *перед*, в своих непереносных значениях описывающим местоположение меньшего ориентируемого Объекта относительно большего Объекта-ориентира (ср. *figure* и *ground* в [Talmy 2000]): ср. *скамейка стояла перед домом*, но не **дом стоял перед скамейкой*. Выбор предлога *перед* при глаголах *трепетать, дрожать, благоговеть* семантически мотивирован идеей разных статусов у Экспериенцера и Стимула этого типа страха.

II.4.4. Заключение

В заключение можно сказать, что семантическая структура глаголов со значением эмоций оказывается существенно более разнообразной, чем это предполагается в традиционных описаниях, устанавливающих для них две семантические роли –

Экспериенцера и Стимула. У некоторых эмоций семантическая структура трехвалентная, и помимо Экспериенцера и Стимула, они имеют валентность Объекта эмоции. Роль Стимула при перцептивных глаголах в русском языке принципиально иная в семантическом и синтаксическом отношении, чем при эмотивных глаголах. Стимулы у перцептивных состояний семантически и синтаксически сближаются с Объектами (Theme в некоторых инвентарях семантических ролей). У эмотивных глаголов отсутствует стандартный синтаксический способ оформления роли Стимула, а семантика Стимула может окрашиваться семантикой Места, Адресата, Пациенса, Части. Разброс в наборах семантических ролей и моделей управления у эмотивных глаголов обусловлен различными онтологическими свойствами разных типов эмоций. Изучение частотных распределений разных МУ у глаголов эмоций позволяет обнаружить синкретичные роли на месте валентности Стимула эмоции, что должно отражаться в толкованиях слов-эмоций и в целом, в лексикографических описаниях глаголов со значением эмоций. В частности, были обнаружены следующие корреляции между семантикой эмотивных глаголов и их моделью управления.

Дативная модель управления у валентности Стимула характерна для глаголов *радоваться, огорчаться, сочувствовать, сострадать* и для прилагательного *благодарный*, что объясняется наличием в их значениях адресатной семантики.

Для глагола *злорадствовать*, часто предполагающего открытое выражение недоброжелательства в адрес Стимула, возможна МУ с предлогом *над*, характерная для роли Пациенса у глаголов насмешки.

Глагол *блаженствовать*, типичный Стимул для которого – какое-либо комфортное состояние или приятное действие, обычно управляет локативной предложно-именной группой или конструкцией с деепричастием.

Для некоторых глаголов кластера 'ГРУСТЬ' (*грустить, печалиться, тосковать, горевать и скорбеть*) частотно выражение валентности Стимула с предлогами *о* и *по*, что объясняется, с одной стороны, их близостью ментальным состояниям, а с другой – указанием на желаемый и недостижимый объекта эмоционального обладания.

Кроме того, глаголы *горевать* и *скорбеть* допускают выражение с предлогом *над*, характерное для роли Места.

Для «агрессивных» глаголов ‘ГНЕВА’ и ‘ОБИДЫ’ характерна МУ с предлогом *на*, типичная для синтетической роли Пациенса-Цели агрессивных физических действий, связанных с резким перемещением Агенса в сторону Пациенса-Цели.

Для глаголов хорошего отношения к себе (‘ГОРДОСТЬ’) характерна МУ с творительным падежом, типичная для глаголов привлечения внимания при помощи части тела или какого-либо инструмента.

Описание семантических ролей эмотивных глаголов как синкретичных позволяет, с одной стороны, отразить и объяснить семантические различия между различными синтаксическими способами оформления валентностей, а с другой стороны – уловить то общее, что сохраняется в семантике роли даже при разных синтаксических оформлениях.

РАЗДЕЛ III. Взаимодействие значений в пределах одной языковой единицы

Третий раздел, состоящий из трех глав («Синкретичные смыслы: время и пространство в значении дейктического маркера *тут*», «Взаимодействие семантики и прагматики в синтаксической фраземе *X в X*», «Влияние смысла ‘контроль’ на семантическую структуру каузативов и интерпретативов»), посвящен корпусному анализу взаимодействия системообразующих смыслов, а также соотношения семантики и прагматики, в значении отдельной языковой единицы.

В первой главе на примере пространственно-временного дейктического маркера *тут* исследуется феномен семантического синкретизма, когда в значении одной лексемы объединены системообразующие смыслы, относящиеся к разным семантическим полям – в данном случае, ‘время’ и ‘место’. Кроме того, на материале дейктических маркетров *тут* и *здесь* рассматривается проблема семантической мотивации полисемии.

Вторая глава посвящена семантическому и прагматическому анализу синтаксической фраземы *X в X* (*день в день, час в час*) и ее английского аналога *to the X*. В ней показывается влияние семантики и языковой прагматики на лексическую сочетаемость конструкции и выбор ее интерпретации. Демонстрируется возможность

различной прагматической окраски конструкции в разных языках при большой семантической близости.

В третьей главе исследуется влияние системообразующего смысла 'контроль' в значениях каузативных и интерпретативных глаголов на их семантическую структуру и обусловленное ею взаимодействие с отрицанием.

Раздел III, Глава 1. Синкретичные смыслы: время и пространство в значении дейктического маркера тут

III.1.0. Введение

В данной главе проблемы семантического взаимодействия, устройства значения и семантических корреляций рассматриваются на материале полисемии дейктического наречия *тут* в сравнении с его ближайшим синонимом *здесь*.

Некоторые идеи, высказываемые в данной главе, были опубликованы в работах [В.Апресян 2012а] и [В.Апресян 2012б]; полностью они опубликованы в работе [В.Апресян 2014б]. Некоторые ее выводы, полученные независимо и другими методами, отчасти пересекаются с выводами работы [Гришина 2012] о наречиях *тут* и *здесь*, о которой нам стало известно к моменту окончания работы над [В.Апресян 2014б].

— В главе рассматриваются пространственные дейктические наречия *тут* и *здесь* в своих временных значениях. Хорошо известно, что во многих языках идея времени передается при помощи слов со значением пространства. Время-пространство – одна из самых универсальных и хорошо изученных языковых метафор²¹⁰, которая проявляется, среди прочего, в развитии у пространственных предлогов временных значений. Однако в области дейксиса время и пространство существуют более обособленно, а именно, время обычно выражается собственными дейктическими средствами; ср. наречия *сейчас*, *теперь*, *тогда*, которые не являются производными от пространственных дейктических слов со значением близости или удаленности, соответственно. Разграниченность пространственного и временного дейксиса достаточно универсальна – использование пространственных дейктических слов для обозначения времени как минимум не является распространенной тенденцией в европейских языках (*here* не значит *now*, *ici* не значит *maintenant*, *hier* не значит *jetzt* и т.п.). Ситуации, когда временной дейксис выражается через пространственный, как это возможно, например, в норвежском языке²¹¹, представляются скорее экзотическими. Однако на примере русского языка видно, что пространственный дейксис также подвержен метафорическому переосмыслению по модели ‘пространство-время’: русские

²¹⁰Для подробного обсуждения см. [Radden 2003].

²¹¹Ср. [Fretheim 2010] о показателе пространственной близости *her* в значении показателя недавнего прошлого]: *Jeg var i London HER i oktober* ‘Я был в Лондоне *здесь* в октябре’ [в октябре, ближайшем к моменту речи] vs. *Jeg var i London i oktober* ‘Я был в Лондоне в октябре’ [в октябре любого года].

локативные дейктические наречия *тут*, *там* и *здесь* имеют различные временные и таксисные значения; ср. анализ не-пространственных значений дейктических локативных частиц *вот* и *вон* в работе [Борисова, Овчинникова 2011].

Кроме того, в работе на примере наречия *тут* исследуется феномен семантического синкретизма, когда в значении одной лексемы объединены смыслы, относящиеся к разным семантическим полям – в данном случае, ‘время’ и ‘место’²¹². Семантический синкретизм имеет отношение к полисемии и вместе с тем отличается от нее. При полисемии смыслы, относящиеся к разным семантическим полям (domains), относятся к разным лексемам одной вокабулы, и возможна либо одна, либо другая интерпретация, в зависимости от контекста; ср. например, локативные и пространственные значения предлогов (*в доме* vs. *в субботу*). При синкретизме смыслы, относящиеся к разным полям, слиты в одном значении; ср., например, синкретизм смыслов ‘плохо’ и ‘очень’ в переносном, MAGN-овом, значении наречия *чудовищно*, для которого возможны сочетания с предикатами негативной оценки, но не позитивной: *чудовищно распухший*, *чудовищно устать*, *чудовищно глупый*, *чудовищно раздражать*, но не **чудовищно красивая*, **чудовищно любить*, **чудовищно сообразительный*. Этим наречие *чудовищно* отличается от своего близкого синонима *ужасно*, у которого процесс семантического размывания (semantic bleaching) зашел дальше, и MAGN-овое значение утратило семантический компонент ‘плохо’: ср. *ужасно красивая*, *ужасно умный*, *ужасно любить*.

По-видимому, в некоторых случаях синкретизм является стадией, предшествующей четкому разделению на разные значения; ср. историю уступительного союза *хоть*, который, согласно [Пичхадзе 2012], на некотором этапе своего развития имел условно-уступительное значение ‘даже если’, т.е. объединял в себе значения малой вероятности и уступительности, а позднее приобрел чисто уступительное значение и соответственно стал возможен в контекстах фактивности. Интересно, что в некоторых лексемах разговорной вокабулы *хоть*, синонимичной *хотя* в значении уступительного союза, этот синкретизм сохранился на синхронном уровне; ср. условно-уступительный союз *хоть* (*Хоть режь меня, ничего не скажу*).

Возможно, синкретизм особенно характерен в качестве промежуточного этапа при

---

²¹² Идея синкретичного выражения смыслов ‘места’ и ‘времени’ в значении *тут* высказывается в работах [В.Апресян 2012а], [В.Апресян 2012б], [Гришина 2012].

метафорических сдвигов, приводящих в итоге к развитию лексико-функциональных значений у глаголов: ср. английский глагол *to harbor* 'затаить', который в первом значении имеет смысл 'укрывать, скрывать' (например, преступника от правосудия). В переносном значении 'испытывать' в применении к эмоциям *to harbor* в некоторой степени, по-видимому, сохраняет семантику 'стараться не показывать' и, таким образом, выражает синкретичный смысл 'испытывать и не показывать', т.е. выражает комплексную лексическую функцию Oper1 + anti-Manif. Синкретизм значения отражается в его преимущественной сочетаемости с обозначениями эмоций и ментальных состояний типа *resentment* 'обида', *grudge* 'обида, зависть', *suspicious* 'подозрения', *malice* 'злоба', которые принято скрывать, по крайней мере, до поры до времени, что сближает его с русским глаголом *затаить*. Однако *to harbor* продвинулся дальше, чем *затаить*, в направлении грамматикализации и может употребляться, хотя и реже, с обозначениями эмоций, которые не предполагают отсутствия внешних проявлений, и даже наоборот; ср. *to harbor contempt* <*disdain*> 'испытывать презрение', что сближает его с лексико-функциональным глаголом *питать*, употребляемым в качестве Oper1 при названиях чувств-отношений.

Однако, по-видимому, некоторые сочетания смыслов в силу каких-то причин оказываются более устойчивыми и закрепляются в языке. Интересной исследовательской задачей является обнаружить такие «притягивающиеся» смыслы и понять причины их взаимной аттракции. При этом возможные комбинации смыслов, которые выражаются синкретично, не совпадают с инвентарем попарно связанных смыслов, лежащих в основе семантических переходов при полисемии. С одной стороны, при некоторых семантических переходах отсутствуют синкретичные значения; ср. например, смыслы 'прозрачность' и 'понятность', не дающие синкретичного значения. С другой стороны, некоторые синкретичные значения не лежат в основе известных семантических переходов; ср. например, смыслы 'период времени' и 'состояние', синкретично выраженные в значении слова *горячка* во фразах типа *Сейчас самая горячка наступит*; *В предотъездной горячке он забыл ей позвонить*; *Первая горячка немного схлынула*.

Многие конкретные типы семантических сдвигов хорошо изучены в лексической типологии; ср., например каталог семантических переходов, созданный группой под руководством Анны А.Зализняк <http://semshifts.iling-ran.ru/>. Однако инвентаря смыслов,

для которых возможно синкретичное выражение, не существует. При этом синкретизм – это интересное с теоретической точки явление, отличное как от полисемии, так и от осцилляции (попеременной актуализации того или иного значения у полисемичной вокабулы в определенном контексте), или же так называемых промежуточных употреблений. С практической точки зрения, синкретичные значения могут представлять определенную трудность для лексикографа, в связи с невозможностью однозначного выбора *genus proximum* в качестве вершинного компонента толкования.

Наконец, в работе ставится вопрос о возможных причинах развития временных значений у пространственных дейктических слов при наличии самостоятельных показателей временного дейксиса. Основные временные значения пространственных дейктических слов *тут* и *здесь*, которые рассматриваются в данной работе – это таксисное значение следования и значение близости к настоящему моменту.

III.1.1. Полисемия *тут* и *здесь*

У обоих наречий выделяется три блока значений: пространственный, «ситуативный» и временной. Анализ сочетаемости по корпусным данным показывает, что при практически одинаковой встречаемости (примерно 10000 ipm по НКРЯ), их многозначность устроена ассиметрично²¹³, и разные блоки значений имеют очень разный вес для этих двух наречий.

На основании анализа 20 наиболее устойчивых прилагательных коллокаций *здесь* и *там* можно сделать следующие выводы о структуре их полисемии:

Здесь:

- 1) Пространственное *здесь* (около 88 процентов употреблений)
- 2) Ситуативное *здесь* (около 12 процентов употреблений)
- 3) Временные *здесь* (не входят в первую двадцатку коллокаций)

Тут:

---

²¹³ Описание многозначности основано на анализе наиболее устойчивых коллокаций по данным более чем 20-миллиардного веб-базированного корпуса *ruTenTen*, принадлежащего лексикографическому ресурсу *Sketch Engine* <https://the.sketchengine.co.uk>. Корпус *ruTenTen*, в отличие от НКРЯ, не сбалансирован и не дает таких широких возможностей поиска, однако обладает важным для лексикографа преимуществом, а именно, упорядочивает выдачу по сочетаемости и взаимной «аттракции» слов. В каждом синтаксическом шаблоне выдается 20 наиболее устойчивых сочетаний. Для *тут* и *здесь* возможна одна синтаксическая функция – пре- или постпозиционный *adverbial modifier*.

2. Ситуативное *тут* (около 40 процентов употреблений)
3. Временные *тут* (около 32 процентов употреблений)
4. Пространственное *тут* (около 28 процентов употреблений)

Как видно из процентных распределений, для *здесь* доминирующее значение – пространственное, ситуативное достаточно хорошо представлено, а временные употребления маргинальны, в то время как у *тут* все три блока значений представлены в существенно более уравновешенных пропорциях, причем «лидирует» ситуативное значение, на втором месте временной блок, а пространственный оказывается на третьем²¹⁴.

III.1.1.2. Сочетаемость *здесь* в разных значениях

Каждое значение у наречий *здесь* и *тут* «выбирает» свой круг предикатов. У *здесь* распределение сочетаемости по значениям следующее:

1. На основное, пространственное, значение *здесь* приходится (в порядке убывания частотности) сочетания с предикатами *жить, находиться, иметься (Здесь имеются магазины), быть, представлять (Здесь представлены экспонаты), располагаться, собрать (Здесь собраны лучшие картины), собраться, делать, проходить, работать, появиться (Здесь появились новые здания), играть, проводиться.*

Как легко заметить, это предикаты, имеющие семантический актанта́нт ‘место’ (таких большинство), или предикаты, для которых место является естественным сирконстантом. В число первых входят прототипические предикаты **местонахождения** (*находиться, располагаться*), предикаты, обозначающие местонахождение в одном из значений (*быть*; у таких *здесь* «выбирает» именно пространственное значение), а также предикаты, указывающие на действие или деятельность, связанную с каким-либо местом (*жить, представлять, собрать, собраться, проходить, проводиться*). В число вторых входят **экзистенциальные** предикаты (*иметься, появиться, существовать*), а также наиболее прототипические деятельности и занятия (*работать, играть*).

2. Наиболее частотные «ситуативные» употребления у *здесь* представлены почти исключительно **модальными** прилагательными *важный, нужный, возможный,*

²¹⁴ Похожие выводы о синкретизме *тут* и о превалировании у *здесь* пространственного компонента приводятся в работе [Гришина 2012].

уместный, следует, стоит; ср. *Здесь важно <нужно, уместно> подчеркнуть, что...; Здесь стоит не спешить; Здесь следует задуматься.* Единственный не-модальный предикат в первой двадцатке, который возможен в ситуативном значении, – это *возникать* (*И здесь возникает вопрос*). Это неудивительно, поскольку модальные контексты – одни из немногих, которые не дают возможности пространственной интерпретации, а пространственный компонент в семантике *здесь* настолько силен, что актуализуется практически во всех контекстах, где это в принципе возможно.

3. Временные контексты употребления *здесь*, хотя и представлены в узусе, не входят в первую двадцатку устойчивых коллокаций. Однако их легко получить из корпуса, моделируя «временную» сочетаемость *тут*; ср.: *Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? — и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком.* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]; *Здесь из зала раздался не очень уверенный, но достаточно решительный голос* [Виктор Конецкий. На околонучной параболе (Путешествие в Академгородок)].

Однако во многих контекстах, где *тут* позволяет временную интерпретацию, *здесь* может иметь только пространственную; ср. контрастную пару примеров: ***Тут*** началось строительство vs. ***Здесь*** началось строительство. Фраза с *тут* может интерпретироваться как локативно (*В 2007 году тут началось строительство развлекательного центра*), так и темпорально (*Жители уже обрадовались, что у них будет парк, и тут на месте предполагаемого парка началось строительство развлекательного центра*). Фраза со *здесь* естественно интерпретируется только локативно: *В 2007 году здесь началось строительство развлекательного центра, при странности ??Жители уже обрадовались, что у них будет парк, и здесь на месте предполагаемого парка началось строительство развлекательного центра.*

III.1.1.3. Сочетаемость *тут* в разных значениях

У *тут* распределение контекстов по значениям следующее:

1. «Ситуативное» значение представлено, как и у *здесь*, модальными контекстами – прилагательными *важный, нужный, уместный, возможный*. Однако *тут* вовлекает в ситуативное значение гораздо более широкий круг контекстов. В частности, в этом значении *тут* образует ряд устойчивых коллокаций, почти идиом, с разными типами предикатов: *скорее* (*Тут скорее речь идет не об этом*), *поделаться* (*Что*

тут поделать – о безвыходных ситуациях); *сказать* (*Что тут скажешь* – о невозможности комментировать ситуацию), *говорить* (*О чем тут говорить* – об отсутствии предмета для обсуждения). Для *здесь* подобные сочетания не полностью невозможны, однако крайне нехарактерны: если сочетание *Что тут скажешь* в корпусе RuTenTen встречается более 21000 раз на 15 млрд, т.е. его частотность 6 ipm, то сочетание *Что здесь скажешь* встречается всего 124 раза.

2. Второй по частотности блок значений *тут* – временные (таксисное значение следования ситуаций и значение близости к моменту речи). Для каждого подзначения зафиксирован свой круг контекстов. Таксисное значение реализуется в основном в сочетаниях с **инхоативными** предикатами, особенно указывающими на **внезапное** начало, в форме СОВ или в результативных значениях НЕСОВ, что полностью соответствует семантике неожиданности, предполагаемой таксисным *тут* и функции этого наречия как **маркера поворота в повествовании** (подробно см. раздел 2.1.4). Это предикаты *начаться* (*И тут началась катавасия*), *случиться*, *произойти*, *выясняться*, *выясниться* (*И тут выясняется/выяснилось, что они давно в разводе*), *появляться*, *появиться* (*И тут он появляется/появился*), *раздаться* (*И тут раздался звонок в дверь*), *вмешаться*. Значение близости к моменту речи, менее частотное, однако также представленное в первой двадцатке, реализуется наиболее часто в комбинации с ментальным предикатом *подумать* (*Я тут подумал, что все же хотел бы поехать*). Как будет показано ниже, для этого значения наиболее характерна реализация именно с различными **ментальными** предикатами в силу его ориентированности на говорящего и на первое лицо.

3. Третий блок значений *тут* – пространственные. В этом значении сочетаемость *тут*, естественно, пересекается с сочетаемостью *здесь*, однако в меньшей мере, чем этого можно было ожидать. В частности, в первой двадцатке полностью отсутствуют предикаты постоянного местонахождения типа *располагаться*, *находиться*, составляющие ядро пространственных употреблений *здесь* и указывающие на более «объективное» и вневременное положение объектов в пространстве; ср. *Здесь располагается <находится> самый крупный спортивный комплекс города*. Для *тут* ядро пространственных контекстов составляют сочетания с предикатами действий и деятельности *жить* (*Я тут живу*), *делать* (*Что вы тут делаете?*), *написать* (*Из того, что тут написано, ничего не понятно*), а также с предикатом временного

местонахождения *сидеть* (*Чего вы тут сидите?*).

Подобная сочетаемость позволяет высказать предположение о следующем различии в пространственном значении *здесь* и *тут*: *здесь* имеет не-дейктические употребления и позволяет ориентировать объект, о котором идет речь, не только относительно говорящего, но и относительно других упоминаемых объектов, причем статичных: ср. пример из Основного корпуса НКРЯ: *Недалеко от него, в предгорьях Кавказа, — Утришский заказник. Его леса полны редчайшими растениями и отличаются удивительным микроклиматом. Здесь же [в Утришском заказнике] располагается Анапский дельфинарий под открытым небом.* [Елена Зенина. Морская симфония (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15]. *Здесь*, таким образом, может описывать **объективное** местонахождение объектов, что и объясняет его сочетаемость со статичными предикатами постоянного месторасположения. Так, в Основном корпусе НКРЯ примеров на сочетание *здесь* с глаголом *располагаться* более 80.

Наречие *тут* в большей степени дейктично, оно ориентирует объект только относительно **местонахождения говорящего**, что объясняет большую динамичность предикатов, с которыми оно сочетается, т.к. говорящий, в отличие от статичных пространственных ориентиров, перемещается, и в разное время находится в разных местах. Интересно, что хотя примеры с *тут* в сочетании с *располагаться* в НКРЯ встречаются (в восемь раз реже, чем с наречием *здесь*), они не указывают на объективную ориентацию, а только на дейктическую, относительно местонахождения говорящего в момент речи: *В комнату их заявился офицер, но без красной повязки, пожилой и усталый, похожий в своей зеленой форме на лягушку, капитанского звания. — Ельский призыв тут располагается? — огляделся он, будто сам не знал, что ему делать, угадывая.* [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)]. Прочие сочетания *тут* с *располагаться* и вовсе описывают не статичное местоположение, а действие: *Тут мы и располагаемся.*

Эту тенденцию можно проиллюстрировать на примере двадцати случайно выбранных из корпуса RuTenTen сочетаний наречий *здесь* и *тут* с глаголом *делать*. С наречием *здесь* девять сочетаний из двадцати описывают ситуации, где говорящий присутствует в том месте, о котором идет речь (сочетания типа *Что ты здесь делаешь*), а одиннадцать – ситуации, когда говорящий в этом месте не присутствует, и анафорически отсылает к какому-то другому, ранее упоминавшемуся, объекту в

качестве ориентира; ср. фразы (которые были бы вполне уместны у путеводителя) типа *Ковры из Кайруана славятся по всему Востоку. Их здесь* [т.е. в Кайруане] *делают из шелка, кашемира и шерсти*. Таким образом, у *здесь* распределение дейктических и недейктических пространственных употреблений (соответствующее дейктическому и нарративному режимам употребления) примерно равное.

Из двадцати случайно выбранных сочетаний с *тут* семнадцать описывают ситуации, где говорящий присутствует в месте, о котором идет речь (дейктические употребления типа *Что ты тут делаешь?*), а три вообще относятся к ситуативному значению (употребления типа *Что тут делать – непонятно*). Таким образом, для *тут* абсолютная ориентация объекта относительно какого-то другого и анафорическое употребление если и возможны, то крайне нехарактерны. Замена во фразах типа *Ковры из Кайруана славятся по всему Востоку. Их тут* [т.е. в Кайруане] *делают из шелка, кашемира и шерсти* наречия *здесь* на наречие *тут* переводит режим употребления в дейктический: чтобы фраза была прагматически адекватной, говорящий должен в момент ее произнесения находиться в Кайруане.

Ср. также показательный пример из НКРЯ, в котором для отсылки к одному и тому же месту используются оба наречия, при этом *здесь* описывает это место как то, где находятся некие третьи лица, а *тут* – как место, где находится говорящий:

На третий день меня похоронили,
Толпа большая вслед за гробом шла;
Друзья, враги, все налицо *здесь* были;
Тут был и я, душа моя была...

[К. К. Случевский. Загробные песни. 2. Болезнь. Смерть. Первые впечатления. 11.
(1901)]

Таким образом, значения *тут* и *здесь* можно сформулировать следующим образом:

- (1) *тут* = ‘в месте, где в момент речи находится говорящий’
- (2) *здесь* = ‘в месте, где в момент речи находится говорящий, или в месте, о котором шла речь’

Таким образом, в семантике *тут* даже в пространственном значении временной смысл ‘в момент речи’ более обязателен, чем в значении *здесь*, что объясняет высокий

удельный вес временных значений у *тут*.

В этом отношении наши выводы отчасти, но не полностью, пересекаются с выводами работы [Гришина 2012], где различие между *тут* и *здесь* описывается следующим образом: «Полные синонимы *здесь* и *тут* различаются по двум параметрам. Во-первых, наличием или отсутствием дистанции между субъектом и объектом указания (для *здесь* такая дистанция более характерна, чем для *тут*: *здесь* употребляется в ситуации, когда объект указания находится близко к говорящему, но вне его личной сферы; в случае же употребления наречия *тут* говорящий позиционирует себя внутри объекта указания). Во-вторых, *здесь* и *тут* различаются типом объекта указания: для *здесь* характерна трактовка объекта указания как некоторой точки, черного ящика, своего рода «черной капсулы»; наречие *тут* трактует объект указания как развивающийся во времени трехмерный объект. Иными словами, *здесь* указывает на некоторое место, а *тут* указывает на событие, протекающее в некотором месте».

III.1.1.4. Ситуативные значения *тут* и *здесь*

Сочетаемостно и семантически *здесь* и *тут* наиболее близки в «ситуативном» значении, в котором они означают ‘в имеющей или имевшей место ситуации, о которой в данный момент идет речь’: *Здесь <тут> уместно вспомнить известное высказывание Черчилля о демократии; Здесь <тут> только доктор может дать правильные рекомендации; Здесь <тут> хотелось бы отметить роль наших зарубежных партнеров; Здесь <тут> важно было не торопиться; Здесь <тут> нужен был специалист, а не любитель.*

Как было сказано выше, оно реализуется в достаточно компактном круге контекстов, преимущественно в модальных и волитивных, для которых невозможна пространственная интерпретация. Именно эти контексты формируют наибольшую область пересечений в сочетаемости *здесь* и *тут*: корпус RuTenTen помещает контексты с модальными предикатами в зону общей сочетаемости этих двух наречий; это означает, что их частотности с этими предикатами наиболее близки.

Это значение необходимо отличать от чисто временных значений, поскольку оно не имеет обязательной временной «привязки» и одинаково свободно реализуется в контекстах настоящего и прошедшего (но не будущего) времени.

Некоторая явно ощущаемая темпоральность этого значения связана с тем, что оно указывает на обсуждаемую в настоящий момент ситуацию, которая имеет место в настоящий момент или имела место в какой-то момент в прошлом; во многих из упомянутых контекстов *здесь* и *тут* можно заменить на *сейчас* или *в тот момент*.

Однако в контекстах, где невозможна временная интерпретация, *здесь* и *тут* естественны, а *сейчас* и *в тот момент* неадекватны, что доказывает наличие смысла 'в данной ситуации, при данных обстоятельствах' в значении первой пары наречий; ср. *Здесь* <*тут*> нужен неопределенный артикль, при странности ??*Сейчас* нужен неопределенный артикль, ??*В тот момент* был нужен неопределенный артикль.

Выделить сколько-нибудь явные семантические различия между *тут* и *здесь* в ситуативном значении не представляется возможным; по-видимому, это достаточно чистый случай полной синонимии.

III.1.1.4. Временные значения тут

Кроме «ситуативного» блока, у обоих наречий выделяется блок временных значений. У наречия *тут* можно выделить два основных временных значения, связанных с идеей близости:

1. Таксисное значение 'в момент, близкий к другому моменту в прошлом': *Он начал делать доклад и тут сломался проектор* (нарративный режим употребления).
2. Временное значение 'в момент, близкий к моменту речи говорящего': *Я тут сижу работаю; Я тут была в Лондоне; Я тут на конференцию еду* (диалоговый режим употребления).

Попытка подставить в эти контексты наречие *здесь* дает далекие от идеальных или же совершенно невозможные высказывания: ??*Он начал делать доклад и здесь сломался проектор; ?Я здесь сижу работаю; *Я здесь была в Лондоне; *Я здесь на конференцию еду*. Однако некоторые употребления, подобные вышеприведенным, для наречия *здесь* возможны; ср. вполне адекватные примеры из НКРЯ:

Таксисное значение: *Когда шок от этой новости сменился естественным состоянием тоски и безнадёги, я попытался проанализировать ситуацию [...] И здесь вдруг пришла в голову простая мысль* (А.Козлов. Козел на саксе (1998)).

Временное значение: *Пошел ты к черту! Что я там буду коптеть. Я здесь рассчитываю на днях получить в командование полк* (А.А. Игнатъев. Пятьдесят лет в

строю. Кн.3 (1947-1953)).

Таким образом, очевидно как наличие некоторого параллелизма во временных значениях *тут* и *здесь*, дающее основание для их сравнения, так и различия, которые будут подробно разобраны ниже.

III.1.1.4.1. Таксисное значение *тут*

В своем таксисном значении, реализуемом в нарративном режиме употребления, *тут* имеет ряд особенностей, отличающих его как от другого временного значения *тут*, так и от наречия *здесь* в таксисном значении, равно как и от других временных операторов.

Во-первых, в этом значении *тут* достаточно редко реализуется самостоятельно (по данным НКРЯ, примерно в восемь раз реже, чем в сочетании с союзом *и*): наиболее частотны реализации вида *и тут*, возможны так же реализации вида *тут и*, *а тут*, *но тут*, *вот тут* и *как тут*, хотя имеется и некоторое количество примеров реализации одиночного таксисного *тут*; ср. *Вежливо попросил еще пару сигарет на потом, я отдал пачку, тут появился судья* (Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986-1987)); *Шагов через пять старик Мизгирев выдохся, тут подоспел меринок* (Владимир Личутин. Любостай (1987)).

Наиболее частотной и наиболее семантически нейтральной является реализация *и тут*, которая уже, по-видимому, оформилась в самостоятельную лексическую единицу (подобно тому, как самостоятельной единицей является сочетание *тут же* 'немедленно'). В отличие от сочетаний *а тут*, *но тут*, *как тут*, *вот тут*, в которых явно выделяется семантический вклад обеих частей, сочетание *и тут* существенно менее композиционально. Поскольку оно одновременно представляет собой наиболее частотную реализацию таксисного значения наречия *тут*, рассматриваться будет именно оно. Подобного рода сращение с союзом *и* свойственно и другим наречиям со значением следования; ср. наречия *вскоре* и *сразу*, которые также часто употребляются в комбинации с союзом *и*. Интересно, что сочетание *тут и*, также, по-видимому, являющееся самостоятельной единицей, отличается от *и тут* и семантически, и синтаксически. В частности оно не является союзом (поскольку образовано с частицей *и*); во-первых, *тут и* допускает «разорванное» употребление (*Тут они и помирились*); во-вторых, оно возможно в контекстах, исключающих употребление сочинительного

союза. Ср. следующие контексты, где возможно сочетание *тут и* и невозможно сочетание *и тут*: *А как молитва кончилась, тут и объяснилось дело* (В.С. Новицкая. Безмятежные годы (1912)); *Враг-то мой видит, что я ослаб, тут и вздумал насесть* (В.Г. Короленко. Ат-Диван (1892)), но не **А как молитва кончилась, и тут объяснилось дело, *Враг-то мой видит, что я ослаб, и тут вздумал насесть*.

III.1.1.4.1.1. Следование

Единица *и тут* имеет следующие семантические особенности. Во-первых, *и тут* указывает на **событие** А2, которая возникает **после** наступления какого-то другого события А1 или возникновения ситуации А1:

(3а) *Я уже собиралась уходить [А1], и тут мне наконец позвонили [А2]*

(3б) *Вышел я вчера на улицу [А1], и тут ко мне подходит какой-то незнакомый человек [А2]*

(3в) *Все зрители расселись по местам А1], в зале потушили свет А1], и тут раздался чей-то страшный крик [А2]*

Ср. также примеры из НКРЯ, указывающие на следование событий: *У Таврического сада он притормозил и тут увидел Верочку* (С. Высоцкий. Крутой поворот // «Человек и закон»); *Сценарий был написан, одобрен, принят, поставлен, и тут наступил один из самых страшных моментов: показать фильм Василию Лукичу, получить его «добро»* (Семен Лунгин. Виденное наяву (1989-1996)).

Употребления, когда событие, вводимое *и тут*, наступает не **после наступления** какой-то другой ситуации, а на **ее фоне**, воспринимаются как существенно менее приемлемые: ср. *Мы легли спать, и тут раздался звонок в дверь, Они начали целоваться, и тут в комнату зашла мама* (следование ситуаций) vs. *?Мы спали, и тут раздался звонок в дверь, ?Они целовались, и тут в комнату зашла мама* (событие, вводимое *тут*, прерывает фоновую ситуацию).

Корпусные данные подтверждают это предположение: запрос на глагол в форме изъявительного наклонения **совершенного** вида прошедшего времени, отделенный от глагола в такой же форме сочетанием *и тут* дает 59 вхождений с интерпретацией ‘следование ситуаций’, в то время как запрос на глагол в форме изъявительного наклонения **несовершенного** вида прошедшего времени, отделенный от глагола в такой же форме сочетанием *и тут* дает лишь десять вхождений, только два из которых

соответствуют интерпретации ‘событие происходит на фоне ситуации’: *Как-то под праздник возился я на огороде, что-то сажал, и тут пришли сказать: «Ворошилов умер»* (Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)); *Пауза затягивалась, и тут вмешался Сандрик* (А. Приставкин. Дядя Тумба магазин (1992)).

Однако в некоторых контекстах этот запрет нарушается; ср. полную естественность фраз типа *Иду я по улице, и тут ко мне подходит какой-то незнакомый мужик; Едем мы домой, и тут нас останавливает гаишник*, где событие, вводимое *тут*, происходит именно на фоне какой-то ситуации. С чем это связано? Представляется, что этому способствует инверсия: фразы типа *Сидим мы за столом, и тут вдруг вламывается пьяный сосед* существенно более естественны, чем фразы типа *?Мы сидели за столом, и тут вломился пьяный сосед*. Интересно, что в примере из Бакланова *Как-то под праздник возился я на огороде, что-то сажал, и тут пришли сказать: «Ворошилов умер»* тоже присутствует инверсия, а без инверсии он звучит существенно хуже: *?Я возился на огороде, и тут пришли сказать «Ворошилов умер»*.

Однако инверсия – это лишь синтаксическое оформление некоторого семантического содержания. А именно, инверсия, особенно в сочетании с настоящим историческим значением НЕСОВ (*Иду я в магазин, Сидим мы за столом*) используется для введения сообщения о чем-то **новом** для адресата – она типична для зачина рассказа. Настоящее историческое способствует актуализации прошедших событий для адресата. Событие, вводимое *и тут*, также является новым и неожиданным для адресата (см. разделы 2.1.3 и 2.1.4). Таким образом, во фразах с инверсией и настоящим историческим типа *Иду я в магазин [A1], и тут ко мне подходит незнакомый мужик [A2]* ситуация A1 представляется как начавшаяся в тот же временной промежуток, в который происходит событие A2, – они как бы помещаются говорящим для адресата в один мысленный кадр.

II.1.1.4.1.2. Немедленность следования

Во-вторых, в отличие от *потом, тогда* и даже таких единиц как *вскоре* и *сразу же*, которые допускают наличие некоторого, пусть небольшого, временного промежутка между A1 и A2, единица *и тут* указывает на непосредственное, немедленное следование событий друг за другом. Два события должны субъективно мыслиться как часть одного, небольшого временного пространства. В этой особенности временного

тут проявляется семантическая специфика исходного, локативного значения близости. Ср. естественность (4а) и странность (4б):

(4а) *Они наняли хорошего адвоката и вскоре <сразу же> – не больше, чем через неделю – все проблемы были улажены*

(4б) *?Они наняли хорошего адвоката и тут – не больше, чем через неделю – все проблемы были улажены*

Ср. также пример из НКРЯ, где уместно употребление *и вскоре* и странно употребление *и тут* именно в силу того, что *и тут* указывает на немедленное следование ситуаций, без какого-либо, сколь угодно малого промежутка: *Смерть Людвига была столь же странной и загадочной, как и жизнь: однажды он отправился с личным врачом на берег озера — и вскоре тела обоих были найдены на пустынном берегу* (Владимир Гаков. Сказочными дорогами Германии (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15) vs. *?Однажды он отправился с личным врачом на берег озера — и тут тела обоих были найдены на пустынном берегу* (Владимир Гаков.

II.1.1.4.1.3. Единство времени и места (синкретизм)

В-третьих, *и тут* указывает не только на единство времени, но и на единство места, т.е. А1 и А2 не могут происходить в разных пространствах (в этом смысле *и тут* противопоставлено таким единицам как *после того как*, где А1 и А2 представляются более независимыми). При этом пространства могут быть физически разными, однако они обязательно должны быть объединены в сознании говорящего в некое единое наблюдаемое ментальное пространство. Ср. странность (5б), где пространства когнитивно не объединены и естественность (6), где разные физические пространства составляют единое ментальное целое:

(5а) *Вскоре после того, как ураган прошел через штат Иллинойс, он произвел разрушения в Новой Англии*

(5б) *?Ураган прошел через штат Иллинойс, и тут он произвел разрушения в Новой Англии*

(6) *В 1830 Алжир был захвачен французами, и тут во Франции разразилась революция*

Ср. также примеры из НКРЯ, где естественно употребление *и вскоре*, но странно употребление *и тут* в силу того, что А1 и А2 происходят в разных пространствах: С

1974 по 1977 год в 105 городах Советского Союза стали появляться фальшивые купюры в количестве, вызвавшем панику среди финансистов. Бригада лучших сыщиков занялась поисками шайки, в которой, как предполагалось, было не меньше 100 человек. Круг поисков постепенно сужался [A1], **и вскоре** милиционерам удалось задержать Баранова на рынке города Черкесска [A2] (Борис Денисов. Враг Гознака (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10) vs. ??Круг поисков постепенно сужался, **и тут** милиционерам удалось задержать Баранова на рынке города Черкесска.

Таким образом, в *и тут* заложено представление о наблюдателе, зрителе (он может быть также участником событий), который наблюдает некую последовательность событий, сценическое действие, условием которого является единство времени и места. Неудивительно поэтому видо-временные характеристики глаголов, которые употребляются с *и тут*: в контексте *и тут* глаголы часто используются в настоящем историческом, для создания эффекта присутствия и репортажа с места событий: *Идет он по улице и тут ему на голову падает кирпич; И тут он входит.*

II.1.1.4.1.4. Неожиданность

Наконец, *и тут* вводит элемент некоторой неожиданности второго события; поэтому эта единица невозможна при описании событий, естественно вытекающих из предшествующих им; в этом смысле единица *и тут* противопоставлена одиночному союзу *и*, который одинаково свободно употребляется в описаниях естественного и неестественного хода событий:

(7а) *Он включил компьютер, и на экране появилось изображение*

(7б) ??*Он включил компьютер, и тут на экране появилось изображение*

(7в) *Он включил компьютер, и произошло короткое замыкание*

(7г) *Он включил компьютер, и тут произошло короткое замыкание*

Ср. также следующую тройку примеров:

(8а) *Он сделал ей предложение, и она вышла за него замуж*

(8б) ??*Он сделал ей предложение, и тут она вышла за него замуж*

(8в) *Он сделал ей предложение, и тут она сказала ему все, что о нем думает*

По этой причине *тут* часто употребляется в комбинации с частицей *-то*, также подчеркивающей неожиданность сообщаемой информации для адресата:

(9) *Он сделал ей предложение в четвертый раз, и тут-то она наконец согласилась*

Ср. также примеры из НКРЯ, предполагающие неожиданность, неестественное развитие событий, резкую «смену декораций»: *Мои глаза закрылись, и тут зазвенел мобильный* (Д.Донцова. Уха из золотой рыбки. (2004)); *Предмет объявили, деньги с родителей получили, и тут выяснилось, что педагог, под которого и было затеяно это мероприятие, нашел работу в более перспективном месте* (А. Берсенева). Полет над разлукой (2003-2005)). Высказывания с *и тут*, подобно фразам с противительными и уступительными союзами типа *а, но, хотя*, имплицитно некоторый естественный ход вещей, который в данном случае нарушается²¹⁵.

Однако не при всяком нарушении естественного хода событий возможно употребление единицы *и тут*; так, одинаково невозможны фразы типа (10а) и (10б), в первой из которых описывается неестественный ход событий, а во второй – естественный:

(10а) **Он включил компьютер и тут закричал нечеловеческим голосом*²¹⁶

(10б) **Он включил компьютер и тут подсоединил его к проектору*

Очевидно, что если субъект у ситуаций А1 и А2 совпадает, то фраза с *и тут* невозможна: субъект ситуации А2 должен быть иным, чем субъект А1. Это связано с тем, что ситуация А2 является неожиданной именно для субъекта А1, а не для говорящего; ситуация А2 воспринимается говорящим как внешнее по отношению к А1, полностью неконтролируемое субъектом А1 событие. Для союза *и* это ограничение также нерелевантно; ср. возможность обеих фраз:

(11а) *Он включил компьютер и закричал нечеловеческим голосом*

(11б) *Он включил компьютер и подсоединил его к проектору*

Интересный контраст единице *и тут* (возникшей из союза *и* и наречия *тут*) в этом плане представляет собой единица *тут и* (возникшая из наречия *тут* и частицы *и*). На первый взгляд кажется, что *и тут* и *тут и* во многих контекстах взаимозаменяемы, а смысловая разница между ними минимальна. Ср. следующие литературные контексты, где *и тут* и *тут и* взаимозаменяемы: *Проходит месяц, настала уже и настоящая весна. Тут и разыгралась беда* (М.А. Булгаков. Тетаральный роман (1936-937)); *Отеллилась, телка у ней обманным образом взяли, продали – тут и началось* (С.Н. Сергеев-Ценский. Благая весть (1912)) vs. *Они тронулись, и тут выяснилось, что с ликера их развело*

²¹⁵ Ср. также данные частотности по корпусу RuTenTen, приводившиеся выше: *тут* в этом значении наиболее частотно в коллокациях с инхоативными предикатами.

²¹⁶ На невозможность такого рода фраз наше внимание обратил Л.Л.Иомдин.

(Даниил Гранин. Зубр. (1987)); *Я сбросил скорость, чтоб они заснули, и тут произошло чудо* (Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002). Однако более внимательный анализ показывает, что, хотя обе единицы указывают на следование ситуаций, в некотором смысле они антонимичны, и связано это с их противоположной коммуникативной функцией.

Рассмотрим фразы, где *тут и* нельзя заменить на *и тут*:

(12а) *Она постарела, подурнела, тут он ее и бросил,*

но не

(12б) ??*Она постарела, подурнела, и тут он ее бросил*

То, что фраза (12б) невозможна, ожидаемо – поскольку *и тут* описывает **неестественный** ход событий. Можно было бы подумать, что сочетание *тут и* в этом отношении противоположно *и тут*, и описывает естественный ход событий, однако это не так; ср. следующий контекст, где возможно как *и тут* (поскольку ход событий неестественный), так и *тут и*:

(13а) *Она уже купила свадебное платье, и тут он ее бросил*

(13б) *Она уже купила свадебное платье, тут он ее и бросил*

Какая же разница между *и тут* и *тут и* в тех контекстах, где возможны обе единицы? Единица *и тут* во фразе (13а) вводит событие А2, неожиданное для субъекта ситуации А1 и одновременно неизвестное адресату; таким образом, *и тут* – коммуникативный маркер **нового**, маркер **поворота событий**.

Единица *тут и* может вводить как неожиданное для субъекта А1, так и ожидаемое им событие А2; однако коммуникативно *тут и* вводит уже **известное адресату** событие, которое упоминалось в предшествующем контексте. Сама ситуация А1 описывается для того, чтобы задать фон, на котором произошло ранее упомянутое событие А2. Таким образом, *тут и* – коммуникативный маркер **известного**. Поэтому контексты с *тут и* часто содержат анафорические слова, отсылающие к тому, что уже упоминалось (ср. слово *этот* ниже):

(14) *А год назад он закончил свой большой роман, и тот пошёл по рукам. Тут и посыпались все его неприятности, начиная с **этих** звонков и кончая редакционными отказами* (Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)).

Ср. еще один пример употребления *тут и*, иллюстрирующий коммуникативную особенность этой единицы – возвращения к уже упоминавшемуся событию, чтобы

объяснить фон, на котором оно возникло.

(15) *Любовь пришла позже, ей предшествовала жалость, затопившая Андрея в тот день, когда Алю привезли из роддома, без ребёнка. Она расстегнула пальто, но не сняла его, прошла в кухню, зажгла все конфорки, над синим огнём дрожали синие руки её; Аля плакала [...]. Вот тут и стала накатываться на Андрея жалость, древнейшее из чувств, порождённое общностью судеб всех живущих* (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998).

Поскольку единица *тут и* вводит уже известное слушающему событие, она не употребляется в некоторых видо-временных контекстах, типичных для маркера поворота событий *и тут*. А именно, употребление *тут и* невозможно в контекстах повествования, где произошедшее в прошлом и ранее не упоминавшееся событие А2 представляется как происходящее непосредственно в момент речи перед глазами слушающего, т.е. в контекстах с настоящим историческим и будущим со значением прошлого. Ср. естественность фраз (16а) и (16б) и невозможность (16в) и (16г):

(16а) *И тут она кричит ему «Стреляй!»*

(16б) *И тут она как закричит!*

но не

(16в) **Тут она и кричит ему «Стреляй!»*

(16г) **Тут она и как закричит!*

Еще одна коммуникативная особенность единицы *тут и* – **контрастивность**; она не просто вводит уже упоминавшееся событие А2, но противопоставляет время его наступления другим возможным моментам; ср.

(17) *После обеденного перерыва, когда в опустевшей столовой, держа в руке большой кус свежего ржаного каравая, он хлебал алюминиевой ложкой супочные щи, положив в них твердой пшенной каши, когда он на минуту отдался этой простой пище тружеников, и ведь именно, когда отдался, — тут он и пропустил тот миг, когда в жизнь вступает судьба* (Владимир Дудинцев. Белые одежды / Третья часть (1987)).

Таким образом, толкование единицы *и тут* можно сформулировать следующим образом:

(18) *А1, и тут А2* ‘Событие А2, неожиданное для субъекта события или ситуации А1 и для адресата, произошло в момент, следующий за моментом, в который произошло событие А1, или в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который начала

иметь место ситуация A1, в том же пространстве, где произошло событие A1 или начала иметь место ситуация A1, так что A1 и A2 входят в один раунд наблюдения’.

Итак, специфика *и тут* по сравнению с другими средствами передачи идеи быстрого следования состоит в том, что у *и тут* A1 и A2 помещаются в один «мысленный кадр», в один раунд наблюдения, синкретично выражая единство времени и места, – в то время как другие наречия с этой семантикой (*быстро, вскоре, сразу* и т.п.) предполагают чисто временную характеристику и, таким образом, не предполагают наблюдателя.

Толкование единицы *тут и* можно сформулировать следующим образом:

(19) *A1, тут и A2* ‘Ранее упоминавшееся событие A2 произошло в момент, следующий за моментом, в который произошло событие A1, или в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который начала иметь место ситуация A1, в том же пространстве, где произошло событие A1 или начала иметь место ситуация A1, так что A1 и A2 входят в один раунд наблюдения’.

При этом иногда *тут и* может использоваться в нарративе для введения именно новой информации - как риторический прием (для подачи нового в форме известного). Ср. следующий отрывок из Аксенова: *Настреляли немало специально подогнанной дичи. Потом кутили и рассказывали друг другу анекдоты, а Влажнодрев всегда сидел между ними. Потом поехали вместе в аэропорт, сидели вместе на заднем диване лимузина, а он, Влажнодрев, был между ними, как начинка сэндвича. Вот тут и произошел весьма интересный разговор, о котором можно рассказать, потому что тема вскоре будет известна всем.* [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)].

III.1.1.4.2. Отличие *тут* в таксисном значении от *тут* в значении близости к моменту речи

Назовем *тут* в значении близости к моменту речи *тут 2*. Между таксисным *и тут* и дейктическим *тут 2* существуют многочисленные семантические и иные различия.

Во-первых, как было сказано выше, таксисное *тут* связывает некоторые события (обычно в прошлом, реже в будущем), в то время как *тут 2* связывает некое событие в прошлом, настоящем или будущем с моментом речи:

и тут

(20а) *Я вышла гулять с собакой [A1], и тут он позвонил мне на мобильный [A2]*
[после события A1]

(20б) *Я выйду гулять с собакой [A1], и тут ты позвонишь мне на мобильный [A2]*
[после события A1]

тут 2

(21а) *Я тут гуляю с собакой [A1]* [в момент речи]

(21б) *Я тут гуляла с собакой [A1]* [незадолго до момента речи]

(21в) *Я тут буду гулять с собакой [A1]* [вскоре после момента речи]

II. Во-вторых, наречие *и тут* семантически двухвалентно (речь идет о двух событиях, A1 и A2), в то время как для *тут 2* вторая валентность является факультативной; ср. недоговоренность примера (22а) при прагматической самодостаточности примера (22б):

(22а) *И тут он приходит [и тут]*

(22б) *Я тут сижу работаю [тут 2]*

III. В-третьих, при реализации обеих валентностей (событие A1 и событие A2), распределение событий во времени у *тут 2* и *и тут* противоположное: *и тут* вводит второе событие, т.е. такое, которое следует за чем-то, *тут 2* вводит первое событие, т.е. такое, за которым что-то следует. Ср.:

(23а) *Сдает он отчет [A1], и тут оказывается, что половины документов не хватает [A2]* [и тут]

(23б) *Я тут съезжу в Лондон [A1] и сдам отчет [A2]* [тут 2]

IV. Между *и тут* и *тут 2* существует важное просодическое отличие, которое маркирует их разный грамматический статус. *И тут* – полноценное сентенциальное наречие, которое, как всякое сентенциальное наречие, стоит в начале предложения и может нести на себе, как и всякий полноправный член предложения, акцентное выделение (например, при логическом ударении):

(24) *Сдает он отчет, и ↓тут оказывается, что половины документов не хватает*

Логическое и акцентное выделение может быть дополнительно подчеркнуто присоединением частицы *–то*:

(25) *Сдает он отчет, и ↓тут-то оказывается, что половины документов не хватает*

Тут 2 – клитика, которая занимает в предложении ваккернагелевскую позицию, и не может нести на себе акцентного выделения; ср. неправильность:

(26) **Я ↓тут была в Лондоне*

Если фраза позволяет акцентное выделение *тут* в ваккернагелевской позиции, значит, *тут* реализуется в другом значении:

(27) *Я ↓тут работаю* [локативное значение *тут*]

Эта особенность *тут 2* связана с особым статусом этой единицы: мы предполагаем, что она находится на пути к грамматикализации в качестве особого показателя актуальности ситуации и ее близости к моменту речи. Подробнее особенности *тут* в качестве показателя близости к моменту речи рассматриваются в следующем разделе, в сравнении с наречием *сейчас*. В заключение данного раздела приведем контрастный пример на *и тут* и *тут 2*, из которого видно, что перестановка *тут* из позиции сентенциального наречия в ваккернагелевскую позицию дает смену значения:

(23а) *И тут он засмеялся* [*и тут*, после наступления какой-то другой ситуации]

(23а) *Он тут засмеялся* [*тут 2*, после этого наступит какая-то другая ситуация]

Соответственно этим двум значениям может быть реконструирован естественный контекст для этих двух *тут*:

(24а) *Она стала что-то говорить ему со слезами на глазах, и тут он засмеялся* [*и тут*]

(24а) *Он тут засмеялся на уроке, и его выгнали из класса* [*тут 2*]

III.1.1.5. Тут и сейчас

В предыдущих разделах было показано, что *тут* в значении близости к моменту речи обладает рядом особенностей, отличающих его от других временных значений *тут*. В этом разделе предлагается ответить на вопрос о том, чем *тут* отличается от основного дейктического показателя близости к моменту речи – наречия *сейчас*, – и, таким образом, зачем русскому языку еще одна единица с подобным значением.

В русском языке основными дейктическими словами со значением близости к настоящему моменту являются *сейчас* и *теперь*; ср. их анализ в [Мельчук 1995: 55-79],

[Урысон 2004б:1009-1013]. *Сейчас*, более универсальное слово, может употребляться и для референции к моменту речи, и к более абстрактному настоящему, и для выражения недавнего прошлого, и для выражения близкого будущего:

(25а) *Мы сейчас читаем «Преступление и наказание»* [в момент речи, например, в данный момент на уроке]

(26б) *Мы сейчас читаем «Преступление и наказание»* [в период времени, в котором говорящий себя мыслит, например, в школе в течение последних двух недель]

(26в) *Мы сейчас читали «Преступление и наказание» и обсуждали отношение Достоевского к либералам* [незадолго до момента речи]

(26г) *Мы прочли «Записки из подполья» и сейчас будем читать «Преступление и наказание»* [вскоре после момента речи].

Разные интерпретации *сейчас* анализируются в работе [Мельчук 1995] как разные значения, в работах [Падучева 1996] и [Урысон 2004а] – как разные употребления слова *сейчас*. В работе [Падучева 1996] все перечисленные употребления относятся к дейктическому режиму, т.к. они все указывают на близость к настоящему моменту говорящего. Кроме того, в работе Е.В. Падучевой анализируются употребления *сейчас* в контекстах прошедшего времени, где они обозначают близость к настоящему моменту персонажа или повествователя.

Дейктическое наречие *теперь* обладает спецификой относительно семантически более универсального *сейчас*, а именно, указывает на то, что нынешней ситуации предшествовала какая-то другая²¹⁷; ср. *сейчас* и *теперь* в следующих фразах

(27а) *Мне сейчас неудобно с ним разговаривать* [в данный момент]

(27б) *Мне теперь неудобно с ним разговаривать* [после того, что произошло до этого]

Таким образом, русский язык обладает разными средствами выражения идеи настоящего, а также идей недавнего прошлого и близкого будущего и, казалось бы, не имеет нужды в дополнительных подобных средствах. Однако оказывается, что в русском, как и в норвежском, возможно использование пространственного дейксиса со значением близости для обозначения близости временной. Подобным временным значением обладает наречие *тут* и, в меньшей мере, *здесь*. При этом, хотя словари

---

²¹⁷ См. об этом [Мельчук 1995], [Урысон 2004].

русского языка отмечают таксисное значение для наречия *тут*, ни в одном словаре не описано значение, в котором *тут* выражает близость к моменту речи, т.е. является псевдосинонимом *сейчас* в дейктическом режиме употребления (см., например, словарные статьи *тут* и *здесь* в МАСе).

I. Первое различие между *тут 2* и *сейчас* касается статуса этих единиц: так же как таксисное наречие *и тут*, *сейчас* является полноценной лексической и просодической единицей, в то время как *тут 2* имеет полуграмматикализованный статус. Ниже будет рассмотрен вопрос о том, что именно, по сравнению с *сейчас*, выражает эта полуграмматикализованная единица. Здесь ограничимся замечанием, что *тут 2*, в отличие от *сейчас*, не допускает ни логического (или фразового) ударения с соответствующим просодическим выделением, ни какого-либо другого помещения в фокус внимания; ср. контрастные примеры:

(28a) – *Когда ты это будешь делать? – Сейчас.*

(28б) – *Когда ты это будешь делать? – *Тут.*

Ср. также

(29a) *И не просто сейчас, а прямо сейчас, движется-крутится просто непонятное количество разных молекул* (Е. Гришковец).

(29б) **И не просто тут, а прямо тут, движется-крутится просто непонятное количество разных молекул* [невозможно с временн'ой интерпретацией].

Как мы видим из этих примеров, помещение *тут 2* в фокус внимания неизбежно приводит либо к аномалии, либо к локативной интерпретации: единица *тут* в значении близости к моменту речи возможна только в качестве грамматикализованного показателя. Интересно, что *тут 2* часто употребляется в сочетании с *сейчас* (*Я тут сейчас отчет пишу, и мне нужны показатели за сентябрь*), что было бы невозможно, если бы эти две единицы обладали одинаковым статусом, как невозможно сочетание *сейчас* с его близким синонимом *в данный момент* (**Я сейчас в данный момент отчет пишу, и мне нужны показатели за сентябрь*). Ср. также литературные примеры на сочетание *сейчас* и *тут 2*, где *тут 2* явно используется не в локативном значении и, на первый взгляд, дублирует значение *сейчас*:

(30) *Миля, — сказал он, — тут сейчас будет звонить опять Потоцкая, так я у Якова Абрамовича в триста пятидесятой* (Ю. Домбровский).

II. Проанализируем теперь смысловые различия между *сейчас* и *тут 2* в качестве показателей близости к моменту речи. Сначала рассмотрим те (более многочисленные) группы примеров, где возможно употребление *сейчас*, но не *тут 2*. Отметим предварительно, что все примеры, где наречие *сейчас* коммуникативно и просодически выделено, т.е. является ремой или контрастной темой, автоматически невозможны для *тут 2* и не будут рассматриваться. Это примеры типа ↓*Сейчас я живу в Америке; Поговори об этом ↓сейчас, не откладывай; Если бы он занялся наукой, мог бы ↓сейчас быть академиком*. Таким образом, примеры, которые приводятся ниже, это примеры, которые являются для *тут 2* потенциально допустимыми с коммуникативной и просодической точки зрения, а невозможны в силу каких-то других причин. Ср. пару (31а) и (31б), где пример с *тут 2* прагматически неадекватен.

(31а) *На Северном полюсе сейчас минус двадцать шесть*

(31б) **На Северном полюсе тут минус двадцать шесть*

Можно предположить, что *тут 2*, в силу остаточной пространственной семантики, действительно накладывает ограничения на употребление в локативных контекстах, а именно, как и пространственное *тут*, требует, чтобы говорящий находился в том месте, о котором идет речь²¹⁸. Однако на самом деле ограничение несколько тоньше, поскольку фразы типа (32) вполне могут быть произнесены человеком, находящимся в Петербурге:

(32) *В Финляндии тут в очередной раз повысили цену на алкоголь, и все стали ездить за водкой к нам.*

Таким образом, пространство, о котором идет речь, может физически не совпадать с тем, в котором находится говорящий, но мыслиться должно как часть пространства говорящего (в этом смысле *тут 2* не отличается от и *тут*). Собственно, при помощи *тут* говорящий строит это "свое" пространство; ср. типичную сочетаемость *Тут у меня у невестки неприятности на работе, Тут у нас выборы на Украине*. Можно, конечно, предположить также, что в данном случае мы сталкиваемся не с временным, а с размытым локативным значением *тут*, похожем на *там*; ср. *Там в Финляндии в очередной раз повысили цену на алкоголь*. Однако это предположение легко опровергается; ср. невозможность употребления *тут 2*, если речь идет о **давнопрошедших** событиях, даже если событие имело место там, где находится

---

²¹⁸ Фразы с локативным *тут* типа *Тут на Северном полюсе минус двадцать шесть* возможны только, если говорящий сам там находится.

говорящий:

(33) *В России тут в 19 веке была война с Наполеоном

Правильные фразы типа (34) не являются контрпримерами, так как в них реализуется локативное значение *тут*, где *тут* является сентенциальным наречием (что невозможно для показателя близости к моменту речи *тут 2*).

(34) Тут, в России, в 19 веке была война с Наполеоном

Однако если событие произошло относительно недавно, то фразы типа (35) становятся возможными:

(35) В России тут прошла волна политических протестов

Итак, сформулируем важное различие между *сейчас* и *тут 2*. *Сейчас* не накладывает никаких ограничений на местонахождение говорящего, но только на время события, о котором идет речь. *Тут 2* требует, чтобы не только временной промежуток, о котором идет речь, включал в себя момент речи, т.е. мыслился говорящим как тот, в котором он сейчас живет, но и чтобы пространство, в котором происходит/ происходило/ произойдет событие, мыслилось говорящим как включающее его.

III. Рассмотрим теперь ситуации, когда возможно употребление *тут 2*, но не *сейчас*. Ср. следующие пары:

(36а) *Я сейчас в прошлом году была в Лондоне

(36б) Я тут в прошлом году была в Лондоне

(37а) *Я сейчас в будущем году буду в Лондоне

(37б) Я тут в будущем году буду в Лондоне

При этом возможны фразы с *сейчас*, где это наречие указывает на моменты до и после момента речи.

(38) Я сейчас была в Лондоне

(39) Я сейчас буду в Лондоне

Таким образом, как видно из этих примеров, *тут 2* допускает большую удаленность момента события от момента речи, нежели *сейчас*. Более того, для *сейчас*, по-видимому, не возможны никакие уточнения касательно того, когда именно произошло событие, даже если промежуток времени, отделяющий его от момента речи, очень мал:

(40а) *Я сейчас пять минут назад его видела

(40б) **Я сейчас через пять минут буду с ним говорить*

Для *тут 2*, как мы видим, это возможно, даже если временной промежуток объективно не так уж и мал. Однако примеры типа (41а) и (41б) уже невозможны:

(41а) **Я тут тридцать лет назад была в Лондоне*

(41б) **Я тут через тридцать лет выплачу долг за квартиру*

Как же можно сформулировать временн'ые ограничения на употребление *тут 2*?

По-видимому *тут 2* относится либо к моменту речи, либо к такому моменту до или после момента речи, когда то, что произошло/ произойдет, может быть актуально для настоящего:

(42а) *Я тут год назад была в Лондоне и купила себе кучу одежды* [имеется в виду, что я пользуюсь ею и сейчас, и поэтому у меня есть, в чем пойти в гости, не нужно покупать новую одежду и т.п.]

(42б) *Я тут через год выплачу кредит за квартиру* [имеется в виду, что вскоре мое материальное положение улучшится – например, я смогу купить машину, дать кому-то в долг, пожертвовать на благотворительность и т.п.]

В этом смысле значение *тут 2* отчасти сближается со значениями некоторых видо-временных глагольных форм в европейских языках, например английской формы Present Perfect (хотя *тут 2* в равной степени ориентировано на связь настоящего с прошлым и с будущим, а Present Perfect – только на связь прошлого с настоящим), французского *passé recent* и *futur proche*. При этом *тут 2*, безусловно, еще не достигло окончательной грамматикализации, и его значение гораздо более конкретно, чем значение граммом.

IV. Рассмотрим последнее отличие *тут 2* от *сейчас*. В нижеследующих фразах *сейчас* является невозможным или звучит менее уместно, нежели *тут 2*.

(43а) *У него тут обнаружили туберкулез*

(43б) ?*У него сейчас обнаружили туберкулез*

(44а) *Мы тут полагаем, что пора уже действовать*

(44б) **Мы сейчас полагаем, что пора уже действовать*

(45а) *Я тут кое-что о нем знаю, но вам не скажу*

(45б) **Я сейчас кое-что о нем знаю, но вам не скажу*

Пример (43б) не идеален, но не невозможен: если говорящий хочет сообщить

именно и только о **времени** обнаружения туберкулеза и о том, что это событие произошло непосредственно перед моментом речи, то пример (43б) прагматически адекватен. Что касается примеров (44б) и (45б), то они аномальны, потому что **мнение** (тот его вид, который выражается глаголом *полагать* – устойчивое мнение) и особенно **знание** по своей природе несовместимы с идеей существования исключительно в момент речи, которая вводится наречием *сейчас* в сочетании с глаголом в настоящем времени.

У знания есть начало (когда человек что-то узнает), но конец не предусматривается. Устойчивое мнение, выражаемое глаголом *полагать* (в отличие от *думать*) также не предполагает быстрой смены. Однако в сочетании с *тут 2* и *полагать*, и *знать* возможны, из чего можно сделать вывод, что *тут 2* выражает нечто помимо идеи настоящего момента. Уже было сказано, что *тут 2* также предполагает местонахождение говорящего в том же мысленном пространстве, о котором идет речь. По-видимому, *тут 2* имеет синтетическое значение **актуальности**, в котором объединены разные идеи: **период времени** и **пространство**, в котором говорящий себя мыслит, а также **ситуация**, участником или непосредственным наблюдателем которой он является. Кроме того, как было показано в разделе 2.1.2, *тут 2* часто предполагает, что за ситуацией A1, о которой сообщает говорящий, следует какая-то другая ситуация A2, обычно вытекающая из той, которая имеет место: *Я тут летом собираюсь в поход [A1], и у всех спрашиваю, нет ли палатки [A2]*. Этим *тут 2* также отличается от чисто временного *сейчас*.

Таким образом, идея времени встроена в значение *тут 2*, однако не является в нем единственной. В этом смысле *и тут* и *тут 2* сближаются: обе единицы предполагают некий репортаж, некую **эвиденциальность** – в противоположность объективному нарративу. Говорящий сообщает о том, к чему он имеет прямой непосредственный доступ – при этом *тут 2* предполагает, что ситуация разворачивается в момент речи или в такой момент времени до или после момента речи, когда она еще сохраняет актуальность для настоящего и ее связь с настоящим не утрачена, а *и тут* обычно сообщает о событиях в прошлом и никакой связи с настоящим не предполагает.

Поскольку *тут 2*, в отличие от *сейчас*, имеет не чисто временное значение, для него возможны сочетания с обстоятельствами времени, невозможные для чисто временного *сейчас*; ср.:

(46а) *Я тут летом в поход собираюсь*

(46б) *Я тут в октябре была в Лондоне*

(46в) *Я тут в пять должна уходить*

(47а) **Я сейчас летом в поход собираюсь*

(47б) **Я сейчас в октябре была в Лондоне*

(47в) **Я сейчас в пять должна уходить*

В заключение сформулируем значение *тут* 2:

(48) *Тут А1, А2* ‘Имеет место ситуация А1, участником или наблюдателем которой является говорящий, которая может привести или приводит к наступлению ситуации А2, и которая разворачивается в том же реальном или мысленном пространстве, где находится говорящий, в промежуток времени, который включает в себя настоящий момент и такие моменты до и после настоящего момента, когда ситуация А1 сохраняет связь с настоящим моментом и может повлиять на наступление ситуации А2’.

III.1.1.6. Временные значения здесь

Как было сказано выше, у *здесь* есть такие же временные употребления, как у *тут* – а именно таксисное (следование ситуаций) и близость к моменту речи. Однако, как было показано, для *тут* временные значения формируют ядро полисемии, в то время как для *здесь* они существенно более окказиональны, хотя вполне возможны; ср. *То, что кража была совершена не без участия местных работников, было ясно с самого начала, но вот на каком уровне и кому это понадобилось? И здесь вдруг пришла в голову простая мысль* [Алексей Козлов . Козел на саксе (1998)] [значение следования ситуаций]; *Ребят, я здесь подумал вот что – а давайте будем делиться полезными советами* [значение близости к настоящему моменту]. Однако в большинстве контекстов, где реализуются временные значения *тут*, подстановка *здесь* либо невозможна, либо приводит к пространственной интерпретации.

III.1.1.6.1. Таксисное значение здесь

Рассмотрим таксисное значение *здесь* ‘следование ситуаций’. Основная сочетаемость *тут* в этом значении представлена предикатами со значением начала существования. Запрос в НКРЯ на появление *здесь* и *тут* на расстоянии 1 от глаголов со значением начала существования в совершенном виде показывает следующее. Во-

первых, такие сочетания в семь раз более частотны для *тут* (195 к 27 в Основном корпусе).

Во-вторых, даже в тех случаях, когда *здесь* употребляется в подобных контекстах, это наречие нередко употребляется анафорически и в качестве анафоры имеет пространственную интерпретацию (для *тут* в подобных контекстах характерна только не-анафорическая временная интерпретация). Ср. примеры, где *здесь* дает пространственную интерпретацию, а подстановка *тут* привела бы к временной трактовке фразы: *Меня пригласили в Пермь, и здесь* [в Перми] *начался второй, очень важный этап в моей жизни* [Георгий Бурков. Хроника сердца (1953-1990)]; *Гиммлер направил в «штаб Вали» самых опытных контрразведчиков, чтобы выявить причины провалов, и здесь* [в штабе] *создалась крайне опасная, напряженная обстановка* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)].

Другой контекст, характерный для *тут* в таксисном значении, – сочетание с наречием *вдруг*, – также обнаруживает значительные различия во встречаемости. Сочетаний *и тут вдруг* в корпусе RuTenTen 2508, а сочетаний *и здесь вдруг* – всего 84, т.е. в 30 раз меньше. При этом сочетания *и тут вдруг* практически все имеют временную интерпретацию, а сочетания *и здесь вдруг* отчасти интерпретируются пространственно; ср. *Эмигранты-евреи, которые приехали [в Израиль] из СССР и здесь вдруг осознали себя православными, приняли крещение* [*здесь* анафорически отсылает к упомянутому в предшествующем контексте Израилю]. Временное таксисное *тут* здесь было бы менее уместно, т.к. оно указывает на немедленное следование ситуаций, а подобная интерпретация в этом контексте недоступна (вряд ли может иметься в виду, что религиозное осознание произошло немедленно и неожиданно по приезду). Ср., напротив, контекст быстрой смены ситуаций, где предпочтительна временная интерпретация и использование *тут*: *Мы сели за стол и даже сделали заказ, и тут вдруг осознали ужас происходящего*.

В контекстах, которые позволяют обе интерпретации, *здесь* обычно «выбирает» пространственную, а *тут* – временную: *После 1917 года эти земли были объединены в крупный колхоз, а в 1960 году вошли в состав Москвы, и здесь началось крупное массовое строительство* [на этих землях] vs. *После 1917 года эти земли были объединены в крупный колхоз, а в 1960 году вошли в состав Москвы, и тут началось крупное массовое строительство* [сразу и неожиданно после вхождения земель в состав

Москвы].

Однако интересно выяснить, есть ли различия между *здесь* и *тут*, когда оба наречия имеют временную интерпретацию, или эти наречия являются полными синонимами. Естественно было бы ожидать каких-то различий, поскольку полная синонимия в языке – явление чрезвычайно редкое. Имеющийся материал недостаточен для четкого проведения границ между *здесь* и *тут* в таксисном значении, поскольку у *здесь* это значение, по-видимому, только начинает оформляться (примеры на чисто временную интерпретацию *здесь* фиксируются в НКРЯ начиная с 20 века), однако возможно сформулировать некоторые предположения относительно того, как оно может развиваться. Имеющиеся примеры демонстрируют определенную специфику таксисного *здесь* по сравнению с таксисным *тут*, которая отчасти мотивирована свойствами этого наречия в его основном – пространственном – значении.

Одно из важных свойств *здесь* – склонность к сентенциальному употреблению – отмечает И.М. Богуславский в своем известном примере *Здесь солнце садится здесь*, где в сферу действия первого *здесь* входит все предложение, а в сферу действия второго *здесь* – только предикат. Эта синтаксическая особенность связана с семантикой *здесь* – это наречие может указывать не только на небольшое, близкое к говорящему место в пространстве, но и на более широкое пространство; ср. *Не оставляй компьютер в машине – у нас тут воруют* vs. *Не оставляй компьютер в машине – у нас здесь воруют*. В первом случае говорящий скорее имеет в виду небольшую территорию – возможно, свой микрорайон, во втором вполне вероятно более широкая интерпретация – в Москве или в России.

Широта *здесь* и точечность *тут* (ср. [Гришина 2012]) в пространственном значении преобразуются в следующее различие в таксисном значении: в то время как *тут* обычно описывает быстрое и неожиданное **следование событий**, *здесь* описывает **ситуацию**, на **фоне** которой происходит некоторое событие, не обязательно неожиданное. То есть временное *здесь* указывает скорее на одновременность в прошлом, а не на последовательность; в этом смысле его употребление напоминает использование форм *past simple* в сочетании с формами *past progressive* в английском языке (*She was watching TV when I came*); ср. примеры из НКРЯ и RuTenTen:

(50) *Но пришла в чью-то умную голову мысль сделать на этом месте Рыбинское водохранилище... Здесь я посмотрел на Алю. В глазах ее не было ни слез, ни сожаления*

(Юрий Абрамов. Аля из Китежа // «Общая газета», 1998) [на фоне рассказа говорящий смотрит на Алю]

(51) *Михаил Васильевич спросил меня, как прошло выступление, и тогда я ответил, что принимали нас прекрасно, что мы не ударили там в грязь лицом, что даже на обложке программы фестиваля поместили мой портрет (здесь я показал ему принесенную с собой книжечку)* (Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)) [на фоне рассказа об успехах говорящий показывает книжечку]

(52) *Пока у Московского открытого фестиваля нет собственного гимна и лозунга. Но на открытии по традиции исполнялась "Возьмёмся за руки, друзья..." И здесь за руки взялись не только барды, слушатели, но и представители правительства Москвы в лице Людмилы Швецовой* (Виктория Тарасова. Купол неба и - песня! (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.06.13) [на фоне исполнения песни люди берутся за руки].

Для *здесь* в таксисном значении предлагается следующее толкование:

(53) *A1, и здесь A2* ‘Событие A2 произошло в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который имела место ситуация A1’.

В таксисном значении *здесь* имеет некоторые синтаксические и сочетаемостные особенности. А именно, в этом значении *здесь* тяготеет к сентенциальной позиции (в пространственном значении возможны и сентенциальная, и обстоятельственная функции): *Здесь я наконец понял, о чем идет речь*. Это связано с коммуникативными различиями между пространственными и непространственными значениями: временное и ситуативное *здесь* – тематичны, а локативное – может быть ремой; ср. *Но, к слову сказать, здесь я понял мудрость пословицы: на миру и смерть красна* (В. Ф. Панова. Спутники (1945)); *Здесь я подумал, что девочка в таком состоянии может провисеть от силы минут двадцать* (Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983)) [естественна временная интерпретация].

Вынос *здесь* в рему дает форсированную локативную интерпретацию:

(54) *Я понял мудрость пословицы ↓здесь* [на этом месте]

Ср. похожее явление на материале разных значений глагола *быть* [Апресян 1995б], где экзистенциальному значению соответствует тематическая коммуникативная функция, а рематизация глагола приводит к локативной интерпретации:

(55) *Был в московском зоопарке ручной лев* [экзистенциальное значение]

(56) *Ручной лев был в московском зоопарке* [локативное значение]

III.1.1.6.2. *Здесь* как показатель близости к моменту речи

Второе временное значение, значение близости к моменту речи, для *здесь* существенно менее характерно, чем таксисное. Интерпретация *здесь* как указания на близость к моменту речи возможна только тогда, когда недоступны никакие другие интерпретации; ср.

(57) *В Англии, например, запретили детям ходить с мобильными телефонами в школу – у входа мобильники отбирают. У нас до этого дело не дошло. Я здесь разговаривала с одной мамой, у которой дочке 10-12 лет. Говорю: зачем ей мобильный телефон?* (RuTenTen).

Контекст не позволяет в данной случае ни пространственной, ни ситуативной интерпретации, и *здесь* указывает на близость события к моменту речи. Однако в конструкциях, где пространственная или ситуативная интерпретация возможны, *здесь*, в отличие от *тут*, «выбирает» их; ср. *здесь* и *тут* в конструкции *Я здесь <тут> решил X*. В подобных конструкциях *тут* выбирает интерпретацию близости к настоящему моменту – решение недавно было принято и еще актуально, в то время как *здесь* выбирает пространственные и ситуативные интерпретации; ср. *Я тут решил с девицей познакомиться; Я тут решил отказаться от бумажных носителей; Я тут решил не включать их в окончательный список* [незадолго до момента речи] vs. *Я здесь решил употребить термин «Экологический подход»* [применительно к упоминавшейся ситуации]; *Привет всем. Это первое, что я здесь решил написать* [в упоминавшемся месте].

Итак, можно предположить, что смысл ‘близость к моменту речи’ не формирует отдельного самостоятельного значения у наречия *здесь* – речь скорее идет о достаточно редких изолированных употреблениях, которые возникают в условиях замены *тут* на *здесь* и недоступности иных интерпретаций. Также, в отличие от *тут*, имеющего яркие грамматические особенности в значении близости к моменту речи (в первую очередь клитичность), *здесь* остается в этом употреблении полноударным наречием.

III.1.2. Заключение

Итак, в заключение можно сказать, что временные значения *тут* и *здесь* наследуют некоторые особенности пространственных значений этих дейктических слов.

Тут обладает сильной дейктичностью и в пространственном значении всегда указывает на место, в котором в момент речи находится говорящий, таким образом, синкретически сочетая два смысла – ‘пространство’ и ‘время’ – в одном значении. Синкретичность и дейктичность сохраняются и во временных значениях *тут*. В таксисном значении *тут* указывает на два следующих друг за другом события, объединенных в единый раунд наблюдения, – т.е. происходящих в одном пространстве и в два непосредственно связанных момента времени. Прагматически в таксисном значении *тут* является маркером поворота событий, вводящим указание на событие, которое является новым и неожиданным как для адресата, так и для субъекта ситуации. В значении близости к моменту речи *тут* является полуграмматикализованным маркером актуальности, вводящим событие, которое произошло, происходит или произойдет в момент, близкий к моменту речи и в пространстве, в котором мыслит себя говорящий. Наречие *здесь* способно к не-дейктическим употреблением, имеет гораздо более выраженную пространственную семантику и склонность к сентенциальному употреблению. Среди его не-пространственных значений доминируют ситуативные, временные представлены значительно меньше. *Здесь* не развивает полноценного временного значения близости к моменту речи, по-видимому, поскольку его пространственное значение не содержит обязательного указания на время речи говорящего. В таксисном значении *здесь*, в отличие от *тут*, вводит представление о фоновой ситуации, в какой-то из моментов существования которой происходит некоторое событие.

Раздел III, Глава 2. Взаимодействие семантики и прагматики в синтаксической фразе *X в X*

III.2.0. Введение

В данной главе методы исследования семантики синтаксических единиц, а также корпусного анализа прагматики, апробированные на материале уступительных конструкций (Раздел I, Глава 4) и лексико-синтаксических средств выражений эмоций (Раздел II, Глава 3), применяются к синтаксической фразе с темпоральным значением.

Глава посвящена семантическому и прагматическому анализу русской синтаксической фразы *X в X* (*минута в минуту, день в день, час в час*). В главе формулируется значение данной синтаксической фразы, ее контекстно-обусловленные возможные интерпретации, а также культурно-прагматические тенденции, играющие роль в выборе предпочтительной интерпретации.

Синтаксическая фраза *X в X* со значением временного совпадения находится на пересечении двух важных пластов русского языка – во-первых, это класс единиц со значением совпадения, во-вторых, это темпоральные синтаксические фраземы.

В первый класс входят единицы со значением точного соответствия по количественному параметру (*тютелька в тютельку*; ср. *Платье на Машу пришлось тютелька в тютельку; Денег хватило тютелька в тютельку*), со значением полного совпадения каких-либо характеристик (*точь-в-точь, один в один*; ср. *У нее лицо точь-в-точь как у той актрисы; Тексты одинаковые, просто один в один*), которые имеют такую же прагматическую функцию, как и темпоральная фраза *X в X* – привлекать внимание адресата к необычному факту столь точного совпадения.

Во второй класс входят многочисленные темпоральные синтаксические фраземы, хорошо представленные в русском языке. Единицы со значением времени легко поддаются прагматической переоценке, и наличие модальной рамки характерно для многих темпоральных синтаксических фразем. При этом некоторые семантические параметры, которые важны на всем пространстве темпоральных синтаксических фразем, и организуют представленные на нем типы прагматической оценки, оказываются важными и для рассматриваемой фраземы *X в X*, как будет показано ниже.

Основным материалом для заполнения валентностей темпоральных синтаксических фразем служат слова, у которых выделяется значение «интервал времени определенной длины», такие как *секунда, минута, час, день, неделя, месяц, год, век* (но не количественно неопределенные *мгновение, миг, вечность*). При этом существенно, оценивается ли интервал времени как долгий, краткий или нейтральный в отношении количественной оценки. Изначально в семантику этих слов не заложено представление о том, насколько длинным или кратким по ощущениям представляется говорящему тот или иной интервал времени, в них содержится лишь указание на объективное количество времени – так, *минута* – это шестьдесят *секунд* и одновременно одна шестидесятая часть *часа, год* – это триста шестьдесят пять *дней* и т.п. Однако естественно, что более долгие интервалы времени, такие как *год, век* могут переосмысляться как длинные по ощущениям, а более короткие, такие как *минута* и *секунда* – как субъективно быстро пролетающие. Некоторые интервалы времени можно назвать промежуточными – так, *день* и *час*, а также иногда *неделя* и *месяц* могут осмысляться и как долгие, и как недолгие. Ср. *в течение долгих часов* <дней, недель, месяцев, лет, веков> VS. *в течение долгих минут, в течение долгих секунд*; *долгие часы* <дни, недели> *неизвестности, долгие месяцы* <годы> *разлуки, долгие века рабства* VS. *долгие минуты неизвестности, долгие секунды неизвестности, *долгие минуты* <секунды> *разлуки; короткие минуты* <часы, дни, недели, месяцы> *счастья, короткие секунды триумфа; О, как вернуть вас, быстрые недели/ Его любви, воздушной и минутной!* (А. Ахматова, Высоко в небе облачко серело...) VS. *короткие годы успеха; короткие века независимости.*

Эта естественная шкала подтверждается данными сочетаемости по Русскому национальному корпусу, однако с некоторыми поправками. Во-первых, *неделя, месяц* и *секунда*, в силу своей общей меньшей частотности по сравнению с *минутой, часом, днем* и *годом*, несколько выбиваются из ожидаемой иерархии: так, сочетаний *короткий год* <*короткие годы*> оказывается больше, чем сочетаний *короткие месяцы* <*недели*>, хотя в соответствии со шкалой реальной длительности естественно было бы ожидать обратного, равно как и сочетаний *долгие дни* и особенно *долгие часы* намного больше, чем сочетаний *долгие месяцы* <*недели*>.

Кроме того, в корпусе присутствует некоторое количество *долгих минут* <*секунд*>, а также *коротких лет*, что, казалось бы, противоречит оценке этих интервалов времени

как, соответственно, субъективно длительных и коротких. Однако на самом деле это только подтверждает общую тенденцию: говорящий отмечает субъективно быстрое прохождение долгого интервала (*короткие годы*), а также субъективно долгое прохождение короткого интервала (*долгие секунды*) как необычные; поэтому, в частности, такие сочетания нередко сопровождаются дополнительными характеристиками типа *неправдоподобно, невероятно*; кроме того, слова *минута* и *секунда* в сочетании с прилагательным *долгий* используются в основном во множественном числе (для «удлинения» обсуждаемого интервала времени). Кроме того, выясняется, что в узусе вообще чаще встречаются сочетания со словом *долгий*, чем со словами *короткий, краткий, быстрый*, то есть люди склонны чаще привлекать внимание к тем ситуациям, в которых время тянется для них *долго*, чем те, в которых оно пролетает *быстро*. Итак, корпусные данные сочетаемости обозначений разных интервалов времени (в единственном и множественном числах) со словами *долгий, короткий, краткий* и *быстрый* таковы:

долгий год 2036

долгий месяц 135

долгая неделя 29

долгий день 160

долгий час 196

долгая минута (17, из них 12 в форме множественного числа)

долгие секунды 4 (все в форме множественного числа)

короткая <краткая, быстрая> секунда 12

короткая <краткая, быстрая> минута 58

короткий <краткий, быстрый> час 36

короткий <краткий, быстрый> день 105

короткая <краткая, быстрая> неделя 2

короткий <краткий, быстрый> месяц 4

короткий <краткий, быстрый> год 20

Каким же образом прагматическая оценка интервала времени как короткого или долгого взаимодействует с его способностью употребляться в разных темпоральных синтаксических фраземах? Оказывается, некоторые синтаксические фраземы содержат прагматическую оценку времени как долгого и, естественно, в таких фраземах валентности могут заполняться только названиями субъективно длинных или нейтральных интервалов времени, а некоторые, наоборот, имплицитно краткость временного интервала и, соответственно, допускают только названия субъективно кратких или нейтральных интервалов времени.

Ср., например, фразему *с X-а на X* (*Мы ждем его со дня на день*), со значением 'Событие Y должно произойти очень скоро, в течение временного интервала X'. Естественно, в этой фраземе прагматически адекватными будут только субъективно короткие или нейтральные *секунда, минута, час, день, неделя*, но не субъективно длинные *месяц, год* (*??Мы ждем его с месяца на месяц, *Мы ждем его с года на год*).

С другой стороны, во фраземе *из X-а в X* (*Вечно одно и то же, изо дня в день*), со значением 'Одно и то же положение вещей Y продолжается очень долго, в течение многих временных интервалов X', задействованы субъективно длинные временные интервалы. В этой фраземе употребляются слова *день, год* и *век*: *Изо дня в день разговоры об одном и том же; Из года в год процветает коррупция; Из века в век люди пытаются победить болезни*. Сочетания **из секунды в секунду, *из минуты в минуту* и *??из часа в час* невозможны, т.к. временные интервалы *секунда, минута* и *час* слишком коротки. Что касается сочетаний *из недели в неделю* и *из месяца в месяц*, то они потенциально возможны, однако в узусе редки, т. к. в русском языке отсчет времени вообще гораздо чаще происходит на *минуты, часы, дни* и *годы*, чем на *секунды, месяцы* и особенно *недели*. Это связано, по-видимому, с тем, что время обычно измеряется в *часах* и *минутах* (*секунды* указываются далеко не всегда), а дата определяется через *день, месяц* и *год*. В «наилучшем» положении оказываются *дни*, у которых есть и числовое выражение (номер дня в месяце), и названия (дни недели), а также имеющие числовое выражение *минуты, часы* и *годы*. В несколько «худшем» положении находятся *месяцы*, которые определяются в первую очередь по своим названиям (номера месяцев используются в основном для записи дат). В «наихудшем» положении находятся *недели*, которые не имеют ни названий, ни номеров (за исключением некоторых специальных контекстов). Ср. впрочем, контекстуально адекватные фразы

Потребительская активность снижается из месяца в месяц; Акции банков из недели в неделю дешевеют.

III.2.1. Семантика синтаксической фраземы X в X

Рассмотрим теперь семантику фраземы X в X. Валентность X в ней может заполняться словами *секунда, минута, час, день, неделя, месяц, год*. Интересно, что в словарях отражена только часть возможных реализаций этой фраземы, а именно сочетания *секунда в секунду, минута в минуту, час в час* и *день в день*, причем ее значение также описано непоследовательно – зафиксированы лишь некоторые из возможных интерпретаций.

Вот как представлена фразема X в X в МАСе и в Большом англо-русском фразеологическом словаре Лубенской:

секунда в секунду – 1) точно в установленный срок; 2) в одно и то же время, одновременно [МАС]; в словаре Лубенской сочетание отсутствует;

минута в минуту – точно, в установленный срок [МАС]; to the minute, on the dot; right on time; at...sharp; on the nose, exactly, precisely at a fixed time; Примеры: *Ровно через две недели, минута в минуту – мы опять стояли на каменных плитах знакомой террасы* (В. Катаев); *Каждый гость мог записать в книгу, когда будить его завтра. Будили минута в минуту* (И. Грекова) [Лубенская 2004:369];

час в час – точно, в установленный, назначенный срок [МАС]; Right <precisely> at the appointed <expected etc.> time <hour>; predict <prophesy etc.> sth. (right to the very hour), [in limited contexts] right on time; Примеры: *Я тебе рассказывала, кажется, как Кирюша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину* (Л. Н. Толстой, Детство) [Лубенская 2004:774];

день в день – точно в назначенный срок [МАС]; precisely (on the day named); to the day; right to the very day; Примеры: *Последняя часть романа подписана 4-ым апреля 63 года, а ровно день в день три года спустя и произошло покушение* (В. Набоков); *Я тебе рассказывала, кажется, как Кирюша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину* (Л. Н. Толстой, Детство) [Лубенская 2004:183].

В МАСе только для сочетания *секунда в секунду* выделяются две интерпретации, для остальных сочетаний – только по одной; в словаре Лубенской большее богатство интерпретаций обеспечивается различными вариантами перевода фраземы на

английский, однако примеры двух различных интерпретаций даются для только сочетаний *минута в минуту* и *день в день*, но не *час в час*, хотя это сочетание допускает ровно такие же интерпретации, как и два предыдущих. Кроме того, ни одно из предлагаемых словарных толкований не отражает прагматических особенностей данной фраземы – а именно, оценки говорящего (подробнее об этом см. в следующем разделе).

В настоящей работе предлагается рассмотреть данную фразему системно, во всех ее интерпретациях и во всех ее реализациях. Как будет показано, для каждой реализации возможны все интерпретации (их на самом деле три, а не две), однако в зависимости от того, обозначение какого временного интервала – субъективно короткого, субъективно длинного или нейтрального – заполняет валентность *X*, предпочтительной является та или иная интерпретация (что объясняет непоследовательность словарей, которые предпочтительную, наиболее частотную интерпретацию выделяют в качестве единственной).

Общее значение фраземы *X в X* таково: '(а) время события *Y* совпадает со временем события *Z* с точностью до временного интервала *X*; (б) говорящий считает, что это необычно'.

III.2.1.1. Три интерпретации фраземы *X в X*

Это значение может реализоваться в двух основных контекстуально обусловленных интерпретациях – интерпретации «запланированного совпадения» и интерпретации «незапланированного совпадения», – вторая из которых подразделяется, в свою очередь, на две, что в общей сложности дает три возможных интерпретации:

1. 'время события *Y* совпадает со временем *Z* с точностью до временного интервала *X*', где *Z* – это какое-то фиксированное время, обычно запланированное для *Y* по предварительному плану, графику, предсказанию, расчету и пр. (*Он пришел в условленное время, минута в минуту; Он пришел ровно в четыре, минута в минуту*);

2. 'время двух событий *Y* и *Z* совпадает с точностью до временного интервала *X*', причем совпадение обычно не запланировано заранее и может быть

а) полным; ср. *Он родился день в день с началом войны*, где совпадают все три параметра, по которым определяется день – число, месяц, и год, т. е. речь идет об одновременных событиях, либо

б) частичным *Он получил диплом ровно через пять лет после поступления в институт, день в день*, где совпадают только два параметра – число и месяц, т. е. речь идет о последовательных событиях.

Таким образом, в значении синтаксической фраземы *X в X* выделяются два уровня – семантический – ‘(а) время события Y совпадает со временем события Z с точностью до временного интервала X’ и прагматический – (б) говорящий считает, что это необычно’. При этом на семантическом уровне выделяются две части: пресуппозитивная – ‘время события Y совпадает со временем события Z’ и ассертивная – ‘с точностью до временного интервала X’; ср. *Он приходит не минута в минуту, но достаточно пунктуально; Обычно мы встречаемся в марте, когда это случилось. Не день в день, конечно...* (А. Толстых, Душа в футляре) [отрицается только данная степень точности совпадения, однако само совпадение не отрицается]; *Он позвонил точно в назначенное время – даже не минута в минуту, а секунда в секунду* [степень совпадения может быть даже более точной].

Для каждого сочетания возможны все три интерпретации, однако некоторые из них частотны, а некоторые имеют статус потенциальных и в узусе практически не встречаются. Выбор предпочтительной интерпретации определяется прагматическими факторами, о которых речь пойдет ниже. При этом некоторые сочетания более частотны (такие как *минута в минуту, день в день, час в час, год в год*), некоторые несколько менее частотны (*секунда в секунду, месяц в месяц*), а некоторые возможны только в очень ограниченном круге контекстов (*неделя в неделю*). В этом смысле фразема *X в X* не отличается от рассмотренных выше фразем *из X в X* и *с X-а на X*, где сочетания с со словами *секунда, неделя* и *месяц* также менее частотны, чем сочетания с обозначениями других временных интервалов. Сочетания со словом *век* (возможные для фраземы *из X-а в X*) невозможны для фраземы *X в X* по прагматическим причинам. Фразема *X в X* привлекает внимание к необычной степени точности временного совпадения; совпадение с точностью до века не может считаться высокоточным, особенно в пределах одной человеческой жизни. Употребление фраземы *век в век* требовало бы слишком протяженной рамки наблюдения – один век для интерпретации точного совпадения (**Эти два изобретения появились практически одновременно – век в век*), тысячелетие для интерпретации частичного совпадения (**Ровно через тысячу лет после*

падения Рима, век в век, Колумб открыл Америку), поэтому такие сочетания прагматически невозможны.

Рассмотрим теперь все возможные интерпретации для каждого из возможных сочетаний.

III.2.1.2. Реализации фраземы X в X по Основному корпусу НКРЯ секунда в секунду (32 вхождения в НКРЯ)

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до секунды' – 26 вхождения

Он пришел ровно в пять часов, секунда в секунду; Секунда в секунду, в назначенный срок, наш дорогой дракон заключит тебя в свои объятия (Е. Шварц, Дракон); Условленный стук в дверь из смежного номера раздался точно в назначенный срок – секунда в секунду (В. Скворцов).

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до секунды' – 2 вхождений
Мы подъехали одновременно, секунда в секунду.

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным минуте, событий Y и Z совпадает с точностью до секунды' – 4 вхождения

Он пришел ровно через пять минут, секунда в секунду; Следующая атака Легиона последовала через час, в три, секунда в секунду (Н. Подольский); Просит позвонить завтра «в это же время» — засеки время и звони секунда в секунду (А. Шубин).

минута в минуту – 84 вхождения

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до минуты' – 77 вхождений

Ян приехал на место встречи минута в минуту (П. Галицкий, Цена Шагала); Ровно в двенадцать, минута в минуту, дверь приоткрылась (В. Некрасов, Саперлипопет).

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до минуты' – 3 вхождения

Мы с ним подъехали одновременно, минута в минуту; Двести девяносто шесть грузовиков двенадцатью отдельными автоколоннами должны были минута в минуту выйти к массиву (В. Богомолов).

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным часу, событий Y и Z совпадает с точностью до минуты' – 4 вхождения

Когда через 24 часа, минута в минуту, мы прибыли в кафе на Страстной площади <...>, Жора уже был там (С. Алешин, Встречи на грешной земле); Со дня прилета Алистратова в этот город прошло ровно десять суток. Минута в минуту (С. Романов, Парламент).

час в час – 21 вхождение

1) ‘время события Y совпадает со временем Z с точностью до часа’ – 13 вхождений

Приходи, смотри, час в час, не раньше и не позже (П. Бажов, Золотой волос); С этапа на этап – докатился солдат до своего места, в аккурат час в час в свою роту заявился (Саша Черный, Солдатские сказки).

2) ‘время двух событий Y и Z совпадает с точностью до часа’ – 3 вхождения

За все эти три месяца его допрашивали в Таганке только один раз – именно 12-го апреля, день в день и час в час с одновременным моим допросом на Лубянке (Р. В. Иванов-Разумник, Тюрьмы и ссылки).

3) ‘время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным суткам, событий Y и Z совпадает с точностью до часа’ – 5 вхождений

Маргарита <...> вспоминала, как ровно год, день в день и час в час, на этой же самой скамье она сидела рядом с ним (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); Через неделю. Час в час (Н. Э. Гейнце, Дочь Великого Петра).

день в день – 105 вхождений

1) ‘время события Y совпадает со временем Z с точностью до дня’ – 67 вхождений

Изредка он брал у меня деньги — не помногу, рублей пять, десять – и всегда возвращал точно, день в день (И. Грекова, Дамский мастер); – Мне даже странно, но получилось так, что все намеченное вышло практически день в день (Е. Губайдуллина, «Известия», 2002.07.08).

Л2) ‘время двух событий Y и Z совпадает с точностью до дня’ – 16 вхождений

Вряд ли родители Ванессы ожидали, что все кончится тем, что их дочка будет со Скрипочкой наперевес распевать поп-песенки – не зря же она родилась день в день с Николо Паганини (Г. Пуотс, «Известия», 2001.12.16); Комичным казалось даже его исключение из партии 19 сентября 1972 года (почти день в день совпавшее с тридцатилетием его партийного стажа) (В. Потресов, Возвращения Некрасова).

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным месяцу, событий Y и Z совпадает с точностью до дня' – 22 вхождения

Закончился финальный акт трагедии, разыгравшейся ровно день в день восемьдесят лет назад в Екатеринбурге (В. Быков, Ольга Деркач, Книга века); Государь, по слухам, выехал в Вильну, день в день через полгода после своего выезда из нее (Г. П. Данилевский, Сожженная Москва).

неделя в неделю – в НКРЯ не встретилось

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до недели'

Нам платят аккуратно – неделя в неделю; Строительство идет по плану – неделя в неделю; При беременности развитие плода не всегда идет неделя в неделю.

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до недели'

Они одновременно вернулись из армии – неделя в неделю.

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным месяцу, событий Y и Z совпадает с точностью до недели'

Ровно через три месяца – неделя в неделю – я получила от него письмо; Я написал эту статью год назад – неделя в неделю.

месяц в месяц – 1 вхождение, интерпретация 1)

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до месяца'

Коммунальные услуги необходимо оплачивать аккуратно – месяц в месяц; Ребенок развивается хорошо – месяц в месяц; Зарплату выплачивают месяц в месяц.

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до месяца'

Они почти одновременно – месяц в месяц – были произведены в генералы.

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным году, событий Y и Z совпадает с точностью до месяца'

Это случилось через десять лет – месяц в месяц; Через двадцать лет – месяц в месяц – он вернулся домой.

год в год – 4 вхождения

1) 'время события Y совпадает со временем Z с точностью до года' – 1 вхождение

И просидел он так лет семь, год в год... (Н. Леонова, Притча о Калафате).

2) 'время двух событий Y и Z совпадает с точностью до года' – 3 вхождения

Людам моего поколения, родившимся чуть не год в год со смертью Сталина, всегда казалось, что именно хрущевская «перестройка» вынесла на поверхность из

глухого подполья мрачного сталинизма определенные культурные ценности, о которых до того и упоминать было страшно (Н. Климонтович, Далее – везде); «Москва — Петушки» стали бестселлером самиздата в 70-м, если мне не изменяет память, год в год с «Николаем Николаевичем» Юза Алешковского (Н. Климонтович, Далее – везде); Династическое право наследства прекратилось опять-таки в тот самый момент (год в год), когда прекратилась и самая цель, для которой была необходима искусственная связь, соединившая в одно целое столько народов юго-восточной Германии и юго-западного славянства (Н. Я. Данилевский, Россия и Европа).

3) 'время двух следующих друг за другом с интервалом, кратным столетию, событий Y и Z совпадает с точностью до года' – 0 вхождений

Это произошло ровно через двести лет, год в год.

Итак, мы видим, что при любых лексических реализациях фраземы возможны все три интерпретации – (1) интерпретация «пунктуальности» (точное совпадение с графиком, планом, расчетом, ожиданиями); (2) интерпретация «синхронности» (точное, обычно незапланированное, совпадение во времени двух событий); (3) интерпретация «последовательности» (следование событий друг за другом точно через фиксированный интервал времени, обычно незапланированно).

III.2.1.3. Факторы, определяющие выбор интерпретации

Однако для некоторых реализаций фраземы более характерна интерпретация пунктуальности, а для некоторых – интерпретация судьбоносного совпадения.

Выбор предпочтительной интерпретации диктуется прагматическими соображениями. Так, для временных интервалов, которые оцениваются как субъективно короткие (*секунда, минута*) предпочтительной является первая интерпретация, интерпретация «запланированного совпадения», «пунктуальности», которая составляет, соответственно, 84 и 82 процента от всех вхождений. Это естественно с точки зрения наших знаний о мире – для современного общества степень пунктуальности, которая может оцениваться как высокая и, в силу этого, маркироваться как заслуживающая особого внимания, измеряется одной минутой или даже одной секундой (особенно для событий, происходящих в соответствии с формально фиксированным графиком или расписанием, типа *приема лекарств, пуска реактора, телевизионной передачи*).

Для сочетания *час в час* доля интерпретации «пунктуальности» составляет шестьдесят пять процентов – очевидно, потому что для запланированных событий степень точности, которая измеряется часом, оценивается в современном технологически развитом обществе скорее как низкая, чем как высокая. С другой стороны, незапланированное совпадение событий с точностью до секунды или для минуты является настолько экстраординарным событием, что интерпретация «незапланированного совпадения» фиксируется достаточно редко.

Для временных интервалов, которые оцениваются как субъективно длинные (*год*), предпочтительной является вторая интерпретация, полного или частичного незапланированного совпадения во времени двух событий, по тем же прагматическим соображениям – незапланированное совпадение с точностью до года – это явление необычное, но возможное, а что касается запланированных совпадений, то они требуют гораздо большей степени точности, чем год.

Нейтральные временные интервалы (*час, день*) свободно допускают обе интерпретации. Для *часа* частота интерпретация «пунктуальности» составляет шестьдесят пять процентов, для *дня* – около 60 процентов, все остальное приходится на долю незапланированных совпадений, причем преобладают частичные совпадения – не синхронные события, а следующие друг за другом с фиксированным временным интервалом. Особый круг употреблений *день в день* составляет совпадение дней рождений у разных людей, что дает говорящему основание для проведения всякого рода параллелей и сближений между ними (подробнее см. ниже).

Месяц и *неделя* представлены во фраземе *X в X* (как и в других темпоральных синтаксических фраземах) гораздо слабее, чем прочие обсуждавшиеся временные интервалы. Как упоминалось выше, это, видимо, связано с тем, что они не могут сами по себе задавать точную временную референцию – если *секунда, минута, час, день, год* задаются цифровыми значениями (*дни* помимо этого имеют названия), то для *месяцев*, по крайней мере, в неофициальном языковом регистре первичными являются обозначения по названиям, а обозначения по номерам релевантны только для официального регистра письменной речи. Что касается *недель*, то они описывают временной интервал, который в русском языке не маркируется ни названием (в отличие от *месяцев* и *дней недели*), ни номером (в отличие от *минут, часов, дней и лет*), и поэтому еще в меньшей степени способны употребляться в данной конструкции.

Исключением являются те контексты, где речь идет о графиках или сроках, определяемых преимущественно в терминах недель, причем этим неделям могут присваиваться номера (как, например, в определении сроков беременности). В этих случаях *неделя в неделю* имеет первую интерпретацию, а именно, точного временного совпадения с графиком, естественными ожиданиями и т.п.; ср. *Плод развивается нормально, неделя в неделю; Строительство идет по плану, неделя в неделю; Нам платят аккуратно, неделя в неделю.*

III.2.2. Прагматика синтаксической фраземы *X в X*

Прагматическая часть значения синтаксической фраземы *X в X* выражается модальной рамкой ‘говорящий считает, что это необычно’. Таким образом, коммуникативное намерение говорящего при употреблении этой фраземы – привлечение внимания адресата к необычному, с точки зрения говорящего, временному совпадению. Ср. прагматически нейтральные фразы *Проект закончили в намеченный срок, Петя родился в тот же день, что и Моцарт* и прагматически наполненные фразы *Проект закончили в намеченный срок, день в день, Петя родился день в день с Моцартом.*

При этом в силу того, что у фраземы *X в X* есть две основных интерпретации – «запланированного совпадения» и «незапланированного совпадения» во времени, прагматическое содержание оценки ‘говорящий считает, что это необычно’ оказывается совершенно различным.

Когда эта прагматическая оценка сочетается с интерпретацией «запланированного совпадения» – ‘время события *Y* совпадает со временем *Z* с точностью до временного интервала *X*’, где *Z* – это запланированное время совершения *Y*, то удивление говорящего направлено на то, что событие происходит в соответствии с планом, то есть на неожиданную для него пунктуальность. При этом оценка, как правило, касается не одного конкретного события (*Он всегда опаздывает, а сегодня пришел минута в минуту*), а скорее отражает общие представления говорящего о мире, согласно которым пунктуальность в принципе – явление редкое. Фразы типа *Он всегда приходит минута в минуту* содержат имплицитное указание на то, что большинству людей такая точность несвойственна.

Когда прагматическая оценка сочетается с интерпретацией «незапланированного совпадения» – ‘время двух событий *Y* и *Z* совпадает с точностью до временного

интервала X', то удивление и внимание говорящего направлены на то, что незапланированные события совершаются так, как будто они были запланированы. Необходимо сделать одну оговорку. Сама по себе одновременность каких-то событий, безусловно, не является чем-то удивительным. В реальной жизни десятки, сотни, тысячи событий происходят одновременно, с точностью до минуты, например, *Каждую минуту в мире рождается двести сорок пять детей*, однако одновременность этих рождений не воспринимается как удивительная. Для того чтобы полное или частичное совпадение во времени двух событий представлялось чем-то необычным и заслуживающим интереса, говорящий должен а) помещать их в некую общую рамку наблюдения; б) устанавливать связь между этими внешне не связанными событиями.

Обычно говорящий усматривает некую неслучайность, некий перст судьбы в подобных временных совпадениях, и совпадение дат двух событий служит основанием для дальнейших сближений. Ср. фразы *Петя родился в тот же день, что и Моцарт* и *Петя родился день в день с Моцартом*. Первая фраза содержит только констатацию совпадения; вторая фраза, дополнительно к этому, содержит также удивление говорящего по поводу этого совпадения, а также некоторые выводы: то, что Петя родился в один день с Моцартом, не случайно, и указывает на то, что у них есть что-то общее – например, любовь к музыке.

Возможны разные типы соотношений между двумя событиями:

(1) одно из событий, более важное, представляется ориентиром, точкой отсчета, и временное совпадение с ним указывает на наличие у второго, менее масштабного события, каких-то особенных черт – возможно, совпадающих с чертами первого события или как-то мотивированных им; ср. *родиться день в день с Моцартом* <*Эйнштейном, началом войны*>

(2) два события имеют одинаковый по важности статус, но между ними просматривается некоторая связь, или некий контраст, или некий параллелизм, что делает это совпадение неслучайным, интересным в глазах говорящего и потому заслуживающим внимания; ср. «*Goddess in the Doorway*» *угораздило появиться день в день с новым альбомом Робби Уильямса, и пресса не замедлила подсчитать разницу в продажах за первый день: меньше тысячи дисков у Джаггера против 73 тысяч у Уильямса – какой пассаж!* («Известия», 2001.12.10).

Таким образом, на основе анализа прагматики темпоральной синтаксической идиомы *X в X* в русской языковой картине времени можно вычленить следующие идеи:

(1) События редко происходят точно тогда, когда они были запланированы, и поэтому когда это происходит, это вызывает удивление и достойно особого внимания;

(2) Каким-то образом связанные события редко происходят одновременно без предварительного плана, и поэтому когда это происходит, это вызывает удивление, достойно внимания, и является знаком каких-то более глубоких судьбоносных параллелей и совпадений.

III.2.2.1. Непунктуальность или «перст судьбы»

Согласно [Апресян 2006:34-36], чем на большем числе языковых уровней представлена некая идея, тем больше у нее оснований претендовать на статус ключевой идеи языковой картины мира. Таким образом, тот факт, что для выражения идеи «анти-пунктуальности» и идеи «судьбоносности временных совпадений» в русском языке существует особая синтаксическая конструкция, указывает на их важность для русской языковой картины мира. Идея «анти-пунктуальности», хотя и соответствует некоторым самоосознаваемым национальным стереотипам, до этого не описывалась лингвистически, тем более на материале конструкций, в качестве одной из ключевых идей русской языковой картины мира. Отчасти коррелирующий с ней лексический материал рассматривается в работах [Плунгян, Рахилина 1995], где речь идет о стереотипе «неаккуратности», и [Левонтина, Шмелёв 2005], где в качестве одной из особенностей русской языковой картины мира отмечается трудность перехода от бездеятельности к деятельности.

Что касается второй идеи – идеи «судьбоносности временных совпадений», то она также не описывалась ранее, хотя можно говорить о ее связи с подробно описанной в литературе идее «судьбы», или какой-то внешней по отношению к субъекту силы, управляющей ходом событий [Wierzbicka 1990, Булыгина и Шмелев 1997:200-207, В. Апреян 2008:8-16, Апреян В. 2010:480-490], выражаемой в русском языке не только лексически, но и при помощи синтаксических конструкций [Babby 1975:182-185, Wierzbicka 1996: 67-68, Апреян 2006:36-39].

Таким образом, рассмотренный материал коррелирует с уже имеющимися в лингвистике представлениями о русской языковой картине мира и одновременно позволяет их расширить.

III.2.2.2. Английская фразема *to the X*: иные прагматические ожидания

Как отмечалось в четвертой главе первого раздела на материале уступительных конструкций *при всем X-е* и *for all X*, а также в третьей главе второго раздела на материале лексем *бояться* и *to be afraid*, часто бывает трудно или невозможно сформулировать в абсолютных терминах семантические различия между языковыми единицами, однако частотные сочетаемостные различия в узусе позволяют предположить различие в прагматических функциях. Нечто подобное имеет место и в отношениях между русской фраземой *X в X* и ее менее частотным английским коррелятом *to the X*. Семантически синтаксическая фразема *to the X* очень близка рассмотренной русской фраземе *при всем X-е*, что доказывается возможностью ее употребления в аналогичных контекстах и с аналогичными интерпретациями; ср. следующие примеры из Корпуса современного американского СОСА: *It happened exactly one hundred days after I married Andy, almost to the minute* (E.Giffin, Love the one you're with) 'Это произошло ровно через сто дней после моей свадьбы с Энди, почти минута в минуту' [интерпретация судьбоносного совпадения]; *Service is estimable: our lavish breakfast arrived to the minute and was laid out on our terrace* (J.B.Rafferty, Mallorca) 'Прекрасный сервис: наш обильный завтрак был принесен минута в минуту и сервирован на террасе' [интерпретация пунктуальности].

Однако если сравнить частотное распределение интерпретаций, реально встретившихся в узусе, оказывается, что русская и английская фраземы ведут себя по-разному. У русской фраземы интерпретация неожиданной пунктуальности является доминирующей, в то время как в английском языке доминирующей является интерпретация судьбоносного совпадения: она чаще выбирается даже тогда, когда речь идет о достаточно маленьких промежутках времени. Ср. употребление фраземы *to the X* по данным корпуса СОСА:

*Таблица 1. Частотность различных интерпретаций фраземы *to the X**

Интервал	пунктуальность	полное судьбоносное совпадение	частичное судьбоносное совпадение
секунда	2 (100 %)	0	0
минута	7 (35 %)	0	13 (65 %)
час	0	0	7 (100 %)
день	0	51 (16,6 %)	255 (83,4 %)
неделя	0	0	2 (100 %)
месяц	0	0	6 (100 %)
год	0	0	0

Конечно, объем имеющихся данных ограничен, однако представляется, что для выявления различия в общих прагматических тенденциях предпочтительной интерпретации этой конструкции их вполне достаточно. Более того, данные параллельных русско-английских и англо-русских корпусов (НКРЯ и Sketch Engine) также подтверждают это различие. Русской фраземе *X в X* в интерпретации пунктуальности чаще соответствует в английских текстах (как оригинальных, так и переводных) фразема *to the dot* ‘ровно’ или какое-то иное языковое средство, в то время в интерпретации судьбоносного совпадения – фразема *to the X*. Ср. все встретившиеся в параллельном корпусе примеры на запрос *X в X* в параллельном корпусе НКРЯ (за исключением одного, где интерпретация осталась неясной):

Таблица 2. Данные параллельных корпусов по фраземе *X в X*

Интервал	Русский	Английский
<i>секунда</i> пунктуальность	Служащие <...> должны были являться на свои места точно, секунда в секунду [Теодор Драйзер. Гений (М. Волосов, 1930)]	All of these men who worked for this company <...> all had to appear at their posts on the tick of the clock [Theodore Dreiser. The "Genius" (1915)]
<i>минута</i>	Она тогда как-то	She'd managed to get

<p>пунктуальность</p>	<p>сумела слетать домой в Филадельфию <...> и вернуться на работу—минута в минуту [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаетва, 2006)]</p>	<p>home to Philadelphia <...> and be back at her desk without missing a minute of work [Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)]</p>
<p><i>минута</i> пунктуальность</p>	<p>На работу каждый день должны <...> являться без опозданий, минута в минуту [Теодор Драйзер. Американская трагедия (Нора Галь, З. Вершинина, 1948)]</p>	<p>They must <...> show up promptly — on the dot — and in good condition for the work every day. [Theodore Dreiser. An American Tragedy (1925)]</p>
<p><i>минута</i> пунктуальность</p>	<p>В десять часов — минута в минуту — появились Эмили, Рэчел, Уинифрид [Джон Голсуорси. Собственник (Н. Волжина, 1946)]</p>	<p>Not a second before ten o'clock came the Jameses—Emily, Rachel, Winifred [John Galsworthy. The Man of Property (1906)]</p>
<p><i>минута</i> пунктуальность</p>	<p>В полночь, минута в минуту, полный, круглый булочник стал у дверей и крикнул" Подходи. [Теодор Драйзер. Сестра Керри (М. Волосов, 1927)]</p>	<p>Exactly on the hour a portly, round-faced German took position by it, calling "Ready. [Theodore Dreiser. Sister Carrie (1900)]</p>
<p><i>минута</i> случайное совпадение</p>	<p>Моя пациентка скончалась в десять часов вечера по моим часам, чуть ли не минута в минуту в то самое время,</p>	<p>My patient died, two hours before midnight — at a time, by my watch, answering almost to the minute when I had first</p>

	как я увидел ее первый раз. [Чарльз Диккенс. Повесть о двух городах (С. Я. Бобров, М. П. Богословская, 1950-1960)]	seen her. [Charles Dickens. The Tale of two Cities (1859)]
<i>час, день</i> случайное совпадение	Маргарита щурилась на яркое солнце, вспоминала свой сегодняшний сон, вспоминала, как ровно год, день в день и час в час , на этой же самой скамье она сидела рядом с ним. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]	Margarita squinted in the bright sunlight, remembered her last night's dream, remembered how, exactly a year ago to the day and the hour , she had sat next to him on this same bench. [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]
<i>час, день</i> случайное совпадение	Кирюша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину. [Л. Н. Толстой. Детство (1852)]	Grisha prophesied the very day and hour of poor Papa's death?" [Leo Tolstoy. Childhood (C. J. Hogarth, 1910-1935)]
<i>день</i> пунктуальность	Они закончили работу в намеченный срок— день в день! [Джордж Оруэлл. Скотный двор (Л. Беспалова, 1989)]	The work had been finished punctually to the very day! [George Orwell. Animal Farm (1945)]
<i>день</i> пунктуальность	Помните, товарищи, ничто не помешает нам осуществить наши планы!	Remember, comrades, there must be no alteration in our plans: they shall be

	Они будут выполнены день в день. [Джордж Оруэлл. Скотный двор (Л. Беспалова, 1989)]	carried out to the day . Forward, comrades! Long live the windmill! Long live Animal Farm! " [George Orwell. Animal Farm (1945)]
--	---	--

Как видно из таблицы, из семи встретившихся примеров на интерпретацию «пунктуальности», русской фраземе *X в X* соответствует английская фразема *to the X* только в двух примерах из Оруэлла, где речь идет о выполнении работы в срок, несмотря на препятствия (контекст неблагоприятных факторов, который способствует нагнетанию удивительности подобной пунктуальности). В остальных случаях употреблены другие языковые средства со значением точного времени. Во всех трех встретившихся примерах на интерпретацию случайного совпадения фраземе *X в X* соответствует фразема *to the X*.

Итак, хотя русская фразема *X в X* имеет практически такое же значение и допускает те же интерпретации, что и фразема *to the X*, прагматически для первой более предпочтительна интерпретация неожиданной пунктуальности, а для второй – интерпретация неожиданного совпадения.

Раздел III, Глава 3. Влияние смысла ‘контроль’ на структуру значения каузативов и интерпретативов

III.3.0. Введение

В данной главе идея взаимодействия смыслов в значении лексемы и в высказывании рассматривается в контексте семантики каузативности. В работе сближаются два направления семантических исследований – с одной стороны, взаимодействие лексических единиц с отрицанием, с другой стороны, фундаментальная классификация предикатов, связывающая лексико-семантический тип предиката с его лингвистическими свойствами – видовыми значениями, сочетаемостью и т.п.

Полученные в исследовании данные о взаимодействии разных типов предикатов с отрицанием коррелируют с утверждением основополагающей роли смысла акциональности, или агентивности, который лежит в основе большинства классификаций предикатов, принятых в русистике [Маслов 1948, Булыгина 1982, Падучева 1996, Падучева 2009, Апресян 2006]²¹⁹; показывается роль смысла конативности, или попытки [Маслов 1948] в интерпретации сочетаний предикатов с отрицанием; выделяется класс лабораторивов, также имеющих особые семантические свойства.

Наконец, исследование демонстрирует, что одним из важнейших факторов, влияющих на семантическую структуру предиката и его взаимодействие с отрицанием, является наличие в значении предикатов системообразующего смысла ‘контроль’, что дает основания для выделения контролируемых действий в качестве особого подтипа в фундаментальной классификации предикатов. В зависимости от наличия смысла ‘контроль’ в значении предиката, отрицание при этом предикате может воздействовать на все значение предиката (в случае каузативов, ‘действие’ и ‘результат’) или на его часть (‘результат’)²²⁰.

---

²¹⁹ Ср. также многочисленные работы об агентивности vs. неагентивности как типологически важной характеристике, имеющей ряд семантических и синтаксических проявлений (Comrie 1976, Dowty 1979, Pylkkänen 2000, Talmy 2000, Князев 2007).

²²⁰ Одним из первых обратил внимание на это явление Дж.МакКоли; ср. знаменитый пример *John almost killed Harry*, которому приписываются три интерпретации в зависимости от того, какая часть значения предиката попадает в сферу действия отрицания. На русском материале это явление наиболее подробно рассматривается в работах И.М. Богуславского; ср., например [Богуславский 1990, 1996].

Важность семантического компонента ‘контроль’ как фактора, определяющего некоторые языковые свойства лексем, а также разные представления о признаке контролируемости, существующие в литературе, обсуждается в работе [Зализняк Анна А. 2006:518-524]. Мы опираемся на сформулированное в данной работе семантическое определение контроля: «Про человека X можно сказать, что он контролирует ситуацию P (или что ситуация P является контролируемой для X-а), если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [Зализняк Анна А. 2006:519].

В работе рассматриваются три типа предикатов – агентивные физические каузативы, агентивные эмоциональные каузативы²²¹ и интерпретативы. Взаимодействие разных семантических типов предикатов с отрицанием неоднократно обсуждалось в литературе; ср., например, следующие работы: [Карловска 1990] о физических каузативах, [Богуславский 1996:94] о предикатах со значением достаточности, [Богуславский 2004] об интерпретативах, [Кустова 1996, 2004] об эмоциональных каузативах; [Апресян 2006], [Апресян В. 2010б] об интерпретативах, [Апресян 2012] о глаголах со значением эмоциональных состояний. Возможность разных интерпретаций предикатов с отрицанием связывается с семантикой предиката [Апресян 2006]; с семантикой предиката, сферой действия отрицания, коммуникативным членением [Богуславский 1996, 2004]; с коммуникативной структурой фразы и режимом употребления предиката [Кустова 1996, 2004].

В работе [Апресян В. 2013] на материале эмоциональных каузативов выдвигается гипотеза о связи сферы действия отрицания с семантикой конативности (попытки) в значении предиката. В диссертационном исследовании эта гипотеза уточняется и расширяется на материале агентивных физических каузативов и интерпретативов. Показывается, каким образом степень контроля агенса над результатом действия у этих типов предикатов влияет на их семантическую структуру и, в итоге, на их взаимодействие с отрицанием. Кроме того, рассматривается влияние других

---

²²¹ Разные предикаты из этих двух групп каузативов предполагают разную степень агентивности: мы используем этот термин в данном исследовании для обозначения предикатов, которые допускают заполнение валентности субъекта именем лица, даже при отсутствии всех семантических признаков агенса; ср. *Вася втаскивает чемодан на лестницу* [отсутствует гарантия результата]; *Вася меня злит* [отсутствует намерение или гарантия результата], *Вася меня умиляет* [отсутствует намерение]. Подробно о признаках агентивности, а также обсуждение литературы по данному вопросу см. [Князев 2007:265].

лингвистических факторов, а именно аспектуальных характеристик предиката и конструкции, в которой он употреблен, на взаимодействие предиката с отрицанием.

III.3.1. Агентивные физические каузативы

В данной работе из всех каузативов физического воздействия рассматриваются только агентивные, по той причине, что именно они допускают разные типы взаимодействия с отрицанием; не-агентивные каузативы физического воздействия взаимодействуют с отрицанием стандартным образом – а именно, каузальный компонент, который у них всегда находится в пресуппозиции, не входит в сферу действия отрицания, а ассертивный компонент ‘результат’ – входит. Ниже представлена типичная семантическая структура не-агентивных каузативов в форме СОВ и их взаимодействие с отрицанием:

(1) *Х сделал Y с Z-ом*

‘Объект или явление X воздействовал на объект Z (пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция)’

(2) *Град не уничтожил посевы*

‘Град воздействовал на посевы; посевы не были уничтожены’

(3) *Ветер не перевернул лавки*

‘Ветер воздействовал на лавки; лавки не были перевернуты’

Фразы (2) и (3) не могут быть употреблены в ситуации, когда *града* и *ветра* не было. Таким образом, интерпретация не-агентивных физических каузативов с отрицанием всегда сохраняет пресуппозицию существования: факт наличия воздействия, т.е. каузальный компонент, не отрицается, отрицается только наличие результата. Соответственно, с не-агентивными каузативами смысл ‘действие’ всегда находится в пресуппозиции и не попадает под отрицание.

Это связано с тем, что у не-агентивных каузативов первая валентность – это воздействие (*снег, дождь, град, ветер, ураган, наводнение, потепление*), подобно тому, как у агентивных первая валентность – это агенс. Первая валентность не попадает в сферу действия предикативного отрицания: таким образом, у агентивных каузативов не может отрицаться наличие агенса, хотя его действие – может, а у не-агентивных

каузативов не может отрицаться наличие воздействия²²². Это онтологически понятно: если человек или другой одушевленный агентс может существовать и бездействовать, то природное явление, или «elements», в терминологии [Mel'čuk 1995b] существует в реальном мире только в своих проявлениях и упоминается тогда, когда имеет место и оказывает воздействие (поэтому названия природных явлений обычно употребляются с лексико-функциональными глаголами или образуют назывные предложения).

Отрицание компонента 'воздействие' у не-агентивных каузативов в принципе возможно, однако только при родовом референтном статусе подлежащего; ср. перифразировку евангельского *Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребят* [= 'на небе нет моли и ржавчины'].

У агентивных каузативов ситуация более сложная, а именно, в форме СОВ они могут допускать обе интерпретации отрицания. Ниже представлена типичная семантическая структура агентивных каузативов и примеры их взаимодействия с отрицанием:

(4) *X сделал Y с Z-ом*

'Человек X делал нечто с объектом Z; в результате Z перешел в состояние Y'

(5) *Мародеры не уничтожили посевы*

а. 'Мародеры не пытались уничтожить посевы' – отрицание действия

б. 'Мародеры пытались уничтожить посевы, но не уничтожили' [например, их остановили жители села] – отрицание результата

(6) *Мальчик не перевернул лавки*

а. 'Мальчик не пытался перевернуть лавки' – отрицание действия

б. 'Мальчик пытался перевернуть лавки, но не перевернул' [например, они были слишком тяжелыми] – отрицание результата

Таким образом, для целей данной работы интересны именно агентивные физические каузативы, которые в принципе допускают разные возможности взаимодействия с отрицанием. При этом далеко не все агентивные физические каузативы допускают разные СД отрицания; очень многие из них прагматически допускают только отрицание действия (в отличие от не-агентивных, которые допускают только отрицание результата); ср.:

---

²²²Это классическая presupposition существования – объект, о котором делается высказывание, должен существовать, для того, чтобы высказывание не было аномальным.

(7) *Мама не причесала дочку*

‘Мама не причесывала дочку; дочка не причесана’

(8) *Он не налил воды в чайник*

‘Он не наливал воду в чайник; чайник пустой’

Что влияет на возможную интерпретацию физических каузативов с отрицанием? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим следующие пары примеров с квазисинонимичными каузативами, где в первом примере отрицается сама попытка, а во втором – ее успех.

(9) а. *Он не положил одежду в чемодан*

‘Он не стал класть одежду в чемодан’

б. *Он не запихнул одежду в чемодан*

‘Он пытался запихнуть одежду в чемодан, но не запихнул (поскольку не было места)’

(10) а. *Он не вошел в вагон метро*

‘Он не стал входить в вагон метро’

б. *Он не втиснулся в вагон метро*

‘Он пытался втиснуться в вагон метро, но не втиснулся’

Как видно из приведенных примеров, те каузативы, которые не содержат указания на усилие, имеют тенденцию к отрицанию самой попытки совершения действия, а те, которые имеют семантику усилия – к отрицанию ее успешности. С чем это связано? Дело в том, что, в отличие от не-агентивных каузативов, агентивные физические каузативы предполагают высокую степень зависимости результата от действия, т.е. высокую степень контроля агенса.

Иными словами, тот факт, что говорящий производит некоторое простое физическое действие с целью получить некий результат, с высокой степенью вероятности этот результат гарантирует – когда человек *причесывает* кого-либо, обычно ему удастся этого человека *причесать*, если он *кладет* куда-то свои вещи, ему удастся их *положить*, и т.п. Лингвистически это выражается в том, что между двумя компонентами смысла агентивных физических каузативов – действием и результатом – имеется тесная каузальная связь. Эти компоненты составляют единое целое в смысловой структуре, отчего они оба входят в ассерцию и подпадают под отрицание «вместе».

Не-агентивные каузативы, напротив, не предполагают целенаправленных действий и чьего-либо контроля над происходящим, поэтому и каузальная связь между воздействием и результатом воспринимается как более случайная и слабая. Лингвистически это выражается в том, что компоненты 'воздействие' и 'результат' в меньшей мере связаны между собой в смысловой структуре - 'воздействие' входит в пресуппозицию, а 'результат' – в ассерцию, отчего под отрицание подпадает только один из них.

Лаборативность, или семантика большого усилия, предполагает, что агент сталкивается с трудностями при достижении желаемого результата. Каузативы типа *втолкнуть, втощить, впихнуть, втиснуться* указывают именно на большие усилия, которые агенту приходится прилагать для достижения результата. Отметим, что семантическая структура этих предикатов весьма сложна: указание на способ достижения результата является у них слабым смыслом²²³, а наличие указание на большое усилие влечет за собой оценочность и создает модальную рамку (о модальной рамке см., например, [Апресян 1995а]). Однако наличие трудностей означает, что результат может и не быть достигнут; лингвистически это выражается в том, что у лабораторивных физических каузативов каузальная связь между действием и результатом ослаблена по сравнению с прочими агентивными каузативами, и указание на действие может переходить в пресуппозицию, становясь недоступным для отрицания.

III.3.1.1. Семантические классы агентивных физических каузативов

Агентивные физические каузативы делятся на следующие группы:

а) не-лаборативные, т.е. такие, которые **не могут** указывать на то, что действие, ведущее к результату, осуществляется с усилием (как правило, моментальные глаголы): *пристрелить, хлестнуть, ударить, шлепнуть, уколоть, выплеснуть*; ср. невозможность **с трудом пристрелить* <*хлестнуть, ударить, шлепнуть, уколоть, выплеснуть*>;

б) нейтральные в отношении лабораторивности, т.е. такие, которые **могут** указывать на усилие, но **не обязательно** на него указывают: *утопить, покрасить, сварить, задушить, накормить*; ср. возможность как *с трудом утопить* <*покрасить, сварить,*

---

²²³В данном случае мы используем это понятие так, как оно сложилось в работах И.М.Богуславского; ср. [Богуславский 1985], а также [Зельдович 1998] и несколько другое понимание слабого смысла в [Апресян 1995б].

задушить, накормить>, так и с легкостью <быстро> *утопить* <покрасить, сварить, задушить, накормить>;

в) лабораторивные, т.е. такие, которые **обязательно** указывают на большое усилие и/или длительное время, необходимое для достижения результата: *приволочь, затащить, впахнуть, разложить, дотащить*; ср. естественность с трудом *приволочь* <*затащить, впахнуть, разложить, дотащить*> и невозможность *с легкостью <быстро> *приволочь* <*затащить, впахнуть, разложить, дотащить*>.

Как было сказано выше, диагностическим контекстом для сочетания с отрицанием у всех агентивных физических каузативов является форма совершенного вида, поскольку именно в этой форме у некоторых из них появляются пресуппозитивные компоненты значения, дающие разные возможности интерпретации с отрицанием. Пресуппозицией у них является действие, выражаемое соответствующим глаголом несовершенного вида; при этом наличие пресуппозиций характерно не для всех агентивных физических каузативов, а только для нейтральных и лабораторивных.

III.3.1.2. Семантическая структура разных типов агентивных физических каузативов

В семантической структуре не-лаборативных физических каузативов компоненты действие и результат имеют статус **ассерции**, и отрицание воздействует на оба:

(11) *X сделал Y с Z-ом* = ‘X сделал с Z-ом нечто, отчего Z перешел в состояние Y’

(12) *Она не накрашила глаза*

‘Она не крашила глаза; глаза у нее не крашены’

В семантической структуре лабораторивных физических каузативов сопровождаемое усилиями действие имеет статус **пресуппозиции**, а результат – статус **ассерции**. Дополнительно может присутствовать оценочная модальная рамка, часто негативная; ср., например, глаголы *припереть, запихать*; см. об этом [Гловинская 2004]. С такими предикатами отрицание либо не сочетается (при наличии ярко выраженной модальной рамки); ср. странность ?*Он не припер продукты*, либо воздействует только на компонент ‘результат’.

(13) *X сделал Y с Z-ом* = ‘прилагая большие усилия, X делал с Z-ом нечто (пресуппозиция); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция); говорящий оценивает это определенным образом (модальная рамка)’

(14) *Он не втащил чемодан на лестницу*

‘Он втаскивал чемодан; он не втащил его на лестницу (например, ему не хватило сил)’ – отрицание результата

Таким образом, лаборативные физические каузативы сближаются с не-агентивными каузативами по своей семантической структуре и взаимодействию с отрицанием. Связано это, как было сказано выше, с понижением степени контроля агенса над ситуацией, что и сближает их с не-агентивными каузативами.

В семантической структуре нейтральных каузативов указание на усилие может отсутствовать, а может возникать при наличии соответствующего контекста; можно говорить о наличии у них «факультативной», или «контекстной» пресуппозиции. С такими предикатами отрицание может воздействовать как на оба компонента смысла, так и только на компонент ‘результат’:

(15) *X сделал Y с Z-ом* = ‘прилагая усилия, X делал с Z-ом нечто (факультативная пресуппозиция)); в результате Z перешел в состояние Y (ассерция); говорящий оценивает это определенным образом (модальная рамка)’

(16) *Она не отчистила пятно на ковре*

а. ‘Она не пыталась отчистить пятно (забыла об этом)’

б. ‘Она пыталась отчистить пятно, но не отчистила (оно не отходило)’

Итак, лексическая семантика каузативного предиката, а именно, степень контроля агенса влияет на статус и характер каузального компонента в его семантической структуре и, таким образом, на его взаимодействие с отрицанием.

III.3.2. Агентивные эмоциональные каузативы

Эмоциональные каузативы, в отличие от физических, гораздо чаще бывают не-агентивными. Если для физических каузативов прототипическими являются именно агентивные значения и употребления, т.е. примеры типа *Он ее убил* частотнее примеров типа *Ее убила молния*²²⁴, то для эмоциональных каузативов ситуация обратная: фразы типа *Машу обрадовало Васино появление* частотнее, чем фразы типа *Вася обрадовал Машу своим появлением*²²⁵.

²²⁴Запрос S, пом HUM + убить, INDIC + S, асс HUM дает 224 вхождения в Основном корпусе, запрос S, пом ABSTR + убить, INDIC + S, асс HUM дает 127 вхождений.

²²⁵ Запрос S, пом ABSTR + S, асс HUM + V EMOT CAUS INDIC дает 248 вхождений в Основном корпусе (после), Запрос S, пом HUM + S, асс HUM + V EMOT CAUS INDIC дает 42 вхождения.

Как и физические не-агентивные каузативы, эмоциональные не-агентивные каузативы имеют единообразную двухслойную семантическую структуру; у них указание на стимул, или причину, эмоции составляет **пресуппозицию**, а указание на эмоцию – **ассерцию**; и их взаимодействие с отрицанием однозначно определяется этой структурой. Указание на событие – причину эмоции – является первой валентностью не-агентивных эмоциональных каузативов и соответственно не может подпадать под предикативное отрицание; ср. невозможность не-фактивных интерпретаций фраз типа *Ее появление обрадовало Ивана* [два местоимения 3-Л – плохо]. Не-агентивные эмоциональные каузативы также не рассматриваются в данной работе.

Однако агентивные эмоциональные каузативы в целом устроены совершенно иначе, нежели агентивные физические каузативы. Если то, что происходит с физическими объектами, представляется в большей мере как результат активной целенаправленной и контролируемой деятельности агентов, то эмоции – это скорее непроизвольные реакции на события окружающего мира и гораздо реже – результат чьих-то сознательных усилий. Даже когда агент пытается вызвать у экспериенцера некую определенную эмоцию, его действия, направленные на это, в гораздо меньшей степени алгоритмизованы, чем при совершении физических действий, а результат в гораздо меньшей степени гарантирован. Иными словами, физическая каузация позволяет большую степень контроля над результатом, чем эмоциональная; можно вспомнить в этой связи знаменитую фразу Гамлета “*Do you think I am easier to be played on than a pipe?*” («По-вашему, на мне легче играть, чем на дудке?»).

Так, действия, направленные на достижение таких результатов, как *забить гвоздь, налить воды, помыть посуду, сварить кашу*, в высокой степени определены и заданы, а их результат предсказуем; действия же, направленные на достижение таких результатов, как *вызвать у кого-л. радость <восхищение>*, в высокой степени индивидуальны и определяются обстоятельствами реальной жизни и конкретной ситуации, а их результат в высокой степени зависит от особенностей экспериенцера и, соответственно, не контролируется агентом и не может быть гарантирован.

Лингвистически это значит, что степень контроля агента над результатом у агентивных эмоциональных каузативов очень низка и, соответственно, каузальная связь между действиями и результатом опосредована и существенно более слаба, чем у физических каузативов. Это косвенным образом подтверждается данными сочетаемости

физических и эмоциональных агентивных каузативов с наречиями со значением целенаправленности *нарочно* и *специально*, предполагающими высокую степень контроля; эмоциональные каузативы плохо сочетаются с этими наречиями, для физических каузативов такая сочетаемость более характерна²²⁶. Из примерно сорока агентивных эмоциональных каузативов из разных кластеров, рассмотренных в данном исследовании, в Основном корпусе НКРЯ в контексте наречия *нарочно* встретились только *сердить*, *злить*, *пугать* и *обидеть* (всего 10 вхождений на расстоянии 1 от наречия на 71102 вхождения эмоциональных каузативов), в контексте наречия *специально* – ни одного.

Семантически это означает, что в целом для агентивных эмоциональных каузативов характерна такая же двухуровневая семантическая структура, как и для не-агентивных, при которой действие и результат (эмоциональная реакция на это действие) разделены по разным уровням смысла: указание на действие²²⁷ находится в **пресуппозиции**, а указание на результат – в **ассерции**. Соответственно, отрицание с эмоциональными каузативами обычно воздействует только на компонент ‘эмоциональная реакция’, но не компонент ‘действие’:

(17) *Он не обидел ее своей бестактностью*

‘Он проявил бестактность, но ее это не обидело’

Таким образом, большинство эмоциональных каузативов семантически устроены как не-агентивные и лабораторивные физические каузативы. Однако среди эмоциональных каузативов есть такие, которые допускают отрицание самого компонента ‘действие’; ср. неоднократно обсуждавшиеся в литературе примеры [Кустова 1996], где возможны обе сферы действия:

(18) *Петя не огорчил маму двойкой*

‘Петя не получил двойку’ [отрицание действия]

‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ [отрицание реакции]

Что влияет на интерпретацию эмоциональных каузативов с отрицанием? В цитируемых работах постулируются особые контекстуальные условия, которые на это влияют – в частности, коммуникативная структура высказывания. При всей своей справедливости, этот аргумент не объясняет, почему для одних эмоциональных

²²⁶ “Volitionality test”, в терминологии [Verhoeven 2010].

²²⁷ У эмоциональных каузативов, особенно в не-интенциональных употреблениях, компонент ‘действие’ часто заменяется компонентом ‘свойство’: *Он раздражает меня своей тупостью*.

каузативов возможны разные типы взаимодействия с отрицанием, а у других нет – даже, если они поставлены в нужный контекст. Как нам кажется, ответ на этот вопрос лежит, как и в случае физических каузативов, в плоскости лексической семантики. А именно, это зависит от семантики предиката и связано с контролем, в частности с конативностью. Однако в силу онтологических особенностей поля эмоций, контроль проявляется у эмоциональных каузативов несколько иным образом, чем у физических. Вообще, класс эмоциональных каузативов намного у́же, чем физических, поскольку количество эмоций ограничено. Более того, далеко не все эмоциональные реакции являются желательными и, соответственно, далеко не все эмоции люди пытаются намеренно вызвать, что в языке отражается в отсутствии соответствующих некоторым эмоциям синтетических каузативных глаголов. Ср., например, существительные *отвращение, презрение*, которые не имеют соответствующих каузативных глаголов. Даже наличие каузативного глагола не значит, что эмоция каузируется намеренно; ср., например, глаголы *возмущать, страшить*, которые не могут обозначать намеренных действий. Ниже устанавливается лексический состав эмоциональных каузативов, рассматриваются семантические типы агентивных эмоциональных каузативов и факторы, влияющие на их взаимодействие с отрицанием. В число факторов, влияющих на интерпретацию отрицания в сочетании с эмоциональными каузативами, входят, помимо семантики, также грамматические формы глагола (вид) и тип конструкции, в которой он употреблен.

III.3.2.1. Вид каузативного глагола

Для тех эмоциональных каузативов, которые в принципе допускают отрицание компонента ‘действие’ (*радовать, огорчать, злить, пугать*), существуют определенные благоприятствующие этому грамматические условия. Первый грамматический фактор, влияющий на интерпретацию отрицания с эмоциональными каузативами – это вид каузативного глагола. Для форм НЕСОВ отрицание обоих компонентов – ‘действие’ и ‘результат’ – более характерно, чем для соответствующих форм СОВ. Это связано с видо-временной семантикой, а именно с тем, что НЕСОВ в подобных сочетаниях имеет узуальное значение, а СОВ – результативное. По этой причине именная группа ТВОР со значением причины с формами НЕСОВ тяготеет к родовому статусу, а с формами СОВ – к конкретно-референтному. Ср. следующую пару примеров:

(19) *Он не радуется ее частыми приходами*²²⁸

‘Он не приходит к ней’ – НЕСОВ, родовой статус, отрицание действия

(20) *Он не обрадовал ее приходом*

‘Он пришел к ней, но ее это не обрадовало’ – СОВ, конкретно-референтный статус, отрицание результата

Как видно из этих примеров, родовой референтный статус облегчает попадание именной группы в сферу действия отрицания, в то время как конкретно-референтный статус именной группы это затрудняет. Однако это видовое распределение не носит абсолютного характера; при введении дополнительных элементов в контекст статус именной группы и, соответственно, сфера действия отрицания меняется:

(21) *Он не радуется ее своими частыми приходами*

‘Он часто приходит к ней, но ее это не радует’ – НЕСОВ, конкретно-референтный статус, отрицание результата

(22) *За весь этот год он ни разу не обрадовал ее приходом*

‘За весь этот год он ни разу к ней не пришел’ – СОВ, родовой статус, отрицание действия

Фраза (21) с глаголом в форме НЕСОВ указывает на отсутствие ожидаемой эмоциональной реакции на событие, в то время как (22) с глаголом в форме СОВ – на отсутствие самого события, которое могло бы вызвать эмоцию.

III.3.2.2. Тип конструкции с каузативным глаголом

Интерпретация с отрицанием действия возможна для эмоциональных каузативов в абсолютивной конструкции, где указание на причину эмоции не выражено эксплицитно и привносится контекстом:

(23) *Последние годы он не радуется читателей*

а. ‘Последние годы он не пишет книги’

б. ‘Книги, которые он пишет последние годы, не радуют читателей’

Имплицитное указание на причину (действие агенса) может иметь ассертивный статус и попадать в сферу действия отрицания (интерпретация а.) или находиться в пресуппозиции и быть вне сферы действия отрицания (интерпретация б.).

²²⁸В употреблении с ИГ в родовом статусе семантика глагола *радовать* сильно ослаблена, т.е. он приближается к лексико-функциональному глаголу (OPER). От первоначального значения в нем сохраняется компонент ‘хорошее событие’.

Если же валентность причины (действие агенса) выражена эксплицитно, то отрицание действия возможна только в одной конструкции – если эта валентность выражена формой ТВОР. Конструкции, где валентность причины выражена деепричастием или предложно-именной группой *из-за* РОД, допускают только отрицание результата:

(24) *Мама не огорчилась из-за Петиней двойки*

‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ – отрицание результата

*‘Петя не получил двойку’ – отрицание действия

(25) *Петя не огорчил маму, получив двойку*

‘Петя получил двойку, но мама не огорчилась’ – отрицание результата

*‘Петя не получил двойку’ – отрицание действия

Этим эмоциональные каузативы отличаются от интерпретативов, которые в аналогичной конструкции с деепричастием допускают обе интерпретации под отрицанием²²⁹:

(26) *Иван не согрешил, изменив жене*

‘Иван изменил жене, но это не грех’ – отрицание интерпретации

‘Иван не изменил жене’ – отрицание действия

III.3.2.2. Степень контроля, конативность и сфера действия отрицания у эмоциональных каузативов

То, какие эмоциональные каузативы допускают разные СД отрицания, определяется, как и в случае физических каузативов, их семантикой. Как и у физических каузативов, семантическая структура и СД отрицания связаны с идеей контроля: чем выше степень контроля, тем теснее каузальная связь между семантическими компонентами ‘действие’ и ‘результат’ и тем вероятнее «одноуровневая» семантическая структура, где компонент ‘действие’ находится в ассерции и, соответственно, попадает в СД отрицания. Рассмотрим пару примеров:

(27) *Он перестал злить учительницу своими выходками*

(28) *Он перестал злить учительницу своей тупостью*

²²⁹Разные интерпретации этой фразы возникают именно за счет разных интерпретаций предиката (либо в СД отрицания попадает только один компонент значения предиката – ‘действие’, либо оба компонента значения предиката – и компонент ‘действие’, и компонент ‘интерпретация’), а не за счет того, попадает ли в СД отрицания деепричастный оборот. Те же две интерпретации возможны в абсолютном употреблении; ср. *Он не согрешил* = а. ‘Он не совершил поступка, который можно интерпретировать как грех’; б. ‘Он совершил поступок, но его нельзя интерпретировать как грех’.

Фразу (27) естественно интерпретировать как отсутствие соответствующего действия; она указывает на отсутствие причины для эмоции и, как следствие, на отсутствие эмоции. Фразу (28) естественно интерпретировать как отсутствие эмоции при наличии причины для нее. При этом (27) и (28) различаются характером каузатива – в первой фразе каузатив конативен, т.е. указывает на попытку агенса добиться результата, а во второй – нет.

Таким образом, как и в случае физических каузативов и семантики лаборативности, семантика конативности у эмоциональных каузативов влияет на взаимодействие глагола с отрицанием. Однако если для агентивных физических каузативов стандартной ситуацией является высокая степень контроля агенса и, соответственно, отрицание ‘действия’, а лаборативность, снижая степень контроля агенса над результатом, дает возможность «ухода» ‘действия’ в пресуппозицию, то для агентивных эмоциональных каузативов ситуация обратная. Большинство агентивных эмоциональных каузативов обозначает ненамеренные действия, т.е. такие, в которых результат (эмоциональная реакция) напрямую не связан с тем, что делает агенс. Поэтому для них нормой является семантическая структура, где компонент ‘действие’ (или ‘свойство’) находится в пресуппозиции, и, соответственно, не попадает под отрицание; ср. пример:

(29) *Она не трогает меня своей игрой в этом спектакле*

‘Она играет в этом спектакле; меня это не трогает’ – отрицание реакции

*‘Она не играет в этом спектакле’ – отрицание действия

Ср. также пример из НКРЯ: *Она на меня и с самого начала нашего знакомства произвела какое-то жальщее впечатление, как новорожденное животное, не маленькое, а именно новорожденное, которое не умиляет своей хорошенькостью, а прямо жалит в самое сердце* (Людмила Петрушевская. Такая девочка, совесть мира (1987)). Под действие отрицания не попадает свойство «хорошенькость»; отрицается только эмоциональная реакция на него в виде умиления (в данном случае потому, что предполагается еще более сильная эмоциональная реакция).

Примеры следующего вида, где отрицается также компонент ‘свойство’, воспринимаются как языковая ошибка: *По словам куратора проекта, директора галереи Заремы Дадаевой, дети на снимках не умиляют карамельными образами, которые обычно создаются фотографами при изображении ребенка. Это один из немногих случаев, когда детский портрет снят в естественном для ребенка состоянии,*

где автор не вторгается в жизненный процесс ребенка, «не строит» натуру (<http://www.riadagestan.ru/news/2011/07/08/116572.>). Интенция автора текста состоит в том, чтобы опровергнуть наличие «карамельных образов», однако употребление с широкой сферой действия для глагола *умилять* невозможно.

Суммируя, можно сказать, что конативность, указывающая на попытку достижения результата, увеличивает у эмоциональных каузативов степень контроля агенса и дает возможность отрицания самого стимула. Конативность у эмоциональных каузативов – явление малораспространенное. Ниже представлены тесты на конативность и результаты тестирования для поля эмоциональных каузативов.

III.3.2.2.1. Тесты на конативность каузатива

Для каузативов в качестве индикатора конативности рассматривается способность к употреблению в итеративных конструкциях вида *X-НЕСОВ, X-НЕСОВ, да и <и наконец> X-СОВ* [Плунгян, Рахилина 2010], где попытка, направленная на достижение результата X создает видовую пару третьего типа по М.Я.Гловинской²³⁰ [Гловинская 1982, 2001]:

(30) *Он ее злил, злил и наконец разозлил*

Кроме того, конативные эмоциональные каузативы, в отличие от не-конативных, способны употребляться с фазовыми глаголами, указывающими на контролируемое прекращение действия: ср. возможность (31) и (32) при невозможности (33) и (34)²³¹:

(31) *Он кончил ее запугивать*

(32) *Он прекратил ее развлекать*

(33) **Он кончил ее раздражать*

(34) **Он прекратил ее радовать*

Наконец, конативные каузативы, в отличие от не-конативных, характеризуются способностью употребляться в актуально-длительном значении НЕСОВ.

(35) – *Что ты делаешь? – Учительницу злю*

(36) – *Что ты делаешь? – Сестру пугаю*

²³⁰Вообще же типичные для эмоциональных каузативов видовые пары типа *радовать-обрадовать, восхищать-восхитить, обижать-обидеть* можно отнести скорее к четвертому типу видового противопоставления по М.Я.Гловинской.

²³¹В качестве тестового контекста используется именно сочетаемость с намеренным предикатом *прекратить*, а не с более нейтральным *перестать*, который не маркирован по намеренности-ненамеренности; ср. *Всю жизнь она меня терпеть не могла, и вдруг я почему-то перестал ее раздражать*, при невозможности *Всю жизнь она меня терпеть не могла, и вдруг я почему-то прекратил ее раздражать*.

(37) – *Что ты делаешь?* - *Бабушку возмущаю

III.3.2.2.2. Конативные каузативы в разных типах эмоций

Применим сформулированный тест к каузативам разных типов эмоций. Обнаруживается, во-первых, что далеко не все типы эмоций в принципе позволяют формирование синтетических каузативов; так, они отсутствуют в следующих эмоциональных кластерах в русском языке (о понятии эмоционального кластера см. [Апресян В. 2011a]): ‘ОТВРАЩЕНИЕ’, ‘ГОРДОСТЬ’, ‘ЖАЛОСТЬ’ (ср., впрочем, *бить на жалость, разжалобить*), ‘РЕВНОСТЬ’, ‘ЗАВИСТЬ’, ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’, ‘ПРЕЗРЕНИЕ’. Каузация соответствующих эмоций обозначается лексико-функциональным глаголом *вызывать* (а также *внушать* и *доставлять*, для некоторых типов эмоций) в сочетании с названием эмоции.

Отсутствие синтетического каузатива в кластере ‘ОТВРАЩЕНИЕ’ является, по-видимому, особенностью русского языка; ср. английский каузатив *to disgust* или немецкий *anekeln* ‘вызывать отвращение’.

То же самое, по-видимому, верно для ‘ЖАЛОСТИ’; ср. немецкое *erbarmen* ‘вызывать жалость, сострадание’ или французское *apitoyer* ‘вызывать жалость’. Каузативы *бить на жалость* и *разжалобить* в данной связи не рассматривается, т.к. первый не допускает употребление в конструкции с ТВОР, в которой тестируется СД отрицания для эмоциональных каузативов, а второй имеет только форму СОВ, в которой отрицание для всех каузативов воздействует, как правило, только на компонент ‘результат’.

Что касается эмоций кластеров ‘ГОРДОСТЬ’, ‘РЕВНОСТЬ’, ‘ЗАВИСТЬ’, ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’, ‘ПРЕЗРЕНИЕ’, отсутствие синтетических каузативов, по-видимому, носит достаточно универсальный характер (они отсутствуют и в других европейских языках) и связано с относительно произвольным характером их каузации: если для эмоций типа ‘СТРАХ’ существует прямая связь между стимулом и эмоцией, для перечисленных четырех типов эмоций эта связь существенно более опосредована и менее обязательна. В некотором смысле это эмоции-«интерпретации» - их может вызвать любой объект, а также любое состояние, свойство или действие, если экспериенсер воспринимает и расценивает их определенным образом.

Синтетические каузативы присутствуют в следующих эмоциональных кластерах: ‘СТРАХ’ (*пугать, запугивать, страшить, ужасать, тревожить, беспокоить*), ‘ГНЕВ’ (*возмущать, гневить, сердить, злить, раздражать, бесить*), ‘РАДОСТЬ’ (*радовать, восхищать, веселить, развлекать*), ‘ГРУСТЬ’ (*расстраивать, огорчать, печалить, разочаровывать*), ‘СТЫД’ (*смуцать, конфузить*; глагол *стыдить* не рассматривается, поскольку указывает на конкретное речевое действие), ‘ОБИДА’ (*уязвлять, задевать, обижать*), ‘УДИВЛЕНИЕ’ (*удивлять, изумлять, шокировать, ошеломлять, потрясать*), ‘УМИЛЕНИЕ’ (*умилять, трогать*). Кроме того, есть еще некоторое количество эмоциональных каузативов, указывающих не на конкретную эмоцию, а на общее повышение и снижение эмоционального фона: *волновать, будоражить, возбуждать, успокаивать*.

Далеко не все из перечисленных каузативов агентивны: так, *страшить* и *ужасать* стативны и обычно описывают эмоцию, внушаемую какими-то явлениями или событиями, находящимися вне контроля человека:

(38) *Меня страшит неминуемая гибель*

(39) *Меня ужасает его вид*

Эмоция не может являться результатом действий агенса:

(40) **Он меня страшит <ужасает> своими мрачными пророчествами*

Не-агентивны также каузативы *печалить* и *уязвлять*:

(41) *Меня печалит его судьба*

(42) **Он печалит меня своими мрачными пророчествами*

(43) *Меня уязвляет его равнодушие*

(44) **Он уязвляет меня своими презрительными замечаниями*

Прочие каузативы имеют агентивные употребления, однако различаются по степени намеренности и конативности. Так, некоторые из агентивных каузативов не указывают на намеренные действия агенса, направленные на стимулирование определенной эмоциональной реакции. Намеренность vs. ненамеренность каузатива проверяется его способностью к употреблению в императивных и прохибитивных конструкциях²³². Ср. намеренные каузативы в (45) и (46) и ненамеренные в (47) и (48):

(45) *Радуй родителей*

(46) *Не расстраивай свою учительницу*

²³² “Imperativity test”, в терминологии [Verhoeven 2010].

(47) *Умиляй свою бабушку

(48) *Не возмущай своего отца

Намеренные каузативы указывают на бóльшую степень контроля, чем ненамеренные. Среди намеренных каузативов еще большей степенью контроля выделяются конативные, предполагающие **попытку** достижения результата. Конативность проверяется тестом на употребление в конструкции *X-НЕСОВ*, *X-НЕСОВ*, *да и <и наконец> X-СОВ*; ср. конативный каузатив в (49) и не-конативный в (50):

(49) *Он ее запугивал, запугивал и запугал*

(50) **Он ее беспокоил, беспокоил и обеспокоил*

По итогам двух тестов агентивные эмоциональные каузативы делятся на следующие три группы:

а) Ненамеренные каузативы, предполагающие наименьшую степень контроля, отчего они неспособны к употреблению в императиве и прохибитиве. В их число входят глаголы *возмущать*, *восхищать*, *изумлять*, *потрясать*, *ошеломлять*, *трогать*, *умилять*. Ср. их невозможность в императивных и прохибитивных конструкциях, а также с наречиями со значением целенаправленности:

(51) **Не возмущай меня своими выходками*

(52) **Не беспокой родителей неожиданными отъездами*

(53) **Почаще восхищай своих поклонников*

(54) **Не изумляй <не ошеломляй> меня так!*

(55) **Умиляй <трогай> бабушку и дедушку*

(56) **Он нарочно возмутил <обеспокоил, восхитил, потряс, изумил, ошеломил> своих родственников*

(57) **Она специально умилила <тронула> маму*

б) Намеренные каузативы, в число которых входят глаголы, которые могут указывать на намеренное действие, направленное на каузацию определенной эмоции; все они имеют также «ненамеренные» употребления. Это глаголы *тревожить* (в значении ‘вызывать тревогу’, а не ‘мешать’), *беспокоить* (в значении ‘вызывать беспокойство’, а не в значении ‘мешать’), *гневить* и устар. *гневать*, *сердить*, *раздражать*, *бесить*, *радовать*, *расстраивать*, *огорчать*, *смуцать*, *конфузить*, *уязвлять*, *задевать*, *обижать*, *удивлять*, *шокировать*, *разочаровывать*, *волновать*, *будоражить*, *возбуждать*. Они способны употребляться в императивных или

прохибитивных конструкциях, однако не встречаются в конативной конструкции с повтором. Ниже приводятся примеры из НКРЯ на императивные и прохибитивные конструкции (кроме примеров-речений в (58)-(60).

(58) *Не задевай <не уязвляй> его самолюбие постоянными насмешками*

(59) *Не возбуждай ребенка перед сном*

(60) *Не беспокой ее своими страхами*

(61) — *Вы не рассказывайте Владимиру Ильичу о моей болезни, — предупредила Мария Александровна, — не тревожьте его* [З. И. Воскресенская. Сердце матери (1963-1965)]

(62) *Государь царевич, ваше высочество, не гневи Бога, не говори слов неистовых!* [Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]

(63) *Ты меня не серди — ты видел, как я бываю грозен?* [Е. Л. Шварц. Голый король (1934)]

(64) *Не раздражай веселых своим унынием, а хмурых весельем* [Михаил Веллер. Карьера в Никуда (1988)]

(65) *Слушай, не беси меня. Я ведь прикончу тебя раньше, чем ты пикнешь* [Дмитрий Биленкин. Космический бог (1967)]

(66) *Ты меня, пожалуйста, не расстраивай, сынок, учи сольфеджио!* [Леонид Филатов, И. Шевцов. Сукины дети (1992)]

(67) *Петенька, не упрямься, не огорчай маму, прочитай дедушке Корнею «Мойдодыра»...* [Л.К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский (1971)]

(68) *Я поднял руки: — Не разочаровывайте меня. Я был лучшего мнения о достижениях медицины* [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)]

(69) *Обождите три дня; если не передумаете — смело навещайте будущих родичей и радуйте их известием* [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)]

(70) *А ты, пожалуйста [...] не смущай Гостя своими дикими выкриками* [Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001]

(71) — *Хоть перед ребятами-то меня не конфузьте, Андрей Иванович* [А. И. Мусатов. Стожары (1948)]

(72) *Я, может, еще удивить вас хочу. — О, давай, удивляй!* — заорали они [Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)]

(73) *Старайтесь быть более тактичным и сдержанным, не шокируйте окружающих своими экстравагантными поступками* [Гороскоп на неделю (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.02.07]

(74) *Бутербродов-то, бутербродов-то не жалеите, не обижайте нашего буфетчика Ермолая Ивановича!* [М. А. Булгаков. Театральный роман (1936-1937)]

(75) *Уходи, а то щас вот придет, не волнуй, знаешь отца, не хочет он тебя видеть* [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)]

(76) *Галя острит: «Не будоражь мальчика». Спокойно отвечаю: «У меня другой талант — успокаивать»* [Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002)]

Употребление агентивных эмоциональных каузативов, принадлежащих к этой, наиболее многочисленной группе, в конативной конструкции с повтором невозможно, ср. странность или невозможность следующих примеров:

(77) *??Он ее тревожил, тревожил и растревожил <беспокоил, беспокоил и обеспокоил; гневал, гневал и разгневал; сердил, сердил и рассердил; раздражал, раздражал и раздражил; бесил, бесил и взбесил; радовал, радовал и обрадовал; расстраивал, расстраивал и расстроил; огорчал, огорчал и огорчил; смущал, смущал и смутил; конфузил, конфузил и сконфузил; обижал, обижал и обидел; удивлял, удивлял и удивил; волновал, волновал и разволновал>.*

(78) **Он ее уязвлял, уязвлял и уязвил <задевал, задевал и задел; шокировал, шокировал и шокировал; разочаровывал, разочаровывал и разочаровал>.*

Они не употребляются и в других конструкциях, свидетельствующих о наличии целенаправленного усилия; ср. невозможность фраз типа **Он меня радует, а я не радуюсь*.

в) Третью группу составляют конативные каузативы, которые указывают на целенаправленное **усилие** агенса по каузации эмоции и наибольшую степень его контроля над результатом, хотя результат в виде эмоциональной реакции никогда не является гарантированным; ср. *Он пугает, а мне не страшно* (Л.Н. Толстой об Л. Андрееве). В число конативных входят каузативы *пугать, запугивать, злить, веселить, развлекать*. Они употребляются в конативной конструкции с повтором, а

также в ряде других контекстов, указывающих на сознательное усилие, направленное на достижение определенного эмоционального результата, в частности, с контролируемыми фазовыми глаголами *кончить* и *прекратить*:

- (79) *Он ее пугал, пугал и испугал*
- (80) *Он ее запугивал, запугивал и запугал*
- (81) *Он ее злил, злил и разозлил*
- (82) *Он ее веселил, веселил, но так и не развеселил*
- (83) *Он ее развлекал, развлекал, но так и не развлек*
- (84) *Он ее успокаивал, успокаивал и успокоил*

Ср. также примеры из Основного корпуса НКРЯ, указывающие на контролируемое усилие агенса:

(85) *Он за огромные деньги купил всех звезд эстрады и направил гастролировать по стране с установкой: **развлекать, развлекать и развлекать** народ чтобы, вызвав у него радость, между прочим дать ему понять: Ельцин — это клево, Ельцин — это классно, Ельцин — это обалденно* [Денис Тукмаков. Информвойна народная, священная война... (2001) // «Завтра», 2001.03.15]

(86) — *Да ладно пугать-то, — буркнул я. — На фронте пугали, пугали... Теперь ты допугиваешь* [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996)]

(87) *Через несколько лет она зазнается, заведет кучу телохранителей и к ней уже будет не подойти. — Прекрати пугать человека! — улыбнулась будущая знаменитость* [Максим Милованов. Естественный отбор (2000)]

(88) — Ты меня запугиваешь? — **Запугиваю**, — соглашаюсь я. — Пытаюсь, во всяком случае [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)]

(89) *Старшая сестра этой девушки, Эмилия Верзилина, рассказывала о Лермонтове: «Мишель постоянно дразнил меня, **пытаясь разозлить*** [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]

(90) *Вале кое-как **удалось успокоить** деда — она пообещала, что сделает все, как он хочет* [Татьяна Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)]

В этой группе глагол *запугивать* обладает наибольшей степенью конативности в том смысле, что для него невозможны никакие другие употребления. *Запугивать* – это всегда целенаправленная попытка *запугать* со стороны агенса, невозможно **нечаянно запугать* (хотя возможно **нечаянно испугать*). Обобщая результаты тестов, можно

расположить агентивные эмоциональные каузативы на шкале контроля, от наиболее контролируемых конативных к наименее контролируемым ненамеренным (размер шрифта маркирует степень конативности и контроля)²³³:

(91) **ЗАПУГИВАТЬ, ЗЛИТЬ, ПУГАТЬ, ВЕСЕЛИТЬ, РАЗВЛЕКАТЬ, УСПОКАИВАТЬ, ГНЕВИТЬ, ГНЕВАТЬ, СЕРДИТЬ, РАЗДРАЖАТЬ, БЕСИТЬ, ТРЕВОЖИТЬ, БЕСПОКОИТЬ, РАДОВАТЬ, РАССТРАИВАТЬ, ОГОРЧАТЬ, РАЗОЧАРОВЫВАТЬ, СМУЩАТЬ, КОНФУЗИТЬ, УЯЗВЛЯТЬ, ЗАДЕВАТЬ, ОБИЖАТЬ, УДИВЛЯТЬ, ШОКИРОВАТЬ, ВОЛНОВАТЬ, БУДОРАЖИТЬ, ВОЗБУЖДАТЬ, возмущать, восхищать, потрясать, изумлять, ошеломлять, трогать, умилять**

Как видно из списка агентивных каузативов в целом, в него вошли представители **базовых** эмоций [Izard 1991, Ekman 1999] – гнева, радости, страха, удивления, грусти, стыда. Отсутствует отвращение, но, как было сказано выше, это особенность русской языковой картины мира. Кроме того, присутствуют показатели каузации общего повышения и понижения эмоционального фона, а также трудноопределимой, но положительной эмоции-отношения, которая была условно названа ‘УМИЛЕНИЕМ’ – *трогать, умилять*.

При этом наибольшая степень конативности и контроля агентивных каузативов свойственна в первую очередь кластеру ‘СТРАХ’ (*запугивать*), и в чуть меньшей степени – сразу четырем эмоциональным кластерам – ‘ГНЕВУ’ (представленному подтипом *злить*), ‘СТРАХУ’ (представленному подтипом *пугать*), ‘РАДОСТИ’ (представленной подтипами *веселить, развлекать*) и ‘ПОКОЮ’ (*успокаивать*). Их непосредственным стимулом часто служит направленная на их каузацию попытка человека.

Интересен вопрос о том, почему именно эти эмоции чаще, чем другие, возникают как результат сознательных и контролируемых действий агенса. Потребность в каузации ‘РАДОСТИ’ и ‘ПОКОЯ’ представляется достаточно очевидной. ‘РАДОСТЬ’ – это базовая положительная эмоция, а ‘ПОКОЙ’ – отсутствие отрицательных эмоций и ненормально повышенного эмоционального фона. Однако почему в языке

---

²³³ В русском языке эмоциональные каузативы формируют континуум по степени контроля и агентивности, в котором полюса представляют собой чисто агентивные контролируемые предикаты (*запугивать*) и чисто стативные неконтролируемые предикаты (*умилять*), а в середине располагаются многочисленные промежуточные случаи. Различие между агентивностью и не-агентивностью (стативностью) у каузативов является важной характеристикой и может маркироваться синтаксически; ср. разное употребление клитик с агентивными и стативными каузативами, описанное в работе [Verhoeven 2010] на материале новогреческих эмоциональных каузативов (“experiencer causatives”). :

зафиксирована очевидная потребность в каузации ‘СТРАХА’ и ‘ГНЕВА’? Относительно ‘СТРАХА’ ответ тоже представляется достаточно очевидным – вызывая эту эмоцию у оппонента, агенс приобретает желаемый контроль над ним. Что же касается ‘ГНЕВА’, то здесь мотивация менее очевидна, т.к. эмоции этого кластера могут вызывать агрессивное ответное поведение и, таким образом, потенциально опасны для их объекта. Однако один подтип ‘ГНЕВА’, а именно, *злиться*, по-видимому, представляет собой исключение из этого правила. Дело в том, что другие типы ‘ГНЕВА’, такие как *гневаться, сердиться, возмущаться, раздражаться* предполагают либо равный статус экспериенцера и объекта, либо более высокий статус экспериенцера (*гневаться, возмущаться*). Соответственно, экспериенцер в большей степени владеет ситуацией, нежели каузатор эмоции: экспериенцер может как скрыть свою эмоцию, так и направить ее на каузатора неприятным для того образом. Однако эмоция *злоба* часто указывает на бессилие экспериенцера по отношению к каузатору эмоции, на его неспособность атаковать вызывающего эмоцию агенса в силу более низкого статуса (экспериенцером *злости* часто бывает животное), и, таким образом, на отсутствие контроля над ситуацией со стороны экспериенцера²³⁴. В то же время эта эмоция весьма сильна и поэтому требуют выражения, над которым, в отличие от *гнева* и *раздражения*, экспериенцер также не имеет контроля²³⁵. Таким образом, каузатор эмоции может получать удовольствие, наблюдая *бессильную злобу* экспериенцера и находясь при этом в безопасности. По-видимому, именно этот экстралингвистический факт отражен в конативности и высокой степени контроля у агентивного эмоционального каузатива *злить*²³⁶.

Глядя на противоположный полюс эмоциональных каузативов (ненамеренные каузативы), можно заметить, что наименьшая степень контроля свойственна в первую очередь сильным эмоциям кластера ‘УДИВЛЕНИЕ’ (*потрясать, изумлять, ошеломлять*), поскольку они связаны с эффектами большой неожиданности и большого отклонения от нормы, которые трудно алгоритмизовать и контролировать. Кроме того, люди, по-видимому, не хотят становиться объектом праведного, этического гнева

---

²³⁴ По данным НКРЯ, частотность сочетаний *бессильная злоба* и *бессильная злость* (9.6 на млн употреблений) почти в 4 раза превышает частотность сочетаний *бессильный гнев* и *бессильное раздражение* (2.5 на млн употреблений).

²³⁵ По данным НКРЯ, частотность сочетаний *скрыть гнев* и *скрыть раздражение* (3.4 на млн употреблений) почти в 9 раз превышает частотность сочетаний *скрыть злобу* и *скрыть злость*.

²³⁶ Ср. наречие *назло*, лексикализирующее ту же идею – целенаправленной каузации эмоции *злости*. Ни у какой другой эмоции в русском языке целенаправленная каузация не достигает такой степени грамматикализации.

(*возмущать*). Они также не властны при помощи каких-то алгоритмически запланированных действий *восхищать* других людей, поскольку эта эмоция накладывает трудновыполнимое ограничение на объект эмоции – он должен очень сильно отклоняться от нормы в лучшую сторону. Не контролируемы также и нежные эмоции *трогать* и *умилять*, что связано, скорее всего, с непредсказуемым характером этого чувства: если существуют алгоритмы внушения *страсти* и даже *любви*, то *нежность* возникает произвольно.

Промежуточное положение большей части каузативов на этой шкале (*гневить*, *устар.* *гневать*, *сердить*, *раздражать*, *бесить*, *тревожить*, *беспокоить*, *радовать*, *расстраивать*, *огорчать*, *разочаровывать*, *смущать*, *конфузить*, *уязвлять*, *задевать*, *обижать*, *удивлять*, *шокировать*, *волновать*, *будоражить*, *возбуждать*) указывает на то, что большая часть эмоций возникает спонтанно, а не в результате специально прилагаемых усилий, но что при этом люди обычно в состоянии, совершая или не совершая определенные действия, постараться добиться желаемого эмоционального результата.

Итак, эмоции, которые люди обычно стараются и могут вызвать своими намеренными усилиями, – это злость, испуг и веселье. Их объединяет то, что, помимо отвращения, это наиболее физиологичные из всех эмоциональных реакций. Они, во-первых, сопровождаются явными физическими проявлениями (повышение температуры тела для злости, понижение температуры тела для испуга, смех для веселья), во-вторых, они наименее рационализированы (свойственны, в частности, не только людям, но и животным), а также наиболее непосредственно связаны с внешним стимулом. При этом их стимулы в меньшей степени привязаны к конкретным ситуациям, чем у других эмоций – существуют достаточно универсальные способы *злить*, *пугать* и *веселить* (*смешить*). Например, *испугать* можно любого человека, неожиданно выпрыгнув из-за угла или подкравшись со спины, а вот для того, чтобы *порадовать*, необходимо искать более индивидуальные подходы, поскольку эта эмоция рационализирована, опосредована и возникает, проходя через некоторую систему оценок, которая у всех людей различна.

III.3.2.2.3. Семантическая структура разных типов эмоциональных каузативов

В семантической структуре не-конативных ненамеренных каузативов (*возмущать, восхищать, потрясать, изумлять, ошеломлять, трогать, умилять*), предполагающих наименьшую степень контроля агенса над результатом, каузативный компонент (действие, свойство) имеет статус **пресуппозиции**, а эмоциональная реакция – статус **ассерции**. Кроме того, у некоторых из них есть оценочные модальные рамки: у *возмущать* говорящий оценивает эмоцию как оправданную, у *восхищать* говорящий оценивает объект чувства как существенно лучший, чем среднестатистический объект такого типа. Отрицание с ними либо не сочетается – из-за модальных рамок или из-за семантики высокой степени (*потрясать, изумлять, ошеломлять*), либо воздействует только на компонент ‘результат’.

(92) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Совершая действия A3 ли имея свойство A3 (пресуппозиция), человек A1 вызывает эмоцию X у человека A2 (ассерция)’

Примеры взаимодействия с отрицанием:

(93) ??Он больше не возмущает учительницу наглыми шутками

(94) ??Он больше не восхищает <не изумляет, не потрясает, не ошеломляет> слушателей своей игрой

(95) Она не умиляет <не трогает> меня своей наивностью

‘Она наивна; меня это не трогает’

В семантической структуре не-конативных намеренных каузативов (*гневить, устар. гневать, сердить, раздражать, бесить, тревожить, беспокоить, радовать, расстраивать, огорчать, разочаровывать, смущать, конфузить, уязвлять, задевать, обижать, удивлять, шокировать, волновать, будоражить, возбуждать*), предполагающих промежуточную степень контроля агенса над результатом, статусы каузативного компонента (действия) и эмоциональной реакции не фиксированы: каузативный компонент «плавает»²³⁷ между **пресуппозицией** и **ассерцией**, а статус эмоциональной реакции – между **ассерцией** и **импликативом**. Соответственно, под отрицание у этих предикатов может попадать как оба компонента значения (если действие – ассерция, а эмоциональная реакция – импликатив), так и только результат (если действие – пресуппозиция, а эмоциональная реакция – ассерция). Семантическая

²³⁷ Ср. термин М.Филипенко «плавающая сфера действия» в применении к не-фиксированной СД, которая может меняться [Филипенко 1998]. Термин «плавающая пресуппозиция» образован аналогичным образом, для обозначения пресуппозиции, которая может менять свой статус в семантической структуре.

структура для тех употреблений, где каузатив указывает на намеренное действие, такова:

(96) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Человек A1 совершает действия A3 (ассерция), которые вызывают эмоцию X у человека A2 (имплицатив)’

Семантическая структура для тех употреблений, где каузатив указывает на ненамеренное действие, такова:

(97) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Совершая действия A3 или имея свойство A3 (пресуппозиция), человек A1 вызывает эмоцию X у человека A2 (ассерция)’

Примеры взаимодействия с отрицанием:

(98) *Он больше не огорчает <не расстраивает, не сердит> родителей прогулами*

‘Он больше не прогуливает’ – отрицание действия

(99) *Он меня совершенно не огорчает <не расстраивает, не сердит> своей независимостью*

‘Он независимый, но это не вызывает у меня эмоций’ – отрицание результата

(100) *Он перестал смущать ее навязчивыми ухаживаниями*

‘Он перестал за ней ухаживать’ – отрицание действия

(101) *Он больше не смущает меня своими неприличными шутками*

‘Он шутит, но меня это не смущает’ – отрицание результата

В семантической структуре конативных каузативов (*злить, пугать, запугивать, веселить, развлекать, успокаивать*) статус каузативного компонента (действие) – **ассерция**, статус эмоциональной реакции – **имплицатив**. Для этой группы примеров предпочтительной интерпретацией является интерпретация с отрицанием действия: прекращаются попытки, направленные на каузацию эмоции, и, как следствие, прекращается сама эмоция.

(102) *A1 X-ит A2 своим A3* ‘Человек A1 совершает действия A3 с целью вызвать эмоцию X у человека A2, отчего человек A2 испытывает эмоцию X’

Глагол *запугивать* – единственный из эмоциональных каузативов, для которого возможно только целенаправленное употребление. Все прочие каузативы допускают нецеленаправленность каузации эмоции; ср. *нечаянно разозлить, смутить кого-то, не желая*, при невозможности **нечаянно запугать*.

Примеры взаимодействия с отрицанием:

(103) *Он больше не злит учительницу глупыми выходками*

‘Он больше не совершает глупых выходок’

(104) *Он больше не пугает одноклассников страшными рожами*

‘Он больше не делает страшные рожи’

(105) *Он больше не веселит <не развлекает> домашних смешными шутками*

‘Он больше не шутит’

(106) *Он больше не успокаивает ее заверениями, что все будет хорошо*

‘Он больше не говорит, что все будет хорошо’

Ср. также примеры из НКРЯ, где у конативных каузативов в СД отрицания попадает указание на само совершение действия, направленное на достижение эмоциональной реакции:

(107) *Меня никто никогда **не развлекал**, не уговаривал, не призывал и **не веселил***
[Дуня Смирнова. Моя замечательная жизнь (1997) // «Столица»

(108) — *Ну ладно, кончай!* — *грубо оборвал я его.* — *Меня ты можешь **не развлекать*** [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

(109) — *Уж так плохо дело? ..* — *спрашивал он, **не успокаивая**, не утешая*
[Федор Кнорре. Шорох сухих листьев (1967)]

(110) *Советов глупых он не давал ни разу; красок не сгущал, **не запугивал**, но и **не успокаивал*** [Д. А. Фурманов. Мятеж (1924)]

Для глагола *запугивать*, как было сказано выше, отрицание действия является вообще единственной возможной интерпретацией, поскольку он допускает только целенаправленные употребления.

Общая особенность намеренных и конативных каузативов, вытекающая из их семантической структуры (ассертивный статус семантического компонента ‘действие’), – способность употребляться в режиме номинации, для обозначения действий, а не эмоциональных реакций. В таких употреблениях эмоциональный компонент приобретает характер интерпретационности – действие интерпретируется как способное вызвать ту или иную эмоцию. Способность самостоятельно употребляться в качестве номинации самого действия отмечается для глагола *порадовать* в работе (Зализняк Анна А., Шмелев 2012), а также для глаголов *обрадовать*, *огорчить*, *обидеть*, *напугать* в работе (Кустова 2005:22), ср. ниже примеры из этих работ:

(111) *Исполнители нас сегодня порадовали [= ‘хорошо исполнили’]*

- (112) *Сегодня Петя опять огорчил маму* (= получил двойку)
 (113) *Он обидел сестру* (= не пришел на день рождения)
 (114) *Пойдем его обрадуем* (=скажем)
 (115) *Давай его напугаем* (=сделаем)
 (116) *Сегодня Петя не огорчил маму двойкой* (=не получил двойку)

Данное исследование позволяет существенно расширить круг предикатов со значением каузации эмоции, для которых возможно употребление в режиме номинации. В него входят конативные каузативы, а также многие глаголы из списка намеренных каузативов. Более того, для некоторых эмоциональных каузативов употребление в режиме косвенной номинации действия является предпочтительным (таковы глаголы *разочаровывать, запугивать*) или единственно возможным (таков глагол *гневить*, который можно считать интерпретационным), ср.:

(117) *Так же обстоит дело и с публично кающимися, — они **гневят** Бога, похваляясь своими злодеяниями, и все погибнут* [А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)]

(118) *Он **разочаровал** всех в конце сезона — сразу после того, как стало известно о его переходе в следующем году в McLaren* [Борис Мурадов. Трагикомическая одиссея 2001, или Семнадцать мгновений весны, лета и осени (2001) // «Формула», 2001.12.15]

(119) *Воры или подкупили местного врача, или **запугивали**, и врач сочинял фальшивый медицинский документ* [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)]

Употребление в режиме косвенной номинации возможно также для глаголов *сердить, бесить, расстраивать, смущать, удивлять, шокировать*.

Суммируя, можно сказать, что, как и в случае с физическими каузативами, лексическая семантика эмоционального каузатива, а именно, степень контроля агенса, влияет на статус и характер семантического компонента ‘действие’ в его семантической структуре и, таким образом, на его взаимодействие с отрицанием и другие лингвистические свойства.

III.3.3. Интерпретативы

Интерпретативы, как и эмоциональные и физические каузативы, представляют собой неоднородную с точки зрения семантики и взаимодействия с отрицанием группу.

Некоторые из них допускают отрицание и действия, и интерпретации, некоторые – только интерпретации. Выдвигаемое в данной работе предположение о связи степени контроля агенса над результатом с семантической структурой предиката и сферой действия отрицания на него представляется применимым и к интерпретативам. В работе [Апресян 2006] выделяются следующие группы интерпретативов: этические (*баловать*), религиозные (*грешить*), юридические (*нарушать закон*), истинностные (*ошибаться*). Семантическая структура интерпретативов описывается в данной работе следующим образом:

(120) ‘1. поступок Р – пресуппозиция; 2. интерпретация его как Q – ассерция’

В работе [Апресян 2006] отмечается, что пресуппозиция у интерпретативов может попадать под отрицание, особенно в абсолютном употреблении и/или в контексте квантора всеобщности: *Он ни разу не согрешил; Он никогда не ошибается*. Поэтому прототипической формой употребления интерпретативов считается форма НЕСОВ с зависимым деепричастием со значением интерпретируемого поступка:

(121) *Он не ошибается, считая ее хорошим специалистом*

Однако выясняется, что у некоторых интерпретативов даже в этой конструкции компонент ‘действие’ может попадать под отрицание; ср. следующие примеры, где такое чтение является предпочтительным и глагол употреблен в режиме косвенной номинации, а не в режиме интерпретации:

(122) *Он не заваливал ее на экзамене, задавая вопросы по литературе 18 века*

‘Он не задавал ей вопросов по литературе 18 века’

(123) *Он не унижал ее, называя идиоткой*

‘Он не называл ее идиоткой’

(124) *Она не наказывала сына, ставя в угол*

‘Она не ставила сына в угол’

Для некоторых интерпретативов возможны оба чтения:

(125) *Он не грешил, говоря неправду*

а. ‘Он не говорил неправду’ – отрицание действия

б. ‘Он говорил неправду, но это не грех’ – отрицание интерпретации

(126) *Он не нарушал закон, обгоняя по встречной*

а. ‘не обгонял по встречной’ – отрицание действия

б. ‘обгонял по встречной, но это не нарушение’ – отрицание интерпретации

Для некоторых интерпретативов в этой конструкции возможно только отрицание интерпретации:

(127) *Он не ошибается, считая ее хорошим специалистом*

а. ‘Он считает ее хорошим специалистом, и это не ошибка’ – отрицание интерпретации

б. *‘Он не считает ее хорошим специалистом’ – отрицание ментального состояния

(128) *Он не заблуждается, думая, что времени совсем не осталось*

а. ‘Он думает, что времени не осталось, и это не заблуждение’ – отрицание интерпретации

б. *‘Он не думает, что времени не осталось’ – отрицание ментального состояния

Итак, чем объясняются разные особенности взаимодействия с отрицанием для разных видов интерпретативов? Представляется, что они связаны с семантическим типом интерпретатива.

Нетрудно заметить, что интерпретативы, для которых предпочтительно отрицание самого предмета интерпретации, указывают на осознанные, намеренные, контролируемые действия (*заваливать, унижать, наказывать*), у которых усилие агенса направлено на достижение именно того результата, который предполагается интерпретацией (то есть на то, чтобы *завалить, унижить, наказать*).

Интерпретативы, которые допускают только отрицание самой интерпретации, предполагают неконтролируемые ментальные процессы (*ошибаться, заблуждаться*); думая что-то, человек, во-первых, не контролирует себя, во-вторых, не ставит себе целью *ошибиться*.

Интерпретативы, для которых возможны оба варианта, указывают на ненамеренные, но до известной степени контролируемые действия (*грешить, нарушать закон*). Совершая их, люди контролируют свое поведение, однако не контролируют результат, предполагаемый интерпретацией; иными словами, они стремятся получить удовольствие или выгоду, а не *согрешить* или *нарушить закон*.

Как и в случае с другими рассмотренными предикатами, роль играет именно семантика контроля, и в соответствии с ней, интерпретативы делятся на намеренные и контролируемые (*заваливать, унижать, наказывать*), ненамеренные, но

контролируемые (*грешить, нарушать закон*) и ненамеренные и неконтролируемые (*ошибаться, заблуждаться*).

Для намеренных контролируемых интерпретативов в форме НЕСОВ характерны **ассертивный** статус обоих компонентов значения – ‘действие’ и ‘интерпретация’ – и соответственно отрицание обоих компонентов значения:

(129) *A1 X-ует, делая A2 = A1 совершает поступок A2, который говорящий интерпретирует как X (ассерция)*

Для промежуточных по степени контроля, ненамеренных контролируемых интерпретативов характерен промежуточный, неопределенный статус компонента ‘действие’, который, как и у промежуточных по степени контроля эмоциональных каузативов, «плавает» между **ассерцией** и **пресуппозицией**. Отрицание поступка для них возможно, хотя предпочтительно только отрицание интерпретации:

(130) *A1 X-ует, делая A2 =*

а. ‘Совершая поступок A2 (пресуппозиция), человек A1 делает то, что говорящий интерпретирует как X (ассерция)’

б. ‘A1 совершает поступок A2, который говорящий интерпретирует как X (ассерция)’

Для неконтролируемых интерпретативов компонент ‘действие’ имеет статус **пресуппозиции**, соответственно, он не поддается отрицанию:

(131) *A1 X-ует, делая A2 = ‘Совершая поступок A2 (пресуппозиция), человек A1 делает то, что говорящий интерпретирует как X (ассерция)’*

В этом отношении интерпретативы ведут себя так же, как другие рассмотренные предикаты – чем выше степень контроля, тем теснее связь между действием и результатом, тем доступнее компонент ‘действие’ для отрицания. В некотором приближении предложенное семантическое деление соответствует делению, предложенному в работе [Апресян 2006]:

а. намеренные и контролируемые интерпретативы соответствуют **этическим**;

б. ненамеренные, но контролируемые – **юридическим** и **религиозным**;

в. ненамеренные и неконтролируемые – **истинностным**.

Это вполне логично: совершая контролируемые и намеренные действия, люди несут за них моральную ответственность, что привносит этическую оценку в интерпретатив.

При этом, как правило, люди не стремятся к совершению ошибок, но и не могут контролировать их совершение, что объясняет особенности истинностных интерпретативов.

И, наконец, промежуточное положение юридических и религиозных интерпретативов тоже понятно – человек не стремится открыто нарушать **общепринятые** нормы морали, хотя часто совершает приятные для себя действия, которые их нарушают; он лишь, так сказать, не хочет быть застигнутым на месте преступления.

Однако в реальности картина сложнее. Во-первых, дело в том, что некоторые интерпретативы, отнесенные в работе [Апресян 2006] к категории истинностных, имеют черты этических, например интерпретатив *обманывать*, который, в отличие от *ошибаться*, допускает обе интерпретации отрицания; ср.

(132) *Он не обманывал ее, говоря, что придет*

‘Он говорил, что придет, но это не было обманом’ – отрицание интерпретации

‘Он не говорил, что придет (что было бы обманом)’ – отрицание действия

Это свойство *обманывать* легко можно объяснить: поскольку, в отличие от *ошибаться*, *обманывать* обычно является намеренным и контролируемым действием, направленным именно на достижение результата *обмануть*, этот глагол имеет черты этического интерпретатива: везде, где присутствует контроль агенса над результатом действия, возможна этическая оценка. Таким образом, правильнее было бы квалифицировать *обманывать* не как истинностный интерпретатив, а как истинностно-этический.

Во-вторых, разные интерпретативы по-разному ведут себя в формах СОВ и НЕСОВ, в отличие от физических и эмоциональных каузативов, которые демонстрируют несколько более единообразное аспектуальное поведение. Так, некоторые интерпретативы первой группы в форме СОВ перестают допускать отрицание действия:

(133) *Он не завалил ее, задав вопросы по литературе XVIII века*

‘Он задал ей вопросы по литературе XVIII века, но не завалил ее’

(134) *Она не унизила его вопросами о здоровье*

‘Она задала ему вопросы о здоровье, но не унизила его’

Однако интерпретативы второй группы не демонстрируют никаких дополнительных эффектов в форме СОВ, сохраняя возможность обеих интерпретаций отрицания; нет никакой разницы в СД отрицания между фразами *Он не грешил, изменяя ей* и *Он не согрешил, изменив ей*. Для них обеих предпочтительной является отрицание результата, но возможно также отрицание действия.

Эта неоднородность интерпретативов с точки зрения аспектуальных свойств объясняется, по-видимому, тем, что они представляют собой семантически существенно менее однородную группу, чем каузативы.

III.3.4. Соотношение аспектуальных классов по М.Я.Гловинской и деления предикатов на семантические типы по степени контроля

Деление глаголов на аспектуальные классы по Гловинской коррелирует, но не полностью совпадает с их делением на семантические классы по типу взаимодействия с отрицанием, предлагаемом в данной работе. Рассматриваемые в данной работе целенаправленные физические каузативы частично относятся к классу 1Б по Гловинской; ср. *вбить, втащить* (Гловинская 2001: 96-99), частично вообще не образуют видовых пар (моментальные глаголы). Моментальные каузативы (*захлопнуть, выплеснуть*) взаимодействуют с отрицанием следующим образом: в сочетании с отрицанием они обозначают отсутствие действия, ведущего к результату. Это происходит потому, что у них указание на действие, ведущее к результату, и указание на сам результат соединены и находятся в ассерции. При этом нельзя утверждать, что они вовсе не содержат указания на действие, а содержат только указание на результат. Во-первых, само понятие каузатива указывает на то, что результат возникает из-за чьих-то целенаправленных действий: так, для того, чтобы *захлопнуть дверь* нужно, чтобы какая-то часть тела (*рука, нога, плечо*) вошли с ней в контакт, после чего надо совершить резкое движение, направляющее дверь в дверной проем. Таким образом, всякий каузатив содержит две пропозиции – действие и результат, однако из-за своей моментальности действие может быть трудноразличимо как в реальном мире, так и в значении предиката. При этом сочетаемость моментальных глаголов указывает на то, что все-таки компонент ‘действие’ в их значение входит; ср. сочетания *резко <с треском> захлопнул дверь, широким движением выплеснул воду из кувшина*, где адвербиалы характеризуют компонент ‘действие’, а не компонент ‘результат’. С точки

зрения предлагаемой нами классификации физических каузативов по степени контроля моментальные каузативы описывают наиболее контролируемые действия, осуществляемые с наибольшей легкостью: так, нельзя **с трудом захлопнуть*, но можно – *с трудом закрыть*, нельзя **с трудом выплеснуть* – но можно *с трудом вылить*. Соответственно, у таких каузативов прототипически действие всегда приводит к результату. Соответственно, если результата нет, значит, скорее всего, не было и действия. Соответственно, действие и результат находятся на одном семантическом уровне – в ассерции.

Что касается целенаправленных физических каузативов, которые указывают на накопление результата типа *вбить, втащить* (1 аспектуальный класс по Гловинской), то с точки зрения семантики и взаимодействия с отрицанием здесь выделяются разные подтипы. *Втащить* является в нашей терминологии лабораторивом, т.е. предикатом, указывающим на большое усилие, требуемое для достижения результата. Лаборативы – наименее контролируемые из целенаправленных физических каузативов, поскольку, чем больше требуемое усилие, тем менее гарантирован результат. И поведение лабораторивов под отрицанием подтверждает гипотезу о связи степени контроля с семантической структурой предиката и его поведением под отрицанием: у лабораторивов указание на действие обычно не поддается отрицанию: *Он не втащил мешок в багажник, Он не втиснул книжку на полку* гораздо естественнее интерпретировать как неудавшиеся попытки, чем как отсутствие попытки. Т.е. у лабораторивов указание на действие находится в «нижнем» семантическом слове – в пресуппозиции, оно слишком «тяжелое», чтобы всплывать в верхний слой – в ассерцию. Большинство физических каузативов имеют промежуточный статус: они описывают «нормальные» - не слишком легкие и не слишком трудные, не слишком быстрые и не слишком долгие действия, ведущие к результату. Соответственно, компонент ‘действие’ имеет у них плавающий статус и может как оставаться, так и уничтожаться под отрицанием – ср. упоминавшиеся выше примеры, анализируемые в работе Карловской, типа *Он не вбил гвоздь*, где неизвестно, предпринималась ли агенсом такая попытка, или нет.

Что касается эмоциональных каузативов, то в работе Гловинской рассматриваются только нецеленаправленные эмоциональные каузативы, и все они справедливо относятся к 4 подтипу ‘в состоянии – начать быть в состоянии’ (Гловинская 2001: 117); ср. *Ее веселят мои ошибки, Меня пугает его состояние*. Однако, как было сказано

выше, для эмоциональных каузативов нецеленаправленное употребление хотя и является прототипическим, но, как мы видим из анализа материала, не является единственно возможным (по крайней мере, для некоторых из них). Те эмоциональные каузативы, которые не бывают намеренными (*возмущать, восхищать* и пр. – см. выше), действительно относятся к 4 классу. Они предполагают самую низкую степень контроля агенса над результатом; в соответствии с нашей гипотезой, указание на действие находится у них в пресуппозиции и под отрицанием сохраняется: *Он не восхищает нас своей игрой* значит, что он играет, но не вызывает эмоциональной реакции. Что касается намеренных эмоциональных каузативов, то они неоднородны с точки зрения степени контроля и, соответственно, взаимодействия с отрицанием. Каузативы типа *радовать* и *огорчать* предполагают меньшую степень контроля над результатом, чем конативные каузативы типа *запугивать, успокаивать, злить, веселить* (некоторые из них вообще не имеют ненамеренных употреблений; ср. неправильность **Меня запугивает его поведение*). Первые устроены скорее как деятельности (в частности, они не имеют актуально-длительного значения НЕСОВ), вторые – как действия-попытки (они имеют актуально-длительное значение НЕСОВ). В соответствии с нашей гипотезой о связи степени контроля с семантической структурой, конативные эмоциональные каузативы – предполагающие наибольшую степень контроля агенса над результатом – имеют указание на действие в ассерции, и при их отрицании отрицается сама попытка вызвать определенное эмоциональное состояние: ср. *Он не запугивал меня, Она не успокаивала его, Он больше не злил одноклассников глупыми выходками, Он больше не веселил домашних забавными шутками*. Каузативы типа *радовать* и *огорчать*, предполагающие невысокую, хотя и ненулевую, степень контроля над результатом, как было показано выше, могут иметь обе интерпретации с отрицанием, что значит, что у них компонент ‘действие’ имеет «плавающий» статус – между пресуппозицией и ассерцией.

Таким образом, семантическая структура предикатов и их взаимодействие предикатов с отрицанием коррелирует, но только частично, с делением на аспектуальные классы. Точнее, правильнее было бы сказать, что деление на аспектуальные классы является на самом деле более дробным и зависит, в том числе, от значения в котором рассматривается глагол – т.е. глаголы в разных значениях (например, намеренный и ненамеренный каузатив) должны быть отнесены к разным классам.

III.3.5. Заключение

Проведенное в данной работе исследование позволяет установить новые связи между семантикой лексических единиц и их взаимодействием с отрицанием. Предлагается новое системное объяснение описанному в лингвистической литературе необычному поведению отрицания с некоторыми типами предикатов – а именно, феномену, который в разных работах называется «переходом пресуппозиции в ассерцию»; «употреблением в режиме косвенной номинации действия» [Кустова 1996]; «импликативным отрицанием» [Падучева 2013]. Работа предлагает новые подтверждения обоснованности фундаментальной классификации предикатов, в том числе категориям акциональности и конативности, а также развивает классификацию предикатов, предоставляя эмпирические свидетельства существования контролируемых действий и лаборативов в качестве отдельных семантических подклассов предикатов, обладающих особыми свойствами. Статус компонента ‘действие’ в структуре каузативов и интерпретативов и способность этого компонента попадать под отрицание или избегать отрицания связываются со степенью контроля агенса над результатом: чем выше степень контроля, тем теснее связаны компоненты ‘действие’ и ‘результат’ в структуре значения и тем выше вероятность попадания компонента ‘действие’ в сферу действия отрицания, поскольку он приобретает, подобно компоненту ‘результат’, ассертивный статус. Эта тенденция схематически представлена в таблице 2 ниже, где стрелками обозначено увеличение степени контроля.

Таблица 2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из диссертационного исследования можно сделать следующие общетеоретические выводы.

I. О роли системообразующих смыслов в языке:

1. Такие общие системообразующие смыслы, как ‘количество’, ‘степень’, ‘желательность’, ‘оценка’, ‘фактивность’, ‘путативность’, ‘акциональность’, определяют пути развития значений на материале больших семантических классов (например, полей уступительности и эмотивности), с одной стороны, и на материале полисемии отдельных вокабул, а также семантических структур отдельных лексем, с другой.

2. Системообразующими свойствами обладают не только смыслы, но также связи и взаимодействия смыслов. Такова, например, связь смыслов ‘вероятность’, ‘желательность’ и ‘степень’, организующая семантический класс уступительности, а также структуру полисемии некоторых уступительных слов и устройство их значений; связь смыслов ‘время’ и ‘пространство’, организующая структуру полисемии дейктических маркеров и устройство их значений; связь смыслов ‘контроль’ и ‘попытка’, организующая семантические структуры агентивных каузативов.

II. Об устройстве семантических классов:

1. В основе структуры абстрактных предикатных семантических классов лежит прототип, представленный в значении центральной для класса языковой единицы, и его модификации по направлениям, задаваемым системообразующими смыслами.

2. Значения остальных единиц класса могут быть получены из прототипа путем семантических модификаций, в которые может входить конверсия, прибавление или убавление валентностей, семантическое наращение по системообразующим смыслам.

III. О семантической мотивации:

Наличие определенного семантического компонента в значении языковой единицы может коррелировать с ее общей семантической структурой, с наличием других компонентов в ее значении, с ее лексической и синтаксической сочетаемостью, с моделью управления, с ее полисемией, с онтологическими свойствами ее денотата.

IV. О сочетаемости лексем и конструкций:

1. Сочетаемость и выбор интерпретации лексем и конструкций определяется не только правилами семантического согласования, но и культурно-языковой прагматикой. Семантически близкие языковые единицы могут характеризоваться частотно различной сочетаемостью в силу своих различающихся прагматических свойств. Прагматические предпочтения, закрепленные за конструкцией в данном языке, влияют на интерпретацию нейтральных лексем, помещенных в конструкцию.

2. При заполнении конструкций разными лексемами могут возникать семантические сдвиги, описываемые правилами семантических модификаций.

3. Частотные варианты заполнения конструкций могут идиоматизироваться и «откалываться» от исходной конструкции. Чем более фразеологизована сама конструкция, тем больше вероятность, что часть ее реализаций составляют лексические фраземы.

Из диссертационного исследования можно сделать следующие конкретно-теоретические выводы.

I. О семантическом классе уступительности

1. Об устройстве семантического класса уступительности и роли системообразующих смыслов в его структуре и формировании:

- Прототип уступительного значения в русском языке выражается союзом *хотя I* и имеет вид ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

- Значения всех остальных уступительных единиц могут быть получены из прототипа путем семантических модификаций – конверсия, добавление валентности, семантическое наращение по смыслам ‘степень’; ‘(не)желательность’; ‘вероятность’.

- Модификация конверсии дает значение ряда уступительно-противительных лексем – *все-таки I, все же I, тем не менее*.

- Модификация добавления валентности дает значение ряда причинно-уступительных лексем – *как-никак, все-таки 2, все же 2*.

- Семантическое наращение степени дает значение фраземы *несмотря ни на что* и конструкций *при всём X-е, как ни X*.

- Семантическое наращение желательности дает значение лексемы *все равно*

3.

- Семантическое наращение вероятности дает значение лексем *пусть 3, пускай 3*.

- Сочетание семантического наращения вероятности с наращением степени дает значение лексем и конструкций *хоть 5, пускай 3, пусть даже, даже если 2, необиходн. если и 2, уходящ. хотя бы и 3, уходящ. хоть бы и 3*.

- Сочетание семантического наращения вероятности с наращением степени и желательности дает значение лексем и конструкций *по крайней мере 2, хотя бы 2, хоть 3, если уж не..., то; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*.

2. О семантической мотивации в классе уступительности:

(1) Существуют корреляции между семантическими наращениями в значении уступительных единиц:

- степень (количество) и вероятность коррелируют с желанием: чем больше желание получить нечто, тем ниже вероятность получения и меньше количество или степень того, что субъект надеется получить (*по крайней мере 2, хотя бы 2, хоть 3, если уж не..., то; только бы 1, лишь бы 1, хоть бы 2*);

- степень коррелирует с вероятностью: высокая степень ситуации делает ее осуществление менее вероятным: (*хоть 5, пускай 3, пусть даже, даже если 2, необиходн. если и 2, уходящ. хотя бы и 3, уходящ. хоть бы и 3*).

(2) Существуют корреляции между наличием семантических компонентов ‘вероятность’, ‘желательность’ и ‘степень’ в значении уступительных единиц и их полисемией:

- уступительное значение развивается у слов со значением соответствия действительности (*правда*);

- уступительное значение развивается у слов со значением желательности (*хоть, хотя*);

- уступительное значение развивается у слов со значением малого количества (*только, лишь*);

- уступительное значение развивается у конструкций с кванторным значением всеобщности (конструкция *к-местоимение Y ни X, P* со значением ‘при любом варианте Y’ развивает уступительное значение).

(3) Существуют корреляции между значением уступительных конструкций и их лексическим наполнением:

• при лексическом заполнении конструкций действуют те же правила семантического согласования, что и при сочетаемости лексем (например, наличие компонента ‘высокая степень’ в значении конструкции требует заполнения градуируемыми предикатами и признаками);

• значение лексем-«фаворитов», т.е. наиболее частотных лексических заполнителей конструкции, может дублировать семантику конструкций (например, значение лексемы-«фаворита» *странный* дублирует значение необычности в нестандартной уступительной конструкции *κ*-местоимение + *У* ни *Х*, *Р*): *Как ни странно, она его любит.*

3. О сочетаемости лексем и конструкций в семантическом классе уступительности:

(1) На лексическое заполнение и интерпретацию уступительных конструкций оказывает влияние языковая прагматика. Например, для русской конструкции *при всем Х-е У Р* более характерно заполнение валентности свойства *Х* лексемами с положительной оценкой, а валентности доминирующего свойства *Р* – лексемами с отрицательной оценкой, и, как следствие, общая «пессимистическая» интерпретация высказывания: *При всех его талантах, он так ничего и не добился*. Для английской конструкции *for all X, Y P* характерно прагматически обратное распределение: *For all his flaws, he is a good man* ‘При всех его недостатках, он хороший человек’. Прагматические предпочтения по лексическому заполнению конструкций влияют на интерпретацию нейтральных лексем, помещенных в конструкцию. Так, для конструкции *Х, зато У* характерно заполнение валентности свойства *Х* лексемами с отрицательной оценкой, а валентности доминирующего свойства *Р* – лексемами с положительной оценкой, и, как следствие, общая «оптимистическая» интерпретация высказывания: *Он некрасивый, зато умный*. При помещении в конструкцию оценочно нейтральных лексем, лексема в позиции *Х* интерпретируется как отрицательно оцениваемая, а лексема в позиции *У* – как положительно оцениваемая: *Платье было короткое, зато широкое* [короткое – недостаток, широкое - достоинство] vs. *Платье было широкое, зато короткое* [широкое – недостаток, короткое - достоинство].

(2) При заполнении уступительных конструкций разными лексемами возникают семантические сдвиги, описываемые правилами семантических модификаций.

Так, при заполнении валентности *Х* в уступительной конструкции *κ*-местоимение + *У* ни *Х*, *Р* глаголами реализуется значение ‘Агенса *У* очень интенсивно или очень долго

прилагает усилия X, чтобы осуществилась ситуация не-Р; имеет место ситуация Р; говорящий считает, что обычно, если прилагать усилия типа X, то имеет место ситуация типа не-Р'. При заполнении валентности X в уступительной конструкции прилагательными реализуется значение 'Объект Y имеет свойство X в высокой степени; говорящий считает, что обычно, если Y имеет свойство X в высокой степени, то с Y-ом имеет место ситуация типа не-Р; с Y-ом имеет место ситуация Р'.

(3) Частотные варианты заполнения уступительных конструкций идиоматизировались и «откололись» от исходной конструкции (фраземы *при всем желании, при всем уважении* как «осколки» конструкции *при всем X-е*; фраземы *как ни крути, как ни верти, куда ни глянь, куда ни плюнь, что ни говори* как «осколки» конструкции *к-местоимение Y ни X, P*).

II. О семантическом классе эмоций

1. Об устройстве семантического класса эмоций:

(1) Прототип эмоционального значения в русском языке имеет вид 'Человек X испытывает хорошее (или плохое) чувство, вызванное причиной Y'

(2) Модификации прототипа в разных кластерах и подтипах эмоций происходят по системообразующим смыслам 'оценка', 'вероятность', '(не)желательность', 'желание', 'степень', 'контроль', 'возможность', 'действие', 'отношение', 'человек', 'событие', 'говорить', 'думать' и некоторым другим. Например, эмоциональный подтип «неконтролируемый гнев» (*ярость, бешенство, беситься, бесить, fury, furious, rage, to enrage, enraged*) отличается от прототипа по смыслам 'отрицательная оценка', 'желание', 'контроль' и имеет общее значение 'Y сделал что-то очень плохое; X чувствует что-то очень плохое; X хочет сделать что-то очень плохое Y-у, не может контролировать свое поведение и не может думать ни о чем другом'.

2. О семантической мотивации в семантическом классе эмоций:

(1) Управляющие свойства эмоциональных глаголов коррелируют с их семантикой, отражающей онтологические свойства разных эмоций. Окрашивание валентности стимула эмоции семантикой роли адресата коррелирует с дативной моделью управления (*радоваться кому-л., сочувствовать кому-л.*); окрашивание валентности стимула семантикой роли пациента агрессивного физического действия коррелирует с моделью управления *на + ВИН* (*сердиться на кого-л., обижаться на кого-л.*); окрашивание валентности стимула семантикой роли пациента агрессивного речевого действия

коррелирует с моделью управления *над* + ТВОР (*злорадствовать над кем-л.*); окрашивание валентности стимула семантикой роли атрибута коррелирует с моделью управления с творительным падежом (*гордиться чем-л.*); окрашивание валентности стимула семантикой роли ориентира коррелирует с моделью управления *перед* + ТВОР (*трепетать перед кем-л., дрожать перед кем-л.*); окрашивание валентности стимула семантикой роли ориентируемого объекта коррелирует с моделью управления *над* + ТВОР (*горевать над кем-л., скорбеть над кем-л.*).

(2) Общая частотность употребления разных эмотивных лексем коррелирует с их семантикой, в первую очередь, с экспрессивным потенциалом эмоции, определяющей степень ее заметности для окружающих.

3. О сочетаемости лексем и конструкций в семантическом классе эмоций:

(1) Частотность заполнения разными эмотивными лексемами экспериментальных конструкций первого лица обусловлена языковой прагматикой – эмоциональным этикетом. Эмоциональный этикет в русском и английском языках основан на одних и тех же максимах: максиме приятного, максиме уважения, максиме самоуважения и максиме скромности. В случае, если максима приятного поощряет выражение эмоции, а максимы вежливости и скромности не ограничивают его, эмоция обладает высоким индексом приемлемости ('БЛАГОДАРНОСТЬ', 'РАДОСТЬ'). Основные различия между русским и английским языками касаются максимумов уважения, самоуважения и скромности. Английский этикет в большей степени опирается на первые две, русский – на третью. В результате русскоговорящие экспериментеры выражают больше 'СТЫДА', 'СТРАХА' и 'ПРЕЗРЕНИЯ', а англоговорящие – больше 'ГОРДОСТИ', 'ГНЕВА' и 'ЖАЛОСТИ'.

III. О семантической мотивации и сочетаемости у единиц других семантических классов

(1) У каузативов и интерпретативов наличие компонента 'контроль' в значении лексемы коррелирует с ассертивно-пресуппозитивной структурой значения и интерпретацией с отрицанием. Чем больше контроля предполагает семантика каузативного или интерпретативного предиката, тем более ассертивным и доступным для отрицания является компонент 'действие' в его значении. Наличие компонента характерно для агентивных физических каузативов, не включающих обязательного

указания на усилие, для конативных эмоциональных каузативов (из кластеров ‘СТРАХ’, ‘ГНЕВ’ и ‘РАДОСТЬ’) и для моральных и юридических интерпретативов.

(2) У темпоральной синтаксической фраземы *X в X* лексическое заполнение коррелирует с выбором предпочтительной интерпретации: для коротких отрезков времени предпочтительна интерпретация неожиданной пунктуальности, для длинных – интерпретация случайного совпадения. На интерпретацию также оказывает влияние языковая прагматика: для русской фраземы *X в X* в целом более характерна интерпретация неожиданной пунктуальности, для ее английского аналога *to the X* – интерпретация случайного совпадения.

(3) Семантика пространственных дейктических маркеров *тут* и *здесь* коррелирует с их полисемией. *Тут* обладает сильной дейктичностью и синкретически сочетает смыслы ‘пространство’ и ‘время’ в своем основном, пространственном, значении, что сохраняется и его временных значениях. В таксисном значении *тут* указывает на два следующих друг за другом события, объединенных в единый раунд наблюдения, а в значении близости к моменту речи *тут* является полуграмматикализованным маркером актуальности. Наречие *здесь* способно к недейктическим употреблениям и имеет гораздо более выраженную пространственную семантику, отчего в его полисемии доминируют ситуативные, а не временные значения. Возможные направления дальнейших исследований включают в себя применение полученных методов семантического и прагматического анализа к другим языкам, а также исследование явления семантической мотивированности на другом языковом материале.

Список используемой литературы

1. Апресян 1967 — Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
2. Апресян 1986 – Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. с. 5–33.
3. Апресян 1995а – Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
4. Апресян 1995б. – Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
5. Апресян 1995в – Ю. Д. Апресян. Образ человека по данным языка // Избранные труды, т.2. М., 1995.
6. Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 5–26.
7. Апресян 2004а – Ю. Д. Апресян. Структура Словарной статьи словаря. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. 2–е издание, исправленное и дополненное. Авторы: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Москва – Вена, 2004. XII.
8. Апресян 2004б – Ю. Д. Апресян. Словарные статьи ВОСХИЩАТЬСЯ, ГОРДИТЬСЯ, ЛЮБИТЬ, НАДЕЯТЬСЯ, РАДОВАТЬСЯ, СЕРДИТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
9. Апресян 2004в — Ю. Д. Апресян. О Московской семантической школе (тезисы) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог’2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2004. С. 1–8.
10. Апресян 2005 – Ю. Д. Апресян. О Московской семантической школе. Вопросы языкознания, № 1, 2005. С. 3-30.

11. Апресян 2006 – *Ю.Д. Апресян*. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: «Языки славянских культур», 2006. с. 33-162.
12. Апресян 2009 – *Ю.Д. Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009.
13. Апресян 2010а – *Апресян Ю.Д.* Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект// Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 281-380.
14. Апресян 2010б – *Апресян Ю.Д.* Семантические основы глагольного управления: лексикографический аспект // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти Владимира Петровича Неद्याлкова. М.: Знак, 2010. С. 27- 36.
15. Апресян 2012 – *Ю.Д. Апресян*. Грамматика глагола в Активном словаре (АС) русского языка // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука). Под ред. Ю.Д.Апресяна и др. М., 2012.
16. Апресян 2014 – *Апресян Ю.Д.* Статья БЕЖАТЬ // Активный словарь русского языка. Тт. 1–2: А–Г. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: «Языки славянских культур». (в печати).
17. Апресян и др. 2010 – *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Проспект активного словаря русского языка. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: «Языки славянских культур», 2010.
18. Апресян и др. 2004 – *Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л., Санников А.В., Сизов В.Г.* Семантическая разметка в глубоко аннотированном корпусе русского языка // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004». СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 41–54.
19. Апресян и др. 2014 – *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Тт. 1–2: А–Г. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М.: «Языки славянских культур». 2014.

20. Апресян В. 1997 — В. Ю. Апресян. Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени // Вопросы языкознания. 1997. №5. С. 16–34.
21. Апресян В. 1998 — В. Ю. Апресян. Семантика уступки (на примере частиц *по крайней мере, хотя бы и хоть*) // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998. С. 27–33.
22. Апресян В. 1999 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. №5. С. 24–44.
23. Апресян В. 2000 — В. Ю. Апресян. Семантические особенности концепта 'уступки' (на примере синонимов *в то же время 2, вместе с тем, при этом 2, при всем том*) // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино, 2000. С. 20–24.
24. Апресян В. 2003 — В. Ю. Апресян. Семантический инвариант уступительности и смысловая структура уступительных слов // Лингвистическая теория и толковая лексикография / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2003. С. 97–99.
25. Апресян В. 2004а — В. Ю. Апресян. Уступительность: языковые связи // Сокровенные смыслы. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2004. С. 255–266.
26. Апресян В. 2004б — В. Ю. Апресян. 'Компенсация' и 'оговорка' в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня 3. Проблемы русской лексикографии / Под ред. Л. П. Крысина. М., 2004. С. 15–22.
27. Апресян В. 2004в — В. Ю. Апресян. Словарная статья *всё-таки 1* // НОСС 2004. С. 166–171.
28. Апресян В. 2004г — В. Ю. Апресян. Словарная статья *как-никак 1* // НОСС 2004. С. 463–464.
29. Апресян В. 2004д — В. Ю. Апресян. Словарная статья БОЯТЬСЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
30. Апресян В. 2006 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006. С. 615–712.

31. Апресян В. 2008 – *В. Ю. Апресян*. О судьбе и не-судьбе // *Динамические модели: слово, предложение, текст*. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. Языки славянских культур. М., 2008. с. 7-19.
32. Апресян В. 2010а — *В.Ю. Апресян*. Словарные статьи полей ‘соответствие и несоответствие действительности’, ‘малое количество и степень’, ‘уступительность’ и ‘организации’ // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. *Перспектив активнаго словаря русскаго языка* / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2010.
33. Апресян В. 2010б – *В.Ю. Апресян*. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // *Материалы международной конференции «Диалог 2010»*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 9 (16). с. 13-19.
34. Апресян В. 2011а – *В.Ю. Апресян*. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Часть 1 // *ВЯ*, №1, 2011 (с. 19-51).
35. Апресян В. 2011б – *В.Ю.Апресян*. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты. Часть 2 / *ВЯ*, №2, 2011 (с. 63-88).
36. В.Апресян 2012а – *В.Ю. Апресян*. "Тут" как показатель темпоральной близости // *Материалы международной конференции «Диалог’2012»*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. С. 1-17. 2012.
37. В.Апресян 2012б – *В.Ю. Апресян*. ‘Here’ and ‘now’ // *Название издания: Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты*. Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. Под ред. Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Ваннера, Л. Л. Иомдина, Я. Миличевич, М.-К. Л’Ом, А. Польгера, *Языки славянской культуры*. М., 2012. с. 30-41.
38. Апресян В. 2013 – *В.Ю. Апресян*. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам Международной конференции "Диалог 2013"*. Вып. 12(19). М.: РГГУ, 2013. С. 43-57.
39. В.Апресян 2014 – *Апресян В.Ю.* Процессы идиоматизации и грамматикализации в нестандартных конструкциях // *Материалы международной конференции «Диалог 2014»*. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. С. 12-28

40. В.Апресян 2014б – *В.Ю.Апресян. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов. // Русский язык в научном освещении. 2014, № 27. с. 9-41.*
41. В.Апресян 2014б – *В.Ю.Апресян. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке (монография). Рекомендована к печати под грифом ИРЯ РАН. В печати (ЯСК, 2014).*
42. Апресян, Апресян В. 1993 – *Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. №3.*
43. Апресян В., Григорьева 2000 – *В. Ю. Апресян, С. А. Григорьева. Волшебство в языке // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к 70-летию Ю. Д. Апресяна. Языки русской культуры. М., 2000. с. 15-21.*
44. Апресян В., Григорьева 2004 — *В. Ю. Апресян, С. А. Григорьева. Словарная статья только бы 2 // НОСС 2004. С. 1162–1165.*
45. Апресян В., Пекелис О. 2011 — *В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. Союз. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. М., 2011.*
46. Арутюнова 1988 — *Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.*
47. Арутюнова 1995 — *Н. Д. Арутюнова. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.*
48. Арутюнова 1998 — *Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1998.*
49. Бабаева 2010 — *Е. Э. Бабаева. Антонимия: проблемы толкования и реконструкции становления (на примере прилагательных с сильно развитой многозначностью) // В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Проспект Активного словаря русского языка / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2010.*
50. Баранов и др. 1993 — *А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Научный руководитель проекта Д. Пайар. М., 1993.*

51. Баранов, Добровольский 1998 – *А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский*. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия АН. Серия литературы и языка, 1998, том 57, N 1, 36-44.
52. Баранов, Добровольский 2008 — *А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский*. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
53. Баранов, Добровольский и др. 2007 – *А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К.Л. Киселева, А.Д. Козеренко при участии М.М. Вознесенской и М.М. Коробовой* / под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М., 2007.
54. Богуславский 1985 – *И.М. Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. М.: 1985.
55. Богуславский 1990 – *И.М. Богуславский*. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Z.Saloni (red.). Białystok, 1990. S. 137–148.
56. Богуславский 1996 — *И. М. Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
57. Богуславский 2004 – *И.М. Богуславский*. Некоторые проблемы соединения смыслов слов (доклад на семинаре по теоретической семантике, Институт проблем передачи информации), 2004.
58. Богуславский 2008 — *И. М. Богуславский*. Между истиной и ложью: адвербиалы в контексте снятой утвердительности. // *Логический анализ языка: между ложью и фантазией*. М., 2008. С. 67–277.
59. Богуславский А. 2010 — *А. Богуславский*. Уступительность как метатекстовое явление // *Lingua Poznaniensis*. 2010. LI (1). С. 7–14.
60. Борисова, Овчинникова 2011 – *Е.Г. Борисова, Т.Е. Овчинникова*. Параметр близости в метафорическом пространстве // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / По материалам ежегодной Международной конференции «ДИАЛОГ» (2011), Вып. 10*. М.:РГГУ, 2011. с. 153–158.
61. Брызгунова 1980 — *А. Е. Брызгунова*. Интонация // *Русская грамматика* / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М., 1980. С. 96–122.

62. Булыгина 1982 – Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Отв. ред. О. Н. Селиверстова. Семантические типы предикатов. М.: 1982. С. 7–85.
63. Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира на материале русской грамматики. М., 1997.
64. Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык, культура, познание. М., 1996.
65. Вежбицкая 2002 — А. Вежбицкая. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4). С. 6–34.
66. Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Фразеология. Семасиология // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977. С. 118–161.
67. Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
68. Гладкий 1982 — А. В. Гладкий. О значении союза «если» // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982. С. 43–75.
69. Гладкова 2005 – А.Н. Гладкова. Чем русское *сопереживание* отличается от английского *empathy*? Опыт применения естественного семантического метаязыка в контрастивной семантике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2005». М., 2005.
70. Гладкова 2010 - А.Н. Гладкова. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянских культур, 2010.
71. Гловинская 1982 – М.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
72. Гловинская 2001 – М.Я. Гловинская. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
73. Гловинская 2004 – М.Я. Гловинская. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии. // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. с. 69-76
74. Грамматика 1954 — В. В. Виноградов (ред.). Грамматика русского языка: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.
75. Грамматика 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М., 1980.

76. Гришина 2012 – *Гришина Е. А.* Здесь и тут: Корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов. *Русский язык в научном освещении*, 2012, № 23, с.39-71.
77. Даль — *В. Даль*. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М., 1881–1882.
78. Добровольский 1996 – *Д.О. Добровольский*. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ. 1996. № 1.
79. Добровольский, Левонтина 2009 — *Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина*. Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики на базе параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог'2009. М., 2009. С. 97–101.
80. Зализняк Анна А.2000 – *Анна А. Зализняк*. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 101-118.
81. Зализняк Анна А.2004 – *Анна А. Зализняк*. Феномен многозначности и способы его описания. Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20-45.
82. Зализняк Анна А. 2006 – *Анна А. Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006.
83. Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев 2005 – *Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев*. «Языки славянской культуры». М., 2005.
84. Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев 2005 – *Зализняк Анна.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
85. Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелев 2012 – *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. — М.: Языки славянских культур, 2012.
86. Зализняк Анна А., Шмелев 2012 – *А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Лексика радости // Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славянских культур, 2012. с. 462-470.
87. Зельдович 1998 – *Г.М.Зельдович*. Русские временные квантификаторы. Wien. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 46.

88. Иванов 1992 — *В. В. Иванов*. Левый и правый // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 43–44.
89. Иомдин 2003 – *Л.Л. Иомдин*. Большие проблемы малого синтаксиса // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям Диалог'2003. М.: Наука, 2003. с. 216–222.
90. Иомдин 2010 — *Л. Л. Иомдин*. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 141–190.
91. Иомдин Б. и др. 2014 – *Б. Л. Иомдин., А. А. Лопухина, Г.В. Носырев*. К созданию частотного словаря значений слов // Материалы международной конференции «Диалог 2014». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. С 204-218.
92. Иорданская 1970 – *Иорданская Л.Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13.С. 3-26.
93. Иорданская 1971 – *Л.Н. Иорданская*. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. т. 16.
94. Иорданская 1984 – *Л.Н. Иорданская*. Словарные статьи *бояться, восторг, восхищать, гнев, страх* // И.А. Мельчук, А.К Жолковский и др. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
95. Иорданская 1988 — *Л. Н. Иорданская*. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими союзами) // *Russian Linguistics*. 1988. V. 12. № 3. С. 162–211.
96. Иорданская, Мельчук 2007 – *Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук*. Смысл и сочетаемость в словаре // М.: Языки славянских культур, 2007.
97. Карловска 1990 – *А.К. Карловска*. Русские каузативы движения и перемещения (смысловый анализ). Канд. дисс. М., 1990.
98. Кибрик 2004 — *А. Е. Кибрик*. Когнитивное разнообразие предикатно-аргументных структур и языковые стратегии их унификации // Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений». Казань, 2004. С. 16-19.

99. Князев 2007 – *Ю.П. Князев* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
100. Корди 1990 — *Е. Е. Корди*. Оптативность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990. С. 170–185.
101. Крейдлин, Падучева 1974 — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева*. Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31–37.
102. Крючкова 2004 — *О. Ю. Крючкова*. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. №2(8). С.63–85.
103. Курилович 1962 – *Е. Курилович*. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 175-203.
104. Кустова 1996 – *Г.И. Кустова*. О коммуникативной структуре предложений с событийным каузатором // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М.: РГГУ, 1996. с. 240–261.
105. Кустова 2004 – *Г.И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
106. Лавров 1941 — *Б. В. Лавров*. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.
107. Ларина 2009 – *Т.В. Ларина*. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
108. Лауфер 1987 — *Н. И. Лауфер*. Линеаризация компонентов сочинительной конструкции // А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 167–176.
109. Левонтина 1995 — *И. Б. Левонтина*. Звёздное небо над головой // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 32—35.
110. Левонтина 2004 – *И.Б. Левонтина*. Словарная статья ЖАЛОСТЬ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. *Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
111. Левонтина, Шмелев 2005 – *И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв*. Русское «заодно»

как выражение жизненной позиции // Анна А.Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв
Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
с. 348-349.

112. Лепская 2004 — *Н. И. Лепская*. Детская речь в свете теории коммуникации // Вопросы языкознания. 2004. №2.

113. Лишаев 2006 — *С. А. Лишаев*. «Правда» и «истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Вып. «Философия. Филология». 2006. №. 1 (4).

114. Ломоносов 1952 — *М. В. Ломоносов*. Краткое руководство к красноречию // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.; Л., 1952. С. 89–378.

115. Любенская 2004 — *С. И. Любенская*. Русско-английский фразеологический словарь. М., 2004.

116. Ляпон 1986 — *М. В. Ляпон*. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

117. Мартемьянов, Дорофеев 1983 — *Ю. С. Мартемьянов, Г. В. Дорофеев*. Опыт терминологизации общелитературной лексики: О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко // Вопросы кибернетики: Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983. С. 38–103.

118. МАС 1999 – Малый академический словарь русского языка в 4-х томах. М., Русский язык, 1999.

119. Маслов 1948 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303–316.

120. Мельчук 1974 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

121. Мельчук 1995 – *И.А. Мельчук*. ‘СЕЙЧАС’ и ‘ТЕПЕРЬ’ в современном русском языке // И.А.Мельчук. *Русский язык в модели “Смысл – Текст”*. Москва – Вена, 1995. – С. 55-79.

122. Може 1996 — *Г. Може*. Практическая грамматика французского языка. СПб., 1996.

123. НБАРС – *Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова и др.* Новый большой англо-русский словарь. Т. I—II. М., 1993; Т. III. М., 1994.

124. Николаева 1985 — *Т. М. Николаева*. Функции частиц в высказывании (на

материале славянских языков). М., 1985.

125. Николаева 1999 — *Т. М. Николаева. Хотя и хоть* в исторической перспективе // Славянские этюды. Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 308–330.

126. Николаева 2000 — *Т. М. Николаева. От звука к тексту*. М., 2000.

127. Николаева, Фужерон 2004 — *Т. М. Николаева, И. И. Фужерон. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами* // Вербальная и невербальная опоры пространств межфразовых связей / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2004. С. 99–114.

128. НКРЯ 2009 – Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. Отв. Ред. В.А. Плунгян. СПб, Нестор-История, 2009. <http://ruscorpora.ru/corpora-biblio-2008.html>

129. НОСС 2004 – *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Григорьева С. А., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва; Вена, 2004 г.

130. Овсянникова 2013 – *Овсянникова М. А.* Особенности употребления возвратных и переходных глаголов эмоций в русском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9—12 апреля 2013г. СПб., 2013. С. 205—213.

131. Падучева 1985 — *Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М., 1985; 6-е изд., испр. М., 2010.

132. Падучева 1996 – *Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: Языки русской культуры, 1996.

133. Падучева 2001 – *Падучева Е.В.* Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2001. №1, с. 52-79.

134. Падучева 2004 — *Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004.

135. Падучева 2009 – *Е.В. Падучева. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру. Вопросы языкознания. 2009. №6. С. 3-21.*

136. Пазельская 2005 – *Пазельская А.Г.* Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005».
137. Паршин 1988 — *П. Б. Паршин.* Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге (функционирование лексемы *хоть*) // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 146–168.
138. Пекелис 2013 — *О.Е. Пекелис.* Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. М., 2013.
139. Перфильева 1977 — *Н. П. Перфильева.* Являются ли *хотя* и *хоть* вариантами? // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1977.
140. Перфильева 1984 — *Н. П. Перфильева.* Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 1984.
141. Пичхадзе 2012 – *А.А. Пичхадзе.* К истории русского союза *хотя*. Международная конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов». 24-26 октября 2012 года.
142. Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян.* Введение в грамматическую семантику. М., 2011.
143. Плунгян, Рахилина 1996 – *В. А. Плунгян, Е.В. Рахилина.* С чисто русской аккуратностью...: (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке). Московский лингвистический журнал 2:340-351. 1996.
144. Плунгян, Рахилина 2010 – *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина.* Тушат-тушат — не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // *Construction Linguistics*. Под ред. Е.В. Рахилиной. М., «Азбуковник», 2010.
145. Подлеская 2004 – *Подлеская В.И.* Об одной условно-уступительной конструкции в русском языке // Р. Ницолова, Н. А. Козинцева, В. С. Храковский и др. Типология уступительных конструкций. СПб., 2004. С. 545-555.
146. Рис 2005 – *Н. Рис.* Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н.Н. Кулаковой, В.Б. Гулиды. М., 2005.
147. Санников 1989 — *В. З. Санников.* Русские сочинительные конструкции.

Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

148. Санников 2001 — В. З. Санников. Семантика и прагматика союза *если* // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 68–89.

149. Санников 2004 — В. З. Санников. О значении союза *пускай/пусть* // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / Отв. ред. С. Н. Борунова, В. А. Плотникова-Робинсон. М., 2004. С. 239–245.

150. Санников 2010а — В. З. Санников. Пролептические и близкие к ним конструкции // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 141–190.

151. Санников 2010б — В. З. Санников. Конструкции с тождественными словоформами // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 191–208.

152. Словарь коллокаций испанского языка [<http://www.dicesp.com>]

153. СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1979. Вып. 18. М., 1992.

154. СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997.

155. Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. СПб., 1893–1903.

156. Степанов 1997 — Ю. С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

157. Теримова 1986 — Р. М. Теримова. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.

158. Теримова 1987 — Р. М. Теримова. К вопросу о субкатегоризации уступительных ситуаций в современном русском языке // Грамматическая семантика слова и предложения. Ученые записки Тартуского университета. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1987.

159. ТКС 1984 — Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

160. Томмола 2004 — Х. Томмола. Даже если в масле поджарить... (Об условной уступке) // Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М., 2004. С. 484–495.

161. Топоров 2004 – *В. Н. Топоров*. Исследования по этимологии и семантике. В 4-х тт. М.: «Языки славянских культур»-«Рукописные памятники Древней Руси», 2004—2010. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. Москва: М.: ЯСК, 2004.
162. Урысон 2001 — *Е. В. Урысон*. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы // Вопросы языкознания. 2001. №4. С. 45–65.
163. Урысон 2002 — *Е. В. Урысон*. Союз *ХОТЯ* сквозь призму семантических примитивов // Вопросы языкознания. 2002. №5. С. 35–54
164. Урысон 2003 — *Е. В. Урысон*. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Русский язык в научном освещении. 2003. № 6. С. 217–246.
165. Урысон 2004 – *Е.В. Урысон*. Словарные статьи *ТОСКА, СТРАХ 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
166. Урысон 2004б – *Е.У. Урысон*. Синонимический ряд *СЕЙЧАС 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Издание второе, исправленное и дополненное. Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. М., 2004. с. 1009-1013.
167. Урысон 2011 — *Е. В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
168. Успенский 1973 — *Б. А. Успенский*. «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
169. Успенский 1994 — *Б. А. Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.
170. Фасмер 1986 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б. А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. М.: «Прогресс», 1986. Тома I–IV.
171. Федотов 1992 – *Г. Федотов*. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992.

172. Филипенко 1998 – *М.В. Филипенко*. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия (к вопросу об актантах и не-актантах предиката) // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. – М.: «Языки русской культуры», «Русские словари», 1998. – Вып. 36. – С. 120 - 140.
173. Храковский 1998 — *В. С. Храковский*. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. СПб., 1998. С. 7–96.
174. Храковский 1999 – *В. С. Храковский*. Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания. М., 1999. - № 1. - С.103-122. 190.
175. Храковский 2004а – *В.С. Храковский*. Уступительные конструкции: семантика, синтаксис, типология. // Р. Ницолова, Н. А. Козинцева, В. С. Храковский и др. Типология уступительных конструкций. СПб., 2004. С 10-91.
176. Храковский 2004а – *В.С. Храковский*. Анкета для описания уступительных конструкций. // Р. Ницолова, Н. А. Козинцева, В. С. Храковский и др. Типология уступительных конструкций. СПб., 2004. С 10-91.
177. Храковский, Ницолова, Козинцева и др. 2004 — *Р. Ницолова, Н. А. Козинцева, В. С. Храковский* и др. Типология уступительных конструкций. СПб., 2004.
178. Шаронов 2008 – *И.А. Шаронов*. Междометия в речи, тексте и словаре. М. РГГУ. 2008.
179. Шмелев 1976 — *Д. Н. Шмелев*. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
180. Шмелев 2002а – *А.Д. Шмелев*. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
181. Шмелев 2002б — *Д. Н. Шмелев*. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Д. Н. Шмелев. Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 413–438.
182. Шмелев 2005 – *Шмелев А.Д.* Комментарии к статье Анны Вежбицкой // *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 501-510.
183. Юань Мяосюй 2012 — *Юань Мяосюй*. Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка: дис. ...канд.фил.наук: 10.02.01; защищена 2012.

184. Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. К общему учению о падеже //Р.О. Якобсон. Избранные работы. Пер. с англ., нем., франц. М. 1985.
185. Янко 1995 — *Т. Е. Янко*. Коммуникативный статус выражений со словом *правда* // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
186. Яценко 2001 — *А. А. Яценко*. Выражение уступительной семантики в современном русском языке / Учебное пособие по русскому языку для иностранцев. Portland, Oregon, 2001.
187. Apresjan 2000 – *J. Apresjan*. Systematic lexicography // Transl. by K. Windle. Oxford, 2000.
188. Apresjan V. 2007 — *V. Apresjan*. Adverbs of small quantity and degree as a lexicographic type // K. Gerdes, T. Reuther, L. Wanner (eds.). Meaning ⇔ Text Theory 2007. Proceedings of the 3rd International Conference on Meaning ⇔ Text Theory. Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 69. München; Wien, 2007. P. 47–56.
189. Apresjan V. 2010 – *V. Apresjan*. The pragmatics of destiny in Russian and English (towards a description of fundamental cultural concepts). In *Contrasting Meaning in Languages of the East and West*, eds., Dingfang Shu & Ken Turner, 477–491. Frankfurt am Main: Peter Lang. 2010.
190. Apresyan V. 2013 – *V. Apresyan*. Corpus Methods in Pragmatics: The Case of English and Russian Emotions // *Intercultural Pragmatics*. 2013. Vol. 10. No. 4. Pp. 533-568.
191. Apresyan V. 2014 – *V. Apresyan*. Syntactic Idioms across Languages: Corpus Evidence from Russian and English. *Russian linguistics*. 2014. Vol. 38. No. 2, pp. 187-203.
192. Apresjan, Boguslavsky, Iomdin, Lazurski, Sannikov, Sizov, Tsinman 2007 – *J. Apresjan, I. Boguslavsky, L. Iomdin, A. Lazurski, V. Sannikov, V. Sizov, L. Tsinman*. ETAP-3 Linguistic Processor: a Full-Fledged NLP Implementation of the MTT // MTT 2003, First International Conference on Meaning – Text Theory (June 16-18 2003). Paris: Ecole Normale Superieure, 2003. P. 279-288.
193. Apresjan, Boguslavsky, Iomdin, Tsinman 2007 – *J. Apresjan, I. Boguslavsky, L. Iomdin, L. Tsinman*. Lexical Functions in Actual NLP-Applications // Selected Lexical and Grammatical Issues in the Meaning–Text Theory. In honour of Igor Mel'čuk. (Ed. by Leo Wanner). John Benjamins, Studies in Language Companion. Series 84. 2007. P. 199-230

194. Apresjan, Iomdin 2013 – *V. Apresjan, B. Iomdin*. Foreword. // in: *Meaning Text Theory: recent developments /* Науч. ред.: *V. Apresyan, B. Iomdin*. Sonderband 85. Muenchen: Wiener Slawistischer Almanach, 2013. No. 2.1.
195. Aron et al. 2005 – *A. Aron, H. Fisher, D.J. Mashek, G. Strong, H. Li, L.L. Brown*. Reward, motivation, and emotion systems associated with early-stage intense romantic love // *Journal of neurophysiology*. 2005. May 31.
196. Babby 1975 – *L. Babby*. Impersonal verbs and their lexical specification. *Slavic and East European Journal* 1975, v. 19. pp. 182-187.
197. Baider, Constantinou 2014 – *F. Baider, M. Constantinou*. Scénario cognitive et ‘mises en scène’ des émotions: étude contrastive des concepts de *colère* et de *rage* en grec et en français. // *Les Émotions dans le discours*. Peter Lang, Frankfurt am Main, 2014. 55-68.
198. Bartch 2004 – *S. Bartch*. Structural and Functional Properties of Collocations in English: A Corpus Study of Lexical and Pragmatic Constraints on Lexical Co-occurrence. Gunter Narr Verlag. 2004.
199. Belletti, Rizzi 1988 – *A. Belletti, L. Rizzi*. Psych verbs and theta-theory // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 6, No. 3, 1988.
200. Benešova et al. 2008 – *V. Benešova, M. Lopatková, K. Hrstková*. Enhancing Czech Valency Lexicon with Semantic Information from FrameNet: The Case of Communication Verbs // *J. Webster, N. Ide, and A. Chengyu Fang, eds. Proceedings of the First International Conference on Global Interoperability for Language Resources (ICGL 2008)*. Pp. 18-25.
201. Bentin, Carmel 2002 – *S. Bentin, D. Carmel*. Accounts for the N170 face-effect: a reply to Rossion, Curran, & Gauthier // *Cognition* 85, 2002. Pp. 197–202.
202. Boguslavsky, Iomdin, Tsinman, Sizov, Petrochenskov 2011 – *I. Boguslavsky, L. Iomdin, L. Tsinman, V. Sizov, V. Petrochenkov*. Rule-Based Dependency Parser Refined by Empirical and Corpus Statistics. // *International Conference on Dependency Linguistics. exploring dependency grammar, semantics, and the lexicon*. Kim Gerdes, Eva Hajicova, Leo Wanner (eds). Depling 2011, Barcelona, September 5-7 2011. <http://depling.org/proceedingsDepling2011>.
203. Boym 1994 – *S. Boym*. Common places: Mythologies of everyday life in Russia. Cambridge, 1994.

204. Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 – *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
205. Calder et al. 2001 – *A.J. Calder, A.J. Lawrence, A.W. Young*. Neuropsychology of fear and loathing // *Neuroscience*. 2001. V. 2.
206. Chomsky 1995 — *N. Chomsky*. The Minimalist Program. Cambridge, Mass., 1995.
207. Clanton, Smith 1977 – *G. Clanton, L.G. Smith* (eds.). Jealousy. Englewood Cliffs (N. J.), 1977.
208. Cocchini et al. 2001 – *G. Cocchini, N. Beschin, M. Jehkonen*. The fluff test: A simple test to assess body representation neglect // *Neuropsychological rehabilitation*. 2001. 11(1).
209. Comrie 1976 – *B. Comrie*. The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences. In *Syntax and Semantics 6: The Grammar of Causative Constructions*, ed. Masayoshi Shibatani, 261–312. New York: Academic Press. 1976.
210. Crevels 2000 — *E. I. Crevels*. Concession: a typological study (dissertation). Amsterdam Center for Language and Communication, Faculteit der Geesteswetenschappen. Amsterdam, 2000.
211. Croft 1986 – *W. Croft*. Surface subject choice of mental verbs. Paper presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America, New York.
212. Davidson 1967 – *D. Davidson*. Truth and Meaning // *Synthese*, 17, 1967.
213. Day 1996 – *S.A. Day*. Synaesthesia and synaesthetic metaphors // *Psyche*. 1996. V. 2. № 32. <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>
214. de Vries 2007 — *M. de Vries*. Invisible Constituents? Parentheses as B-Merged Adverbial Phrases. In *Phrases* // *N. Dehé, Y. Kavalova* (eds.). *Parentheticals*. Amsterdam, 2007. P. 203–234.
215. Dowty 1979 – *D. Dowty*. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel. 1979.
216. Dowty 1991 – *D. Dowty*. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*, Vol. 67, No. 3, 1991. pp. 547-619.

217. Ekman 1984 – *P. Ekman*. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion. Hillsdale (N. J.), 1984.
218. Ekman 1999 – *P. Ekman*. Basic emotions // T. Dalgleish, M. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999.
219. Emanatian 1995 – *M. Emanatian*. Metaphor and the expression of emotion: The value of cross-cultural perspectives // Metaphor and symbolic activity. 1995. 10(3).
220. Espinal, Mateu 2007 — *T. Espinal, J. Mateu*. Argument Structure and Compositionality in Idiomatic Constructions // The Linguistic Review. 2007. V. 24. №1. P. 33–59.
221. Fellbaum, Rappoport 2013 – *C. Fellbaum, T. Rapoport*. An information-structure account of instrument-subject constructions // in: Meaning Text Theory: recent developments / Науч. ред.: V. Апресян, B. Iomdin. Sonderband 85. Muenchen: Wiener Slawistischer Almanach, 2013. No. 2.1. p. 62-71.
222. Fillmore 1968 – *C. Fillmore*. The Case for Case. In Bach and Harms (Ed.): Universals in Linguistic Theory. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. 1-88.
223. Fillmore 1976 – *C. Fillmore*. Frame semantics and the nature of language. In Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. 1976. Volume 280: 20-32.
224. Fillmore et al. 1988 – *C. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor*. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *let alone*. Language. 502 (64, 3). 1988. Pp. 501-538.
225. Fretheim 2008 – *T. Fretheim*. Reference to the near past by means of the Norwegian “spatial” term ‘her’ (here). Unpublished paper presented at Space and Time across Languages, Disciplines and Cultures conference, Cambridge, UK. April 2008.
226. Gallese 2001 – *V. Gallese*. The «shared manifold» hypothesis: from mirror neurons to empathy // Journal of consciousness studies. 2001. V. 8. № 5–7.
227. Gallup, Cameron 1992 – *G.G. Gallup, P.A. Cameron*. Modality specific metaphors: Is our mental machinery «colored» by a visual bias? // Metaphor and symbolic activity. 1992. 7.
228. Gledhill 2000 – *C. Gledhill*. Collocations in Science Writing. Narr, Tübingen, 2000.

229. Goddard, Wierzbicka 2013 – *C. Goddard, A. Wierzbicka*. Men, women and children: the semantics of basic social categories // In C. Goddard and A. Wierzbicka. *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press, 2013. pp. 22-54.
230. Goldberg 1995 — *A. Goldberg*. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
231. Goldberg 2006 — *A. Goldberg*. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford, 2006.
232. Goodenough 1956 – *W.H. Goodenough*. Componential analysis and the study of meaning. *Language* 32(1), 1956. Pp. 195-216.
233. Grammaire 1936 — *Grammaire Larousse de XXe Siècle*. Paris, 1936.
234. Grevisse 1969 — *M. Grevisse*. *Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui*. Paris, 1969.
235. Gries, Stefanovitsch 2004 – *S. Gries, A. Stefanowitsch*. Extending colostruational analysis: A corpus-based perspectives on 'alternations'. *International Journal of Corpus Linguistics* 2004. 9.1. pp. 97-129.
236. Guariglia, Antonucci 1992 – *C. Guariglia, G. Antonucci*. Personal and extrapersonal space: a case of neglect dissociation // *Neuropsychologia*. 1992. 30(11).
237. Halliday 1966 — *M. Halliday*. Lexis as a linguistic level // C. Bazell, J. Catford, M. Halliday, R. Robins (eds.). *In memory of J. R. Firth*. London, 1966. P. 148–162.
238. Halligan, Marshall 1991 – *P.W. Halligan, J.C. Marshall*. Left neglect for near but not far space in man // *Nature*. 1991. 350.
239. Harkins, Wierzbicka 2001 – *J. Harkins, A. Wierzbicka*. *Emotions in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
240. Haspelmath et al. 2001 — *M. Haspelmath, E. König, W. Österreicher, W. Raible* (eds.). *Language Typology and Language Universals Sprachtypologie und sprachliche Universalien / La typologie des langues et les universaux linguistiques. An International Handbook / Ein internationale Handbuch / Manuel international*. Berlin, 2001.
241. Haspelmath, König 1998 — *M. Haspelmath, E. König*. Concessive conditionals in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology/EUROTYP, 20–3.)* Berlin, 1998. P. 563–640.

242. Hjelmslev 1961 – *L. Hjelmslev*. Prolegomena to a Theory of Language. [2nd ed., trans. Francis J. Whitfield]. Madison/London: University of Wisconsin Press. 1967. [first published in Danish in 1943; first English translation published 1953, as IJAL Memoir 7].
243. Iomdin, Petrochenkov, Sizov, Tsinman 2012 – *L. Iomdin, V. Petrochenkov, V. Sizov, L. Tsinman*. ETAP parser: state of the art. // Dialog 2012. Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International Conference. Moscow, RGGU Publishers, Issue 11(18). P. 830-843.
244. Iordanskaja et al. 1996 – *L. Iordanskaja, S. Paperno, R.L. Leed*. A Russian-English collocational dictionary of the human body. Columbus; Ohio, 1996.
245. Iordanskaja, Mel'čuk 1990 – *L. Iordanskaja, I. Mel'čuk*. Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* «to be afraid» and *nadejat'sja* «to hope» // Australian Journal of Linguistics, 1990. Vol.10, №2, 307-357.
246. Iten 1998 — *C. Iten*. *Because* and *although*: a case of duality? // V. Rouchota, A. H. Jucker (eds.). Current Issues in Relevance Theory. Amsterdam, 1998. P. 59–80.
247. Izard 1991 – *C.E. Izard*. The psychology of emotions. New York: Plenum Press, 1999.
248. Jabbi et al. 2007 – *M. Jabbi, M. Swart, C. Keysers*. Empathy for positive and negative emotions in the gustatory cortex // NeuroImage. 2004. № 34.
249. Jackendoff 1997 — *R. Jackendoff*. Twistin' the Night Away // Language. V. 67. P. 534–559.
250. Kahneman et al. 1982 — *D. Kahneman, A. Tversky, P. Slovic*. Judgment under Uncertainty: Heuristics & Biases. Cambridge, 1982.
251. Katz, Fodor 1963 – *J.J. Katz, J.A. Fodor*. The structure of a Semantic Theory, Language 1963, 39. Pp. 170-210.
252. Klein, Kutscher 2002 – *K. Klein, S. Kutscher*. Psych-verbs and Lexical Economy // Working papers “Theorie des Lexikons”, 122. 2002.
253. König 1986 — *E. König*. Conditionals, Concessive Conditionals and Concessives: Areas of contrast, overlap and neutralization // E. G. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, C. A. Ferguson (eds.). On Conditionals. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1986.
254. König 1991 — *E. König*. Concessive Relations as the Dual of Causal Relations // D. Zafferer (ed.). Semantic Universals & Universal Semantics Berlin; New-York, 1991.

P. 190–209.

255. Konstan 2006 – *D. Konstan*. The emotions of the ancient Greeks. Studies in Aristotle and classical literature. Toronto, 2006.

256. Kortmann 1991 — *B. Kortmann*. Free Adjuncts and Absolutes in English: Problems of Control and Interpretation. London; New York, 1991.

257. Kövecses 1990 – *Z. Kövecses*. Emotion concepts. Frankfurt-am-Main, 1990.

258. Kövecses 2000 – *Z. Kövecses*. Metaphor and emotion. Cambridge University Press, 2000.

259. Krawczak 2014 – *K. Krawczak*. Shame and its Near-Synonyms in English: a Multivariate Corpus-driven Approach to Social Emotions. // *Les Émotions dans le discours*. Peter Lang, Frankfurt am Main, 2014. 83-92.

260. Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. London, 1987.

261. Lakoff, Johnson, 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.

262. Langacker 1987 – *R.W. Langacker*. Foundations of Cognitive Grammar, Volume I, Theoretical Prerequisites. Stanford, California: Stanford University Press, 1987.

263. LeDoux 1996 – *J. LeDoux*. The emotional brain. New York, 1996.

264. Leech 1983 – *G. Leech*. Principles of Pragmatics. London, 1983.

265. Levontina, Zalizniak 2001 – *I. Levontina, Anna Zalizniak*. Human emotions viewed through Russian language // J. Harkins, A. Wierzbicka (eds.). Emotions in cross-linguistic perspective. Berlin, 2001.

266. Lubensky 2004 — *S. Lubensky*. Random House Russian-English Dictionary of Idioms. New York, 2004.

267. MacDaniel 1996 – *T. MacDaniel*. The agony of the Russian idea. Princeton, 1996.

268. Makkai 1972 — *A. Makkai*. Idiom Structure in English. The Hague, 1972.

269. McCawley 1972 – *J. D. McCawley*. Syntactic and Logical Arguments for Semantic Structures. Mimeograph, Reproduced by Indiana University Linguistics Club. 1972.

270. McDonald, Leary 2005 – *G. McDonald, M.R. Leary*. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain // *Psychological Bulletin*. 2005. V. 131. № 2.

271. McGinnis 2002 — *M. McGinnis*. On the Systematic Aspect of Idioms // *Linguistic Inquiry*. 2002. V. 33. №4. P. 665–672.
272. Mel'čuk 1995a — *I. Mel'čuk*. Phrasemes in Language and Phraseology in *Linguistics* // M. Everaert, E J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale, New Jersey; Hove, UK, 1995. P. 167–232.
273. Mel'čuk 1995b – *I. Mel'čuk*. 1995. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // *The Russian Language in the Meaning-Text Perspective*. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39. Moskau; Wien, 1995.
274. Mel'čuk et al. 1981 — *I. A. Mel'čuk, L. N. Iordanskaja, N. Arbatchewsky-Jumarie*. Un nouveau type de dictionnaire. *Cahiers de lexicologie*. 1981. V. 38. № 1. P. 3–34.
275. Mel'čuk et al. 1984 – *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain : Recherches lexico-sémantiques I, Montréal: Presses de l'Université de Montréal, 1984.
276. Mel'čuk, Wanner 1996 – *I. Mel'čuk, L. Wanner*. Lexical functions and lexical inheritance for emotion lexemes in German // L. Wanner (ed.). *Lexical functions in lexicography and natural language processing*. Amsterdam, 1996.
277. Montague 1974 – *R. Montague*. Universal grammar. *Theoria* 36 (1970), 373–398. (reprinted in Thomason, 1974).
278. Moon 1998 — *R. Moon*. *Fixed Expressions and Idioms in English: A corpus-based approach*. Oxford, 1998.
279. Morel 1996 — *M.-A. Morel*. *La Concession en Français*. Editions Ophrys, 1996.
280. Nunberg et al. 1994 — G. Nunberg, I. Sag, T. Wasow. *Idioms* // *Language*. 1994. V. 70. P. 491–538.
281. Oatley, Johnson-Laird 1987 – *K. Oatley, P.N. Johnson-Laird*. Towards a cognitive theory of emotions // *Cognition and Emotion*. 1987. № 1.
282. Öhman et al. 2001 – *A. Öhman, A. Flykt, A., F. Esteves*. Emotion drives attention: Detecting the snake in the grass // *Journal of experimental psychology*. 2001. 130.
283. Ovsjannikova 2013 – *M. Ovsjannikova*. Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: verbs of anger and beyond. *Russian Linguistics* 37(1). 2013.
284. Oxford Latin Dictionary — *Oxford Latin Dictionary* / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1982.

285. Paillard 1992 — *D. Paillard. Vse-taki et vse že: une question de point de vue // Linguistique et slavistique. Mélanges offerts a Paul Garde. Paris, 1992. P. 495–508.*
286. Partee 2004 – *B. Partee. Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.*
287. Pearn et al. 1998 – *M.A. Pearn, C. Mulrooney, T. Payne. Ending the blame culture. Gower, 1998.*
288. Peele, Brodsky 1974 – *S. Peele, A. Brodsky. Love can be an addiction: Interpersonal heroin // Psychology today. 1974. August issue.*
289. Pesetsky 1994 – *D. Pesetsky. Zero Syntax. MIT Press, 1994.*
290. Phillips et al. 1997 – *M.L. Phillips, A.W. Young, C. Senior, M. Brammer, C. Andrew, A.J. Calder, E.T. Bullmore, D.I. Perrett, D. Rowland, S.C.R. Williams, J.A. Gray, A.S. David. Aspecific neural substrate for perceiving facial expressions of disgust // Nature. 1997. V. 389.*
291. Pierens 2014 – *M. Pierens. Contrôle et répression des émotions (peur, colère): étude diachronique dans le corpus Frantext (1500-2000). // Les Émotions dans le discours. Peter Lang, Frankfurt am Main, 2014. 409-422.*
292. Popova 2005 – *Y. Popova. Image schemas and verbal synaesthesia // From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics. Berlin, 2005.*
293. Pylkkänen 2000 – *L. Pylkkänen. On stativity and causation. In Events as Grammatical Objects, eds. Carol Tenny, and James Pustejovsky, 417–445. Stanford: CSLI Publications. 2000.*
294. Quirk et al. 1982 — *R. Quirk, S. Greenbaum, J. Leech, J. Svartvik. A University Grammar of English / Edited and abbreviated by I. P. Verkhovskaya. Moscow, 1982.*
295. Radden 2003 – *G. Radden. The metaphor TIME AS SPACE across languages. In C.B.N. Baumgarten, M. Motz and J. Probst (ed.), Uebersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung: Das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift fuer Juliane House zum 60. Geburtstag. Vol. Zeitschrift fuer Interkulturellen Fremdsprachenunterricht 8 (2/3): 226-239. 2003.*
296. Ramachandran, Hubbard 2001 – *V.S. Ramachandran, E.M. Hubbard. Synaesthesia – a window into perception, thought and language // Journal of consciousness studies. 2001. 8.*

297. Rancour-Laferriere 1995 – *D. Rancour-Laferriere*. The slave soul of Russia: moral masochism and the cult of suffering. New York, 1995.
298. Reinhart 2002 – *T. Reinhart*. The Theta System: An Overview // *Theoretical Linguistics* 28(3), 2002. p. 229-290.
299. Robertson 2004 – *L.C. Robertson*. Space objects, minds and brains. New York, 2004.
300. Rosch 1973 – *E.H. Rosch*. Natural categories, *Cognitive Psychology* 1973, 4. Pp. 328-350.
301. Rougemont 1956 – *D. de Rougemont*. Love in the western world. Princeton, 1956.
302. Rozin, Nemeroff 2007 — *P. Rozin, C. Nemeroff*. Sympathetic Magical Thinking: The Contagion and Similarity «Heuristics» // T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (eds.). *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. New York, 2007.
303. Rudolph 1996 — *E. Rudolph*. Contrast. Adversative and Concessive Relations and their Expressions in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level. Berlin; New York, 1996.
304. Schneider 2009 – *D. Schneider*. American Kin Terms and Terms for Kinsmen: A Critique of Goodenough's Componential Analysis of Yankee Kinship Terminology // *American Anthropologist*. 2009. Volume 67, Issue 5. Pp. 288-308.
305. Sinclair 1991 – *J. Sinclair*. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford University Press. 1991.
306. Singer et al. 2004 – *T. Singer, B. Seymour, J. O'Doherty, H. Kaube, R. Dolan, C. Frith*. Empathy for pain involves the affective but not sensory components of pain // *Science*. 2004. V. 303. issue 5661.
307. Smadja, McKeown 1990 — *F. A. Smadja, K. R. McKeown*. Automatically extracting and representing collocations for language generation // *ACL '90 Proceedings of the 28th annual meeting on Association for Computational Linguistics*. Pittsburgh, PA, 1990. P. 252–259.
308. Solomon 2004 – *R. Solomon*. In defense of sentimentality. Oxford, 2004.
309. Sprengelmeyer et al. 1996 – *R. Sprengelmeyer, A.W. Young, A.J. Calder, A. Karnat, H. Lange, V. Hömberg, et al.* Loss of disgust. Perception of faces and emotions in Huntington's disease // *Brain*. 1996. 119.

310. Stefanowitsch, Gries 2003 – *A. Stefanowitsch, S. Gries*. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions // *International journal of corpus linguistics*. 2003. 8(2).
311. Stets, Turner 2008 – *J.E. Stets, J.H. Turner*. Handbook of the sociology of emotions. New York, 2008.
312. Talmy 2000 – *L. Talmy*. Toward a cognitive semantics. Cambridge, MA, MIT Press, 2000.
313. Talmy 2000 – *L. Talmy*. Figure and Ground in Language// Leonard Talmy. Toward a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: MIT Press 2000. Pp. 311-343
314. Talmy 2000 – *L. Talmy*. The semantics of causation // Toward a Cognitive Semantics. vol. 1. L. Talmy. The MIT Press. 2000.
315. Tan et al. 2008 – *L.H. Tan, A.H.D. Chan, P. Kay, P.-L. Khong, L.K.C. Yip, K.-K. Luke*. Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision // *The Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. V. 105. № 10.
316. Tarski 1944 – *A. Tarski*. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1944. 4.
317. Verhoeven 2010 – *E. Verhoeven*. Agentivity and stativity in experience verbs: implications for a typology of verb classes, in: *Linguistic Typology* 14:213-251.
318. Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. Semantic Primitives. 1972.
319. Wierzbicka 1980 – *A. Wierzbicka*. The Case for Surface Case. 1980.
320. Wierzbicka 1985 – *A. Wierzbicka*. Lexicography and Conceptual Analysis. 1985.
321. Wierzbicka 1987 — *A. Wierzbicka*. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney, Orlando etc., 1987.
322. Wierzbicka 1988 – *A. Wierzbicka*. The Semantics of Grammar. 1988.
323. Wierzbicka 1990 – *A. Wierzbicka*. Dusa 'soul', toska 'yearning', sud'ba 'fate': three key concepts in Russian language and Russian culture. In: *Metody formalne v opisie jezykow slowianskix*, ed. Zygmunt Saloni. Dzial Wydawnictw Filii UW w Bialymstoku, 1990. pp. 13-32.
324. Wierzbicka 1990 – *A. Wierzbicka*. Dusa 'soul', toska 'yearning', sud'ba 'fate': three key concepts in Russian language and Russian culture // *Z. Saloni (ed.)*. *Metody*

formalne v opisie języków słowiańskich. Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1990.

325. Wierzbicka 1991 – *A. Wierzbicka*. Cross-cultural pragmatics: the semantics of social interaction. Berlin, 1991.

326. Wierzbicka 1994 – *A. Wierzbicka*. 'Cultural scripts': a semantic approach to cultural analysis and cross-cultural communication. *Pragmatics and Language Learning*, vol. 5. 1994.

327. Wierzbicka 1999 – *A. Wierzbicka*. Emotions across languages and cultures. Cambridge, 1999.

328. Wierzbicka 2001 – *A. Wierzbicka*. Introduction // J. Harkins, A. Wierzbicka (eds.). Emotions in cross-linguistic perspective. Berlin, 2001.

329. Wierzbicka 2006 – *A. Wierzbicka*. Anglo scripts against «putting pressure» on other people and their linguistic manifestations // *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin, 2001.

330. Wierzbicka Anna 1992 – *A. Wierzbicka*. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford, 1992.

331. Wierzbicka Anna, 1997 – *A. Wierzbicka*. Understanding cultures through their key words. Oxford, 1997.

332. Wierzbicka 1996 — *A. Wierzbicka*. Semantics: Primes and Universals. Oxford, 1996.

333. Winawer et al. 2007 – *J. Winawer, N. Witthoft, M.C. Frank, L. Wu, A.R. Wade, L. Boroditsky*. Russian blues reveal effects of language on color discrimination // *The proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. V. 104. № 19.

334. Zeki et al. 1991 – *S. Zeki, J.D. Watson, C.J. Lueck, K. J. Friston, C. Kennard, R.S. Frackowiak*. A direct demonstration of functional specialization in human visual cortex // *J. Neurosci*. March 11(3), 1991. Pp. 641-649.